

**ОСНОВЫ
ПЛАНОВОЙ
ЭКОНОМИКИ
1926-1929**

Том 1(2)

Э. КАРР

ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ

10

ОСНОВЫ
ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ
1926—1929

Том I

Часть 2

E. CARR
A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

10

**FOUNDATIONS
OF A PLANNED ECONOMY
1926—1929**

Volume one

Part two

London
Macmillan
1969

*На правах рукописи
Для служебного пользования*

1

№ _____

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

10

ОСНОВЫ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ 1926 — 1929

Том I

Часть 2

Перевод с английского

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1989

«ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ» Э. КАРРА

включает в себя 14 книг

(4 работы):

Книга первая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 1

Книга вторая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 2

Книга третья: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 3

Книга четвертая: «Междоусобица. 1923—1924».

Книга пятая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 1

Книга шестая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 2

Книга седьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 1

Книга восьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 2

Книга девятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 1

Книга десятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 2

Книга одиннадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 2

Книга двенадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 1

Книга тринадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 2

Книга четырнадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 3

Редактор **В. А. СПИЧКИН**

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

В. РАБОЧАЯ СИЛА

Глава 17. РАБОЧАЯ СИЛА	7
а) Рабочие в промышленности, строительстве и на транспорте	7
б) Проблема привлечения женщин к наемному труду	18
в) Рабочая молодежь и труд подростков	20
г) Государственные служащие	26
Глава 18. БОРЬБА ЗА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА	28
Глава 19. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА	52
Глава 20. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ	70
а) Организационная структура и политика	70
б) Производственно-трудовые споры и конфликты	83
в) Производственные совещания	87
Глава 21. СПЕЦИАЛИСТЫ	90
Глава 22. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	112
а) Социальное страхование	112
б) Охрана труда	115
в) Жилищные условия	117

Г. ТОРГОВЛЯ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Глава 23. РЫНОК И ПЛАН	125
Глава 24. ОБОБЩЕСТВЛЕННЫЙ СЕКТОР	132
а) Синдикаты	133
б) Торги	142
в) Потребительские кооперативы	145
Глава 25. ЧАСТНЫЙ СЕКТОР	152
Глава 26. КОНТРОЛЬ НАД ЦЕНАМИ	160

<i>Глава 27.</i>	ПОТРЕБЛЕНИЕ И НОРМИРОВАНИЕ	177
<i>Глава 28.</i>	ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ	183

Д. ФИНАНСЫ

<i>Глава 29.</i>	ФИНАНСЫ И ПЛАНИРОВАНИЕ	193
<i>Глава 30.</i>	ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ	207
а)	Расходы	207
б)	Доходы	211
<i>Глава 31.</i>	КРЕДИТ, ДЕНЬГИ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО	227

Е. ПЛАНИРОВАНИЕ

<i>Глава 32.</i>	ПРИНЦИПЫ ПЛАНИРОВАНИЯ	237
<i>Глава 33.</i>	ОРГАНЫ ПЛАНИРОВАНИЯ	248
<i>Глава 34.</i>	КОНТРОЛЬНЫЕ ЦИФРЫ	253
<i>Глава 35.</i>	ОПЕРАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ	264
<i>Глава 36.</i>	ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН	274
<i>Глава 37.</i>	ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН	278
а)	«Гипотеза» ОСВОК (1926 г.)	279
б)	Первый госплановский проект (1926 г.)	284
в)	Вторые проекты Госплана и ВСНХ (весна 1927 г.)	286
г)	Третьи проекты пятилетних планов Госплана и ВСНХ (осень 1927 г.)	293
д)	План обретает свой облик (январь 1928—февраль 1929 г.)	300
е)	Принятие плана (март—май 1929 г.)	310
<i>Глава 38.</i>	ВАЖНЕЙШИЕ ПРОЕКТЫ	318
<i>Приложение А.</i>	Производство зерна на рынок и хлебозаготовки	330
<i>Приложение Б.</i>	Ленинский кооперативный план	334
<i>Приложение В.</i>	Переселение и освоение земель	339
<i>Приложение Г.</i>	Промышленная статистика	346
<i>Приложение Д.</i>	Профсоюзы и частные предприятия	349
<i>Таблицы</i>		351
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>		392

В. РАБОЧАЯ СИЛА

ГЛАВА 17

РАБОЧАЯ СИЛА

а) Рабочие в промышленности, строительстве и на транспорте

В период между 1926 и 1929 гг. в Советском Союзе наблюдался внешне парадоксальный феномен одновременного роста числа как занятых, так и безработных. В то время как число занятых в сельском хозяйстве (исключая, естественно, массу крестьян, для которых заработная плата не была основным источником существования) оставалось неизменным, число рабочих в переписных отраслях промышленности возросло на 23%, а число строительных рабочих более чем удвоилось¹. Резервом, питавшим эту растущую массу рабочей силы, был избыток сельского населения. Российская промышленность никогда не рвала полностью свои связи с деревней, а сезонная занятость крестьян в городах была весьма знакомым явлением и до революции². В середине 20-х годов XX века, когда в деревне вновь почувствовалось давление растущей численности населения, а в городах, особенно в строительстве, стали появляться во все возрастающих масштабах возможности временного трудоустройства, возобновился сезонный отход крестьян в города. Эта миграция вначале и по своему характеру была сезонной: мигранты возвращались для оказания помощи при уборке урожая или же при ухудшении спроса на рабочую силу в городах³. Однако сезонная работа иногда становилась постоянной, и у статистиков возникали трудности в отграничении одного от другого. Отмечалось, что за три года, в период с 1923—1924 гг. до 1925—1926 гг., в городах осело около миллиона крестьян⁴. Впоследствии по мере нарастания темпов индустриализации приливно-отливный характер процесса изменился и он превратился в мощный односторонний поток. Число постоянно занятых мигрантов из деревни в город составило 945 тыс. чел. в 1926 г., 1062 тыс. в 1928 г. и 1392 тыс. в 1929 г.⁵ Численность сельского населения продолжала расти, а городское население, усиленное постоянным притоком рабочей силы из деревни, росло еще быстрее⁶. Независимо от методики счета это привело к крупномасштабному перемещению населения и явилось решающим фактором в процессе индустриализации. Составители первого пя-

тилетнего плана исходили в 1928 г. из допущения о том, что пиковая точка переселения уже достигнута; прогнозируя прирост числа занятых с 11,4 до 14,8 млн. чел. (базовый вариант) или 15,8 млн чел. (оптимальный вариант) в ходе реализации плана, они рассчитывали, что это составит 6% годового прироста в сравнении с показателем 11—12% в год в течение предшествующих пяти лет⁷. Начиная с 1929 г. и далее пониженная рождаемость в годы войны и революции должна была проявиться в снижении темпов увеличения массы рабочей силы⁸. Так или иначе, неисчерпаемые резервы рабочей силы в российской деревне сделали этот фактор малозначимым.

По большей части это была уже новая рабочая сила. Ядро промышленных рабочих, выживших с предреволюционных времен, было ликвидировано и рассредоточено в ходе гражданской войны и никогда уже больше не восстановилось⁹. Из общего числа занятых в 1929 г. среди горняков лиц крестьянского происхождения было 61,6%, среди металлистов — 40, среди текстильщиков — 36,1%¹⁰. Доля промышленных рабочих, сохранивших землевладения, в период 1905—1925 гг. неуклонно снижалась, хотя и не очень резко, а затем вновь начала расти по мере притока новых рабочих из деревни. Среди рабочих, поступивших на шахты Донбасса в период 1926—1929 гг., в 1929 г. все еще сохраняли землевладения 37,4%, среди рабочих-металлистов, принятых на работу в промышленность в Москве и на Украине в тот же период, — 28,4 и 27,3% соответственно; в других отраслях процент был ниже¹¹. Среди рабочих — членов партии 10,7% сохраняли связи с деревней; эта доля была наивысшей среди строительных рабочих и наинизшей среди квалифицированных заводских рабочих¹². При этом крестьяне и члены крестьянских семей повсеместно составляли важный элемент массы неквалифицированной рабочей силы на шахтах, заводах и в строительстве. Из общего числа рабочих, направленных на постоянные рабочие места биржами труда в РСФСР в 1926 г., 34% были из деревни¹³. Приток нового пополнения ввел определенный раздел между двумя категориями рабочих. Наблюдатель на одном из заводов «Югостали» отмечал, что в то время, как один рабочий мог быть истинным членом «заводского пролетариата», другой мог быть одновременно сельским нанимателем рабочей силы, переехавшим в город из деревни. «Два таких рабочих, даже работая бок о бок на одном и том же предприятии, со всей определенностью оказываются носителями и представителями двух разных социальных групп»; и такие условия вносят «нездоровое отношение в ряды рабочего класса»¹⁴. В минуту откровения Бухарин говорил «об определенной дифференциации в самом рабочем классе»¹⁵.

На протяжении этого периода продолжало усугубляться сопутствующее явление — рост безработицы. Ниже приводится число безработных, зарегистрированных на биржах труда, по данным Наркомтруда (в тыс. чел.):

	Всего	Члены профсоюзов	Нечлены профсоюзов
1925—1926 гг.	1017,2	485,0	532
1926—1927 гг.	1241,5	686,6	555
1927—1928 гг.	1289,8	866,7	423 ¹⁶

Эти цифры занижают как абсолютное число безработных, так и рост безработицы. Статистика бирж труда страдает серьезной неполнотой; в некоторых районах биржи едва ли существовали. Начиная с 1926—1927 гг. и в дальнейшем регистрация определенных категорий безработных, особенно мигрантов из деревни, была преднамеренно ограничена. В марте 1927 г. для обуздания притока крестьян на рынок труда был принят закон, ограничивавший регистрацию на биржах труда только «действительно безработных», определяемых как лица, которые могли бы доказать свою предшествовавшую незанятость в течение определенного периода времени, вместе с детьми рабочих и наемными рабочими¹⁷. Из общего числа зарегистрированных безработных лишь менее трети не имели прежде оплачиваемой работы¹⁸. Цифры, приводимые профсоюзами в отношении числа их безработных членов, всегда были выше цифр Наркомтруда по общей численности безработных; так, по состоянию на 1 января 1927 г. насчитывалось 1667 тыс. безработных членов профсоюзов. Их доля была наивысшей среди рабочих водного транспорта (44%), строителей (37,9%), рабочих сахарной промышленности (32,4%), рабочих сельского хозяйства (27,1%) и рабочих пищевой промышленности (25,7%); все эти группы в большей или меньшей степени имеют сезонную работу. С другой стороны, среди рабочих-металлистов было только 9,4% безработных, среди горняков — лишь 6,7 и среди текстильщиков — лишь 5,7%. Общая доля безработных среди всех членов профсоюзов составляла 17,3%¹⁹. Однако никакие цифры не отражают полностью число искавших работу, вновь прибывших из деревни. На XV конференции ВКП(б) в октябре 1926 г. Томский говорил о «сотнях тысяч» крестьян, привлеченных в города на короткий строительный сезон и зарегистрированных там в качестве безработных на остающийся год²⁰; в том же месяце ВЦСПС выпустил инструкцию, согласно которой в профсоюзы могли приниматься только те, кто уже трудился за заработную плату²¹. Особенно беспокоила чрезвычайно высокая доля безработных среди лиц более молодых возрастных групп; в 1928 г. 43,6% всех зарегистрированных безработных приходилось на возрастную группу 18—24 года и 30,8% — на группу 24—29 лет²². Парадоксальность этой ситуации отмечалась довольно часто: «Среди безработных весьма значительный удельный вес имеют молодые, наиболее работоспо-

собные возрасты, тогда как среди занятых рабочих значительный удельный вес имеют рабочие пожилых возрастов»²³.

На протяжении рассматриваемого периода руководство страны было крайне озабочено усилением безработицы. На июльском (1926 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) Г. Л. Пятаков указал, что «безработица есть показатель отсутствия равновесия во всем народном хозяйстве», и заявил, что это опровергает положение о том, что для экономики характерна «бескризисность»²⁴. В течение последующих восемнадцати месяцев оппозиция эксплуатировала эту тему. И. Т. Смилга писал, что безработица весьма опасное явление, поскольку «недовольство безработных связывает недовольство деревни с недовольством города»²⁵. Принятая после продолжительной дискуссии 29 сентября 1926 г. резолюция президиума ВЦСПС мало продвинулась дальше простого признания в беспомощности²⁶. На XV конференции ВКП(б) М. П. Томский в довольно выразительной форме отнес безработицу на счет двух причин — перенаселенности на селе и сезонного характера случайной занятости в городах. Как он отмечал, в Англии строитель работает весь год, тогда как в СССР — лишь в летние месяцы²⁷. Спустя несколько недель на съезде профсоюзов он же добавил, что зимой «десятки миллионов людей страдают безработицей»; после окончания летних работ «ложатся на печку и лежат». Было бы опасным считать, что это «сельскохозяйственная безработица»²⁸. С. Г. Струмилин однажды отметил, что безработного рабочего от бедного крестьянина отличает лишь то, что последний не зарегистрирован на бирже труда и имеет крошечный надел земли²⁹. Ко всему прочему именно бедное крестьянство составляло резервную армию труда. Такая трактовка проблемы позволила профсоюзам сконцентрировать внимание практически исключительно на безработице в тяжелой промышленности, горнодобывающей и других отраслях, где были сильны старые профсоюзные традиции и где занятость носила регулярный характер; в других отраслях народного хозяйства безработица была случайным и сезонным явлением, корректировать которое в тогдашних условиях было невозможно³⁰. Н. И. Бухарин, точка зрения которого была более гуманной, хотя, возможно, и менее практичной, чем у профсоюзов, говорил в январе 1927 г. об «армии безработных» и отказывался забывать, «что у нас огромная масса безработных, что многие рабочие не имеют крыши над головой»³¹; а С. М. Киров отметил, что «громадной болячкой на нашем хозяйственном организме является безработица»³². Один из комментаторов писал в то время: «Мы не должны спешить с выбрасыванием из деревни тех, которых мы не можем устроить на фабриках»³³. В попытке сформировать механизм, регулирующий отток крестьян в города в качестве сезонных рабочих, и обеспечить информацию о состоянии на рынке труда 29 июня 1927 г. был принят специальный закон³⁴. Один из иностранцев, оказавшийся в это время в стране, был свидетелем беспорядков на Рязанском вокзале, когда милиция пыта-

лась отправить обратно в деревню «сельских жителей, прибывших в Москву в тщетных поисках работы»³⁵.

Тем не менее, какие бы ни предпринимались попытки оправдать явление массовой безработицы и обесценить ее экономическое значение, было невозможно отрицать или игнорировать существование крупномасштабной безработицы даже среди промышленных рабочих. Среди методов, призванных смягчить бедственное положение, вначале пытались прибегнуть к общественным работам, главным образом в строительстве, которое могло бы легко поглотить неквалифицированных рабочих. Однако это потребовало слишком крупных капиталовложений, и постепенно от такого решения отказались³⁶. Более популярными оказались «коллективы» безработных рабочих; сюда включались производственные, торговые и трудовые коллективы, причем первые два типа состояли из ремесленников, занятых изготовлением и сбытом простых изделий, производимых либо для других отраслей промышленности, либо для продажи на рынке, тогда как третья категория представляла собой группы неквалифицированных рабочих, организованных в артели для коллективного найма. В 1928 г. таким путем нашли работу свыше 130 тыс. безработных³⁷. Прямая помощь безработным в виде бесплатного питания и квартирования была испробована лишь в весьма ограниченном масштабе и вскоре была аннулирована, после чего ею занимались лишь местные власти и добровольные организации³⁸. Фонд социального страхования охватывал только небольшую долю незанятых, да и то выплаты были недостаточными³⁹.

Все это в лучшем случае было лишь слабым средством, значительно снимавшим остроту проблемы. Существенной, хотя и отдаленной задачей было обеспечение регулярной занятости в результате процессов, происходящих на «рынке труда» (этот термин был все еще в употреблении в то время). Биржи труда оставались основными правительственными агентствами для решения проблемы безработицы. После 1923 г. руководителям хозяйственных организаций удалось прорвать законодательно установленную монополию на наем рабочей силы, предоставленную биржам в соответствии с кодексом законов о труде 1922 года; в январе 1925 г. они были формально ликвидированы⁴⁰. Однако этому изменению, предоставлявшему руководству предприятий неограниченное законодательное право найма и увольнения, всегда противодействовали профсоюзы. Теперь, когда в народное хозяйство был введен принцип планирования, появился новый довод в пользу бирж труда, которые были правительственными агентствами, призванными регулировать и перераспределять рабочую силу. Всеукраинская партийная конференция в октябре 1926 г. обвинила профсоюзы в том, что они закрывают глаза на наем рабочих прямо «у заводских ворот» — практику, которая «делает невозможным регулирование рынка труда в городах»⁴¹, а XV конференция ВКП(б), состоявшаяся вскоре, осудила «протекционизм и кумов-

ство» при найме и увольнении рабочих⁴². На XII съезде профсоюзов СССР Наркомтруда В. В. Шмидт отказался от требования обязательного найма рабочей силы через биржи, но предложил, чтобы коллективные договоры содержали пункт, обязывающий хозяйственные органы нанимать таким путем 90% их рабочей силы. Хотя Шмидт призывал к приданию «планового характера» найму рабочей силы, основным мотивирующим фактором, скорее всего, была защита членов профсоюзов; в своем выступлении он с негодованием говорил о случаях, когда заводы увольняли 1500 или 2000 рабочих и заменяли их через неделю вновь прибывшими из деревень⁴³. Принятая съездом резолюция пошла дальше предложений Шмидта и потребовала, чтобы «все предприятия и учреждения» своевременно представляли свои запросы на рабочую силу местной бирже труда и чтобы «все операции по найму рабочей силы были сосредоточены исключительно на биржах труда»⁴⁴.

Таким образом, совместное действие двух мощных сил способствовало восстановлению бирж труда в качестве действенных органов. Профсоюзы увидели в них агентства, которые позволили бы сохранить монополию членов профсоюзов или, во всяком случае, определенный приоритет при заполнении вакантных мест, а также исключить приток массы новых переселенцев из деревни. Плановые органы увидели в биржах удобный и необходимый инструмент регулирования и перераспределения рабочей силы для удовлетворения требований планового народного хозяйства. Короткий эксперимент в условиях псевдосвободного рынка труда, предпринятый в 1924—1926 гг., провалился. После 1926 г. биржи труда частично восстановили свое значение в качестве центральных агентств по найму рабочей силы. Согласно цифрам, приведенным В. В. Шмидтом в конце 1927 г., доля рабочих, нанятых через биржи труда в крупных городах, возросла с 27,4% в январе—марте 1926 г. до 70,6% в апреле—июне 1927 г.; естественно, наивысших значений эта доля достигла в Москве и Ленинграде⁴⁵. Годом позже, на XIII съезде профсоюзов СССР, утверждалось, что во многих местах заводских рабочих все еще якобы «нанимают у ворот». Члены профсоюзов не могли найти работу, тогда как нечлены, даже «чуждые элементы» ее получали. Вновь посылались давно знакомые жалобы на фальсификацию регистрации безработных⁴⁶. Однако в своем докладе о работе профсоюзов представитель Наркомтруда А. И. Догадов заявил, что, хотя двумя годами ранее хозяйственные органы заполняли с помощью бирж лишь 30—40% своей потребности в рабочей силе, ныне эта доля увеличилась до 70—80%. Он отметил, что число рабочих, принятых на работу через биржи труда, возросло с 2,0 млн. чел. в 1925—1926 гг. до 3,6 млн. в 1926—1927 гг. и 5,0 млн. чел. в 1927—1928 гг. Было объявлено также об успехе в организации сезонных работ; в эти два года биржи труда оказались в состоянии заполнить более 95% вакансий, заявленных строительной индустрией⁴⁷.

Наблюдавшееся пессимистическое отношение к проблеме безработицы основывалось на представлении, что расширение промышленного производства в масштабах, достаточных для поглощения, по-видимому, неограниченного избытка рабочей силы, является утопической мечтой. На XV партийной конференции в октябре 1926 г. А. И. Рыков отмечал, что «значительная часть крестьян, не находящих приложения своего труда в сельском хозяйстве, сможет найти заработок в городах только при росте промышленности»⁴⁸. Несколькими неделями позже наркомтруда Украинской ССР на 3-м Всеукраинском съезде профсоюзов сказал, что тезис оппозиции о том, что «борьба с безработицей может осуществляться путем супериндустриализации», является «нереалистичным» и его реализация прямо приведет к «одностороннему развитию производительных сил»⁴⁹. В апреле 1927 г. на IV съезде Советов СССР А. И. Рыков заявил, что среди миллиона безработных насчитывалось всего 200 тыс. промышленных рабочих, и осторожно высказался о перспективах полной занятости в этой избранной группе меньшинства: «В отношении индустриальных рабочих безработица явление временное, так как во многих районах и сейчас не хватает квалифицированной рабочей силы. По мере расширения промышленности (а перспективы в этом направлении у нас неплохие), безработица в отношении этих групп будет изживаться»⁵⁰. Однако резолюция съезда свелась к повторению давно знакомых универсальных решений: интенсификация сельского хозяйства и развитие сельских промыслов, переселение и общественные работы⁵¹. В своем обращении к ЦИК СССР шестью месяцами позже В. В. Куйбышев разъяснял, что, согласно оптимальному варианту проекта пятилетнего плана, ожидается сокращение безработицы с 1268 тыс. чел. в 1926—1927 гг. до 848 тыс. чел. в 1931—1932 годах. Однако и этот наиболее активный поборник планирования и индустриализации не обещал перспектив полного решения проблемы: «Но тем не менее безработица за это пятилетие не будет изжита даже при благоприятной программе развития народного хозяйства»⁵².

Такие ярко выраженные характерные явления ранних стадий движения за индустриализацию, как кампании «режима экономии» и «рационализации»⁵³, в краткосрочном плане способствовали пополнению рядов безработных. В своих не имевших успеха предложениях ЦК ВКП(б) в июле 1926 г. Л. Д. Троцкий требовал создания комиссии по защите «жизненных интересов рабочих» в условиях режима экономии и призывал СТО составить планы для решения проблемы безработицы⁵⁴. Когда лозунг «режим экономии» был заменен «рационализацией», те же идеи были повторены в «декларации 83-х» в мае 1927 г.: «Рационализация промышленности носит случайный, неkoordinируемый, несистематический характер, и ее результатом становится выталкивание все большего числа групп рабочих в ряды безработных»⁵⁵. Когда Ю. Ларин на IV съезде Советов СССР в апреле 1927 г. выразил опасение, что

рационализация приведет к пополнению рядов безработных⁵⁶, В. В. Куйбышев дал ответ, приведший всех в замешательство. Он разъяснил, что «рационализация производства неизбежно, конечно, вызывает сокращение количества рабочей силы, необходимой для производства того же самого количества продукции»; в противном случае это не будет рационализацией. С другой стороны, «в рационализации заинтересован весь рабочий класс в целом», хотя «отдельные группы рабочих могут страдать от рационализации благодаря сокращениям на данном предприятии». Надежда на будущее должна базироваться на плане: «Мы должны строить план таким образом, чтобы общее количество рабочего класса в стране, несмотря на то что рационализация будет происходить, увеличивалось бы»⁵⁷. В ходе дискуссий в партийных ячейках в Москве после завершения июльского (1928 г.) Пленума ЦК ВКП(б) высказывались сходные опасения, что курс на механизацию сельского хозяйства увеличит безработицу⁵⁸.

Столь укоренившийся пессимизм начал постепенно рассасываться под влиянием планирования. Госплановские составители контрольных цифр на 1927—1928 гг. отмечали, что в то время, как контрольные цифры в отношении рабочей силы в предыдущие годы касались главным образом заработной платы и производительности труда, теперь необходимо «увязать технические потребности периода реконструкции в развитии нашего народного хозяйства с максимально возможным использованием нашей рабочей силы», и вовлечение избыточного сельского населения в нормальную хозяйственную жизнь должно стать одной из наиболее важных задач периода реконструкции⁵⁹. XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 г., который утвердил первые формальные директивы по первому пятилетнему плану, предусматривал в качестве одного из непосредственных результатов планового и индустриализированного развития народного хозяйства «поглощение «избыточных» рабочих рук на основе непрерывного подъема производительных сил страны»⁶⁰, а статья в «Правде», опубликованная в то время, приветствовала реализацию новых проектов, подобных Днепрострою, Туркестано-Сибирской железной дороге и Волго-Донскому каналу, как «мощный регулятор в нашей борьбе с безработицей»⁶¹. Как отмечал в то время один из обозревателей, «относительное аграрное перенаселение является ничем иным, как следствием недостаточного развития крупномасштабной индустрии»⁶². Принятие 26 марта 1928 г. первого закона такого рода о привлечении заключенных в исправительных лагерях к строительным работам⁶³ явилось первым симптомом такого состояния дел, при котором нехватка рабочей силы считалась более серьезной опасностью, чем незанятость «избыточных» трудовых ресурсов. В новом положении о Наркомтруде от 26 сентября 1928 г. его основной функцией было названо «регулирование рынка труда» и «борьба с безработицей»⁶⁴, а докладчик от Наркомтруда на VIII съезде профсоюзов СССР в декабре 1928 г. решительно заявил, что

«центральный вопросом в работе НКТ является вопрос о борьбе с безработицей»⁶⁵.

Никто, однако, не высказался о масштабах предстоящей промышленной экспансии или о том притоке трудовых ресурсов, который она повлечет; а редкие письменные размышления на этот предмет даже их авторами рассматривались как утопические и нереалистические. С. Г. Струмилин, говоривший в мае 1926 г. в Коммунистической академии о поглощении трех миллионов рабочих в ходе выполнения пятилетнего плана и о потенциальной нехватке трудовых ресурсов в 1932 г.⁶⁶, годом позже допускал, что предусмотренные планом капиталовложения в промышленность не будут достаточными для устранения безработицы⁶⁷. Летом 1928 г. на VI конгрессе Коминтерна Е. Варга объяснял, что безработица в СССР — это явление, отличное от безработицы в капиталистических странах, где она является необходимой составной частью экономической структуры: «В СССР безработица существует лишь по причине бедности народного хозяйства. Если мы сможем предоставить всем безработным средства производства, то необходимость в безработице в СССР больше не возникнет»⁶⁸. Однако эта надежда представлялась все еще чем-то недостижимо отдаленным. Во многих кругах полагали, что прогнозируемое снижение издержек промышленного производства в сочетании с ростом доходов невозможно обеспечить без некоторого сокращения численности рабочей силы. Г. Ф. Гринько, заместитель председателя Госплана СССР, отмечал, что это явление возможно (хотя и «не доказано») «в отдельных отраслях промышленности»⁶⁹. Представленные Госпланом контрольные цифры на 1928—1929 гг. допускали в предстоящий год 11%-ное увеличение общей численности безработных и 15%-ное увеличение числа безработных членов профсоюзов. Предполагалось увеличение общей численности рабочей силы не более чем на 2,8% (против 3,6% в 1927—1928 гг.); сюда включались 20%-ный рост числа строительных рабочих, «незначительный рост» численности фабрично-заводских рабочих и «почти неизменная» (в действительности несколько снизившаяся) численность транспортных рабочих⁷⁰. В декабре 1928 г. на VIII съезде профсоюзов М. П. Томский отнес «безработицу, с которой мы плохо справляемся», на счет «объективных условий», которые невозможно изменить⁷¹. Съезд был все же одержим старым ограничительным духом и принял резолюцию, требующую «более внимательного отношения» к приему в профсоюзы сезонных, временных рабочих и сельских ремесленников и большего внимания к безработным членам профсоюзов⁷². В первом пятилетнем плане в его окончательном виде безработица откровенно признавалась «неоспоримым фактом, подлежащим учету», и предусматривалось снижение численности безработных с 1133 тыс. чел. в 1927—1928 гг. до 835 тыс. чел. (основной вариант) или 511 тыс. чел. (оптимальный вариант) к концу пятилетки⁷³. Даже эти цифры считались во многих кругах нереальными. Обо-

зреватель в партийном журнале, хотя и защищал представленные Госпланом цифры, тем не менее питал: «Трудно верится в возможность такого значительного снижения безработицы в течение одного пятилетия, в то время как до сих пор мы имеем рост безработицы из года в год»⁷⁴. В это время было невозможно вообразить, что уже 1930 г. будет временем острой нехватки рабочей силы и что к концу этого года безработица будет практически ликвидирована в народном хозяйстве.

Растущее беспокойство в этот период вызывала проблема текучести рабочей силы. Общераспространенное мнение, которое относит это явление на счет чрезвычайной подвижности рабочих и их недовольства, не является полностью верным. В период, когда трудовые ресурсы были неэффективны и сверхизбыточны, руководство предприятий было склонно легко и часто их заменять. На XV конференции ВКП(б) в октябре 1926 г. Н. А. Угланов приводил пример, когда совсем недавно руководство одного завода уволило 300 рабочих и наняло 380 новых⁷⁵. В. В. Шмидт, выразивший месяцем позже на VII съезде профсоюзов СССР недовольство массовым увольнением рабочих, связывал высокую текучесть трудовых ресурсов с «жесткой дисциплиной, вводимой нами в последнее время»⁷⁶. Г. Н. Мельничанский более серьезным образом призывал изучить это «странное и интересное явление» постоянного «найма и увольнения, прихода и ухода рабочих» на заводах и фабриках: «У нас имеются предприятия, где в течение года рабочая сила менялась полтора раза»⁷⁷. Поскольку этот процесс затрагивал главным образом неквалифицированных рабочих, а предложение таких трудовых ресурсов было огромным для любых нужд, никакого решения этой проблемы не было найдено и чувствовалась большая озабоченность тем, что рабочую силу трудно переместить с места на место, нежели ее явным нежеланием длительно оставаться на той или иной работе. VIII съезд профсоюзов в декабре 1928 г. этот вопрос не обсуждал, но несколько поверхностно записал в одной из своих резолюций, что должны «проводиться изучение текучести рабочей силы...» и приниматься «меры по усилению планирования и организации сезонного рынка труда»⁷⁸.

1928 год, по-видимому, является первым, для которого была подготовлена надежная и систематическая статистика текучести рабочей силы⁷⁹. Если взять среднемесячные данные за этот год, то получается, что нанимали 8,4% суммарной рабочей силы, а увольняли 7,7%; в 1929 г. эти цифры выросли до 10,2 и 9,6% соответственно, так что «усредненный» рабочий оставался на своей работе менее одного года. Годовые цифры числа нанятых и уволенных в процентах от суммарной численности рабочей силы можно представить в следующем виде:

	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Число нанятых	101	122	176
Число уволенных	92	115	152

Усредненные цифры скрывают широкий разброс. Текучесть была выше в отраслях производства средств производства, чем в отраслях производства потребительских товаров, и наибольшего размаха достигла в добыче руд черных металлов и угля, в строительстве, основанном главным образом на непостоянной рабочей силе, и на транспорте, где рабочая сила, явно более стабильная, не была включена в статистику⁸⁰. Поразительные цифры приводились для отдельных отраслей и объединений. Так, текучесть рабочей силы на объектах треста «Донуголь» в 1925—1926 гг. достигла 270%⁸¹, в тресте «Югосталь» — 200% за шесть месяцев 1926—1927 гг.⁸² Годовая текучесть рабочих на Днепрострое превышала 100%⁸³. С другой стороны, указывалось, что на текстильных фабриках текучесть составляла 18—35%; лишь для одной из них приводилась текучесть 100%⁸⁴. За средними цифрами скрывается резкое расхождение между большой группой неквалифицированных, высокоомобильных рабочих, которые переходили с одной работы на другую, и кадровыми рабочими, постоянно находившимися на своих местах⁸⁵. Повсюду текучесть падала обратно пропорционально квалификации, будучи наименьшей среди наиболее высококвалифицированных, и наоборот. По тем же признакам она в наибольшей степени доминировала среди наименее оплачиваемых рабочих, и ее можно было бы считать характерным продуктом низкого уровня доходов⁸⁶. Ситуация в профсоюзах, охватывавших всех квалифицированных рабочих и исключавших значительную долю непостоянных и неквалифицированных кадров, была намного лучше, чем в среднем. Перепись, проведенная в апреле—мае 1929 г. в трех крупнейших промышленных профсоюзах — металлостроителей, горняков и текстильщиков, — выявила, что лишь 8,2% были заняты на протяжении предшествующего года, хотя более высокие процентные показатели были указаны для добычи угля (14,8%) и для добычи железной руды (12,9%), а текучесть рабочей силы во всех отраслях в районах Донбасса и Урала была выше, чем где бы то ни было. Средний стаж работавших в 1929 г. составлял 11,3 года в металлообработке, 13,6 — в текстильной промышленности и 9,3 года — в горнодобывающей промышленности (исключая нефтедобычу, которая с этой точки зрения являлась стабильной отраслью)⁸⁷. На V съезде Советов СССР в мае 1929 г. Г. М. Кржижановский утверждал, что проблема текучести ныне распространилась не только на рабочую силу, но и на инженерно-технический персонал⁸⁸. Однако ситуацию в этой области не уда-

валось поставить под контроль до 1930 г., когда безработица закончилась, а сама проблема обострилась конкуренцией различных предприятий за дефицитную рабочую силу.

б) Проблема привлечения женщин к наемному труду

Напряженность с трудоустройством женщин в промышленном производстве, отмечавшаяся в период 1924—1926 гг., никоим образом не ослабла⁸⁹. Число работающих женщин, состоявших в профсоюзах, постоянно росло: с 2 413 300 чел. в октябре — декабре 1926 г. до 2 833 300 в апреле — июне 1928 г. и 3 304 000 в 1929 г.⁹⁰ На протяжении этого периода доля женщин в общей численности рабочей силы оставалась постоянной на уровне 28—29%. Она упала в горнодобывающей промышленности и в металлургии. Однако, поскольку эти отрасли были быстрорастущими, падение доли женщин сопровождалось увеличением их численности; в большинстве других отраслей возросла и эта доля и общая численность женщин⁹¹. Предоставляющиеся возможности в сочетании с суровой необходимостью толкали женщин на заводы и фабрики. М. П. Томский находил объяснение этого процесса в «наших новых бытовых условиях жизни»: женщина предпочитала «работать на фабрике, чем на кухне околачиваться»⁹². В целом партия и правительство стремились встроить женщин в промышленное производство по возможности на равных условиях с мужчинами. При этом на работниц распространялось, по крайней мере в теории, законодательство об охране труда; так, в апреле 1928 г. партийная резолюция трактовала привлечение женщин к подземным работам на шахтах Донбасса как нарушение кодекса законов о труде⁹³. Профсоюзы, хотя они не могли оспаривать основной принцип, неприязненно относились к конкуренции со стороны женского труда, особенно в условиях, когда безработица стала серьезной проблемой; а руководители предприятий, уставшие от законодательных ограничений в отношении труда женщин, предпочитали мужскую рабочую силу. Никем не признаваемая дискриминация женщин получила всеобщее распространение. На VII съезде профсоюзов СССР в декабре 1926 г. одна из делегатов отметила, что среди делегатов лишь 7% — женщины; другая жаловалась, что, когда женщины становятся грамотными, работодатели перестают держать их на работе; третья привлекла внимание к низкой пропорции работниц, выдвинутых на ответственные должности на железных дорогах. В. В. Шмидт указывал, что, несмотря на перевес числа работниц в некоторых отраслях, лишь 5% сотрудников инспекций труда были женщинами⁹⁴; это неудивительно, поскольку, согласно ст. 177 кодекса законов о труде от 1923 г., инспектора

назначались профсоюзами и просто утверждались Наркомтрудом. Зимой 1927/28 г., когда начали ощущаться первые результаты движения за интенсивную индустриализацию, введение 7-часового рабочего дня при работе в три смены, осуществленное прежде всего в текстильной промышленности, где женский труд был преимущественным, лишний раз привлекло внимание к проблемам женщин в обеспечении занятости⁹⁵.

Первый пятилетний план, проект которого был составлен осенью 1928 г., впервые конкретным образом постулировал увеличение доли женского труда как составной части процесса индустриализации. Предполагалось поднять долю женщин в общей численности рабочей силы с 27% в 1927—1928 гг. до 32,5% в 1932—1933 гг.; а поскольку план предусматривал наибольшее расширение тяжелой промышленности, в которой до того времени работало сравнительно мало женщин, то отмечалось, что прогнозируемое увеличение занятости женщин потребует «расширения сферы применения женского труда»⁹⁶. VIII съезд профсоюзов в декабре 1928 г. уделил больше внимания этому вопросу, чем предшествовавший ему двумя годами ранее. Делегатка — член ЦК профсоюза текстильщиков отмечала, что из 700 тыс. работниц около 480 тыс. занято именно в текстильной промышленности; она доказывала, что фактически рабочий день женщины равен не 7 или 8 часам, а 14 или 15, и требовала большего числа детских ясель, бань и душевых на фабриках⁹⁷. Хотя М. П. Томский и другие профсоюзные лидеры вновь отмалчивались по этому поводу, основной докладчик от Наркомтруда коснулся проблемы безработицы среди женщин. Используя данные профсоюзов, которые как обычно занижали масштабы проблемы, он заявил, что доля женщин среди безработных упала с 46% (в какое время, указано не было) до 41,2%; среди безработных женщин более 60% были неквалифицированными и около 25% — рабочими неручного труда. Основным пожеланием было обучение большего числа женщин квалифицированному ручному труду⁹⁸. Представительница Наркомтруда заявила, что «имеются достижения в отношении охраны женского труда и в области внедрения его в производство», но протестовала против пренебрежения запретом ночных работ для беременных женщин и кормящих матерей⁹⁹. В одной резолюции съезда подчеркивалась необходимость обязательного выполнения постановления «о недопущении беременных и кормящих женщин к ночной работе» на предприятиях; в другой упоминалось о необходимости увеличения числа женщин — инспекторов труда¹⁰⁰. Однако не было сделано никаких общих заявлений о повышении занятости женщин в промышленности; в этих условиях высокая безработица среди женщин и более низкая заработная плата были симптоматичными признаками дискриминации по отношению к ним. Ухудшение ситуации в период между летом 1928 г. и летом 1929 г. иллюстрируется цифрами числа безработных, зарегистрированных на биржах труда (в тыс. чел.):

	1 июня 1928 г.	1 июня 1929 г.
Всего безработных	1571	1633
в том числе:		
женщины	614,1	741,4
подростки	205,4	277,4

Общий уровень безработицы вырос за год на 4%, тогда как число безработных женщин выросло на 20,7%, а подростков — на 35,1%. В 1928 г. 51% зарегистрированных безработных были женщинами и подростками, в 1929 г. этот показатель увеличился до 64%¹⁰¹. В хлопкопрядении дневная заработная плата мужчин колебалась от 4,19 руб. для наиболее квалифицированных рабочих до 1,89 руб. — для неквалифицированных при среднем значении 2,97 руб.; для женщин соответствующие ставки составляли 3,27, 1,77 и 2,28 руб.¹⁰² Велением времени, однако, было признание ЦК ВКП(б) настоятельной потребности осуществлять подготовку и обучение женщин для работы в промышленности. Имеется в виду резолюция от 22 февраля 1929 г., направленная на установление минимальной доли мест, предназначенных для девушек, во вузах (20%) и школах ФЗУ (10%); при этом отмечалось, что партийные и профсоюзные организации ранее уделяли «крайне мало внимания» этому аспекту¹⁰³. Программа индустриализации с ее ненасытной потребностью в трудовых ресурсах вскоре поставила в число высокоприоритетных вопрос о привлечении женщин к работе в промышленности.

в) Рабочая молодежь и труд подростков

Проблема занятости подростков в промышленности стала предметом полемики с 1924 г.¹⁰⁴ После 1926 г. по мере усиления демографического давления¹⁰⁵ и роста безработицы споры приобрели еще большую остроту. Безработица среди рабочей молодежи превратилась в настоящее бедствие¹⁰⁶, хотя лишь небольшой процент зарегистрированной на биржах труда молодежи когда-либо работал. Наниматели весьма неохотно принимали подростков на работу, поскольку на них распространялись существенные законодательные ограничения, включая сокращение их рабочего дня до шести часов. Профсоюзы в период массовой безработицы не видели никакой причины стимулировать конкуренцию со стороны подростков в поиске дефицитных мест работы и в лучшем случае были заинтересованы лишь в трудоустройстве детей членов своих организаций. Трудности возникали также из-за предусмотренного в кодексе законов о труде положения о том, что подростки, рабо-

тая всего шесть часов, должны получать заработную плату по полной ставке восьмичасового дня, причем предполагалось, что дополнительные два часа будут тратиться на обучение в фабрично-заводской школе. Это вызывало недовольство как руководства предприятий, так и взрослых рабочих, и, по всей видимости, этот закон обходился в широких масштабах, поскольку расхождение в оплате было значительнее, чем можно было бы рассчитать, имея в виду, что подростки, совершенно естественно, попадали в наименее оплачиваемую категорию¹⁰⁷.

В этих условиях руководители предприятий и профсоюзы заняли равнодушную позицию по отношению к труду подростков и игнорировали или же никак не реагировали на незаполнение выделявшейся им брони — минимального обязательного процентного числа подростков в промышленности¹⁰⁸. Предусмотренный законом средний минимум составлял 7% (для различных отраслей были установлены разные нормы); в 1926 г. средний показатель составлял 5,7%¹⁰⁹. Руководители предприятий иногда признавались, что выполняли минимум путем включения молодых рабочих возрастной группы 18—23 года (последняя цифра соответствует максимальному возрасту для членства в то время в комсомоле); на некоторых заводах и фабриках таким образом заполнялось 30—40% брони¹¹⁰. В заявлении ЦК ВКП(б) и правительства от 16 августа 1926 г. «сокращение предусмотренного законом минимума подростков» было названо одним из текущих злоупотреблений режима экономии¹¹¹. Проведенная в 1929 г. перепись показала, что среди тех, кто поступил на работу в металлообрабатывающую промышленность до 1917 г., 69,1% пришли до достижения ими 16 лет; среди тех, кто поступил на работу в периоды 1918—1925 гг. и 1926—1928 гг., соответствующие доли составили 45,9 и 33,7%¹¹². Условия занятости подростков являлись главным источником постоянных трений между профсоюзами и комсомолом. В марте 1926 г. на VII съезде ВЛКСМ один делегат охарактеризовал отношения с профсоюзами как «противоречивые»; отмечалось, что профсоюзы неприязненно встретили представителя комсомола на заседании ВЦСПС¹¹³.

Еще более острую полемику вызывал вопрос о трудовой подготовке. Была создана сеть школ ФЗУ в подчинении управления Наркомпроса, известного под названием Главпрофобр, в которых профессиональная подготовка сочеталась с преподаванием партийного учения¹¹⁴. Число таких школ выросло с 782 при числе обучавшихся 69 тыс. чел. в 1924—1925 гг. до 799 с 85 тыс. учащихся в 1926—1927 гг.¹¹⁵ Однако для периода быстрого расширения промышленного производства эти цифры не столь уж впечатляющи¹¹⁶; набор в школы осуществлялся главным образом среди детей рабочих, на которых приходилось 76,7% мест в 1926—1927 гг.¹¹⁷ Тем временем Центральный институт труда (ЦИТ), не удовлетворенный теоретическим изучением методов повышения производительности труда, также развернул широкую сеть учебных

баз, но в них партийные и профсоюзные круги заподозрили попытку внедрить в советскую промышленность под видом «научной организации труда» тейлоризм и прочие капиталистические методы¹¹⁸. Эти методы обучения получили поддержку ВСНХ и руководителей предприятий, которые были обвинены в попытке саботировать школы ФЗУ¹¹⁹. Как профсоюзы, так и комсомол были горячими приверженцами фабрично-заводского ученичества и скептически относились к методам ЦИТ. Вместе с тем в условиях, когда профсоюзы стремились ограничить места в лимитированном числе школ ФЗУ, предоставляя их только детям рабочих, особенно квалифицированных рабочих, комсомол бурно протестовал против такой дискриминации и требовал распространения системы фабрично-заводского ученичества на всех молодых рабочих. Резолюция ЦК ВКП(б) от 11 марта 1926 г. пошла по пути использования лучшего, что предлагалось обеими подходами, рекомендовав «краткосрочные курсы и курсы по методу ЦИТ для массовой подготовки» бок о бок со школами ФЗУ, и сдержанно одобрила «метод ЦИТ ускоренной подготовки квалифицированной рабочей силы»¹²⁰. Комсомол на состоявшемся в том же месяце VII съезде временно согласился с этой линией. Принятая им резолюция твердо указывала, что целью должна стать подготовка «квалифицированных, классово сознательных и культурных рабочих» и что «узкая специализация» недостаточна. Вместе с тем резолюция призвала с вниманием отнестись к работе ЦИТ и предложила школам ФЗУ позаимствовать некоторые из его методов¹²¹. Постановление ЦК ВКП(б) от 8 июня 1926 г. потребовало ограничить доступ в школы ФЗУ лишь рабочими и крестьянами, а также их детьми. Однако сообщалось, что в апреле 1927 г. доля рабочих и крестьян в школах фактически сократилась¹²².

Эта дискуссия получила широкое освещение как в прессе, на страницах соответственных печатных органов профсоюзов («Труд») и комсомола («Комсомольская правда»), так и на представительных съездах и конференциях того времени. На XV конференции ВКП(б) в октябре 1926 г. М. П. Томский в конце своего долгого доклада о задачах профсоюзов кратко коснулся «безработицы среди молодежи... особенно безработицы среди детей рабочих», после чего отклонился от темы и ушел в пространное обсуждение хулиганства¹²³. Два делегата-комсомольца резко критиковали как методы А. К. Гастева, директора ЦИТ, так и неудовлетворительную позицию профсоюзов в отношении обучения молодых рабочих, а также подняли вопросы о заработной плате и возрасте приема в профсоюзы¹²⁴. М. П. Томский в своем ответе защищал сложившееся положение, причем не без насмешек по поводу чрезмерного самомнения молодых; а раздел резолюции конференции, озаглавленный несколько громко «Безработица и дети рабочих», ограничился общим предписанием облегчать прием детей рабочих на работу и строго соблюдать броню подростков¹²⁵. На VII съезде профсоюзов СССР в декабре 1926 г.

докладчик от ВСНХ в слабо завуалированной форме критиковал политику брони в целом, доказывая, что она не должна применяться к неквалифицированным рабочим или к молодежи моложе 18 лет¹²⁶; и 24 марта 1927 г. ЦК ВКП(б) в своем постановлении о рационализации в промышленности объявил о несколько смутившей всех уступке профсоюзам и руководителям предприятий по вопросу о броне подростков. Новые правила вводились с 1 октября 1927 г. в целях «максимальной увязки с фактической потребностью промышленности» и ограничивались квалифицированными рабочими; предпочтение отдавалось детям рабочих. С другой стороны, эта уступка не освобождала предприятия, использующие ныне меньшее, чем предусмотрено броней, число подростков, от доведения его до требуемого уровня¹²⁷. На V конференции ВЛКСМ, которая открылась в день публикации этого постановления, Н. П. Чаплин, генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, объяснял, что рационализация влечет за собой «некоторые трудности в решении вопроса о труде подростков» и что «во имя рационализации мы должны пойти на некоторые уступки»¹²⁸. Резолюция конференции послушно вторила, практически в тех же выражениях, предложению партии о пересмотре обязательной брони¹²⁹; и в апреле 1927 г. IV съезд Советов СССР покорно и, по-видимому, без обсуждения поручил правительству «установить нормы брони подростков, увязанные с фактической потребностью промышленности, причем действительный процент брони исчислять только по отношению к квалифицированным рабочим»¹³⁰. Оппозиция, теперь уже на пике своей активности, была особенно нетерпеливой в стремлении сделать капитал на трудностях в области рабочей силы; «тот не комсомолец, — гласил выдвинутый оппозицией лозунг момента, — кто не борется против пересмотра нормы брони подростков»¹³¹. В условиях кризиса борьбы с оппозицией партийные лидеры пытались держаться подальше от этих противоречивых проблем.

Поражение оппозиции ослабило потребность в непробиваемом партийном фронте; движение за индустриализацию сделало все вопросы, относящиеся к набору рабочей силы, гораздо более настоятельными и безотлагательными. Трудности вновь возникли в связи с проблемой обучения кадров. А. К. Гастев, директор ЦИТ, опубликовал статью в «Правде», в которой выдвигал на обсуждение концепцию «новой культуры работы». То, что он называл «расчетным инженерным подходом» к труду, теперь уже стало «допустимым и возможным», и он подчеркнул значение жесткого обучения: «Ушло безвозвратно время, когда можно было говорить о «свободе» рабочего по отношению к машине, а тем более по отношению к предприятию в целом. ...маневры и хождение около станка, сосредоточенность внимания, распределение внимания, движения рук, положение тела. Именно эти элементарные отрезки поведения становятся во главу угла. Отсюда ключ к новой трудовой культуре, ключ к серьезной культурной революции»¹³².

Когда в мае 1928 г. собрался VIII съезд ВЛКСМ, Центральным институтом труда были представлены тезисы, доказывающие, что молодой крестьянин, будучи более сильным физически, чем молодой пролетарий, лучше пригоден к тяжелой промышленной работе: «Ставка на городскую рабочую молодежь... возможно, устарела»¹³³. Н. П. Чаплин, говоря от имени ВЛКСМ, жестко критиковал «антимарксистскую платформу» Гастева, который-де «попросту выражает в концентрированном виде многочисленные тенденции, доминирующие среди наших руководителей предприятий и даже, к сожалению, среди наших профсоюзных деятелей». Для ЦИТ рабочий являлся «придатком машины, а не творцом социалистического производства», и Гастев «в своем понимании нового рабочего не отличим от Форда». Чаплин страстно выступил в защиту школ ФЗУ, методы обучения которых Гастев описывал как «пережиток цехового ремесленничества»¹³⁴. Гастев, явно не желая вступать в полемику с агрессивно настроенной аудиторией, ответил довольно уклончиво, указав, что: лично он вместе с ВЛКСМ находится в оппозиции ограничительной позиции профсоюзов и поддерживает компромиссную резолюцию ЦК ВКП(б) от 11 марта 1926 года¹³⁵. Резолюция VIII съезда ВЛКСМ о подготовке кадров для пятилетнего плана включала требование о проведении двух типов курсов в школах ФЗУ — двухлетних курсов для обучения «рабочих массовых квалификаций» и трех- или четырехлетних курсов для подготовки квалифицированных рабочих, и указывала, что издержки должны сокращаться «с помощью рационализации методов практического и теоретического обучения, в частности с применением методик ЦИТ»¹³⁶. Эта официальная попытка примирения между комсомолом и ЦИТ, однако, никак не способствовала ослаблению взаимных обвинений между ВЛКСМ и профсоюзами, которыми были полны страницы «Комсомольской правды» и «Труда» на протяжении лета 1928 года. ЦК ВКП(б) на своем пленуме в ноябре 1928 г., явно стремясь сократить разрыв между фабрично-заводской системой обучения и системой ЦИТ, предложил ВСНХ, Главпрофобру и Наркомтруду «построить свою работу по производственному обучению учеников и по переподготовке рабочих таким образом, чтобы они могли усвоить новые рациональные трудовые навыки на основе научных достижений ЦИТ»¹³⁷. Однако в это же время присоединение М. П. Томского к правой оппозиции сделало профсоюзы особенно уязвимыми; в этих условиях обсуждение брони подростков и подготовки рабочей силы явилось составной частью общей кампании против профсоюзов, в которой комсомол выполнял роль главного ударного отряда¹³⁸.

Когда 10 декабря 1928 г. открылся VIII съезд профсоюзов СССР, страсти уже разгорелись¹³⁹, и их огонь стал еще ярче, когда на третий день съезда А. А. Жданов в резкой и бескомпромиссной речи выдвинул требования ЦК ВЛКСМ по проблеме рабочих подросткового возраста. Он протестовал против сокра-

шения брони на 70 тыс. чел.; против постоянного роста безработицы среди подростков, которая увеличилась со 137 тыс. чел. по состоянию на 1 января 1927 г. до 213 тыс. чел. — на 1 июля 1928 г.; против лишения молодых рабочих права пользоваться профсоюзными санаториями и домами отдыха; против ограничения возможности обучения в школах ФЗУ только детьми квалифицированных рабочих. По всем этим пунктам он едко обвинил профсоюзных лидеров в игнорировании точек зрения ВЛКСМ и интересов молодежи¹⁴⁰. В ходе последующих дебатов обсуждение проблем трудящихся-подростков давало больше жара, чем света. Еще один делегат-комсомолец осудил попытки «заменить фабзавуч краткосрочными курсами ЦИТ»¹⁴¹. А. К. Гастев, по-видимому примирившийся с профсоюзами, слабо защищался от нападок комсомола, отметив, что принципы ЦИТа получили всеобщее признание, но их практическое применение вызвало «испуг»¹⁴². В дальнейшем в ходе обсуждения доклада Наркомтруда другой выступавший от комсомола возобновил разговоры о злоупотреблениях. Несмотря на законодательное запрещение привлечения подростков к ночной работе, 10% всех подростков в промышленности и 46% занятых на заводах и фабриках, работающих по 7-часовым сменам, выходили в ночную смену. Подростки с разрешения заводских инспекторов труда работали полный 7—8-часовой рабочий день на том основании, что в противном случае их на работу не взяли бы и броня осталась бы незаполненной. Профсоюзы настаивали на прямом приеме детей членов своих организаций в обход бирж труда¹⁴³. Резолюции съезда не внесли ничего полезного в разрешении этой полемики.

ВЛКСМ выполнил свою задачу в качестве ударного отряда в штурме, направленном на подрыв авторитета Томского в профсоюзах. После его падения проблемы труда подростков отошли на задний план. Было заявлено, что введение трехсменки сократило безработицу среди подростков¹⁴⁴. На XVI конференции ВКП(б) в апреле 1929 г. один из делегатов попытался вновь поднять вопрос об обучении, утверждая, что комсомол якобы правильно и в должной форме «боролся с попыткой засорить кадры пролетариата технически некультурными, технически неграмотными рабочими». Метод ЦИТа, оказывается, готовил не образованных рабочих, а «дрессированные кадры», не давая им теоретической подготовки; это был «капиталистический, фордовский подход»¹⁴⁵. Но жар этих дебатов угас, и никто не пожелал принять вызов. Вопрос не фигурировал и в резолюциях конференции. К этому времени начали ощущать, что в результате войны и революции доля молодежи в структуре населения должна вскоре значительно сократиться. В 1927 г. доля возрастной группы 15—17 лет составила 6,6%, а возрастной группы 18—24 года — 16,7%; к 1933 году эти проценты должны были составить 4 и 13,7 соответственно¹⁴⁶. Ситуация изменилась — но вовсе не разрешилась — лишь благодаря успехам плановой индустриализации и окончанию

периода безработицы. Как только исчезла конкуренция за дефицитные рабочие места, отпала необходимость оказания давления со стороны молодых рабочих на неохотно действовавших руководителей предприятий и недоброжелательно настроенные профсоюзы. Когда возникла настоятельная потребность в обучении возможно большего числа молодых рабочих в предельно короткие сроки, борьба между разными направлениями в методологии этого процесса потеряла свою остроту или же приобрела иные формы. Школы ФЗУ и сеть ЦИТ в новой ситуации оказались скорее взаимодополняющими, нежели конкурирующими системами обучения; согласно оценкам первого пятилетнего плана, годовой выпуск первых должен был увеличиться с 27 тыс. чел. в 1928—1929 гг. до 62,8 тыс. чел. в 1932—1933 гг., а в сети ЦИТа — с 11,5 до 32,5 тыс. чел.¹⁴⁷ Здесь, как и в других областях, наступление периода планового хозяйства породило новые проблемы, для него характерные, и сделало проблемы конца 20-х годов устарелыми и неуместными.

г) Государственные служащие

Государственные служащие составляли отдельную категорию рабочей силы, и их доходы и оклады регулировались системой, отличной от действовавшей в отношении рабочих¹⁴⁸. В их число входили чиновники административных и судебно-правовых органов, служащие государственных учреждений на всех уровнях, сотрудники милиции (военнослужащие составляли еще одну категорию), все должностные лица и служащие социально-культурных учреждений, а также управленческий персонал всех хозяйственных и коммерческих организаций, включая транспорт. Тем самым управленческий персонал промышленных трестов оказывался государственными служащими, а директора и управленческий персонал заводов и фабрик ими не были. Численность занятых в государственных учреждениях постоянно росла: с 2,1 млн. чел. в 1925—1926 гг. до 2,5 млн. в 1928—1929 гг., хотя доля государственных служащих в общей численности рабочей силы снизилась с 21,1 % в 1925—1926 гг. до 20,6 % в 1928—1929 гг.¹⁴⁹

Начатая в 1926 г. кампания «режима экономии», по-видимому, ударила прежде всего по персоналу хозяйственных организаций, численность которых в 1926—1927 гг. резко сократилась; гораздо меньшее сокращение в категории служащих «административных и судебно-правовых» органов произошло лишь в 1927—1928 гг.¹⁵⁰ Быстрое расширение штатов в период 1924—1926 гг. в дальнейшем замедлилось, а не наоборот; С. Орджоникидзе на VII съезде профсоюзов в декабре 1926 г. представил таблицу, призванную показать, что увольнения из советских учреждений были с лихвой скомпенсированы увеличением штатов в текущем бюджетном году¹⁵¹. Однако увольнения происходили в значительных масштабах,

и, по-видимому, довольно близкая к действительности картина была обрисована делегатом Макаревичем: «Выкидывают наименее квалифицированную силу, то есть ту массу рабочих и крестьян, которых насильно втянули в аппарат. Аппарат сопротивлялся, мы их туда втолкнули, и вот теперь, когда сокращают, то сокращают в первую очередь их... Бюрократ остается, а новый работник в силу своей неквалифицированности, неопытности, сокращается»¹⁵². По состоянию на 1 октября 1928 г. в качестве безработных было зарегистрировано 250 тыс. служащих (крупнейшая категория вслед за более общей «неквалифицированные рабочие»), что было обусловлено «сокращением и рационализацией управленческого и обслуживающего аппарата»; причем четверть безработных женщин были работниками умственного труда. Число безработных трудящихся в советских торговых организациях за прошедшие два года более чем удвоилось¹⁵³. Однако сокращение не носило сплошного характера. Число работников социальной, научной и культурной сферы, включая врачей и учителей, продолжало расти, и к 1928—1929 гг. на них приходилось около половины общего числа государственных служащих. С другой стороны, число служащих в административных и судебно-правовых учреждениях продолжало немного снижаться и в 1928—1929 гг. составило более четверти или вместе со служащими государственных хозяйственных организаций около трети всех государственных служащих. Это были единственные категории, которые расширяющееся народное хозяйство сочло возможным оставить на неизменном уровне численности или слегка сократить¹⁵⁴. Число других государственных служащих в городах возросло с 1 260 200 чел. по состоянию на 1 мая 1925 г. до 1 462 310 чел. — на 1 января 1928 г. (рост 16%), а в сельской местности за тот же период — с 705 499 чел. до 907 968 чел. (рост 28,7%)¹⁵⁵.

БОРЬБА ЗА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

Когда в декабре 1925 года XIV съезд ВКП(б) провозгласил индустриализацию, а также первоочередное и опережающее развитие тяжелой промышленности в качестве фундаментальной задачи экономической политики Советского Союза, страна вступила в период растущего давления на промышленного рабочего. Диспропорция между дефицитом капитала и сверхизбытком рабочей силы была характерна для любого сегмента народного хозяйства СССР, как в городах, так и на селе. По большей части машины и оборудование в советской промышленности все еще находились в крайне бедственном и запущенном состоянии и были на весьма отсталом уровне; капиталовложения для их обновления взять было неоткуда. Среди ресурсов, необходимых для быстрого промышленного развития, в изобилии была лишь рабочая сила, и только щедрое использование этого ресурса могло способствовать осуществлению взятых планов. Резерв рабочей силы обеспечивался крестьянами, перемещавшимися во все возрастающих масштабах из деревни в город и бывшими с промышленной точки зрения неквалифицированными трудовыми ресурсами наинизшего уровня. Приручение неотесанного крестьянина к дисциплине фабрично-заводского труда было задачей невероятной сложности, решение которой заставляло применять суровые меры принуждения. Начальный этап индустриализации в любой стране редко бывает безболезненным. Индустриализация в Советском Союзе, начатая в условиях отсталой экономики и без поддержки иностранного капитала, возложила на рабочего чрезвычайно тяжелое бремя.

Кампания по повышению производительности труда активно проводилась с 1924 года¹. За этим термином скрыта некоторая двусмысленность. Физическая реальность, представленная расчетами «производительности труда», являет собой «выпуск продукции на одного работающего», измеренный на годовой, месячной, а иногда дневной или часовой базе. Однако выпуск продукции на работающего не зависит исключительно от усилий отдельного рабочего. Величина капитала в виде машин, оборудования, механической энергии и т. п., предоставленных рабочему, является не менее важным фактором, определяющим его производительность; и этот показатель в СССР был намного ниже, чем в великих промышленно развитых странах². Столь же важными являются орга-

низация производства на предприятии и квалификация рабочего; о состоянии в этой области многое говорят слова о том, что в 20-е годы в СССР рост производительности сдерживался главным образом «необходимостью повышения техники» и «недостаточной квалификацией наших рабочих»³. Однако в ходе дискуссий о «производительности труда» все чаще прямо или косвенно говорилось о том, что ее повышение или падение зависит, в основном или исключительно, от интенсивности индивидуальных усилий. Капиталоемкий элемент производительности, сильно ограниченный дефицитностью ресурсов, трактовался как постоянная величина, тогда как переменной считалась интенсивность труда. Важной составляющей кампании по повышению производительности труда всегда была задача увеличения вклада отдельного рабочего, и по мере усиления давления индустриализации и обострения нехватки капитала усиливались требования к рабочему, как в относительном, так и абсолютном выражении. ЦК ВКП(б) на своем Пленуме в апреле 1926 г., который утвердил замораживание зарплаты, предложил повышать производительность «как путем рационализации производства, в частности более полного использования оборудования... улучшения организации фабрично-заводских предприятий, так и путем уплотнения рабочего дня, усиления трудовой дисциплины, борьбы с прогулами и т. п.»⁴. Призыв ЦК от 25 апреля 1925 г. о борьбе за «режим экономии» включал выразительное требование повысить производительность труда, а за ним последовало Постановление от 18 мая 1926 г., призывавшее повысить производительность труда до конца хозяйственного года на 10%⁵. Постановление от 11 июня 1926 г. по тому же вопросу предусматривало положения по рациональному использованию рабочей силы и наказание за нарушения трудовой дисциплины, а также призывало к сотрудничеству профсоюзов и других общественных организаций⁶.

Тем самым благодаря двоякому толкованию понятия «производительность труда» кампания борьбы за «режим экономии» оказалась непосредственно связанной с кампанией за интенсификацию труда рабочего. В своей речи на заводах «Югостали» в мае 1926 г. Ф. Э. Дзержинский призвал к борьбе против прогулов, которые он рассматривал как результат антипролетарских тенденций, и предложил бороться с ними жесткими мерами: «Там, где имеются ничем не оправдываемые прогулы, там я буду рекомендовать правлению механически сокращать штаты, независимо от того, в каком положении находится производственная программа»⁷. «Торгово-промышленная газета» сообщала о рабочих, прогуливавших после праздников из-за перепоя, или возвращавшихся в свои деревни без разрешения на выполнение сельскохозяйственных работ, или симулировавших болезни или несчастные случаи⁸. Н. А. Семашко, нарком здравоохранения, обвинял рабочих в «пьянстве, симуляции и преувеличении болезней»⁹. Подобные злоупотребления в основном приписывались неквалифицированным

рабочим, вновь набранным из деревень и подверженным антипролетарским тенденциям, обусловленным их крестьянским происхождением¹⁰. Отмечалось, однако, что и квалифицированные рабочие, уверенные в своей незаменимости, сопротивлялись дисциплине; обычными стали жалобы на то, что профсоюзы отказывались поддерживать руководство предприятий в наложении дисциплинарных взысканий¹¹. Статья 47 кодекса законов о труде предусматривала возможность увольнения рабочего, беспричинно отсутствовавшего в течение трех последовательных дней или же шесть раз в течение месяца. Теперь руководители стали требовать применения жестких мер. Печатный орган ВСНХ под заголовком «Как бороться с прогулами» сообщал, что на одном из ленинградских заводов введено правило, согласно которому любой рабочий, опоздавший более пяти раз за три месяца, подлежит «безусловному увольнению», и предложил, чтобы не выплачивалось никакого пособия по болезни при отсутствии на работе в течение менее трех дней и чтобы заводской врач удостоверял все случаи отсутствия на работе по болезни¹². И. А. Краваль, занимавший в то время весьма влиятельную должность начальника отдела экономики труда в ВСНХ¹³, предложил на первом съезде отделов экономики труда трестов, проходившем с 29 июня по 8 июля 1926 г., чтобы с целью борьбы с прогулами пособия по болезни сроком до двух недель выплачивались в дальнейшем не полностью, а лишь в размере $\frac{2}{3}$; это предложение было подтверждено в резолюции этого съезда¹⁴. Съезд обсудил также пути и средства усиления власти руководства предприятий¹⁵, и М. И. Калинин написал статью о режиме экономики, которую «один из рабочих листов» не решался опубликовать на том основании, что в ней содержалась «тенденция к установлению полного самодержавия администрации», хотя, как мыслил благодушно настроенный Калинин, «никто не ценит так высоко хорошего руководителя, как рабочие»¹⁶.

Со времен VI съезда профсоюзов СССР в ноябре 1924 г. прочно внедрилось положение, что рост производительности труда должен опережать повышение заработной платы¹⁷. Программа ускоренной индустриализации, одобренная XIV съездом ВКП(б) в декабре 1925 г., была основана на невысказанной предпосылке, что если ставится задача накопления капитала для расширения, прежде всего и преимущественно, тяжелой промышленности, то рабочий, подобно крестьянину, должен на некоторое время забыть о полной «эквивалентной отдаче» за свой труд. Он должен производить больше, чем потребляет; производительность должна расти быстрее, чем заработная плата. На Пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1926 г. оппозиция выдвинула противоположный аргумент и заявила, что поскольку на протяжении последних 12 месяцев производительность резко повысилась, рост заработной платы оказался запоздалым. Когда В. В. Шмидт в качестве Наркома труда представил доклад, посвященный целиком вопросу о производительности труда, Троцкий поставил ему в вину, что в докладе обойдена

ключевая проблема доходов и не осужден административный нажим, оказываемый на рабочих «значительной долей управляющих», и призвал к назначению комиссии по рассмотрению реализации планов режима экономии и предотвращению использования их для подавления жизненных интересов рабочих¹⁸. Точки зрения оппозиции были, естественно, отвергнуты, и по вопросу о труде никакой резолюции принято не было. Однако противостоять требованиям об улучшении положения рабочих оказалось невозможным, и в августе 1926 г. было принято решение о предоставлении промышленным рабочим всестороннего повышения заработной платы¹⁹.

Повышение заработной платы осенью 1926 г. поставило под сомнение основополагающий принцип, заложенный во всю кампанию повышения производительности труда и гласивший, что производительность в своем росте должна опережать рост доходов. Представленные в июле 1926 г. оценки ВСНХ на предстоящий хозяйственный год предполагали 12,3%-ный рост производительности в промышленности при 7,2%-ном увеличении заработной платы²⁰. Контрольные цифры Госплана на 1926—1927 гг., подготовленные независимо и обнародованные в следующем месяце, предусматривали рост производительности в ценовых отраслях промышленности на 8,4% и повышение заработной платы в подчиненной ВСНХ промышленности на 7,7%; но было сделано добавление, что если учитывать ценовую промышленность в целом, то рост составит 8,3 или 8,4%²¹. Эти расчеты были сурово осуждены в «Торгово-промышленной газете», которая требовала гораздо более широкого разрыва между темпами роста производительности и доходов²². В. В. Шмидт в интервью газете «Правда» по поводу повышения заработной платы объявил, что предполагается повысить также и нормы производства²³, а «Экономическая жизнь» писала, что фундаментальной задачей коллективных договоров ныне является гарантия роста производительности труда и снижение издержек производства²⁴. И. А. Краваль резко и бескомпромиссно выразил требование ВСНХ, что рост производительности должен опережать повышение заработной платы²⁵. Однако столь мощное давление вызвало соответствующую реакцию со стороны критиков в самой партии. В ходе дискуссии в Коммунистической академии Г. Я. Сокольников описывал процесс социалистического строительства как «мучительный» и заявил, что «массы на своей спине чувствуют трудности» индустриализации²⁶. В той же дискуссии К. Б. Радек упрекал Краваль в трактовке роста производительности труда как некоторой «бюрократической реформы», цели которой могут быть достигнуты «одними циркулярами, без участия масс»: «сила рабочего класса не есть бочка, из которой можно черпать без конца»²⁷. Компромисс, достигнутый между ВСНХ и Госпланом, предвещал в 1926—1927 гг. рост производительности на 12,6% и реальных доходов — на 9,9%²⁸. Противостоять повышательному движению доходов было невозможно, но

его предстояло компенсировать изнурительной борьбой за увеличение выпуска продукции и снижение издержек производства.

Когда 26 октября 1926 г. собралась XV конференция ВКП(б), отношения между ВСНХ и профсоюзами и между руководителями предприятий и промышленными рабочими были напряженными и терпение уже лопалось. Доклад М. П. Томского о профсоюзах, вводные тезисы, которые, как обычно, были заранее одобрены ЦК партии, вызвали горькое возражение Теплова, директора завода, получившего статус члена партии. Теплов выражал недовольство тем, что, хотя согласованные тезисы и содержат значительный по объему раздел о дисциплине труда, Томский не уделил столь большого внимания этому предмету. Прогулы на заводах в среднем достигают 15 %, а иногда доходят до 30 %. Мастера не располагают средствами по наведению дисциплины в цехах; более того, управляющие подвергаются контролю со стороны властей самых разных рангов²⁹. Эта речь произвела тягостное впечатление. Г. Н. Мельничанский назвал приведенные Тепловым цифры «невозможными»; намеренные прогулы составляли около 1,5—2 % общего рабочего времени. Д. Б. Рязанов характеризовал Теплова как «разновидность директоров, которые, даже будучи правыми, вызывают конфликт уже одним своим появлением, своей манерой говорить с рабочими»³⁰. Однако проблема дисциплины осталась нерешенной. В разделе тезисов о режиме экономии признавалось, что некоторые хозяйственные органы виновны в извращении принципов этой политики, проводя ее «не за счет рационализации процессов производства и сокращения накладных расходов, а путем нарушения насущнейших нужд и интересов рабочих». Вместе с тем в резолюции конференции отмечалась «планомерная неустанная работа над укреплением профсоюзной и трудовой дисциплины, решительная борьба с анархическими приемами, применяемыми отдельными группами рабочих... («уходы с работы», забастовки без разрешения профсоюза и т. п.)», и содержался призыв, чтобы профсоюзы противостояли «прогулам, расхлябанности, недобросовестному отношению к своим обязанностям» среди рабочих³¹. При этом никто не стремился в какой бы то ни было форме подчеркнуть несовместимость ускоренной индустриализации с краткосрочными интересами рабочих, которым предстояло выдержать бремя и напряжение начинавшейся гонки.

Между тем ВСНХ времени зря не терял. Сразу же после окончания XV конференции ВКП(б), 5 ноября 1926 г., был издан циркуляр, подчеркивавший необходимость исправления существующей «диспропорции» между заработной платой, производительностью труда и капиталовложениями и утверждавший, что «ножницы между заработной платой и производительностью труда должны быть приведены в норму»³². Это вызвало опубликованное в «Труде» возражение М. И. Фрумкина, который особенно протестовал против включения накопления капитала в соотношение между доходами и производительностью³³. Эта тема была осторожно за-

тронута на VII съезде профсоюзов СССР в декабре 1926 г. В своей вступительной речи Н. И. Рыков противопоставил «рационализацию производства в капиталистических странах», которая происходит «помимо воли и против интересов рабочих масс», процессам социалистического строительства, которые могут быть осуществлены «при самом активном участии широких масс рабочего класса и в их интересах»³⁴. М. П. Томский отклонил выдвинутое Троцким положение о приоритете заработной платы над производительностью труда и красноречиво подкрепил довод Рыкова, противопоставив роль коммуниста в буржуазных странах, где он «целиком и полностью всегда обязан поддерживать всякие требования рабочих, направленные на улучшение их экономического положения», его роли в условиях диктатуры пролетариата, где «интересы сегодняшнего дня должны быть подчинены общим классовым интересам завтрашнего дня и ближайшего отрезка времени»³⁵. Один критически настроенный рядовой делегат съезда утверждал, что руководители предприятий «хотели режимом экономии сначала пощупать рабочих — нельзя ли снизить у них несколько зарплату...»; другой делегат слово «режим» рифмовал с «нажимом» на рабочего, который «ощущает этот нажим на своих плечах». Еще один делегат в резкой форме заявил, что «не секрет», что меры, подобные повышению производительности и режиму экономии, «сводились к нажиму на мускульную рабочую силу» и что в меньшей степени внимание обращалось на рационализацию и оборудование производства³⁶. После того как В. В. Куйбышев заявил, что «зарплата в ее червонном выражении возросла больше, чем производительность труда», и осмотрительно добавил, что это «не могло, конечно, благоприятно отозваться на движении себестоимости»³⁷, председатель союза пищевиков С. Кроль, направив острие своего выступления скорее на Краваля, чем на Куйбышева, так осудил деятельность отдела экономики труда ВСНХ: «Десяток людей, которые думают, что они призваны знать «все», берут на себя смелость утверждать целый ряд вещей, которые могут повести к ухудшению положения рабочих»³⁸. Резолюции съезда отклонили «извращения режима экономии», приводящие к «ухудшению материального положения рабочих», но не осталось никаких сомнений в том, что необходима поддержка профсоюзами политики индустриализации: «Важнейшей задачей профсоюзов является дальнейшая настойчивая работа по повышению производительности труда путем рационализации производства»³⁹.

На этом этапе «рационализация» вытеснила «режим экономии» в качестве экономического лозунга момента⁴⁰. Постановление ЦК ВКП(б) от 24 марта 1927 г. о вопросах рационализации производства вновь подняло проблему организации труда и трудовой дисциплины: число неявок на работу без уважительных причин было ограничено максимум тремя днями в месяц⁴¹. V конференция ВЛКСМ в марте 1927 г. подняла свой голос в поддержку улучшения трудовой дисциплины, призвав к «борьбе против прогулов» и

к «зарождению в молодом рабочем ответственного отношения к станку, материалам и инструменту»; члены ВЛКСМ должны были служить примером в этом отношении для друзей-рабочих⁴². В следующем месяце на IV съезде Советов СССР один несговорчивый профсоюзный делегат высказался в том духе, что в существующих условиях «мы едва ли преуспеем в подъеме производительности», и доказывал, что для реального повышения производительности необходимо «обновление машин и оборудования, механизация и рационализация производства»⁴³. В резолюции по развитию промышленности, внесенной В. В. Куйбышевым, безоговорочно заявлялось, что «необходимо дальнейшее повышение производительности труда с тем, чтобы доля заработной платы в себестоимости систематически снижалась». Было поддержано требование партийной резолюции о более жестких наказаниях за прогулы; число прогулов без уважительных причин, в качестве наказания за которые следует автоматическое увольнение, было сокращено с шести до трех дней в месяц⁴⁴. Несколько месяцев спустя ВЦСПС убеждал все профсоюзные организации в необходимости усиления кампании «социалистической рационализации»⁴⁵. В данном случае доминировала логика экономической ситуации. Проводилась политика рационализации как технологических процессов, так и организации труда. Однако, в то время как нехватка ресурсов капитала ограничивала темпы, с которыми могло улучшаться техническое оснащение производства, призыв к экономии постоянно был направлен на более интенсивное и «рациональное» использование рабочей силы.

Эта проблема еще раз всплыла в связи с подготовкой контрольных цифр на предстоящий 1927/28 хоз. г., что служит примером влияния планирования на любой фундаментальный политический вопрос. Окончательные результаты за 1926/27 хоз. г. продемонстрировали лишь 9%-ный рост производительности в сравнении с целевым показателем 12,6%; при этом доходы выросли на 12% в сравнении с целевым ростом 9,9%⁴⁶. Попытка обеспечить опережающий рост производительности труда в сопоставлении с заработной платой оказалась тем самым безуспешной. Этот промах требовалось как-то исправить; и ВСНХ заложил в свои расчеты резкое повышение производительности на 13,8% при 6%-ном увеличении заработной платы на предстоящий хозяйственный год⁴⁷. Эти оценки были, по существу, приняты Госпланом, который, отметив в свое оправдание, что «в период реконструкции повышение производительности труда обусловлено технико-организационными усовершенствованиями, а не ростом интенсивности труда», тем не менее предусмотрел в своих контрольных цифрах рост производительности труда на 12,6% в отраслях производства средств производства и на 13,7% — в производстве потребительских товаров при 6%-ном увеличении заработной платы; это с учетом предполагавшегося снижения цен считалось эквивалентным повышению реальных доходов на 12—13%⁴⁸. Возобновление коллективных догово-

ров в начале хозяйственного года, осенью 1927 г., привело к обычному спору между ВСНХ и ВЦСПС. Статья в «Торгово-промышленной газете» от 18 октября 1927 г. обвинила профсоюзы в «необоснованно оптимистической» точке зрения на производительность и ее взаимосвязь с доходами, на что в «Труде» на следующий день был дан резкий ответ. Однако, что бы ни высказывалось по поводу трений между ВСНХ и профсоюзами, от имени Куйбышева и Томского было выпущено распоряжение, разъясняющее, что в «соотношении производительности труда и зарплаты необходимо достигнуть решительного перелома в сторону превышения темпа роста производительности труда над ростом заработной платы»: теперь уже предусматривались соответственные темпы роста на 13,8 и 6,8% ⁴⁹.

Эта политика оказалась крайне уязвимой для критики со стороны оппозиции. Вместе с тем нападки оппозиции были не лишены демагогии. Оппозиция даже в большей степени, чем официальные руководители, была приверженцем интенсивной индустриализации, и каждый практически воплотимый метод достижения этой цели предполагал усиление давления либо на рабочего, либо на крестьянина, либо на обоих. Л. Д. Троцкий, когда у него в руках была власть, прославился ярым сторонником строгой дисциплины труда ⁵⁰. Однако парадокс государства, объявившего себя государством рабочих и взвалившего на рабочих непосильную ношу с целью увеличения объема производства, урезая при этом их доходы, был слишком легкой мишенью, чтобы его пощадить. В платформе оппозиции от сентября 1927 г. содержалась жалоба, что повышенная производительность труда означает лишь усиленное «давление на мускулы и нервы рабочих». Был высказан протест против интенсификации дисциплины на заводах и фабриках: «Административные органы все сильнее стараются установить свою неограниченную власть. Прием рабочих на работу и их увольнение оказались практически целиком в руках администрации. Не редкостью стали предреволюционные отношения между мастером и рабочими». Оппозиция требовала роста заработной платы, по крайней мере пропорционального росту производительности труда, и радикального отказа от «каких-либо намерений удлинить 8-часовой день» ⁵¹.

Руководители партии, всегда особенно чувствительные к обвинению в эксплуатации рабочих, прореагировали на это гораздо резче, чем на какой-либо другой лозунг оппозиции. Они решили осадить оппозицию по этому вопросу смелым и неожиданным ударом. 8-часовой рабочий день был провозглашен как одно из великих завоеваний революции, и было осуществлено постепенное, но неустанное сокращение протяженности рабочего дня ⁵². В конце длинной речи на Московском областном съезде профсоюзов 12 октября 1927 г. Н. И. Бухарин поднял вопрос, очевидно с ведома Политбюро, о «медленном, но уверенном переходе к более короткому рабочему дню» и говорил, что 7-часовой день поставит «но-

вые задачи перед профсоюзами и рабочим классом». Одновременно он потребовал повышения производительности труда и отверг «рабские темпы» работы в строительстве. Однако эта часть речи не публиковалась почти неделю и, по-видимому, не привлекла особого внимания⁵³. Впервые известность пришла в другой форме. Одной из целей сессии ЦИК СССР в октябре 1927 г. было принятие манифеста по поводу десятой годовщины Октябрьской революции. Проект манифеста был представлен партийной фракцией делегатов в канун сессии. 15 октября 1927 г. им была объявлена программа, основным и наиболее сенсационным пунктом которой явился следующий: «Обеспечить переход рабочих, занятых в производстве на заводах, фабриках и в мастерских, в течение последующих нескольких лет на 7-часовой рабочий день без сокращения заработной платы и с этой целью обязать Президиум ЦИК и Совнарком СССР начать, самое позднее в пределах года, постепенное исполнение этой резолюции в некоторых отраслях промышленности, в соответствии с прогрессом, достигнутым в ходе переоборудования и рационализации заводов, фабрик и мастерских, и по мере роста производительности труда»⁵⁴. Было совершенно ясно, что предполагалось платить ту же заработную плату за меньшее отработанное время, но при условии сохранения также и выпуска продукции или даже его увеличения. С практической точки зрения у 7-часового рабочего дня имелось одно преимущество, хотя этот аспект и не столь уж широко освещался ни приверженцами этой схемы, ни их критиками из оппозиции, и оно было важнейшим фактором для предлагавших схему, так как облегчало переход на трехсменный режим работы. Месяцем ранее В. И. Межлаук на заседании комиссии ВСНХ по пересмотру пятилетнего плана настаивал на рассмотрении вопроса: «Можем ли мы перейти на сокращенный рабочий день, а по тем отраслям, где это необходимо и целесообразно, ввести трехсменную работу?..»; а И. А. Краваль комментировал это тем, что в некоторых отраслях сокращенный рабочий день может помочь борьбе с безработицей и заставит использовать «морально изношенное», т. е. устаревшее, оборудование⁵⁵. С. Г. Струмилин на заседании Президиума Госплана СССР 14 октября 1927 г. говорил о перспективном увеличении числа смен в качестве пути снижения числа безработных⁵⁶. В редакционной статье «Правды» от 18 октября 1927 г. разъяснялось, что 7-часовой рабочий день будет «связан в ряде отраслей [промышленности] с увеличением числа рабочих смен и со снижением безработицы». Л. М. Сабсович заявлял, что трехсменка, практически реализуемая благодаря 7-часовому рабочему дню, позволит текстильной промышленности увеличить выпуск продукции на 40%⁵⁷.

Независимо от того, какие расчеты были заложены в основу предложения о 7-часовом рабочем дне, совершенно ясно, что одним из мотивов этого внезапного шага было стремление расстроить планы и перехитрить оппозицию. Эта задача была выполнена.

Когда предложение обсуждалось партийной фракцией, Зиновьев сетовал, что большинство из присутствовавших впервые услышало о предложении «вчера или за день до своего прибытия в Москву или Ленинград»⁵⁸; ни один из текущих проектов планов не шел дальше упоминания этой идеи. Он отрицал, что продолжительность рабочего дня является ныне основной проблемой рабочих. Гораздо более важны вопросы заработной платы, безработицы и жилья, и Зиновьев повторно изложил основные положения платформы оппозиции⁵⁹. Троцкий выступил следом в аналогичном, хотя и более едком ключе. Он язвительно говорил о «политике сюрпризов и неожиданностей» и о «политике, приспособленной к одной острой ситуации, рассчитанной на политический эффект — но не более». Предложение полностью расходилось с генеральной линией: «Все колеса машины вращаются слева направо, а в выходной день справа налево»⁶⁰. Эти возражения не помешали ЦИК принять проект манифеста, где он прошел под восторженное и единодушное одобрение и без какого-либо обсуждения; Н. И. Рыков назвал это «второй стадией процесса рационализации и реконструкции промышленности» и разъяснил, что в то время, как при капитализме рационализация означает «интенсивную эксплуатацию рабочего класса и рост прибылей капиталиста», при социализме она несет «одновременное улучшение условий труда и материального положения рабочего класса»⁶¹.

В последующие пять дней принятие 7-часового рабочего дня широко приветствовалось прессой. На заседании объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), начавшегося 21 октября 1927 г., Г. Е. Евдокимов, выступление которого постоянно прерывали, повторил мнение оппозиции по поводу способа, при помощи которого был введен в обращение лозунг 7-часового рабочего дня, и вновь выразил недовольство тем, что «мы связываем вопрос о росте заработной платы в промышленности исключительно с повышением интенсивности труда рабочих». Л. Д. Троцкий, речь которого была прервана из-за поднявшегося шума и выкриков, назвал проект «юбилейным вывертом» и заявил, что М. Т. Томский был якобы против него из опасения, что «рабочие потребуют отчета от профсоюзов»⁶². В качестве ответа на эти нападки Пленумом ЦК ВКП(б) была принята специальная резолюция, одобрявшая манифест от 15 октября 1927 г., причем оппозиция голосовала против нее⁶³. Введение трехсменной системы вскоре превратилось в один из центральных пунктов реформы. Профсоюз текстильщиков согласился с экспериментальным введением системы на пяти фабриках⁶⁴. В соответствии с Постановлением от 11 ноября 1927 г. была сформирована правительственная комиссия, включавшая представителей Наркомтруда, ВЦСПС и ВСНХ, для подготовки к осуществлению проекта⁶⁵, а 17 ноября 1927 г. Президиум ВСПС создал комиссию по рассмотрению его профсоюзных аспектов, в том числе злополучного вопроса о ночной работе женщин и подростков⁶⁶.

XV съезд ВКП(б), собравшийся в начале декабря 1927 г., уделил поразительно мало внимания проблемам труда. Н. П. Чаплин, выступавший от имени ВЛКСМ, поставил вопрос о сокращении рабочего дня подростков с 6 до 5 часов в случае перехода на 7-часовой рабочий день. Г. Е. Евдокимов вновь осудил предложение в целом в своей речи, произнесенной под шум и беспрестанные выкрики⁶⁷. В то время как проходили заседания съезда, 15 членов прежней группы «демократического централизма», возглавляемые Т. Сапроновым и В. М. Смирновым, выступили с заявлением, в котором «рационализация» (в кавычках) описывалась как «подмена технического прогресса» и утверждалось, что широкие массы рабочего класса «лишились возможности на деле пользоваться завоеванной в Октябрьскую революцию рабочей демократией»⁶⁸. М. П. Томский заявил, что рабочие, особенно беспартийные рабочие, безразличны к дискуссии в партии и были бы рады увидеть, что оппозиция замолчала⁶⁹. В остальном он едва коснулся недовольства рабочих, впрочем, как и другие профсоюзные руководители. Только Н. А. Угланов, обратившись к трехсменке, горячо говорил о том, что «должна стоять конкретная задача, как это крупнейшее мероприятие осуществить», и призывал поставить этот вопрос «во главе угла» всей политики⁷⁰. В резолюции съезда по отчету Центрального Комитета была провозглашена политика «рационализации производства и управления» и отмечалось, но не подчеркивалось особо, что партия «провозгласила постепенный переход к 7-часовому рабочему дню»⁷¹. Поражение оппозиции и исключение из партии ее активных деятелей позволили партийным лидерам проводить свой курс беспрепятственно, не опасаясь публичной критики или протестов со стороны неподатливых рабочих. Но вызванный недобором зерна кризис зимой 1927/28 г. поставил под угрозу всю программу индустриализации, и правящий режим столкнулся с наиболее острым внутренним кризисом начиная с 1921 г. В 1928 г. со всех сторон начало оказываться мощнейшее давление по поддержанию и увеличению объемов производства, что всей тяжестью легло на плечи промышленных рабочих. Наиболее прямым и заметным инструментом проведения этой политики явилось введение трехсменки и пересмотр норм выработки продукции рабочими.

Впервые положения о 7-часовом рабочем дне были практически введены в январе 1928 г. в текстильной промышленности с целью замены ранее существовавших двух 8-часовых смен тремя 7-часовыми. Эта мера явно диктовалась экстренной необходимостью увеличить поставки текстильных товаров сельскому населению и стимулировать тем самым снабжение рынка зерном⁷². В этом контексте обстоятельство сделали переход на трехсменную работу весьма целесообразным решением. В текстильной промышленности станки зачастую были старыми; управляющие доказы-

ли, что в связи с технической устарелостью машин, нуждавшихся в замене, было бы оправданным выжать из них максимум, на что они способны⁷³. Переход на новую систему в первые месяцы 1928 г. был ограничен Москвой, Ленинградом и Центральным промышленным районом⁷⁴ и практически исключительно текстильной промышленностью. В мае 1928 г. на трехсменку перешли 7,2% рабочих в хлопко- и льноткачестве и 35,2% в шерстоткачестве⁷⁵. К 1 октября 1928 г. на 7-часовой день перешли 28 фабрик, на которых работало 126,5 тыс. рабочих; из них 20 со 113 тыс. рабочих были текстильными, и на них приходилось 22,4% всех текстильщиков⁷⁶. На 20 текстильных фабриках число рабочих выросло с 91,2 тыс., по состоянию на 1 января 1928 г., до 119,9 тыс. спустя шесть месяцев; на некоторых фабриках рост численности достигал 46%⁷⁷. К концу 1928 г. переход на 7-часовые смены был одобрен для 255 заводов и фабрик с 363 тыс. рабочих; по несколько оптимистическим оценкам, к 1 октября 1929 г. пятая часть всех промышленных рабочих должна была работать на 7-часовой основе⁷⁸.

Но пришлось подсчитывать и издержки перехода на трехсменную систему. При обсуждении этой меры среди директоров выявились многие практические трудности, включая перегрузку машин и оборудования, а также нехватку сырья и материалов. Общее мнение сходилось в том, что реформа повлечет за собой временное снижение производительности труда в расчете на час рабочего времени и что она может быть введена лишь «очень медленно и со значительными напряжениями»⁷⁹. В статье в партийном журнале «Большевик» признавалось, что введение третьей смены привело к росту числа прогулов и к недисциплинированности, вызвав временное снижение производительности на 5—15%: в значительной степени это относилось на счет низкого качества вновь набираемой рабочей силы⁸⁰. Согласно докладу о первых пяти месяцах действия трехсменки, непрерывный режим работы привел к росту числа остановок в результате механических поломок, а увеличение часов работы было скомпенсировано снижением производительности. Однако все это трактовалось как трудности переходного процесса, и приводились цифры, призванные показать, что производительность, хотя и более низкая, чем до перехода на новую систему, теперь вновь повышается⁸¹. В резолюции ЦК ВКП(б) от 20 мая 1928 г. о предварительных результатах введения новой схемы среди недостатков называлась слабая организационная подготовленность, а также нехватка сырья и низкое качество набираемой рабочей силы⁸². В частности, трехчасовая приостановка работы признавалась недостаточной для приемлемой уборки и проветривания предприятий, а также технического обслуживания станков⁸³. Н. А. Угланов на заседании МГК ВКП(б) 30 июня 1928 г. критиковал чрезмерную поспешность во внедрении системы на заводах и фабриках, к ней не приспособленных⁸⁴.

Наиболее частым, однако, доводом против трехсменки было то, что реформа первоначально в качестве плана объявляла об облегчении участи рабочего благодаря сокращению его рабочего времени, но на деле это трансформировалось в средство возложения на него нового бремени. Одним из пунктов в предложенной системе, против которого открыто протестовали рабочие-текстильщики, было положение о том, чтобы рабочие работали не в непрерывных 7-часовых сменах, а в две полусмены по три с половиной часа каждые 24 часа. Против выступил профсоюз, указавший, что такой режим нарушит нормальную жизнь рабочих, и Наркомтруд отказался от такой схемы⁸⁵. Однако в действительности эта схема получила, по-видимому, широкое распространение⁸⁶. Введение трехсменной системы предполагало полную отмену предусмотренного в кодексе законов о труде РСФСР запрета на привлечение женщин к ночным работам (большинство работников текстильной промышленности были женщины); но это положение закона уже давно действовало лишь на бумаге⁸⁷. В январе 1928 г. оно было заменено законом, запрещавшим привлечение к ночной работе женщин со сроком беременности более пяти месяцев и кормящих матерей в течение семи месяцев после рождения ребенка⁸⁸. Сообщалось, что даже этот запрет встретил сопротивление со стороны самих женщин, которые возражали против перевода в непривычные смены, что могло привести к снижению зарплаток, и, как правило, этот запрет не соблюдался⁸⁹. В. В. Шмидт в докладе ВЦСПС от 19 октября 1928 г. заявил, что в то время, как задача 7-часового рабочего дня заключается в увеличении объемов производства, «наша задача — предотвращение перекладывания результирующего бремени исключительно на плечи рабочих». Он признал рост заболеваемости и травматизма среди рабочих, занятых в 7-часовых сменах⁹⁰. Несколько позже в докладе партийных органов высказывалось сожаление о «прямой оппозиции» этой схеме со стороны «несознательных групп рабочих», особенно в текстильной промышленности⁹¹.

ЦК ВКП(б) на своем Пленуме в ноябре 1928 г. принял специальную резолюцию о введении 7-часового рабочего дня, давая понять, что это наиболее трудная проблема текущего момента в сфере трудовых отношений. В резолюции по пунктам перечислялись недостатки системы и определялись меры по их устранению. Принимая как само собой разумеющееся законность привлечения женщин к ночным работам, резолюция призывала к строгому соблюдению постановления законодательных органов «об освобождении беременных и кормящих женщин от работы в ночной смене на предприятиях, переведенных или переводимых на 7-часовой рабочий день». Однако в резолюции рассматривался также и вопрос о планировавшемся расширении масштабов применения системы. Ее применение в промышленности на транспорте должно было расшириться примерно на 20% в 1928/29 хоз. г. и не менее чем на 20% год спустя. В принципе был одобрен подготовленный комис-

сией по проработке этого вопроса список предприятий, переводимых на 7-часовой рабочий день; но было обращено внимание на необходимость распространения системы на наиболее важные производственные предприятия, особенно в тяжелой индустрии⁹². Несколько двойственным оказалось отношение к этому вопросу состоявшегося в следующем месяце VIII съезда профсоюзов СССР. М. П. Томский в своей формальной вступительной речи провозгласил 7-часовой рабочий день предвестником «дальнейших успехов в рационализации труда»⁹³, но в своем основном докладе этой темы не развил. И. А. Толстомятов, заместитель наркома, который заменил В. В. Шмидта в качестве докладчика от Наркомтруда, признал, что на текстильных фабриках, перешедших на 7-часовой рабочий день и трехсменку, при росте численности рабочих на 24,9% объем производства увеличился только на 24,5%, а среднесуточная зарплата снизилась до 92,1% от прежнего уровня; тем временем травматизм вырос на 35,7%. Эти зловещие итоги были отнесены на счет того факта, что перевод на новый режим работы не был достаточно подготовлен и происходил «без участия рабочих масс»; Наркомтруд должен был работать над устранением недостатков⁹⁴. Съезд не преминул поприветствовать 7-часовой рабочий день как «огромное достижение рабочего класса» и одобрил решение по переводу всей промышленности и транспорта на новую систему в течение пяти лет, но призвал к усилению внимания к материальным нуждам рабочих⁹⁵. Принятый ЦИК СССР закон от 2 января 1929 г. предусматривал перевод на 7-часовой рабочий день в ходе пятилетки всех производственных предприятий⁹⁶.

Другим мощным средством нажима на рабочих в этот период явилось повышение «норм» выработки (или снижение «расценок за работу»); нормы были ключевым фактором в установлении сдельных расценок и в определении соотношения между производительностью труда и зарплатой. В резолюции Пленума ЦК ВКП(б) от 19 августа 1924 г., в которой впервые осторожно провозглашалось, что «рост производительности труда должен обогнать рост зарплаты», и отменялись ограничения на сдельный приработок⁹⁷, было выдвинуто требование о «периодическом пересмотре норм выработки». Однако в этом направлении удалось добиться, по-видимому, немногого. В апреле 1926 г. на конференции о государственной промышленности И. А. Краваль утверждал, что во многих случаях нормы не пересматривались в течение 18 месяцев и что фактическая выработка зачастую вдвое превышает нормы; впоследствии, в августе 1926 г., в связи с заключением новых коллективных договоров он вновь обратился к этому вопросу⁹⁸. После повышения зарплаты в августе — сентябре 1926 г. ВСНХ еще раз повторил, что «новая политика в области заработной платы обязует тресты поднять вопрос о пересмотре норм выработки», с тем чтобы привести в нормальное соотношение «нож-

ницы зарплата — производительность»⁹⁹, а на XV конференции ВКП(б) в октябре 1926 г. говорилось о необходимости пересмотра норм выработки¹⁰⁰. Однако эти требования столкнулись с необычайно упорным сопротивлением рабочих и профсоюзов, и поэтому власти проявили примечательную осторожность. В Постановлении ЦК ВКП(б) о вопросах рационализации производства от 24 марта 1927 г. призывалось уделить «особое внимание» постановке нормирования на новых предприятиях; на других предприятиях, где «проведены и проводятся организационные и технические улучшения производства», нормы должны пересматриваться в соответствии с результатами этих улучшений, но таким образом, «чтобы этот пересмотр не приводил к снижению... ежедневной зарплаты рабочих»¹⁰¹. На пленуме ВСНХ в августе 1927 г. В. В. Куйбышев говорил, что для опережающего роста производительности труда по сравнению с ростом зарплаты должны быть повышены нормы, а лишние рабочие уволены¹⁰². Вместе тем вплоть до осени 1927 г. перед лицом нападок оппозиции партия настаивала на сплочении своих рядов. С присущим упорством И. А. Краваль еще раз поставил вопрос о пересмотре норм перед ВСНХ¹⁰³, и ВЦСПС, очевидно под нажимом, согласился в общем с необходимостью такого пересмотра¹⁰⁴. Окончательная попытка ликвидировать противоречия была предпринята в совместной директиве Куйбышева — Томского от октября 1927 года¹⁰⁵. В ней было твердо определено, что нормы подлежат пересмотру там, где в течение долгого времени они не пересматривались, или где они стали «ошибочными и отсталыми», или где «рационализация и улучшения организации и технологии производства повысили производительность труда». Однако нормы оставались основным и уязвимым местом. Месяцем позже на XV съезде ВКП(б) В. В. Куйбышев с негодованием рассказывал, что «один из губкомов недавно на совещании с хозяйственными и профсоюзными руководителями дал директиву ни в коем случае не пересматривать норм выработки ввиду обстановки, которая создалась в связи с борьбой с оппозицией»¹⁰⁶. Контроль над нормами все яснее обрисовывался как один из главных инструментов планового контроля над доходами.

Здесь, как и на других направлениях, устранение оппозиции открыло дорогу проведению более энергичной политики и ослабило опасность нежеланной гласности. Тем не менее противодействие профсоюзных деятелей продолжалось. В декабре 1927 г. ВЦСПС издал распоряжение, осуждавшее отказ некоторых местных профсоюзных органов пересматривать устаревшие нормы¹⁰⁷. Но «Торгово-промышленная газета» сетовала на то, что «в подавляющем большинстве случаев хозяйственные органы требуют оптового пересмотра норм на всех предприятиях, что ведет к снижению зарплаты»¹⁰⁸, а И. И. Лепсе на съезде профсоюза металлистов в феврале 1928 г. требовал, чтобы нормы пересматривались только там, где производственные процессы были усовершенствованы технически, а не применялись как средство принудительного снижения за-

рабочной платы¹⁰⁹. На конференции отделов экономики труда в июне 1928 г. В. В. Куйбышев признал, что в течение 1927/28 хоз. г. нормы улучшились, с точки зрения хозяйственников, в металлообрабатывающей промышленности и были в общем удовлетворительными в текстильной. Конференция приняла резолюцию, требовавшую пересмотра норм в легкой промышленности и предлагавшую проводить в будущем пересмотр норм не только раз в год по случаю возобновления коллективных договоров, но и в любое время на протяжении года¹¹⁰.

Дискуссия о соотношении между производительностью труда и зарплатой возобновилась осенью 1928 г. в ходе подготовки Госпланом контрольных цифр на 1928/29 хоз. г. и первого пятилетнего плана. Итоги за 1927/28 хоз. г. оказались весьма воодушевляющими. Впервые с 1924/25 хоз. г. рост производительности явно опередил рост зарплат. В ценовых отраслях промышленности производительность труда выросла на 12%, причем прирост в отраслях группы «А» был выше, чем в группе «Б»¹¹¹, а номинальная заработная плата увеличилась только на 10%¹¹². Составители контрольных цифр на 1928/29 хоз. г. заявляли, что в 1927/28 хоз. г., за исключением угледобычи, производительность повсеместно росла быстрее, чем реальная зарплата. В металлообрабатывающей промышленности производительность труда выросла на 14%, а реальная зарплата — на 7%; в более эффективном электромашиностроении производительность выросла на 25%, тогда как реальная зарплата — на 7%; в хлопчаткачестве производительность поднялась на 12%, а реальная зарплата — на 5%; в пищевой промышленности производительность труда возросла на 22%, тогда как реальная зарплата осталась на прежнем уровне¹¹³. В своем первом проекте контрольных цифр на 1928/29 хоз. г. ВСНХ предлагал повысить производительность труда в отраслях группы «А» на 14,7%, а в отраслях группы «Б» — на 11,6% при повышении заработной платы на 6% в отраслях группы «А» и на 4,8% — в группе «Б»¹¹⁴. Госплан, оказавшийся более щедрым в отношении зарплат трудящихся, при оценке производительности труда повел себя довольно честно. В 1927/28 хоз. г. им был зарегистрирован 13%-ный рост производительности труда, и, повторяя, что «главным фактором повышения производительности труда является организационно-техническое улучшение производства, а не рост интенсивности труда», Госплан прогнозировал на предстоящий хозяйственный год в переписных отраслях промышленности увеличение производительности труда на 17,5%¹¹⁵. ВЦСПС тшечно призывал сократить эту цифру до 16%¹¹⁶.

Летом 1928 г. неослабная борьба за повышение производительности труда привела к усилению напряженности в трудовых отношениях, хотя довольно трудно сказать, насколько это было обусловлено ухудшением дисциплины труда рабочих, а в какой мере — попытками управляющих проводить в жизнь более жесткие меры контроля в стремлении добиться бóльших объемов производства.

В мае 1928 г. сообщалось об «ослаблении трудовой дисциплины» в угледобыче, что постепенно распространилось на другие производственные отрасли¹¹⁷. Наибольшие трудности возникли в тяжелой промышленности. Сильное беспокойство по поводу сложившейся в угледобыче ситуации выражалось в газете «Экономическая жизнь»: «Добыча угля падает. Производительность труда за последнее время несколько уменьшилась. Оборудование из рук вон плохо. С себестоимостью неблагоприятно. На шахте расхлябанность, отсутствие дисциплины, плохая работа механизмов, избыток рабочей силы, огромные прогулы»¹¹⁸. Статьи в «Торгово-промышленной газете» привлекали внимание к снижению объемов производства в период февраля—июля 1928 г. на «Югостали», что объяснялось ослаблением трудовой дисциплины. Число остановок производственного процесса в апреле—июне 1928 г. превысило аналогичный показатель за тот же квартал предшествующего года, а сезонный спад производства в летние месяцы оказался более глубоким¹¹⁹. В статье в официальном журнале приводились многочисленные формы нарушений дисциплины на производстве: (1) пьянство на рабочем месте, (2) прогулы; (3) хулиганство, (4) необязательность, (5) сон на работе, (6) оскорбление или избивание специалистов и административного персонала, (7) отказ работать в религиозные праздники, (8) намеренное снижение производительности труда, (9) воровство. Среди причин, обусловивших ослабление дисциплины, назывались «культурная и техническая отсталость» и «низкий культурный уровень» рабочих, особенно набранных в промышленность недавних крестьян («общий культурный рост рабочего класса не соответствует росту крупномасштабной промышленности»); «противодействие капиталистических элементов и обострение классовый борьбы в стране» и ухудшение отношений между рабочими и техническим персоналом, порожденное «шахтинским делом»¹²⁰. В более позднем обзоре ссылались на «высокий процент прогулов по неуважительным причинам, опоздания к началу работы и преждевременный уход с нее, неподчинение рабочих законным распоряжениям административно-технического персонала» как «на почти массовое явление»¹²¹. Направленная против беспартийных специалистов кампания, последовавшая после суда над участниками «шахтинского дела», способствовала подрыву авторитета управляющих. Журнал «красных» директоров «Предприятия» жаловался, что «советские принципы руководства предприятиями и производством... заменяются принципами выборности и фактической ответственности перед избравшими»¹²². Резолюция ЦК ВКП(б) от 11 апреля 1928 г. по «шахтинскому делу» предложила ВСНХ осуществить положение о трестах от 29 июня 1927 г. таким образом, чтобы «обеспечить за дирекцией предприятия действительное руководство в управлении предприятием»¹²³.

Состояние дисциплины на предприятиях широко обсуждалось на IV пленуме ВСНХ в ноябре 1928 г. В представленных

В. В. Куйбышевым тезисах отмечалось, что запланированные сокращение издержек и повышение производительности труда будут достигнуты «только в том случае, если партийные и профсоюзные организации предпримут все необходимые меры, чтобы не допустить в 1928/29 г. ослабления трудовой дисциплины и роста прогулов, наблюдавшихся в прошлом году»¹²⁴. Выступавшие один за другим сетовали на недисциплинированность рабочих и идущие у них на поводу профсоюзы. С. Бирман, председатель «Югостали», обвинил в происходящем как управляющих и инженеров, так и рабочих. Единственным из выступавших, кто придерживался иной точки зрения, был Л. И. Гинзбург, представитель ВЦСПС, оправдывавший позицию профсоюзов более быстрым подъемом производительности труда по сравнению с ростом заработной платы и отмечавший такие недостатки, как изношенность оборудования и нехватка сырья. Он доказывал, что нарушения дисциплины носят местный характер, а если брать промышленность в целом, то частота прогулов снизилась. Эти оправдания приняты не были. В ходе обсуждения В. В. Куйбышев посвятил свое ответное выступление опровержению положений доклада Гинзбурга и критике позиции, занятой профсоюзами¹²⁵. На протяжении 1928 г. отношения между рабочими и управляющими, несомненно, ухудшились, но все доказательства явно свидетельствовали о постепенном росте производительности труда в этот период¹²⁶, и заявление Гинзбурга о фактическом сокращении числа прогулов представлялось вполне обоснованным. Согласно цифрам официальной статистики, число дней, потерянных промышленностью из-за невыходов на работу без уважительной причины, сократилось с 7,86 в расчете на одного рабочего в 1926 г. до 6,94 в 1927 г., 6,72 в 1928 г. и 4,09 в 1929 г.¹²⁷ Другие статистические источники дают среднее число дней, проработанных в среднем каждым рабочим в промышленности: 261,36 дня в 1926 г., 260,85 — в 1927 г., 263,02 — в 1928 г. и 264,19 дня в 1929 г. при резком сокращении в последующие годы¹²⁸. Каким бы ни было объяснение усиления напряженности в трудовых отношениях, совершенно ясно, что для достижения успеха в борьбе за ускоренную индустриализацию нельзя было пренебрегать никакими средствами повышения производительности труда рабочего.

Начиная с 1925 г. судьба рабочего оказалась в полной зависимости от достижения нелегкого компромисса между ВСНХ и директорами предприятий, стремившимися повысить эффективность промышленного производства и снизить издержки, с одной стороны, и профсоюзами, заботившимися о непосредственном материальных интересах и благосостоянии рабочих, — с другой; между этими органами всегда была «некоторая напряженность», на которую однажды указал Ф. Э. Дзержинский¹²⁹. Однако по мере усиления борьбы за индустриализацию профсоюзы начали проигрывать; важнейшим соображением стало удовлетворение нужд

промышленности. В этой битве Томский довольствовался организованным отступлением, сберегая все, что было возможно. Он никогда не принадлежал к числу непримиримых оппозиционеров и энергично отвергал нападки оппозиции. Однако когда 10 декабря 1928 г. собрался VIII съезд профсоюзов СССР, в Политбюро только что произошел раскол, поставивший Бухарина, Рыкова и Томского в один ряд с лидерами «правой» оппозиции, стремившимися замедлить темпы индустриализации; и если Бухарин и Рыков были озабочены главным образом борьбой против чрезмерного давления, оказывавшегося на крестьян, то Томский в том же контексте оказался, естественно, борцом в защиту интересов промышленных рабочих. В сделанном им на съезде докладе нигде не содержался открытый вызов официальной политике. Тем не менее Томский высказал некоторые существенные замечания. Он, к примеру, критиковал самонадеянность и высокомерие плановых органов: «Плановость часто понимается так: говори по плану, а без плана — ни мур-мур, не смей слова сказать». Томский твердо заявил, что «мы никогда не считали позором, а наоборот, святой обязанностью добиваться большего и большего поднятия производительности труда и большей трудовой дисциплины», но затем заметил, что «мы отошли от периода военного коммунизма, когда, нечего греха таить, в некоторых профсоюзах чуть ли не устраивались арестные дома»¹³⁰. Б. Г. Козелев, председатель профсоюза рабочих-металлистов, назвал «методы принуждения в отношении рабочих масс отрывкой троцкизма»; делегат от Ленинграда выступил с протестом против попыток управляющих рационализировать производство «путем нажима на рабочих» и заявил, что «больше из рабочего выжать нечего»¹³¹. Однако эти одинокие голоса не повлияли на выводы съезда. Резолюции по вопросу заработной платы был предпослан мощный призыв к «величайшей дисциплине и выдержке» и к «новым и новым героическим усилиям». Еще раз недвусмысленно прозвучал принцип опережающего роста производительности труда по сравнению с увеличением заработной платы: «Переломным годом является 1927/1928 г., когда рост производительности обгоняет рост зарплаты, что обеспечило и снижение себестоимости, и соответствующие накопления промышленности. Однако даже в этом минувшем году не были достигнуты плановые задания. Темпы повышения производительности труда необходимо продолжать и развивать в дальнейшем»¹³². В. В. Куйбышев представил съезду пространный анализ пятилетнего плана, основанного на лозунге постепенного роста производительности труда и заработной платы, и в заключение сказал: «Рабочий класс, если он хочет индустриализовать страну, если он хочет догнать и перегнать капиталистический мир, то он осуществит те задачи, которые поставила перед ним история»¹³³. В резолюции по докладу Куйбышева все профсоюзы были призваны «оказывать всемерную поддержку хозорганам в мероприятиях, направленных к подъему производительности труда», декларируя, что

этого можно достичь лишь при условии улучшения материального положения рабочих¹³⁴. Несмотря на двусмысленность положений, скрывающихся за этими формулировками, съезд безоговорочно признал первостепенность требований индустриализации. Любые мелкие потребности должны быть принесены в жертву основной идее. Именно в рамках, определяемых этой основополагающей задачей, профсоюзы и предполагали в дальнейшем осуществлять свою традиционную политику. Съезд завершился смещением Томского с занимаемой им долгое время роли лидера советского профсоюзного движения¹³⁵.

Последующие несколько месяцев ознаменовались беспрецедентным нажимом на трудовом фронте. Постоянное повышение производительности труда на протяжении последних двух лет¹³⁶ послужило лишь стимулом для новых усилий в этой области. Первый пятилетний план, которому в это время придавался окончательный вид, предусматривал повышение производительности труда в промышленности за пятилетку на 85% («основной вариант») или на 110% («оптимальный вариант»). Составители плана открыто признавались в неспособности измерить относительную значимость двух важнейших факторов, вносящих свой вклад в это повышение: более широкого применения средств механизации и повышения интенсивности усилий каждого рабочего¹³⁷. Несомненно, основную роль должен был сыграть второй фактор. Обращенные к совести рабочего призывы улучшить дисциплину и повысить производительность уже стали привычными в течение предшествовавших двух лет. Резолюция ЦК ВКП(б) от 24 марта 1927 г. по вопросу о рационализации производства призывала к «сознательному отношению рабочих к рационализации и их активному участию в ее осуществлении»¹³⁸. Этот подход постоянно внедрялся в сознание масс на протяжении 1927 г. На IV съезде Советов СССР в апреле 1927 г. В. В. Куйбышев разъяснил, что советский «рабочий класс... чувствует себя хозяином промышленности, что он к промышленности относится не как к чему-то чужому, что нужно ему только с точки зрения получения своей заработной платы»¹³⁹.

С лета 1927 г. в общую кампанию был введен еще один элемент — соревнование. Начиная с сентября 1926 г. приобрели популярность и получили поддержку ВЛКСМ заводские соревнования на звание «лучшего молодого рабочего»¹⁴⁰. В «Торгово-промышленной газете» 1 сентября 1927 г. было объявлено соревнование на лучшее предприятие страны, оценку которого должна была дать комиссия под председательством Куйбышева; критерием для победы были успехи в снижении себестоимости производства, повышении качества продукции и улучшении условий труда и техники безопасности¹⁴¹. Это привело к распространению соревнования на местах, и в результате в апреле 1928 г. было в конце концов объявлено Всесоюзное соревнование¹⁴². Куйбышев внес новый оттенок, объявив о «некотором элементе соперничества

между директорами предприятий, отдельными трестами и т. п.»¹⁴³.

Осенью 1927 г. десятая годовщина Революции ознаменовалась по призыву ВЛКСМ возобновлением «коммунистических субботников», «родившихся» с благословения Ленина еще во времена гражданской войны, когда рабочие бесплатно отработывали определенное число сверхурочных часов. «Субботники» стали проводиться в Москве, Ленинграде, Киеве и на шахтах Донбасса¹⁴⁴. «Ударные бригады» рабочих брались за выполнение чрезвычайных заданий, а предприятия или группы рабочих вызывали всех на соревнование по увеличению объема производства¹⁴⁵. Во всех этих кампаниях достаточно ясно просматривался их искусственный характер и нажим на непокорных или безразличных рабочих, чтобы заставить их участвовать в этих мероприятиях. Однако если бы за всем этим не чувствовалось истинного энтузиазма, такую кампанию вряд ли развернули.

Проблема трудовой дисциплины и роста напряженности между рабочими и управляющими летом 1928 г.¹⁴⁶ вызвала не только репрессивные меры, но и привлекла дальнейшее внимание к стимулам. Озабоченность этим явно стала первопричиной Декрета СТО от 14 июня 1928 г., предусматривавшего в случае снижения сметной себестоимости на государственных промышленных предприятиях выделение 20—25% суммы экономии в фонд, используемый директором на дальнейшую рационализацию производства и улучшение бытовых и производственных условий рабочих¹⁴⁷. Не пренебрегали и нематериальными стимулами. Годом ранее законом от 27 июля 1927 г. было введено звание «Герой Труда», которое присваивалось лицам, добившимся особых достижений в любой форме служения обществу: в качестве одного из условий для присвоения этого звания называлась плодотворная трудовая деятельность в течение 35 лет. Герои Труда получали пенсии, определенные налоговые льготы и приоритеты в выделении жилья¹⁴⁸. В сентябре 1928 г. был учрежден орден Трудового Красного Знамени. Условия для награждения этим орденом были весьма сходны с положением о звании Героя Труда, введенным годом раньше, но с тем отличием, что им могли награждаться не только отдельные лица, но и предприятия, организации и рабочие коллективы¹⁴⁹.

В начале 1929 г. эти многообразные стимулы к производительному труду были организованы вокруг лозунга «социалистическое соревнование», который был впервые использован, по-видимому, в кампании по перевыборам в Советы¹⁵⁰. 20 января 1929 г. «Правда» напечатала статью, озаглавленную «Как организовать соревнование», написанную Лениным еще в январе 1918 г., но отложенную в сторону в условиях Брест-Литовского кризиса и до того времени не публиковавшуюся. В ней «соревнование» противопоставлялось капиталистической «конкуренции», результатом которой является эксплуатация рабочих в интересах их нанимателей, и

провозглашалось в качестве верного подхода к вовлечению рабочих в расширение производства в условиях строительства социализма¹⁵¹. Эта публикация способствовала началу широкой кампании. Статья Ленина была отпечатана отдельной брошюрой, распроданной за шесть недель тиражом около 3,5 млн. экземпляров¹⁵². «Комсомольская правда» описывала «ударные бригады, вызовы на соревнование под руководством комсомола» как «начало широкого социалистического соревнования» и призвала членов ВЛКСМ включиться в эту работу во всесоюзном масштабе¹⁵³. Резолюция ЦК ВКП(б) в марте 1929 г. вскрыла причины низкой производительности труда на текстильных фабриках и настоятельно рекомендовала ввести на них систему «соревнования»¹⁵⁴. Заводы и шахты подхватили лозунг и также организовали соревнование¹⁵⁵. В апреле 1929 г. «Правда» сообщала, что благодаря «социалистическому соревнованию» удалось полностью изжить прогулы на заводе, ранее славившемся пьянством среди рабочих, а «Труд» объявил, что март стал переломным моментом в кампании по улучшению трудовой дисциплины¹⁵⁶. Один из зарубежных наблюдателей, бывший очевидцем тех событий, так комментировал психологические мотивы, лежавшие в основе подобных заявлений: «Недостаточная дисциплинированность, столь заметная в советской промышленности, обусловлена... не отсутствием норм и правил или же их несоблюдением; от людей ждут именно внутренней самодисциплины. Средний советский рабочий происходит из крестьян. Его трудовые навыки и привычки, его образ мышления сформированы в сельском хозяйстве и унаследованы от многочисленных поколений крестьян. Поэтому он привык напряженно работать летом, когда будущий урожай нуждается в особой заботе, и впадать в спячку зимой. Он никак не предрасположен к регулярности в работе, к продолжительному совместному труду, который является составной частью индустриальной системы. При включении такого человека в фабрично-заводской коллектив необходимо его постоянно встряхивать и стимулировать массовыми митингами, оркестрами и речами, всеми пропагандистскими средствами... После такого массового митинга обычно происходит существенный рост объемов производства. Но затем неизбежно возникает противодействие»¹⁵⁷.

Широкое распространение подобных кампаний, естественно, не означало какого-либо ослабления традиционного давления заводской дисциплины. Резолюция ЦК ВКП(б) от 17 января 1929 г. обрисовала мрачную картину условий на шахтах Донбасса, утверждая, что происходит «падение трудовой дисциплины как среди рабочих, так и среди технического персонала и низшего надзора» при «недостаточном росте производительности труда»¹⁵⁸. Профсоюзная газета, теперь уже полностью поддерживавшая общую линию, писала о необходимости пересмотра норм выработки¹⁵⁹. Передовая в «Правде» от 31 января 1929 г. призывала к проведению под руководством старых кадровых рабочих кампа-

ний по повышению дисциплины на заводах и фабриках. 21 февраля 1929 г. всем партийным организациям было направлено письмо ЦК ВКП(б) о мерах по поднятию трудовой дисциплины¹⁶⁰. За этим последовало письмо президиума ВЦСПС «Ко всем трудящимся мужчинам и женщинам»¹⁶¹.

В полной негодования статье И. А. Краваль протестовал против недостаточных санкций за нарушение дисциплины: «Получается некий порочный круг: хозяйственник увольняет, РКК восстанавливает; если РКК также увольняет, то восстанавливает инспектор труда или суд, а если все инстанции признают увольнение правильным, то биржа труда все же посылает дезорганизатора на ту же самую работу, на то же предприятие»¹⁶². Принятие Совнаркомом сурового постановления от 6 марта 1929 г. свидетельствовало о выявлении ослабления трудовой дисциплины, росте числа прогулов и усилении неисполнительности на заводах и фабриках — явлении, приписываемом приходу новых рабочих и нетребовательности со стороны профсоюзов и администрации. Руководителям предприятий было рекомендовано налагать на нарушителей полную сумму штрафов, предусмотренных в законодательстве, а биржам труда — отдавать предпочтение рабочим, не увольнявшимся за нарушение дисциплины¹⁶³.

В апреле 1929 г. состоялась XVI конференция ВКП(б), главная задача которой состояла в том, чтобы продемонстрировать одобрение партией пятилетнего плана, подтвердить правильность требования ужесточения трудовой дисциплины и расширения социалистического соревнования. В. В. Куйбышев, бывший одним из трех докладчиков по пятилетнему плану¹⁶⁴, наиболее ясно обозначил линию партии, сделав упор на вопрос о трудовой дисциплине. Для удовлетворения потребностей растущей промышленности было сочтено необходимым «вовлечь сравнительно большое количество рабочих из деревни». Но «именно эти элементы и эти прослойки рабочего класса в большинстве случаев являются наименее дисциплинированными, наименее поддающимися трудовой дисциплине». Куйбышев привел цитату из написанной в 1918 г. знаменитой статьи «Очередные задачи Советской власти», в которой Ленин призывал к повышению интенсивности труда и говорил о необходимости сочетать революционный энтузиазм «с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица, советского руководителя, во время труда»¹⁶⁵. Куйбышев процитировал также (теперь это стало непрямым украшением наиболее значительных партийных речей) написанную в 1918 г. статью Ленина о социалистическом соревновании и в заключение прений предложил, без дальнейшего обсуждения, принять обращение «Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза»¹⁶⁶. Здесь довольно воинственным языком выражалась решимость «продолжать быструю индустриализацию и социалистическую реконструкцию сельского хозяйства». В качестве обоснования использовались цитаты из работ Ленина и из ре-

золюции IX съезда РКП (б) 1920 г., в которой соревнование было названо «могущественной силой подъема производительности труда». Последние абзацы обращения целиком построены на теме «соревнования». Профсоюзы и хозяйственные органы обязывались ввести «систему поощрения участников соревнования»; говорилось, что «соревнование и пятилетка неразрывно связаны между собой»¹⁶⁷. Резолюция конференции по пятилетнему плану подтвердила требование повысить производительность труда за плановый период на 110%¹⁶⁸.

Через несколько дней после окончания работы конференции ЦК ВКП(б) принял резолюцию, рекомендовавшую рабочим — членам партии развивать «социалистическое соревнование» между заводами, фабриками и цехами в массовом масштабе и распространить принцип коллективного соревнования на совхозы, колхозы и кооперативы¹⁶⁹. Тот же вопрос рассматривался месяцем позже на V съезде Советов СССР. Куйбышев требовал дальнейшего повышения производительности труда, которая, по его словам, выросла за последний год не более чем на 10%, и завершил свой доклад разглагольствованиями о «социалистическом соревновании»; докладчик от Наркомтруда доказывал, что поставленная пятилетним планом задача снижения издержек производства на 35% «трудна, но вполне осуществима», а резолюция съезда о деятельности правительства восхваляла социалистическое соревнование и 7-часовой рабочий день¹⁷⁰. Состоявшаяся в мае 1929 г. сессия ВЦСПС выпустила датированное 1 июня 1929 г. обращение о задачах руководства социалистическим соревнованием¹⁷¹. Указывалось, что к этому времени в различные формы социалистического соревнования включилось около двух миллионов рабочих¹⁷². Итоги 1928/29 хоз. г. продемонстрировали поразительные успехи, достигнутые в борьбе за рост производительности труда, которая возросла на 15% (на 14,4% в отраслях группы «А», на 16,6% — в группе «Б»)¹⁷³. Наибольший подъем наблюдался в полугодие с апреля по сентябрь 1929 г., когда объем производства в результате кампании за развитие соцсоревнования превысил показатель за тот же период предшествовавшего года на 20%¹⁷⁴. В период с 1925/26 по 1928/29 хоз. г. производительность возросла не менее чем на 42%¹⁷⁵. Хотя отчасти этот рост можно было бы отнести на счет восстановления предвоенного состояния народного хозяйства, его масштабы являются весьма впечатляющими; и эти достижения способствовали формированию уверенности в собственных силах, смешанной со стихийным энтузиазмом и расчетливостью, в атмосфере которых и началось осуществление первого пятилетнего плана.

ГЛАВА 19

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

В условиях НЭПа заработная плата определялась в принципе индивидуальными или коллективными договорами между нанимателем и рабочим без вмешательства государства. Кампания за установление связи между зарплатой и производительностью труда, активно проводившаяся с осени 1924 г.¹, не сопровождалась неизбежным нарушением этого принципа. Новым фактором, который начал постепенно ощущаться в трудовой политике с 1926 г. и вскоре стал доминирующим, был плановый принцип. В период массовой безработицы не сразу стало очевидным, что планирование оказывает некоторое направленное воздействие на труд. Однако взаимосвязь между зарплатой и планированием, даже без ее формального провозглашения, выявилась довольно скоро. Заработная плата была слишком важной для народного хозяйства статьей национальных счетов, чтобы оставить ее в стороне от расчетов и контроля плановых органов. В рамках любого комплексного и сбалансированного плана общая сумма заработной платы и ее распределение между разными отраслями промышленности являются жизненно важными элементами. В свою очередь это предполагает определенную степень централизованного контроля над тарифами зарплаты, несовместимого со свободными договорными отношениями между нанимателями и рабочими или хозяйственными органами и профсоюзами, который, несмотря на свою неоспоримость, вызвал мощное противодействие профсоюзных кругов и был предметом продолжительных дискуссий. Как отметил однажды М. П. Томский, «вопрос о заработной плате является сугубо политическим вопросом, он касается миллионов людей, которые кричат, которые волнуются, которые хотят пить и есть. Не понимать политической разницы между регулированием заработной платы, касающейся миллионов рабочих, и вопросами о топливе, сырье и т. д. — это значит слишком схематически подходить к вопросу»². Предзнаменованием текущих тенденций явились постепенное введение и распространение принципа установления государством фиксированной заработной платы служащим государственных и общественных учреждений³ и — что еще более существенно — события лета 1926 г., когда был осуществлен общий пе-

решение о заработной плате постановлением правительства на основании решения, принятого Политбюро.

После стабилизации зимой 1924/25 г. летом 1925 г. заработная плата вновь поползла вверх, приостановившись лишь на некоторое время осенью того же года. Но следующей зимой, несмотря на стабилизацию заработной платы в денежном выражении, реальная зарплата снизилась⁴. Объявленный весной 1926 г. «режим экономии» был интерпретирован Ф. Э. Дзержинским как запрет на какое бы то ни было повышение заработной платы⁵. А. Б. Штерн, помощник Пятакова в ВСНХ, надеялся на задержку роста зарплат до второго квартала 1926—1927 гг. (то есть до марта 1927 г.)⁶. Закон о режиме экономии от 11 июня 1926 г. среди прочих мер по снижению издержек требовал «запрета любых форм скрытого повышения заработной платы, сокращения сверхурочной работы, сокращения числа и длительности деловых командировок, особенно зарубежных, и выплаты заработной платы в строгом соответствии с установленными нормами»⁷. Однако осуществление этой жесткой политики оказалось затруднительным. Вопрос о зарплате стал одним из основных пунктов программы вновь сформировавшейся «объединенной оппозиции» на Пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1926 г.

«Делегация 13-ти» выражала недовольство «отклонением на апрельском Пленуме совершенно законного и необходимого предложения о гарантии реальных доходов», отвергнутого как демагогическое. Оппозиция требовала «некоторого повышения зарплат осенью», начиная с низкооплачиваемых категорий трудящихся⁸. В своей речи Л. Д. Троцкий критиковал доклад В. М. Шмидта за игнорирование вопроса о заработной плате: он отмечал, что среднемесячная зарплата служащих возросла в первом квартале (январь — март 1926 г.) с 98,12 до 101,42 руб., а у рабочих в промышленности упала с 52,14 до 51,44 руб. Троцкий предложил немедленно прекратить задержки с выдачей зарплат, которые «продолжаются, несмотря на все законы, принятые по этому поводу», восстановить реальные доходы до уровня в конце 1925 г. и повысить заработную плату «в рамках существующих экономических возможностей», особенно в отстающих отраслях промышленности (горнодобывающей и металлургии) и на транспорте⁹. Предложения оппозиции были отклонены или проигнорированы. Однако противостоять движению за уступки в области заработной платы было невозможно. Промышленность быстро развивалась: финансовая ситуация была не столь отчаянной, как весной; хорошими были виды на урожай. После Пленума ЦК ВКП(б) Политбюро, в котором Троцкий теперь оставался единственным представителем оппозиции, нашло выход из положения¹⁰. В заявлении партии и правительства от 16 августа 1926 г. во изменение позиции по вопросу о зарплате, занятой двумя месяцами раньше, «завуалированное снижение заработной платы» объявлялось искажением принципа «режима экономии»¹¹.

Своим решением от 17 августа 1926 г. Совнарком, по предложению профсоюзов и «учитывая успехи, достигнутые в улучшении экономического положения страны», сформировал в рамках Наркомтруда комиссию, составленную из представителей профсоюзов и заинтересованных управлений, которая должна была в двухнедельный срок подготовить доклад о возможности повышения зарплаты¹². Не делалось никаких попыток трактовать это решение как победу рабочих или профсоюзов. На следующий день М. П. Томский, отчитываясь перед ВЦСПС, рекомендовал «чрезвычайную осторожность» в подходе к повышению зарплаты; была принята резолюция, приветствовавшая это решение и оставлявшая право на дальнейшее изучение подробностей¹³. Месяцем позже президиум ВСНХ издал приказ, разъясняющий, что «признано необходимым осуществить некоторое повышение заработной платы», и дающий указания относительно его проведения¹⁴. Однако президиум Госплана в отчете об издержках промышленного производства от 20 сентября 1926 г. высказался исключительно осторожно: «Разрабатываемое в особой Комиссии Совнаркома под председательством т. Шмидта повышение зарплаты в оставших отраслях промышленности не должно распространяться по всему фронту, а должно проводиться в жизнь лишь в соответствии с повышением производительности труда, причем должна быть принята схема оплаты труда, стимулирующая стремление рабочих к поднятию своей квалификации»¹⁵. Не было сделано никакого публичного сообщения о повышении заработной платы; фактически повышение было проведено в основном в сентябре 1926 г.¹⁶

За этим первым примером регулирования заработной платы центральными властями на плановой основе (в данном случае, к счастью, повышением) последовала продолжительная дискуссия о связи между заработной платой и производительностью труда¹⁷. В свою очередь это определило статус регулировавших заработную плату коллективных договоров, которые были двух видов, центральными, охватывавшими всех трудящихся в заданной отрасли производства, и местными, ограниченными конкретными трестами или районами¹⁸. Теперь заработная плата устанавливалась с помощью двух отдельных процедур. Первая — это принятие принципиального решения, обычно на уровне Политбюро ЦК ВКП(б), после длительной перепалки между ВСНХ и профсоюзами относительно коэффициентов предлагавшегося повышения производительности труда и зарплаты и о соотношении между ними. Это решение вносилось в контрольные цифры на предстоящий год, и в принципе оно принималось в начале осени¹⁹. Вторая процедура сводилась к заключению коллективных договоров между промышленными трестами и соответствующими профсоюзами и касалась лишь зарплаты, а не производительности труда и норм выработки.

На сессии президиума ВСНХ 7 октября 1926 г. Э. И. Квингребовал, чтобы нормы производительности, а также заработной

платы были записаны в коллективные договоры, а на главки была возложена ответственность за соблюдение этого положения²⁰. И. А. Краваль, бывший в то время наиболее рьяным поборником обеспечения производительности труда во что бы то ни стало и неограниченного нажима на рабочего, не скрывал своего недовольства проводимым повышением зарплаты и своего принципа, что оно не должно стать прецедентом: «Такого темпа роста заработной платы, какой мы имели в текущем году, в предстоящем году и тем более в последующие годы — это совершенно несомненно в связи со снижением темпа увеличения выработки — мы иметь не сможем»²¹.

«Торгово-промышленная газета» довольно язвительно отреагировала на этот выпад, повторив хорошо знакомый довод, что рост зарплаты ныне отстает от роста производительности труда²². Резкое возмущение вызвало наступление на статус коллективных договоров, заключенных профсоюзами с предприятиями, нанимающими рабочую силу. Уже давно усматривалась опасность, что эти «договоры» превратятся в средство навязывания рабочим заработной платы и условий труда²³; положение ст. 21 кодекса законов о труде 1923 г. о том, что такие договоры вводятся в действие лишь после регистрации в Наркомтруде, первоначально мыслившееся как охрана интересов рабочих, теперь производило впечатление контроля со стороны государства²⁴.

Для профсоюзов коллективные договоры были символом их авторитета. Под заголовком «Против произвольных интерпретаций» газета «Труд» опубликовала 12 октября 1926 г. резкий по форме ответ на вмешательство Кравалья, протестуя против «попыток под различными предлогами» ревизовать «решение Совнаркома о повышении заработной платы» и внести чуждые требования в коллективные договоры. В свою очередь Краваль выступил с нападка на эту статью, настаивая на том, что коллективные договоры должны быть predetermined внесенными в план цифрами в отношении зарплаты. Проект плана готовился до заключения договоров, и в любом случае нормы выработки зависели от производительности. На главки была возложена задача надзора, чтобы рост заработной платы был совместим с планом и чтобы в коллективные договоры вносились нормы производительности труда²⁵. Тем временем в направленном в Политбюро заявлении лидеров оппозиции от 3 октября 1926 г. в качестве основных мишеней для критики были выбраны снижение реальных доходов и увеличение безработицы²⁶. В запрещенной брошюре «Рабочий вопрос» утверждалось, что с 1924 г., когда началась кампания по повышению производительности труда, реальная зарплата не выросла, а даже понизилась. В отношении августовского (1926 г.) повышения зарплаты говорилось, что «курс на повышение заработной платы оказался сплошной демагогией и был выброшен за борт тотчас же, как только была подавлена оппозиция»²⁷. В нашумевшей статье Майзлин предложил использовать часть выручки от повы-

шения оптовых цен на промышленную продукцию для увеличения заработной платы²⁸; в речи, произнесенной 1 октября 1926 г. на заводе «Авиаприбор», Г. Е. Зиновьев также предложил направить часть сбережений на повышение зарплаты²⁹. Но и эти выступления не могли помочь профсоюзам защитить свои позиции.

Когда в конце октября 1926 г. была собрана XV конференция ВКП(б), страсти по вопросу о регулировании заработной платы были готовы выплеснуться наружу. Л. И. Гинзбург, член ВЦСПС, отвечавший за переговоры о заработной плате, деликатно затронул эту дилемму, заметив, что «система регулирования зарплаты коллективными договорами... начинает испытывать серьезные затруднения». Однако, по его мнению, внутренних противоречий «между плановым хозяйством... и системой коллективных договоров нет. Надо только не доводить планирование до излишней, ненужной централизации». Томский отказался принять вызов и оставил этот вопрос до предстоящего съезда профсоюзов³⁰. Конференция продемонстрировала большую заинтересованность в проблемах производительности труда и дисциплины, чем в вопросе о зарплате³¹. Недавнее повышение зарплаты отчасти сняло напряжение с этой проблемы, и даже Троцкий, вновь подняв вопрос о соотношении между зарплатой и производительностью труда³², не потребовал дальнейшего повышения. И. В. Сталин не участвовал в экономических дебатах; но, разворачивая политические дебаты об ошибках оппозиции, он в грубой форме отметил, что партия не позволит оппозиции «выйти на улицы с демагогическими заявлениями о немедленном подъеме заработной платы на 30—40%», которые имеют целью «культивирование недовольства среди отсталых слоев трудящихся и организацию недовольства против партии»³³.

Основополагающая проблема регулирования заработной платы выплеснулась наружу на VII съезде профсоюзов СССР в декабре 1926 г. В подготовленном к съезду докладе ВЦСПС отмечалась склонность части хозяйственных органов к замене действительно договорных отношений односторонним установлением заработной платы и условий работы и признавалось, что эта практика получила поддержку руководства некоторых национальных республик³⁴. За несколько дней до начала работы Всесоюзного съезда Томский, выступая на III Всеукраинском съезде профсоюзов, задал риторический вопрос: «Можно ли планировать... не зная основных элементов плана, не регулируя основной элемент планового хозяйства — заработную плату?» Сам он пришел к заключению, что соотношение между заработной платой в разных отраслях нельзя оставлять в зависимости от прибылей и что существенно важна определенная «централизация». Председатель Всеукраинских профсоюзов А. А. Радченко защищал коллективные договоры в качестве некоторого срединного решения между крайностями устанавливаемой государством зарплаты и «анархией»³⁵.

В своем вступительном докладе на VII съезде профсоюзов СССР Томский начал с этого вопроса. Определенную помощь ему оказало проведенное осенью повышение заработной платы, которое было у всех свежо в памяти: это было единственное решение центра, в результате которого было достигнуто нечто, чего невозможно было добиться в ходе многомесячных коллективных переговоров. Планирование стало «основополагающей предпосылкой социалистического хозяйства». Отсюда следовала «необходимость планирования в деле повышения заработной платы» — Томский решительно отменил саму идею о возможности снижения заработной платы. После принятия общего решения о повышении заработной платы в данной отрасли промышленности при заключении коллективных договоров ставилась задача лишь распределить эту прибавку между различными категориями рабочих³⁶. В несколько ироничной форме Л. И. Гинзбург признался, что он оказался одним из тех профсоюзных деятелей, у кого «мозги в этом вопросе спутались». Но если «регулирование» означает принятие решения правительственной комиссией не просто по вопросу о повышении заработной платы в тяжелой промышленности, но и о конкретных повышениях с разбивкой по регионам и предприятиям, то не является ли это «началом государственного нормирования», которое «сталкивается с нашей политикой коллективных договоров»? Он протестовал против идеи планирования заработной платы «под председательством товарища Шмидта»³⁷. Оппозиция, однако, ограничилась отдельными протестами. После того как Томский определил несогласных «людьми, которые борются против того, что фактически уже есть»³⁸, была принята резолюция, объяснявшая, что «усиление в народном хозяйстве планового начала, а также централизованное плановое регулирование роста зарплат неизбежно влекут за собой несколько большую по сравнению с теперешней централизацию руководства договорной работой союзов»³⁹. Далее в резолюции говорилось о том, как должна работать эта система: распределение предназначенного на повышение зарплат фонда между отдельными отраслями промышленности и отдельными хозорганами и трестами должно проводиться по соглашению между центральными органами профсоюзов (ЦК, ЦП) и центральным регулирующим хозяйственным органом (ВСНХ). Колдоговоры между профсоюзами и соответствующими хозяйственными органами должны заключаться уже на основе этих соглашений⁴⁰. В постановлении СТО, вышедшем во время работы съезда, предписывалось, что коллективные договоры должны заключаться промышленными предприятиями, в зависимости от их мощности и значимости, либо с центральным комитетом соответствующего профсоюза, либо с местным отделением этого союза; споры, возникающие в связи с заключением или выполнением договоров, подлежали разрешению Наркомтрудом⁴¹. Борьба между ВСНХ и профсоюзами была окончательно завершена публикацией в октябре 1927 г. от имени ВСНХ и ВЦСПС совместного

постановления о коллективных договорах, которое решительно отвергло какую-либо несовместимость между договорным принципом и планированием⁴².

Это компромиссное решение сохранялось без существенных изменений в течение двух лет. С самого начала возникли трудности с проведением действенных переговоров и с доказательством их действенности рабочим. Договоры обсуждались на общих собраниях трудящихся, а также на специальных собраниях активистов профсоюзов⁴³. В резолюции VII съезда профсоюзов профсоюзам рекомендовалось «принять меры к улучшению своего руководства рабочими собраниями, на которых обсуждаются проекты договоров», и «своевременно информировать рабочих о ходе переговоров»⁴⁴. Здесь же содержалась критика платформы оппозиции от сентября 1927 г., считавшей, что «коллективные договора должны заключаться после действительных, а не фиктивных обсуждений на собраниях трудящихся»⁴⁵. После поражения оппозиции в конце 1927 г. необходимость внесения заработной платы в планы народного хозяйства уже не ставилась под сомнение. Устав Наркомтруда от сентября 1928 г.⁴⁶ среди возложенных на него задач включал «общее регулирование заработной платы», регистрацию и контроль соблюдения коллективных договоров. Составители госплановских контрольных цифр на 1928—1929 гг. называли зарплату среди важнейших вопросов, «которые в прежние годы решались независимо от контрольных цифр», но ныне «ближе увязаны с последними»⁴⁷. В результате жалоб на то, что существующая система «не гарантирует достаточного планового характера роста заработной платы»⁴⁸, осенью 1928 г. была опробована новая процедура. Прежде чем начать переговоры по коллективным договорам, ВСНХ и ВЦСПС пришли к принципиальному соглашению о жизненно важных вопросах зарплаты, производительности труда и норм выработки и опубликовали совместное заявление, в котором провозгласили, что «заключение коллективных договоров является надежнейшим методом пробуждения интереса трудящихся масс к производству и его нуждам», и призывали к проведению «общих собраний» рабочих для обсуждения этих проблем. Тем самым была обеспечена формальная взаимосвязь между двумя раздельными процессами — заключением исходного принципиального соглашения между ВСНХ и ВЦСПС и коллективного договора между профсоюзом или его местным отделением и руководством соответствующей отрасли или предприятия, причем первый процесс предшествовал второму⁴⁹. Новая процедура учла также выдвинутое ВСНХ в 1929 г. требование отразить в коллективных договорах взаимосвязь между производительностью труда и заработной платой. В результате структура заработной платы в конкретных отраслях была подчинена основным решениям центральных органов по вопросам хозяйственной политики; в крайнем случае народно-хозяйственный план становился решающим фактором в регулировании доходов.

Прямое вмешательство высших партийных и советских органов в процесс установления заработной платы было связано с возобновлением весьма назойливого вопроса о дискриминации между различными группами рабочих, между квалифицированными и неквалифицированными. С первых дней существования нового режима в стране, а в более выраженной форме со времени введения НЭПа наблюдалась постоянная борьба между стремлением политиков к усилению дифференциации в интересах повышения эффективности и уравнительными принципами, заложенными в программе партии и поддерживавшимися — нерешительно и с перерывами — профсоюзами⁵⁰. Растущий разрыв между высоко- и низкооплачиваемыми категориями, усугубленный расширением границ тарифных ставок, время от времени вызывал резкие протесты. Один из таких протестов был сформулирован комсомольским лидером на VII съезде ВЛКСМ в марте 1926 г.: «Среди молодежи... сильно развилась тенденция к уравниловке: обеспечить равенство всех рабочих; квалифицированных и неквалифицированных. Настроение таково, что молодые рабочие приходят к нам и говорят, что у нас нет господ предприятий, предприятий подлинно социалистического типа, как это определено Лениным, но чего у нас вполне достаточно, так это эксплуатация»⁵¹.

Накануне принятия решения о повышении заработной платы в августе 1926 г. Троцкий выражал недовольство «бесполезным, даже неприветливым отношением к неквалифицированным и полуквалифицированным рабочим как к «серой массе», которая еще не достигла «высокого» уровня бюрократов и поэтому мечтает о равенстве» и осудил эту позицию как симптом отхода от масс⁵². В своем докладе от имени Центрального совета Томский требовал, чтобы заработная плата рабочих была приведена в соответствие с зарплатой квалифицированных рабочих, что и было отражено в резолюции⁵³. На VII съезде профсоюзов в декабре 1926 г. Томский вновь повторил традиционную точку зрения в примечательном фрагменте своей речи: «Когда к нам приезжают иностранцы, то их больше всего удивляет то обстоятельство, что в обстановке диктатуры пролетариата в наших революционных союзах, при нашем влиянии, разница у нас между оплатой квалифицированного рабочего и неквалифицированного рабочего существует в таких колоссальных размерах, каких нет в Западной Европе. Конечно, это объясняется многими причинами; коротко говоря, одна из причин заключается в том, что у нас еще слишком отстала техника, слишком большую роль играет личное искусство, ремесленные навыки и т. д., слишком мало еще применяются автоматические станки, упрощающие труд рабочего, переводящие к автоматическим приемам. Но объяснение — это одно, а элементарная классовая справедливость — другое. Мы в дальнейшем должны идти в направлении смягчения разрыва в зарплате между квалифицированным и простым рабочим».

Догадов приводил примеры, показывающие, что общераспространенны случаи, когда квалифицированные рабочие получают в три раза больше неквалифицированных в пределах того же профсоюза, и полагал, что «разрыв в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда требует самого серьезного внимания»⁵⁴. Подтягивание зарплаты наименее оплачиваемых категорий рабочих было названо в качестве одной из задач как в общей резолюции съезда по докладу Центрального совета, так и в резолюции по вопросу о заработной плате⁵⁵. Даже в резолюции по докладу Куйбышева IV Всесоюзному съезду Советов в апреле 1927 г., который был посвящен главным образом стимулированию повышения производительности труда и рационализации, осторожно говорилось о «подтягивании уровня оплаты низкооплачиваемых категорий рабочих»⁵⁶.

Однако решимость «подтянуть» зарплату низкооплачиваемых трудящихся скрывала двусмысленность положения, заложенную событиями предшествующего периода⁵⁷. Было ли это продолжением длительно проводившегося в жизнь требования партии о выравнивании доходов, сокращении разрыва между высшими и низшими категориями труда, между квалифицированными и неквалифицированными рабочими? Или же это явилось новым требованием «подтянуть» уровень зарплаты в тех отраслях, которые при НЭПе оказались в менее благоприятных условиях, а теперь считались жизненно важными для расширения народного хозяйства? В первые годы НЭПа уровень заработной платы в отраслях производства потребительских товаров был выше благодаря как широкому спросу на их продукцию, которая оказалась относительно свободной от контроля цен, так и сравнительно меньшей доле обусловленной зарплатой составляющей издержек производства; зарплата в отраслях производства средств производства, особенно в угольной промышленности, металлургии и металлообработке, определялась противоположными тенденциями⁵⁸. Отрасли производства потребительских товаров быстро восстанавливались в условиях введенного НЭПом механизма извлечения прибыли. Большинство этих отраслей, за очень важным исключением текстильной промышленности, установили относительно высокую зарплату. Теперь в условиях растущего давления индустриализации крайне нужно было обратить эти тенденции вспять⁵⁹.

Новый акцент стал ощущаться очень быстро. Принятое в августе 1926 г. решение о повышении заработной платы было описано «Правдой» как предназначенное «в первую очередь» помочь отсталым группам временных рабочих⁶⁰. XV конференция ВКП (б) в октябре 1926 г. одобрила решение «повысить уровень зарплаты... в отстающих отраслях производства и особенно низкооплачиваемых групп рабочих»⁶¹ (по-видимому, впервые политика определялась в подобной двойной форме); и те же две цели в том же порядке были объявлены в декабре 1926 г. в резо-

люции VII съезда профсоюзов по вопросу о заработной плате: «При этом необходимо исходить из значения данной отрасли в общей системе народного хозяйства и необходимости обеспечения ее притоком рабочей силы; регулирование зарплаты должно быть направлено также и на подтягивание зарплаты низших категорий рабочих и служащих»⁶².

На первый взгляд эти формулировки пытаются примирить проявившееся к тому времени стремление к увязыванию зарплаты с производительностью труда и прагматическую точку зрения на дифференцированную оплату как стимул увеличения объемов производства с уравнительными традициями. Однако, когда руководители плановых и промышленных органов говорили о требовании «подтянуть» зарплату низкооплачиваемых рабочих, они думали, скорее всего, не о соотношении между неквалифицированными и квалифицированными рабочими, а о жизненно важных для народного хозяйства низкооплачиваемых отраслях. В особенности это относилось к металлургии, металлообработке, горнодобывающей промышленности и транспорту, а также (с точки зрения крестьянского рынка) к текстильной промышленности. Повышение заработной платы в этих отраслях в качестве стимула увеличения объемов производства было необходимостью, которая устраивала всех; и это стало первым достижением политики плано-централизованного регулирования доходов. На 1926/27 хоз. г. на повышение заработной платы было выделено суммарно 94 млн. рублей. Из них 42 млн. руб. должны были пойти транспортникам, а другими крупными получателями были металлисты, текстильщики и горняки; все они, за исключением металлообработки, которая была в средней части общего диапазона ставок, относились к явно низкооплачиваемым отраслям. Ничего не выделялось отраслям производства потребительских товаров (если не считать текстильную промышленность), рабочие которых уже имели сравнительно высокую заработную плату. На 1927/28 хоз. г. общее повышение было сокращено до 32 млн. руб.; транспортникам уже ничего не выделяли, и основными получателями вновь были горняки, металлисты и текстильщики⁶³. На VIII съезде профсоюзов СССР в декабре 1928 г. низкая зарплата в текстильной и горнодобывающей промышленности все еще была поводом для недовольства⁶⁴. Хотя тем не менее кое-что делалось для «подтягивания» зарплаты в низкооплачиваемых отраслях, неясно, повлияла ли политика выравнивания доходов конца 20-х годов каким-либо образом на соотношение между зарплатой квалифицированных и неквалифицированных рабочих в одной и той же отрасли⁶⁵. Отмечалось, что летом 1928 г. некоторые партийные деятели были поражены расширением пропасти между квалифицированными рабочими, которые выделялись «своим образом жизни, одеждой, питанием и жилищными условиями», и неквалифицированными рабочими, хронически находившимися на грани крайней бедности и безработицы⁶⁶. Один из комсомольцев в своем обращении к Бухарину от-

мечал, что «одна часть наших рабочих пижонится, тогда как другая вынуждена выглядеть подобно нищим»⁶⁷. Но в то время эта проблема не находилась в фокусе политики доходов⁶⁸.

Система в действительности была не столь жесткой и существовало гораздо больше послаблений, чем казалось на первый взгляд. Заработная плата — причем всегда в значительных пределах — определялась не только основными тарифными ставками, но и рядом альтернативных или дополнительных форм вознаграждения, которые невозможно было рассчитать заранее. Среди них наиболее важными были ставки сдельной оплаты. После общего одобрения сдельных тарифов в 1925 г.⁶⁹ оказалось необходимым ввести премиальные выплаты рабочим на повременной оплате⁷⁰, так что практически для всех рабочих тарифные ставки больше не определяли фактические доходы. В марте 1926 г. 16% всех рабочих в РСФСР, 30 — на Украине и 70% в металлургической промышленности получали выплаты за сверхурочную работу⁷¹. В то же время сдельная зарплата рабочих на крупных предприятиях превысила основные тарифы в среднем на 68,1%, а в декабре 1927 г. — на 69%, причем превышение было наибольшим у металлистов (на 103,6 и 122,9% соответственно для указанных двух дат) и наименьшим у текстильщиков (на 41,8 и 43%). Дополнительные выплаты у рабочих на повременной оплате были меньше, но все же существенными, составляя в среднем 27,8% тарифных ставок в марте 1926 г. и 34,1% — в декабре 1927 г.⁷² Суммарная зарплата в промышленности выросла на 12,1% в 1926—1927 гг. и еще на 11% в 1927—1928 гг., что за два года дало прирост 23,3%; и в то время как прирост зарплаты металлистов за указанный период оказался наибольшим (28,1%), относительное положение других отраслей изменилось мало⁷³.

Предстояло перекрыть эту лазейку в плановом управлении доходами. Основания для внесения изменений были весьма убедительными. Ставки сдельной оплаты не устраивали не только плановые органы, которые усматривали в них угрозу осуществлению контроля над заработной платой⁷⁴, но и профсоюзы, видевшие в них как традиционный инструмент нажима на рабочих, так и средство, с помощью которого зарплата ускользала из-под их контроля⁷⁵. На XV партийной конференции в октябре 1926 г. Лепсе доказывал, что существующая система, сочетавшая 17-разрядную шкалу заработной платы с премиями и ставками сдельной оплаты, стала невозможно запутанной, и требовал «упорядочивания существующей системы заработной платы, то есть чтобы часть сдельного заработка, часть премии включить в тарифную сетку, сделать тарифную ставку рабочего более реальной»⁷⁶. Задача была чрезвычайно сложной, и ее решение неизбежно наталкивалось на злополучный вопрос о широком разбросе зарплат квалифицированных и неквалифицированных рабочих. В декабре 1926 г. VII съезд профсоюзов продемонстрировал явное нежелание углу-

блаться в эту каверзную проблему. Однако в резолюции о доходах запутанность действующей системы была резко осуждена и заявлялось, что любая реформа должна пойти по пути выравнивания неравенства между разными категориями рабочих, а профсоюзам давалась рекомендация с целью «успешного регулирования заработной платы внутри предприятий и соотношения заработков между отдельными профессиями и группами рабочих» создать новую сетку тарифных ставок для занятых ручным трудом рабочих в промышленности, с отдельными сетками для инженеров и техников, для учеников и для служащих⁷⁷. В марте 1927 г. ВЦСПС принял решение о сетке из 8 разрядов для рабочих, занятых ручным трудом, 6 разрядов для учеников, 16 — для инженеров и техников и 16 — для служащих и рекомендовал профсоюзам построить сетки на этой основе для своих отраслей. Для рабочих, занятых ручным трудом, стандартный основной тариф по высшему разряду (т. е. восьмому) оплачивался в 2,8 раза выше наинизшего разряда, хотя тарифы колебались от одной отрасли к другой и не все профсоюзы приняли восьмиразрядную сетку. Большинство новых сеток не было готово вплоть до конца года, и они были введены в силу в начале января 1928 г.; в некоторых отраслях новые сетки отсутствовали и в это время⁷⁸.

Основной результат — а было бы разумно предположить, и цель — новых сеток для рабочих, занятых ручным трудом, заключался в повышении доли фиксированных тарифных ставок в суммарной зарплате и снижении доли дополнительных выплат и сдельной оплаты. Фиксированные тарифные ставки были подняты; этого удалось добиться отчасти ликвидацией двух-трех наихудших разрядов по старым сеткам, которые предназначались ранее главным образом для подростков (теперь переведенных в отдельные тарифные сетки), так что самый низкий разряд по новым сеткам стал соответствовать третьему или четвертому разряду по старым. Однако это было произведено в момент общего повышения норм, оказавшегося настолько резким, что в 1927/28 хоз. г. производительность труда росла быстрее заработной платы, так что повышение фиксированных тарифных ставок было уравновешено соответственно снижением премий и выплат по сдельным тарифам. Такие выплаты, составлявшие в конце 1927 г. 56,1% суммарной зарплаты в отраслях крупномасштабного производства, были снижены к марту 1928 г. до 31%; дополнительные выплаты металлистам упали со 105,4 до 47,7% их основных тарифных ставок⁷⁹.

Напротив, подсчеты показывают, что в то время, как в конце 1927 г. лишь 65% заработной платы в промышленности приходилось на фиксированные тарифные ставки, в мае 1928 г. их доля возросла до 75,4%⁸⁰. Плановые органы явно способствовали осуществлению такой реформы, поскольку это позволяло планировать значительную долю фонда заработной платы. Руководители предприятий заняли в этом вопросе довольно «пассивную» позицию, несомненно из боязни, что такой подход ослабит стимулы к труду.

Нововведения, по-видимому, оказались крайне непопулярными среди рабочих — отчасти из подозрения, что корректировка призвана скрыто уменьшить заработную плату или заморозить ее повышение, отчасти по той причине, что она сопровождалась одновременным увеличением норм выработки⁸¹ и была с негодованием встречена как трюк, направленный на формирование нового канала оказания давления на рабочего. Беспорядки летом 1928 г., скорее всего, в значительной части были обусловлены этой причиной⁸². На VIII съезде профсоюзов СССР, собравшемся в декабре 1928 г. в атмосфере политической напряженности, Н. К. Крупской было поручено заявить, что «профсоюзами правильно взят сейчас курс на подтягивание более отсталых слоев не только в смысле зарплаты, в смысле условий труда, но и в смысле культурном», но она добавила, что «это делается полустихийно»⁸³. В своей резолюции съезд с удовлетворением отметил, что, «хотя реформа далеко не завершена... усилилась регулирующая роль коллективного договора в отношении размеров зарплаты». Было заявлено, что «в результате проведенной тарифной реформы в полном соответствии с политикой союзов удалось добиться некоторого сближения заработков квалифицированных и необученных рабочих». Единственным новым было предложение о том, что «при значительной механизации процессов производства (в виду имела главным образом конвейерная система) целесообразен переход от сдельной системы к коллективному премированию»⁸⁴. В последующие годы это предложение принесло свои плоды.

Длительный скандал, связанный с нерегулярностью выплаты заработка, частично преодоленный к 1926 г.⁸⁵, все еще давал повод для нареканий⁸⁶. Зимой 1927/28 г. ВСНХ направил своим подведомственным органам не менее трех инструкций о необходимости регулярной выдачи заработной платы⁸⁷; в докладе ВЦСПС на VIII съезде профсоюзов в декабре 1928 г. упоминалось о забастовках из-за нерегулярности выдачи заработной платы⁸⁸. Особое внимание продолжали уделять нерегулярности таких выплат на частных промышленных предприятиях. Были приняты законы от 9 сентября 1927 г. и от 22 июня 1928 г., предусматривавшие наложение штрафов за подобные нарушения со стороны частных трестов, занятых на выполнении общественных работ, или концессионных предприятий⁸⁹; а в 1929 г. поправкой к кодексу законов о труде РСФСР все частные наниматели обязывались выплачивать зарплату регулярно⁹⁰. В резолюции апрельского (1928 г.) Пленума ЦК ВКП (б) невыплата зарплаты за время простоев по вине администрации признавалась злоупотреблением⁹¹.

В эти годы денежная масса заработной платы промышленных рабочих постоянно возрастала⁹². Введение в 1924 г. устойчивых денег привело к ликвидации практики выплаты «реального» заработка по текущим ценам, и, когда осенью 1925 г. инфляция вновь поползла вверх, ее уже не возобновили. На XV партийной конференции в октябре 1926 г. М. П. Томский признавал, что профсоюзы

«долго колебались, прежде чем совершить переход от товарного индекса к червонному исчислению», но стабильные деньги сулили огромную выгоду рабочим и ликвидация их сейчас — это «совершенно абсурдное, политически безответственное предложение»⁹³. Двумя месяцами позже на VII съезде профсоюзов он более конкретно говорил о «лозунге сохранения реальной заработной платы» и разъяснял, почему ВЦСПС отказался его поддержать. «Это значит — сосчитай повышение индекса, рост товарного рубля и скажи: отныне платите заработную плату в товарных рублях. А это значит — официальное признание не только падения курса червонца, но и того, что он прогрессивно падает, скользит, что он идет по наклонной плоскости и обречен на обесценивание»⁹⁴. Публичный отказ признать инфляцию или сокращение реальной стоимости червонца был характерной и устойчивой чертой финансовой политики Советского Союза в этот период⁹⁵. В контрольных цифрах Госплана на 1926/27 хоз. г. давался расчет общего фонда заработной платы по товарному исчислению в предвоенных рублях и в текущих ценах (в червонцах)⁹⁶, тогда как контрольные цифры по заработной плате на последующие годы приводились только в червонцах, т. е. в текущих ценах. Процентный рост производительности труда по-прежнему выражался Госпланом в постоянных ценах 1913 г. и сопоставлялся с процентным ростом реальной заработной платы⁹⁷, но начиная с 1926 г. и далее регулярно публиковался индекс стоимости жизни на базе бюджета гипотетического рабочего. Довольно часто говорилось о «реальной плате». В преддверии XV съезда ВКП (б) в декабре 1927 г. члену оппозиции было разрешено опубликовать в партийном журнале статью, в которой он заявил, что в условиях противоречивости имевших хождение оценок соотношения между реальным заработком и производительностью труда по сравнению с предвоенным уровнем фактическая производительность труда в 1926 г. достигла 110,6%, а реальная заработная плата лишь 91,3%. На это официальным докладчиком был дан ответ, в котором доказывалось, что производительность труда в 1925/26 хоз. г. достигла лишь 91,6% от предвоенного уровня, а реальная заработная плата — 93,7% и что эти соотношения повысились до 104,2 и 100,5% соответственно в 1926/27 хоз. г.⁹⁸ На VIII съезде профсоюзов в декабре 1928 г. было заявлено, что реальная заработная плата выросла на 12,5% в 1926/27 г. и на 10,8% в 1927/28 г.⁹⁹ Однако эти подсчеты были основаны на официальном уровне цен¹⁰⁰, а поскольку степень, в которой потребитель мог удовлетворять свой спрос в государственных или кооперативных магазинах по официальным ценам, колебалась довольно широко и была далека от полноты, то подобный расчет в значительной степени был напрасным. Всякие расчеты заработной платы становились в некоторой мере обманчивыми под действием условий, влиявших на покупательную способность заработной платы, — наличия рабочих столовых или кооперативных ма-

газинов, жилья и социально-бытовых услуг разοοобразной эффективности¹⁰¹.

Несмотря на недостаточность статистической базы, все свидетельства указывают на резкое снижение реальной заработной платы летом и осенью 1928 года. До того времени повышение стоимости жизни, обусловленное падением стоимости рубля, более или менее эффективно уравнивалось ростом заработной платы, а на протяжении 1927 г. было проведено успешное снижение розничных цен¹⁰². Однако в условиях зернового кризиса весной — летом 1928 г. цены быстро возросли¹⁰³. В своей статье в «Правде» В. М. Молотов признал, что повышение цен на продукцию сельского хозяйства «связано с известными жертвами со стороны рабочего класса»¹⁰⁴. Ставшая к этому времени противозаконной оппозиция обратила острие своей подпольной пропаганды на проблему снижения жизненного уровня промышленного рабочего, что происходило на «общем фоне роста доходов других категорий населения»¹⁰⁵. Некоторые партийные круги стали откровенно враждебно относиться к жалобам рабочих. В одном из бюллетеней оппозиции приводились замечания, якобы высказанные А. С. Бубновым 12 сентября 1928 г. на одном из московских заводов: «Рабочий разжирел и стал предъявлять немыслимые претензии, многое уже ему дано, а он по-прежнему не удовлетворен. До революции рабочие спали на нарах в бараках; теперь они спят в постелях. Мяса они не ели; теперь они кушают мясо с макаронами»¹⁰⁶. В. В. Куйбышев на IV сессии ВСНХ в ноябре 1928 г. протестовал против ежегодного «механического повышения» заработной платы, что нарушало планы осуществления кампании по снижению издержек¹⁰⁷. В конце того же года на VIII съезде профсоюзов Л. И. Гинзбург сказал, что с июля «рабочие начинают значительно терять на росте цен»: общий уровень цен вырос на 4%, а индекс цен на сельхозпродукты — на 6%¹⁰⁸. Представленные Госпланом контрольные цифры на 1928/29 хоз. г. предусматривали рост заработной платы в переписных отраслях на 8,1% против фактического роста 9,6% в 1927/28 г. (и рост всех доходов на 7,4% против 7,9% в 1927/28 г.), что было эквивалентно росту реальных доходов на 4,9%. Была вновь привлечена формулировка «подтягивания заработной платы отстающих отраслей труда и групп рабочих», и отмечалось, что, поскольку реформа заработной платы 1928 г. ослабила «потребность в механическом увеличении заработной платы», можно надеяться, что запланированные темпы ее прироста в 1928/29 хоз. г. превышены не будут¹⁰⁹.

Однако тревоги за настоящее смягчились оптимизмом на будущее. В раннем варианте первого пятилетнего плана, представленном в докладе В. В. Куйбышева на XV съезде ВКП (б) в декабре 1927 г., предусматривались 24,6%-ный рост номинальной заработной платы и 46%-ный рост реальных доходов за плановый период¹¹⁰. В декабре 1928 г. на VIII съезде профсоюзов Л. И. Гинзбург отмечал, что представленные Куйбышевым на съезде поло-

жения проекта плана о более чем 50%-ном повышении реальных доходов базировались на допущении о существенном снижении цен и что прежние прогнозы плановиков в отношении движения доходов оказались «нереальными»: «Мы не можем принять контрольные цифры как обязательный документ для регулирования заработной платы»¹¹¹. Однако эти скептические замечания не нашли отзыва в других речах или в резолюциях съезда. Окончательный вариант пятилетнего плана предусматривал повышение заработной платы за пятилетний срок в промышленности на 38% (основной вариант), не включая «общественные фонды потребления», что вело к увеличению показателя до 42 и даже 48% (оптимальный вариант); это должно было подкрепляться снижением стоимости жизни на 10% (основной вариант) или 14% (оптимальный вариант), так что повышение реальных доходов должно было составить 53% (основной вариант) или 66% (оптимальный вариант)¹¹². В своей резолюции XVI партийная конференция в апреле 1929 г. одобрила плановый прогноз о повышении реальных доходов промышленного рабочего не менее чем на 71%¹¹³. В отношении этих надежд и ожиданий иронией звучит замечание, что реальные доходы рабочих и служащих в 1932 г. составили не более 88,6% от уровня 1928 г.¹¹⁴ Повышение выплачиваемого промышленным рабочим номинального заработка неизбежно создало более высокий спрос на сельскохозяйственные продукты, чем производили крестьяне для нужд рынка, а также спрос на потребительские товары, который конкурировал с минимальным спросом крестьянского рынка. Там, где выкрутиться из сложившейся ситуации не удалось, каждому пришлось потуже затянуть пояс.

Уравнилительное государственное регулирование заработной платы служащих во всех государственных органах и учреждениях, в том числе и работавших на хозрасчете, введенном в 1925 г.¹¹⁵, в последующие три года получило самое широкое распространение. Хотя сущность вводимых изменений заключалась «в установлении фиксированных официальных окладов вместо определения заработной платы с помощью коллективных договоров»¹¹⁶, стремление формально вписать профсоюзы в общую картину проявилось в принятии 21 сентября 1926 г. закона, согласно которому устанавливаемые государством ставки заработной платы должны были тем не менее включаться в коллективные договоры, охватывающие самые разные категории вовлекаемых в этот процесс трудящихся¹¹⁷. На VIII съезде профсоюзов в декабре 1926 г. А. И. Догадов, член ВЦСПС, сожалел о фактическом отстранении профсоюзов от работы среди «огромной массы служащих», но предложить ничего не смог. М. П. Томский защищал введенную систему как необходимый барьер от бюрократической инфляции заработной платы в госучреждениях. Резолюция съезда одобрила распространение государственного регулирования на «хозрасчетные учреждения и на аппарат госторговли, в которых до этого про-

должал существовать порядок регулирования зарплаты путем колдоговоров», чем явно отметался весьма удобный домысел о взаимной совместимости двух систем, но там же оговаривалось, что это должно делаться «при полном согласии между заинтересованными союзами и госучреждениями»¹¹⁸. Закон от 15 апреля 1927 г. предусматривал, что заработная плата в учреждениях, подлежащая государственному регулированию, должна устанавливаться Наркомтрудом по согласованию с другими наркоматами и заинтересованными профсоюзами¹¹⁹. В действительности там, где осуществлялось государственное регулирование заработной платы, исключалась даже разновидность коллективного договора о заработной плате; это было признано в резолюции ВЦСПС от 9 сентября 1927 г., которая рекомендовала профсоюзам «сконцентрировать внимание на применении кодекса законов о труде и на правильном применении самих норм государственного регулирования». Коллективные договоры предлагалась заключать по таким вопросам, как прием на работу и увольнение трудящихся, поощрения и продвижение по службе или охрана труда¹²⁰. Закон от 30 сентября 1927 г. предусматривал распространение государственного регулирования на служащих банковских учреждений, центральных и местных органов социального обеспечения и страхования, трудовых сберегательных касс и администрацию промышленных синдикатов и предлагал Совнаркомам республик обеспечить, чтобы государственное нормирование заработной платы было распространено к 1 апреля 1928 г. на все учреждения, финансируемые из республиканских или местных бюджетов¹²¹.

К концу 1928 г. государственное нормирование заработной платы служащих было введено практически во всех общественных учреждениях СССР и таких республик, как РСФСР, УССР и БССР; в других республиках внедрение этих норм было медленнее и более многообразным¹²². На VIII съезде профсоюзов в декабре 1928 г. М. П. Томский попытался защитить презируемую категорию служащих, заявив, что пришло время признать, что ныне «служащий уже не тот, что был раньше», и что «клички «совслужащий», «совбарышня» в их ироническом смысле пора сдать в архив». Докладчик от Наркомтруда заявил, что 94,9% служащих учреждений на госбюжете по всему СССР и 73,8% служащих учреждений на бюджетах местных властей были к тому времени охвачены системой государственного нормирования, и считалось важным распространить ее в 1928/29 фин. г. на весь персонал «хозрасчетных организаций, синдикатов и банковских учреждений», где ее внедрение еще наталкивалось на противодействие¹²³. Вместе с тем элемент компромисса оставался: так, не предпринимались попытки распространить систему на промышленных рабочих. В этом ограниченном объеме она и была принята профсоюзами. Однако при национализации промышленности теоретическая линия водораздела между двумя методами установле-

ния заработной платы оказывалась в целом неясной. Система весьма вольно описывалась как «переход к плановому регулированию заработной платы»¹²⁴. В профсоюзных кругах продолжала ощущаться неприязнь к принципу, который мог в один прекрасный день получить самое широкое применение, а использование коллективных договоров для простого уведомления об условиях найма, регулируемого таким путем, явно ставило под сомнение весь принцип заключения коллективного договора.

ГЛАВА 20

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

а) Организационная структура и политика

Процессы, определявшие развитие профсоюзов в середине 20-х годов¹, в последние годы этого десятилетия продолжали углубляться. Формировавшаяся промышленность и совершенствование организационного устройства обусловили рост членства в них. К середине 1926 г. в профсоюзах состояло 9278 тыс. членов, а двумя годами позже — более 11 миллионов². Структура членства в профсоюзах, по состоянию на 1 апреля 1927 г., в разбивке по отраслям народного хозяйства и видам деятельности (в тыс. членов) выглядела так:

Сельское хозяйство	1122,3
Промышленность	3456,1
Строительство	624,8
Транспорт и связь	1556,9
Служащие	2556,7
Коммунальные услуги	244,4
Общественное питание	267,4
Итого	9828,6 ³

Благодаря структуре советских профсоюзов, которые охватывали всех трудящихся любой квалификации в рамках одной отрасли производства, технический и административный персонал оказывался в тех же союзах, что и рабочие, занятые ручным трудом; тем самым 12,6% членов промышленных союзов, 25,3 — транспортников и 33,4% всех профсоюзных деятелей были работниками умственного труда⁴. Однако на XV партийной конференции в октябре 1926 г. М. П. Томский опровергал заявление, что прирост членства профсоюзов приходился главным образом на служащих⁵.

Быстрый рост союзов приводил к разбавлению стойкого ядра кадровых промышленных рабочих, вокруг которого первоначально формировались союзы, и предопределял отводившуюся союзам роль представителей потенциального, но никак не существовавшего в натуре пролетариата. Упорный характер безработицы привел к распространению среди рабочих чувства беспомощности. Как

отмечалось в журнале «Большевик», «имеет место известная пассивность по отношению к вступлению в союз со стороны некоторых групп рабочих». Приходилось исключать из союза «злостных неплательщиков», уклонявшихся от уплаты членских взносов свыше трех месяцев; так, сообщалось, что на Харьковском паровозостроительном заводе за неуплату взносов из профсоюза было исключено около 20 тыс. рабочих⁶. Один из враждебно настроенных критиков из Ленинграда объяснял слабость профсоюзов значительной долей в рабочей силе, приходившейся на выходцев из крестьянства: «В страшные годы разрухи и голода большая часть массы рабочих растворилась в крестьянском котле и возобновила свою связь с деревней. Новые кадры формировались в обстановке подкупа и террора, не зная попросту, что такое организованная борьба пролетариата»⁷. Проявившийся еще в 1925 г. упор на культурно-проветительную работу среди профсоюзов и на индоктринацию нового рабочего класса⁸ в последующие годы еще более усилился. Была выработана новая философия руководства профсоюзным движением, которую на IV сессии ВСНХ в ноябре 1928 г. безоговорочно провозгласил В. В. Куйбышев: «Было бы неверно думать, что профсоюзы являются какими-то арифметическими слагаемыми всех лиц, работающих на данном предприятии, и воля профсоюзов, их линия выражается поднятием рук и принятием того или другого решения большинством лиц, состоящих в данной организации. Это был бы не большевистский подход, это было бы хвостизм, это был бы совершенно не тот принцип, которым мы руководствуемся во взаимоотношениях партии и профсоюзов с широкими рабочими массами. Надо руководить массами, надо направлять их по определенной линии, надо поставить перед собою определенные цели и добиваться этих целей путем руководства соответствующей частью рабочего класса»⁹. Столь аномальные условия позволяли объяснить не только отсутствие солидарности в рядах профсоюзов, но и то, что часто и с сожалением отмечалось в партийных кругах, — «бюрократизацию» профсоюзов и утрату контакта между их руководством и рядовыми членами. Неоднократно отмечалось, что лишь небольшое число избранных в исполнительные органы союзов и даже делегатов на профсоюзные конференции и съезды были в это время рабочими от станка¹⁰. Разросся и приобрел влияние новый класс профсоюзных деятелей. На XIV съезде ВКП (б) в декабре 1925 г. осторожно обсуждался «треугольник», или «тройственный союз», партии, администрации и профсоюзов в руководстве промышленностью, возникновение которого привело к опасности «управленческого уклона» в профсоюзах¹¹; все это стало предметом острой критики в опубликованной в июле 1926 г. статье в партийном журнале, где отмечалось, что «получается своего рода «сращивание» союзных органов с хозяйственными организациями»¹². М. П. Томский принял этот вызов на XV партийной конференции в октябре 1926 г. Он заявил, что «хозяйственный уклон» постоян-

ной поддержки профсоюзами администрации «в значительной степени преодолен», но признал, что существование «треугольника» иногда ведет к пассивности профсоюзов и в спорах администрации с рабочими профсоюзные представители склонны уходить в сторону; позже в ходе прений выступление было прервано возгласом с места, что «нет никакого треугольника, только одноугольник», то есть монополия администрации¹³. В следующем месяце на VII съезде профсоюзов А. А. Андреев преподнес урок самим профсоюзам. Он признал, что администрация иногда была безразличной к материальным нуждам и заработку рабочих и пыталась отстранить профсоюзы от участия в решении хозяйственных вопросов. С другой стороны, профсоюзы нередко впадали в «узкоцеховой уклон», который заставлял их сконцентрироваться исключительно на «защите материальных интересов своих членов» и забыть, что их роль в пролетарском государстве сводится также «к прямому участию в деле социалистического строительства»¹⁴. Съезд предостерег профсоюзы от двух противоположных уклонов: «узкой цеховщины», которая ведет к забвению их роли как участников общего социалистического строительства, и пренебрежения экономическими интересами рабочих, выражающегося в безоговорочной поддержке всяких мероприятий хозяйственников и хозяйственных органов¹⁵.

Фактором, впервые серьезно подорвавшим независимость профсоюзов, стало движение за повышение производительности труда. Когда профсоюзы были призваны оказать все свое влияние в поддержку кампании режима экономии, демагогический довод Томского, что в условиях диктатуры пролетариата «интересы сегодняшнего дня должны быть подчинены общим классовым интересам завтрашнего дня и ближайшего отрезка времени»¹⁶, был обращен скорее к партийной конференции, которой он адресовался, чем к рабочим, ведшим суровую борьбу за элементарные средства существования. Дилемма организации, первоочередная функция которой заключалась в защите интересов рабочих, но которая была не в состоянии выполнять эту функцию, не формируя некоторого образования, оппозиционного к партии и к государству рабочих, фактически не могла разрешиться, если исходить из убеждения, что в действительности не существует отдельных интересов рабочих. Однако было бы преждевременным полагать, что у профсоюзов в то время не было своей независимой политики или собственных перспектив или же что они не защищали интересов своих членов. Как отмечал один из делегатов VII съезда профсоюзов в декабре 1926 г., старый профсоюзный плакат с рифмованным куплетом «рабочий один слаб, профсоюз — защита от хозяйских лап» еще можно было видеть даже в госучреждениях и на государственных предприятиях¹⁷. На протяжении второй половины 1926 г. и большей части 1927 г. соотношение между зарплатой и производительностью труда стало предметом постоянного и порой ожесточенного спора между профсоюзами и ВСНХ, кото-

рый велся на конференциях, съездах и на страницах печати¹⁸. Попытка установить определенные преимущества для членов профсоюзов при постановке на очередь для устройства на работу явилась весьма ярким примером защиты групповых интересов. Довольно редкостная попытка профсоюзного органа провести в жизнь ограничительные меры наблюдалась в 1926 г., но вскоре они были отменены. Работницы текстильной фабрики в Ярославле добровольно вызвались обслуживать четыре ткацких станка вместо двух. Это предложение было отклонено губернской секцией союза текстильщиков, но по жалобе в ВЦСПС запрет был снят¹⁹.

С появлением планирования ситуация прояснилась. Тезис о том, что планирование при социализме предполагает участие в нем рабочих через их профсоюзы, был менее всего рассчитан на действительное вовлечение рядовых членов и в существовавших условиях и обстоятельствах казался утопией. Один из делегатов VII съезда профсоюзов в декабре 1926 г. заявил, что «рабочие искусственно причислены к военнослужащим», с которыми необязательно советовать, а когда проводятся собрания, вполне достаточно присутствия небольшой доли членов. С. Я. Кроль, весьма резко высказывавшийся председатель союза пищевиков, сетовал, что «союзы не могут принять соответствующего участия в составлении плана, потому что все делается наспех, цифры не проверяются, а прямо иногда выдумываются»²⁰. Профсоюзы оказались в безвыходном положении. Они не могли противостоять принципу планирования, который в любом случае означал расширение объемов промышленного производства и численности фабрично-заводского пролетариата. В то же время планирование означало подчинение союзов плановым органам. Тем самым профсоюзы медленно, но непреклонно встраивались в правительственную структуру²¹.

Тесные связи между профсоюзами и плановыми органами привели к усилению централизации, что отразилось в трениях между ВЦСПС и отдельными союзами. На XV партийной конференции в октябре 1926 г. А. Ф. Радченко с осуждением говорил о «синдикалистских тенденциях» среди некоторых украинских профсоюзных деятелей, которые полагали, что было бы гораздо лучше, если бы союзы оставили в покое и в их дела из центра не вмешивались²². Месяцем позже, незадолго до VII съезда профсоюзов, С. Я. Кроль опубликовал статью, критиковавшую Центральный Совет за злоупотребление своей властью и доказывавшую, что «лишь в исключительных случаях, по чрезвычайно важным вопросам» ВЦСПС должен принимать решения без согласования с ЦК союзов²³. На самом съезде М. П. Томский решительно отверг эту позицию, заявив, что это — «полная децентрализация», ведущая к «федерализму» — слабости, обусловившей поражение всеобщей забастовки в Великобритании. Он указал далее: «Не будем здесь играть в прятки, скажем прямо, что имеется центра-

лизация профдвижения. Мы ни от кого не скроем, что профдвижение руководилось, руководится и будет руководиться партией ВКП, партией рабочего класса». Партийное руководство могло осуществляться только «централизованным путем»²⁴. С. Я. Кроль энергично протестовал, указав, что в августе ВЦСПС объявил о повышении заработной платы без согласования с ЦК союзов и установил 16 лет в качестве возраста для приема в профсоюз в нарушение устава, допускавшего молодежь старше 14 лет²⁵. Однако подобные протесты являли собой скорее борьбу меньшинства против большинства среди профсоюзных бюрократов, чем борьбу рядовых членов против бюрократии.

По одному вопросу борьба приобрела особенно острую форму. В течение нескольких лет наблюдалось соперничество между ЦК отдельных профсоюзов и региональными межсоюзными организациями, призванными рассматривать на местах проблемы, общие для всех союзов, и поддерживаемыми ВЦСПС. Проект резолюции по организационным вопросам, который представил ВЦСПС VII съезду профсоюзов в декабре 1926 г., содержал раздел, разграничивавший соответственные функции ЦК союзов и региональных межсоюзных организаций и предусматривавший, что решения ВЦСПС «общего характера» должны доводиться низовым профсоюзным органам не центральными комитетами союзов, а региональными межсоюзными организациями. Это предложение вызвало бурное противодействие на съезде и было квалифицировано одним из делегатов как возрождение вынашивавшихся долгое время планов ВЦСПС по слиянию всех профсоюзов в «единый союз». Когда представитель ВЦСПС наконец решил снять столь непопулярное предложение, сделать это ему не позволили, и оно было забаллотировано подавляющим большинством голосов²⁶. Можно усомниться в том, что этот жест независимости (последний случай, когда съезд профсоюзов отверг притязания Центрального Совета) сколько-нибудь поколебал растущую концентрацию власти в руках официальных лидеров. С тех пор как ВЦСПС оказался средоточием партийной власти и проводником политики партии в профсоюзах, его положение стало теоретически и практически непоколебимым. Как высказался несколькими неделями раньше на III Всеукраинском съезде профсоюзов Л. М. Каганович, более решительный, чем М. П. Томский, и менее приверженный профсоюзным традициям, было необходимо *«выучить рабочих в духе единства интересов рабочего класса и Советского государства, единства интересов профсоюзов и партии большевиков»*; в действительности «партия и профсоюзы являются чем-то неразделимым»²⁷.

На 1927 г., по-видимому, пришелся пик активности, направленной на встраивание профсоюзов в общий механизм производства и планирования, но без полного подрыва их роли выразителя интересов рабочих. В совместном заявлении ВСНХ и ВЦСПС

от 10 марта 1927 г. объявлялось, что представитель профсоюзов будет в дальнейшем присутствовать на всех заседаниях президиума ВСНХ, располагая правом совещательного голоса²⁸. Это давало профсоюзам довольно слабую возможность участвовать в работе высшего органа страны, ответственного за руководство промышленностью; и хотя это никак не способствовало сотрудничеству между руководителями и рабочими на фабрично-заводском уровне²⁹, тем не менее могло помочь в установлении более близких отношений между должностными лицами, участвующими в формировании промышленной и профсоюзной политики. В условиях неразрешенности спора о соотношении между производительностью труда и заработной платой с обеих сторон преобладала осторожность и склонность к примиренчеству. Кроме того, на протяжении всего 1927 г. приходилось выступать единым фронтом против оппозиции, а М. П. Томский был ключевой фигурой в Политбюро. Речь Томского на XV съезде ВКП (б) в декабре 1927 г. была посвящена борьбе с оппозицией и чисто профсоюзных проблем не касалась совсем; одновременно с этим А. И. Догадов, другой ведущий член ВЦСПС, ограничился весьма умеренными претензиями к составителям пятилетнего плана, которые, по его мнению, не уделяли достаточного внимания трудовым вопросам³⁰. Однако когда политика планирования получила поддержку съезда, оппозиция была разгромлена и изгнана и была принята программа индустриализации, направленная на ускоренный рост производительности труда при обуздании роста потребления, кризис не замедлил разразиться. Сейчас трудно судить, в какой степени тот факт, что М. П. Томский примкнул к «правой» оппозиции в 1928 г., был обусловлен пониманием, что крупномасштабная плановая индустриализация положит конец традиционным роли и статусу профсоюзов, или в какой степени связь Томского с «правыми» поставила профсоюзы в состояние более острой конфронтации с официальной политикой, чем могло бы получиться в противном случае.

Предвестником разразившейся впоследствии бури явилась малопримечательная тучка на горизонте, поначалу не привлекавшая особого внимания. На протяжении более чем двух лет между профсоюзами и комсомолом продолжались стычки по вопросу от труде подростков³¹, и печатный орган ВЛКСМ «Комсомольская правда» бросилась в бой с обычным для себя дискуссионным пылом³². В мае 1928 г., приблизительно в то время, когда начала формироваться «правая» оппозиция, И. В. Сталин выступил на заключительном заседании VIII съезда ВЛКСМ. В качестве темы для выступления он выбрал пороки «бюрократии», упомянув профсоюзы в числе органов, которые якобы были поражены этим недугом, и призвал ВЛКСМ и его газету «Комсомольская правда» активизировать свою борьбу с ними. Неделей позже по случаю своей трехлетней годовщины «Комсомольская правда» напечатала приветствие Сталина, провозглашавшего ее «призывным колоко-

лом, будающим спящих, ободряющим уставших, подталкивающим отставших, бичующим бюрократизм наших учреждений»³³. Независимо от того, отражали эти слова некоторую намеренную политику или нет, но осознание комсомолом поддержки со стороны Сталина подтолкнуло к развертыванию летом — осенью 1928 г. ожесточенной кампании на страницах «Комсомольской правды», направленной против профсоюзов и их печатного органа газеты «Труд». Уже в начале июня 1928 г. ЦК ВКП(б) в своем обращении публично заговорил о необходимости жесточайшей борьбы против «нарушений профсоюзной демократии» и призвал комфракции профсоюзов бороться с «бюрократическими извращениями аппарата»³⁴. Собрание партийной фракции президиума ВЦСПС, состоявшееся 9 ноября 1928 г., обсудило позицию Я. Яглома, главного редактора «Труда», который подвергся откровенному нажиму партийных кругов за дискуссию с «Комсомольской правдой». Г. Н. Мельничанский с иронией объяснял происходящее появлением людей, которые специализировались на выискивании «правых» уклонов, а Яглом возмущался, что «вокруг профдвижения создается такая атмосфера, что совершенно невозможно работать — состояние полного маразма»³⁵. Если судить по сообщениям, дошедшим до Л. Д. Троцкого в Алма-Ате, то С. А. Лозовский, конкурент Томского и основной приверженец Сталина в ВЦСПС, отверг путь, избранный делегатами на предстоявший съезд профсоюзов, но это точка зрения была забаллотирована большинством³⁶.

Отношения между промышленными кругами и профсоюзами в это время также ухудшились, по-видимому не без некоторого подстрекательства со стороны Сталина³⁷. Летом и осенью 1928 года руководители предприятий развернули активную кампанию против профсоюзов, обвинив их в якобы нежелании бороться с нарушениями трудовой дисциплины в интересах повышения производительности труда. Протест С. Бирмана, директора «Югостали», Всеукраинскому комитету горнорабочих был оставлен без внимания, и на заседании ЦК Компартии Украины представитель горнорабочих был объявлен единственным членом, не согласным с мерами по улучшению дисциплины и повышению производительности труда³⁸. Газета «Труд» была обвинена в постоянном подыгрывании недисциплинированности, прогульщикам и другим злоупотреблениям³⁹. Профсоюзы были заподозрены в тайном поощрении враждебного отношения рабочих к хозяйственникам и специалистам⁴⁰. Накануне ноябрьского (1928 г.) Пленума ЦК ВКП(б) в Политбюро возникли первые открытые разногласия по вопросу о темпах индустриализации; Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и М. П. Томский впервые прямо бросили вызов политике большинства⁴¹. Нет никаких сведений о том, что профсоюзный вопрос занял сколько-нибудь определенное место в этих раздорах. Однако принятая пленумом резолюция о регулировании роста партии содержала довольно значительный отрывок, касав-

шийся прямо и главным образом профсоюзов, хотя и в самых общих выражениях: «Наши массовые организации (профсоюзы и др.) зачастую не проявляют необходимой чуткости к нуждам и запросам рабочих и работниц, во многих случаях отстают от роста активности масс и потому в совершенно недостаточной мере используют свои величайшие возможности по мобилизации сил рабочего класса для разрешения стоящих перед ним основных задач и для преодоления связанных с этим трудностей строительства социализма».

Профсоюзы призывались также к более активной работе с «новыми кадрами рабочих, влившимися за последние годы на фабрики и заводы, а также сельскохозяйственных рабочих». Указывалось, кроме того, что необходима «беспощадная борьба с чиновничьим отрывом от рабочих»⁴². Предложенная М. П. Томским формула о примирении краткосрочных и долгосрочных интересов рабочего⁴³ теперь оказалась недостаточной. В своем ответе на прения в ходе IV пленума ВСНХ в ноябре 1928 г. В. В. Куйбышев потребовал менее двусмысленной формулировки приоритетов: профсоюзные организации могли бы служить в качестве проводника интересов рабочих постольку, «поскольку это необходимо и в наших условиях»⁴⁴. «Правда» призвала к усилению руководящей роли партии в профсоюзах и опубликовала еще одну статью, обвиняющую их в «заговоре молчания» в отношении стоящих перед ними важных проблем⁴⁵. Передовица в «Торгово-промышленной газете» описывала неудовлетворительную дисциплину на заводах и фабриках как «почти универсальное явление» и вновь обвиняла профсоюзы в том, что они не оказывают достаточной поддержки администрации⁴⁶.

Несколько неожиданным результатом ноябрьского (1928 г.) Пленума ЦК ВКП (б) явилось смещение В. В. Шмидта с поста Наркома труда, который он занимал в течение десяти лет. На этом посту его заменил Н. А. Угланов⁴⁷. Поскольку Шмидт всегда был проводником независимой политики профсоюзного движения, вполне разумно связать его снятие с должности со стремлением большинства в Политбюро к установлению более жесткого контроля над профсоюзами⁴⁸. Скрытым смыслом назначения Углanova на этот пост являлось, видимо, стремление убрать его с ключевой позиции секретаря Московской партийной организации⁴⁹. Он не играл сколько-нибудь значительной роли в Наркомтруде и продержался на посту наркома всего несколько месяцев. Стычка с «правой» оппозицией по вопросу об индустриализации выявила опасность того, что М. П. Томский может настроить профсоюзную оппозицию против требований плановиков, и было совершенно ясно, что предстоявший VIII съезд профсоюзов мог бы стать весьма подходящей для этого возможностью.

После того как М. П. Томский открыл работу съезда 10 декабря 1928 г., А. И. Рыков произнес торжественную приветственную речь от имени ЦК ВКП (б) и Советского правительства, а Том-

ский на следующий день представил традиционный ответ ВЦСПС съезду и заслужил обычную в таких случаях овацию⁵⁰, сложилось впечатление, что съезд проходит нормально и вполне спокойно. Первым сигналом опасности явилась статья в «Правде» от 12 декабря 1928 г., которая предостерегала, что «аполитичность» в профессиональной работе недопустима и что профсоюзы уделяют недостаточное внимание «новым задачам периода реконструкции». Все это было похоже на возрождение старого обвинения профсоюзов в том, что они занимают «узкоцеховую» позицию и пренебрегают высшими нуждами производства. Статья завершалась словами о «бюрократическом окостенении части профсоюзного аппарата». Подобное критическое выступление «Правды», сделанное в самом начале весьма важного съезда, было уже политическим шагом. Этот выпад был сразу же осужден на съезде Б. Г. Козелевым, одним из руководителей союза металлистов и членом ВЦСПС, который в резкой форме сказал, что это «поклеп на профдвижение», и сравнил его с нападками «Комсомольской правды» последних недель на профсоюзы. Он усмотрел в этом «пренебрежительное отношение к потребительскому интересу рабочих масс» и «рецидив троцкизма», что явилось напоминанием о политике Троцкого в ходе знаменитой дискуссии о профсоюзах в 1921 г. Дорога к индустриализации может быть пройдена только в условиях усиления «внимания к... «частным» бытовым интересам и нуждам рабочих масс»⁵¹. Статья в «Правде» подготовила почву к весьма агрессивной речи, произнесенной на съезде А. А. Ждановым, ведущим членом ЦК ВЛКСМ. В ней впервые прозвучали завуалированные нападки на Томского. В своей речи Жданов произнес ряд несомненно тщательно обдуманных фраз, обращенных к тому, «кто не может осознать всей глубины наших принципиальных споров», заявив далее, что «этот человек не сможет, как это нужно, укреплять в своей повседневной работе связь между этими двумя организациями в деле обслуживания рабочей молодежи». В ответном выступлении по итогам прений Томский отбросил всякие вуалирующие покровы: комментируя «нехороший тон, нехороший характер» речи Жданова, он добавил, что складывается впечатление, «как будто бы Жданов требует смены Томского»⁵². Тем самым обнажилась связь между будущим профсоюзом и политической судьбой самого Томского.

Вслед за речью Томского в ответ на прения по докладу возник еще один довольно острый инцидент. Дебаты по организационным вопросам, которые заняли значительное время на VII съезде профсоюзов, спустя два года возобновились и на VIII съезде; вновь начался обмен обвинениями в «централизации» и контробвинениями в «федерировании профсоюзов»⁵³. В своем заключительном слове в прениях по докладу Томский говорил о «здоровом централизме», который заключался в руководстве со стороны Центрального Совета, и подчеркнул, что *«если мы будем выполнять те резолюции, которые до сих пор приняты, и если мы будем сохра-*

нять в стране единое, построенное по принципу демократического централизма профдвижение, то такой централизм с нашей стороны будет обеспечен»⁵⁴. С. Я. Кроль, потерпевший поражение по этому вопросу на предыдущем съезде, в прениях не участвовал: он уже не был председателем союза пищевиков, хотя сохранил свое место в Центральном Совете, ожидая новых выборов на съезде. Однако когда в конце заключительного слова Томского была предложена обычная резолюция, предусматривавшая формальное одобрение отчетного доклада и деятельности Центрального Совета, Кроль неожиданно представил альтернативную резолюцию. В материалах съезда текст его предложения отсутствует. Когда он попытался прочитать свою резолюцию, его выступление было встречено выкриками: «Шахтинское дело!», «Долой меньшевиков!». Председательствующий, коротко отклонив контррезолюцию Кроля как «меньшевистскую», поставил на голосование первое предложение. Оно было одобрено единогласно. Затем выступил делегат с осуждением «вылазки» Кроля, которую он поставил в один ряд с «шахтинским делом» и «троцкистским делом» как попытку «сбить пролетариат с правильного ленинского пути». Он предложил лишить Кроля его мандата (как член Центрального Совета, он был делегатом с правом «совещательного» голоса, то есть не мог участвовать в выборах) и исключить его из союза. Вслед за этим выступил Томский. Он сожалел, что «есть такие недисциплинированные члены нашей партии, которые выступают так, что его не отличишь от меньшевиков. Это и показывает, до чего докатился троцкизм. В ленинской коммунистической партии должна быть дисциплина не только железная, а стальная». Тем самым съезду была представлена беспрепятственная возможность лишить Кроля его мандата, хотя, поскольку Кроля, по-видимому, не собирались переизбирать в Центральный Совет, акт лишения его мандата был просто демонстративным жестом. Вместе с тем Томский просил съезд не исключать Кроля из союза, так как, по его мнению, «нужно совершить слишком тяжелое преступление перед рабочим классом, чтобы быть исключенным из членов союза». Предложение исключить Кроля было молчаливо забыто. Когда было проведено голосование по лишению его мандата, против было подано лишь четыре голоса, при двух воздержавшихся⁵⁵. По иронии судьбы, выступление по поводу этого вызвавшего некоторое замешательство эпизода оказалось последним выступлением Томского на профсоюзной трибуне. На последующем заседании В. В. Шмидт произнес прощальную речь, в которой описал себя без дальнейших разъяснений как «бывшего работника Наркомтруда»⁵⁶. Н. А. Угланов на съезде не появлялся и докладчиком от Наркомтруда был И. А. Толстомятов, заместитель наркома.

После этого партия явно пошла в наступление. Политбюро ЦК ВКП(б) предложило ввести в президиум ВЦСПС представителя Центрального Комитета партии; на этот пост был назначен

Л. М. Каганович, последние три года бывший секретарем Компартии Украины⁵⁷. Поскольку очевидной целью такого назначения был контроль над деятельностью Томского и его обуздание, неудивительно, что он этому сопротивлялся на том основании, что результатом явилось бы возникновение «двоецентрия»; и в спорах, последовавших за этим в партийной фракции профсоюзной делегации, Томский получил поддержку других профсоюзных лидеров⁵⁸. Что именно произошло, в точности не ясно. Но желание партии все пересилило. Длинный доклад Томского и заключительное слово в прениях были, как обычно, напечатаны в «Труде» в нескольких номерах, что завершилось только 21 декабря 1928 г. Впоследствии фамилия Томского на многие месяцы исчезла с полос «Труда» и никогда больше не упоминалась иначе, как в позорящих выражениях. Заслушав доклад А. И. Догадова, партийная фракция 24 декабря 1928 г. одобрила «целиком и полностью» ноябрьскую резолюцию ЦК ВКП (б), которая отвергла «появившиеся в рядах партии настроения на ослабление темпа индустриализации». Фракция заявила, что «профессиональное движение СССР никогда не стояло на цеховой, так называемой «чисто рабочей» точке зрения», и призвала к «мобилизации рабочих масс и трудящихся деревни для активного разрешения очередных задач социализма». Резолюция кончалась словами о необходимости углубления «борьбы против правого уклона и примиренчества к нему»⁵⁹. Не было никаких намеков на вопрос о руководстве. Тем же вечером съезд провел свое последнее заседание для утверждения принятых резолюций и выбора Центрального Совета. Среди 234 избранных членов фигурировали Томский, Каганович и Угланов, причем фамилия Томского все еще стояла первой в списке. А. И. Догадов произнес затем формальную речь, объявившую о завершении работы съезда. Он заявил, что *«мы смело и непоколебимо пойдем по тому пути, который нам наметили ленинская партия и ленинский ЦК... Этот путь — усиление темпа индустриализации страны»*⁶⁰. Никто ни словом не обмолвился об отсутствии Томского. В какой-то момент в ходе этой заключительной части съезда он подал заявление об отставке с поста председателя ВЦСПС⁶¹ и тихо ушел со сцены, где он так долго и совсем еще недавно был главным действующим лицом.

Съезд уделил значительное внимание культурно-просветительной работе профсоюзов⁶². В свое время в декабре 1926 г. VII съезд принял обширную декларацию, касавшуюся таких знакомых тем, как рабочие клубы, обучение взрослых, ликвидация неграмотности, потребность в массовых библиотеках, литературно-художественных и технических публикациях, спортивная и физкультурная работа⁶³. Докладчик по этому вопросу заявил, что «задачи культпросветработы... связаны самым непосредственным и тесным образом с основными хозяйственными и политическими задачами рабочего класса», что, по его мнению, было обусловлено тем, что «реконструкция народного хозяйства предполагает соответствие

культурному росту масс»⁶⁴. В резолюции съезда говорилось о кадрах «новых рабочих, пришедших из деревни», и отмечалось, что эта часть рабочего класса, «не имеющая опыта классовой борьбы, наименее устойчива в классовом отношении, легче всего поддается влиянию мелкобуржуазных элементов и зачастую приносит на фабрики и заводы потребительские настроения. Профсоюзы обязаны... принимать все меры к повышению их культурного уровня, защищать их экономические интересы, разъяснять им необходимость всемерного повышения производительности труда и уменьшения прогулов и т. д.». Все это было функцией «агитационно-культурной работы» союзов⁶⁵. Резолюция по культурно-просветительной работе начиналась с заявления, что она *«имеет своей основной целью»* подготовку самых широких масс пролетариата *«к сознательному и активному участию в социалистическом строительстве»*, и в ней вновь упоминалось о «рабочих, пришедших из деревни... склонных держаться в стороне от основной пролетарской массы, ее интересов и общественности». В дополнение к неоднократно перечислявшимся общеизвестным формам деятельности резолюция содержала новый раздел о «вопросах повседневной жизни». В нем профсоюзам предписывалось «усилить свою борьбу с такими явлениями в рабочей среде, как пьянство, азартные игры, некультурные бытовые привычки, грубое отношение к женщине и другие пережитки старого быта». Среди этих пережитков отмечалось «разжигание национальной розни и вражды», в частности антисемитизма: «Профсоюзы в особенности должны *усилить борьбу с антисемитизмом, вскрывая его контрреволюционную сущность и разоблачая весь вред равнодушного и безразличного отношения к нему*». Заключительный абзац резолюции призывал к *«совершению культурной революции, как необходимой и важнейшей предпосылки социалистического преобразования общества»*⁶⁶. Концепция нового человека, возрожденного интеллектуально и морально под влиянием революции, сочеталась с концепцией нового промышленного рабочего, возвращенного на пролетарской дисциплине для производства, которое должно осуществлять строительство социализма. На профсоюзы была возложена серьезная ответственность по решению задачи формирования и обучения нового человека и нового рабочего.

В течение трех последующих месяцев М. П. Томский и Л. М. Каганович оба были членами президиума ВЦСПС, хотя нет никаких свидетельств, говорящих о том, какой участок был поручен каждому из них. На объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК, состоявшемся 9 февраля 1929 г., Томский был обвинен в прегрешениях, которые тесно переплетались с проступками Бухарина, прежде всего в попытках создать для себя «княжество ВЦСПС», и ему настоятельно предлагалось «лояльно выполнять все решения ИККИ, партии и ее ЦК»⁶⁷. Наконец, в резолюции объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) от 23 апреля 1929 г. по вопросу о «правой» оппозиции детализиро-

вались его ошибки в профсоюзных делах: «В вопросе о профсоюзах Бухарин, Рыков и Томский идут на опаснейшее противопоставление профсоюзов партии, ведут фактический курс на ослабление партийного руководства профдвижением, затушевывают недостатки профсоюзной работы, прикрывают тред-юнионистские тенденции и явления бюрократического закоснения в части профсоюзного аппарата, изображая борьбу партии с этими недостатками, как троцкистское «перетряхивание» профсоюзов». Резолюция заканчивалась сообщением о снятии Томского с занимаемого им поста в ВЦСПС⁶⁸. В условиях полного расстройств руководства профсоюзами на XVI партийной конференции в апреле 1929 г. с приветствием от профсоюзов никто не выступил. Л. А. Шацкий, делегат от ВЛКСМ, напомнил о дискуссии между «Комсомольской правдой» и «Трудом» предыдущей осенью, причислив Томского к тем, кто был слеп к «серьезным болезням» профессиональных союзов, и потребовал «радикального пересмотра» методов работы⁶⁹. Однако этот наскок отзвук не вызвал, и по другим вопросам профсоюзы редко упоминались на протяжении всей конференции⁷⁰. Когда в конце мая 1929 г. впервые после рокового съезда в декабре 1928 г. ВЦСПС собрался на свое заседание, он подчинился решению партии об отстранении Томского, сняв его с поста члена и председателя президиума и назначив секретариат из пяти человек, включавший в том числе А. И. Доганова и Н. М. Шверника⁷¹. В ходе сессии 29 мая 1929 г. фракция ВКП (б) в Центральном Совете провела совещание, на котором правые были обвинены в сопротивлении политике ускоренной индустриализации, пятилетнему плану и нажиму на кулака, а также в формировании «предельно опасной оппозиции профсоюзов партии», и выразила всецелое одобрение стремлению ЦК ВКП (б) усилить партийное руководство профсоюзами⁷².

Спустя пять лет, в декабре 1934 г., выступавшие на XVII съезде ВКП (б) попытались дать объяснение и оправдание этим событиям. Л. М. Каганович изобразил Томского как приверженца точки зрения, что защита интересов рабочих несовместима с участием в управлении промышленностью, и заявил, что на протяжении 1928 г. ВЦСПС ни разу не обсуждал проблемы производства. М. П. Томский, появившийся на съезде в роли кающегося грешника, признал, что он «отвлекал внимание профсоюзов от задач, требовавших наиболее быстрого решения»⁷³. Н. М. Шверник обвинил «правую» оппозицию в «настраивании профсоюзов против партии», а другой делегат утверждал, что прежние руководители «настойчиво предостерегали союзы против работы по подъему производительности труда и противопоставили оборонительную работу союзов задачам участия в социалистическом строительстве»⁷⁴. В этих нелепых обвинениях можно было бы найти зерно истины. Наступление периода планирования и индустриализации незаметно изменило роль профсоюзов. Низвержение Томского и принятие плана положило конец периоду, на протяжении которого

профсоюзы, хотя и со все большими затруднениями, пользовались в советской экономике определенной независимостью. С этого времени они становились составной частью гигантского механизма, настроенного на реализацию всеобъемлющего хозяйственного плана. Возрастание нажима на рабочего диктовалось усилением потребностей индустриализации, а обуздание профсоюзов, несомненно, упростило движение в этом направлении.

б) Производственно-трудовые споры и конфликты

Механизм улаживания производственно-трудовых споров, который был предметом жалоб на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г.⁷⁵, начал работать более эффективно: в 1925—1926 гг. было улажено 2426 споров с участием 3 212 300 работников, в 1926—1927 гг. — 3155 споров с участием 2 463 000 работников, в 1927—1928 гг. — 2661 спор с участием 1 874 300 работников. Среди споров, возникших в 1926—1927 гг., на конфликты с частными нанимателями пришлось 12,9%, а в 1927—1928 гг. — 9,4%; однако, учитывая небольшие размеры частных предприятий, число работников, вовлеченных в эти споры, было незначительным⁷⁶. Проблемы, по которым возникали споры, классифицировались следующим образом: величина тарифа основной заработной платы; предоставляемые коммунальные услуги; добавочные статьи заработной платы; компенсации при увольнении или за неиспользованный отпуск; процедуры приема на работу и увольнения; охрана труда⁷⁷. Обильные поводы для споров возникли в связи с заключением коллективных договоров. В 1927 г. 43,2%, а в 1928 г. 22,9% всех работников, охваченных коллективными договорами, участвовали в спорах, возникавших в ходе обсуждения договоров; в крупных промышленных союзах этот процент был еще выше, достигая в эти годы 68,1 и 55,1% среди металлистов и 55,4 и 33,8% среди текстильщиков⁷⁸.

Продолжала выражаться озабоченность относительно методов улаживания этих споров. В нормальных условиях эта процедура осуществлялась в расценочно-конфликтных комиссиях (РКК)⁷⁹. Собранный в декабре 1926 г. VII съезд профсоюзов призвал к усилению роли РКК, считая, что «организация и опыт работы цеховых РКК, как подсобных органов общезаводской РКК, дали положительные результаты», и предложил, чтобы транспорт и те отрасли промышленности, которые еще не провели этой меры децентрализации, поспешили это сделать⁸⁰. Отмечалось, что к 1928 г. 84,9% всех споров разрешалось в РКК⁸¹. Менее удовлетворительная ситуация возникала, когда разногласия не удавалось уладить в РКК, и тогда они становились «спором» в собственном смысле этого слова. Кодекс законов о труде предусматривал в этом случае обращение в примирительный суд, а в случае невозможности уладить дело и там — в арбитраж. Тот факт, что примирительные

суды оставались непопулярными и неэффективными, возможно, указывает на характер отношений между рабочими и хозяйственниками. Совместное обращение Наркомтруда РСФСР и ВЦСПС, призывавшее к более широкому использованию примирительных судов⁸², оказалось тщетным. Профсоюзный делегат на XV партийной конференции в октябре 1926 г. жаловался, что «хозяйственники, отчасти и профессионалисты, боятся взять на себя ответственность за заключение коллективного договора и переносят всю ответственность на третье лицо или третью силу — на суперарбитра»⁸³. Спустя несколько недель, на VII съезде профсоюзов, М. П. Томский протестовал против установившейся практики, когда «каждый пустяковый вопрос о каждом отдельном рабочем, о двух рабочих, о рукавицах идет *прямо в третейский суд*, минуя примирительную инстанцию»; отмечалось, что 69% всех споров шли прямо в арбитраж, совсем не поступая в примирительные суды. Делегат от Украины заявлял, что «работа примирительных камер сходит на нет» и «авторитет их страшно упал», и обвинял хозяйственников, которые отказываются принимать сколько-нибудь серьезные попытки к примирению. Съезд принял резолюцию, призывавшую «расширить практику разбора дел в примирительных камерах» и «разгрузить третейские суды от мелочных конфликтов»⁸⁴. Все же в последующие два года там улаживалось не более 20% рассматривавшихся споров и остальные направлялись в арбитраж⁸⁵.

Но и решение арбитража (третейского суда) не всегда оказывалось окончательным. Право обращения в трудовые секции народных судов считалось ограниченным делами юридического характера; однако сюда же попадали предполагаемые нарушения кодекса законов о труде или коллективных договоров. Кроме того, неудовлетворенная сторона, особенно если она была достаточно влиятельной, всегда могла обратиться в Наркомтруд республики или даже Наркомтруд СССР с прошением о пересмотре решения. В. В. Шмидт сетовал в ходе VII съезда профсоюзов на то, что при таком подходе «иногда увольнение одного рабочего обходится государству в несколько тысяч рублей»⁸⁶. 29 августа 1928 г. был принят объемистый закон, в котором была предпринята попытка прояснить сложившуюся ситуацию путем точного определения сферы действия и объемов компетенции органов, связанных с улаживанием споров, начиная с РКК, но ничего нового введено не было⁸⁷. В декабре 1928 г. на VIII съезде профсоюзов докладчик от Наркомтруда вновь сетовал на неисполнение рекомендаций VII съезда и на то, что «главная масса дел разрешается голосом суперарбитра, т. е., что хозяйственники и союзы стараются сложить с себя ответственность и возложить ее на арбитра»⁸⁸. Однако резолюция съезда не более чем повторяла те же призывы, которые уже раздавались и прежде⁸⁹.

На протяжении рассматриваемого периода забастовки почти полностью исчезли из арсенала **средств борьбы** советских профсо-

юзов и советских рабочих, хотя никакие формальные запреты не вводились. Не наблюдалось ни разу крупномасштабной волны забастовок, подобной отмеченной весной 1925 года⁹⁰. Иногда все же проводилось различие между забастовками на обобщественных и частных предприятиях; однако стачка на частном заводе в Минске, проведенная в мае 1926 г., оказалась, по-видимому, последней промышленной забастовкой в Советском Союзе, о которой в советской прессе писалось с симпатией⁹¹. В декабре 1926 г. на VII съезде профсоюзов А. И. Догадов с удовлетворением сообщал о сокращении числа стачечников в первой половине 1926 г.: в 58 забастовках участвовало лишь 11 тыс. рабочих⁹². Официальная позиция была красноречиво сформулирована в конфиденциальной директиве ЦК союза деревообделочников своим отделениям в январе 1927 г.: «Забастовка на государственном предприятии, в успешной работе которого мы непосредственно заинтересованы, является крайней мерой и может быть лишь результатом откровенно бюрократического подхода со стороны хозяйственного органа или несознательного отношения со стороны некоторых групп рабочих и профессионалистов, которые недостаточно полно осознали, что мы не должны наносить ущерба государственным хозяйственным организациям. Поэтому наиболее важной задачей профсоюзных органов является осуществление экстренных профилактических мер для предупреждения забастовочного движения на государственных предприятиях.

В случае необходимости призвать к забастовке на государственном предприятии безотносительно к его размеру и числу занятых на нем рабочих забастовка должна быть санкционирована заранее центральным комитетом профсоюза, в отсутствии чего призывы к забастовке категорически запрещаются»⁹³.

В последующие два года внимание общественности к забастовкам привлекали редко и чаще всего о них ничего не публиковалось. Однако в официальном отчетном докладе профсоюзов VIII съезду в декабре 1928 г. была дана более полная статистика, чем прежде. В 1926 г. в забастовках участвовало 43,2 тыс. рабочих (32,9 тыс. на государственных предприятиях), в 1927 г. — 25,4 тыс. (20,1 тыс. на государственных предприятиях), в первой половине 1928 г. — 9,7 тыс. (8,9 тыс. на государственных предприятиях); число потерянных рабочих дней упало со 140 056 в 1926 г. (64 530 на государственных предприятиях) до 48 597 в 1927 г. (27 417 на государственных предприятиях). Несколько более трети споров, ведущих к забастовкам, было полностью улажено в пользу рабочих, менее трети — в пользу администрации, остальные давали компромиссные результаты; эти пропорции оставались неизменными на протяжении всего периода. В 1926 г. 2,1% забастовок, а в 1927 г. — 1,9% происходило с одобрения профсоюза, и, по-видимому, они происходили на частных предприятиях. Однако отмечалось, что забастовки «в подавляющем большинстве

случаев... возникают стихийно, помимо воли союза». Делалась попытка убедить всех в том, что «забастовки остаются у нас случайным, скоропроходящим явлением, охватывают предприятия лишь частично и быстро ликвидируются»⁹⁴. На съезде М. П. Томский упоминал, что «возникающие время от времени забастовки рабочих, происходящие *«без ведома профсоюзов»*, свидетельствуют о «недостаточно внимательном отношении профорганов к массам», придерживаясь той же точки зрения, как и в 1925 г., а А. И. Догадов привел статистику из официального отчета⁹⁵. Однако на съезде не было предпринято попыток обсуждать этот вопрос, который перестал представлять серьезную опасность. Профсоюзы целиком переключились на проблему повышения производительности труда, и любые действия, которые могли бы помешать увеличению объемов производства, необходимо было пресекать в корне⁹⁶.

Явно уникальным и слабо освещенным эпизодом в истории забастовочного движения в Советском Союзе явилась волна забастовок среди сельскохозяйственных рабочих или батраков, работавших в овощеводческих или плодородческих хозяйствах летом 1929 г. в южных и юго-восточных районах страны. Она началась в пригородах Одессы, распространившись быстро на восток и дойдя даже до Оренбурга, достигла пика в форме «грандиозной забастовки батраков на виноградниках немецких колонистов» в Грузии; отмечалось, что в этих забастовках участвовало, однако, не более 5000 батраков. Характерным оказалось замешательство профсоюзов. Центральный комитет и VI съезд Всеработземлеса в декабре 1928 г. приняли решение, что «в борьбе против кулаков профсоюзы не должны останавливаться перед угрозой забастовки». Местная организация Всеработземлеса была слабой, и эти инструкции «сразу же были забыты». Когда забастовка возникла в Ростове, региональный представитель союза на четверть часа появился на огороде и ушел, не возглавив стачечный комитет; в других местах были распространены слухи, что председатель комитета батраков, назначенный региональным комитетом союза, «пьянствует с кулаками и ведет их линию». Еще более примечательной была позиция других союзов. Региональные межсоюзные организации не проявили никакого интереса к забастовке батраков, а в Оренбурге союз печатников отказался печатать для них листовки и плакаты. Несмотря на эти подножки, указывалось, что забастовки закончились победой батраков, «подняли политическое и классовое сознание батраков» и «сблизили батрачество с партией, союзом и промышленными городскими рабочими»⁹⁷, хотя это и не очень правдоподобно. Рассмотренный эпизод большой внутренней значимости, очевидно, не имел. Однако он наглядно иллюстрировал многообразие условий в Советском Союзе, а также сложность взаимоотношений между городом и деревней и между различными элементами в профдвижении.

в) Производственные совещания

Сдержанное одобрение производственных совещаний на заводах и фабриках, к широкому распространению которых М. П. Томский призывал в декабре 1925 г. на XIV съезде ВКП (б) ⁹⁸, не скрыло тех трудностей, с которыми пришлось столкнуться этой форме организованных взаимоотношений между рабочими и администрацией предприятий, и первоначальная популярность, которую они приобрели, в дальнейшем пошла на спад ⁹⁹. В июне 1926 г. ВЦСПС отмечал слабость профсоюзной работы в производственных совещаниях ¹⁰⁰. Ф. Э. Дзержинский в записке от 22 июня 1926 г., адресованной И. А. Кравалю, писал, что производственные совещания «не получили необходимого развития... по вине наших хозяйственников, не проявивших доброй и активной роли в этом отношении», добавив, что «профсоюзы сами не в состоянии влить жизнь в эти совещания». Он рекомендовал Кравалю обсудить этот вопрос с руководителями трестов и с профсоюзами, и подготовить материалы к совещанию, на котором он сам собирался выступить перед хозяйственниками ¹⁰¹. Результатом этой инициативы явилась совместная директива ВСНХ и ВЦСПС в июле 1926 г., за несколько дней до смерти Дзержинского, который стремился возродить слабеющий интерес к совещаниям ¹⁰²; а ВЦСПС принял резолюцию, призывавшую к созданию на всех заводах и фабриках производственных комиссий для подготовки предложений и повестки дня производственных совещаний ¹⁰³.

Когда в октябре 1926 г. собралась XV партийная конференция, М. П. Томский выступил с разъяснением, что производственные совещания могут быть двух типов: они могли рассматривать повседневные практические жалобы рабочих предприятия или обсуждать вопросы хозяйственной политики. До этих пор Томский больше склонялся к первому варианту, однако теперь наступило время повести рабочих на шаг вперед — «поднимать их выше по ступенькам: от интересов станка поднимать до интересов всего цеха, до интересов всего завода, до интересов всего треста». Совещания должны были время от времени назначать «контрольные комиссии» для рассмотрения конкретных вопросов, даже если бы директора и хозяйственники были склонны рассматривать это, как он допустил, в качестве вмешательства в их собственные функции и как возрождение «рабочего контроля» ¹⁰⁴. Это предложение получило слабую поддержку других делегатов. Н. А. Угланов с пессимизмом относился к производственным совещаниям и полагал, что Томский «чрезмерно упрощает вопрос». Два делегата-хозяйственника протестовали против создания контрольных комиссий, считая их отягощением и без того чрезмерного бремени различных форм контроля. Д. Б. Рязанов подверг производственные совещания критике, назвав их бесполезными и подрывающими авторитет профсоюзов. Томский вновь отстаивал свой проект ¹⁰⁵. В резолю-

ции конференции, которую составляли из соображений необходимости дискредитировать оппозицию, заявлялось, что «вопреки паническим крикам оппозиции» производственные совещания развиваются и первый этап их работы «почти закончен». Очередной задачей в тот момент являлось «углубление» их деятельности путем перехода к «разработке более крупных общих вопросов» организации труда и производства. С этой целью было сочтено целесообразным создание «временных контрольных комиссий из рабочих данного предприятия», точное определение функций которых оставлялось за ВСНХ и ВЦСПС¹⁰⁶. На VII съезде профсоюзов в декабре 1926 г. М. П. Томский слегка коснулся вопроса о производственных совещаниях и контрольных комиссиях¹⁰⁷, и основная резолюция по работе таких совещаний содержала весьма значительную уступку в том, что «опыт организации временных контрольных комиссий ни в коем случае не должен истолковываться как попытка непосредственного вмешательства в функции административно-хозяйственного управления предприятием»¹⁰⁸. Временные контрольные комиссии, которые должны были избираться производственными совещаниями и обычно состояли из пяти — семи квалифицированных рабочих и инженерно-технического персонала, рассматривали такие вопросы, как источники потерь, состояние работы по рационализации производства, причины высоких издержек и недостатки в использовании рабочей силы¹⁰⁹.

Организация временных контрольных комиссий была одобрена в совместном решении ВСНХ и ВЦСПС от 2 февраля 1927 г. К тому времени в девяти профсоюзах было сформировано 26 комиссий¹¹⁰; к концу года 16 союзами была создана 241 комиссия¹¹¹. Однако комиссии, которые были инструментом профсоюзов, получили не совсем устойчивую поддержку в партийно-правительственных кругах, которые стремились дискредитировать их как ненужных конкурентов производственным совещаниям¹¹². На IV съезде Советов СССР в апреле 1927 г. производственные совещания были названы важным средством стимулирования инициативы рабочих и привлечения их к рационализации производства, но ни слова не было сказано о комиссиях¹¹³. На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. С. В. Косиор приветствовал оживление работы производственных совещаний, но признал, что опыт работы контрольных комиссий «еще не подытожен», и сторонники комиссий были вынуждены обороняться. Н. А. Угланов сожалел по этому поводу, что, несмотря на ряд многообещающих опытов, «размаха эта работа... не получила», а А. И. Догадов сетовал на то, что «по вопросам работы временных контрольных комиссий мы имеем очень много разногласий с хозяйственниками» и с их стороны наблюдается отрицательное отношение¹¹⁴. На апрельском (1928 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) профсоюзы были обвинены в плохой организации производственных совещаний, недостаточной частоте их заседаний и нежелании разъяснять их зна-

чение рабочим; вместе с тем практика временных контрольных комиссий на предприятиях также была объявлена недостаточной¹¹⁵.

После такого упрека исполнение совместной директивы ВСНХ и ВЦСПС привело к увеличению числа комиссий почти до 2000, включая комиссии не только в промышленности, но и на транспорте, в госучреждениях, а также в торговых и кооперативных организациях¹¹⁶. Но это никак не ослабило остроты критических замечаний, что комиссии «превратились в разновидность независимого, самостоятельного органа, ведущего свою работу вне производственных совещаний и нисколько им не подотчетного»; причем со стороны административно-технического персонала наблюдалось лишь «слабое сотрудничество» с ними¹¹⁷. На VIII съезде профсоюзов в декабре 1928 г. М. П. Томский продолжал утверждать, что в отношении производственных совещаний нет никакого прогресса, что связанная с ними статистика «подогнана к нуждам момента» и что большинство из них собиралось лишь трижды в год. Действительно, они были заменены контрольными комиссиями. Однако из объявленных 2000 контрольных комиссий, по-видимому, еще действовали лишь около 1000¹¹⁸. Резолюция съезда, принятая после низвержения Томского, признала производственные совещания наиболее эффективным средством осуществления «фундаментальной задачи профсоюзов — подготовки широких масс рабочих к управлению всем аппаратом пролетарского государства и вовлечения этих масс в процесс активного и сознательного строительства социализма», но призвала профсоюзы также «к расширению *сети временных контрольных комиссий, постепенному охвату ими всех крупных и средних предприятий*»¹¹⁹. Подобное расширение сети не встретило повсеместно безоговорочного одобрения. В полуофициальной статье по поводу съезда в экономическом журнале говорилось о производственных совещаниях в обычных выражениях и совсем не упоминалась о контрольных комиссиях¹²⁰. После этого комиссии, видимо, постепенно исчезли из общей картины. На протяжении 1929 г. появлялись многочисленные сообщения о «пересмотре» отношения к производственным совещаниям, что указывало на усиление их деятельности¹²¹. Однако в качестве стимула к повышению производительности труда такие мощные и нерегулярные формы, как ударные бригады, соревнования между предприятиями или премии за рационализаторские предложения, оказались видимо более эффективными, чем регулярные производственные совещания.

ГЛАВА 21

СПЕЦИАЛИСТЫ

Привилегированное положение «специалистов», которое было источником трений и многочисленных затруднений с первых дней установления нового политического режима в стране¹, продолжало создавать неразрешимые проблемы и в рассматриваемый период: по мере укрепления и прояснения статуса этой группы позиция партии и правительства по отношению к ним становилось все более двусмысленной. Довольно трудно дать сколько-нибудь точную оценку численности специалистов или квалификационные характеристики лиц, относимых к этой категории. Согласно переписи декабря 1926 г., 37 988 лиц указали себя в опросных листах принадлежащими к «управленческому персоналу» и 81 241 — к «инженерно-техническому персоналу» фабрично-заводской промышленности; при этом последняя категория включала 13 094 инженера и конструктора, 15 552 техника и 13 536 «мастеров»². Проведенный ВСНХ в 1928 г. опрос выявил 50 798 «инженеров и техников», работавших на крупных промышленных предприятиях. Из них только 15 415 считались профессионально подготовленными инженерами; 15 399 специалистов были специально обученными техниками; 19 984 — были «мастерами», не имевшими специальной подготовки, но приобретшими свою квалификацию на работе³. Составители первого пятилетнего плана насчитали 20 200 инженеров, работавших в государственной промышленности в 1927—1928 гг., из которых 13 100 были непосредственно заняты на производстве; предполагалось, что к 1932—1933 г. их общее число возрастет до 41 500 человек⁴. Проведенное в 1929 г. обследование специалистов, работавших на 25 крупнейших промышленных предприятиях, дало следующее распределение:

Директора, заместители директоров, управляющие и заместители управляющих	125
Начальники цехов, отделов и мастерских и их заместители	1771
Инженеры	1658
Мастера	1761
Техники	987

Конструкторы	568
Научные работники	789
Прочий административно-технический персонал	1336
Итого	8995 ⁵

Неясно, какое число директоров и управляющих или других ответственных к специалистам административных работников высшего ранга имели квалификацию инженеров; очевидно, исходным критерием признания работника специалистом было то, что его оклад или вознаграждение не зависели от обычных тарифных сеток. Вместе с тем «инженеры и техники» составляли ядро специалистов, хотя далеко не все из них были удостоены привилегии получать персональные оклады⁶. Статус «техников» соответствовал чему-то среднему между инженером и рабочим и зачастую носил неопределенный характер; «от одних-то (инженеров) отстали, но к другим (к рабочим) еще не пристали», — говорил Томский о среднем техническом персонале⁷.

Профессиональная организация инженеров, именовавшаяся Всероссийской ассоциацией инженеров (ВАИ) и являвшаяся преемницей своего аналога дореволюционного периода, продолжала существовать и в 20-е годы. Ее председателем был А. Н. Долгов — беспартийный инженер, работавший в ВСНХ; ассоциация располагала отделениями в основных центрах страны. Эта организация вела обсуждение технических и профессиональных вопросов и время от времени направляла властям представления в отношении статуса инженеров⁸. Однако вскоре стала ощущаться конкуренция со стороны другой организации, которая, появившись уже в советское время, оказывала большее влияние. С 1925 г. и в дальнейшем в каждом промышленном профсоюзе действовала инженерно-техническая секция (ИТС); и в том же году было создано Всесоюзное межсекционное бюро инженеров и техников (ВМБИТ) для координации работы этих секций⁹. В течение 1925 и 1926 гг. число секций выросло с 350 до 3340, а членство — с 23 000 до 91 600 человек¹⁰. На VII съезде профсоюзов в декабре 1926 г. выступил докладчик от ВМБИТ, а в резолюции съезда по организационным вопросам указывалось, что «ИТС, являясь составной частью союза, не могут строиться на основании добровольного членства, а должны охватить всех членов союза данной группы работников»¹¹. Третий съезд ВМБИТ, собравшийся в апреле 1927 г. и впервые получивший широкое публичное освещение¹², собрал 574 делегата и наблюдателя из 4108 местных организаций, представлявших 105 тыс. членов, и эта цифра свидетельствует о формировании довольно широкой сети; съезд приветствовали А. И. Рыков и М. П. Томский. Последний был явно озабочен статусом ВМБИТ в профсоюзном движении и с тревогой старался предупредить любые устремления к независимости: «Никакой союз инженеров не мог бы вопреки воле рабочего класса и против его

желания добиться улучшения экономического положения своих членов. Ваша секция располагает достаточными правами. Она — организация рабочего класса для обслуживания определенной категории трудящихся»¹³.

По мере развертывания индустриализации и внедрения планирования нехватка инженеров ощущалась все острее. На одной из конференций в сентябре 1927 г. В. В. Куйбышев отмечал, что их нехватка серьезно задержала подготовку технических заданий на машины и оборудование, запланированных к импорту по германским кредитам, и нарушила разработку технологии производства искусственного шелка и изучение последних американских процессов выплавки и рафинирования меди¹⁴. В результате нехватки инженерные должности стали занимать дипломированные техники и даже не получившие специальной подготовки механики¹⁵. По имеющимся оценкам, 50 798 инженеров и техников (включая мастеров), участвовавших в обследовании ВСНХ 1928 г., составили лишь 2,3% всех работников, занятых на производстве; по словам Куйбышева, это лишь третья часть аналогичного долевого показателя западноевропейской и американской промышленности¹⁶. Имеются свидетельства хронических сложностей в деле привлечения специалистов к работе за пределами крупных городов¹⁷; несколько принятых в 1927 г. законов предусматривали дополнительные стимулы для тех, кто решил работать в отдаленных районах Советского Союза¹⁸. На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. А. И. Рыков довольно резко высказывался о безработице среди работников умственного труда «при громадном голоде на интеллигентный труд в провинции и деревне» и предлагал «не считать за безработных тех, кто работе в деревне предпочитает безработицу в городе». Однако он признал, что «режим экономии» в ряде случаев приводил к тому, что «квалифицированных специалистов — лаборантов и техников, работающих над улучшением производства, увольняли с работы»¹⁹. Приблизительно в то же время слышались жалобы на то, что принятый 2 декабря 1925 г. закон, обещавший предоставление жилья медицинским работникам, изъявившим желание работать в деревнях, игнорировался местными властями, не делавшими ничего, чтобы как-то обеспечить соответствующие условия жизни²⁰. Проблемы с направлением в провинцию профессиональных работников создавали еще большие осложнения, чем при направлении промышленных рабочих.

Наиболее серьезным обвинением в адрес специалистов было обвинение их во враждебном отношении к рабочим и рабочему государству. Плохие отношения между рабочими и специалистами на уровне предприятий были хроническим явлением и усугублялись идеологическими расхождениями. Тот факт, что инженеры и техники благодаря членству в ИТС были членами профсоюза, никак не способствовал сглаживанию противоречий. Отмечалось, что руководители предприятий с подозрением относились к инженерам

и техникам, появлявшимся на производственных совещаниях в качестве профсоюзных делегатов, и желали бы рассматривать их как представителей администрации²¹. Рабочие или, во всяком случае, профсоюзы с возмущением относились к высоким окладам специалистов, происхождение и в равной степени облик которых воспринимались чуждыми для пролетариата²². Среди злостных нарушений режима экономии, указанных в обращении от 16 августа 1926 г., говорилось о «недопустимом покровительстве «большим начальникам», которых не следует путать с честными специалистами, преданными своей работе», о предоставлении «большим начальникам» таких привилегий, как автомобили и премии, а также о скрытых формах увеличения заработной платы «высшим должностным лицам»²³. Парадоксально, но в глазах рабочих специалисты рассматривались как основные проводники и получатели выгод режима экономии и рационализации производства, все тяготы и издержки которого перекладывались на плечи рабочих²⁴. Постоянно сообщалось о грубом и жестоком отношении специалистов к рабочим, что обычно трактовалось как пережиток дореволюционных привычек. На XV партийной конференции в октябре 1926 г. С. И. Сырцов обвинил специалистов в том, что среди них развивается «преувеличенное представление о себе, которое в их отношениях с рабочими дает себя знать бьющим в глаза самомнением, грубостью и иной раз третированием рабочих»²⁵. На IV съезде Советов в апреле 1927 г. В. В. Куйбышев предупреждал инженеров, что «социальная обстановка в нашей стране властно требует инженерные кадры приспособиться к нашим особым условиям», что старые командные методы больше не годятся²⁶. Более сочувствовавший наблюдатель относил возникающие осложнения на счет «чрезмерной нервозности» среди специалистов, многие из которых работали по двенадцать часов в сутки²⁷.

Кто бы ни был виноват, но глубину антипатий между специалистами и рабочими в середине и конце 20-х годов отрицать невозможно. Специалисты возмущались защитой, оказывавшейся профсоюзами и партией рабочим, что препятствовало установлению порядка и дисциплины традиционными методами²⁸. В докладе ВУМБИТ на III Всеукраинском съезде профсоюзов в ноябре 1926 г. открыто заявлялось об улучшении трудовых отношений: «Случаи враждебных действий в отношении инженерно-технического персонала в последнее время стали редкими исключениями, во всяком случае, отдельными, не массовыми явлениями». Признавалось, однако, что «мы тем не менее сталкиваемся с более опасной формой скрытого «спецеедства», особенно когда специалист осуществляет принципы строгого хозяйственного расчета»²⁹. Состоявшийся в следующем месяце в Москве VII съезд профсоюзов признал существование «печального явления» «эксцессов» в отношении инженеров и техников со стороны рядовых рабочих, что иногда принимало «хулиганскую окраску»³⁰, а летом 1927 г. с шахт Украины сообщалось, что приказы и распоряжения встре-

чали «ругательства, угрозы и призывы к насилию» и было принято несколько посягательств на жизнь специалистов³¹. Иногда возникало подозрение, что такое отношение поощрялось или допускалось свыше. В начале 1928 г., совсем незадолго до «шахтинского дела», С. Д. Шейн, председатель ВМБИТ, вновь протестовал против нападок на советскую инженерную общественность со стороны ведущих руководителей промышленности и профсоюзов³².

Напряженность в отношениях между рабочими и специалистами, между специалистами и партийным и правительственным руководством становилась все более двусмысленной. При обсуждении отношения специалистов к режиму они обычно разделялись на три группы. Активные противники, по-видимому, были не слишком многочисленными: до «шахтинского процесса» в марте 1928 г. подозрения в нелояльности к режиму среди специалистов не привлекали широкого внимания. Активные сторонники режима также не были многочисленными. Из 3000 членов ИТС союза металлистов лишь 110—115 состояли в партии, и эта доля была существенно выше среднего показателя по общей массе специалистов; согласно другой оценке, членами партии были лишь 0,81% всех дипломированных инженеров и техников³³. Третья, или умеренная по взглядам, группа, которая, по общему мнению, была наиболее многочисленной, описывалась как нечто апатичное, склонное к мягкому антисемитизму и антипартийным сплетням и анекдотам: вместо того чтобы вести в свое свободное время исследования, «инженеры предпочитают ходить друг к другу в гости по вечерам, пить и играть в преферанс»³⁴. Эта группа не имела прочных политических убеждений, была политически нейтральной, заботясь лишь о выполнении своих практических обязанностей³⁵. Однако эта нейтральность скрывала бессознательно высокомерное отношение, унаследованное от прошлой эпохи. На процессе Промпартии в 1930 г. Л. К. Рамзин, главный обвиняемый, описывал инженерный корпус как «некоторую изолированную структуру, касту, имеющую классовые интересы и классовую идеологию», воодушевленную «откровенным разочарованием советским режимом». В целом они «были твердо убеждены в благотворном эффекте частного предпринимательства»; с другой стороны, они приняли НЭП как «постепенное движение в направлении государственного капитализма»³⁶. Другой обвиняемый, В. Н. Ларичев, заявил, что «большинство из них сформировалось на буржуазно-демократических идеях, являются выходцами из буржуазии или различных мелкобуржуазных слоев». Еще один обвиняемый, И. Н. Калинин, описывал себя как «воспитанного в классе буржуазии в условиях капитализма, подобно любому другому инженеру»³⁷. Подобные заявления не были слишком преувеличенными.

Отношение партии и правительства к специалистам было двойственным с тех пор, как по инициативе Л. Д. Троцкого в Крас-

ной Армии к службе были привлечены царские офицеры. Лишь в течение короткого периода, в сумбурные дни рабочего контроля, возникла иллюзия, что промышленность могла бы работать без управляющих и инженеров, унаследованных от старого режима; ко времени созыва IX съезда партии в марте 1920 г. активно проповедовалось «товарищеское сотрудничество между рабочими и специалистами-техниками»³⁸. По мере возрождения промышленности роль специалистов становилась все более важной. Определенной вехой на этом пути явилось появление на съезде инженеров в декабре 1924 г. тогдашнего председателя Совнаркома А. И. Рыкова, предложившего хартию прав «специалисту, инженеру, человеку науки и техники»³⁹. На XIV конференции ВКП(б) в апреле 1925 г. Ф. Э. Дзержинский говорил, что было бы неправильным смотреть на техников как на «изменников» и «наемников», и продолжил: «Мы можем их завоевать как коллег, как тех товарищей, с которыми мы вместе работаем»⁴⁰. На посту председателя президиума ВСНХ Дзержинский сделал довольно многое, чтобы восстановить статус и моральное состояние специалистов; после его смерти один из них говорил о нем с признательностью: «Он снова сделал нас людьми»⁴¹. На Пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1926 г. И. В. Сталин осудил тех, кто стремится «разогнать» управляющих, и потребовал обеспечить им поддержку «в целях создания промышленности»⁴². Резолюция V конференции ВЛКСМ в марте 1927 г. упрекала «отсталые слои молодых рабочих» в «неправильном отношении к специалистам и мастерам»⁴³.

Однако подобные официальные декларации не могли рассеять атмосферу недоверия к специалистам в партийных кругах или же соответствующие страхи и вражду со стороны специалистов. По мере «полевения» политики партии и укрепления сомнений в долговечности компромиссов, привнесенных НЭПом, происходило ухудшение отношений не только между специалистами и рабочими, но и между специалистами и партией. В феврале 1927 г. Н. И. Бухарин был вынужден выступить с опровержением слухов, «особенно распространившихся в Ленинграде», о возвращении партии к позициям 1918 года в отношении специалистов⁴⁴. На VI съезде Советов В. В. Куйбышев рассказал историю инженера, заявившего, что он не очень задумывался, правильно ли то, что он делает: он просто исполнял приказания. Такие действия были осуждены как «формальный, бюрократический подход» в условиях, когда требуется «экономическое видение»⁴⁵. Г. И. Ломов, старый большевик, в то время бывший председателем «Донугля», был озабочен той же проблемой апатии среди специалистов. В Донбассе инженеры опасались вводить в работу новое оборудование из-за возможных расследований, которые начнутся, если что-либо пойдет не так. В одном из районов все управляющие и главные инженеры шахт оказались под следствием; некоторые из них проходили даже по пяти делам. В подобных условиях инженеры отказывались выполнять функции руководителей; Ломов полагал,

что «нельзя убивать элемент размаха, элемент риска у техника и инженера»⁴⁶. Источником постоянных мелких жалоб был значительный объем бумаг, многочисленность собраний и заседаний, которые занимали существенную долю рабочего дня инженера⁴⁷.

Осенью 1927 г., когда по каждому более или менее крупному вопросу формулировались новые политические подходы, была предпринята попытка обеспечить активную поддержку «технической интеллигенции», что со стороны могло выглядеть либо как последняя попытка заручиться добровольным энтузиазмом специалистов, либо как первая попытка организовать их в некоторое активное сообщество. Группой видных ученых и инженеров, включавшей И. Г. Александрова, председателя технического совета Днепростроя, А. Н. Долгова, председателя ВАИ, и С. Д. Шейна, председателя ВМБИТ, было опубликовано заявление о создании Организации научно-технических работников в помощь социалистической реконструкции (ОРНИТО). Это был политический манифест, говоривший о восстановлении страны «под руководством коммунистической партии» и о необходимости, чтобы члены организации «мыслили социалистически». «В классовом обществе научно-технические работники не могут оставаться политически нейтральными»; существует два класса и два мировоззрения, и цель заключается в объединении научно-технических сил «на ясной идеологической основе»⁴⁸. В последующие несколько дней были опубликованы имена основателей. Среди них было несколько видных беспартийных специалистов, таких, как В. Г. Громан⁴⁹; но ожидавшаяся поддержка была явно слабой. В своих воспоминаниях В. Н. Ипатьев рассказывает, что Б. Н. Збарский, основной представитель партии, просил его и других выдающихся химиков присоединиться, обещая, что членство в этой организации освободит их от контроля со стороны ОГПУ или критических высказываний. Ипатьев ответил, что он «никогда не участвовал в политических делах» и что сама организация была «мертворожденной»⁵⁰. В феврале 1928 г. Совнарком утвердил устав новой организации, получившей название ВАРНИТСО (Всесоюзная ассоциация работников науки и техники в помощь социалистическому строительству СССР). Первая конференция ВАРНИТСО состоялась 23—26 апреля 1928 г., и на ней присутствовало 170 делегатов, из которых 98 были указаны как профессора и 32 — как инженеры; 113 делегатов было беспартийными. Председателем ассоциации был избран А. Н. Бах, выдающийся ученый-химик, бывший одним из основных создателей организации⁵¹. Збарский, однако, поразил участников конференции шокирующим замечанием, критикующим «высший слой интеллигенции», который-де враждебно отнесся к декларации об образовании ВАРНИТСО на том основании, что это ведет к расколу интеллигенции, и заявил, что этот слой «за десять лет ничему не научился и ничего не забыл»⁵². Резолюция конференции выразила точку зрения, что «интеллигенция не должна быть нейтральной, а должна принять ак-

тивное участие в деле планирования и капитального строительства всей промышленности в стране»⁵³.

В подобных условиях сенсационное «шахтинское дело» ярко высветило обстановку всеобщего недоверия к специалистам и обострило все их отношения с властями на последующие два года. В начале марта 1928 г. было объявлено, что раскрыта контрреволюционная организация, осуществлявшая акты саботажа на шахтах Шахтинского района Донбасса, и арестовано 55 человек, главным образом технического персонала, включая трех германских инженеров; из них около 30 обвиняемых признали свою вину полностью или частично⁵⁴. Руководящим центром подпольщиков была организация бывших владельцев и акционеров шахт, располагавшаяся в Париже; контакты поддерживались также с помощью «германских промышленных фирм» и польской контрразведки. Указывалось, что «организованный саботаж» начался еще в 1922 г., но представленные свидетельства говорили о более поздней дате. С 1925 г. саботаж якобы направлялся из располагавшегося в Харькове управления угледобывающего треста «Донуголь»; с 1926 г. центр саботажа существовал и в Москве. Среди арестованных был Л. С. Рабинович, в то время председатель технического совета «Донугля» и якобы основатель московского центра, и Н. Н. Скорутто, заместитель начальника отдела ВСНХ. Помимо конкретных диверсионных актов в шахтах, обвинения в саботаже включали такие прегрешения, как нерегулярность выплаты заработной платы и пренебрежение мерами техники безопасности рабочих, намеренная закупка негодного или ненужного оборудования, неоправданные изменения организационной структуры и фальсификация счетов.

Судебное разбирательство было открыто 19 мая 1928 г. и длилось шесть недель. Суд привлек максимум внимания общественности и широко освещался в прессе⁵⁵. В противоположность слабости доказательств совершения конкретных актов вредительства «социально-политическая значимость» процесса как элемента классовой борьбы с непримиримым врагом — внутренней и зарубежной буржуазией — проявилась исключительно рельефно. Г. Ф. Гринько, заместитель председателя Госплана, и С. Д. Шейн, председатель ВМБИТ, а также два других выступивших пустились в пространные рассуждения на эту тему еще до заключительной речи Н. В. Крыленко, бывшего на этом суде прокурором и требовавшего смертной казни для более чем 20 обвиняемых. Суд оправдал четверых обвиняемых, приговорил 11 человек к смерти, а остальным были определены разные сроки тюремного заключения. Л. С. Рабинович, на протяжении всего процесса пытавшийся доказать свою невиновность, был приговорен к 3 годам заключения; Н. Н. Скорутто, который на закрытом заседании признался в получении крупных сумм денег из Франции, — к 10 годам. Из трех германских инженеров двое были оправданы, а третий по

мелкому обвинению получил год тюрьмы. Из приговоренных к смертной казни пять человек были казнены ⁵⁶.

Даже на начальной стадии «шахтинского дела» некоторые из партийных руководителей проявили обеспокоенность последствиями разгоревшихся страстей. Орджоникидзе и Рыков, выступая сразу же после первых разоблачений, высказались с выразительными предупреждениями против беспорядочного «спецедействия» ⁵⁷. Отмечается, что на заседании Политбюро А. И. Рыков выступил с осуждением кампании, направленной против специалистов, и представил в их защиту «целый портфель» цитат из работ В. И. Ленина ⁵⁸. ЦК союза горнорабочих опубликовал обращение к своим членам, в котором среди прочего говорилось: *«Упорная борьба с саботажниками, но товарищеское отношение к честным специалистам. Борьба со спецедейством, но в то же время контроль и проверка работы специалистов — такова должна быть линия хозяйственников, союза и рабочих»* ⁵⁹. В конце 1928 г. В. В. Куйбышев был вынужден занять оборонительную позицию на совещании московских инженеров и техников. Он отклонил появившиеся в зарубежной прессе утверждения, что «шахтинское дело» якобы фальсифицировано властями с целью отвести от себя ответственность за провалы в советской промышленности или для того, чтобы «натравить рабочих на специалистов». В своем выступлении Куйбышев обрушился на «разгильдяйство и техническое невежество наших хозяйственных органов» и на «формализм, инертность и кастовую замкнутость инженерно-технической среды», заявив в заключение, что Советское правительство не намеревалось менять свое отношение к специалистам: саботажников была «ничтожная кучка» ⁶⁰. И. В. Косиор повторял, что *«творческая работа в промышленности невозможна без некоторого риска»*; инженеров не следует наказывать за честные ошибки ⁶¹. В резолюции апрельского (1928 г). Пленума ЦК ВКП(б), принятой по докладу А. И. Рыкова, видна осторожная двойственность в этом отношении. В ней признавалось, что «большая часть технической интеллигенции перешла к искреннему сотрудничеству с Советской властью». Вместе с тем здесь же заявлялось о существовании в Донбассе организации, созданной «группой особо привилегированных в прошлом специалистов», и критиковались красные директора за их «слепое доверие» к своим техническим коллегам. Выводы резолюции были довольно сбалансированными: «Беспощадно карая злостных саботажников и вредителей, необходимо вместе с тем улучшить условия работы подавляющей массы честных, преданных своему делу работников-специалистов». Указывалось также, что «борьба со спецедейством... должна... вестись со всей последовательностью и твердостью» ⁶².

Однако эти выражения добрых намерений действия не возымели и были сведены на нет, что подтверждают бесчисленные случаи происшедших позже инцидентов, последовавшей за этим кампанией разоблачений. На следующей день после объявления об

арестах печатный орган ВСНХ «Торгово-промышленная газета» писала об «очень вероятных очагах измены» в других отраслях промышленности и о необходимости быть «на чеку» (игра слов на широкоупотребительном в то время названии ОГПУ по его предшественнице — ЧК) ⁶³. Запуганные инженеры проводили митинги, на которых они осуждали «шахтинский заговор», и выступали против нападок на инженеров в целом; один из выступавших жаловался на «массовую страсть найти ошибку в работе инженера» ⁶⁴. Это не остановило поток. С. Д. Шейн, дававший показания в пользу обвинения на суде по «шахтинскому делу», стремился обезопасить себя путем развертывания критики ИТС. Политический нейтралитет старых инженеров в Донбассе и их приверженность буржуазной идеологии и даже их прежним хозяевам изолировали ИТС от профсоюзного движения и привели к сближению их руководства с контрреволюцией. Подобное состояние дел нуждалось в исправлении: «Осуществляя широкую демократию, надо вместе с тем, чтобы профсоюзы и ВМБИТ осуществили задачу возглавления ИТС работниками, действительно преданными делу социалистического строительства» ⁶⁵. Ход процесса, который привлекал больше внимания к буржуазному происхождению и симпатиям обвиняемых, чем к их конкретным действиям, и статьи в прессе, инспирированные приговорами, возбудили общественное мнение против специалистов. Было объявлено, хотя в свое время никто на это не обращал внимания, что инженеры и техники были «главными фигурами» в большинстве дел о взяточничестве и подкупе, прошедшими перед судами в 1925—1928 гг. ⁶⁶

Проблема специалистов еще раз встала уже в декабре 1928 г. на VIII съезде профсоюзов. Впечатление, которое произвели «шахтинское дело» и его последствия, было описано в отчете ВЦСПС съезду: «Для массы инженерно-технических работников возможность подобного преступления была совершенно неожиданна. Раскрытие разветвленной контрреволюционной организации среди технического персонала ошеломило членов ИТС. Среди специалистов появились панические настроения, которые еще более усилились провозглашенным лозунгом здорового пролетарского недоверия. Первые моменты тревожного настороженного ожидания несколько сгладились заявлением правительства и руководящих органов о том, что судят не весь технический персонал, а только не имеющую с ним ничего общего преступную кучку» ⁶⁷.

На самом съезде А. И. Рыков сожалел о широком распространении «спецедействия» и признал, что «без решительного преодоления всех проявлений этой болезни мы не сможем двинуть быстрым темпом техническую революцию». М. П. Томский более осторожно говорил о стоящей перед рабочим классом задаче *«подготовки из своей среды собственных кадров новых специалистов»* и так сформулировал мораль «шахтинского дела», которое «ставит перед нашими рабочими-директорами такую задачу: ра-

ботай со специалистами *рука об руку, максимум доверия, максимум товарищеской поддержки, учись у них*, но не забывай того, что ты должен поглядывать, ибо специалисты бывают разные, что это несколько особый слой». Тем не менее он отмечал, что «появились некоторые антиспецовские настроения, наблюдаются случаи травли спецов», чему должен быть положен конец. Сделанный вывод был подкреплен цитатой из работ В. И. Ленина⁶⁸. Резолюция съезда по организационным вопросам упрекала профсоюзы в отсутствии «достаточного идеологического влияния на инженерно-технических работников», и заявляла, что работа профсоюзов и ИТС должна быть организована так, чтобы «для инженерно-технического персонала создать условия, делающие невозможным повторение шахтинского дела»⁶⁹; а еще одна резолюция трактовала «шахтинское дело» как результат неудач профсоюзов в установлении контакта с массами и их недостаточного внимания к работе «ряда важных хозорганов, в которых свили гнездо вредительские элементы»⁷⁰.

В такой атмосфере взаимоотношения между рабочими и специалистами становились все хуже и хуже. С Мариупольского металлургического завода поступали сообщения о «недисциплинированных действиях рабочих», старавшихся «сводить личные счеты с техническим персоналом»⁷¹. На фабрике «Скорород» рабочий по фамилии Быков, уволенный за пьянство, прогулы и порчу материалов, застрелил из револьвера заведующего рантово-затяжного отдела⁷². Три хулигана избили горного инженера и учинили погром в его квартире. Двое из них были комсомольцами, но ни ВЛКСМ, ни партийные органы никаких действий не предприняли⁷³. Множество жалоб такого характера было высказано на пленуме ВСНХ в конце ноября 1928 г. Как отметил В. В. Куйбышев, «формула „против него общественное мнение“ стала уже типичной»; в таких случаях руководитель треста или предприятия «должен бежать с этого места»⁷⁴. «Сейчас очень часто технический персонал за всякое законное требование в области трудовой дисциплины подвергается нападкам и ругани» и «буквально за-травлен». На одном крупном заводе инженера окатили водой, а в технического руководителя запустили арбузной коркой⁷⁵.

Помимо не так уж необоснованных подозрений в том, что большинство специалистов без особых симпатий относились к советскому режиму и сознательно или бессознательно срослись с «буржуазным» образом жизни и мышлением, время от времени делались мало чем оправданные попытки притянуть их к следовавшим друг за другом оппозициям внутри партии. В 1927 г. специалисты были встревожены политикой, которая привела к разрыву с Западом, если считать, что только по этой причине рассеялась надежда на получение столь необходимого для развития промышленности иностранного капитала, и которая отбросила за ненадобностью компромиссы НЭПа и повернула вспять к ненавистным методам военного коммунизма. Но это никак не было воп-

росами, по которым Троцкий и Зиновьев схлестнулись со Сталиным, и с трудом верится, что они могли найти сколько-нибудь существенную поддержку преимущественно беспартийных специалистов. После того как «шахтинское дело» отравило общую атмосферу, а внутри партии оппозиция оказалась уже не слева, а справа, ситуация изменилась. Кисловато-скептическое отношение Н. И. Бухарина к всеобъемлющему планированию и ускоренной индустриализации во многом смыкалось с точками зрения, давно сформировавшимися у большинства специалистов; среди всех советских руководителей после смерти Ф. Э. Дзержинского А. И. Рыков продемонстрировал наибольшее понимание чаяний и трудностей специалистов. Нет никаких конкретных свидетельств о связях специалистов с «правой» оппозицией зимой 1928/29 г. Однако знание того, на чьей стороне, скорее всего, окажутся их симпатии в этой склоке, возбуждало к ним растущее недоверие в официальных кругах. Образование в апреле 1929 г. группы специалистов, выразившей желание сотрудничать с РАБКРИНом в кампании по повышению эффективности промышленного производства⁷⁶, несомненно, явилось признаком стремления противодействовать этим подозрениям, но оказалось явно без последствий.

Опора на специалистов, доставшихся от прежнего режима и погрязших в буржуазной идеологии, была терпимой, когда исходили из представления, что в будущем они будут заменены специалистами, подготовленными в советское время. Однако постепенно выяснилось, что этот процесс будет весьма медленным и что в условиях крайне критического для советского народного хозяйства периода опора на эти враждебные элементы на ключевых постах будет по-прежнему неизбежной. Между тем пока еще не появилось сколько-нибудь ясного представления относительно нового типа советского специалиста и методов его подготовки. До 1927 г., по-видимому, не уделялось особого внимания подготовке инженеров и техников для промышленности; основной задачей было обеспечение поступления в учебные заведения рабочих и крестьян в рамках определенной квоты. Постановление ЦК ВКП(б) от 8 июня 1926 г. предусматривало, что среди тех, кто обладает необходимыми интеллектуальными качествами для поступления в высшие учебные заведения (вузы), предпочтение следует отдавать рабочим, батракам, бедным крестьянам, середнякам, членам партии и профсоюзов и что 75% мест в технических школах должно быть зарезервировано для молодых рабочих и крестьян⁷⁷. Резолюция ЦК от 13 апреля 1927 г. отмечала, что доля принятых в вузы рабочих упала в 1926 г., хотя квота для поступивших в технические школы была выдержана. Спустя девять месяцев в новой резолюции ЦК ВКП(б) приводилось улучшенное процентное соотношение приема в вузы (% от общего числа поступивших):

Социальное происхождение	1926 г.	1927 г.
Рабочие (и их дети)	28,7	34,7
Крестьяне (и их дети)	22,2	24,3
Служащие (и их дети)	49,1	41,0

Резолюция приветствовала эти результаты, но одновременно сожалела о низком уровне учебной подготовки принятых в вузы ⁷⁸.

Теперь на горизонте неясно обрисовалась другая проблема. Вузы и технические школы, подобно другим формам обучения, находились под контролем Наркомпроса. Однако традиционные просветители из Наркомпроса не считали профессиональную подготовку высокоприоритетной задачей; лишь небольшая доля вузов была учебными заведениями, специализировавшимися на технических направлениях (в общем виде они именовались втузами). За период 1926—1928 гг. учебные заведения РСФСР выпустили 5500—6000 дипломированных инженеров — цифра не очень впечатляющая ⁷⁹. Положение в технических школах, где готовились имевшие более низкую квалификацию техники, было еще хуже. В 1928 г. в РСФСР при повышении числа студентов во втузах до 36 тыс. число учащихся технических школ составило лишь 16 тыс., что давало соотношение между техниками и дипломированными инженерами, считавшееся слишком низким ⁸⁰. Возникшая нехватка была обусловлена скорее недостаточной учебной базой, чем дефицитом кандидатов; сообщение о состоянии дел осенью 1927 г. говорило о значительном наплыве абитуриентов для поступления в высшие учебные заведения, особенно в Московский политехнический институт, поскольку инженеры были «хорошо оплачиваемыми работниками» ⁸¹. Следуя традициям университетского высшего образования, во втузах преподавались широкие и теоретически проработанные курсы инженерной подготовки общей продолжительностью 6—8 лет. Менее терпеливые производственники, с недоверием относившиеся к традициям Наркомпроса, требовали сокращения курса подготовки и введения более специализированного практического обучения ⁸². В значительном объеме подготовка на более низком уровне велась, по-видимому, на временной основе без использования общепризнанных методик. Так, в ходе строительства Турксиба в Семипалатинске была создана строительная школа, и предлагалось создать школы для молодых казахских техников и учеников мастеров ⁸³.

Созванная в сентябре 1927 г. Всесоюзная конференция по производственно-техническому обучению явилась, видимо, первой масштабной атакой со стороны промышленности на эту благодушную традицию. Доминировавший на конференции Куйбышев решительно осудил имевшее место в прошлом пренебрежение под-

готовкой инженеров. Был провозглашен лозунг индустриализации; однако вложенный капитал был бы гораздо продуктивнее, если использовать его будет более квалифицированная рабочая сила. Отмечалось, что до сих пор *«технология приходит к нам, по существу, через иностранцев и через старых специалистов, но никак не через школы»*. Несмотря на шумные разговоры о капиталовложениях и выпуске продукции, ни одна из отраслей промышленности не подняла вопроса о подготовке квалифицированных рабочих. Куйбышев одобритительно цитировал замечание наркома просвещения А. В. Луначарского, что Наркомпрос должен *«действительно работать по заказам управляющих»*, но довольно резко отметил, что *«для расхваливания себя как поставщика, нужно кое-что делать»*: Наркомпрос выпускал гораздо больше инженеров и техников-электротехников, чем требуется, и гораздо меньше металлургов и инженеров-текстильщиков. Дальше он пошел на сравнение квалифицированной рабочей силы с товаром: *«Заказчику не безразлично, как поставлено производство того заказа, за который иногда уплачен аванс... Заказчик (в данном случае ВСНХ) обязан отнестись к сдаваемой продукции с соответствующей критикой. Он должен поставить определенные условия, может быть, отказать в некоторых случаях в приеме этой продукции и указать поставщику, то есть органам Наркомпроса, что нужно исправить при выполнении будущего заказа»*.

Смущенно защищая Наркомпрос, А. В. Луначарский жаловался на недостаточную точность запросов промышленности: Наркомпросу приходилось гадать относительно будущих потребностей. Говоря о столкновении между широкой и специализированной системами обучения, он довольно робко заметил, что из этого столкновения должен выходить конечный продукт — люди, которые станут высокоэффективными специалистами и столпами пролетарской власти. Куйбышев ответил в примирительном тоне. Он высказал несогласие с *«тенденцией, которая довольно сильна во многих наших хозяйственных кругах»*, к отстранению Наркомпроса от руководства техническим обучением — это *«психологически понятно»*, но ошибочно: *«Нам необходимо дело народного образования подчинить интересам промышленности»*⁸⁴.

«Шахтинское дело» нарушило это столь нелегко достигнутое равновесие. Мораль этого дела, как отметил А. И. Рыков на сессии ЦИК СССР в апреле 1928 г., заключается в том, что враждебный специалист сможет обвести ответственного руководителя вокруг пальца, если тот не будет технически подготовленным; единственным средством против этого является следующее: *«Нужно иметь большой кадр лучших и более близких к рабочему классу и крестьянству и к задачам строительства нового общества специалистов»*⁸⁵. ЦК ВКП(б) на своем Пленуме в апреле 1928 г. в резолюции по «шахтинскому делу» в общих выражениях призвал ВСНХ обратить внимание на подготовку «новых кадров красных

специалистов»⁸⁶ и предложил Политбюро «поставить на повестку дня ближайшего пленума вопрос о подготовке кадров специалистов»⁸⁷. После пленума И. В. Сталин пространно говорил о необходимости подготовки красных специалистов и директоров⁸⁸. И Куйбышев, и Краваль защищали идею создания кратких курсов в сложившихся экстренных условиях⁸⁹; тем самым, естественно, отвергалось «широкое» образование в пользу практических специализированных курсов — для производства того, что получило название «инженера украинского типа»⁹⁰. Сталин, не принимая откровенно чью-либо сторону в развернувшейся дискуссии, говорил на VIII съезде ВЛКСМ в мае 1928 г. о необходимости «создания быстрыми темпами новых кадров специалистов из людей рабочего класса, из коммунистов, из комсомольцев»⁹¹.

Летом 1928 г. развернулась активная кампания за выведение технического образования из-под контроля Наркомпроса. Первые попытки встретили, по-видимому, возражения не только со стороны Наркомпроса, но и со стороны некоторых студентов⁹². Однако знаменитый Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева потребовал передачи под контроль ВСНХ на том основании, что институт якобы испытывает финансовый голод⁹³. На конференции, организованной 22 июня 1928 г. редакционным советом газеты «Правда» по вопросу подготовки «красных специалистов», вузы вновь критиковались за чрезмерно теоретический характер обучения; утверждалось, что всему причиной их подчинение Наркомпросу⁹⁴. Тем временем инициатива, выдвинутая на Пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1928 г., воплотилась в назначение Политбюро представительной комиссии, которая отчитывалась на общем Пленуме ЦК⁹⁵. Дискуссия на этом пленуме была явно весьма острой; согласно одному подсчету, поддержанное Сталиным предложение о передаче контроля над вузами в ВСНХ было провалено двумя третями голосов большинства, возглавлявшегося Рыковым⁹⁶. Принятая окончательно резолюция оставляла этот щекотливый вопрос открытым; в 1928/29 учебном году предполагалось «приступить... к унификации систем технического образования в СССР». Однако более конкретные вопросы трактовались в резолюции выразительнее. Утверждалось, что промышленность испытывает серьезные трудности из-за чрезвычайно низкого процента инженеров и еще более низкого процента техников; положение осложнялось «малым притоком новых кадров молодых специалистов». Были внесены далеко идущие предложения по перестройке и укреплению системы технического образования на всех уровнях и по всей территории Советского Союза. Предполагалось организовать несколько «вузов нового типа» с установлением в них срока обучения не более 3—4 лет. Планировалось также расширить сеть техникумов. Шесть вузов и пять техникумов передавалось в ведение ВСНХ СССР, и два вуза — в ведение НКПС. Было предложено принять во вузы не менее тысячи коммунистов в текущем году, и не менее 65% об-

шего приема во втузы должны были составить дети рабочих и крестьян⁹⁷.

Эти предложения послужили основой для принятия в августе 1928 г. комплексного Закона СССР о подготовке «новых специалистов». На плановый период было намечено 100%-ное увеличение численности дипломированных инженеров в тяжелой промышленности при доведении соотношения между техниками и инженерами до 3:2. Технические учебные заведения прикреплялись к ведущим промышленным учреждениям и предприятиям. Однако обучение не планировалось сделать исключительно техническим: среди курсов подготовки можно было увидеть и такие, как политическая экономия и минимум один иностранный язык. Предполагалось привлекать к преподаванию иностранных специалистов и пользоваться для обучения переводами иностранных учебников, а молодых специалистов предполагали шире направлять в командировки за границу. Не менее 65% мест в этих учебных заведениях резервировалось за детьми рабочих⁹⁸. В следующей резолюции от 9 ноября 1928 г. ЦК ВКП(б) выражал недовольство медленным практическим воплощением решений предшествовавшего июльского Пленума об улучшении подготовки новых специалистов⁹⁹, а И. А. Краваль продолжал свои нападки на втузы, высказываясь против недостаточной специализации процесса обучения инженеров, считая, что оно «значительно отстает не только от уровня западноевропейских и американских технических достижений, но и значительно отстает от технических нововведений, которые уже нашли применение в нашей промышленности¹⁰⁰. Первый пятилетний план, подготовленный в проекте в самый разгар этой бурной дискуссии, предусматривал увеличение численности советских инженеров с 20 200 чел. в 1927—1928 гг. до 35 200 чел. пятью годами позже, а численность дипломированных техников — с 20 тыс. до 60 тыс. чел.¹⁰¹. Однако все эти меры требовали времени, чтобы воплотиться во что-то реальное. Новый инженер советской подготовки был все еще далек от того уровня, который ему прочили¹⁰². До конца 20-х годов и даже позже для руководства промышленными трестами и предприятиями было характерно партнерство между технически и культурно малоподготовленным председателем или директором и технически квалифицированным управляющим или инженером, происхождение которого естественным образом связывало его с убеждениями и привычками старого режима и в чьей лояльности правящей партии и правительству не было никакой уверенности. На такой основе индустриализация осуществлялась в первые годы, и фоном для нее стала серия судебных процессов над заподозренными в предательстве и вредительстве специалистами промышленности и экономистами, начавшаяся с «шахтинского дела» в 1928 г.

Еще одним источником подозрительности, иногда снижавшей эффективность работы инженерного корпуса в целом, стали отношения между старыми и более молодыми инженерами. Среди

специалистов, охваченных обследованием в 1929 г., 23,3% были не моложе 45 лет, 30,2 — в возрасте 35—44 лет и 46,5% — моложе 35 лет; причем 30,7% работали в этом качестве еще до 1917 г., 32 — начали работать в период 1918—1925 гг. и 37,3% — с 1926 г.¹⁰³ Трения между поколениями были весьма знакомым явлением, и было бы несправедливым бросать обвинения исключительно какой-либо одной стороне. Докладчик от ВУМБИТ на III Всеукраинском съезде профсоюзов в ноябре 1926 г. дал простое объяснение трениям между старыми и молодыми специалистами: у молодых не хватает опыта, как нет и желания учиться у старших¹⁰⁴. Старые инженеры подверглись суровой критике в начале 1928 г. за отказ привлекать зарубежных инженеров и обучать молодежь¹⁰⁵, хотя один из защитников старшего поколения всю вину за это перенес на молодых инженеров, которые «воспринимают требования старого инженера к молодым как притеснение»¹⁰⁶. На Пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1928 г. довольно резко отмечалось, что «приходящие красные специалисты из молодежи нередко встречают открыто враждебное отношение со стороны старых специалистов»¹⁰⁷. Этот же вопрос обсуждался на заседании президиума ВЦСПС в декабре 1928 г., но недостаточно решительно. Один из выступавших говорил, что молодые инженеры не столь часто посещают клубы инженеров, так как вся обстановка в них враждебна по отношению к молодым специалистам; другой заподозрил старых инженеров в оказании реакционного влияния на молодежь¹⁰⁸. Однако недоброжелательность между поколениями играла, по-видимому, не столь важную роль, как традиционные для них происхождение и идеология, характерные для всех специалистов, за небольшим исключением. Даже те, кто получил свое инженерное образование и приступил к работе в качестве специалиста после революции, в большинстве своем принадлежали по социальному происхождению к тем же слоям, что и в предреволюционное время. Из 14 800 научных работников в РСФСР, являвшихся членами профсоюза просвещения (РАБПРОС) по состоянию на 1 октября 1928 г., свыше половины начали работать еще до революции; среди них лишь 7,8% были выходцами из рабочих, 5,8 — из крестьян и всего 4,6% были членами партии¹⁰⁹. Чем выше был уровень квалификации, тем большей была доля специалистов, уходивших корнями в прежние времена. Среди инженеров, получивших высшее профессиональное образование, только 6,2% в 1929 г. были по своему происхождению из рабочих¹¹⁰.

Подготовка «красных» директоров и руководителей создавала не столь широкие, но в равной мере затруднительные проблемы. Впервые они возникли еще в 1925 г.¹¹¹ Однако спустя два года проведенное обследование показало, что 46 из 66 председателей всесоюзных трестов и 601 из 823 директоров заводов и фабрик, включенных в выборку, получили лишь «домашнее» образование, зачастую примерно двадцать лет назад¹¹². В 1928 г. около девя-

ти десятых всех директоров были членами партии, но лишь 2,8% получили высшее образование, тогда как 58% беспартийных директоров высшее образование имели¹¹³. Широкое хождение имели анекдоты о невежественных директорах и хозяйственниках, отдающих невыполнимые приказы квалифицированным специалистам¹¹⁴, и со всей определенностью можно считать, что такие анекдоты не были лишены оснований. В 1925 г. единственными курсами для хозяйственников были краткосрочные курсы без отрыва от производства, рассчитанные на 10 учебных часов в неделю; на них было зачислено 141 человек, и их закончили 79¹¹⁵. В следующем году в различных промышленных центрах страны были созданы шестинедельные или трехмесячные курсы с отрывом от производства и вечерние курсы¹¹⁶. В 1927 г. по предложению ВСНХ в Москве была основана академия для административно-управленческого персонала, получившая название Промакадемии. В этом учебном заведении курс обучения был рассчитан на три года, а кандидаты без достаточного формального образования направлялись на десятидневные подготовительные курсы, где преподавались такие предметы, как русский язык, математика, черчение, физика и химия. Первый набор в августе 1927 г. составил 80 студентов; в 1928 г. их число было увеличено до 100 чел.¹¹⁷ Кроме того, 280 директоров и хозяйственников было в 1926—1927 гг. направлено от ВСНХ за границу для ознакомления с методами зарубежных фирм¹¹⁸; такие командировки практиковались несколько лет. Принятый 5 сентября 1929 г. закон о руководстве предприятиями явился попыткой улучшить статус красных директоров предоставлением им большей уверенности относительно пребывания на должности, а также возможности ухода в дополнительный отпуск на срок от полутора до двух месяцев (предположительно ежегодно) «с целью повышения их теоретической подготовки»¹¹⁹.

В этот период престиж иностранных, особенно американских, технических достижений оценивался все еще высоко и делались значительные усилия по привлечению зарубежных инженеров, техников и квалифицированных рабочих к работе в советской промышленности. В 1924 г. лишь 23 иностранных инженера работали в СССР; их число выросло до 80 в 1925 г. и до 127 в ноябре 1927 г., не считая большого числа мастеров и квалифицированных рабочих; они работали главным образом (но не исключительно) в отраслях производства средств производства¹²⁰. Этот приток, хотя и малозначимый по численности, пришелся не очень по вкусу советским инженерам, которые были упорны в своем ревностном отношении к иностранным специалистам и нежелании перенимать западный технический опыт. М. П. Томский, отчасти разделявший характерное для рабочих недоверие к инженерам, вполне искренне говорил об этой «ревности» в октябре 1926 г. на XV партийной конференции: «Если вам приходилось когда-нибудь беседо-

вать по душам с нашими техниками и инженерами и затрагивать вопросы о том, что вот, дескать, в Западной Европе здорово обстоит дело насчет техники, — вы, вероятно, заметили, как они болезненно реагируют на это. „Что вы говорите о Западной Европе? Мы сами не хуже их это дело знаем. И если б были средства, мы точно так же сумели бы это дело поставить”»¹²¹.

Первое открытое заявление по этому поводу со стороны специалистов прозвучало, видимо, в выступлении докладчика от ВУМБИТ, сказавшего на III Всеукраинском съезде профсоюзов в ноябре 1926 г.: «мы, естественно, отрицательно относимся» к привлечению иностранных инженеров к работе советских промышленных трестах и на предприятиях, но их можно было бы допустить «в очень ограниченном числе и на условиях строжайшего отбора и при соответствующих консультациях по данному вопросу с инженерно-техническими секциями»¹²². К этому времени руководители промышленности убедились, что проектирование и сооружение объектов с использованием современной технологии требует привлечения иностранных инженеров и консультантов. В мае 1927 г. В. И. Межлаук, председатель Главметалла, подчеркнул необходимость использования иностранных специалистов, для чего требуется «передача целых проектов и их частей за границу» и направление советских инженеров и техников в зарубежные страны¹²³. Позже в том же году на XV съезде ВКП(б) А. И. Микоян в несколько шутливой форме еще раз предостерегал против предубеждений в деле использования иностранных специалистов: «Если искусство парикмахерское уже открыто, то незачем вновь учиться этому искусству на наших щеках. Нам не нужна вредная отсебятина. Нам нужны достижения новейшей техники Европы и Америки. Мы не должны повторять всех ступеней развития технической мысли». Он добавил, что в 1926—1927 гг. на получение зарубежных чертежей и патентной документации израсходовано 3 млн. руб. и в текущем году эта цифра удвоится¹²⁴. На III пленуме ВСНХ в начале марта 1928 г. было высказано множество оговорок в отношении использования иностранных специалистов. С. Д. Шейн, председатель ВМБИТ, пренебрежительно заявил, что инженеры и техники не против использования иностранных инженеров, но хотели бы, чтобы они направлялись вести обучение, а не прямо на производство. Г. И. Ломов, председатель «Донугля», отметил, что прекрасные результаты были достигнуты в Донбассе при включении зарубежных инженеров в проектирование, но не на производстве, а К. В. Сухомлин, говоря от имени ВСНХ Украины, основной упор сделал на подготовку советских инженеров. В. В. Куйбышев и М. Л. Рухимович твердо отстаивали необходимость привлечения иностранных инженеров к работе, подчеркивая, что нужно ликвидировать разрыв, который все еще существует между советской и западной техникой¹²⁵. Факты, вскрытые при расследовании «шахтинского дела», не привели к изменению официальной точки зрения. Спустя несколько недель

В. В. Куйбышев вновь настаивал на важности иностранной технической помощи и высмеял тех советских специалистов, которые рассматривают приглашения зарубежным инженерам «почти как обиду»¹²⁶, а ЦК ВКП(б) в апреле 1928 г. в своей резолюции по «шахтинскому делу» еще предлагал «организовать систематическое привлечение иностранных специалистов для работы на наших предприятиях»¹²⁷. С. Д. Шейн в своей речи на суде по «шахтинскому делу» говорил о «самообмане» у некоторых инженеров и техников и об их «нежелании в полной мере использовать иностранную помощь»¹²⁸. В августе 1928 г. было достигнуто соглашение с фирмой «Фрейн инжиниринг компани» из Чикаго, которая проектировала Кузнецкий металлургический комбинат, о том, что двенадцать ее инженеров будут постоянно работать в СССР¹²⁹. Советские руководители стремились все шире использовать иностранную помощь в качестве основы для внедрения новейшей технологии в промышленность вообще и при подготовке крупных проектов, в частности, зачастую оказывая американским инженерам поддержку в борьбе с «консерватизмом» советских инженеров¹³⁰. К 1929 г. число иностранных «инженеров и техников», работавших в советской промышленности, возросло до 550 чел., и высказывалось сожаление, что это число «крайне недостаточно для получения серьезных результатов»¹³¹. Создается впечатление, что в это время советское руководство испытывало меньшее недоверие к иностранным, и в частности к американским, инженерам, чем к бывшим буржуазным специалистам, которые все еще доминировали в стране.

Вопрос о вознаграждении специалистам за труд продолжал создавать беспокойство. Поставленный на обсуждение в 1925 г. план введения отдельной шкалы окладов для специалистов¹³² постоянно дискутировался, но никакого прогресса достигнуто не было. На VII съезде профсоюзов в декабре 1926 г. предполагалось, что с введением шкалы окладов для специалистов отпадает необходимость в «доплатах, премиях и, как правило, специальных расценках», хотя «в необходимых случаях» возможна выплата вознаграждений в виде премий при «наличии действительно практических производственных достижений»¹³³. Теперь открывался путь к несколько запутанному компромиссу. Идея шкалы окладов для специалистов была тихо предана забвению. Однако, согласно принятому 7 марта 1927 г. закону, «ведущий административно-технический персонал» (т. е. все те, кто соответствовал уровням выше охватываемых действовавшими сетками заработной платы для работников умственного труда) приобретал возможность получать «поощрительные выплаты» на основании индивидуальных достижений, направленных на то, чтобы способствовать рационализации и повышению рентабельности. Общее распределение по предприятиям осуществлялось Совнаркомом, ЦИК или иным органом соответствующей республики; распределение по от-

дельным лицам осуществлялось руководством предприятия¹³⁴. В июне 1927 г. система поощрительных выплат была распространена на предприятия государственной и кооперативной торговли¹³⁵. Замена премий поощрительными выплатами вносила лишь кажущееся отличие, но была призвана отразить привязку вознаграждений не столько к прибылям, сколько к более высокой производительности труда. Тем временем была распущена комиссия, осуществлявшая с 1924 г. контроль над персональными окладами, и ее функции были переданы Наркомтруду¹³⁶, а некоторые специалисты более низкого ранга были переведены в категорию служащих, для которых сетки окладов устанавливались государством¹³⁷. Благодаря этим мерам общая сумма персональных окладов, достигавшая в 1926—1927 гг. 5 млн. руб. в месяц, снизилась до 3,8 млн. руб. в 1927—1928 гг.¹³⁸

Информация относительно доходов специалистов в эти годы является довольно скудной, и в ней наблюдаются широкие колебания. Инженеры и техники распадались на две категории: оплачивавшиеся по обычной сетке окладов «служащих» и получавшие персональные оклады (последняя группа включала большинство высококвалифицированных инженеров). В соответствии с сеткой окладов оплата «инженерно-технического персонала и служащих» на протяжении рассматриваемых годов была несколько меньше удвоенной зарплаты рабочих ручного труда, причем различие постепенно сокращалось. В нижеследующей таблице приведена среднемесячная оплата труда в рублях:

	Рабочие	Инженеры, техники и служащие
1925 г.	45	88
1926 г.	57	106
1927 г.	63	115
1928 г.	69	123
1929 г.	75	134 ¹³⁹

Однако эти показатели не имеют никакого отношения к тому, как оплачивались специалисты более высокой категории. В марте 1926 г., когда среднемесячная зарплата рабочего составляла 58,64 руб., среднемесячный оклад хозяйственного руководителя равнялся 187,90 руб., если он был членом партии, и 309,50 руб., если он был беспартийным¹⁴⁰. В июне 1926 г. для облегчения положения специалиста — члена партии ЦК ВКП (б) принял новое положение о партмаксимуме: «В случаях, когда заработок членов партии, работающих на производстве, но не оплачиваемых согласно тарифной сетке для ответственных работников, превышает партмаксимум, излишек сверх партмаксимума изъятию не подле-

жит»¹⁴¹. Когда персональные оклады были переданы под контроль Наркомтруда (в мае 1927 г.), было постановлено, что оклады свыше 360 руб. должны регистрироваться в Наркомтруде¹⁴²: очевидно, оклады до этой суммы считались нормальными. Оклады специалистов аппарата Госплана в 1926—1927 гг. составляли 250—500 руб. в месяц¹⁴³. Согласно плану создания машинно-тракторных станций, выдвинутому в 1928 г., предполагались месячный оклад 300 руб. директору и 250 руб. — главному инженеру¹⁴⁴. Закон от апреля 1928 г. предусматривал, что оклады размером 360—500 руб. в месяц требуют одобрения Наркомтруда одной из республик, а свыше 500 руб. — Наркомтруда СССР; более поздний закон предусматривал возможность совмещения одним лицом двух должностей с отдельными расценками, причем требующий утверждения союзного Наркомтруда предел устанавливался на уровне 540 руб. в месяц¹⁴⁵. На проходившем в 1930 г. суде по «делу Промпартии» отмечалось, что Л. К. Рамзин, главный обвиняемый, получал оклад, достигавший 1500 руб., а И. Калинин, сотрудник Госплана, имел оклад 1000 руб.; однако обе эти цифры включали гонорары за публикации¹⁴⁶. По-видимому, это было наивысшим доходом, который получали специалисты.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

а) Социальное страхование

В первой половине 20-х годов в советской административной системе уже твердо сформировалось социальное страхование промышленного рабочего, хотя и не лишенное многих недостатков¹. Число лиц, охваченных страхованием, постепенно росло с 6,5 млн. чел. в 1924 г. до 8,494 млн. чел. на 1 октября 1926 г. и 9,245 млн. чел. на 1 октября 1927 г.², спустя год оно достигло 9,658 млн. чел.³ Среди основных видов страховых пособий следует отметить пенсии по постоянной инвалидности, пособия по беременности, родам и при рождении ребенка, пособия на погребение, пособия по временной нетрудоспособности и пособия по безработице⁴. Предполагалось выплачивать полную заработную плату в случае временной нетрудоспособности работников, получавших менее 180 руб. в месяц, что было верхним пределом. Однако летом 1926 г. в условиях напряжения, созданного «режимом экономии», выплаты были сокращены на том основании, что это способствует симуляции заболеваний⁵. Медицинская помощь трудящимся предоставлялась бесплатно и поглощала большую долю страхового фонда, чем какая-либо другая статья расходов, за исключением пенсий по инвалидности⁶. Это вместе с предоставлением трудящимся санаториев и домов отдыха было единственной услугой, которая не приобретала форму денежных выплат. Информация относительно состояния здоровья трудящихся весьма скудна. Однако сообщалось, что из 3170 рабочих московских химических заводов по состоянию на 1 января 1926 г. 1051 чел. были больны туберкулезом или имелись подозрения на него, а 779 чел. имели заболевания сердечно-сосудистой системы. Из 144 750 рабочих в Москве 86 тыс. чел. получали медицинскую помощь; среди них 31 тыс. чел. были больны туберкулезом⁷. На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. И. В. Сталин говорил о санаториях и домах отдыха, пособиях безработным и пенсиях нетрудоспособным рабочим и ветеранам гражданской войны как о свидетельстве улучшения материального положения рабочего класса⁸.

Оказание помощи безработным было все же слабейшим звеном во всей цепи. Ее масштабы, несомненно, было жестко ограничены отчасти финансовыми соображениями, но отчасти также сложностью определения *действительной* безработицы, ревностным

отношением профсоюзов к оказанию помощи всем, кто не является членом союза, а также опасениями ослабить стимулы к поиску работы. Однако подъем безработицы в стране постепенно ослабил действие этих барьеров. В 1926 г. около 350 тыс. безработных получали помощь, составлявшую в среднем 10 руб. в месяц для неквалифицированных рабочих и 15 руб. — для квалифицированных, с добавлением дополнительных пособий на детей; высококвалифицированные рабочие в Москве (нормы колебались в разных районах страны) могли получать до 22,50 руб., что приближалось к минимальному заработку неквалифицированного рабочего⁹. Спустя два года пособия получали 765 тыс. безработных, размеры денежной помощи были повышены на 16%, а для высшей категории трудящихся на 26%¹⁰. Вместе с тем столь высокие нормы были исключительными. Средний размер пособия по безработице вырос с 12,55 руб. в месяц в октябре 1926 г. до 13,51 руб. в июле 1928 г.¹¹

Первоначально схема социального страхования не предусматривала пенсий по старости (в отличие от пенсий по инвалидности). Однако манифест ЦИК от 15 октября 1927 г. по случаю десятой годовщины революции обещал постепенное введение «государственного страхования лиц преклонного возраста», включая даже «беднейшие слои крестьянства», что явилось добавлением, которое заставило Л. Д. Троцкого отвергнуть схему как «чистейший вздор»¹². Спустя двенадцать месяцев VIII съезд профсоюзов в декабре 1928 г. объявил о введении пенсий по старости для промышленных рабочих. До того времени только союз текстильщиков предпринял попытку обеспечения своих членов по достижении престарелого возраста. Теперь предлагалось выплачивать пенсии по старости в размере четырех девятых заработка железнодорожникам, металлистам и горнякам; ожидалось, что такая форма социального страхования охватит 40 тыс. рабочих в 1928—1929 гг.¹³ Один из делегатов на съезде сделал, по-видимому, нереальное допущение, что «расходы, которые будут произведены по переводу на пенсию стариков, будут покрыты сокращением расходов на оказание материальной помощи безработным»¹⁴. Резолюция съезда с энтузиазмом приветствовала нововведение и призвала к его распространению на другие отрасли, где отсутствие такой формы страхования ведет к тому, что «страдают не только интересы отдельных категорий пролетариата, но и нужды соответствующих частей народного хозяйства, рационализация которых тормозится из-за наличия престарелых рабочих с пониженной производительностью труда»¹⁵. Проект был воплощен в законе от 18 мая 1929 г., предусматривавшем пенсии по старости рабочим в горнодобывающей, металлургической, металлообрабатывающей, электротехнической и текстильной промышленности и на транспорте. Пенсионное обеспечение распространялось на мужчин, достигших 60-летнего возраста и проработавших 25 лет, и женщин, достигших 55-летнего возраста и проработавших 20 лет, а размер пенсии состав-

лял половину заработка до ухода на пенсию¹⁶. Контрольные цифры на 1928/29 хоз. г. предусматривали 70 тыс. пенсий по старости при годовой сумме выплат 17 млн. руб.¹⁷

К 1928—1929 гг. в СССР действовала комплексная схема социального страхования, ограниченная почти исключительно занятым городским населением, причем ее наиболее поразительными особенностями были значительные и растущие расходы на пенсии по инвалидности и растущий, но все еще сравнительно умеренный объем выплат в качестве пособий по безработице. Соотношение размера пособий с заработками, принятое с самого начала в качестве базы для советской системы социального страхования, а также устойчиво осторожное отношение к пособиям по безработице, несомненно, были обусловлены мощным стремлением к сохранению и усилению стимулов к производству. Тем не менее до 1929 г. в системе, скорее всего, преобладал благотворительный характер. Составители первого пятилетнего плана, проект которого был подготовлен осенью 1928 г., довольно смело предусматривали удвоение страхового фонда за пятилетку при прочном становлении пенсий по старости и существенном увеличении объемов выплат инвалидам и безработным, а также ассигнований на медицинское обслуживание¹⁸. Возможно, финансовые последствия введенной схемы вначале всерьез не воспринимались. На своем пленуме в июне 1926 г. ВЦСПС был вынужден признать, что «финансовое положение страхового фонда является крайне напряженным»¹⁹. В декабре 1926 г. на VII съезде профсоюзов докладчик по вопросу о социальном страховании высказал предупреждение против сокращения под различными предложениями процента отчислений заработной платы нанимателями в страховой фонд и заявил, что дальнейшее снижение страхового тарифа «угрожает самым основным видам страховой помощи рабочим»²⁰. Спустя два года на VIII съезде профсоюзов тот же докладчик обрисовал мрачную картину состояния фонда. Начиная с 1924—1925 гг., когда было обеспечено сальдо 37 млн. руб., приходилось постоянно бороться, чтобы свести концы с концами. Два последующих года были закончены с дефицитом 19 и 3 млн. руб. соответственно. В 1927—1928 гг. резервы были полностью исчерпаны, и некоторые бюро были вынуждены временно задерживать выплаты. Лишь благодаря этому частично неисполнению обязательств фонд был сбалансирован на конец года. На протяжении прошедших двух лет страховой тариф относительно заработной платы, выделяемый нанимателями в фонд, был снижен с 13,4 до 12,7% (из которых 0,5% шли в жилищный фонд); это означало, что поступления росли медленнее, чем требования, выставляемые по отношению к фонду. Сбор задолженности по вкладам оказал определенную помощь, но этот ресурс к тому времени был уже исчерпан. Отвлечение 35 млн. руб. в течение последних двух лет из фонда медицинской помощи в пенсионный фонд повторить уже было невозможно. Перенос вперед срока уплаты взноса нанимателями (это факти-

чески означало перечисление за год взносов за 13 месяцев), а также задержка оплаты некоторых расходов позволили фонду не просто представить сбалансированный бюджет на 1928/29 г., но и составить смету на образовавшееся сальдо в 50 млн. руб. благодаря резерву²¹. Эти уловки и запутанность в финансовых делах, которые эти уловки были призваны облегчить, были симптоматичны для того напряжения, которое процесс индустриализации вносил в каждый сектор народного хозяйства.

В дополнение к пособиям по социальному страхованию с 1925 г. рабочие извлекали некоторые довольно малонадежные выгоды из фонда повышения благосостояния, созданного отчислением 10% прибылей государственных трестов и торговых организаций²². Раздавались жалобы на то, что фонд, основная часть которого направлялась на субсидирование жилья, но из которого также финансировалось строительство и содержание детских яслей, столовых, душевых, клубов и т. п. для рабочих, управлялся централизованно и им не могли пользоваться рабочие конкретно тех предприятий, из прибылей которых он формировался²³. Однако положение о трестах предусматривало также перечисление части экономии от снижения себестоимости в «директорский фонд», и, когда предприятие достигало существенного сокращения издержек производства по сравнению с плановыми, закон от 14 июня 1928 г. допускал использование этого фонда по усмотрению директора на улучшение жилищных условий и условий труда рабочих²⁴. Впоследствии директорский фонд стал приобретать растущее значение как стимул производства и как средство для повышения благосостояния.

б) Охрана труда

Аварийность и травматизм в крупной промышленности, которые стали вызывать серьезную озабоченность в 1924—1925 гг.²⁵, в последующие два года возросли в среднем более чем на 50% для основных отраслей промышленности (с 26 несчастных случаев на 1000 занятых в последнем квартале 1925 г. до 44,3 в последнем квартале 1927 г.); наивысшим этот показатель был в горнодобывающей промышленности, наинизшим — в текстильной²⁶. Заявление о том, что этот рост был обусловлен отчасти лучшей постановкой отчетности о несчастных случаях, имело некоторое обоснование; вместе с тем число несчастных случаев резко выросло также из-за привлечения к работе неподготовленных рабочих, недавно прибывших из деревень, а также высокой текучести рабочей силы. В качестве причины указывалось также на рост потребления алкоголя²⁷. Но в целом высказывавшиеся точки зрения были единодушны в соотнесении этого роста с разворачиванием кампании за повышение производительности труда. Начиная с

1925 г. была создана система ежегодного заключения соглашений между профсоюзами и хозяйственными организациями, находившимися под контролем ВСНХ, согласно которым последние обязывались отчислять определенную сумму, расходуемую на мероприятия по улучшению здоровья и безопасности рабочих. В 1925—1926 гг. на эти цели было выделено 20 млн. руб.²⁸ Тем не менее озабоченность положением дел продолжала существовать. Выступавший на III Всеукраинском съезде профсоюзов в ноябре 1926 г. приводил американскую статистику в намерении показать, что травматизм в американской промышленности был наивысшим в мире, но был вынужден признать пугающий рост травматизма в советской промышленности с 1925 по 1926 г.²⁹ Спустя несколько дней на VII съезде профсоюзов В. В. Шмидт говорил о продолжавшемся росте травматизма, который он считал неизбежным «ввиду интенсивности труда, перегруженности наших заводов и фабрик в сочетании с изношенностью нашего оборудования»; наибольшие трудности возникали в Уральском районе, где «промышленность наиболее отстала», и «где предприятия работают еще на допотопном оборудовании»³⁰. Этот вывод нашел отражение в резолюции съезда, в которой предлагалось, чтобы хозяйственные органы усилили ответственность за безопасность рабочих благодаря «поощрительно-карательному тарифу»³¹. Однако прогресс в этой области был весьма медленным. В рамках соглашения, заключенного между профсоюзами и ВСНХ на 1926—1927 гг., выделявшаяся на улучшение условий фабрично-заводского труда сумма была повышена до 37 млн. рублей. Окончательно соглашение было введено в действие лишь весной 1927 г.; в результате в текущем финансовом году удалось израсходовать лишь 20 млн. руб., причем основной объем пошел на улучшение санитарных условий и вентиляции, что было особенно важно для текстильной промышленности, а не на профилактику травматизма³². Представленные Госпланом СССР контрольные цифры на 1927/28 хоз. г. впервые содержали раздел, касавшийся охраны труда, и в течение этого года предполагалось выделить 43 млн. руб. на эти цели³³. В декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) А. И. Догадов обвинил ВСНХ, назвав его подход «чисто бухгалтерски-счетным», когда он «механически» закрыл не израсходованные на конец финансового года кредиты³⁴. По-видимому, эти кредиты были в конечном счете открыты, а деньги — истрачены³⁵.

Приблизительно с этого времени повышенная и растущая чувствительность к элементарным нуждам рабочего, видимо, стимулировалась отчетливым пониманием того факта, что это является существенным условием для расширения промышленного производства. Более систематическое внимание уделялось проблемам здравоохранения и техники безопасности³⁶. Хотя заключение соглашений на 1927/28 хоз. г. вновь задержалось до весны 1928 г., выделенные суммы были полностью израсходованы к концу календарного 1928 г.³⁷ В представленном 19 октября 1928 г. на заседании

президиума ВЦСПС докладе по 7-часовому рабочему дню В. В. Шмидт еще раз упомянул о росте травматизма³⁸; а накануне VIII съезда профсоюзов в декабре 1928 г. на конференции в Москве возобновились критические выступления по поводу охраны труда³⁹. На самом съезде выступивший представитель Наркомтруда долго говорил о продолжающемся росте травматизма (хотя статистических данных позднее 1927 г. в наличии, видимо, не было) и ссылался при этом на неопытность рабочих, а также различные проволоочки и препоны, создаваемые частью хозяйственников. Резолюция съезда не внесла каких-либо предложений по исправлению ситуации, помимо увеличения выделяемых на эти цели фондов и усиления деятельности инспекторов по технике безопасности⁴⁰. Несколько более воодушевлявшая картина вырисовывалась при рассмотрении контрольных цифр, подготовленных Наркомтрудом на 1928/29 хоз. г. В основном докладе приводилось несколько примеров отраслей и промышленных предприятий, которые добились существенного снижения травматизма. Из возросших ассигнований на 1928/29 г. львиная доля направлялась в металлообработку и электротехническую промышленность⁴¹. В контрольных цифрах Госплана СССР на 1928/29 хоз. г. предусматривалось увеличение расходов с 45 млн. руб. по этой статье в предшествовавшем году до 49,7 млн. руб. и осторожно отмечалось, что «незначительность этих ассигнований требует особо внимательного и рационального их расходования и исключения из этого титула всего, что не является прямыми затратами на охрану труда»⁴².

в) Жилищные условия

Движение за расширение жилищного строительства и улучшение жилищных условий явилось наследием 1925 г.⁴³ и усилилось в связи с потребностями индустриализации, которая привела к увеличению притока рабочих в города и на промышленные предприятия. Важность вопроса и выделения необходимых финансовых средств была подчеркнута в специальной резолюции объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) в июле 1926 г., где отмечалось, что «усиливающийся жилищный кризис задерживает дальнейшее развертывание промышленности», и выдвигалось требование «создать постоянный фонд рабочего жилищного строительства», который должен состояться из различных источников⁴⁴. На XV партийной конференции в октябре 1926 г. этот вопрос не поднимался, но привлек некоторое внимание на VII съезде профсоюзов несколькими неделями позже. Резолюция этого съезда трактовала значимость решения этой проблемы в основном с производственной точки зрения: «Важнейшим вопросом материального быта рабочих в данное время является жилищный вопрос. Он является острым не только с точки зрения удовлетворения бытовых насущных запросов трудящихся, но сугубо важным также и с точки зрения дальнейшего развития народного хозяйства. Тяжелые жилищные условия являются одним из основных тормозов в

деле привлечения на производство квалифицированных рабочих, создания нормальных условий их работы и поднятия производительности труда»⁴⁵.

В апреле 1927 г. на IV съезде Советов А. И. Рыков сказал, что делегаты прислали ему «много записок относительно строительства», но сказал слишком мало, чтобы воодушевить оптимизм: «Во что бы то ни стало нужно добиться не только того, чтобы прекратилось уменьшение жилой площади на человека, но и началось движение вверх, началось увеличение жилой площади»⁴⁶. Дефицит жилого фонда для рабочих стал излюбленной целью для ударов оппозиции, и партийно-правительственные круги были вынуждены отойти в оборону; платформа оппозиции от сентября 1927 г. утверждала, что промышленные рабочие со средней душевой жилплощадью 5,6 кв. м подвергаются якобы дискриминации по сравнению со служащими (6,9 кв. м), интеллигентами и лицами свободных профессий (10,9 кв. м) и даже «нетрудовыми элементами» (7,1 кв. м), причем разрыв имеет тенденцию к расширению⁴⁷. Однако масштабы проблемы были настолько велики, что любая попытка найти быстрое и всестороннее решение по-прежнему оставалась тщетной.

Едва ли требовались какие-либо подробные доказательства, чтобы продемонстрировать ужасающие жилищные условия, в которых приходилось существовать значительной массе населения. «Мы живем в лачужках, в хлевах, в сарайчиках... — восклицал А. И. Догадов на VII съезде профсоюзов в декабре 1926 г., — а в летнее время живем прямо под деревцами». На Урале «жилищная норма доходит почти до „гробовой нормы“». Отмечалось также, что «строители строят жилища, а сами их не имеют»⁴⁸. Сокращение жилой площади в городах и фабрично-заводских поселках в расчете на одного человека поставить под контроль никак не удавалось. В контрольных цифрах Госплана СССР на 1926/27 хоз. г. откровенно признавалось, что «жилищные условия для рабочих будут еще ухудшаться» и что «принятыми до сих пор мерами проблема жилищного строительства еще не решена»⁴⁹; тогда как в контрольных цифрах на следующий хозяйственный год отмечалось, что прекратить снижение размеров жилой площади на душу населения до сих пор не удалось⁵⁰. В 1927/28 г. положение стабилизировалось на следующих весьма низких среднестатистических уровнях:

Городское население в целом	5,9 кв. м
Рабочие,	4,9 » »
в т. ч. заводские рабочие	4,75 » »
текстильщики	4,15 » »
горнорабочие	3,7 » »
Служащие,	7,05 » »
в т. ч. учреждений и организаций	7,65 » »
заводов и фабрик	6,6 » »

Однако ситуация была далеко не однородной. Цифры для Москвы (в связи с аномально высоким притоком населения) и для Центрального промышленного района (в который входило большое число текстильных фабрик) были ниже средних по стране, тогда как для Ленинграда — существенно выше них; 62,5% городского населения и 73,1% рабочих имели жилплощадь менее 6 кв. м на человека, 20,9% городского населения и 27,4% рабочих — менее 3 кв. м⁵¹. В некоторых заводских поселках на Урале средняя жилая площадь на человека составляла всего 2 кв. м, на некоторых текстильных фабриках Владимирской губернии — падала до 1,8 кв. м⁵². Рабочие электротехнической промышленности имели наилучшие (точнее, наименее худшие) жилищные условия среди промышленных рабочих, располагая с 1926—1927 гг. более 6 кв. м на человека; за ними следовали рабочие нефтяной, химической и металлообрабатывающей промышленности, а в нижней части этого ряда находились рабочие угледобывающей, лесной и текстильной промышленности⁵³.

Дефицит ресурсов, необходимых для разрешения столь гигантской и практически неприступной проблемы, проявлялся прежде всего в виде трудностей с общественными источниками финансирования. Даже в 1927—1928 гг. около 52% измеренной в квадратных метрах жилой площади в городах находились в частном владении, причем эта пропорция не подверглась существенному изменению с 1924—1925 гг.⁵⁴ В конце 1926 г. в частных жилищах проживало 46% всех рабочих и служащих⁵⁵. Площадь жилого фонда, построенного в индивидуальном порядке в 1925/26 и 1926/27 хоз. гг., фактически превышала площадь жилищ, построенных на средства общественного финансирования, и лишь незначительно была ниже этого показателя в 1927/28 хоз. г.⁵⁶ Однако многие частные дома, построенные частными лицами и их семьями, были более низкого качества и имели меньшую стоимость в сравнении с домами, построенными на общественные средства. «Индивидуальный застройщик», как объяснялось в комментариях к первому пятилетнему плану, «не учитывает каких-либо санитарно-технических норм и строит свой дом из наиболее дешевых, зачастую бросовых, материалов». Результатом были «низкокачественные, но весьма дешевые дома, разбросанные по большей части по окраинам городов, обычно без какого-либо плана»⁵⁷. Почти все частные строения были деревянными, и лишь 3,3% из них в период 1923—1926 гг. сооружались из кирпича⁵⁸.

По мере разворачивания индустриализации необходимость обеспечить жилища для быстро растущего городского и фабрично-заводского населения потребовала строительства больших многоквартирных домов предприятиями государственного сектора и на государственные деньги⁵⁹. В декабре 1926 г. была предпринята попытка поставить создание жилого фонда на более твердую финансовую основу. От нанимателей потребовали внесения определенного вклада на жилищное строительство для рабочих допол-

нительно к основному взносу в фонд социального страхования; кроме того, из основного взноса еще полпроцента откладывалось на решение жилищных проблем⁶⁰. Новый толчок в рассматриваемом вопросе дало введение в конце 1927 г. трехсменного режима работы предприятий. ЦИК и Совнаркомом СССР 4 января 1928 г. было принято постановление, разбиравшее все аспекты жилищной проблемы, включая строительство новых домов, поддержание приемлемого состояния старого жилого фонда и финансирование из общественных, кооперативных и даже частных источников. В следующем году предполагалось сократить издержки строительства за счет рационализации не менее чем на 15%. Было установлено правило, согласно которому строительство жилья для рабочих должно осуществляться промышленными и транспортными предприятиями, а также строительными кооперативами, а индивидуальное строительство должно ограничиваться районами, «где жилищные и хозяйственные условия пока не позволяют в достаточной мере развить крупномасштабное государственное и кооперативное жилищное строительство». Поскольку жилищное законодательство входило в компетенцию республик, а не СССР, закон приобретал форму предложений республиканским правительствам⁶¹. Ограничение на индивидуальное строительство было отменено законом от 17 апреля 1928 г., целью которого явилось поощрение жилищного строительства частными лицами или акционерными компаниями «без распыления государственного или кооперативного капитала»⁶². Однако результаты оказались ничтожными: доклад РКИ, представленный в 1929 г., показывал, что лишь одна акционерная компания была создана в Москве и две на Украине⁶³.

Некоторое внимание было уделено строительным кооперативам, которые в 1925 г. построили жилья на сумму 24 млн. руб., в 1926 г. — на 47 млн., в 1927 г. — на 86 млн. и в 1928 г. — на 91 млн. руб.; эти цифры составляли 15—21% общего объема жилищного строительства в указанные годы⁶⁴. В контрольных цифрах Госплана на 1927/28 хоз. г. приводилась следующая статистика по жилищно-строительным кооперативам⁶⁵:

	Число организаций	Число членов
на 1 октября 1926 г.	19 651	712 000
на 1 октября 1927 г.	21 100	1 050 000
на 1 октября 1928 г. (план)	13 900	1 250 000

Две трети членов жилищно-строительных кооперативов в РСФСР и в Украинской ССР были рабочими⁶⁶. Взнос членов в среднем составлял всего 6 руб. в месяц, и значительная, хотя и снижающаяся, часть стоимости строительства обеспечивалась дотациями и кредитами⁶⁷. Отношение со стороны профсоюзов к

жилищно-строительным и к другим кооперативам было довольно таки ревностным. В декабре 1927 г. на XV съезде ВКП (б) А. И. Догадов неодобрительно отозвался о тенденции основываться в развитии жилищного строительства на ЖСК; более целесообразным считалось обеспечение жилья предприятиями, что явилось бы «такой же составной частью данного предприятия, как и необходимое оборудование... и ряд других элементов производства»⁶⁸. Подобно домам в индивидуальном владении, почти все кооперативные дома (89% в 1926 г.) были деревянными⁶⁹.

Поскольку дефицит жилья становился все острее, что угрожало самой основе индустриализации, капиталовложения в жилищное строительство постоянно возрастали, хотя и много медленнее, чем капиталовложения в промышленность и другие основные сектора народного хозяйства (за исключением частного сельского хозяйства)⁷⁰. Доля капиталовложений в жилищное строительство, направленная в эти годы в обобществленный сектор (государственный и кооперативное строительство), также возрастала за счет индивидуального строительства:

	1925—1926 гг.	1926—1927 гг.	1927—1928 гг. (предвар.)	1928—1929 гг. (план)
(в тыс. рублей)				
Обобществленный сектор	235,7	313,3	402,2	458,0
Индивидуальное строительство	87,0	110,0	120,0	130,0
Итого	322,7	423,3	522,2	588,0

Это означало, что основная часть нового жилищного строительства финансировалась государственной промышленностью, в том числе и транспортом, или органами Советской власти, главным образом районными или городскими исполнительными комитетами; однако, помимо этих дотаций, значительные кредиты предоставлялись через Цеккомбанк⁷¹. На 1928/29 хоз. г. было запланировано строительство нового жилья на 1030 тыс. чел. (580 тыс. — государственными предприятиями и 450 тыс. — частными лицами); вместе с тем ожидалось увеличение численности городского населения на 1,1 млн. чел.⁷² В конце 1928 г. Э. Квиринг признавал, что «сокращение размера жилплощади на душу населения в городах» пока прекратить не удалось. Он надеялся, что 1929 г. станет «переломным» на этом фронте. Однако он отрицал возможность фактического увеличения жилой площади на душу городского населения, указав, что это «вне наших сил в краткосрочной перспективе»⁷³.

Помимо трудностей финансирования, основными препятствиями на пути ускорения жилищной программы были помехи, ослож-

нявшие работу строительной индустрии в целом: дефицит рабочей силы и нехватка сырья и материалов. Климатические условия делали строительство особенно сложной и уязвимой отраслью. Июнь, июль и август были единственными месяцами в году, наиболее подходящими для ведения строительных работ в северных и центральных районах; одновременно это было тем периодом, когда городские рабочие старались вернуться в свои деревенские дома, чтобы принять участие в уборке урожая⁷⁴. Несмотря на большой приток случайной рабочей силы из деревень⁷⁵, в докладе Наркомтруда за 1927/28 хоз. г. говорилось о «конкуренции среди нанимателей при найме сезонных рабочих» и вызванных этим «чрезмерных требованиях к заработку»⁷⁶. Конкуренция между различными организациями за дефицитные стройматериалы была названа одним из выступавших на VII съезде профсоюзов причиной роста себестоимости строительства⁷⁷. Годом позже на XV съезде ВКП(б) Г. М. Кржижановский говорил об отсталости строительной индустрии и о высоких строительных издержках, причем отмечалось, что стройматериалы стоили в 2,5—2,9 раза дороже, чем в предвоенное время⁷⁸. Осенью 1928 г. Э. Квинринг предсказывал «острую нехватку строительных материалов в этом и последующем году», а одно из правительственных учреждений издало распоряжение «не начинать строительство там, где нет строительных материалов»⁷⁹.

Последняя в этот период крупная дискуссия по жилищному вопросу возникла в декабре 1928 г. на VIII съезде профсоюзов. В своем отчетном докладе съезду М. П. Томский довольно неохотно упомянул о жилье как о «важном требовании», которое тем не менее является вторичным по отношению к настоящей задаче догнать капиталистические страны в промышленном развитии, но полагал, что кое-что можно было бы достичь за счет совершенствования техники строительства⁸⁰. Одна из делегатов описывала ужасающие условия, в которых жили текстильщики в условиях трехсменки: три семьи, занятые в разных сменах, жили в одной комнате, так что они постоянно уходили и приходили в течение всех 24 часов⁸¹. Другие делегаты рассказывали о жалких жилищных условиях железнодорожных рабочих, которые ютились в подвалах или помостных вагонах или же в пещерах, и портовых рабочих в Одессе, которые жили в «сырых зданиях без крыш»; шелкоткацкая фабрика в Узбекистане была не в состоянии набирать рабочих из-за невозможности где-либо их разместить⁸². Многие сетовали на большие расстояния, которые приходилось преодолевать рабочим от места жительства до работы⁸³. Представителю Наркомтруда не удалось сделать ничего большего, кроме того как напомнить о суммах, выделенных в прошлом, и спрогнозировать прирост жилого фонда, а в резолюции съезда в который раз было повторено, что «необходимо в соответствии с общим ростом капитальных вложений довести для рабочего населения в течение пятилетия повышение средней нормы жилой площади до мини-

мальной санитарной нормы»⁸⁴. Однако официальные прогнозные подсчеты сколько-нибудь обоснованного оптимизма не вызывали. Составители первого пятилетнего плана отмечали, что для достижения средней «минимальной санитарной нормы» в 6 кв. м на человека по всем группам городского населения потребовалось бы увеличить размеры существовавшего жилого фонда на 50%; среднюю жилплощадь на рабочего планировалось увеличить за плановый период с 4,8 до 6,6 кв. м, а на душу городского населения — с 5,7 до 6,8 кв. м⁸⁵. В январе 1929 г. было издано еще одно постановление о «мерах по стимулированию строительства жилья для рабочих»⁸⁶, а на XVI партийной конференции в апреле 1929 г. Г. М. Кржижановский выражал надежду, что улучшение жилищных условий позволит решить проблему текучести рабочей силы⁸⁷.

Щекотливой продолжала оставаться проблема квартирной платы. Хотя предоставление жилья рабочим всегда трактовалось как социальная, а не хозрасчетная услуга, с 1925 г. проводилась политика повышения квартплаты до уровня, который покрывал бы расходы по содержанию жилья в нормальном состоянии; и в первых контрольных цифрах Госплана СССР на 1925/26 хоз. г. предусматривались необходимые для этого меры, впрочем без какой-либо пользы⁸⁸. В своем докладе на первом съезде госпланов СССР и союзных республик в марте 1926 г. С. Г. Струмилин возвратился к этому предложению, сформулировав его в строгой финансовой трактовке: «Госплан в течение нескольких лет настаивал на пересмотре и повышении квартплаты с тем, чтобы жилплощадь самоокупалась и давала некоторую прибыль, хотя бы и небольшую. К сожалению, эта идея не нашла практического воплощения. Проведено очень умеренное повышение квартплаты, привязанное к повышению заработной платы работников интеллектуального труда и конторских служащих. Однако эта добавка оказалась совершенно недостаточной для обеспечения рентабельности строительства жилья. Без рентабельности исчезает любой стимул такого строительства, особенно если необходимо привлечение частного капитала»⁸⁹.

Принятый 4 июня 1926 г. закон базировался на принципе, что квартплата должна быть достаточной для покрытия издержек по содержанию жилья и его нормальной амортизации, а также устанавливал новую шкалу платы за жилье⁹⁰. Резолюция объединенного Пленума (июль 1926 г.) ЦК и ЦКК ВКП(б) по жилищному строительству повторяла, что «политика квартирной платы должна быть направлена так, чтобы оплата за жилища гарантировала бы как эксплуатацию и ремонт домов, так и их восстановление», но одновременно, опасаясь вызвать критику оппозиции, предусматривалось «согласование темпа повышения квартирной платы в прямом соответствии с темпом общего роста реальной заработной платы рабочих и служащих»⁹¹. Однако добиться достижения двух целей одновременно было крайне сложно. Конкретное предложение добавлять определенный процент к квартплате совместно

с повышением заработной платы было оставлено на будущее и направлено на рассмотрение профсоюзов⁹², и на заседании Госплана С. Г. Струмилин вернулся к предложению повышать квартплату и направлять выручку в фонд строительства жилья для рабочих⁹³. Контрольные цифры на 1927/28 хоз. г., оценивавшие месячную стоимость эксплуатации и амортизации домов величиной 70 коп. за 1 кв. м в крупных городах и 55 коп. в менее крупных городах в сравнении со среднемесячной квартплатой 32 коп. за 1 кв. м, в категорической форме призывали к повышению платы на 20—25% для покрытия эксплуатационных расходов и затрат на восстановление жилого фонда⁹⁴. По-видимому, ни одна из этих рекомендаций на практике не была использована.

В постановлении ЦИК и Совнаркома СССР от 4 января 1928 г. по жилищному строительству вновь делалась попытка добиться примирения двух основополагающих принципов. Предусматривалось общее повышение квартплаты на 10 коп. за 1 кв. м в месяц, но оно не распространялось на безработных рабочих и лиц, получавших менее 20 руб. в месяц (весьма малочисленная категория), и добавлялась оговорка, что квартплата ни в коем случае не должна превышать 10% семейного бюджета рабочего или служащего. Задача применения этой оговорки была возложена на республиканские правительства⁹⁵. По-видимому, ни одна из республик этого не сделала, за исключением РСФСР, где была образована проработанная система квартплаты в разбивке не только по доходу квартиросъемщика, но и по числу членов его семьи⁹⁶. Опубликованная в материалах первого пятилетнего плана таблица показывала, что в 1927/28 хоз. г. в представленной градации квартплата рабочих, получавших менее 80 руб. в месяц (около $\frac{2}{3}$ всех рабочих), не покрывала расходов на строительство; рабочих, получавших 80—140 руб., — только-только покрывала расходы, а квартплата того незначительного числа рабочих, которые получали свыше 140 руб. в месяц, покрывала расходы с запасом⁹⁷. Квартплата была повышена в соответствии с новой схемой повсеместно осенью 1928 г., и это повышение защищалось в декабре того же года на VIII съезде профсоюзов как «экономически необходимое»⁹⁸. Как и в других странах, политика в области жилищного строительства в СССР была полна противоречий. Однако продолжала преобладать концепция, что жилье является социальным обязательством, хотя и воплощаемым на практике недостаточно совершенным образом, но предполагающим предоставление рабочим вполне приличной жилплощади.

Г. ТОРГОВЛЯ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

ГЛАВА 23

РЫНОК И ПЛАН

Рост внутренней торговли в условиях НЭПа был вполне логичным процессом: НЭП по существу представлял собой рыночную политику, рассчитанную на удовлетворение нужд потребителя благодаря рыночному механизму. Он позволил стимулировать, прежде всего и главным образом, восстановление отраслей производства потребительских товаров¹. Однако когда процесс восстановления распространился на тяжелую промышленность, до того времени занимавшуюся выполнением государственных заказов, это также способствовало формированию рыночного хозяйства. На XIV партийной конференции в апреле 1925 г. Ф. Э. Дзержинский рассматривал прямые поставки на потребительский рынок в качестве ключевого фактора будущего развития металлопромышленности: «Те споры, которые два года назад велись, предназначена ли металлопромышленность для широкого рынка или она должна исключительно базироваться на государственных заказчиках, сейчас отошли в область предания. Сейчас именно основную базу нашей металлической промышленности в целом (я не говорю о специальных паровозостроительных заводах, а говорю об основной нашей металлопромышленности) составляет широкий рынок. И именно в этом вся сила и все будущее нашей металлопромышленности»².

Позже, на той же конференции, Дзержинский сформулировал это соображение в еще более явной форме: «...наш план — это есть процесс выявления сцеплений нашей государственной промышленности и отдельных ее отраслей между собой, каждой из этих отраслей, вместе взятых, и выявление этих взаимоотношений и сцеплений есть процесс роста, есть процесс, который происходит в нашем сельском хозяйстве, от которого мы в конечном счете зависим и в финансовом отношении, и в хозяйственном отношении, и во всех других отношениях.

Этот процесс, который еще не завершился, не закончился, и выявить его нам, крупной промышленности, объединяющей пару миллионов рабочих, против ста миллионов крестьянства, для того, чтобы этот план, ведущий к коммунизму, разработать, для этого нужно жить, для этого нужно бороться, для этого нужно разрешать

целый ряд проблем, и одной из этих проблем является проблема заработной платы и производительности труда»³.

Вместе с тем, хотя такое развитие и совпадало естественным образом с политикой под лозунгом «лицом к деревне» и определенной благосклонностью к зажиточному крестьянину, на которого приходилась львиная доля потребительского рынка, было бы неверным думать, что Дзержинский трактовал проблему просто как неизбежную уступку интересам крестьянства. Именно расширение потребительского рынка обеспечило основной толчок восстановлению промышленности в первые годы НЭПа. Если в царской России развитие промышленности служило главным образом интересам правительства и капиталистов, то социалистическая промышленность должна была работать на массы. Это являлось прочной основой «смычки» между рабочим и крестьянином. Было бы преувеличением сказать, что в данном случае развитие ориентировалось на крестьянина, поскольку его экономическое положение относительно городского рабочего оказалось менее благоприятным, чем прежде, до революции. Однако настоятельное стремление избежать антагонизма со стороны крестьянина оказалось главным ограничителем хозяйственной политики, и реализуемые через рынок удовлетворительные отношения между правительством и крестьянством были *первоосновой* всех других аспектов экономической политики. В подготовленном к XV съезду ВКП(б) (декабрь 1927 г.) докладе рыночные отношения описывались как «преимущественная форма экономической смычки между городом и деревней»⁴.

Сформировавшаяся в партии группа, отнюдь не принадлежавшая к оппозиции и выражавшая позитивное отношение к планированию, с самого начала, не бросая открытого вызова рыночной основе НЭПа, подчеркивала необходимость борьбы с рыночными силами вместо приспособления к ним. Еще в 1924 г. Г. М. Кржижановский писал о важном для государства рабочих значении контроля над товарообменом и денежным оборотом, — «святая святых» «староверов и фетишистов капиталистического уклада»: «...наличие рабоче-крестьянской диктатуры дает ключ к разрешению противоречия рынка и плана, сводя все это противоречие, пользуясь терминологией тов. Ленина, к измененным формам «подхода» в осуществлении государственного хозяйственного плана»⁵. Однако в этот период существовало твердое убеждение, что борьба должна осуществляться в рамках НЭПа. В. И. Ленин достаточно ясно выразил эту идею, еще когда НЭП только вводился: «... ни политических, ни всяких других обходов быть не может, ибо это экзамен соревнования с частным капиталом. Либо мы этот экзамен выдержим, либо это будет полный провал»⁶.

На XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. Л. Д. Троцкий проповедовал политику преодоления НЭПа «в самой его основе и в значительной степени с использованием его собственных методов»⁷. Если народное хозяйство СССР мыслилось как рыночная эконо-

мика, в которой «командные высоты» промышленности удерживаются государством, то эти высоты в их взаимоотношениях с остальным народным хозяйством были тем не менее управляемы законами рынка. НЭП и смычка с крестьянством реализовали с их помощью представление о том, что с крестьянством надлежит обращаться не с позиции силы или администрирования, а на базе «товарно-денежных отношений» рынка. В 1924 г. С. Г. Струмилин лишь повторил то, что тогда считалось общераспространенной истиной: «...мы отнюдь не собираемся «отменять» НЭП, ибо считаем себя достаточно вооруженными, чтобы гораздо успешнее преодолеть его отрицательные стороны *экономически* его же собственным оружием, по методу „клин клином вышибают“». Он уточнил, что в качестве пригодных для этих целей средств должны использоваться те же методы, «какими устраняет своих конкурентов любой финансовый концерн, производственный трест или торговый синдикат капиталистической страны»⁸. ВСНХ аналогичным образом заявлял в 1924 г., что «вопросы емкости рынка будут в основном направлять пути разрешения труднейшей народнохозяйственной задачи создания новой промышленности»⁹. Когда Е. А. Преображенский противопоставил рыночный «закон стоимости» «закону примитивного социалистического накопления», с помощью которого пытался обеспечить расширенное воспроизводство государственный сектор, он вовсе не имел в виду, что госсектор должен победить каким-либо иным путем, отличным от использования экономических средств¹⁰; и он оправдывал свою поддержку ускоренной индустриализации ссылками на товарный дефицит на рынке и высокими ценами на промышленные товары отечественного производства по сравнению с мировыми рыночными ценами¹¹.

Появление планирования медленно подрывало основы таких представлений. С. Г. Струмилин в ходе обсуждения первых контрольных цифр на 1925/26 хоз. г. обвинил Сокольникова в стремлении подменить Госплан «крестпланом»: Сокольников хочет приспособить план к рыночным условиям, тогда как «не *приспосабливаться* к [рыночной стихии], а сознательно *приспосабливать* ее самое к нашим плановым устремлениям — вот единственно надежный путь к наиболее безболезненному развертыванию нашего социалистического хозяйства»¹². Точку зрения Струмилина с готовностью поддерживали в ВСНХ, в одном из докладов которого осторожно доказывалось, что «одним из наиболее важных и наиболее позитивных методов рационального промышленного строительства является маневр между объективными условиями развивающегося состояния рынка и возможностями сознательного исправления рыночного спроса в направлении промышленной политики»¹³. Летом 1926 г., ознаменовавшимся подъемом объединенной оппозиции, смертью Ф. Э. Дзержинского и назначением В. В. Куйбышева главой ВСНХ, эта реакция усилилась. Поскольку отправной точкой НЭПа была политика в области внутренней торговли, именно

в этой области фундаментальная дилемма НЭПа и проявилась первой¹⁴. Было допущено существование частного торговца, и поощрялось его участие в возрождении народного хозяйства. Однако такое поощрение, подобно благосклонности, проявленной по тем же причинам к зажиточному крестьянину, оказалось связанным с обогащением и укреплением класса, который относился в принципе враждебно к режиму и мог угрожать самим основам диктатуры пролетариата. Начал утверждаться новый дух. Постепенное опережение частного сектора внутренней торговли обобщественным сектором, то есть государственной и кооперативной торговлей, начавшееся в 1924—1926 гг.¹⁵, в последующие годы стало решающим фактором. С. Г. Струмилин, подытоживая сложившуюся в 1926 г. ситуацию, признал, что по форме «наша советская торговля радикально не отличалась от предреволюционной торговли. Но и в нее уже постепенно проникают чужеродные этому миру начала планового регулирования цен и распределения товарных масс в соответствии с потребностью в них отдельных районов и групп населения»¹⁶. На XV партийной конференции в октябре 1926 г. говорилось об «укреплении преимущественного положения кооперативов и государственной торговли в области товарообмена» и выступавшие настаивали на том, чтобы эта линия была «продолжена и в дальнейшем»¹⁷. Ответственный работник ВСНХ говорил о том же: «Слабость и недостатки государственной и кооперативной системы служат одной из главных причин развития частного капитала. Поэтому вытеснение частного капитала зависит прежде всего от внутреннего укрепления и улучшения работы государственной и кооперативной системы»¹⁸.

Возникшая дилемма иллюстрировалась теоретическим спором о «двух регуляторах» советской экономики, описывавшихся разными терминами, такими, как «принцип стихийности» и «плановый принцип» или же «закон стоимости» и «закон социалистического накопления». Е. А. Преображенский доказывал, что конфликт между двумя законами или регуляторами составлял существо экономики НЭПа и мог быть разрешен только в результате победы планового накопления; долгий спор на эту тему велся в январе 1926 г. в Коммунистической академии¹⁹. Троцкий был встревожен масштабами, в которых мог бы быть использован выраженный Преображенским подход с целью обвинения оппозиции в разрушении смычки с крестьянством, с одной стороны и с целью оправдания тезиса «социализм в одной стране», с другой стороны²⁰. Однако для планировщиков, придерживавшихся точек зрения любых оттенков, ограничения, налагавшиеся рыночной экономикой, всегда представлялись малозначимыми по сравнению с масштабами более великой цели. Компромисс с крестьянством они рассматривали как некий антракт; при этом они допускали, что этот антракт должен закончиться под действием убеждения, а не силового давления, но их помыслы были обращены на установление полного государственного планирования.

Кампания за ускоренную индустриализацию, которая в 1927 г. стала всеобъемлющей, сместила акцент с производства потребительских товаров для удовлетворения нужд рынка на производство средств производства для обновления оборудования промышленности, что усугубило «товарный голод» того времени. В экономических расчетах рынок постепенно отступал на второй план; планирование в известном смысле стало антитезой рынка. В борьбе за плановое хозяйство важным фактором явилось постепенное вытеснение частного капитала из розничной торговли: «Решающее значение кооперации и госторговли на рынке, завоеванное ими за последние годы, является таким достижением, которое, в сравнении с начальной стадией НЭПа, переводит нас на более высокую ступень развития»²¹. Еще более выразительно эта проблема была определена в резолюции XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.): «Обобществленный сектор обращения, расширяясь за счет вытеснения частного капитала, внося плановое начало в сферу товарооборота путем рационализации торговой сети, максимального сокращения непроизводительных затрат в сфере обмена, закрепит все громадные экономические преимущества новой социальной системы распределения и в дальнейшем, в меру успехов социалистического строительства, преобразуется в аппарат социалистического распределения продуктов».

Отныне преимущественной целью политики «в сфере организации товарообмена» стало *«преодоление анархии рынка»*²². Однако никто все же не отвергал в открытой форме концепцию конкуренции обобществленного сектора с частным сектором в условиях рыночной экономики при существенно экономическом характере борьбы между ними. Как отмечал в октябре 1927 г. А. И. Микоян, рынок был *«стыком всех основных классовых противоречий и полем столкновения всех противоречивых хозяйственных форм»*²³. Когда А. Вайнштейн в статье, опубликованной в «Экономическом бюллетене Конъюнктурного института», обратил внимание на возрождение «некоторых характеристик экономики военного коммунизма»²⁴, такое заявление получило энергичную отповедь одного из экономистов-партийцев, который указывал, что *«это поступательное движение социалистического сектора происходит в рамках новой экономической политики»*²⁵.

Концепция рыночного хозяйства, установленная НЭПом и основанная на свободном товарообмене между обобществленным и частным секторами, оказалась подорванной уже зимой 1926/27 г. До этого времени дефицит товаров на рынке наблюдался как проявление нарушенного равновесия, которое центральные власти должны были постараться устранить. В статье, опубликованной в декабре 1926 г. в партийном журнале, А. И. Микоян откровенно утверждал, что капиталовложения в промышленность могут привести к усилению товарного дефицита на два-три года; но дефицит считался признаком экономического роста и фактором, способствовавшим движению промышленности вперед²⁶. В ходе последовав-

шого месяцем позже обсуждения в СТО А. И. Рыков, беспокоясь, что обострение товарного голода будет создавать опасность «антагонизма между деревней и городом», также полагал тем не менее, что «известное превышение спроса над предложением является стимулом индустриализации»²⁷. Острая нехватка товаров летом и осенью 1927 г., обусловленная ростом покупательной способности из-за увеличения расходов на капитальное строительство и усугубленная снижением цен в предыдущие несколько месяцев, подтвердила точку зрения партийных энтузиастов планирования и индустриализации, что плановое регулирование рынка должно быть сохранено и усилено даже ценой роста дефицита. Выступая в августе 1927 г. на пленуме ВСНХ, В. В. Куйбышев прямо заявил, что проведение снижения цен в то время, когда военная опасность ведет к накоплению товарной массы потребителем при возникновении спекуляции некоторыми товарами, явилось «великим достижением планового принципа»: «Если мы преуспеем в этом маневре, то будущий историк оценит это как одну из наших наиболее блестящих побед. Снижение цен тогда, когда имеется товарный дефицит, действительно прямо противоречит нормальным законам развития капиталистического общества»²⁸.

На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. даже Сокольников, вернувшийся к этому времени в ряды большинства, был готов согласиться с тем, что «товарный дефицит неотделим от первых стадий индустриализации»²⁹. Провал кампании по сбору зерна зимой 1927/28 г. укрепил силу доводов в пользу преодоления законов рынка административными мерами. В январе 1928 г. на заседании партячейки ВСНХ В. В. Куйбышев выступил с энергичным предупреждением против того, что он назвал «конъюнктурным подходом», то есть принятием решений в свете рыночных тенденций. «Конъюнктура, — заявил он, — может быть одним течением, но коммунист и большевик всегда умел и умеет плыть против течения»; он призвал к беспощадной борьбе «против этих как будто бы железных законов конъюнктуры»³⁰. Спустя некоторое время он отнес увеличение поставок зерна на счет «административного давления» и с энтузиазмом заявил, что «государственная воля пошла против конъюнктуры и благодаря всем рычагам, которые имеются в распоряжении пролетарского государства, эту конъюнктуру сломала»³¹. Отсюда уже следовал вывод, что процессы торговли должны управляться не законами рынка или необходимостью достижения равновесия между предложением и спросом, между промышленностью и сельским хозяйством, а, подобно производственно-технологическим процессам в промышленности, преднамеренными политическими решениями.

Присущие такому подходу опасности были достаточно очевидными, и их осознание обнаруживалось в постоянных заверениях в том, что не предусматриваются какие-либо отклонения от принципов НЭПа³². Составители контрольных цифр Госплана на 1928/29 хоз. г. воспользовались предоставившейся возможностью

покритиковать «тенденции к чрезмерной централизации товарооборота во всех его отраслях, к слишком примитивному, схематическому подходу к вопросам регулирования»³³. Вопрос о торговле играл вспомогательную, хотя и существенную, роль в спорах с «правой» оппозицией. Обвинение против Н. И. Бухарина в резолюции Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 февраля 1929 г. в поддержке тех, кто требовал «развязывания капиталистических элементов в городе и деревне»³⁴, явно касалось требования ослабить ограничения частной торговли. На апрельском объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), который предшествовал XVI партийной конференции, А. И. Рыков и Н. И. Бухарин предлагали «нормализовать» рынок, «оздоровить» товарооборот и рыночные отношения, ликвидировать «зажим в области торговли»³⁵, а И. В. Сталин в своем ответе на прения осторожно переопределил НЭП, заявив, что это — «свобода частной торговли в *известных* пределах, в *известных* рамках, при *обеспечении регулирующей роли государства на рынке*», и отрицал существование намерений какого-либо отхода от НЭПа. Напротив, по его словам, «новые массовые формы товарооборота по методу контрактации между городом и деревней возникли именно на основе НЭПа»³⁶. Доводы были явно подтасованными: в действительности товарообмен на рынке постепенно превращался в плановое снабжение и распределение. Принятая партийной конференцией резолюция обвиняла оппозицию в «либеральном толковании НЭПа, ведущем на деле к отказу от регулирования рыночных отношений пролетарским государством...»³⁷. Однако проблемам торговли на конференции было уделено не так уж много внимания. Хотя вносившиеся изменения были столь велики, что их можно было сравнить с обращением политики вспять, они были осуществлены в уже сформированной структуре. Ко времени создания Наркомторга в 1924 г. XIII съезд РКП(б) провозгласил две задачи, которым должен был служить новый комиссариат: завоевание рынка путем укрепления государственной и кооперативной торговли, а также оттеснения частного торговца и регулирование цен с помощью действий, предпринимаемых правительством. Эти задачи продолжали оставаться квинтэссенцией советской торговой политики и в последующие годы.

ГЛАВА 24

ОБОБЩЕСТВЛЕННЫЙ СЕКТОР

Анализ показателей внутренней торговли за 1925/26—1927/28 хоз. гг. позволяет выявить быстрый рост всех форм торговли, сопровождаемый устойчивым расширением «обобщественного сектора» (т. е. государственной и кооперативной торговли) за счет частного сектора. Оборот внутренней торговли возрос с 23 млрд. руб. в 1925/26 хоз. г. до почти 43 млрд. руб. в 1928/29 хоз. г.; в первом из указанных годов на обобщественный сектор приходилось около 70% объема торговли, тогда как в последнем — 94%¹. В оптовой торговле доля частного торговца была ничтожной уже к 1926 г.² или же осуществлялась по подпольным каналам, не поддававшимся контролю и учету. В розничной торговле доля частного торговца быстро сокращалась, особенно после 1927 г.³ Для этого периода было характерным более быстрое увеличение объемов торговли в сельских районах, хотя и с гораздо более низкого уровня, чем в городах; возможно, этот прирост был обусловлен статистикой, поскольку сельская торговля стала лучше организованной и более поддающейся учету и контролю. За период с 1923/24 до 1928/29 хоз. г. объем розничной торговли на душу населения удвоился в городах и возрос в сельской местности в пять раз. В результате доля деревни в объеме розничной торговли СССР выросла с 18,3% в 1923/24 хоз. г. до 29,9 — в 1926/27 хоз. г. и 31,5% в 1927/28 хоз. г. Произошло соответствующее увеличение числа торговых заведений, обслуживавших сельскую местность⁴.

В рамках обобщественного сектора государственная торговля выросла в абсолютном выражении, но в относительном исчислении ее доля снизилась. Рост объемов кооперативной торговли происходил в основном за счет частного и в меньшей степени — за счет госторговли⁵. Условия колебались в широких пределах от одного района к другому: органы госторговли достигали наилучших результатов в более отдаленных районах⁶. Среди органов госторговли заведомо более мощными были синдикаты, а поскольку в любом случае некоторые из акционерных компаний или других организаций, ведущих торговлю промышленными товарами на хозрасчетных условиях, хотя и при государственном капитале, контролировались или были созданы ими, перевес синдикатов в госторговле, видимо, был даже более значительным, чем об этом

свидетельствуют голые цифры. Торги⁷ и некоторые из акционерных компаний и хозрасчетных концернов также составляли часть механизма государственного сбора сельхозпродуктов, но в этой области они постепенно вытеснялись кооперативами⁸. В торговле промышленными товарами торги занимали периферическое положение, которое они с трудом поддерживали в условиях постоянного давления со стороны синдикатов и потребительских кооперативов.

а) Синдикаты

Торговые синдикаты, формировавшиеся промышленными трестами начиная с 1922 г., явились мощным инструментом обеспечения общественного контроля над оптовой и розничной торговлей промышленными товарами. Однако условия и темпы протекания этого процесса широко колебались от одной отрасли к другой. В первые годы НЭПа, когда рынок потребительских товаров был еще более важным, чем рынок средств производства, Всесоюзный текстильный синдикат (ВТС) был наиболее влиятельным и высокоорганизованным среди синдикатов, с самых первых дней своего существования начав монополизировать торговые соглашения за счет фабрик и трестов⁹. К 1926 г. в организации им продаж произошли крупные изменения. В ранние годы НЭПа фабрика направляла образцы представителям оптовых и розничных торговых организаций, которые отбирали то, что считали необходимым; к осени 1926 г. каждая фабрика отгружала свою продукцию поименованному отделению синдиката¹⁰. До революции каждая фабрика имела своего собственного коммивояжера¹¹; теперь торговая деятельность перешла к ВТС, что разрушило прямые связи фабрик с рынком¹². Значимость рынка текстиля в качестве контрагента сбора зерна обеспечивала ВТС ключевое положение в народном хозяйстве и усиливала его авторитет. На протяжении 1926 и 1927 гг. он подчинил себе вначале торговые отделы, а затем оптовые склады и крупные магазины текстильных трестов¹³.

В металлопромышленности обязанности были вначале поделены между рядом синдикатов, причем металлосиндикаты были гораздо слабее ВТС. Некоторые централизованные продажи контролировались не синдикатами, а непосредственно ВСНХ, а значительная часть продукции отрасли продавалась самими трестами. Постепенно металлосиндикаты были объединены, и их значение возросло. В 1924 г. синдикаты объединились в «конвенцию», а в июне 1926 г. был основан Всесоюзный металлосиндикат (ВМС), заменивший конвенцию. Длительная конкуренция и столкновение интересов между украинской и уральской промышленностью привели к срыву переговоров о включении Урала в систему, и, несмотря на свое название, ВМС, подобно предреволюционному синдикату «Продамет», поначалу имел дело лишь с продукцией укра-

инской промышленности¹⁴. На следующий год было предпринято несколько попыток подчинить себе продажи уральских трестов; эти усилия завершились успехом в сентябре 1927 г., когда на Урале был сформирован единый металлотрест, передавший ВМС свои торговые функции¹⁵. Аналогичный процесс рационализации протекал и в продаже машин и оборудования. В 1923—1926 гг. отвечавший за такие продажи синдикат был занят в основном складскими продажами металла. Отдельный специализированный «Машиносиндикат», известный впоследствии как ВМТС, был образован в то же время, что и ВМС¹⁶. Вначале он продавал лишь небольшую часть продукции составлявших его трестов и получал от трестов лишь продукцию, которую им было трудно продавать непосредственно. Еще в середине 1928 г. лишь треть продукции этих трестов продавалась через ВМТС. Однако с увеличением масштабов централизованного планирования ВМТС поставил задачу подчинения себе продажи всей продукции серийного и массового производства, оставив в сфере непосредственных обязанностей трестов продажу лишь продукции индивидуального производства¹⁷. На 1928/29 хоз. г. ВМТС поставил задачу контроля 75% той части машиностроительной продукции, которая по решению специальной комиссии Главметалла допускалась под контроль синдикатов¹⁸. Примечательный пример возникновения нового синдиката, несмотря на его лишь частичную эффективность, отмечался в промышленности стройматериалов. Нехватки, возникшие после расширения объемов строительства, привели в июле 1927 г. к формированию «Стройсиндиката». Вначале синдикат предполагал охватить только цемент и огнеупорные материалы, но возникший летом 1928 г. кризис заставил отдать под контроль этой единственной организации продукцию огромного числа печей и карьеров, большинство из которых находилось в ведении местных или публиканских властей¹⁹.

Лесная промышленность долгое время успешно противостояла подчинению синдикатов. Продажи леса в большей степени подчинялись действию рыночных условий, чем продажи металла или текстиля. Отрасль носила разрозненный характер; ее продукция с трудом поддавалась стандартизации, и, возможно, по этим причинам цены на лес в значительной степени ускользали от централизованного регулирования. В 1926 г. были предприняты серьезные попытки подчинить контролю продажи как строевого леса, так и пиломатериалов. Были введены меры для удержания цен на аукционах в пределах потолка 216% к предвоенному уровню²⁰; Наркомпуть, ВСНХ СССР и ВСНХ РСФСР сотрудничали с тем, чтобы поделить закупки строевого леса и избежать конкурентных торгов²¹. Был введен более жесткий контроль для ограничения или снижения цен на пиломатериалы²². В июне 1926 г. в подчинении ВСНХ РСФСР был основан «Лесосиндикат»²³; ВСНХ СССР обязал свои тресты осуществлять все свои закупки пиломатериалов по контрактам с производственными трестами или синдиката-

ми²⁴. В качестве доводов в пользу более тесного контроля на рынке лесоматериалов использовались ссылки и на дефицит, и на избыток. Сторонники централизованного контроля заявляли, что организованное распределение необходимо, если стоит задача удовлетворения расширяющегося потребительского спроса²⁵; но при этом доказывалось, что в период перепроизводства должна исключаться «нездоровая конкуренция» между лесопильными трестами²⁶. Проведенное РКИ в августе 1927 г. обследование свидетельствовало о «слабой синдикализации лесной промышленности, отсутствии единого оперативно-регулирующего центра для лесоматериалов и дезорганизации лесного рынка из-за множества продавцов»²⁷, в нем «Лесосиндикату» рекомендовалось подчинить себе всю продукцию трестов²⁸. Однако процесс передачи был весьма медленным. В 1927/28 хоз. г. «Лесосиндикат» охватывал лишь 21,1% продаж леса, а в 1928/29 хоз. г.—26,3%²⁹. В апреле 1928 г. ВСНХ потребовал, чтобы все потребители леса представили годовые заявки на 1928/29 хоз. г. «Лесосиндикату»³⁰, и в этом году был подготовлен первый общенациональный баланс или бюджет производства и потребления лесоматериалов. В 1929 г. СТО передал синдикату контроль над всеми продажами леса³¹.

Таким образом, в середине и конце 20-х годов синдикаты, представлявшие основные отрасли промышленности³², становились все более доминирующими агентами сбыта и снабжения промышленной продукции. Постепенно синдикаты подчинили себе торговосбытовые функции трестов и превратились в общенациональные контрактующие органы между промышленностью и потребителем. Уже осенью 1925 г. 12 крупнейших синдикатов располагали в губерниях 121 секцией и 35 агентствами, на которые приходилось 75% всех продаж в их обороте³³. На заседании 6 мая 1926 г. президиум ВСНХ одобрил резолюцию промышленной конференции, которая «признала синдикаты в качестве главного передатчика государственного принципа рынку»³⁴, а Ф. Э. Дзержинский в краткой и резкой форме выразил основные положения действовавшего в то время подхода: «Сейчас высшие хозяйственные органы Союза считают необходимым изъять торговую деятельность из аппаратов трестов. Торговая деятельность будет передана синдикатам...»³⁵ Кроме того, синдикаты быстро добились успеха в утверждении принципа централизованного управления в противопоставление республиканским органам. В декабре 1926 г. президиум совета синдикатов, их координирующий орган, согласился с тем, что каждый синдикат должен контролировать весь общесоюзный рынок вверенной ему продукции³⁶. Принцип, что синдикат, ведущий торговые операции по всему Союзу, должен находиться под контролем со стороны Союза, был принят всеми сторонами³⁷. Важным исключением оказался «Лесосиндикат», оставшийся в ведении РСФСР³⁸. В отраслях производства потребительских товаров, таких, как кожизделия, фарфор и стекло, где основной объем продукции приходился на местные и республиканские тресты и даже

на ремесленников, ВСНХ РСФСР считал, что если необходимо планировать производство, то следует контролировать также и синдикат, «ибо нельзя отделить регулирование сферы обращения от регулирования сферы производства»³⁹. Однако эта битва вскоре была проиграна. Попытки даже местных трестов продавать свою продукцию независимо и без одобрения всесоюзного синдиката обычно кончались поражением⁴⁰, хотя еще в апреле 1929 г. один из авторов в наркомторговском журнале по-прежнему доказывал, что кооперативам выгоднее иметь дело непосредственно с трестами, чем с синдикатами⁴¹.

Запущенный однажды процесс развивался по нарастающей. Никиследующая таблица иллюстрирует для некоторых типичных отраслей быстрое увеличение процента общей продукции, контролируемой синдикатами. Отмечалось, что в 1928 г. синдикаты оперировали 80—95% продукции всех планировавшихся ВСНХ отраслей⁴³. В тяжелой промышленности синдикаты металлоизделий и химических товаров контролировали 100% продукции своих трестов, синдикат нефтепродуктов — 98,3, синдикат машин и оборудования — 80,2%, а замыкали этот ряд «Стройсиндикат» (57,8%) и «Лесосиндикат» (26,3%). Что касается продукции планируемых отраслей производства потребительских товаров, то синдикаты контролировали около 86%⁴⁴.

	Доля продукции под контролем синдикатов, %					
	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Текстиль	34,6	39,5	64,6	79,6	90,7	88,6
Нефть	98,2	98,9	98,0	98,0	98,0	98,0
Кожа	49,8	49,3	54,4	67,5	90,5	93,8
Табак	13,2	31,8	37,0	42,8	73,0	100,0
Лес	—	—	—	35,0	68,0	93,0 ⁴²

Усиление роли синдикатов явилось составной частью общего процесса разложения рыночных отношений. Начиная с 1924 г. осуществлявшийся торговыми органами административный контроль занимал все более значительное место на оптовом и розничном рынке потребительских товаров промышленного производства. В существовавших рыночных условиях некоторые товары постоянно были в дефиците; осенью 1925 г. и вновь осенью 1927 г. «товарный голод» стал всеобщим. Каждая нехватка давала неотложное обоснование расширению масштабов прямого контроля над распределением дефицитной продукции; по мере усугубления нехваток контроль становился все более жестким по отношению к таким

важным материалам, как металл и топливо, которые находились под некоторым административным контролем даже в самые ранние годы НЭПа. Но усиление роли синдикатов было невозможно объяснить просто как попытку внести организованность в условиях дефицита. Поздней осенью 1926 г., когда наблюдался избыток некоторых товаров, иногда с успехом доказывалось, что соответствующий синдикат должен быть могущественным, чтобы помочь трестам решить проблему избытка, что уже было ситуацией, противоположной той исходной роли, для выполнения которой были созданы синдикаты⁴⁵. Экономическая целесообразность была основным стимулом тенденции к централизации. Однако принцип, согласно которому каждый синдикат должен был монополизировать весь объем выпуска продукции своей отрасли, давал определенный толчок сам по себе и набирал силу по мере постепенного распространения планирования на каждую отрасль народного хозяйства.

Следующей критической проблемой, в решение которой были вовлечены синдикаты, стало распределение потребительских товаров для городского и сельского населения между государственными, кооперативными и частными агентствами, причем в качестве цели было провозглашено исключение в конечном счете частного торговца из этой области. Изданием постановления от 18 августа 1926 г. СТО признал генеральные договоры между синдикатами и Центросоюзом в качестве наилучшего метода организации розничной торговли и снижения издержек распределения. «Роль главного распределителя промтоваров потребителям, — говорилось в постановлении, — принадлежит системе потребительских кооперативов»; здесь же делалась попытка ограничить функции торгов снабжением сырьем местной и ремесленной промышленности и продажей их изделий. С другой стороны, не было формально запрещено поддерживать прямые отношения между синдикатами и низшими кооперативными органами, хотя целью было явное стремление эти отношения расстроить⁴⁶. Какими бы ни были запутанность и несовершенство системы генеральных договоров, она являла собой движение в направлении планового и централизованного контроля над распределением. В заявлении ЦК ВКП(б) на его февральском (1927 г.) Пленуме, нарочито приуроченном к кампании по снижению цен, было предложено сделать следующий шаг вперед в развитии системы: «Промышленность лишь тогда будет в состоянии чутко реагировать на изменения в спросе населения, когда кооперация и госторговля, в особенности кооперация, обладающая широко разветвленной товаропроводящей сетью, сумеет так перестроить свою работу и выработать такие методы своей деятельности, чтобы своевременно замечать происходящие и наступающие изменения на рынке и во время сигнализировать о них государственной промышленности. По мере овладения кооперацией этой новой, важной и трудной задачей она должна переходить к системе предварительных заказов...»⁴⁷ В ходе обсуждения, которое

предваряло эту реформу, А. И. Микоян говорил о переходе «на более высокую стадию планирования, когда планы будут составляться на основании имеющихся заказов»⁴⁸.

Система предварительных заказов впервые была введена в текстильной промышленности. Постановление СТО от 26 августа 1927 г. определяло, что в качестве составной части ежегодных переговоров по заключению генеральных договоров между ВТС и кооперативами и торгами последние должны были размещать конкретные и детализированные заказы на необходимую им продукцию; эта схема должна была охватывать 50% общей суммы, оговоренной в договоре на период с 1 января по 1 июня 1928 г., и 100% впоследствии⁴⁹. Задачей текстильного синдиката было заключение договоров, на основе которых он мог бы заранее размещать твердые заказы на фабриках и одновременно формировать рынок в соответствии со структурой производства, которую тресты-изготовители могли бы наиболее легко реализовать. Ведущий администратор текстильной промышленности довольно откровенно охарактеризовал этот аспект. Он отмечал: «В некоторых главным образом кооперативных кругах установилось ошибочное представление о том, что задача промышленности сводится лишь к тому, чтобы беспрерывно приспосабливаться к изменениям потребительского спроса». Хотя и считалось важным изучать потребителя и приспосабливаться к его нуждам, он указывал, что, «главное, необходимо *оказывать на них организующее влияние*», и далее заявлял: «Ни о какой рационализации производства в текстильной промышленности нельзя серьезно говорить, если промышленность должна будет перезаправляться по первым требованиям рынка, выявленным торговыми организациями и предъявленным ими промышленности... Базой для рационального производства, специализации фабрик, снижения себестоимости должно служить организующее влияние промышленности на потребительский спрос с тем, чтобы он развивался в соответствии с объективными возможностями промышленности»⁵⁰.

Несколько позже разъяснялось, что система предварительных заказов выполняла двойственную функцию. Она заключалась не только в доведении спроса населения до промышленности, но и в «оказании помощи в расширении влияния кооперативных центров и государственной промышленности при формировании потребительского спроса»⁵¹. Если синдикаты, по-видимому, лишились частично своей независимости относительно Центросоюза, то их власть по отношению к трестам и совместная власть синдикатов и Центросоюза над рынком существенно усилились. Вместе синдикаты и Центросоюз заняли к этому времени ключевые позиции в новом планирующем комплексе, который определял, что необходимо производить и что потреблять. Однако результат действия новой системы в условиях, в которых большинство потребительских товаров было на рынке в дефиците, проявился в блокировании сколько-нибудь серьезного внимания к потребительскому спросу. Это

наблюдалось даже в производстве готового платья, где поставлявшиеся изделия зачастую состояли из «неудобных „буржуазных жакетов” для мужчин и „замысловатых женских костюмов”, на которые тратится много лишнего материала без какой-либо реальной выгоды для покупателя»⁵².

Внедрению плановых принципов в торговлю и распределение, а также вытеснению частного торговца серьезно мешали недостатки государственных и кооперативных каналов распределения и продолжающаяся конкуренция между ними. В предшествующий период трения между ВСНХ и кооперативами носили эндемический характер⁵³. Ситуация дополнительно осложнилась усилением роли синдикатов, попытки которых использовать существующие торги в качестве торгового канала⁵⁴ или самостоятельно организовать каналы розничной торговли явились открытым вызовом кооперативам. Проблему не удалось разрешить и с помощью постановления от 18 августа 1926 г.⁵⁵ Синдикаты отказались поверить, что кооперативы достаточно хорошо организованы или обеспечены в финансовом отношении, чтобы продавать их продукцию, и опасались «распыления ее [государственной промышленности] средств в кооперативной периферии, без надежды на выполнение последней принимаемых на себя обязательств финансового порядка»⁵⁶. Даже когда синдикаты согласились на демонтаж своей розничной сети, им удалось избежать этой уступки кооператорам благодаря различным «окольным средствам», таким, как акционерные компании для сбыта своей продукции, образованные иногда на отраслевой, иногда на местной основе. Наиболее успешными примерами первого подхода явились «Текстильторг» и «Металлосклад», а последнего (в партнерстве с местными властями) — «Сибторг», «Узбекторг», «Туркменторг» и «Кирторг»⁵⁷. Иногда синдикаты заключали генеральные договоры на поставку товаров частным торговцам, хотя эта практика впоследствии была осуждена как потенциальное покровительство «спекуляции»⁵⁸. Постоянные трения возникали из-за нежелания синдикатов продавать через кооперативы дефицитные товары, которыми можно было бы распорядиться с большей выгодой каким-либо иным путем, и в связи с нежеланием кооперативов брать товары, которые были в изобилии и которые синдикаты стремились им навязать⁵⁹. На XV партийной конференции в октябре 1926 г. Ю. Ларин обвинил тресты и синдикаты в умышленном сокращении доли своих товаров, продававшихся через кооперативы, и осудил эту практику как пример «оппозиционной» политики Пятакова, хотя некоторые отдельные торговые организации, созданные синдикатами, предположительно были расформированы⁶⁰.

В условиях усиливающегося успеха синдикатов в утверждении своих исключительных прав на готовые поставки на рынок продукции трестов гораздо меньший успех сопутствовал усилиям Центросоюза в достижении монопольного положения в розничном сбыте этой продукции. Потребительские кооперативы заявляли, и не

без основания, что они одни располагают широко разветвленной сетью магазинов и ларьков, оборудованных для ведения розничной торговли; и жаловались, что тресты и синдикаты поставляют рабочим кооперативам только худшие товары и приберегают лучшие для государственных магазинов, что препятствует борьбе с частным торговцем⁶¹. Конкретными причинами сложностей были несвоевременные поставки синдикатами и требования авансовой оплаты до 30% стоимости⁶². Еще одна трудность была обусловлена стремлением низовых кооперативных органов, иногда поощряемых синдикатами, иметь дело прямо с синдикатами, не подчиняя свою деятельность Центросоюзу. Прямые операции между синдикатами и местными кооперативами продолжали осуществляться, особенно в окраинных районах; сибирские кооперативы жаловались, что неспособность Центросоюза обеспечить достаточное снабжение товарами заставляла их заключать отдельные соглашения с поставщиками⁶³. В период с 1925/26 по 1926/27 хоз. г. доля продукции химической промышленности, охватывавшейся генеральными договорами, выросла с 44 до 55,8%, сахара — с 29 до 43,9 и текстиля — с 25,4 до 37,6%, и это были наивысшие долевые показатели⁶⁴. Отмечалось, что в 1927/28 хоз. г. Центросоюз контролировал 80% производства хлопчатобумажного текстиля и 60 — текстиля в целом, 65 — резиновых изделий и 62% сахара и табака⁶⁵. Подобные заявления, сделанные на конференции полными энтузиазма делегатами потребительских кооперативов, менее всего можно было бы считать заниженными. Указывалось, что повсеместно около 48,2% всех промышленных товаров, проходивших через потребительские кооперативы в 1927/28 хоз. г., было охвачено генеральными договорами и 54,9% — в 1928/29 хоз. г.⁶⁶ Во все возрастающих масштабах стали проявляться нежелательные последствия такой договорной системы, на что Г. Я. Сокольников жаловался в начале разразившегося в 1928 г. зернового кризиса, в результате чего в снабжении потребительскими товарами предпочтение все больше отдавалось городскому рынку за счет сельского⁶⁷. В апреле 1928 г. ЦК ВКП(б) принял решение рекомендовать улучшение снабжения зернопроизводящих районов промтоварами «даже за счет временного оголения городов»⁶⁸. Однако растущий товарный дефицит в городах сделал эту политику трудноуплотнимой, и позже А. И. Микоян отмечал, что «нам не хватало революционной твердости, чтобы оголить город во имя обеспечения деревни»⁶⁹.

Весной и летом 1928 г. синдикаты, пользуясь поддержкой ВСНХ, предприняли массированную атаку на честолюбивую позицию Центросоюза, стремившегося установить монополию в розничной торговле промышленными товарами. Президиум ВСНХ в сообщении Госплану жаловался на «неуклюжесть», «запутанность» и «отсутствие гибкости» в действовавших соглашениях, заявлял, что неизбежна некоторая децентрализация заказов и заявок, и призывал к пересмотру системы генеральных договоров в целом. При-

близительно в то же время ВСНХ подготовил «план работы синдикатов на 1928/29 хоз. г.». Он требовал децентрализации заказов и прямого контакта между региональными секциями текстильного синдиката и местными кооперативными организациями. Среди прочего было предложено, чтобы «Кожсиндикат» организовал специальную сеть региональных обувных магазинов там, где этого не смогли сделать кооперативы и государственные органы; чтобы «Металлосиндикат» расширил свою торговую сеть; а солевой синдикат — закрыл свои кредиты потребительским кооперативам⁷⁰. На собрании уполномоченных Центросоюза в июле 1928 г.⁷¹ раздавались громкие протесты против попыток ВСНХ и синдикатов ограничить роль кооперативов в сбыте промышленных товаров. Особое негодование было выражено по поводу создания текстильным синдикатом магазинов в сельской местности; одним из делегатов они были охарактеризованы как «наилучшие и наиболее совершенные дезорганизаторы рынка»⁷². А. И. Микоян, обратившийся к собранию в качестве Наркома торговли, попытался успокоить страсти. Текстильный синдикат имел 100 магазинов, кооперативы — 60 тысяч; были ли поэтому действительно необходимыми «требования ликвидации этих 100 магазинов»? Для синдикатов и кооперативов важной проблемой было формирование «единого фронта в борьбе против частного капитала». Наблюдавшиеся в прошлом споры между ними «угрожали нашему общему развитию». Однако ныне эта проблема была решена: 80% всего текстиля было охвачено генеральными договорами. Микоян, хотя и отказался поддерживать претензии Центросоюза в отношении монополизации сбыта промышленных товаров, всячески способствовал укреплению авторитета Центросоюза как центрального органа потребительских кооперативов и был против заключения независимых соглашений синдикатов с низовыми кооперативными органами; по его заявлению, ВСНХ тоже пришел к такой точке зрения⁷³. Эти увещевания и заверения в долгосрочном плане не смогли улучшить отношения. «Споры и стычки» между синдикатами и Центросоюзом продолжали возникать по поводу генеральных договоров и были определены одним из представителей кооперативов как проявление «борьбы высшего аппарата промышленности за свое бюрократическое существование»⁷⁴. Однако в обстановке усиливавшейся нехватки промышленных товаров и еще большей концентрации усилий на развитии тяжелой промышленности позиция ВСНХ и синдикатов оказалась более прочной⁷⁵.

Растущая сила синдикатов иллюстрировалась их успехом начиная с 1927 г. в навязывании кооперативам розничных цен, по которым должны были перепродаваться их товары. Упрек кооперативам в том, что они более заинтересованы в получении прибылей, чем в снижении цен, был довольно старым⁷⁶. Все более распространялась практика установления розничных цен в договорах между синдикатами и Центросоюзом «в целях согласованного выступления на рынке», причем такие цены иногда фиксировались,

или «утверждались», Наркомторгом⁷⁷. В тех случаях, когда не имелось каких-либо договоров, синдикаты поставляли важные потребительские товары на основании «системы указанных цен»⁷⁸. Кроме того, по мере расширения объемов производства средств производства прямые операции между промышленными концернами, которые часто велись с участием синдикатов, но совсем не подключали кооперативную сеть, становились все более важными; составители контрольных цифр Госплана на 1928/29 хоз. г. считали, что «центральной проблемой для синдикатской системы в 1928/29 г. является рационализация оборота в организованном секторе хозяйства, в первую очередь внутрипромышленного оборота»⁷⁹. Несмотря на рост стоимости товаров, охватывавшихся генеральными договорами между синдикатами и Центросоюзом, тем не менее в 1927/28 хоз. г. на них приходилось менее 40% оборота синдикатов⁸⁰. Синдикаты прошли долгий путь от своей первоначальной функции добровольных организаций, помогавших трестам сбывать часть их продукции, и теперь занимались главным образом продажами прямо через свои собственные товарные склады. К 1928 г. они стали частью общенациональной организации промышленности, отвечавшей за распределение дефицитных товаров среди промышленных и частных потребителей, но занимались главным образом планированием и выдачей распоряжений на прямые (транзитные) продажи от изготовителя потребителю. В 1924/25 хоз. г. 82% продаж ведущих синдикатов шло через их товарные склады; в плане на 1927/28 хоз. г. этот показатель упал до 27%⁸¹. Теперь основной функцией синдикатов стали организация процессов плановой торговли и распределения и контроль над ними.

б) Торги

Государственные торговые учреждения (госторги или торги) существовали с самых первых дней НЭПа⁸². Многие из них были организованы губернскими совнархозами. Но отмечалось, что их развитие носило «довольно случайный и чрезвычайно разнообразный характер и сами организаторы этих торговых предприятий вряд ли отчетливо сознавали, какая роль в товарообороте страны должна выпасть на их долю». В европейских губерниях РСФСР и на Украине они были более активными в оптовой торговле, некоторые из них торговали фабрично-заводской продукцией, поставляемой крупными промышленными центрами, тогда как другие — продукцией ремесленников и местной промышленности; многие из них с самого начала участвовали в государственных закупках зерна и других сельхозпродуктов. В городах были организованы государственные розничные магазины; однако в европейской части РСФСР лишь Государственный универсальный магазин (ГУМ) с главным управлением в Москве и отделениями в других крупных

городах добился существенного успеха. В неевропейской части страны, где влияние кооперативов было минимальным, а организация торговли находилась на примитивном уровне, торги играли важную роль в розничной торговле, хотя действовали, видимо, главным образом в городах. К 1926/27 хоз. г. была образована сеть из 71 губернских или региональных торгов, а также многочисленных районных и местных торгов, работавших под их руководством. Суммарный оборот торгов, оптовый и розничный, вырос с 470 млн. руб. в 1923/24 хоз. г. до 1275 млн. руб. в 1925/26 хоз. г.⁸³

Однако несмотря на то, что деятельность торгов продолжала усиливаться, а объем торговли — расширяться, они с самого начала подвергались мощному конкурентному давлению с нескольких сторон. Могущественные промышленные синдикаты, которые вначале были склонны использовать торги в качестве каналов сбыта своей продукции в отдаленных центрах, начали формировать свои собственные локальные торговые агентства⁸⁴. Роль торгов в закупках сельхозпродуктов постепенно была ослаблена подключением к этой деятельности сельскохозяйственных и потребительских кооперативов⁸⁵. Наиболее важным в этом отношении явилось упорное сопротивление потребкооперации вторжению торгов на розничный рынок; и в местах, где кооперативы уже были созданы, тот довод, что их престиж стал достаточно высоким, при хорошем знании нужд потребителей, с чем соперничать торги не могли бы, вполне был оправданным. Когда XIII съезд РКП(б) в мае 1924 г. постановил организовать Народный комиссариат внутренней торговли в целях совершенствования методов торговой деятельности, имелось в виду максимальное развитие потребкооперации в сфере розничной торговли и отмечалось, что госторговля «должна все больше ограничиваться рамками оптовой и оптово-розничной торговли»⁸⁶. Подобное предписание, которое по тональности было малообязательным для исполнения, имело довольно слабый немедленный эффект, что, несомненно, было обусловлено слабостью кооперативов. Однако оно было подкреплено Постановлением от 18 августа 1926 г., открывавшим зеленый свет потребительским кооперативам и пытавшимся ограничить функции торгов сырьевым снабжением ремесленников и местной промышленности, а также сбытом их продукции, особенно в отдаленных районах⁸⁷. Одновременно было сокращено число бирж, сформированных в период сильного расхождения «ножниц» цен в качестве одного из средств их регулирования⁸⁸, и они утратили свой обязательный характер, превратившись в несколько больше, чем «органы Наркомторга для регистрации и контроля оптовых торговых сделок»⁸⁹. На следующий год комиссия по рационализации торговли, созданная СТО под председательством Цюрупы, в резолюции от 30 мая 1927 г. более четко определила функции торгов. Их участие в розничной торговле потребительскими товарами было ограничено продажей продукции местной промышленности и главным образом «отда-

ленными и окраинными районами, имеющими слабо развитую сеть кооперативной торговли». На них было возложено три задачи: выполнение функций оптовиков по отношению к частной розничной торговле и вытеснение тем самым частного оптовика; снабжение ремесленников сырьем и сбыт их продукции, а также выполнение функций торговых агентов трестов и синдикатов в случаях, когда это предусматривалось специальными соглашениями⁹⁰. Сразу после этого Наркомторг издал торгам инструкции сократить их сеть местных отделений⁹¹. Совнарком принял 17 августа 1927 г. положение о торгах, в котором они определялись как «независимые торговые организации, формируемые государственными учреждениями и действующие на принципах хозрасчета»; однако положение относилось лишь к торгам, имевшим статус всесоюзных и республиканских при капитале не менее 100 тыс. руб.⁹² Прислушавшись к подготовленным в мае 1927 г. рекомендациям комиссии Цюрупы, 17 апреля 1928 г. СТО издал развернутые правила деятельности торгов, которые предусматривали осуществление ими мелкой и средней оптовой торговли, а также розничноторговые операции. «В районах с достаточно развитыми кооперативами» торги должны были «постепенно сокращать свои предприятия». Особо вмененной им обязанностью было снабжение ремесленников сырьем и сбыт их продукции, а также выполнение функций оптовых продавцов «для коммерческих предприятий, которые не имели своего сбытового аппарата», при снабжении губернских и региональных кооперативных организаций⁹³. Явный смысл этого заключался в том, чтобы торги выполняли вторичные функции, иным образом не предусматривавшиеся. С этого времени наиболее важной деятельностью торгов становится, видимо, сбыт продукции местной промышленности и ремесленников: иногда их называли «синдикатами местной промышленности»⁹⁴. В отдаленных районах, где потребительские кооперативы были слабы или вообще отсутствовали, торги сохранили прежние функции⁹⁵. Однако еще в июле 1928 г. раздавались протесты, что государственные розничные магазины и в других районах оказывались тормозом в деле расширения членства потребительских кооперативов и при сборе взносов и что такие магазины по-прежнему открывались не только в городах, но и в деревне, продавая потребительские товары и прямо конкурируя с кооперативами⁹⁶.

Конкуренция синдикатов, с одной стороны, и кооперативов — с другой, окончательно подрубила торги. Период бурного роста их оборота закончился в 1925/26 хоз. г.; в 1926/27 хоз. г. оборот вырос лишь на 8,6%, а в 1927/28 хоз. г. — еще на 2,8%, что явилось относительным сокращением в период расширения объемов торговли⁹⁷. Тем не менее положение торгов до некоторой степени стабилизировалось, и никто всерьез не думал, что без них можно обойтись. В мартовском (1929 г.) номере наркомторговского журнала отмечалось, что «внимательный анализ существующей рыночной обстановки отнюдь не приводит к выводу о бесперспективно-

сти работы торгов»⁹⁸. В официальном отчете того же периода осуждалось «сокращение государственной розничной торговли, осуществляемое по распоряжению местных органов», как «неправильное» и содержался призыв к ее «некоторому расширению в текущем году»⁹⁹. Но было ясно, что торги были не в состоянии противостоять двум таким мощным, сплоченным и энергичным организациям, как синдикаты и потребительские кооперативы, и могли продолжать действовать главным образом в сфере мелкой местной промышленности, в которую синдикаты не считали пока целесообразным проникать, и в отдаленных и малонаселенных районах, где кооперативы еще не стали на ноги.

в) Потребительские кооперативы

После возрождения в 1925 г. потребительских кооперативов¹⁰⁰ и их постепенного внедрения в систему сбыта промышленных товаров через синдикаты число членов кооперативов и товарооборот постоянно увеличивались. Тем не менее недоверие к ним со стороны партии полностью не исчезло. Однако они были слишком удобным инструментом, чтобы от него отказаться. «Перед ними ставилась специфическая задача — установление смычки между рабочим классом и крестьянством, между потребителем и производителем»¹⁰¹. Как в закупках и сборе зерна, так и в сбыте промышленных товаров кооперативы оказались более эффективными, чем государственные органы, в качестве конкурентов частному торговцу. Ф. Э. Дзержинский рассматривал потребкооперацию «как будущего могильщика частного капитала» и отмечал далее: «Ведь сила частного капитала и вытекает из слабости кооперации... Без хорошей и дешевой кооперации нас частник будет бить, и мы из наших хозяйственных затруднений не вылезем»¹⁰².

На февральском (1927 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) говорилось о «чрезвычайно быстром росте» кооперативов, и им рекомендовалось расширить свою деятельность как путем вытеснения частника из торговли, так и путем замещения госторговли в той степени, в которой это могло бы происходить без повышения цен для потребителя и без возврата к частной торговле¹⁰³.

В условиях подобного официального поощрения потребкооперации число ее членов быстро росло. По всему Советскому Союзу численность потребительских обществ оставалась постоянной на уровне приблизительно 28,5 тыс. (что свидетельствует о нежелании или неспособности разветвляться в более отдаленные районы страны). О постоянном росте членства в потребкооперации говорит статистика¹⁰⁴:

**Число членов потребительских кооперативов
(млн. чел.)**

	На селе	В городах	На транспорте
По состоянию:			
на 1 октября 1926 г.	7,2	4,4	0,72
на 1 октября 1927 г.	9,8	5,3	0,85
на 1 октября 1928 г.	13,8	7,7	0,98
1928—1929 гг.	19,9	12,8	—

Согласно статистике Центросоюза, только в РСФСР число магазинов и ларьков потребкооперации в городах и на селе возросло с 42 424 в 1925/26 хоз. г. до 63 890 в 1928/29 хоз. г.¹⁰⁵ Среди городских членов потребкооперации летом 1926 г. на членов профсоюзов приходилось 60—65%, причем этот показатель был наивысшим среди железнодорожников (75%) и рабочих крупной фабрично-заводской промышленности, а наинизшим — среди строителей и пищевиков (25 и 21%)¹⁰⁶. Увеличение числа членов сопровождалось ростом товарооборота¹⁰⁷. Однако благодаря системе генеральных договоров с синдикатами потребкооперация играла более значительную роль в распределении промышленных товаров, чем сельхозпродукции. В 1928 г. 68% всей товарной массы, закупленной рабочими у потребительских кооперативов, приходилось на промтовары, хотя более половины суммарных расходов рабочих шло на питание¹⁰⁸. На пятилетний плановый период оценивалось, что доля розничного товарооборота, приходящаяся на потребкооперацию, возрастет до 88% по промтоварам и до 56% — по сельхозпродукции¹⁰⁹.

Несмотря на благоприятное в общем отношение к такому прогрессу в развитии потребкооперации, социальный состав потребительских кооперативов, особенно их отделений в сельской местности, вызывал те же подозрения, что и другие кооперативы. Когда один из делегатов на сессии Совета Центросоюза в феврале 1926 г. цитировал статью из центросоюзовского журнала, где говорилось, «что в потребкооперацию втянуты наиболее богатые семьи, что потребительская кооперация является сгустком наиболее крепких хозяйств в деревне», Л. М. Хинчук смог в ответ заявить лишь, что статистика социального состава противоречива и не дает правильной картины¹¹⁰. «Так же как и по другим видам кооперации,— отмечали составители контрольных цифр Госплана СССР на 1928/29 хоз. г., — высок в потребительской системе процент участия высших групп»¹¹¹. Подобные подозрения привели к настоятельным требованиям более жесткого партийного контроля. В июне 1927 г. ЦК ВКП(б) уделил внимание руководящим кадрам потребкооперации. Отмечалось, что партийные работники на ответственных постах меняются слишком часто, численность членов партии и партийных работников в кооперативной деятельности была сочтена

недостаточной, и выдвигалось требование обследовать имевшиеся кадры¹¹². Состоявшееся в том же месяце заседание Совета Центросоюза в пространной резолюции по организационным вопросам объединило напоминание об «усилении роли потребкооперации в народном хозяйстве в целом и их повышенной ответственности за состояние рынка» с рекомендациями поддержать более тесные связи с партией¹¹³. Расширение вмешательства партии в дела потребкооперации сочеталось с более прямым подчинением кооперативов правительственным органам. На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. выступление И. Е. Любимова, тогдашнего председателя Центросоюза, жаловавшегося на чрезмерные помехи со стороны центральных органов, особенно со стороны Наркомторга, а также на малочисленность делегатов от кооперации, избиравшихся на партийные съезды и съезды Советов, было заслушано с нескрываемым раздражением¹¹⁴. Собравшаяся в июле 1928 г. конференция Центросоюза, на которой свободно выражалось ревностное отношение к влиянию Наркомторга, приняла резолюцию, требовавшую, чтобы «взаимоотношения с Наркомторгом основывались на признании потребкооперации не в качестве объекта управления, а как основополагающего фактора организации и регулирования рынка»¹¹⁵. На XVI партийной конференции в апреле 1929 г. Любимов вновь резко протестовал против необходимости, чтобы Центросоюз боролся с «двумя Совнаркомом (СССР и РСФСР), двумя Госпланами, двумя Наркомторгами и двумя ВСНХ». Однако он не смог завоевать симпатий своих слушателей. Ему было отказано в дополнительном времени, чтобы закончить свою основную речь, а его вторая речь часто прерывалась¹¹⁶. В период с января по апрель 1929 г. «Правда» провела «обследование» партийной ячейки в Центросоюзе, которое выявило целый ряд бюрократических недостатков и затем привело к «улучшению и чистке аппарата»¹¹⁷. Потребительская кооперация стала неотъемлемой частью советской административной машины. Несмотря на традиции независимости в прошлом, серьезный уклонизм, проявлявшийся в кооперации, терпеть больше не могли.

Финансовое положение потребкооперации (как и других кооперативов) зависело от банковских кредитов и государственных дотаций в самых разных формах¹¹⁸. В ответ на постоянный нажим и призывы снижать цены торговая наценка потребкооперации уменьшалась из года в год¹¹⁹, и ей приходилось работать с пониженной прибылью. На центросоюзовской конференции в июле 1928 г. Любимов докладывал, что прибыли, урезанные к тому времени до минимума, достигли 147 млн. руб. в 1926 г. и всего лишь 85,5 млн. руб. в 1927 г.¹²⁰; оборотные фонды обеспечивались главным образом займами на общую сумму более миллиарда рублей. Как отмечал А. И. Рыков, хотя правительство помогало и намеревалось помогать потребкооперации и далее, наступило время, когда она должна была финансировать себя главным образом из своих собственных фондов¹²¹. Хотя финансовое положение потребкоопе-

рации было явно лучше, чем у других кооперативов, ни призывы Рыкова, ни высказанное спустя несколько месяцев предложение М. И. Калинина использовать ее прибыли для финансирования производственных кооперативов¹²² никак нельзя было назвать реалистичными.

Весьма болезненным оставался вопрос о членских взносах. В 1926 г. средний годичный взнос, уплачивавшийся членами потребительских кооперативов, составлял 4,32 руб. в городах и 2,86 руб. по стране¹²³, и настоятельные требования полной и своевременной оплаты оказывались несовместимыми с высказывавшимися пожеланиями расширить прием крестьян-бедняков в состав членов потребкооперации. Совет Центросоюза на своей сессии в феврале 1926 г. отмечал, что укрепление низших социальных групп деревни в потребительской кооперации «в значительной степени зависит от своевременного получения от государства необходимых средств в виде долгосрочной ссуды для возможности предоставления бедняцкому населению максимально льготных условий внесения паевых взносов»¹²⁴. Резолюция ЦК ВКП(б) от 1 сентября 1927 г. призвала к повышению годичных паевых взносов до 10 руб. для городского населения и 7 руб. — для сельского населения, при послаблениях для крестьян-бедняков¹²⁵. На центросоюзовской конференции в июле 1928 г. И. Е. Любимов заявлял, что в виде членских паевых взносов за первую половину 1927/28 хоз. г. было собрано 50 млн. руб. (что почти в два раза больше, чем в предыдущем году) и что предпринималась попытка довести нормальный тариф до 10 руб. для членов потребкооперации на селе и до 15 руб. — для городского населения. Однако постоянные трудности вызывали «опоздания с уплатой паев»¹²⁶. На паевые взносы продолжали действовать дифференцированные нормы, которые составители контрольных цифр Госплана СССР на 1928/29 хоз. г. рекомендовали в качестве средства, которое должно было способствовать «изъятию денег из середняцких и зажиточных групп» населения¹²⁷. В 1929 г. нормальный паевой взнос был повышен до 19,5 руб. для городских членов потребкооперации и 15 руб. — для сельских¹²⁸. С течением времени выяснилось, что эти средства оказались явно недостаточными для удовлетворения финансовых нужд, и зависимость потребительских кооперативов от ссуд и дотаций сыграла важную роль в их превращении в органы воплощения общественной политики, привязанной к контролируемому правительством механизму распределения.

На протяжении всего рассматриваемого периода велась упорная борьба между Наркомторгом, стремившимся использовать потребкооперацию в качестве главного канала распределения потребительских товаров всему населению, и Центросоюзом, стремившимся предоставить кооперативные магазины и ларьки в пользование одним лишь пайщикам; если открыть их для всех, то членство в потребкооперации теряло свою привлекательность. Теоретически существовало две возможности создания преимуществ для пайщи-

ков: предоставление им скидок при совершении покупок или распределение ежегодных дивидендов из полученной массы прибыли¹²⁹. Однако оба этих метода казались слишком сложными или слишком дорогостоящими для всеобщего распространения. Практическая ситуация в разных районах страны отличалась явным многообразием. Так, в Смоленске зимой 1926/27 г. дефицитные товары были зарезервированы для пайщиков и, как следствие, число членов удвоилось. В Туле 47% опрошенных в партийном обследовании указывали, что они не могли позволить себе вступление в кооперативы; тем не менее 75% их дохода тратилось в кооперативных магазинах¹³⁰. Острая нехватка пищевых продуктов и введение карточек в 1927—1928 гг. оказали очевидную помощь кооперативам, которые оказались единственным каналом, снабжавшим дефицитными товарами по официальным ценам¹³¹. А. И. Микоян, который открыто стремился использовать карточную систему в качестве средства дискриминации нэпманов и нетрудовых элементов¹³², по-видимому, исходил из допущения, что все рабочие и служащие являлись пайщиками кооперативов. Он заявлял, что членская карточка потребкооперации эквивалентна карточной книжке; существовал даже черный рынок таких карточек¹³³. С другой стороны, кредитные кооперативы критиковались за их отказ в обход правительственных распоряжений финансировать поставки сельскохозяйственных машин нечленам этих организаций¹³⁴; в условиях кризиса сбора зерна в 1928/29 хоз. г. потребкооперация была обязана поставлять товары «тем, кто поставяет зерно», независимо от того, являлись ли они пайщиками кооперативов или нет¹³⁵. Этот конфликт оставался неразрешенным даже весной 1929 г., когда потребкооперация стала главным каналом распределения промышленных товаров и играла существенную роль в распределении продовольствия. Существовало две альтернативы. Кооперативы могли ограничить свои услуги уплачивавшими взносы пайщиками, и в этом случае к членству в кооперативах в обязательном порядке привлекались бы все, кто не относился к категории кулаков и нэпманов (лишенных привилегий); это был путь, к которому стремилось руководство потребкооперации. Или же кооперативы могли отказаться от дискриминации между пайщиками и непайщиками, что привело бы к утрате кооперацией своего отличительного характера и ее членства с превращением кооперативов попросту в канал государственной торговли; такой путь в целом был конечной целью Наркомторга¹³⁶. В этом споре ни одна из сторон не располагала достаточной для полной победы силой. Ситуация оставалась запутанной при широком многообразии практических решений в разных местностях. Однако ничто всерьез не свидетельствовало об окончательной зависимости потребкооперации от государственного финансирования и от указаний партии.

Рабочие кооперативы, которые в предшествовавший период служили в качестве ударного отряда в проводившейся в СССР кам-

пании по установлению эффективного контроля над потребительской кооперацией¹³⁷, продолжали функционировать как общепризнанные, хотя и полуавтономные, органы в сети потребительских кооперативов. Однако отношения «центральной рабочей секции», которая действовала как их центральный орган, с Центросоюзом были сложными и неопределенными. Когда Совет Центросоюза собрался в февраля 1926 г. на свою сессию, предложение внести этот вопрос в повестку дня было отклонено на том основании, что центросоюзовская администрация еще не пришла к единому мнению по этому поводу¹³⁸. Позже в ходе заседаний А. И. Догадов разъяснил точку зрения профсоюзов. Полностью ликвидировать центральную рабочую секцию (как это было сделано на Украине) было бы неправильно; с другой стороны, в равной мере неправильным было бы сделать ее совершенно независимой от Центросоюза. Следовало бы учитывать различие между рабочими и крестьянами, и центральная рабочая секция должна быть внедрена в систему потребкооперации путем, который был бы приемлемым для профсоюзов. Двум представителям рабочих кооперативов, хотя и нечленам Центрального Совета, было разрешено выступить на сессии, и они сетовали на пренебрежение рабочими кооперативами, продемонстрированное Центросоюзом¹³⁹. Л. М. Хинчук, в то время председатель Центросоюза, объявил впоследствии точку зрения большинства членов Совета. Отмечалось, что нельзя согласиться с допустимостью фактической независимости, о которой заявляли некоторые члены центральной рабочей секции. Должен быть соблюден принцип единоначалия; и Центросоюз должен возложить на себя ответственность за снабжение рабочих кооперативов¹⁴⁰. Однако никакой резолюции принято не было, и, по-видимому, сколько-нибудь существенного согласия по этому вопросу достигнуто не было. Центральная рабочая секция, включавшая 165 рабочих кооперативных обществ, продолжала пользоваться значительной долей автономии, проводя отдельные собрания и управляя своими собственными фондами. Сообщалось, что в 1928 г. она насчитывала 2845 тыс. пайщиков, или 42% всех пайщиков потребкооперации; 47% товарооборота потребкооперации в городах приходилось на рабочие кооперативы. Кроме того, реальная независимость рабочей секции усиливалась. В 1925/26 хоз. г. она получала 59,7% своих поставок непосредственно от государственной промышленности (то есть трестов и синдикатов) и 30,4% — от Центросоюза, в 1926/27 хоз. г., соответственно, 74,4 и 19,8%. Подобная аномальная ситуация привела, как признал докладчик от рабочих кооперативов на центросоюзовской конференции в июле 1926 г., к «ряду недоразумений между кооперативами и рабочими секциями». Центросоюз не мог обойтись без этого мощного автономного органа в своей организационной структуре, пользовавшегося партийной и профсоюзной поддержкой, но и не мог его полностью себе подчинить¹⁴¹.

В этот период в устав Центросоюза было внесено формальное

изменение. Со времени образования СССР и до 1928 года Центросоюз РСФСР «одновременно выполнял функции центрального органа для всех кооперативов СССР»¹⁴². Это создавало определенные сложности на Украине, где центральный кооперативный совет, Вукоспилка, действовал параллельно Центросоюзу РСФСР¹⁴³. Аналогичные советы существовали в Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджане¹⁴⁴. На центросоюзовской конференции в июле 1928 г. было принято решение разделить существовавшие функции Центросоюза между двумя отдельными органами — Центросоюзом РСФСР и Центросоюзом СССР — с 1 октября 1928 г.¹⁴⁵ После этой конференции каждый из двух новых органов провел формальную сессию для избрания совета и административного аппарата¹⁴⁶. Административная структура потребкооперации воспроизводила аналогичную структуру Советов. Сельские и городские потребительские кооперативы (сельпо и горпо) были сгруппированы в районные союзы, районные союзы — в губернские или региональные союзы, а губернские и региональные союзы — в республиканские союзы с окончательным подчинением Центросоюзу СССР. Председатели и ведущие должностные лица высших союзов теоретически избирались снизу, но по большей части это делалось по указке партийного руководства.

ГЛАВА 25

ЧАСТНЫЙ СЕКТОР

В то время как доля частных торговцев в оптовой торговле к рассматриваемому периоду стала незначительной, упав в 1925/26 хоз. г. до 9%, в розничной торговле через их руки проходило 40% товарооборота¹. Поскольку терпимость к частной торговле была характерной чертой НЭПа, неудивительно, что, согласно статистике Наркомфина за 1925/26 хоз. г., наибольший объем частных капиталовложений (если исключить сельское хозяйство) был направлен в торговлю, составив, по оценкам, 800 млн. руб. по сравнению с 200 млн. руб. в промышленности². Внутренняя торговля считалась в 1926 г. «преимущественной отраслью народного хозяйства в СССР, в которой частный капитал может найти себе сколько-нибудь значительное применение»³. В июле 1926 г. Г. Л. Пятаков оценивал товарооборот частной торговли на протяжении 1925/26 хоз. г. миллиардом рублей при чистой прибыли около 500—600 млн. руб.; тремя месяцами позже, на XV партийной конференции А. И. Рыков привел экспертную оценку прибыли порядка 100—200 млн. руб.⁴ В контрольных цифрах Госплана на 1927/28 хоз. г. отмечалось, что 15,2% дохода от торговли поступало в частный сектор⁵.

Частная торговля отличалась двумя основными характерными особенностями. Прежде всего, она осуществлялась главным образом через небольшие торговые точки. В середине 20-х годов лишь четверть частных торговцев в деревне располагала постоянными магазинами (в сравнении с $\frac{2}{3}$ до 1914 г.), а остальные торговали из временных палаток или вразнос⁶: «Занимаясь по преимуществу мелочной торговлей и торгуя вразнос, вразвоз, в лучшем случае — из палаток, киосков и проч. и обладая весьма небольшим, сравнительно, числом постоянных торговых предприятий лавочного типа, частный капитал тем самым отличается от госорганов и даже кооперативных организаций»⁷. Если рассматривать шесть категорий, на которые торговля тогда официально классифицировалась с точки зрения выдачи разрешений⁸, то частный торговец практически исчез из двух высших категорий, которые касались главным образом оптовой торговли. С другой стороны, первая категория, палатки и киоски, была почти полностью монополизирована частниками, на которых приходилось 158 тыс. из

160 тыс. разрешений, выданных этой категории в апреле — сентябре 1926 г.⁹ В 1926/27 хоз. г. насчитывалось 21,59 частноторговой единицы на 10 тыс. жителей сельских районов в сравнении с кооперативными и государственными торговыми учреждениями, для которых этот показатель составлял 7,64 и 1,35, соответственно¹⁰. Цифры только для одной торговли на селе показывали, что частный капитал, вложенный в первую категорию объектов торговли, более чем удвоился за период с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. Однако даже в этом случае на эту категорию приходилось лишь 6,1% частного торгового капитала¹¹. Численность частных учреждений все еще была значительной во второй и третьей категориях и оставалась весьма существенной в четвертой категории. Число торговых единиц падало, а их размеры возрастали; это обусловило увеличение доли потребкооперации и госторговли, к которым принадлежали более крупные единицы. Цифры по частной торговле в РСФСР показывали, что число кооперативных и государственных единиц в этих трех категориях снизилось с 93 814 в 1926/27 хоз. г. до 88 443 в 1927/28 хоз. г., а частноторговых — с 226 760 до 159 254. В тот же период средний розничный товарооборот на кооперативную и государственную единицу вырос с 66 500 до 84 400 руб., а в расчете на частноторговую единицу упал с 12 000 до 11 900 рублей¹².

Во-вторых, как и можно было бы ожидать, частная торговля была жизнеспособнее в сельских районах, чем в более важных городских центрах, которые первыми испытали давление властей. Товарооборот частной торговли в городах снизился с 4421 млн. руб. в 1925/26 хоз. г. до 3992 млн. руб. в 1926/27 хоз. г.; на селе за тот же период он возрос с 1164 до 1274 млн. руб.¹³ Прирост товарооборота на селе был распределен по всем категориям объектов торговли, за исключением третьей (мелкие магазины), где конкуренция со стороны потребкооперации ощущалась наиболее сильно; фактически товарооборот удвоился в низшей и наименее значимой категории¹⁴. В 1926/27 хоз. г. на частную торговлю приходилось около 23% суммарного товарооборота в сельской торговле. Масштабы ее охвата были распределены неравномерно, будучи наибольшими в Средней Азии и Закавказье, а наименьшими — в северных районах и Западной Сибири¹⁵. Доля частной торговли, по-видимому, колебалась обратно пропорционально силе кооперативов в том или ином районе. Указывалось, что в частной торговле на селе около $\frac{2}{3}$ предприятий относилось к «бакалейной и прочей торговле», $\frac{1}{6}$ — к «живым животным, птице и мясу» и лишь $\frac{1}{10}$ — к «обработанным изделиям, галантерее и т. п.»¹⁶ Начиная с 1925 г. частные торговцы стали интересоваться продукцией сельских ремесленников¹⁷.

Поскольку конкуренция наблюдалась главным образом между частным торговцем и потребкооперацией, возникла довольно бурная дискуссия по поводу их относительной эффективности. Общеизвестным был тот факт, что частный капитал, хотя и не-

значительный по своему объему в сравнении с государственными и кооперативными основными фондами, добивался преимуществ «более быстрого оборота, чрезвычайной подвижности и повышенной рентабельности»¹⁸. Солевой синдикат сообщал, что частный торговец оборачивал свой капитал гораздо быстрее кооперативов и «поэтому был в состоянии соглашаться на довольно жесткие условия (в два-три раза меньшие ссуды при двух-трехкратных ценах), предлагавшиеся сольсиндикатом». Частник располагал лучшими помещениями и оборудованием для продажи соли в «местах, отдаленных от железных дорог и водных путей» и более эффективно справлялся с техническими проблемами сбыта объемистого продукта, норма прибыли на котором была небольшой. В этих обстоятельствах обращение к помощи частника давало «плюс, а не минус», особенно для товаров, которых было в изобилии, и солевой синдикат стремился пропустить через этот канал около 30% своего товарооборота. Аналогичное мнение высказывалось руководством сахарного треста, который рассчитывал на выделение 26—28% своего товарооборота частным торговцам, и дрожжевой промышленности, которая считала частника более внимательным к качеству товара и отправке его в свежем состоянии. Отмечалось, что тресты и фабрики нередко закупали необходимые им товары у частных торговцев, предпочитая их государственным и кооперативным органам, хотя это обычно трактовалось как «искривление торговли в оптовом звене»¹⁹. В целом кооперативы требовали почти в три раза большей ссуды по сравнению с частником и на более длительный срок²⁰. С. Г. Струмилин признавал, что «частный торговец обладает всеми преимуществами частной инициативы, очень изворотлив, расчетлив, трудолюбив и т. д.», тогда как кооперация «далеко еще не изжила мертвящего бюрократизма, поражает некультурностью своего низового аппарата, глубоко страдает от массовых растрат и хищений»; тем не менее кооперация работала с меньшими* нормами прибыли, предоставляя ее всей стране²¹. Ю. Ларин пытался доказать, что частный торговец добивается определенных преимуществ благодаря обладанию большим оборотным капиталом. «Это вопрос ресурсов, а не каких-то врожденных неизменных достоинств частной торговли»²². В действительности преимущество частного торговца было обусловлено ценами. Частный торговец, как правило не связанный условностями официального регулирования цен, был в состоянии навязывать потребителю повышенные цены и получать на этом более высокую прибыль. Однако какими бы ни были достоинства такого подхода, частная торговля в конечном счете была вынуждена уступать давлению властей и поддерживаемой ими потребкооперации.

* На самом деле в статье С. Г. Струмилина говорится: «...кооперация экономит... в 2,2 раза больше [частного торговца] и предоставляет всю эту экономию... всей стране». — *Ред.*

Можно считать, что кампания против частной торговли началась с момента создания в мае 1924 г. Наркомторга, призванного обеспечить «завоевание рынка» государственной и кооперативной торговлей²³. Однако если не считать эпизодических наскоков на нэпманов, нажим на частного торговца оставался непостоянным и довольно вялым вплоть до осени 1926 г. Составители госплановских контрольных цифр на 1926/27 хоз. г. указывали, что обобществленный и частный сектора имеют дело в основном с разными категориями товаров и что, «несмотря на иллюзорную количественную «независимость», всякий рыночный разрыв между секторами отражается болезненно на всем народном хозяйстве»²⁴. Однако к этому времени непрекращавшиеся попытки снизить доверие крестьянства, не ослабляя одновременно мощного движения по пути индустриализации, вели к необходимости снижения розничных цен²⁵. В октябре 1926 г. СТО обязал Наркомфин провести выборочное обследование частной торговли в городах; им было охвачено около 2700 предприятий, из которых все попадали в категории (2)—(6)²⁶. Состоявшаяся тогда же, в октябре 1926 г., XV партийная конференция отмечала, что «роль частного капитала, особенно в сфере торговли, остается по-прежнему важной», и потребовала «особого внимания... к вопросам борьбы против частного капитала»²⁷. До того времени предполагалось, что «завоевание рынка» произойдет в результате конкуренции в рыночных условиях, а не путем административных мер. Когда в феврале 1927 г. ЦК ВКП(б) принял свою резолюцию по ценам, в ней указывалось, что «наряду с задачей дальнейшего преодоления частного капитала в торговле и промышленности *экономическими* мерами на первый план выдвигается задача подчинения частного капитала регулирующему влиянию пролетарского государства...»²⁸. Однако в некоторых кругах все еще проявлялась осторожность. Так, XIII съезд Советов РСФСР в апреле 1927 г. подчеркивал, что «было бы неправильно поставить задачу теперь же совершенного вытеснения частного капитала с рынка», и отмечал, что «во многих отраслях торговли частный капитал будет занимать значительное место в течение ряда лет»²⁹. Как отмечал А. И. Микоян, наиболее эффективным оружием в кампании по отстранению частного торговца от заготовок зерна являлось оказание предпочтения железными дорогами государственным и кооперативным заготовочным органам; учитывая нехватку вагонов, это означало фактический отказ в предоставлении железнодорожного транспорта частному торговцу для перевозки зерна³⁰. В 1926 г. за перевозку зерна, отправляемого частниками, дополнительно взималось 50—100% транспортных расходов; позже в некоторых случаях дополнительная плата достигала 400%³¹. Частный торговец подвергался также финансовому давлению в виде ограничения ссуд, повышенных тарифов за помещения и места на рынках и, кроме того, повышенного налогообложения³². Однако эти меры едва ли повлияли на первую категорию тор-

говли (палатки и лотки), и сокращение объемов частной торговли в 1927 г. было обусловлено косвенными, а также прямыми административными мерами. Среди них наиболее важным фактором была, по-видимому, растущая нехватка товаров; сообщалось, что в январе 1927 г. частные торговцы во многих местах прекратили свою деятельность из-за отсутствия товаров³³. Ограниченные поставки промышленных товаров направлялись через кооперативы, а шедшие частному торговцу излишки исчезли³⁴.

К концу 1927 г., когда обсуждение проблем индустриализации и планирования стало повсеместным, кампания против частной торговли достигла такого состояния, что отпали сомнения относительно некоторых последствий этого процесса. Сообщалось, что в Москве в период с 1 января по 1 июля 1927 г. 20% частных розничных торговцев и 32% частных оптовых и полуоптовых торговцев прекратили свою деятельность, а за весь календарный год число частных торговых единиц упало с 9223 до 6812³⁵. Общая резолюция XV съезда ВКП(б) в декабре 1927 г. по данному докладу ЦК отмечала, что «по отношению к возросшим в своей абсолютной массе — хотя и в гораздо меньшей степени, чем социалистический сектор хозяйства, — элементам частнокапиталистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения»³⁶. Однако результатом этой кампании явились два довольно обременительных последствия.

Во-первых, оказывавшееся до того времени давление не только выталкивало частного торговца в нелегальное или полуполигальное подполье советской экономики, но и заставляло его вступать в контакт с теми периферическими группами, которые в наименьшей степени были подвержены центральному контролю и к которым официальные должностные лица испытывали наибольшие подозрения. В докладе, подготовленном к состоявшемуся в декабре 1927 г. XV съезду ВКП(б), отмечалось, что частный торговец, вытесненный с рынка крупных промышленных товаров, занял «решающие позиции на рынке продукции ремесленников и местных промыслов» и что торговля сельскохозяйственными продуктами на местах оказалась в руках частных торговцев и кулаков. «Все еще мощное влияние частного торговца на рынке сельскохозяйственных продуктов и недавнее расширение его операций среди ремесленников»³⁷ подвели ситуацию ближе к тому моменту, когда он стал бы, безусловно, считаться врагом режима. Резолюция съезда углубила и расширила этот аспект: «Частнокапиталистические слои города и деревни, смыкающиеся с некоторыми бюрократическими элементами советского и хозяйственного аппарата, стремятся усилить свое противодействие наступлению рабочего класса, пытаются оказывать враждебное пролетарской диктатуре влияние на определенные слои служащих и интеллигенции, на отсталые слои кустарей и ремесленников, крестьян и рабочих»³⁸.

Заявлялось также, что, несмотря на постоянное сокращение объемов товарной массы, проходившей через руки частного торговца, якобы происходило «усиление роли крупного капитала в частной торговле». В качестве зловещих симптомов указывалось на возрастание влияния частного оптовика и частного ссудного капитала³⁹. В течение года после XV съезда рост объемов государственной и кооперативной розничной торговли, по-видимому, удовлетворял партийные круги, хотя и отмечались «тенденция частного капитала к сокращению своей деятельности в сфере *законной торговли*» и «прямой переход к *подпольной* работе»⁴⁰. Нередко нелегальность сводилась к сговору между частными торговцами и государственными или кооперативными должностными лицами. Отмечалось, что хорошо организованные местные шайки торговцев мясом монополизировали мясной рынок критической зимой 1928—1929 гг.⁴¹, а располагавшаяся в Рязани частная акционерная компания кожаных изделий приобрела в 1929 г. такую значимость, что ее склады посещались торговцами из Москвы, Ленинграда и других городов⁴². В 1928—1929 гг. некоторые частные торговцы на знаменитом Сухаревском рынке в Москве перешли от розничной торговли к оптовой: 60—70% предлагавшихся ими товаров поступали прямо от синдикатов⁴³. Отмечалось, что «усилилась посредническая работа частного капитала, который, будучи вытеснен из городского оборота, перенес свою деятельность на хлебный рынок, играя на разнице цен и извлекая сверхприбыль из этого рода спекуляции»⁴⁴. Осенью 1928 г. произошло возрождение «мешочничества», чему способствовал дефицит зерна и провал официальной зернозаготовочной кампании⁴⁵. Возникающая на основе разрозненных свидетельств общая картина частной торговли характеризуется наступлением на нэпмана наряду с наступлением на кулака, что вело к аналогичным результатам. На сессии ЦИК СССР в апреле 1928 г. М. И. Фрумкин сообщил, что Наркомфину было дано специальное распоряжение «установить налог так, чтобы частные мельницы закрылись», и добавил, что «в некоторых местах мы почти полностью ликвидировали частную торговлю благодаря нашей налоговой политике»⁴⁶. Частный торговец, лишавшийся понемногу своих традиционных и до того времени не вступавших в противоречие с законом источников прибыли и проникавший новыми приемами вражды к режиму, постоянно его преследовавшему, все больше обращался к нелегальной деятельности, которая в свою очередь подвергалась еще более жестким репрессиям. Отмечалось, что для 1928/29 хоз. г. характерным стало «уклонение частника от уплаты причитавшихся с него налогов и перекочевывание из легальной сферы в нелегальную»⁴⁷.

Во-вторых, наступление на частную торговлю привело и к другим последствиям, которые были ничуть не удобнее или терпимее для властей. Резолюция XIII съезда РКП(б) в мае 1924 г. по вопросу о регулировании торговли содержала допол-

нение о необходимости избегать «...таких мер в области частной торговли, которые бы привели к сокращению или нарушению общего товарооборота...»⁴⁸. При сложившемся порядке вещей полностью учесть это предупреждение было невозможно. Отмечалось, что в 20-е годы название «пустыни» широко применялось к районам, из которых удалось вытеснить частную торговлю; по сведениям Центросоюза, в конце 1925 г. лишь 10% всех деревень располагали кооперативными магазинами⁴⁹. В какой-то степени упреком звучат слова о том, что в период между 1926 и 1929 гг. «нэпманы сплошь и рядом ликвидировали свои предприятия, не рассчитавшиеся с государством, надеясь сохранить остатки своих средств для операций на черном рынке»⁵⁰. Резолюция XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.) с надеждой отмечала, что обобществленный сектор торговли «расширяется за счет вытеснения частного торговца», но повторила почти буквально то же предупреждение, что и предыдущий съезд тремя годами ранее: «Дальнейшее вытеснение частника с рынка кооперацией и государственной торговли должно происходить, в меру их действительных организационных и материальных возможностей, так, чтобы это вытеснение не влекло за собой бреши в товаропроводящей сети и перебоев в снабжении рынка»⁵¹. На сессии ЦИК СССР в апреле 1928 г. А. И. Рыков весьма мягко протестовал против чрезмерных мер воплощения этой политики: «Московский совет... и т. Угланов обсуждают вопрос о том, каким государственным аппаратом заменить ту бабу с лотком, которая по улице ходит и продает булки и спички. В такой замене этих «частников» никакой надобности нет»⁵².

На центросоюзовской конференции в июле 1928 г. А. И. Микоян говорил о «классовой борьбе за магазины» в предыдущем году между кооперативами и частным торговцем, что привело к закрытию 100 тыс. магазинов и лавок и выбросу миллиона лавкодержателей и связанных с ними людей (возможно, цифра завышена) на рынок труда⁵³. В городах рост численности жителей сделал недостаточной существовавшую сеть складов и магазинов, а закрытие ранее находившихся в частном владении сделало нехватку еще более острой⁵⁴. В сельской местности давно сформировавшаяся сеть частных киосков и лавок в деревнях и небольших городах нередко оказывалась более эффективной и предприимчивой, чем организованный наспех кооперативный заменитель. Один из делегатов на центросоюзовской конференции сетовал, что кооперативы не смогут нормально вести дела в «микроскопических магазинах, оставшихся от ушедшего с рынка частного торговца», и не располагают средствами для открытия новых. Срыв снабжения Москвы мясом в апреле 1927 г. был также отнесен А. И. Микояном на счет кампании против частного торговца, который вытеснялся с рынка гораздо быстрее, чем потребкооперация могла его заместить⁵⁵. Статья в наркомторговском журнале признавала, что к задержкам в снабжении привело «закрытие значи-

тельной массы частных торговых предприятий, которые не могли быть в такой короткий срок замещены государственной и кооперативной торговлей». Приводились примеры завоза картофеля в Киев из районов, отдаленных от него на 100 верст, что было связано с прекращением деятельности частных торговцев, осуществлявших местные поставки, и прекращения лова рыбы в Ленинградской области, поскольку у рыбаков некому стало ее закупать⁵⁶.

В ходе разразившегося в 1928 г. кризиса заготовок зерна другим формам торговли в официальных заявлениях большого внимания не уделялось. Однако на партийной конференции в июле 1928 г. И. В. Сталин дал бескомпромиссное определение политики того времени: «Мы говорим часто, что развиваем социалистические формы хозяйства в области торговли. А что это значит? Это значит, что мы тем самым вытесняем из торговли тысячи и тысячи мелких и средних торговцев»⁵⁷. Вопрос о торговле играл лишь второстепенную роль зимой 1928/29 г. в борьбе с «правой» оппозицией. Можно сказать, что поражение правого крыла провозгласило среди прочего и окончательное поражение частного торговца как четко выраженного элемента в советской экономике. В 1929 г. на частную розничную торговлю пришлось лишь 13,5% общего объема розничной торговли по сравнению с 42,3% в 1925/26 хоз. году.⁵⁸

ГЛАВА 26

КОНТРОЛЬ НАД ЦЕНАМИ

Первые шаги к индустриализации летом и осенью 1925 г. привели к активным инфляционным процессам, обусловленным ростом цен на промышленную продукцию. Тревогу вызывали оптово-розничные «ножницы», т. е. существенное расхождение между оптовыми и розничными ценами на промышленные товары, а также более знакомые «ножницы» между ценами на продукцию промышленности и сельского хозяйства¹. Поскольку эффективный контроль над промышленными ценами обеспечивался государством лишь на оптовой стадии, разрыв между оптовыми и розничными ценами продолжал увеличиваться; отмечалось, что весной 1926 г. розничные цены превышали оптовые на 60% по сравнению с 20% до 1914 г.² Одновременно сельскохозяйственные цены под влиянием хорошего урожая и успешных заготовок зерна начали после апреля 1926 г. резко падать, еще сильнее раскрывая «ножницы» между ценами на сельскохозяйственную и промышленную продукцию³. Ответственные за формирование официальной политики органы надеялись разрешить обе проблемы — оптово-розничных и сельскохозяйственно-промышленных «ножниц» — путем принудительного снижения розничных цен на промышленные товары. В феврале 1926 г. потребкооперация провозгласила цель закрытия «оптово-розничных ножниц цен»⁴. На апрельском (1926 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) была принята резолюция, указывавшая, что весьма важно добиться снижения розничных цен и сократить разрыв между оптовыми и розничными ценами⁵.

Подобная политика вызывала критику сразу с двух сторон. Наркомфиновским экспертам-советникам она представлялась неосуществимой; только при замедлении перенапряженной программы капиталовложений в промышленность и ограничении зарплаток фабрично-заводских рабочих можно было бы снизить цены на промышленные товары и добиться сокращения «ножниц» между ценами на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Некоторые из специалистов доказывали, что в существовавшей в первые месяцы 1926 г. ситуации официальные цены, как оптовые, так и розничные, на промышленные товары были установлены слишком низкими и следовало бы допустить их повышение до

уровня, который в состоянии выдержать рынок. Основополагающий для НЭПа принцип рыночной экономики предполагал сохранение рынка, на котором цены формируются самостоятельно на основе соотношения предложения и спроса. Хотя господство нерегулируемых рыночных цен было прекращено разразившимся в 1923 г. кризисом «ножниц» цен, никто, даже в партии, еще не подвергал открытым нападениям теоретические предпосылки НЭПа⁶. Как отмечал один из авторов в наркомфиновском журнале, именно рынок, «управляя ценами... приказывает, что, сколько и как надо производить», а «некоммерческая политика цен» означала бы шаг назад от товарно-денежного хозяйства к натуральному. В данном случае рынок требовал повышения цен на промышленную продукцию для ограничения спроса на дефицитные товары⁷. Другой наркомфиновский советник писал: «Тормозить повышение цен, которое вызывает эмиссия, означает в сущности, нежелание по одежке протягивать ножки»⁸.

С другой стороны, вызов политике снижения цен на промышленную продукцию был брошен и партийной оппозицией, которая пришла к тому же выводу, исходя из совершенно иных предпосылок⁹. В отличие от наркомфиновских экспертов, которые относили товарный голод и инфляционные цены на счет чрезмерных капиталовложений в тяжелую промышленность, оппозиция обнаружила корень всех проблем в отсталости страны с точки зрения уровня промышленного развития и усматривала средство для их решения в более интенсивной индустриализации, а вовсе не в ослаблении ее темпов. Эта точка зрения, несомненно верная в долгосрочном плане, была гораздо менее приемлемой в краткосрочной перспективе и воспринималась наркомфиновскими экспертами «отрицательно, а порой даже иронически»¹⁰. Однако эта концепция глубоко укоренилась в воззрениях оппозиции. Л. Д. Троцкий, хотя обычно и уклонялся от вопроса о ценах, говорил в 1923 г. о «диктатуре», принадлежащей «не финансам, а промышленности»¹¹. Г. Л. Пятаков в том же году издал печально известную инструкцию ВСНХ трестам, обязывавшую их добиваться максимальных прибылей¹². Опубликованная в 1924 г. статья Преображенского по вопросу о «законе примитивного социалистического накопления» рекомендовала осуществление «политики цен, сознательно направленной на эксплуатацию частной экономики во всех ее формах»¹³. Когда после короткой передышки вопрос о ценах вновь обострился зимой 1925/26 г., оппозиция резко прореагировала против предложения снижать цены на промышленную продукцию. Преображенский в опубликованной в партийном журнале статье указывал, что нехватка товаров массового потребления позволяет частным торговцам раздвигать оптово-розничные «ножницы» и урывать прибыли, от которых отказались государственные промышленные тресты, и призывал обеспечить «увеличение отпускных цен трестов на те товары широкого потребления, по отношению к которым чувствуется макси-

мальный товарный голод и на которых больше всего наживается частный капитал», оптимистично добавляя, что это увеличение не должно вызвать дальнейшего роста розничных цен¹⁴. В. Смирнов, еще один активный деятель оппозиции, доказывал, что растущий разрыв между оптовыми и розничными ценами следует сокращать не путем снижения последних, а повышением первых; только в этом случае можно было бы заместить отток ресурсов из промышленности на формирование торгового капитала потоком ресурсов в промышленность в объемах, достаточных для осуществления ею капиталовложений¹⁵. Л. Д. Троцкий на апрельском (1926 г.) Пленуме ВКП(б) также призывал к повышению цен, но не розничных, а оптовых¹⁶.

Доводы в пользу повышения цен на промышленную продукцию, из какого бы источника они ни исходили, мало впечатляли партийных руководителей, которые хорошо помнили разразившийся в 1923 г. кризис «ножниц» цен и все еще опасались вызвать враждебное отношение крестьянства. Составленные в 1926 г. план ОСВОК и первый госплановский вариант проекта пятилетнего плана исходили из перспективы существенного падения цен промышленной продукции на крестьянском рынке¹⁷. Однако, хотя официальная партийная точка зрения сводилась к тому, чтобы обуздать рост розничных цен и по возможности обратить его вспять, ответственные за формирование политики деятели с трудом себе представляли, как добиться этого желаемого результата. Ставшее знакомым отличие «экономических» мер от «административных» в не меньшей степени было применимым и к политике в области цен; прочно утвердилась точка зрения, что «наилучшей формой регулирования цен нужно считать мероприятия экономического порядка, методы же административного регулирования должны быть сведены до минимума»¹⁸. Однако эти теоретические предпочтения оказались совершенно бесполезными на практике. Начиная с 1924 г. для стандартных товаров массового потребления, на которые распространялось акцизное налогообложение, такие, как чай, спички, табак и папиросы, были установлены фиксированные цены (иногда именовавшиеся «этикетными продажными ценами»). Там, где этот метод оказывался неприменимым, предпринималась попытка устанавливать розничные цены путем прибавления некоторого процента к стоимости производства, но это оказалось практически неудобным и было вскоре заменено определенной надбавкой к оптовой цене¹⁹. В условиях периода хронического товарного голода, когда растущий спрос постоянно обгонял производство, подобные первоначальные попытки фиксирования розничных цен были по большей части обречены на провал. Иногда они вступали в противоречие с ценами, установленными синдикатами и другими торговыми организациями и также утвержденными Наркомторгом. Хотя фиксированные цены были задуманы применительно к частным торговцам и объявлялись суровые наказания за их нарушение, оказалось со-

вершенно невозможным практически их осуществить. Так, один из ведущих руководителей Наркомторга осторожно писал в 1926 г., что частные торговцы продают товары, идентичные производимым государственной промышленностью, по свободным ценам и что «этикетные цены лишь недавно распространены на частные предприятия»²⁰. Раздавались жалобы, что распоряжения Наркомторга о фиксировании цен просто доводились до сведения торговцев и о них не делалось публичных сообщений, в результате чего никто не знал, что цены были фиксированы²¹. Одна из трудностей была обусловлена тем, что цены на промышленные товары не отличались однородностью, будучи значительно выше в сельской местности по сравнению с городами; фиксирование цен для первой группы населения означало бы повышение для последней²².

Осознание возникшей дилеммы привело к усилению борьбы за снижение цен на продукцию промышленности. В марте или апреле 1926 г. пробное предложение ВСНХ снизить розничные цены на 10% было отклонено Госпланом²³; месяцем позже Л. Б. Каменев в качестве Наркома торговли, Ф. Э. Дзержинский в качестве председателя ВСНХ и И. Е. Любимов в качестве председателя Центросоюза направили совместное обращение ко всем торгующим организациям по вопросу о снижении розничных цен²⁴. В июне 1926 г. был дан новый импульс. ВСНХ предложил СТО, чтобы цены на промышленные товары, производимые государственными предприятиями, были административным указом снижены в среднем на 10%²⁵. СТО отверг столь прямолинейный метод, но поставленную задачу одобрил. На совместном заседании Совнаркома и СТО 28 июня 1926 г. была принята резолюция, что снижение розничных цен является «ударной экономической задачей»²⁶. Резолюция СТО от 2 июля 1926 г. «О снижении розничных цен на дефицитную продукцию государственной промышленности» требовала, чтобы цены на такие товары были снижены к 1 августа до уровня на 10% ниже цен по состоянию на 1 мая, но проведение самого снижения было оставлено за Наркомторгом с использованием обычных коммерческих каналов; на практике снижение оказалось лишь незначительным²⁷.

Вопрос о ценах не был в повестке дня июльского (1926 г.) Пленума ЦК ВКП(б), и объединенная оппозиция, очевидно, не горела желанием нападать на официальную политику снижения цен, возможно, из-за расхождений в своих собственных рядах²⁸. Лишь Г. Л. Пятаков обратился к этой теме: «Мы имеем огромную размычку между оптовыми и розничными ценами... Поэтому основная задача заключается в том, чтобы эту разницу между оптовыми и розничными ценами отчасти направлять в госпромышленность, а не в карман частного капитала и этим расширить работу промышленности и подвести базу под снижение розничных и отпускных цен. Если нужно и можно, почему не сделать маневр, не поднять отпускные цены на те товары, на которые име-

ется у нас недостаток и которые отпускаются частнику, продержаться на этом некоторое время и потом на основании расширенного производства сделать параллельное снижение и розничных и оптовых цен?»²⁹ Вопросительная формулировка предложенного решения не спасла Пятакова от гнева Дзержинского, который назвал идею повышения оптовых цен «бессмысленной, антисоветской и антипролетарской»³⁰. Нехватка товаров давно стала характерной чертой советской экономики, и никто не желал обращать внимание на тот упрямый факт, что снижение или сдерживание цен усугубляло дефицит благодаря усилению эффективного спроса. Вместе с тем А. И. Рыков в это время довольно реалистично, хотя и несколько благодушно, отмечал, что дефицит «будет хроническим на многие годы», особенно по текстилю и металлу³¹.

Несмотря на то что партийное большинство признало опасное воздействие политики завышенных цен на продукцию промышленности с точки зрения сохранения смычки с крестьянством, найти практические средства обеспечения снижения цен никак не удавалось. Острота проблемы иллюстрируется упорным расхождением во мнениях составителей контрольных цифр Госплана СССР на 1926/27 хоз. г., выявившимся в ходе их подготовки. Меньшинство рассчитывало, что в предстоящий год цены на зерно снизятся на 8%, а цены на продукцию сельского хозяйства в целом — на 4,2%; если полагать, что промышленно-сельскохозяйственные «ножницы» цен не разойдутся еще шире, то это требовало снижения розничных цен на промышленную продукцию минимум на 4%. Большинство весьма скептически относилось к возможности такого снижения промышленных цен, а поскольку было достигнуто общее согласие в отношении необходимости сдерживания раскрытия «ножниц» цен на стабильном уровне, то оно возражало и против снижения цен на сельскохозяйственную продукцию (исключая, возможно, отдельные продукты или в отдельных районах)³². Было совершенно ясно, что «любое значительное снижение цен на зерно» возможно лишь при условии «соответствующего снижения фактических розничных цен на промышленные товары». Общий вывод заключался в том, что уровень цен в 1926/27 хоз. г. останется по существу неизменным³³. Весьма примечательно, что любое расширение «ножниц» цен отвергали обе группы, и ни одна из них не отстаивала повышение цен на промышленную продукцию. В принятом 18 августа 1926 г. постановлении СТО об отношениях между государственной промышленностью и потребкооперацией³⁴ предлагались меры по совершенствованию механизма распределения, причем в качестве одной из существенных мер указывалось снижение розничных цен на продукцию промышленности и сокращение разрыва между оптовыми и розничными ценами; не предпринималось никаких попыток проведения в жизнь оказавшейся неэффективной резолюции от 2 июля 1926 г. Тем временем продолжали раздаваться голоса в пользу повышения цен. Подпольная брошюра «Рабочий вопрос», имевшая хождение

после Пленума ЦК ВКП(б), продолжала нападать на «политику низких цен, проводимую главным образом с выгодой для спекулянта»³⁵; в опубликованной в сентябре 1926 г. статье Майзлина доказывалось, что оптовые и розничные цены выросли в три раза по сравнению с уровнем до 1914 г., что политика снижения розничных цен провалилась и что сверхприбыль заглатывается спекулянтами и раздутым государственным и кооперативным аппаратом. Чтобы сократить разрыв, автор статьи призывал к постепенному повышению на 30% оптовых цен на промышленную продукцию; это дало бы дополнительную прибыль в 1200 млн. руб., из которых 180 млн. руб. можно было бы направить на повышение заработной платы рабочих в качестве компенсации за неизбежное дальнейшее повышение розничных цен³⁶.

К этому времени вся экономическая политика оппозиции рассыпалась в прах, и осталось лишь немного сторонников предложения о повышении цен на промышленную продукцию. На дискуссии в Коммунистической академии в сентябре 1926 г. докладчики от оппозиции избегали вопроса о ценах, а Пятаков, которому был брошен прямой вызов, ответил весьма уклончиво: «Вопрос цен — это самый сложный вопрос, и здесь одним «да-да», «нет» не отделаемся, ценами мы должны уметь маневрировать на рынке. Общий курс партии абсолютно правилен — курс на снижение цен, но обязательно на снижение и розничных и оптовых. Если мы будем снижать оптовые цены на те товары, коих недостаточно и розничные цены на которые растут, то мы будем делать грубую ошибку; в зависимости от конкретных условий рынка мы можем и поднять те или иные оптовые цены, для того чтобы их после снизить на основе расширения производства. Кто этого не понимает, тот абсолютно не понимает ничего. Если вы зададите мне такой простой вопрос, за повышение или за понижение, я на него вам ответить не могу, так вопросы может ставить только чужак»³⁷.

На XV партийной конференции в октябре 1926 г. А. И. Рыков выступил подчеркнуто против предложения Майзлина повысить оптовые цены, которое критиковали также В. Я. Чубарь и Ю. Ларин, причем защитников не нашлось³⁸. С. И. Сырцов жаловался, что некоторые организации повысили розничные цены, чтобы в дальнейшем продемонстрировать их снижение. Л. Д. Троцкий уклонился от вопроса о ценах, заявив, что «ускорение индустриализации... даст большую товарную массу, которая понизит розничные цены», но ничего не сказал о прежних предложениях оппозиции повысить цены³⁹. Н. И. Бухарин обратил внимание на молчание оппозиции по этому вопросу, предлагая «выставить это в качестве кардинального момента во всей экономической платформе оппозиции», и отмечал, что по вопросу цен «мы слышали краем уха, что Каменев не согласен с Пятаковым, что Пятаков не согласен с Каменевым, не согласен с Троцким, что Троцкий не согласен с Зиновьевым и т. д.»⁴⁰. В своей резолюции по хозяйственным во-

просам конференция решительно отвергала и описывала как «глубоко ошибочные... предложения ряда товарищей из оппозиции о повышении отпускных цен на промтовары, как источнике дополнительных средств для ускорения индустриализации страны». Отмечалось, что индекс оптовых цен на промышленные товары, который достиг 271 на 1 мая 1926 г. (по сравнению с 225 годом ранее), снизился до 264 к 1 октября 1926 г., но это снижение не было признано достаточным; ставилась задача дальнейшего сокращения разрыва между оптовыми и розничными ценами благодаря совершенствованию организационного аспекта ⁴¹.

Все эти доводы и заявления о принципах несколько не способствовали улучшению положения на рынке. В период между апрелем и июлем 1926 г. «ножницы» сельскохозяйственно-промышленных цен раскрылись с индекса 150 до 164 (за 100 принят уровень 1913 г.), и в декабре 1926 г. этот индекс все еще оставался равным 160 ⁴². Оптово-розничные «ножницы» цен также не проявляли никаких признаков сокращения. При этом каждый осознавал жизненную важность этого вопроса для определения взаимоотношений с крестьянством. Так, крестьянская газета «Беднота» писала в своей передовице: «Во-вторых, с вопросом о ценах у нас связан *коренной вопрос о смычке*. Либо мы цены будем удешевлять — и все более и более *на деле* доказывать широчайшим массам преимущества социалистического хозяйства. Либо цены будут стоять высокие — и тогда ни о какой смычке не может быть и речи» ⁴³.

Происходили и другие повышения, которые влияли на стоимость жизни, даже не воздействовавшие на индексы цен. В июне 1926 г. была повышена квартплата в городах ⁴⁴, а в течение лета и осени 1926 г. были существенно повышены железнодорожные пассажирские тарифы ⁴⁵. Все большее внимание привлекало использование прямых административных мер для принудительного снижения розничных цен на промышленные товары. Новый Уголовный кодекс РСФСР трактовал «злоумышленное повышение цен на товары путем их скупки, сокрытия или придерживания от выброса на рынок» как преступление, наказуемое тюремным заключением сроком до 1 года (или в случае сговора до 3 лет) с конфискацией имущества ⁴⁶. А. И. Микоян в своем характерном для того времени заявлении указывал, что кооперативы следует заставлять снижать цены «чуть ли не большой дубиной» и что людей следует преследовать «за отказ снижать цены и за невыполнение правительственных распоряжений по этому поводу» ⁴⁷. В то же время к концу календарного 1926 г. появились некоторые признаки того, что впервые с весны 1925 г. товарный дефицит стал ослабляться; в промышленных кругах тогда же выражались опасения перепроизводства некоторых товаров ⁴⁸. К концу 1926 г. цены на потребительские промышленные товары начали падать, и спрос становился «избирательным» даже на товары, до того

времени бывшие в крайнем дефиците, такие, как кровельное железо⁴⁹.

В подобной атмосфере решимости утвердить контроль государства над рынком и в надежде, что экономическая ситуация вполне благоприятна для таких шагов, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло в декабре 1926 г. решение начать новую кампанию снижения оптовых и розничных цен на продукцию промышленности⁵⁰. Раньше ВСНХ противодействовал любым намекам на снижение оптовых цен в отсутствие какого-либо снижения розничных цен⁵¹; о том, что такая перспектива по-прежнему рассматривалась без особого энтузиазма, свидетельствовала речь В. В. Куйбышева на состоявшемся тогда же VII съезде профсоюзов СССР. Куйбышев, признававший обуздание оптовых цен на промышленную продукцию в качестве стимула к рационализации и снижению издержек, отвергал идею всеобъемлющего снижения цен, подобного предпринятому осенью 1923 г., и подчеркивал, что «пересмотр отпускных цен должен быть поставлен в зависимость от реального поворота в деле снижения розничных цен»⁵². Передовица в «Правде» от 9 января 1927 г. описывала снижение цен как первое условие построения социализма; вопрос о ценах был ведущим на Пленуме ЦК ВКП(б), открывшемся 3 февраля 1927 г.⁵³; эта политика была подробно разъяснена А. И. Микояном в его статье в журнале «Большевик», озаглавленной «Центральная ось современной хозяйственной политики». Он отмечал, что «по сравнению с первыми годами НЭПа мы поднялись по лестнице строительства экономической базы социализма на несколько ступеней выше». Решающую роль в определении цен играл уже не рынок, а «организованный сектор» народного хозяйства. Однако «изменение в соотношении цен» в пользу сельского хозяйства должно было стать существенным, если ставится задача сохранения смычки с крестьянином⁵⁴. Перед ЦК с докладами выступили А. И. Микоян и В. В. Куйбышев, представлявшие Наркомторг и ВСНХ соответственно. Оппозиция была лишена возможности выступить с предложением какой-либо альтернативной политики и проявила себя с худшей стороны. По-видимому, она обещала свое сотрудничество в политике снижения цен, однако Л. Д. Троцкий разъяснил, что оппозиция сомневается, дойдет ли до потребителя снижение *целиком* в том значительном объеме, какой был предложен Политбюро⁵⁵. К. И. Николаева, переметнувшийся член оппозиции, назвала речи лидеров оппозиции «туманными» и «двусмысленными» и объяснила, что она и, по ее заявлению, некоторые другие члены оппозиции никогда не разделяли стремления Преображенского к повышению оптовых цен⁵⁶. Резолюция «О снижении оптовых и розничных цен», принятая единогласно, отмечала: несмотря на то что на протяжении истекшего года партия на хозяйственном фронте добилась ряда крупнейших успехов, одно из основных заданий, поставленных партией, — снижение розничных цен на промышленные товары —

осталось невыполненным; апрельский Пленум Центрального Комитета и постановление СТО от 2 июля 1926 г. о снижении розничных цен на недостаточные промтовары на 10% «...оказались выполненными в далеко не достаточной степени». Нападакам подвергались «ножницы» оптово-розничных цен, и предлагалось предприятиям государственной и кооперативной торговли сократить издержки обращения не менее чем на 15%. Решение этой новой задачи не могло быть, однако, исчерпано только снижением розничных цен за счет товаропроводящей сети. Снижение отпускных цен промышленности становилось своевременным и совершенно необходимым мероприятием. Точка зрения, что «интересы накопления и темпа индустриализации диктуют политику высоких промышленных цен», была признана «абсолютно ошибочной и несостоятельной». В резолюции политика цен называется «узловым пунктом всей хозяйственной политики Советского государства», определяющей темпы развития промышленности, сельскохозяйственного производства, «социалистического накопления», рамки ограничения частнокапиталистического накопления, всю валютную политику Советского государства и реальный уровень заработной платы рабочего. Призывалось необходимым снижение «розничных цен» на 10% по всем промышленным товарам к 1 июня 1927 г. против уровня 1 января этого же года⁵⁷.

Решения партии были сразу же переведены на законодательную основу. Далеко идущее постановление СТО от 16 февраля 1927 г. требовало от Наркомторга в двухмесячный срок снизить розничные цены на промышленные товары во всех подразделениях государственной и кооперативной торговли; также в двухмесячный срок установить максимальную процентную норму прибыли по таким товарам; расширить систему установления и обнародования «этикетных» цен на все основные группы товаров; обязать государственные фабрики и заводы продавать товар частному торговцу только в том случае, «если он обязуется продавать его по строго установленным... ценам», и запретить продажу дефицитных товаров частным торговцам⁵⁸. Несколькими днями позже А. И. Микоян на заседании сессии ЦИК СССР говорил, что «вопросы рынка и политики цен в данное время совершенно естественно заняли центральное место в нашей хозяйственной политике» и что, если ставится задача расширения сельскохозяйственного производства, необходимо снизить цены на промышленные товары⁵⁹. Был издан закон, отмечавший с удовлетворением, что цены на керосин и сельскохозяйственные орудия доведены до предвоенного уровня, и требовавший уделения внимания снижению цен на товары массового крестьянского потребления, такие, как кожаные изделия, металлоизделия и соль⁶⁰.

Споры с оппозицией по вопросу о ценах все еще продолжались. После закрытия Пленума ЦК ВКП(б) газета «Правда» осмеяла лидеров оппозиции, проголосовавших за политику, противоположную той, которую они до того времени отстаивали, и

объявила такой подход «политической спекуляцией, недостойной большевиков»⁶¹; это заставило оппозицию направить письмо с протестом в Политбюро и ЦКК. Л. Д. Троцкий в неопубликованной памятной записке несколькими днями позже признавал, что снижение цен на промышленные товары стало «тактически настоятельным», чтобы рассеять разочарование как крестьян, так и всех, кто живет на заработную плату; однако этого удастся добиться только путем ускоренного промышленного развития и увеличения капиталовложений в промышленность⁶². Вместе с тем опубликованные лидерами оппозиции статьи в прессе сняли требование о повышении оптовых цен и критиковали власти лишь за их неоправданный оптимизм и за неспособность преодолеть «товарный голод» и добиться снижения розничных цен⁶³. Опубликованная в мае 1927 г. «декларация 83-х» содержала жалобу, что хотя оппозиция и проголосовала за снижение цен на февральском Пленуме ЦК ВКП(б), но официальная пропаганда упорно заявляет, что оппозиция выступает против; в декларации указывалось также, что снижение цен осуществляется «лишь в крайне малых масштабах»⁶⁴.

Тем временем редакционная статья в мартовском (1927 г.) номере журнала ЦК ВКП(б) призывала домохозяек и прочих к массовой кампании за снижение розничных цен на товары широкого потребления, а ЦК ВКП(б) принял резолюцию, имевшую тот же смысл⁶⁵. Состоявшийся в апреле 1927 г. IV Всесоюзный съезд Советов отмечал «огромное значение систематической работы по снижению цен на промышленные товары», которая должна была проводиться как «путем рационализации товаропроводящей сети и удешевления стоимости услуг торгового аппарата, так и путем неуклонного уменьшения фабрично-заводской себестоимости промышленной продукции»⁶⁶. ВЦСПС выпустил обращение с призывом к снижению цен⁶⁷, а ЦК ВКП(б) развернул пропаганду рационализации и снижения цен, которая должна была осуществляться партшколами и отделами агитпропа партийных комитетов на местах⁶⁸. В мае—июне 1927 г. Наркомторг организовал «массовое обследование розничной торговли», в котором участвовали «десятки тысяч» людей и которое превратилось в общественную кампанию за снижение цен. На первых этапах кампании некоторые государственные и кооперативные организации противодействовали снижению цен. Это вызвало юридические и административные меры против ответственных за такие действия лиц; отмечалось, что такие «репрессивные меры» особенно участились на Украине⁶⁹. Высокие цены и нехватки все еще пытались отнести на счет спекуляций частных торговцев, которые скупали дефицитные товары для перепродажи; «Торгово-промышленная газета» сообщала, что ОГПУ провело эффективную операцию против спекулянтов в ГУМе, и делала вывод, *«что путем репрессий можно в значительной мере ограничить работу скупщиков»*⁷⁰.

В период с 1 января по 1 октября 1927 г. благодаря этим усилиям розничные цены на промышленные товары упали в государственной и кооперативной торговле на 7%, а свободнорыночные цены — на 6% ⁷¹. На июльском (1927 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) вопросы цен не были центральной темой. Отмечая достигнутые успехи в области снижения розничных цен на промтовары, объединенный Пленум ЦК и ЦКК со всей решительностью отвергал предложения о «повышении или сохранении на одном уровне отпускных цен промышленности и розничных цен» ⁷². Заслушав доклад А. И. Микояна, СТО с осторожным удовлетворением резюмировал летнюю кампанию по снижению розничных цен ⁷³. С другой стороны, М. И. Фрумкин в статье в «Правде» от 8 сентября 1927 г. обращал внимание на широкое расхождение между ценами зернозаготовок и розничными ценами на промышленные товары, а В. В. Куйбышев на сессии ЦИК СССР в октябре 1927 г. уверенно призывал к «максимальному сокращению ножиц цен» ⁷⁴. Составители контрольных цифр Госплана СССР на 1927/28 хоз. г. писали о том, что «крупнейшим успехом истекающего года явился резкий перелом в направлении снижения промышленных, особенно розничных, цен», и, хотя в их позитивных рекомендациях столь преувеличенные восторги отражения не нашли, они тем не менее планировали дальнейшее снижение оптовых цен на сельскохозяйственную продукцию на 5,2% и на промышленную продукцию — на 4,5%. В отношении розничных цен они полагали, что первая половина предстоявшего года должна обеспечить «закрепление... достижений в области снижения цен на предметы широкого потребления с дальнейшим снижением цен на эти товары лишь по выяснении состояния рынка примерно в третьем квартале» ⁷⁵. В результате снижения розничных цен на промышленные товары официальный индекс сельскохозяйственно-промышленных «ножиц» цен давал в последней части 1927 г. вполне убедительную картину. Их соотношение снизилось со 160 в декабре 1926 г. до 145 в апреле 1927 г. и 135 к январю 1928 г. ⁷⁶

Однако это выглядевшее убедительно на бумаге улучшение положения в действительности было почти полной иллюзией. Успех кампании по снижению цен никак не расширил реальные возможности крестьянина или промышленного рабочего покупать промышленные потребительские товары, поскольку сопровождался теперь уже хроническим дефицитом этих товаров как в городе, так и в деревне. Платформа оппозиции от сентября 1927 г. продолжала подчеркивать существование «ножиц» цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию как главный фактор, вызывавший недовольство крестьянства ⁷⁷, и Я. А. Яковлев в подготовленном к XV съезду ВКП(б) докладе описывал «соотношение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары» как «фактор, который в большой мере определяет темпы

и направления развития сельского хозяйства»⁷⁸. Однако эта констатация упускала из виду один, ставший теперь кардинальным, аспект невозможности предоставления потребителю товаров в достаточном количестве по преysкурантным ценам. Собранный в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) был посвящен главным образом чествованию достижений режима и изгнанию оппозиционных клеветников и не собирался что-либо говорить о политике цен как таковой. В своем докладе И. В. Сталин сожалел о... чрезвычайно медленном темпе снижения себестоимости в промышленности, отпускных цен на промышленные товары и, особенно, розничных цен на городские товары»⁷⁹. Микоян предостерегал своих слушателей, что «...товарный голод в текущем году против прошлого года не ослабится, а даже несколько может усилиться»⁸⁰. В резолюции XV съезда КПСС по составлению пятилетнего плана народного хозяйства признавалось существование «...диспропорций между промышленностью и сельским хозяйством», однако было отвергнуто как «...повышение промышленных цен (метод оппозиции, пропагандировавшийся ею до самого последнего времени), так и *снижение сельскохозяйственных цен*». «Единственно правильным путем изживания вышеуказанных диспропорций является путь понижения себестоимости промышленной продукции на основе энергично проводимой рационализации индустрии и ее расширения, следовательно, на основе политики снижения промышленных цен» и «повышения покупательной способности червонца»⁸¹. Когда в ноябре 1927 г. как мера экономии были распущены центральные, республиканские и местные комиссии по снижению розничных цен, а их функции переданы союзному и республиканским наркомторгам и их агентствам⁸², можно уже было говорить, что это ознаменовало конец кампании, прекращенной как проигранная. В качестве попытки сочетания движения за индустриализацию со смыканием «ножниц» между ценами на промышленную и сельскохозяйственную продукцию и с повышением уровня жизни и в городе и в деревне кампания снижения цен провалилась; последующим трем-четырем годам предстояло стать периодом роста цен из-за давления, оказывавшегося индустриализацией. Значение кампании 1927 года заключается скорее в вызванном ею резком усилении административного планирования цен и контроля над рынком.

Возникшая осенью 1927 г. обстановка благодушная, которой способствовали тактические особенности борьбы с оппозицией, просуществовала недолго. Когда 1927 г. закончился, вопросы политики цен, столь долго занимавшие внимание партийных и государственных деятелей и ставившие их в тупик, приобрели иные формы или же слились с более настоятельными и более конкретными проблемами — кризисом зернозаготовок, вопросами темпов индустриализации и нарастающей денежной инфляции. По мере того как наступление плановых принципов незаметно подрывало основы НЭПа, уровень цен — один из важнейших столпов, на ко-

торых покоился НЭП, — уже больше не выступал в качестве независимого или автономного понятия, определяющего очертания экономики. Решения плановиков диктовались уже не ценами, что пытались еще отстаивать правоверные экономисты из Наркомфина. Плановики стали прибегать к ценовому диктату лишь в самом крайнем случае⁸³. Однако такой подход проводил в замешательство не только экономистов, воспитанных в дореволюционных традициях, но и всех, кто всецело поверил в НЭП, и его усвоение происходило с трудом. Возникшая дилемма получила объяснение в статье, опубликованной госплановским журналом весной 1928 г.: «...цена есть фокус народнохозяйственных отношений, в котором мы находим отображение сдвигов, происходящих в области производительности труда и завоеваний человека в его упорной борьбе за подчинение себе материи и ее энергетических проявлений». В то же самое время все плановые расчеты предполагалось вести в постоянных ценах; в противном случае план был бы фальсифицированным⁸⁴. Функция цены в плановой экономике еще долгое время оставалась печально известным камнем преткновения в советской экономической мысли.

Зима 1927/28 г., зима кризиса зернозаготовок, принесла с собой проблему соотношения между ценами, установленными государством и частным рынком. С момента, когда фиксирование цен стало общепринятой политикой, официальные цены твердо соблюдались только в государственных и кооперативных магазинах, а частниками товары продавались по несколько более высоким ценам. По имеющимся оценкам, в 1923/24 хоз. г. частнорыночные цены превышали официальные на 3%, в 1924/25 хоз. г. — на 7,2, в 1925/26 хоз. г. — на 10,4%⁸⁵. За период с октября 1925 г. до января 1927 г. цены промышленных товаров на частном рынке выросли на 9%, так что разрыв между ценами на них в частном и обобществленном секторах вырос до 21%⁸⁶. В 1927 г. в условиях роста дефицита как продовольствия, так и промышленных потребительских товаров и усиления официального давления в стремлении сдерживать розничные цены перед лицом начинавшейся (хотя еще игнорировавшейся официально) денежной инфляции предпринимались определенные усилия по подчинению цен на частном рынке эффективному контролю. На февральском (1927 г.) пленуме ЦК ВКП(б) А. И. Микоян обратил внимание на чрезмерно высокие нормы прибыли частного торговца; в губернских городах хлопчатобумажные изделия продавались кооперативами на 15% выше оптовых цен, а частными торговцами — выше на 73%⁸⁷. Принятая ЦК ВКП(б) резолюция требовала, чтобы частные торговцы обязались продавать товары по официальным розничным ценам, что указывалось в качестве условия для их снабжения обобществленной промышленностью⁸⁸, и сообщалось, что в период между январем и октябрём 1927 г. цены на промышленные товары в частном секторе упали примерно в той же степени; что и цены в обобществленном секторе⁸⁹. Однако они все

же оставались значительно выше, чем в обобщественном секторе; кампания по снижению издержек товаросопроводительного аппарата также привлекла внимание к гораздо более высокой норме прибыли в частной торговле⁹⁰. Отмечалось, что к концу года кооперативные цены были все же на 20—22% ниже, чем у частного торговца⁹¹. Снижение официальных цен означало, что такие дефицитные товары, как мыло и чай, почти исчезли из государственных и кооперативных магазинов и их можно было купить лишь на частном рынке, где цены оставались неизменными или поднимались в ответ на повышение спроса⁹². Тем не менее было очевидно, что государство преуспело в установлении значительной доли контроля над быстросокращавшейся частной торговлей промышленными товарами. К октябрю 1928 г. индекс розничных цен промышленных товаров в частном секторе оставался на уровне всего лишь 247 в сравнении с 235 в октябре 1927 г., и даже к январю 1929 г. он поднялся только до 254⁹³.

Проблема с сельскохозяйственной продукцией была гораздо более серьезной. Здесь после 1927 г. появилась на практике система двойных цен, согласно которой официальным ценам, установленным государством в ответ на возникновение экстренных ситуаций в политике или подсчеты плановиков, противостояли колебавшиеся в широких пределах «свободные», или «частные», цены, диктовавшиеся рынком. Конфликт между плановиками и частным рынком отражал «столкновение» интересов между промышленностью и сельским хозяйством⁹⁴. Частный рынок платил более высокие цены, чем официальные заготовительные конторы, за сельскохозяйственные продукты, и это позволяло крестьянину противостоять требованиям поборников индустриализации. За период с октября 1927 г. по июль 1928 г. индекс розничных сельскохозяйственных цен в частном секторе вырос с 215 до 293⁹⁵. Частного торговца все более открыто выставляли как партнера или союзника кулака. На протяжении 1928 г. официальная политика цен оставалась хаотично колебавшейся из стороны в сторону. Основной причиной зернозаготовительного кризиса, который доминировал во всей экономической мысли первых месяцев года, явилась, видимо, диспропорция между предложением промышленных товаров деревне и спросом крестьянства на эти товары. Несколько путаная и создававшая впечатление замешательства статья в наркомторговом журнале объясняла, что равновесия теоретически можно было бы добиться либо снижением сельскохозяйственных цен, либо повышением цен на промышленную продукцию. Однако эти пути сокращения покупательной способности крестьянина были отвергнуты как неосуществимые, и делался вывод, что обеспечение деревни промышленными товарами должно улучшаться в результате обуздания заработной платы в промышленности (с ограничением тем самым городского спроса) или же с помощью «дальнейшего форсирования легкой индустрии»⁹⁶. Между тем эти предложения были в равной мере неприемлемы-

ми, но никто больше ничего не предлагал. Кампания, проводившаяся под общим лозунгом снижения цен⁹⁷, завела в тупик.

Следующей вехой явилась острая дискуссия по вопросу цен, разгоревшаяся на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), когда поборники ускоренной индустриализации, теперь осторожно поддержанные Сталиным, пошли на прямое столкновение с группой, возглавлявшейся Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым, которые все еще считали необходимым добиваться умиротворения крестьянина. Постановление Совнаркома от 19 июля 1928 г., явившееся воплощением компромисса, достигнутого в ЦК, предусматривало существенное повышение официальных цен на зерно⁹⁸. По предложению А. И. Микояна Совнарком и СТО Постановлением от 7 августа 1928 г. поручили Наркомторгу ввести новые цены в действие с 15 августа 1928 г.⁹⁹ Разъяснялось, что цель повышения заключалась в сокращении разрыва между официальными и свободнорыночными ценами и оказании помощи в борьбе со «спекулятивными, дутыми ценами» рынка¹⁰⁰. Фактически это было вынужденной мерой, диктовавшейся невозможностью выжимать зерно из крестьянина в значительных количествах по действовавшим официальным ценам. Однако и эта мера не смогла подавить упорное функционирование свободного рынка. Подъем свободнорыночных цен на зерно возобновился в сентябре и продолжался в дальнейшем без каких-либо спадов, колеблясь по величине темпов в зависимости от дефицита поставок в том или ином регионе. В декабре 1928 г. свободнорыночные цены на рожь и пшеницу на Украине превышали официальные, соответственно на 27 и 44%, в районах Средней Волги — на 48 и 22, в районах Урала — на 42 и 30%¹⁰¹. В Смоленской губернии инфляция цен на сельскохозяйственную продукцию позволила частному торговцу монополизировать рынок; ржаная мука на свободном рынке в 1928/29 хоз. г. вздорожала почти в три раза по сравнению с ценами предыдущего года, а цена на пшеничную муку почти удвоилась. В партийном отчете, представившем эти подробности, нравоучительно отмечалось: «Высокая доля влияния частного рынка в снабжении сельскохозяйственной группой товаров, и ножницы между ценами потребкооперации и ценами на свободном рынке, которые особенно проявились за последнее время, свидетельствуют о том факте, что рабочие кооперативы не в состоянии выполнять возложенную на них задачу сохранения реального уровня заработной платы»¹⁰².

Отмечалось, что в 1928/29 хоз. г. цены на зерно, выплачивавшиеся официальными заготовительными конторами, поднялись на 19,6%, причем цены на пшеницу выросли на 19,5, а на рожь — на 21,5%. Однако 23% продаваемого зерна приобреталось частными торговцами по ценам в 2—3 раза более высоким, чем официальные¹⁰³. Индекс розничных цен на сельскохозяйственную продукцию в частном секторе устойчиво рос с 293 в июле 1928 г. до 381 в апреле и 450 в июле 1929 г.; на протяжении этого периода быстро увеличивался разрыв между ценами в обобщественном и

частном секторах¹⁰⁴. Рост сельскохозяйственных цен привел к продолжению начавшегося в 1927 г. процесса частичного смыкания сельскохозяйственно-промышленных «ножниц» цен: соотношение между ними упало до 127 в октябре 1928 г.¹⁰⁵ Однако сравнительно более благоприятные цены, по которым крестьянин в теории мог бы приобретать промышленные товары, теряли смысл в связи с продолжавшейся их нехваткой. А. И. Микоян продемонстрировал вполне реалистичную оценку сложившейся ситуации, когда на июльском (1928 г.) Пленуме ВКП(б) заметил, что «ножницы останутся надолго, сомкнуть их невозможно»¹⁰⁶.

Таким образом, политика цен зимой 1928/29 г. привела к возникновению парадоксальной ситуации. Был установлен эффективный контроль над оптовыми и розничными ценами на промышленную продукцию. В связи с этим С. Г. Струмилин мог вполне убежденно заявлять, что экономика больше не повязана законами рынка: «Мы уже ныне практически регулируем и рыночные цены и связанные с ними неразрывной цепью нормы накопления»¹⁰⁷. В рамках государственного сектора цены можно было держать постоянными для упрощения плановых расчетов или менять, чтобы способствовать переносу финансовых ресурсов из одной части государственного сектора в другую. Но в отношении сельскохозяйственных цен о таком успехе говорить было невозможно. Контроль над ценами в государственном секторе сопровождался резким ростом цен сельскохозяйственной продукции на частном рынке и растущей нехваткой продовольствия в городах и промышленных товаров в городе и деревне. Рыночные отношения между городом и деревней оказались разрушенными. Государство было вынуждено ввести нормирование на городском рынке и принимать административные меры с нарастающей жесткостью в попытке сохранить в городах даже ограниченное снабжение продовольствием. Перед лицом хронического и жестокого продовольственного дефицита и растущей инфляции заложенное в основу кампании 1927 г. по снижению цен допущение, что снижение цен усилит смычку с крестьянством и повысит уровень жизни в городах, ушло в далекое прошлое. Хотя в выдвигавшихся друг за другом в 1928 и 1929 гг. проектах пятилетнего плана сохранялась оптимистическая точка зрения, что розничные цены можно было бы резко снизить¹⁰⁸, текущая хозяйственная политика была более реалистичной. Выдвинутые летом 1927 г. предложения по снижению оптовых цен на промышленную продукцию были молчаливо сняты¹⁰⁹. Составители контрольных цифр Госплана СССР на 1928/29 хоз. г. были вынуждены осенью 1928 г. признать, что «курс на снижение цен не может быть реализован». На предстоявший год их весьма умеренными целями было снижение оптовых цен в среднем на 1,1% (0% для потребительских товаров и 3% для средств производства), а также намечалась «стабильность розничных цен на промтовары и на сельскохозяйственные товары»¹¹⁰. Теперь в их настроении просматривалась покорность и появилось стремление

вообще задвинуть куда-нибудь подальше запутанные вопросы политики цен, настаивая лишь на том, что государство не должно отказываться от своих мер контроля над ценами. Когда на заседании ЦК ВКП (б) в апреле 1929 г. Н. И. Бухарин описал политику большинства как попытку «перепрыгнуть через» НЭП, И. В. Сталин заявил, что «НЭП вовсе не означает... *свободной* игры цен на рынке», и обвинил Бухарина в стремлении навязать «допущение свободной игры цен на рынке и повышение цен на хлеб»¹¹¹. Когда в том же месяце началась работа XVI партийной конференции, общий рост сельскохозяйственных цен и нехватка промышленных товаров и продукции сельского хозяйства уже стали общепризнанными фактами и обсуждение вопроса об ответственности мало что могло бы дать. Лишь докладчик от Центросоюза жаловался, что «все ставилось в вину торгующим организациям и, в частности, потребительской кооперации», и отмечал, что повышение официальных цен не оставляло кооперации никакой другой возможности, кроме повышения своих цен¹¹².

ПОТРЕБЛЕНИЕ И НОРМИРОВАНИЕ

На протяжении 1923—1926 гг. уровень жизни устойчиво повышался по всему Советскому Союзу. Крестьяне, хотя и находились на уровне простого поддержания своего существования, что ставило их в прямую зависимость от любых капризов природы и стихийных бедствий, уже избежали непосредственной угрозы голода, и в города направлялись поставки, достаточные для обеспечения всех насущных жизненных потребностей. Официальную статистику среднего потребления продовольствия на душу населения, публиковавшуюся в те годы, никак нельзя назвать более чем грубыми оценками, но и они давали довольно честную, видимо, общую картину. Потребление зерновых продуктов на душу населения достигло пикового значения в середине 20-х годов, а затем начало снижаться. Сельский житель потреблял гораздо большие количества хлеба и молочных продуктов, чем горожанин; с другой стороны, городской житель потреблял больше сахара и мяса. В городах семьи рабочих потребляли больше хлеба, чем семьи служащих; в свою очередь служащие потребляли больше сахара, мяса и молочных продуктов. Однако все группы населения до 1927 г. устойчиво и существенно повышали свою норму потребления мяса, молочных продуктов и сахара¹. Представляется вполне возможным, что к 1926 г. как городские рабочие (а fortiori* служащие), так и крестьяне питались лучше, чем до революции, хотя некоторые из делавшихся тогда заявлений были явным преувеличением. Обследование 130 тыс. московских рабочих, проведенное где-то между 1924 и 1927 гг., показало, что показатели среднего роста, окружности грудной клетки и веса, особенно у молодых рабочих, были существенно выше, чем до революции². Опубликованные статистические данные демонстрировали, что в октябре 1926 г. крестьяне в потребляющей зоне потребляли 98%, а в производящей зоне — 96% предреволюционной нормы потре-

* A fortiori (лат.) — особенно, в первую очередь.

ния зерна³; однако они в определенной степени были вынуждены заменить хлеб более ценными пищевыми продуктами. Летом 1927 г. С. Г. Струмилин критиковал мнение, что из-за «ножниц» цен жизнь крестьянина стала хуже, чем в предвоенное время: «...Уровень благосостояния трудящихся масс в городе и деревне уже превзошел довоенный. И если в отношении деревни это еще оспаривается, то через год-два и здесь всякие споры станут уже невозможными»⁴.

Хлеб, несмотря на частичное замещение другими пищевыми продуктами, оставался основой рациона питания как крестьян, так и рабочих; Москва при населении чуть более двух пятых населения Берлина потребляла хлеба больше⁵. При медленном, но устойчивом росте душевого потребления хлеба быстро растущая численность населения означала значительное увеличение общего потребления зерна, особенно в крупных городах. Было подсчитано, что потребление зерна в городах выросло с 4713,3 тыс. т в 1924/25 хоз. г. до 5367,8 тыс. т. в 1925/26 хоз. г. и 5944,4 тыс. т в 1926/27 хоз. г.⁶ Поразительной особенностью 20-х годов явилось постепенное замещение ржаного хлеба пшеничным в качестве основного потребляемого продукта, особенно в городах при соответствующем падении потребления ржаной муки⁷. В начале 1928 г. И. П. Очаковский отмечал, что потребность в пшенице растет в «ужасающей прогрессии» и что даже крестьянин желает есть «не кислый ржаной хлеб, а сладкий пшеничный»⁸. В конце 20-х годов ржаной хлеб, пища беднейшей части населения, продавался в убыток, который покрывался прибылями от пшеничного хлеба⁹.

Начиная с 1927 г. подробная статистика потребления, видимо, уже не публиковалась, а общая ситуация стала ухудшаться. Спад зернозаготовок и сосредоточение усилий промышленности и капиталовложений на отраслях производства средств производства ограничили объем поставок, направлявшихся на потребление. Быстрый рост численности городского населения и повышение покупательной способности как в городах, так и на селе способствовали усилению спроса, так что нехватки, которые НЭП никогда не мог полностью преодолеть, возобновились с особой остротой. На XV партийной конференции в октябре 1926 г. сообщалось о «масляном кризисе» в Москве¹⁰. Однако тот факт, что временная нехватка какого-то одного пищевого продукта заслуживала упоминания, говорил пока об исключительном характере явления. Тем не менее относительно удовлетворительное состояние дел вскоре подошло к концу. Поворотной точкой, по-видимому, явилась тревога, вызванная разрывом дипломатических отношений с Великобританией и стихийными бедствиями в Китае весной 1927 г.¹¹ В мае-июне 1927 г. начали появляться серьезные признаки напряжения. В районах Волги и Северного Кавказа и в Казахстане свободнорыночные цены резко подскочили над уровнем официальных цен¹². Приблизительно тогда же после длительно-

го перерыва стали проявляться симптомы общего дефицита в продовольственных магазинах Москвы и других крупных городов¹³. К осени 1927 г. нехватки в городах стали широко распространенным и хроническим явлением. Один из авторов в издававшейся ВСНХ газете, говоря главным образом о текстиле и других изделиях обработки, описывал, как в магазинах собирались группы людей, обсуждавших дефицит и вспоминаявших голодные годы и ходивших из магазина в магазин в поисках дефицитных товаров, что усугубляло впечатление кризиса¹⁴. В Москве невозможно стало купить масло, сыр и молоко, по крайней мере по ценам, которые большинство людей могли себе позволить, а снабжение хлебом стало нерегулярным¹⁵. В московской газете по поводу нехватки муки, мяса и масла появились обвинения «различных трестов и органов торговли» в неспособности распределить поставки¹⁶. Однако на вершине напряжения борьбы с оппозицией старались тщательно избегать какого-либо обнародования этих нелицеприятных фактов. Так, на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. А. И. Рыков признавал дефицит муки лишь «в отдельных случаях»¹⁷.

Провал зернозаготовительной кампании зимой 1927/28 г. углубил кризис и создал откровенную угрозу самых худших лишений. Сообщалось, что в феврале 1928 г. в Москве не было масла, чая, мыла и пшеничной муки; продавался только «серый» хлеб¹⁸. В марте 1928 г. возникла нехватка зерна в хлопкопроизводящих районах Средней Азии, которые зависели от поставок зерна из европейской части страны¹⁹. Л. Д. Троцкий писал 5 мая 1928 г. из Алма-Аты, что цена пуда пшеничной муки, которая со времени его приезда в январе держалась на уровне 8—10 руб., внезапно подскочила до 25 руб.; несколькими неделями позже один из состоявших с ним в переписке сообщал из Барнаула, что хлебные очереди «вошли в привычку», что по хлебным карточкам выдавалось 10 кг хлеба в месяц и что масла не было уже два месяца²⁰. Где-то между апрелем и июнем 1928 г. ограничивать обеспечение потребителей хлебом начала и кооперация²¹. Розничные цены свободного рынка на сельскохозяйственные продукты, которые медленно поднимались в течение зимы, очень резко пошли вверх в апреле-мае и к 1 июля 1928 г. на 60% превысили официальный уровень²². На заседании ЦК ВКП(б) в июле 1928 г. Н. И. Бухарин говорил о «прискорбных симптомах недопотребления в целом ряде районов»²³, а резолюция пленума признала «...образование «хвостов» и частичное введение карточек на хлеб в ряде мест»²⁴. А. И. Микоян оправдывал нормирование как путь разграничения между трудящимися и нэпманами: «Почему мы должны снабжать все 100% населения? Почему мы должны снабжать нэпмана? Простейший путь — установить норму, ввести карточки»²⁵. С другой стороны, на заседании президиума ВЦСПС М. П. Томский заявлял, что основной причиной спада трудовой дисциплины летом 1928 г. явился хлебный кризис: «На многих

предприятиях в связи с хлебным дефицитом усилилась необходимость стоять в очередях, широко распространилось «мешочничество», прогулы, опоздания на работу, преждевременный уход с работы... Ситуация с хлебом несомненно отрицательно повлияла на выполнение программы, а также на взаимоотношения между трудящимися и хозяйственными, профсоюзными и партийными органами»²⁶.

Эти нараставшие нехватки явились предвестником того, что должно было произойти. Контрольные цифры Госплана СССР на 1928/29 хоз. г., составленные в конце лета 1928 г., призывали к разработке и строжайшему проведению в жизнь «твердого плана хлебоснабжения, построенного на началах некоторого ограничения и рационализации потребления», и указывали, что необходимы «жесткое ограничение высоких переделов на протяжении всего года, подмешивание кукурузы и ячменя, нормализация потребления хлеба в местах общественного питания и целый ряд других мероприятий в этом направлении»²⁷. В Ленинграде в октябре 1928 г. «черно-серый» хлеб, содержащий 40% ржи, продавался как белый²⁸. Близ Нижнего Новгорода весной 1929 г. крестьяне ели хлеб с примесью мякины²⁹. Снабжение картофелем осуществлялось сельскохозяйственными заготовительными конторами, но, по словам А. И. Микояна, эта работа велась «наугад, каждая из них действовала на свой страх и риск, конкурируя с другими» (т. е. фиксированные цены введены не были); за пуд картофеля платили 1½ — 2 руб. (в сравнении с одним рублем за пуд ржи). Даже по такой цене поставки зимой 1928/29 г. были недостаточными для удовлетворения потребностей Москвы, Ленинграда и Донбасса³⁰.

Первое постановление о введении карточек (заборных книжек) в Ленинграде было издано Ленсоветом в ноябре 1928 г. Соответствующее постановление для Москвы появилось спустя еще три месяца. На заседании Моссовета в декабре 1928 г. заместитель председателя пытался оправдать временные «нарушения» снабжения хлебом, а В. М. Молотов обещал, что в предстоящий год суточная хлебная норма для населения Москвы будет доведена до 700 г хлеба на человека, при норме за прошедший год всего лишь 600 г³¹. Постановление Моссовета о нормировании в Москве было окончательно издано 21 февраля 1929 г. В соответствии с ним обеспечиваемое карточками население было поделено на четыре категории в порядке убывания преимущественных прав: 1) рабочие (т. е. промышленные рабочие), являвшиеся пайщиками потребкооперации; 2) рабочие, не состоявшие в потребкооперации; 3) прочие трудящиеся, являвшиеся пайщиками потребкооперации и 4) трудящиеся, не состоявшие в потребкооперации. У пайщиков потребкооперации были карточки розового цвета, у прочих трудящихся — голубые; книжки рабочих имели специальные пометки. Лица, лишённые избирательных прав, заборных книжек не получали. Одновременно было объявлено о неминуемом введении

хлебного нормирования в «ряде провышенных центров и районов потребляющей полосы»³². Была предпринята попытка ослабить возникавшие лишения и предоставить преимущественные льготы тем, чья служба считалась наиболее важной, путем создания «закрытых кооперативов» и «закрытых магазинов», доступных лишь работавшим на определенных заводах или в учреждениях³³. В передовице в «Правде» была сделана попытка изобразить происходящее в правильной перспективе. Хотя заготовки зерна в январе не были выполнены в нужном объеме из-за «инерции», было бы ошибкой объяснять принятое решение только этой неудачей. Три года назад в Москве было потреблено 220 тыс. т ржаной муки, два года назад — 239 тыс. и в 1928 г. — 268 тыс. т; в 1929 г. спрос мог запросто превысить 300 тыс. т. Этот рост потребления произошел по двум причинам: из-за прироста численности населения города и из-за повышения благосостояния, что отразилось на росте личного потребления. Хлебные карточки необходимы в интересах самих трудящихся. Неработающие карточек не получают и должны будут покупать хлеб на свободном рынке по вздутым ценам³⁴.

Продажа хлеба по карточкам началась в Москве 17 марта 1929 г.; предусматривался талон на каждый день, но количество, которое по нему удавалось получить, колебалось в зависимости от состояния хлебоснабжения³⁵. Вначале система не пошла дальше небольшого числа крупных городов и промышленных центров; остальная страна вынуждена была обходиться местным снабжением. В потребляющей полосе была, очевидно, предпринята попытка снабжать крестьян-бедняков хлебом по карточкам³⁶. Однако имеются сомнения, что из этого что-нибудь получилось. В апреле 1929 г. на многочисленные вопросы с мест на заседании Московского губернского съезда Советов А. И. Рыков ответил так: «В этом году обеспечить потребности в хлебе всего населения нашего Союза мы из наших государственных и кооперативных заготовок не сможем... В отдельных районах потребности в хлебе в текущем году полностью не будут удовлетворены»³⁷. В западных районах промышленный рабочий был ограничен 600 г хлеба в сутки плюс еще 300 г на каждого члена его семьи, и от 200 г до 1 л растительного масла в месяц — «и то не каждый месяц». Чай, хлопчатобумажные ткани, нитки и кожаные изделия — все было в дефиците³⁸. Осторожно заявлялось, что общее потребление продовольствия в городах в 1928/29 хоз. г. выросло, хотя из-за роста численности населения душевное потребление, особенно хлеба, овощей и масла, снизилось. Во втором квартале 1929 г. положение ухудшилось, но в последующий квартал немного улучшилось³⁹. В. М. Молотов поздравил себя с тем, что благодаря своевременному введению хлебных карточек отпала необходимость снова, как и в предшествовавшем году, прибегнуть к импорту зерна⁴⁰. Однако провал кампании заготовок зерна означал, что народ голодал и потуже затянул пояса. Как отмечал один

из авторов статьи в госплановском журнале, финансирование пятилетнего плана «выглядит как стальной обруч на потреблении»⁴¹. Весной 1929 г. нормирование было распространено на сахар и чай; позже к ним были добавлены мясо, молочные продукты и картофель⁴². К лету 1929 г. острый дефицит продовольствия стал хроническим и всеобщим⁴³.

ГЛАВА 28

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Перед советской внешней торговлей стояли те же цели, что и перед хозяйственной системой в целом. На протяжении первых четырех лет НЭПа восстановление внешней торговли, подобно возрождению промышленности, не было обусловлено проведением в жизнь какого-либо сознательного стремления прорываться в новых направлениях. Однако восстановление внешнеторговых отношений оказалось особенно трудной задачей. Контроль в области внешней торговли был гораздо более полным, чем та форма контроля, которую ВСНХ проводил в отношении промышленности. Вместе с тем в 1926 г., когда объем промышленного производства в СССР достиг предвоенного уровня, а объем сельскохозяйственного производства к нему приближался, внешняя торговля от него намного отстала. Мировая торговля в том году возвратилась к своим предвоенным масштабам, а объем европейской торговли достиг 87% своего прежнего уровня. Объем советской внешней торговли составлял всего лишь 32%, а с учетом территорий, утраченных после 1917 г., 40% предвоенного уровня; это означает, что в то время, как в 1914 г. доля царской России в мировой торговле равнялась 3,7%, соответствующий показатель для Советского Союза в 1926 г. составил 1,2%¹. В 1913 г. внешнеторговый оборот царской России был равен 13,2% национального производства; соответствующие данные для СССР в 1925/26 и 1926/27 хоз. гг. составили 4,9 и 4,7%².

Предлагались самые разные объяснения такого спада, включая и такие, как «вражда капиталистических стран, особенно бывших кредиторов России, к советскому строю», а также низкие цены на лес, ставший теперь одной из главных статей советского экспорта на мировом рынке³. Однако важнейшим фактором все же явился упадок экспорта зерна, заведомо крупнейшей статьи экспорта предвоенной России. В течение четырех последних предвоенных лет Россия обеспечивала соответственно 25,1 и 33,4% мирового экспорта пшеницы и ржи: в 1925/26 хоз. г. СССР обеспечивал 3,9 и 16,7%⁴. Сокращение объемов экспорта другой сельскохозяйственной продукции, также значительное, было менее резким; однако эти товары были и менее важными. Причины сокра-

щения сельскохозяйственного экспорта выяснить было нетрудно. В связи с разрушением хозяйств крупных производителей все меньший объем излишков поступал на рынок; в результате при снижении доли урожая, шедшей на рынок, потребление внутри страны занимало все большее место. В 1926/27 хоз. г. объем промышленного экспорта на 6,7% превысил среднее значение для 1907—1913 гг.; в то же время сельскохозяйственный экспорт достиг всего лишь 25,5% среднего предвоенного уровня. До 1914 г. вывоз сельскохозяйственной продукции составлял 80,8% общего объема экспорта, а в 1927/29 хоз. г. — только 52% ⁵. Структура импорта также значительно менялась. Доля средств производства (включая сырье) в суммарном импорте, которая до 1914 г. держалась в среднем на уровне 65% на протяжении пяти лет, в 1926/27 хоз. г. подскочила почти до 90% ⁶.

Внешняя торговля не занимала сколько-нибудь важного места в теоретических построениях советских идеологов, что, несомненно, было отчасти обусловлено ее традиционно малой ролью в экономике царской России, и трактовалось политиками (Красин был почти единственным исключением) как неизбежная, хотя иногда и выгодная, помеха. Советский подход к внешней торговле был прагматическим. Советский Союз допускал «сожительство» антагонистических социалистической и капиталистической систем и в силу своей экономической отсталости был вынужден идти по пути «заимствования... богатого опыта индустриальных стран» ⁷. Однако, это никак не предполагало в долгосрочной перспективе готовности занять традиционное место России в качестве экспортера зерна и леса и импортера промышленного оборудования, что по мнению советских идеологов, означало бы подчинение интересов Советского Союза интересам экономически более мощных стран. Эта точка зрения была отчетливо выражена в докладе состоявшемуся в декабре 1927 г. XV съезду ВКП(б): «Мы в наименьшей степени намерены усиливать существующее международное разделение труда, мы не собираемся становиться аграрным придатком капиталистической экономической системы». Внешняя торговля считалась необходимой, но лишь в интересах советской индустриализации, в том числе индустриализации сельского хозяйства ⁸. В условиях плановой экономики внешняя торговля представлялась трудноконтролируемым элементом. Хотя государственные органы в СССР могли строго контролировать импорт и планировать экспорт, сами их внешнеторговые операции осуществлялись на мировом рынке. Как отмечал А. И. Микоян, резкие колебания цен на мировом рынке на такие важные товары, как хлопок и каучук, создавали непредвиденные трудности и «вносили ограничения в наше планирование и наше предвидение» ⁹. Составители пятилетнего плана приводили неопределенность перспектив внешней торговли и иностранных кредитов в качестве одного из факторов, которые могли бы оказать решающее влияние на выбор между основным и оптимальным вариантами плана ¹⁰.

Неотвратимость факта воздействия цен мирового рынка на советскую внешнюю торговлю, по всей видимости, способствовала возникновению иллюзии, коренившейся в традиции свободных рынков и свободного международного обмена, что определяющим фактором внешней торговли является уровень внутрисоюзных цен. Для весьма короткого периода с весны 1924 г. до весны 1925 г., когда рубль был реально конвертируемым относительно иностранной валюты, подобные расчеты сохраняли определенную действительность; однако их автоматически распространили и на долгое время после исчезновения этих условий. Ф. Э. Дзержинский в своей последней речи на Пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1926 г. заявлял, что «мы в СССР... должны быть на уровне с зарубежными индексами цен, качеством и т. п., или они нас разрушат»¹¹. Несколькими неделями позже Преображенский в обращении к членам Коммунистической академии полагал, что «опасность ситуации увеличивается с каждым годом, по мере роста нашей связи с мировым хозяйством». Мировые цены давят на СССР; мировой капитализм стучится в искусственную стену, окружающую страну. «Эта стена может прорваться: в этом опасность для нашего существования»¹². Составители контрольных цифр на 1926/27 хоз. г. считали рост внутренних цен и падение мировых цен ответственными за «нерентабельность ряда крупнейших статей нашего вывоза»¹³; из общего объема фактического экспорта в 1926/27 хоз. г., по расчетам Наркомторга, операции на 448 млн. руб. оказались прибыльными и на 346 млн. руб. — с убытками (в том числе на 235 млн. руб. — со значительными)¹⁴. Использование мировых издержек и цен в качестве ориентира для расчета эффективности советской торговли и промышленности было вполне разумным. Однако внутрисоюзные цены во все большей степени определялись правительственными постановлениями и мерами; и начиная с 1926 г. изменения внутрисоюзных или мировых цен не оказывали влияния на официальный обменный курс рубля. В подобных обстоятельствах расчеты рентабельности экспорта и импорта на базе официального обменного курса вводили в заблуждение и в действительности больше и не применялись для принятия решений, что экспортировать и что импортировать. В. Смирнов уже доказывал, что разрыв между мировыми и внутрисоюзными ценами не может служить доводом для отказа в повышении внутренних цен; разрыв можно было трактовать как технический вопрос¹⁵. Уровень цен играл все меньшую роль в контексте противопоставления требования самообеспечения таким практическим соображением, как необходимость быстрой поставки промышленного оборудования¹⁶, и предоставление товаров на экспорт все слабее определялось их ценой на внутреннем рынке.

Монополия внешней торговли, пережившая ряд атак в прошлом¹⁷, в рассматриваемом периоде сомнению в качестве основополагающего принципа уже не подвергалась. На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. А. И. Микоян назвал ее «незыблемым условием

строительства социализма в капиталистическом окружении. Монополия внешней торговли означает защиту нашей страны не только от экономической интервенции мировой буржуазии, но и защиту планового начала нашего социалистического строительства от стихии капиталистического рынка... И нам нужны для этого особые кадры, кадры борцов на этом фронте. К ним должны быть предъявлены огромные требования: знание языков, знание рынков, техники, величайшая преданность делу и т. д. Товарищи, работающие в условиях капиталистического окружения, в разлагающихся условиях капиталистического мира, сами подвержены его воздействию»¹⁸. За впечатляющими фасадами торгпредств, которые должны были олицетворять монополию внешней торговли в глазах зарубежных партнеров, экспортно-импортные операции в СССР осуществляло множество объединений, обычно в виде акционерных компаний с государственным капиталом, организованных в соответствии с постановлением от октября 1925 г.¹⁹, и среди них «Машиноимпорт», «Станкоимпорт», «Технопроимпорт», «Экспортхлеб», «Экспортлен». «Сельскохозяйственные кооперативы», учитывая их былые заслуги в экспортной торговле России, занимали преимущественное положение. Специализированные кооперативные организации, такие, как «Хлебоцентр» и «Льноцентр», были составляющими экспортных компаний «Экспортхлеб» и «Экспортлен», а сельскохозяйственные кооперативы располагали конторами в основных зарубежных столицах, будучи зарегистрированными под названием «Сельскосоюза» и действуя под общим контролем торгпредов²⁰. Годовые планы импорта и экспорта готовились Госпланом по рекомендациям Наркомторга и доводились через Наркомторг до импортно-экспортных компаний. Однако в рассматриваемый период в отличие от того, что произошло позже, контроль торговых операций и счетов в каждой стране возлагался на торгпреда и его аппарат²¹. Это давало разумный компромисс между централизованным контролем и относимым к компетенции специалистов знанием особенностей конкретных товаров, что необходимо для торговых переговоров. В этот период раздавалось меньше жалоб, чем прежде, на коррупцию в организациях, осуществлявших внешнеторговые операции.

Начиная с 1926 г. процессы индустриализации и планирования стали все сильнее оказывать влияние на внешнеторговую политику. Изданием Постановления от 30 марта 1926 г. СТО сформировал «совещание» в подчинении Наркомторга ССР, вместе с аналогичными совещаниями под руководством уполномоченных Наркомторга по внешней торговле в каждой союзной республике. Всесоюзное совещание, состоявшее из представителей ВСНХ, Наркомфина, наркомземов республик и потребкооперации, отвечало за составление плана импорта, представлявшегося на утверждение СТО, и выделение квот по Союзу и республикам; импортная квота по Союзу была поделена между категориями импорта. Затем разрешения союзным или республиканскими совещаниями

выдавались в пределах, установленных планом импорта²². На заседании Совнаркома и СТО в августе 1926 г. представитель Наркомторга призывал к «полной революции в структуре плана импорта на 1926/27 хоз. г.», сокращению ввоза готовых и потребительских товаров и увеличению импорта сырья и полуфабрикатов для промышленности²³. Теперь господствующей стала концепция осуществления таких импортных поставок из зарубежных стран, которые способствовали бы развитию промышленного производства в СССР. Резолюция состоявшейся в октябре 1926 г. XV партийной конференции была по этому поводу весьма категоричной: «Осуществление индустриализации на данной стадии развития упирается в необходимость максимального ввоза оборудования, возможность расширения которого зависит от развития экспорта и освобождения импорта от тех товаров, которые могут быть произведены внутри СССР»²⁴.

Партией была поставлена двойная задача ускорения темпов индустриализации благодаря ввозу максимальных объемов сырья и оборудования при одновременном обеспечении независимости страны от такого импорта в будущем²⁵. Масштабы импорта постоянно возрастали; в общем его объеме основной прирост приходился на средства производства, тогда как ввоз потребительских товаров в этот и последующие годы постепенно сокращался; при этом в общем объеме импортируемых средств производства и предметов труда наиболее быстро растущими статьями были «сырье», а также «машины и оборудование»; так, объем импорта товаров по статье «электротехническое оборудование» за период между 1925/26 и 1927/28 хоз. гг. возрос в три раза²⁶. К 1927 г. СССР стал крупнейшим после Великобритании импортером машин и оборудования в мире²⁷; тем не менее на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. указывалось, что треть советского импорта приходилась на промышленное сырье — хлопок, шерсть и кожу, которое могло бы производиться и в СССР²⁸.

Другим обусловленным индустриализацией фактором, который также требовал затрат иностранной валюты, явилось обращение к иностранной технической помощи, которая странно, однако вполне точно была представлена как «промышленный импорт особого вида». В 1926/27 хоз. г. в зарубежные страны было направлено 418 промышленных делегаций, а в каждый из двух последующих годов их число превысило 500, причем две трети их изучали иностранную промышленную технологию. На эти делегации расходовалось более миллиона рублей в год²⁹. Совместное заседание президиумов ВСНХ СССР и РСФСР осенью 1928 г. потребовало от трестов и синдикатов заказывать больше иностранной технической литературы и направлять за рубеж больше специалистов по управлению³⁰. Помимо привлечения иностранных специалистов к работе в СССР, в 1923—1929 гг. с 72 иностранными фирмами были заключены соглашения о предоставлении технической информации и консультировании; в 1929 г. 64 из них еще действовали. Из об-

шего числа 29 соглашений было заключено с германскими фирмами, 21 — с американскими, а остальные поделены между французскими (7), шведскими (3), английскими (2), швейцарской и итальянской фирмами. С советской стороны соглашения почти во всех случаях были заключены крупными промышленными трестами, некоторые из которых имели несколько таких соглашений; большинство из них было заключено в металлургии, горнодобывающей, химической и электротехнической отраслях³¹. Хотя к отношениям между советскими властями и иностранными специалистами подмешивалось взаимное недоверие, широко признавался вклад иностранной технической помощи в развитие советской промышленности и единственным серьезным недостатком считался ее слишком малый объем. Резолюция V съезда Советов СССР в мае 1929 г. по вопросу о пятилетнем плане отмечала, что «полное использование новейших достижений мировой науки и техники» является одним из необходимых условий его успешного осуществления³².

Увеличение объемов импорта означало оказание мощного давления на скудные запасы иностранной валюты и в острой форме поставило вопрос о финансировании советской внешней торговли. В 1925—1926 гг. предстояло получение крупных кредитов от Германии³³. В августе 1926 г. А. И. Рыков информировал делегацию немецких рабочих, что германский кредит в 300 млн. немецких марок (что равнялось 140 млн. руб.) предполагалось использовать для импорта оборудования для промышленности³⁴, а двумя месяцами позже на XV партийной конференции он говорил, что «мы должны сейчас более энергично, не боясь, как это некоторые делают, идти на то, чтобы добиваться в большом количестве долгосрочных кредитов за границей»³⁵. Согласно отчету ВСНХ, представленному год спустя, в 1926/27 хоз. г. было получено иностранных кредитов на сумму 600—700 млн. руб.³⁶ Если не считать этого всплеска кредитования, в последующий год не повторившегося, то финансовые операции ограничивались учетом иностранными банками векселей (тратт), акцептованных советскими импортерами; это обуславливало высокие процентные ставки, что отражалось на цене товаров. В 1926/27 хоз. г. благодаря высоким ценам мирового рынка на пшеницу, лен и перо — эти важные статьи советского экспорта — и низким ценам на хлопок, крупную статью импорта, а также успеху в получении германских кредитов на машины и оборудование удалось добиться благоприятного внешнеторгового баланса. В 1927/28 хоз. г. повторения такой «исключительно благоприятной конъюнктуры» ожидать было невозможно³⁷.

Разрыв с Великобританией в 1927 г. усилил чувство изоляции и способствовал распространению страхов перед экономическим бойкотом. На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. А. И. Микоян предсказывал трудный год для внешней торговли из-за полного развала зернового экспорта и назвал экспорт «узким местом» на-

родного хозяйства³⁸. Резолюция съезда уделила этой проблеме весьма мало места, в ней лишь говорилось, что «должна быть отвергнута общая установка на... максимальное расширение хлебного экспорта за счет индустриальных вложений», и утверждалась необходимость «активного торгового баланса», а также накопления «натуральных, товарных и валютных» резервов³⁹. В основе таких настроений в момент кризиса зернозаготовительной кампании лежало беспокойство. В. В. Куйбышев в своей речи на заседании ВСНХ 18 января 1928 г., в то время не опубликованной, разъяснял, что в ноябре 1927 г. экспорт упал на 20% ниже уровня ноября 1926 г. и что запланированный импорт придется урезать, чтобы избежать дефицита торгового баланса⁴⁰. Была развернута широкая кампания по стимулированию экспорта. В мае 1928 г. резолюция СТО сообщила об успешных собраниях, организованных местными Советами, но перечисляла районы, в которых усилия местных организаций, и особенно кооперации, были сочтены недостаточными; в республиканских и местных бюджетах капиталовложения в экспортирующие отрасли должны были трактоваться как «ударные» затраты⁴¹. Казалось, теперь все зависело от перспектив увеличения экспорта. Составители контрольных цифр Госплана СССР на 1928/29 хоз. г. обращали внимание на «лимитирующую роль экспорта и прямую зависимость импорта от экспорта»⁴². Часто раздавались сетования на неэффективность советских экспортирующих организаций. Продукция не была стандартизирована, так что «один и тот же товар экспортировался из разных районов в разной упаковке, с разной маркировкой и т. п.». Не предпринималось достаточных усилий по изучению рыночного спроса, и отсутствовали «коммерческая гибкость и маневр»⁴³.

На протяжении этих лет упорно сохранялась иллюзия, что полное или частичное нарушение экспорта зерна является временным явлением. В мае 1927 г. советские делегаты на Всемирной экономической конференции в Женеве высказывали искренние надежды на возобновление экспорта зерна: «В 1927 г. излишки должны достигнуть предвоенного уровня», и «Россия практически возвратилась на свои прежние позиции»⁴⁴. В одном из первых проектов пятилетнего плана закладывался экспорт 1250 млн. пудов зерна за плановый период, или почти 4 млн. тонн в год, — оценка, которую даже А. И. Рыков считал чрезмерно оптимистичной⁴⁵. На июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) И. В. Сталин придавал большое значение накоплению «зерновых запасов для экспорта»: «А что значит выпадение хлеба из экспорта? Это значит потеря того источника, при помощи которого ввозились у нас и должны ввозиться оборудование для промышленности, тракторы и машины для сельского хозяйства»⁴⁶. Двумя месяцами позже Н. И. Бухарин в своей статье «Заметки экономиста» отметил, что «было бы фантастикой, если бы мы отменили весь экспорт зерна просто по той причине, что нам следует остановить этот экспорт в ре-

зультате зернового кризиса»⁴⁷. Составители пятилетнего плана оценивали, что к концу пятилетки объем экспорта составит порядка 5—8 млн. т⁴⁸. Остается, однако, фактом, что в критические 1927/28 и 1928/29 хоз. гг. экспорт зерна был ничтожным, и, хотя он временно возобновился в 1930—1931 гг. (достигнув в последнем 5 млн. т), он уже никогда больше не восстановил своей былой роли актива во внешней торговле. В 1925/26 хоз. г. сельскохозяйственные продукты еще составляли 63,3% советского экспорта (зерно — 29,3%); в 1927/28 хоз. г. эта доля сократилась до 48% (зерно — 7,5%)⁴⁹. Постоянные осложнения создавало падение мировых цен на сельхозпродукты. Отмечалось, что зимой 1928/29 г. цены лондонского рынка на масло и яйца не были даже достаточными для покрытия официальных заготовительных цен в СССР плюс транспортных и экспортных издержек⁵⁰.

Была начата серьезная работа по облегчению сложившейся ситуации за счет расширения добычи золота на экспорт, которая была в запущенном состоянии со времени революции, если не считать в значительной степени неудавшейся концессии «Лена — Голдфилдз»⁵¹. В сентябре 1927 г. была создана общесоюзная акционерная компания для объединения всех золотых приисков в СССР⁵², и в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) в контексте обеспечения благоприятного внешнеторгового баланса было выдвинуто требование об «увеличении добычи золота в стране»⁵³. П. И. Серебровский, заместитель председателя ВСНХ, был назначен во главе отрасли, которая вскоре в основном была передана Наркомфину⁵⁴. На XVI партийной конференции в апреле 1929 г. Серебровский призвал к превращению золотодобычи в современную механизированную отрасль⁵⁵. Однако на протяжении этого периода сколько-нибудь действенных результатов добиться не удалось. Основу экспорта из СССР теперь составляли товары, попадавшие под категорию сырье и полуфабрикаты», причем крупнейшими статьями среди них стали нефть и меха, экспорт которых превысил по стоимости предвоенный уровень, а также лес и пиломатериалы, которые к нему приблизились⁵⁶. В контрольных цифрах Госплана СССР на 1928/29 хоз. г. проводились следующие цифры относительно экспорта в 1927/28 хоз. г., представленные в процентах к соответствующему экспорту в 1913 г.: нефть — 228%, лес — 45, лен и отходы льнопроизводства — 19, марганец — 38, асбест — 80, сахар — 87%. Замена зерна нефтью в качестве основной статьи советского экспорта, несколько странно названная «минерализацией экспорта», объяснялась не только ростом спроса на нее на мировом рынке, но и способностью советских экспортеров приспособливаться к рыночным потребностям⁵⁷.

Наиболее примечательной особенностью географического распределения советской внешней торговли в этот период было значительное положительное сальдо с Великобританией, выраженный дефицит в торговле с США и более или менее уравновешенная торговля с Германией; эти три страны оставались наиболее важ-

ными торговыми партнерами СССР⁵⁸. В начале 1929 г. напряженность в отношениях между СССР и Западом стала рассеиваться и препятствия развитию торговли пошли на убыль⁵⁹. Подобные настроения способствовали тому, что составители пятилетнего плана предусмотрели рост советского экспорта за плановый период в два (основной вариант) или два с половиной раза (оптимальный вариант); и хотя в 1928/29 хоз. г. экспорт достиг лишь 40% предвоенного уровня, высказывалась надежда, что за пятилетку этот уровень можно будет превзойти⁶⁰. Однако в последующий период советская внешняя торговля не достигла даже тех умеренных объемов, которые были характерны для царской России, и никогда не продвинулась к тому, чтобы занять сколько-нибудь ведущее положение в советской экономике.

Материалы этого периода подтверждают уже отмечавшийся в 1925 г. провал больших надежд, возлагавшихся на концессии в качестве пути привлечения иностранного капитала. Капиталовложения иностранных компаний всегда в принципе рассматривались как потенциальный вспомогательный источник капитала; в 1925 г. крупные концессии были предоставлены компании «Лена — Голдфилдз» и в Грузии группе Гарримана⁶¹. Однако усиление упора на индустриализацию Советского Союза на базе собственных ресурсов привело к ограничению масштабов концессионной деятельности. В 1926 — начале 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение, но не сразу, а более или менее постепенно, что крупные объекты, хотя и с оказанием технической помощи иностранных специалистов, должны сооружаться на основе внутренних ресурсов Советского Союза⁶². Международный кризис лета 1927 г. сделал еще менее ясными перспективы привлечения иностранного капитала. По состоянию на 1 октября 1926 г. во внешней торговле, в лесной промышленности и на транспорте действовало 19 «смешанных» компаний с совместным советско-иностраным капиталом. Год спустя их число сократилось наполовину; по-видимому, исчезли мелкие компании, поскольку общий капитал уменьшился лишь незначительно. Однако в этих предприятиях доля советского капитала постоянно увеличивалась по сравнению с долей иностранного:

Капитал смешанных компаний	Советский капитал (в тыс. руб.)		Иностранный капитал (в тыс. руб.)	
	1926 г.	1927 г.	1926 г.	1927 г.
Для торговли с Западом	515	1272	1259	1014
Для торговли с Востоком	3773	3772	1207	1207
Для торговли лесом	3240	1902	3222	1882
Транспортные	479	1171	179	407
Всего	8007	8118	5867	4510

Отмечалось, что лесозаготовительные и транспортные компании в 1926/27 хоз. г. понесли убытки и лишь компании по торговле с Востоком получили большие прибыли⁶³. Помимо смешанных компаний, функционировало 62 иностранные концессии в 1926 г. и 53 — в 1927 г. при 38 млн. руб. иностранного капитала и 28 млн. руб. — советского, государственного. Среди них наиболее крупные действовали в горном деле, причем доля советских капиталовложений в горнодобывающие концессии была весьма существенной. Сельскохозяйственные и лесозаготовительные концессии работали в убыток. В целом концессии в 1926/27 хоз. г. дали положительное сальдо в иностранной валюте на сумму 12,5 млн. руб.⁶⁴; в этом их основное значение, скорее всего, и состояло. Обескураживающий вердикт представлялся неизбежным. А. И. Микоян в своем докладе на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. сообщил, что «политика концессий не принесла тех результатов, которые могла бы принести»⁶⁵, а госплановский журнал подытожил в том же духе: «Опыт работы иностранных предприятий в СССР не особенно велик, и правда к тому же состоит в том, что этот опыт не особенно успешен»⁶⁶.

В условиях, когда делались подобные заявления, было удивительным, что 1928 г., в который прекратила свое существование марганцевая концессия Гарримана⁶⁷, оказался отмеченным запоздалой попыткой оживить концессионную политику. В сентябре 1928 г. было объявлено, что 24 июля 1928 г. Совнарком по докладу главного концессионного комитета подготовил список предприятий, развитие которых могло осуществляться с привлечением иностранного капитала, причем добавлялось, что этот список не является исчерпывающим⁶⁸. Последовавшее заявление подчеркивало, что рост советской промышленности происходит в таких условиях, что допускает, не создавая опасности для ее независимости, использование «иностранной финансовой и технической помощи в более значительных объемах, чем раньше». Давалось обещание проводить более позитивную политику привлечения иностранного капитала⁶⁹. Однако эта инициатива последствий, видимо, не имела, и на протяжении следующих двух-трех лет большинство из действовавших концессий постепенно прекратило существование⁷⁰.

Д. ФИНАНСЫ

ГЛАВА 29

ФИНАНСЫ И ПЛАНИРОВАНИЕ

Основными инструментами финансовой политики в период НЭПа были государственный бюджет и кредитный план. Квартальный государственный бюджет и квартальный кредитный план регулярно рассматривались Наркомфином, Госпланом и СТО; годовой план — краеугольный камень этого сооружения в целом — обсуждался также Совнаркомом и подлежал окончательному утверждению в ЦИК¹. В совокупности бюджет и кредитный план регулировали уровень финансовой активности в стране; бюджетный избыток или дефицит, а также нетто-сумма по кредитам являлись решающими факторами при определении объемов циркулирующей денежной массы и стабильности рубля. Хотя бюджет и кредитный план утверждались как отдельные политические акты, их взаимное влияние являлось предметом особой заботы властей; подготовка подобных материалов уже явилась разновидностью рудиментарного финансового планирования народного хозяйства в целом.

Поэтому в конце 20-х годов проблема заключалась не столько в построении эффективной системы финансового планирования, сколько в приведении существовавшей системы в соответствие с политикой ускоренной индустриализации. Поборники планирования и индустриализации стремились использовать финансовые возможности государства для выделения ресурсов на хозяйственное и культурное развитие, и в частности на капиталовложения в промышленность. С другой стороны, Наркомфин был весьма скуп в своем отношении к претензиям хозяйственного развития и крайне скептически оценивал действенность финансового планирования в существовавшем тогда виде, полагая, что непредвиденные изменения конъюнктуры потребуют пересмотра решений, принимавшихся даже на квартальной основе². Поборники притязаний промышленности склонны были считать, что этот конфликт обуславливался исключительно присущим руководителям Наркомфина консерватизмом, и отказывались признавать, что он отражал также и фундаментальную несовместимость индустриализации и финансовой стабильности. В 1926 г. все экономисты и политические деятели разделяли точку зрения, согласно которой покупательная способность рубля должна была сохраняться и по возможности повы-

шаться; необходимость в стабильной валюте не оспаривалась даже «сверхиндустриалистами» объединенной оппозиции³. Однако на практике победа приверженцев индустриализации над Наркомфином привела к предпочтению индустриализаторского движения перед стабильностью валюты; подчинение государственного бюджета и кредитного плана требованиям народнохозяйственного плана позволило снять финансовые ограничения индустриализации.

Еще 7 марта 1925 г. в резолюции ЦИК бюджет описывался как «основа хозяйственного плана СССР»⁴, и в то время мало кто оспаривал этот принцип. Несколько месяцев спустя первые контрольные цифры народного хозяйства, подготовленные Госпланом летом 1925 г., бросили вызов господству бюджета; на некоторое время это наступление было успешно отбито Наркомфином⁵. Однако на протяжении трех последующих лет подчинение бюджета плану развивалось весьма быстро и зашло гораздо дальше, чем предполагали даже наиболее оптимистичные деятели Госплана. Руководитель бюджетно-финансовой секции Госплана уже во время составления бюджета на 1925/26 г. мог заявлять, что его секция была в состоянии оказывать существенное влияние на бюджет через Президиум Госплана⁶. Летом — осенью 1926 г., как и в предшествовавшем году, обсуждение в Совнаркоме и СТО подготовленных Госпланом контрольных цифр происходило до рассмотрения бюджета, и в ходе обсуждения Совнарком принял решения, которые трактовали контрольные цифры и бюджет как существенные элементы формирования и осуществления экономической политики⁷. В декабре 1926 г. обсуждение бюджета Совнаркомом происходило в контексте и под влиянием предшествовавшего обсуждения контрольных цифр⁸. Тем же процедурам следовала подготовка бюджета на 1927/28 г. Принятый 25 мая 1927 г. закон о бюджетных полномочиях СССР и союзных республик предусматривал, что Совнарком должен устанавливать общий объем капиталовложений государственной промышленности и сумму, вкладываемую в сельское хозяйство, в свете доклада Наркомфина о перспективах государственных доходов и расходов, а также доклада Госплана о контрольных цифрах⁹. Тем самым формально признавалось место Госплана в процессе составления бюджета. Уже в феврале 1927 г. Ю. Ларин на заседании ЦИК предлагал, чтобы слияние процессов составления бюджета и хозяйственного планирования пошло еще дальше и чтобы бюджет рассматривался как составная часть хозяйственного плана¹⁰. На сессии ЦИК в апреле 1928 г., обсуждавшей бюджет на 1927/28 г., А. И. Рыков говорил, что, поскольку бюджет является важной частью народнохозяйственного плана, «надо добиться того, чтобы в ближайшие годы на сессии ЦИК бюджет докладывался наряду и как часть общего хозяйственного плана Союза»¹¹. Рыков полагал, что это предложение не вызовет действия в течение одного-двух лет. В качестве промежуточной меры совместное Постановление ЦИК и Совнаркома от 30 апреля 1928 г. о процедурах составления бюджета на

1928/29 г. твердо заявляло, что все хозяйственные и операционные планы должны составляться на основе утвержденных Совнаркомом контрольных цифр и лишь «корректироваться» при утверждении бюджета; график всего процесса должен был разрабатываться Госпланом. То же постановление определяло, что бюджетные сметы расходов народного хозяйства на 1928/29 г. должны выделяться в виде нерасшифрованных по статьям сумм по каждому крупному сектору хозяйства, таким, как промышленность и транспорт; дальнейшее подразделение на статьи отдавалось в ведение заинтересованного органа — получателя средств¹². Запрограммированным эффектом этих мер явилось резкое упрощение и ускорение процедуры составления и утверждения бюджета при одновременном обуздании власти Наркомфина. С тех пор бюджет оказался подчиненным плану как юридически, так и фактически¹³. Процесс подчинения был завершен в ноябре 1928 г. признанием контрольных цифр в качестве годового народнохозяйственного плана¹⁴; в результате упрощений процедуры бюджет на 1928/29 г. был утвержден ЦИК всего лишь спустя месяц после одобрения контрольных цифр, т. е. 15 декабря 1928 г.¹⁵

Начиная с 1927 г. и в дальнейшем, официально провозглашенная политика требовала, чтобы годовые контрольные цифры или хозяйственные планы твердо основывались на пятилетнем перспективном плане; венцом всему этому явилось то, что годовой бюджет и другие финансовые планы также должны были удовлетворять пятилетнему плану. Первые наброски бюджета на 1928/29 г., подготовленные Наркомфином, основывались на действовавшем тогда госплановском проекте пятилетнего плана; позже они были объявлены заниженными именно по той причине, что госплановский проект недооценил возможности роста¹⁶. На протяжении 1928 г. друг за другом последовало такое число проектов пятилетнего плана, что оказалось невозможным использовать их в качестве базы для планирования бюджета на 1928/29 г. Наркомфин неоднократно предпринимал попытки составить свой собственный перспективный финансовый план¹⁷. Однако инициатива оставалась за ВСНХ и Госпланом, которые последовательно выдвигали проекты пятилетнего плана, включавшие оценки роста бюджетных доходов и расходов. Когда Г. Н. Юровский, видный деятель Наркомфина, посетовал на нереалистичность предложений Госплана, то руководитель его бюджетно-финансовой секции возразил: «При построении бюджета Бюджетно-финансовая секция исходила из того, что бюджет играет подчиненную роль по отношению к народному хозяйству, что бюджет всегда служил и должен служить задачам развития производительных сил страны. Если у нас более или менее правильно разработаны народнохозяйственные планы, то им должен соответствовать бюджет, вполне совпадающий с этим народнохозяйственным планом»¹⁸.

Сумма, которую фактически получал в свое распоряжение расходующий орган, не определялась целиком годовым бюджетом в

том виде, как он утверждался ЦИК. На протяжении значительной части года операции приходилось осуществлять в ожидании годового бюджета, к тому времени еще не утвержденного. Годовой бюджет дополняли квартальные бюджеты, которые не следовали с необходимой строгостью его наметкам; точная сумма, выделявшаяся каждому органу — получателю средств, зачастую пересматривалась из месяца в месяц. Задержки с поступлением доходов означали, что ассигнования можно было и не получить в полном объеме, так что некоторые получатели средств временно оказывались без финансирования. Непредвиденные потребности, которые естественным образом возникали на протяжении года, вынуждали получателей средств перераспределять утвержденные ассигнования между подчиненными организациями и требовать дополнительных разовых ассигнований¹⁹. Все эти проблемы разрешались в тех случаях, когда это было возможно, в ходе прямых переговоров между Наркомфином и органами — получателями средств. Однако наиболее крупные ведомства, такие как ВСНХ и Наркомпуть, часто пользовались своим правом обращаться в СТО; и как можно было ожидать, СТО нередко был готов поступиться мнением Наркомфина в случаях, когда это касалось ассигнований ВСНХ²⁰. Постановление от 30 апреля 1928 г. давало ВСНХ и другим хозяйственным ведомствам гораздо больший контроль над своими годовыми ассигнованиями²¹. Отчет V Всесоюзному съезду Советов о деятельности правительства за период с апреля 1927 г. по май 1929 г. откровенно заявлял: «Если возникает какой-либо прорыв бюджетного плана, то правительство принимает все меры для выполнения в любом случае бюджетных обязательств по расходам, относящимся к производству, от которого зависят все наши хозяйственные планы. Это вновь подчеркивает тот факт, что наш бюджет является прежде всего планом хозяйственных расходов»²².

Бюджетные полномочия Наркомфина оказались еще более ослабленными благодаря изменениям системы ревизии и контроля отчетности. В ноябре 1923 г. все полномочия по финансовому контролю были у Рабкрина изъяты и переданы Наркомфину²³. Принятая тогда система ревизии отчетности была чрезвычайно подробно проработанной: она требовала надзора со стороны контрольных органов Наркомфина над всеми документами, относящимися к бюджетным расходам ведомств — получателей средств. Затем 16 ноября 1926 г. Совнаркомом был одобрен доклад Рабкрина, предлагавший коренное упрощение системы. Теперь ревизия отчетности была ограничена выборочными периодическими проверками; кроме того, от организаций, финансировавшихся из бюджета, требовалось представление регулярных отчетов²⁴. Это изменение появилось в тот момент как призыв к Наркомфину сконцентрировать свое внимание больше на эффективности, с которой расходуются средства, чем на формальной точности отчетов²⁵. Практические последствия этих действий оказались более реше-

тельными. Агентства Государственного финансового контроля, как теперь именовался отдел Наркомфина, в дальнейшем были отстранены от ревизии бюджетных расходов хозрасчетных организаций, то есть категории, которая охватывала почти все промышленные предприятия²⁶. Во всяком случае, ноябрьская реформа 1926 г. явилась шагом вперед по пути устранения действенного ревизионного контроля со стороны Наркомфина²⁷.

Степень, в которой осуществлялось планирование кредитов центральными органами, была довольно неясной, когда в 1922 и 1923 гг. были впервые основаны Госбанк и специализированные банки²⁸. Ожидалось появление некоторой разновидности коммерческого рынка кредитов: каждый из специализированных банков должен был автономно привлекать на коммерческой основе свободные ресурсы частного рынка, а также государственных и кооперативных предприятий; в определенной мере Госбанк также должен был действовать на обычных коммерческих принципах. Еще в 1926 г. и даже в 1927 г. руководители Наркомфина и Госбанка все же страстно желали создания рынка кредитов, на котором действовали бы государственный, кооперативный и частный сектора²⁹. Подобным ожиданиям материализоваться суждено не было. В условиях советской экономики не существовало сколько-нибудь эффективной коммерческой процентной ставки, особенно там, где это касалось государственного сектора. Как отмечал один из сотрудников Наркомфина: «Если даже учетная ставка окажется высокой и пользование кредитом по этой ставке вызовет убытки для какого-либо клиента-треста, он будет по-прежнему предъявлять спрос на кредит, так как принцип коммерческой рентабельности до сих пор играет в промышленности СССР меньшее значение, чем принцип планового производства»³⁰.

8—10% годовых, которые специализированные банки выплачивали по вкладам, не привлекали значительных средств государственных или кооперативных организаций и совершенно не могли привлечь личные сбережения или вклады частного рынка. По существу, ресурсы банков состояли главным образом из вкладов государственного и местных бюджетов³¹. Решения банков о выдаче кредитов принимались скорее на административной основе, нежели из соображений рентабельности. Центральным банком коммунального и жилищного строительства выдавались ссуды под низкие 3—3,5% в год, но даже кредиты сельскохозяйственных кредитных товариществ, нередко по ставке 7—10%, также основывались вовсе не на рыночных ставках³². Объемы выделяемых ссуд на практике планировались государством. Как отмечал по этому поводу С. Г. Струмилин, «кредитные ресурсы направляются в ту или иную область хозяйства не стихийными путями спроса и предложения, а вполне сознательно, в интересах осуществления общего плана народного хозяйства»³³.

Плановый объем кредитов и связанные с ним предложения относительно нетто-суммы денежной эмиссии включались в годо-

вые контрольные цифры народного хозяйства, готовившиеся Госпланом, и ежегодно подолгу обсуждались СТО и Совнаркомом. Однако эти годовые планы по объемам денежной массы и кредитов не были эффективными: уже осенью 1928 г. Госплан в своих контрольных цифрах на 1928/29 хоз. г. отмечал, что, «разумеется, в этой части точность плановых предвидений крайне ограничена»³⁴. На практике контроль государства над деньгами и кредитом осуществлялся с помощью квартального кредитного плана. В части дебета кредитный план указывал плановую нетто-сумму кредитов, предоставляемых на протяжении квартала как Госбанком, так и специализированными банками; ключевая цифра для нетто-суммы денежной эмиссии приводилась в кредитной части плана, и она определялась уровнем нетто-кредитов и вкладов. Тем самым кредитный план мог влиять на объем денежной массы независимо от государственного бюджета; даже когда бюджет сводился с избытком, масса новых денег могла возрасти путем увеличения объема кредитов³⁵. Хотя Госбанк отвечал и за составление кредитного плана, и за регулирование кредитно-денежных вопросов, его полномочия ограничивались тем, что подготовленные им квартальные кредитные планы, подобно другим оперативным хозяйственным планам, обсуждались и утверждались СТО: кредитный план, утверждавшийся СТО, включая наметку эмиссии денег, в теории был обязательным для банка. В то же время действия Госбанка сдерживались полномочиями специализированных банков предоставлять кредиты сверх плана³⁶. В действительности квартальный кредитный план был весьма несовершенным инструментом, в результате чего квартальная денежная эмиссия зачастую существенно отклонялась от плановой³⁷.

В этой неопределенной ситуации велась упорная борьба за контроль над кредитами и их планирование. На протяжении 1926 г. и первой половины 1927 г. Госбанк твердо настаивал на ликвидации квартального плана, используя тот прагматический довод, что планы в действительности были неэффективными и что три месяца в любом случае были слишком длительным периодом, чтобы планировать столь чувствительный регулятор, как кредит. Как отмечал один из авторов в наркомфиновском журнале: «Планы гипнотизируют: выполнение планового показателя, который безусловно трактуется как обязательный, притупляет чувствительность к экономической ситуации и к изменениям конъюнктуры»³⁸. Ослабление контроля центральных органов над кредитами, которое произошло бы в результате ликвидации квартального кредитного плана, несомненно, привело бы к резкому расширению полномочий банка. Это предложение бурно оспаривалось. Однако проблема оказалась более глубокой. Госбанк даже в большей степени, чем Наркомфин, отвечал за стабильность денег и установление финансовых ограничений и явно стремился добиться более полного контроля над кредитной политикой и избежать какого бы то ни было повторения инфляционного кризиса лета 1925 г.

Со своей стороны Госплан и ВСНХ справедливо опасались, что усиление полномочий банка препятствовало бы хозяйственному развитию. А. Б. Штерн, руководитель финансового отдела ВСНХ, укорял Госплан в том, что последний придает слишком большое значение кредитам и своей роли в кредитной политике, и напоминал, что капиталовложения и производственные задачи также являются важными рычагами контроля над промышленными предприятиями³⁹.

Несмотря на мощную оппозицию, претензии Госбанка оказались поначалу успешными. Было разрешено вносить ежемесячные изменения в квартальный кредитный план, а в первом квартале 1926 г. СТО просто «отметил» план⁴⁰. В январе 1927 г. была упразднена практика рассмотрения кредитных планов в СТО⁴¹. На апрель — июнь 1927 г. кредитный план Госпланом или каким-либо другим банком не готовился. Однако триумф Госбанка оказался весьма недолговечным. В тот первый и последний «бесплановый» кредитный квартал банк повел себя совершенно неожиданным образом, изменив своей традиционной финансовой осторожности, и допустил чрезмерную эмиссию банковского кредита на существенную сумму⁴². Банк воспользовался трудностями планирования в качестве предлога для взятия контроля над кредитами в свои руки; теперь же противники воспользовались снятием ограничений в качестве предлога для восстановления ранее действовавших принципов. Президиум Госплана с удовлетворением сетовал, что банк уступил нажиму хозяйственных органов; президиум Промбанка добавил, что выделенные Госбанком ссуды включали совершенно необязательные кредиты местной промышленности; и Госплан, и Промбанк отнесли эти упущения на счет отсутствия надлежащим образом утвержденного кредитного плана⁴³. После этого 25 июля 1927 г. СТО согласился с необходимостью немедленного повторного введения общих квартальных кредитных планов⁴⁴.

Это решение оказалось гораздо более далеко идущим, чем возврат к старой системе⁴⁵. Комитет по банкам, созданный в 1924 г. с целью координации кредитной политики и банковской системы, должен был тщательно прорабатывать квартальные кредитные планы до их представления в СТО⁴⁶. Однако на практике эта мера явилась неэффективной. Согласно уставу, председатель Госбанка являлся председателем комитета; в этих условиях Госплан и ВСНХ жаловались, что на практике он действует не как независимый организатор банковской системы, а как простой придаток Госбанка; к 1926 г. нарушилась даже регулярность его заседаний⁴⁷. В июле 1927 г. комитет был переформирован уже как «комитет по банковским делам». Новый комитет унаследовал полномочия изучать квартальные кредитные планы, но в условиях, которые придавали ему гораздо большую независимость от Госбанка, чем в старом комитете; с этих пор его председателем стал не председатель Госбанка, а Нарком финансов⁴⁸. Однако основное давление экспансионистской кредитной политики исходило от дру-

гих правительственных ведомств, представленных в СТО; по мере ускорения индустриализации утверждаемые СТО кредитные планы становились, как и опасался Госбанк, инструментом быстрого расширения объемов кредита и важнейшим средством преодоления консервативной политики Наркомфина и Госбанка⁴⁹. С этих пор объемы кредита определялись не на основе представлений правоверных финансистов Наркомфина и Госбанка, а требованиями политики индустриализации, формировавшимися ВСНХ и Госпланом.

Государственный бюджет и кредитный план не охватывали все финансовые операции государственных учреждений и предприятий. Бюджет социального страхования, хотя и финансировался методами, аналогичными налогообложению, административно был вполне отделенным от государственного бюджета⁵⁰. В его рамках местные бюджеты были представлены лишь отчасти⁵¹. Хозрасчетные государственные и кооперативные организации выплачивали налоги в бюджет и получали из него дотации, а их ссуды и вклады учитывались в кредитном плане, но их текущие доходы и расходы не включались ни в бюджет, ни в кредитный план. Промфинпланы государственной промышленности, в которых важное место занимали финансовые операции, изучались и утверждались центральными ведомствами в качестве отдельного политического акта⁵².

В партийных кругах широко признавалось, что успешное планирование народного хозяйства требует более комплексной системы финансового планирования; но в какой мере это предполагало перестройку или слияние существовавших инструментов финансовой политики, было все же неясно. В последовательно проводившихся ежегодных обсуждениях бюджета некоторые члены бюджетной комиссии ЦИК предлагали расширить охват государственного бюджета. В апреле 1926 г. М. Ветошкин, один из наиболее видных членов комиссии, предлагал включить в бюджет все доходы и расходы государственной промышленности⁵³. В феврале 1927 г., в ходе обсуждения на комиссии бюджета на 1926/27 г., Рязанов поддержал эту точку зрения и добавил, что социальное страхование и торговля также должны стать составной частью бюджета⁵⁴. Другой докладчик привел в пример транспорт, для которого сохранялась предреволюционная практика включения его суммарных доходов и расходов в бюджет, и отметил: «Рост планового хозяйства в нашей стране неизбежно должен предполагать постоянное расширение границ нашего бюджета, не только как результат естественного роста его доходов, но и как результат включения в бюджет новых сфер государственной собственности»⁵⁵. Однако на пути предложений включить все государственные доходы и расходы в бюджет стояли вера в хозрасчет и недавние воспоминания о неудачных экспериментах военного коммунизма. На сессии ЦИК в апреле 1926 г. Н. П. Брюханов, народный

комиссар финансов, отмечал, что «с практической точки зрения эта идея неприемлема, по крайней мере на ближайшее будущее», и добавил, что такой подход будет «несколько тягостным для промышленности»⁵⁶.

Более настоящей и практической проблемой было достижение лучшей координации существовавших инструментов финансовой политики. Прогресс был медленным. Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 г., подготовленные Госпланом летом 1926 г., включали раздел по бюджету, но не делалось сколько-нибудь серьезных попыток связать обсуждение бюджета либо с другими аспектами финансовой системы, либо с остальным хозяйственным планом⁵⁷. В феврале 1927 г. на заседании бюджетной комиссии ЦИК Ю. Ларин предложил обсуждать бюджет, кредитный план и промфинплан совместно на заседании ЦИК в качестве составной части государственного хозяйственного плана⁵⁸. В последующий месяц ЦИК принял решение, по-видимому в качестве уступки критикам, представлять промфинплан на рассмотрение одновременно с государственным бюджетом на 1927/28 г.⁵⁹ Однако подготовленные Госпланом летом 1927 г. контрольные цифры народного хозяйства на 1927/28 г. вновь не смогли совместить различные финансовые планы⁶⁰. В 1927/28 г. Совнарком обсуждал промфинплан и бюджет отдельно, и промфинплан на рассмотрение ЦИК не представлялся⁶¹. Кредитный план по-прежнему утверждался лишь на квартальной основе и лишь СТО. В апреле 1928 г. на сессии ЦИК докладчик от бюджетной комиссии жаловался, что ее работа была ослаблена невозможностью рассмотреть вместе с бюджетом «вопросы планирования всей нашей кредитной системы», и подчеркнул, что «финансирование всего нашего народного хозяйства по бюджету составляет незначительную долю в сравнении с тем, что оно получает в порядке кредитования»⁶².

В ноябре 1928 г. ЦК ВКП(б) принял основные предложения в рамках пересмотренного варианта контрольных цифр Госплана в качестве «хозяйственного плана на 1928/29 год»⁶³. Том контрольных цифр на 1928/29 хоз. г., подготовленный Госпланом к тому времени, включал раздел, озаглавленный «Система финансирования», в котором была предпринята попытка дать общий обзор финансовой системы страны и скоординировать различные финансовые планы⁶⁴, а в декабре 1928 г. в ходе обсуждения годового бюджета на заседании ЦИК докладчик от бюджетной комиссии вновь жаловался на то, что бюджет на 1928/29 г. приходится рассматривать изолированно от кредитного и других финансовых планов, и настаивал на необходимости составления «единого финансового плана, который был бы общим обзором, общей сводкой всех мероприятий в народном хозяйстве»⁶⁵. К этому времени плановый отдел Наркомфина уже начал работу по подготовке «единого финансового плана» на следующий, 1929/30 г. Теперь события стали развиваться весьма бурно. Уже 20 февраля 1929 г. ЦИК и Совнарком приняли резолюцию, что «единый бюджет со-

циального страхования» должен составляться ежегодно и утверждаться Совнаркомом; он должен был включать социальное страхование, финансируемое через республиканские бюджеты, бюджет страхования транспортных рабочих и сметы Центрального управления социального страхования и Наркомтруда⁶⁶. Затем 24 апреля 1929 г. ЦИК и Совнарком постановили, что вместе с представлением Наркомфином бюджета на 1929/30 г. им должен быть также представлен «сводный финансовый план народного хозяйства», подготавливаемый одновременно и совместно с контрольными цифрами, при охвате всех источников дохода⁶⁷. Однако в то время годовой государственный бюджет и квартальные кредитные планы продолжали оставаться практически доступными инструментами финансового планирования.

Подчинение финансовой системы нарождающейся системе народнохозяйственного планирования происходило одновременно с утратой Наркомфином функций, традиционных для органов такого типа. Ограничения, наложенные в период между 1926 и 1929 гг. на полномочия Наркомфина относительно бюджета и кредитного плана, сопровождались энергичными попытками привести политику и персонал Наркомфина в полное соответствие с официальной хозяйственной политикой. Задача эта была весьма трудной. За Наркомфином давно закрепилась дурная слава поборника консервативной финансовой политики.

Сокольников, народный комиссар финансов с 1921 г. по январь 1926 г., проявил себя в качестве деятеля, в сильнейшей степени подверженного влиянию тех сотрудников Наркомфина, которые наиболее активно противодействовали политике индустриализации. Аппарат Наркомфина включал таких профессиональных экономистов, как Н. Д. Кондратьев, являвшийся директором наркомфиновского Конъюнктурного института, А. Л. Вайнштейн, бывший заместителем Кондратьева, Л. Юровский, являвшийся руководителем наркомфиновского валютного отдела, и Л. Литошенко; все эти специалисты были прекрасно знакомы с современной западной экономической наукой и публиковали статьи в профессиональных журналах Западной Европы и США⁶⁸. У членов этой научной школы можно было выделить три общих характерных подхода к трактовке советской экономики. Во-первых, они предсказывали, что из-за отсталости народного хозяйства, недостаточных объемов частного накопления и отсутствия зарубежных капиталовложений в стране уровень капиталовложений и темпы роста национального дохода в СССР в будущем неизбежно окажутся ниже, чем в дореволюционный период или в западных капиталистических странах⁶⁹. Во-вторых, они разделяли твердое убеждение «неонародников» в важности преимущественного развития сельского хозяйства по сравнению с промышленностью⁷⁰, и, хотя после 1926 г. они уже не пытались открыто принижать значимость индустриализации как таковой, тем не менее они последовательно доказы-

вали, что запланированные темпы индустриализации слишком высоки, и настаивали на учете интересов других секторов народного хозяйства. В-третьих, они благоприятно относились к самопроизвольным решениям рынка, предпочитая их сознательному хозяйственному контролю, предпочитали частный сектор экономики государственному и добровольные капиталовложения отдельных лиц принудительным капиталовложениям государства⁷¹. Подобный подход проявлялся в каждом аспекте их предложений в отношении бюджетной и кредитной политики. На нижних уровнях аппарата Наркомфина вначале было занято большое число бывших служащих царского министерства финансов, и лишь немногие сотрудники аппарата были членами партии⁷². В период 1922—1925 гг. предпринимались систематические усилия по увеличению численности членов партии⁷³. По состоянию на 1 января 1926 г. приходилось на членов партии или ВЛКСМ около 17% общей численности сотрудников Наркомфина, составлявшей 61 тыс. человек, и 27% из его 19,5 тыс. «ответственных и квалифицированных сотрудников»⁷⁴. Тем не менее по-прежнему часто раздавались упреки в том, что Наркомфин наводнен бывшими царскими служащими⁷⁵. В принятом 27 июня 1927 г. Постановлении ЦК ВКП(б) указывалось, что обследование Госбанка и специализированных банков показало, что большинство их сотрудников среднего звена было представлено квалифицированными беспартийными специалистами, имевшими многолетний опыт работы в банковском деле, но бывшими «недостаточно подверженными влиянию партии»⁷⁶.

Назначение на пост народного комиссара финансов Н. П. Брюханова вместо Сокольников, происшедшее в январе 1926 г.⁷⁷, ознаменовало перемены в судьбах этого комиссариата. Брюханов, старый большевик, прежде бывший заместителем Сокольников, по-видимому, безоговорочно согласился с усилением акцента на индустриализацию, оставаясь в этом ведомстве до 1930 года. В январе 1927 г. на Московской областной партийной конференции он заявлял, что «в целом финансовая политика» направлена на изыскание дополнительных ресурсов для индустриализации⁷⁸, а в феврале на сессии ЦИК он настаивал, что «нам не дано судьбой составлять легкий бюджет»: «Наша обязанность, наш долг — извлечь в распоряжение государства все те средства, которые можно только извлечь, бросить максимальное количество этих средств на нужды народного хозяйства для его подъема и быстрейшего роста»⁷⁹. Кузнецов, один из его заместителей, также была весьма настойчив в утверждении значимости увеличения объемов капитальных вложений в промышленность⁸⁰. С другой стороны, М. И. Фрумкин, еще один заместитель наркома, оставался, видимо, приверженным старым традициям Наркомфина и на следующий год выдвинулся как откровенный приверженец правого крыла в партии⁸¹.

Назначение Брюханова не привело к ликвидации недоверия к

Наркомфину ни среди членов партии, ни среди беспартийных поборников политики индустриализации в Госплане и ВСНХ, считавших его средоточием финансового консерватизма. К 1926 г. давно существовавшая антипатия между Госпланом и Наркомфином достигла точки, когда пришлось направлять Госплану протесты против неквалифицированной публикации точек зрения наркомфиновских сотрудников⁸². Летом 1927 г. резко усилилась напряженность в отношениях между госплановскими членами партии, поддерживавшими ускоренную индустриализацию, и наркомфиновскими специалистами⁸³. В то же время объединенная оппозиция объявила группу Кондратьева агентами контрреволюции. В своей статье, опубликованной в журнале «Большевик», Зиновьев подверг эту группу ожесточенным нападкам, объявив это направление «кондратьевщиной» и заявив, что все это — «более или менее законченная идеология новой буржуазии»⁸⁴. В обширном обзоре итогов 1926/27 хоз. г., опубликованном в начале 1928 г. в виде отдельного выпуска «Экономического бюллетеня Конъюнктурного института», видные сотрудники института, в том числе А. Л. Вайнштейн, развернули полномасштабное наступление на темпы индустриализации и на политику подавления частного сектора народного хозяйства⁸⁵. В течение марта 1928 г., после публикации этого номера бюллетеня, в хозяйственной и ежедневной прессе велась энергичная кампания против группы Кондратьева. Их бичевали как «буржуазных экономистов», которые предпринимают попытку «буржуазной ревизии основных линий ленинизма в хозяйственном строительстве»; их концепции объявлялись «плодом фантазии апологетов капитализма», а их разговоры о применении методов военного коммунизма — чистейшим вздором, «проповедовать... [который] могут только те экономисты, которые отражают идеологию частнокапиталистического сектора»⁸⁶. И. А. Краваль сетовал на то, что «печатание ряда из них передовыми в официальных органах наших ведомств без соответствующих оговорок редакции наводит на грустные размышления о том, как глубоко иногда просачиваются враждебные пролетариату идеологические течения»⁸⁷. Вскоре после этих нападок Кондратьев, Вайнштейн и другие сотрудники были смещены со своих должностей в Наркомфине, а редколлегия бюллетеня заменена⁸⁸.

Обсуждение бюджета на 1927/28 хоз. г. в апреле 1928 г. на заседании ЦИК выявило степень, в которой эти события подорвали положение Наркомфина. Ю. Ларин, на протяжении нескольких лет игравший роль обличителя капиталистических влияний в Наркомфине, резко критиковал доклад Брюханова в трех аспектах. Во-первых, Брюханов в своем докладе основывался на данных, представленных Конъюнктурным институтом, который находился «под руководством... проф. Кондратьева, идейного сторонника, приверженца капитализма». Во-вторых, Наркомфин систематически недооценивал возможности получения доходов. В-третьих, он трактовал прибыли частной промышленности и торговли

как «сверхприбыль» с точки зрения налогообложения лишь в случае, когда они превышали уровень, иногда достигавший 30%, а «это значит терять революционное чутье и коммунистическую чуткость по отношению к нашим классовым врагам»⁸⁹. Как и в других случаях, Ларин коснулся весьма беспокойных вопросов. Каждое из выдвинутых им трех обвинений обращалось к важнейшему аспекту конфликта между Наркомфином и партией. Первое из его обвинений было направлено на влияние, оказывавшееся на Наркомфин со стороны группы Кондратьева, явившейся первым центром сопротивления политике индустриализации, против которого были предприняты действия властей. Второе его обвинение было нацелено на ту роль, которую Наркомфин играл в своей долгой борьбе за консерватизм финансовой системы и против инфляции. Третье обвинение обращало внимание на сопротивление Наркомфина политике выжимания средств из частного сектора. В последовавших за речью Ларина выступлениях предпринимались ожесточенные попытки отмежеваться от политических выводов его высказываний. Кузнецов заявил, что «всякий нарком более ответственен, чем безответственный т. Ларин», язвительно заметив, что, «если бы это сказал не Ларин, можно было бы больше обижаться». Он обвинил Ларина в том, что тот поднимает партийные вопросы в государственной организации, намекнул на меньшевистское прошлое Ларина и с похвалой отозвался о твердости Фрумкина, отвечавшего в Наркомфине за налогообложение⁹⁰. Позже на этой сессии к защите Наркомфина присоединился А. И. Рыков: «Я ни в коей степени не могу признать правильным какие-либо упреки в том, что идейное влияние буржуазии сказывается на т. Брюханове, на т. Фрумкине, на т. Кузнецове или на всем Наркомате финансов... *Бросать голословно такого рода упреки, что в наиболее чувствительном и ответственном месте, в области нашей финансовой политики, сказывается буржуазное влияние, — совершенно недопустимо*»⁹¹. В конце обсуждения Брюханов попытался сгладить впечатление, возникшее в результате такого наступления: «Мы все прекрасно знаем нрав т. Ларина, знаем, что все несообразности, которые он говорит, все неправильные его утверждения никем ему не подсунуты, никому другому не принадлежат, как только ему самому. Пусть они при нем и остаются»⁹².

Нападки Ларина стали предвестником общепринятой позиции в отношении Наркомфина. Лето 1928 г., ознаменовавшееся судом над инженерами, проходившими по «шахтинскому делу»⁹³, продемонстрировало также окончание активной кампании в советских административных органах против тех, кто сопротивлялся политике индустриализации; и Наркомфин в этом отношении был особенно уязвим. На протяжении лета и осени Фрумкин продолжал свои нападки на темпы индустриализации, используя при этом многие из традиционных наркомфиновских доводов. Однако его независимость была исключительной, что было связано с его поло-

жением в партии и нежеланием партийных лидеров предпринимать какие-либо действия против него лично⁹⁴. Хотя средства информации и не сообщали об устранении каких-либо сотрудников или специалистов Наркомфина, помимо деятелей Конъюнктурного института, на протяжении 1928 г. наркомфиновские специалисты быстро утратили остатки своего влияния⁹⁵. Летом 1928 г. Наркомфин уже представил оценки бюджета на пять лет вперед, что считалось совершенно недопустимым еще месяцев за двенадцать до того⁹⁶. В октябре 1928 г. перемены в Наркомфине были символизированы назначением Г. Л. Пятакова, в недавнем прошлом «сверхиндустриалиста» и члена объединенной оппозиции, теперь вернувшегося в партию, на должность заместителя председателя Госбанка, ставшего тем самым членом коллегии Наркомфина⁹⁷. Спустя несколько месяцев Пятаков уже сменил Шейнмана, став председателем Госбанка, твердо отстаивавшего ортодоксальные финансовые принципы на протяжении ряда лет⁹⁸. И. В. Сталин, резко критикуя на Пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 г. поведение Фрумкина как члена Центрального Комитета, отмечал, что «скупость Наркомфина всем известна», признавая при этом, что «он не может не быть скупым»⁹⁹. Однако такой намек на великодушие по отношению к Наркомфину был едва ли типичным. В 1928 и 1929 гг. он полностью утратил свое влияние при формировании политики, и его статус был низведен до роли технического административного органа.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ

а) Расходы

Расходная часть в период между 1925/26 и 1928/29 хоз. гг. более чем удвоилась¹. Свыше половины общего прироста пришлось на «финансирование народного хозяйства». В рамках этой статьи сильнее всего выросли ассигнования на нужды промышленности, однако наблюдался существенный рост расходов и на сельское хозяйство². Расходы на «социально-культурные мероприятия», главным образом на здравоохранение и просвещение, также быстро росли, хотя меньшими темпами, чем бюджетные расходы в целом. Расходы на оборону, несмотря на тревоги 1927 г., росли медленнее, а зарегистрированные расходы на оборонную промышленность, которые классифицировались как часть народнохозяйственных затрат, были невелики³. Расходы на содержание административного аппарата, по-видимому в результате ряда кампаний по их сокращению⁴, также росли гораздо медленнее, чем бюджетные расходы в целом.

Подобный рост бюджетных расходов не впервые рассматривался в качестве необходимой или автоматической предпосылки политики индустриализации. В конце 20-х годов широко распространилось мнение, что планирование не приведет к увеличению нормативов прямого или косвенного налогообложения и что бюджет не будет расти быстрее, чем национальный доход в целом. Рассчитанный на трехлетний период финансовый план, составленный в конце 1925 г. специалистом Наркомфина Никитским, даже исходил из допущения, что отношение между бюджетом и ВВП будет в 1927/28 хоз. г. ниже, чем было в 1913 г.⁵ Спустя восемнадцать месяцев автор этого плана заявлял, что в будущем бюджет должен увеличиваться медленнее, чем национальный доход в целом⁶. Хотя к этому времени Наркомфин официально признал, что бюджет должен расти быстрее, чем национальный доход, была также подчеркнута «точка зрения... о необходимости осторожного исчисления доходной части финплана»⁷. Осторожность в отношении возможных темпов роста бюджета была присуща не только Наркомфину. Так, Громан при анализе перспектив на 1927/28 хоз. г. заявлял, что «источники дохода исчерпаны до отказа» и «возможен лишь параллельный дальнейший рост бюджета и товарной массы»⁸. Составители второго госплановского проекта пятилетнего плана, склонные к большему энтузиазму в своей поддержке индустриализации, поддерживали принцип более быстрого роста бюд-

жета по сравнению с национальным доходом, но подчеркивали, что нормативы как прямого, так и косвенного налогообложения повышать не следует⁹. Даже Преображенский оказался в противоречивом положении, настойчиво поддерживая политику индустриализации и признавая доминирующее положение финансовой осторожности. В своей речи в ходе обсуждения бюджета на заседании ЦИК в феврале 1927 г. он неожиданно стал доказывать, что темп роста бюджета на 1926/27 хоз. г., превысивший темп роста национального дохода, приведет к значительным диспропорциям и перенапряжению, возражал против предложений бюджетной комиссии увеличить расходы и настаивал на приостановке роста бюджета¹⁰.

На практике Наркомфин из года в год уступал нажиму расходующих ведомств. В июле 1926 г. его исходные предложения по бюджету на 1926/27 хоз. г. предусматривали увеличение на 16,5—17%; эта цифра, уже превышавшая ожидавшийся рост национального дохода, была принята Госпланом¹¹. Однако 3 августа 1926 г. Совнарком издал распоряжение о дополнительном увеличении расходов на народное хозяйство в бюджете 1926/27 хоз. г., указав при этом, что бюджетные ассигнования на капиталовложения в промышленности должны превышать уровень предыдущего года, что следует увеличить оборотные фонды промышленности и ассигнования на транспорт и что необходимо предусмотреть средства для начала строительства ряда новых электростанций и стимулирования экспорта¹². Это распоряжение было подкреплено 8 сентября 1926 г., когда Совнарком и СТО вновь стали требовать увеличения предложенных бюджетных ассигнований в промышленности; они требовали также увеличить бюджетный избыток и бюджетный резерв¹³. В декабре 1926 г. на совместном заседании Совнаркома и СТО Брюханов внес предложение о превышении бюджетом на 1926/27 хоз. г. уровня предыдущего года на 24%¹⁴. В действительности, в 1926/27 хоз. г. прирост бюджетных расходов достиг почти 41%, тогда как национальный доход вырос всего на 6,3%¹⁵.

Аналогичная ситуация возникла и в отношении сметы на 1927/28 хоз. г. Летом 1927 г. Наркомфин рекомендовал увеличить бюджет в 1927/28 хоз. г. на 9—10% в сравнении с 6,5—7%-ным ростом национального дохода. Исходные предложения Госплана, составленные независимо от Наркомфина, были почти идентичными¹⁶. Однако вскоре вновь возобладала тенденция к увеличению сметных показателей. В начале 1928 г. Кузнецов сообщил, что допустимо увеличение бюджетной сметы, поскольку исходные предложения занизили темпы роста товарооборота в торговле, и особенно продажи сахара и водки, которые должны были дать значительные поступления в бюджет¹⁷. Предложения, утвержденные сессией ЦИК в апреле 1928 г., предусматривали гораздо более быстрый рост бюджетных расходов по сравнению с ожидавшимся ростом национального дохода: было заложено 17%-ное превыше-

ние бюджетными расходами уровня фактических расходов в 1926/27 хоз. г. Наркомфин, подвергшийся на сессии резким нападкам Ларина, обвинившего его в упорном занижении бюджетных поступлений¹⁸, все еще пытался ввести некоторые ограничения. Один из двух заместителей Наркома финансов Кузнецов в мягкой форме защищал политику осторожности: «Лучше... тот НКФ и то правительство, которые предложат бюджет, выполнение которого обеспечено с некоторым небольшим излишком, чем тот НКФ и то правительство, которые выступают с бюджетом, выполнение которого не обеспечено на 100%»¹⁹. Фрумкин пошел дальше, горячо защищая усилия Наркомфина, ставящие своей целью обуздать «слишком большие, раздутые программы, которые представлены многими учреждениями по капитальному строительству», считая их невыполнимыми²⁰. Тем не менее в период между апрелем и сентябрем 1928 г. к бюджету на 1927/28 хоз. г. были добавлены дополнительные сметы по финансированию народного хозяйства, достигавшие почти 300 млн. руб.²¹ На Пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 г. Осинский резко критиковал быстрый рост бюджетных расходов, заявив, что «наш бюджет — это бюджет страны, которая живет не по средствам»²². На 1928/29 хоз. г. после очередного раунда обоснований ЦИК принял решение об увеличении бюджета на 14,3% по сравнению с 10,7%-ным приростом национального дохода²³. До конца хозяйственного года были утверждены дополнительные сметы, достигшие 370 млн. руб.²⁴ В каждом году утверждавшийся ЦИК бюджет оказывался существенно больше первоначальной сметы Наркомфина, а фактические ассигнования отличались еще большим приростом²⁵. Превышение было отчасти обусловлено исходным занижением темпов роста бюджетных доходов; но в основном оно было вызвано притязаниями народного хозяйства на бюджетные ресурсы²⁶. За период между 1925/26 и 1928/29 хоз. гг. расходы государственного бюджета выросли на 105% по сравнению с приростом национального дохода, составившим самое большее 40%²⁷.

Тем самым бюджет во все большей степени становился инструментом финансирования индустриализации. Приведенная ниже таблица, подготовленная Наркомфином, показывает различные источники, из которых финансировались капиталовложения и прирост оборотных фондов промышленности (в млн. руб.):

	1925/26 хоз. г.	1926/27 хоз. г.	1927/28 хоз. г.	1928/29 хоз. г.
Бюджетные ассигнования	171	487	642	900
Прибыль и амортизационные отчисления	934	1060	1252	1580
Банковские кредиты	295	423	469	463
Прочие источники	170	91	86	100
Итого	1570	2061	2449	3043

Значение госбюджета в финансировании промышленности постоянно возрастало при одновременном снижении относительной значимости внутренних ресурсов промышленности и банковских кредитов. Согласно данным Наркомфина, в 1925/26 хоз. г. чистый суммарный итог по бюджетным операциям промышленности составил 45 млн. руб. выплат в бюджет, тогда как в 1928/29 хоз. г. поступления из бюджета равнялись 401 млн. руб.²⁸

Подобное развитие событий явилось отражением изменений акцентов в официально провозглашаемой политике финансирования промышленности. В апреле 1926 г. И. В. Сталин включил бюджет в качестве одной из статей перечня потенциальных источников накопления капитала: «Мы имеем такое оружие, как государственная власть, которая распоряжается государственным бюджетом и которая собирает малую толику денег для дальнейшего развития народного хозяйства вообще, нашей индустрии в особенности»²⁹. В резолюции XV партийной конференции, состоявшейся в октябре 1926 г., накоплению в промышленности все еще придавалось первостепенное значение, но в то же время заявлялось, что «этого будет недостаточно для обеспечения необходимой скорости промышленного развития, при любых темпах в ближайшем будущем»; далее говорилось: «Одним из главных орудий перераспределения народного дохода является государственный бюджет. В государственном бюджете Союза интересы индустриализации должны найти полное выражение»³⁰. Эта точка зрения еще более акцентированно была повторена в апреле 1927 г. в материалах IV съезда Советов СССР³¹. В апреле 1928 г. один из выступавших на сессии ЦИК заявлял, что необходимо «стремиться к возможному увеличению роли и удельного веса бюджета в народном хозяйстве страны»³², а один из деятелей Наркомфина доказывал, что *«и в дальнейшем метод бюджетного финансирования должен явиться основным методом финансирования промышленного капитального строительства»* в отсутствие кредитов³³.

Однако, несмотря на столь реалистическую оценку ситуации, составители следовавших друг за другом проектов пятилетнего плана как в Госплане, так и в ВСНХ исходили из представлений о финансировании программы индустриализации главным образом из возрастающих прибылей самой промышленности. В начале 1928 г. Сабсович заявлял, что суммарно чистые ассигнования промышленности из бюджета в ходе пятилетки должны быть сведены по возможности до нуля³⁴. Позднее в этом же году председатель бюджетно-финансовой секции Госплана заявлял, что к концу первой пятилетки вес бюджетной системы в финансовой системе в целом будет неуклонно снижаться в связи с ростом ресурсов хозяйственных организаций³⁵. Первый пятилетний план в том виде, как он был утвержден весной 1929 г. XVI партийной конференцией и V съездом Советов СССР, все еще строился на допущениях, что прибыль хозяйственных предприятий явится важнейшим источником финансирования народного хозяйства, а роль

бюджета будет сокращаться³⁶. Эти расчеты оказались совершенно нереалистичными; промышленность на протяжении первой пятилетки становилась все более зависимой от бюджетного финансирования.

б) Доходы

В дискуссиях о размерах бюджета считалось само собой разумеющимся, что любой прирост бюджетных расходов должен быть скомпенсирован соответствующим увеличением доходов. В Советском Союзе, как и в любой другой стране того времени, бюджетный дефицит считался признаком серьезных нарушений финансов страны³⁷. В каждом из хозяйственных годов с 1925/26 по 1928/29 достигался бюджетный избыток:

Избыток государственного
бюджета (в млн руб.)

1925/26 хоз. г.	13
1926/27 хоз. г.	16
1927/28 хоз. г.	204
1928/29 хоз. г.	187 ³⁸

Для получения этого результата перед лицом резкого увеличения расходов потребовалось удвоение бюджетных доходов в период между 1925/26 и 1928/29 хоз. гг. Усилия по достижению этих значительных приростов окончательно решили судьбу традиционной политики социалистов, которой в принципе партия еще придерживалась и которая базировалась на прямом налогообложении в качестве основного источника бюджетных доходов³⁹. В феврале 1924 г. II съезд Советов СССР подчеркнул значение прогрессивного прямого налогообложения⁴⁰, и еще в апреле 1925 г. Сокольников, бывший тогда наркомом финансов, отстаивал систему прямого налогообложения как «гарантирующую возможность осуществления классового подхода»⁴¹. В декабре 1926 г. Госплан предлагал увеличивать долю прямых налогов в будущих бюджетах⁴². На протяжении ряда лет Ю. Ларин продолжал кампанию за повышенное налогообложение нэпманов и кулаков⁴³, и эта тема была традиционной в кампаниях объединенной оппозиции. Преображенский в своей речи при обсуждении бюджета на заседании ЦИК в феврале 1927 г. доказывал, что доходы «новой буржуазии» повышаются и недостаточно обложены налогами⁴⁴. Контртезисы оппозиции по пятилетнему плану на XV съезде ВКП(б) призывали к повышенному налогообложению нэпманов⁴⁵. Однако, даже несмотря на отклонение притязаний оппозиции, иногда все же проявлялось стремление к прямому налогообложению в качестве основного средства увеличения доходов. В апреле

1928 г. на сессии ЦИК А. И. Рыков назвал слабым местом то, что «элементы прямого прогрессивного обложения до настоящего времени занимают в бюджете небольшую часть», прогрессивный характер прямого налогообложения должен был в будущем усилиться⁴⁶. Составители первого пятилетнего плана выступили защитниками большой роли косвенных налогов, но заявляли, что предложенная в плане финансовая система имеет «в лице своих прямых налогов... достаточные рычаги для обеспечения правильного классового характера всей доходной части бюджета»⁴⁷.

Слабым местом любого предложения усилить прямое налогообложение было отсутствие в СССР состоятельных классов капиталистов или землевладельцев, у которых можно было бы изъять ощутимые доходы. В городах основными видами прямых налогов, введенных или восстановленных в первые годы НЭПа, являлись налог на личные доходы, взимаемый с нанимателей рабочей силы, лиц, занятых индивидуальной трудовой деятельностью, и получателей заработной платы, а также промышленный налог, налагаемый как на частный, так и на обобществленный сектор промышленности⁴⁸. Однако прямые налоги с обобщественного сектора едва ли были налогами в том смысле, в каком понимается некая дань, взимаемая государством с личных доходов⁴⁹. Прямое налогообложение личных доходов могло дать значительный прирост необходимых государству поступлений лишь в случае существенного увеличения суммы подоходного налога, выплачиваемого массой получающих заработную плату рабочих и служащих. Эта возможность никогда всерьез не обсуждалась, и в период с весны 1926 г. по лето 1929 г. ставки подоходного налога на получателей заработной платы не повышались⁵⁰. Вместе с тем прямое налогообложение широко использовалось в качестве меры для выжимания средств из нэпмана. Усиление налогообложения нэпмана подробно обсуждалось в Наркомфине в первые месяцы 1926 г.⁵¹ Так, 18 июня 1926 г. был введен «временный государственный налог на сверхприбыль». Он должен был уплачиваться начиная со второй половины 1925/26 хоз. г. теми лицами, доход которых в четыре раза превышает освобождаемый от налога минимум, и мог возрастать максимально до 50% подоходного налога, который должен был взиматься с данного лица⁵². В сентябре 1926 г. резолюция Совнаркома и СТО вновь призвала «максимально усилить обложение частного капитала» на протяжении 1926/27 хоз. г.⁵³ Утвержденный 24 сентября 1926 г. новый закон о налоге на личные доходы увеличил предельную ставку налогообложения нанимателей рабочей силы с 30 до 45%, сократив при этом охват налогом лиц с низким доходом, занятых индивидуальной трудовой деятельностью, и в отдельных областях наемных работников⁵⁴. В дополнение к подоходному налогу, уплачиваемому в госбюджет, местным властям было предоставлено право взимать дополнительный налог, составлявший максимум 25% подоходного налога⁵⁵, более состоятельные наниматели рабочей силы продолжали облагаться

налогом на сверхприбыль, составлявшим максимально 50% подоходного налога. В октябре 1926 г. на XV партийной конференции А. И. Рыков указывал, что максимальную ставку налогообложения нэпмана в некоторых случаях можно было бы довести до 90% дохода⁵⁶. Однако по наивысшей ставке налоги выплачивались лишь немногочисленным меньшинством частных капиталистов, причем лишь с части их дохода: средняя ставка налогов, уплачиваемых частными нанимателями, при исключении местного дополнительного налога, достигавшего 25%, составила в 1926/27 хоз. г. около 11% оцениваемого объема доходов⁵⁷. В ноябре 1927 г. оппозиция в своих контртезисах по пятилетнему плану предложила повысить налоги на сверхприбыли частных предпринимателей на 150—200 млн. руб. в год; В. И. Межлаук решительно отверг это предложение, заявив, что капиталистические элементы, из которых оппозиция собирается извлечь эту сумму, постепенно вытесняются из народного хозяйства, и привел наркомфиновскую статистику, призванную показать, что суммарное накопление частных предпринимателей в то время не превышало 200—250 млн. руб. в год⁵⁸. Месяцем позже, 14 декабря 1927 г., следующий закон о подоходном налоге повысил максимальную ставку налогообложения личных доходов нанимателей более чем двух работников с 45 до 54%⁵⁹.

Помимо налога на личные доходы, другой основной формой налога с частного предпринимателя являлся промышленный налог, взимаемый со стоимости оборота торговли и промышленности: в 1925/26 хоз. г. из 349 млн. руб., собранных в виде промышленного налога, 109 млн. руб. поступили от частного сектора. Хотя в сентябре 1926 г. в законодательство о промышленном налоге были внесены некоторые небольшие изменения⁶⁰, сам налог все же подвергался резкой критике как недостаточно избирательный в борьбе с частным сектором. На сессии ЦИК в феврале 1927 г. Брюханов признал, что эффектом изменений явилось фактическое снижение относительной ставки налогообложения частного сектора; если раньше частный торговец платил налог по ставке, в 2,5 раза превышавшей ставку обложения государственных торговых организаций, теперь он стал платить лишь в 2 раза больше⁶¹. Годом позже бюджетная комиссия ЦИК рекомендовала повысить ставку налогообложения частного сектора⁶². В результате полного пересмотра налогового законодательства 10 августа 1928 г. была существенно повышена ставка налогообложения как частной, так и общественной торговли и промышленности⁶³.

Законодательство, вводившее повышенные ставки налогообложения нэпмана, могло быть действенным лишь в случае, когда оно сопровождалось мерами по усилению сбора налогов. Резолюции XV партийной конференции (октябрь 1926 г.) и сессии ЦИК от февраля 1927 г. критиковали занижение налогов с частного сектора и призывали к укреплению механизма сбора налогов⁶⁴. Движение за более эффективный или более жесткий сбор налогов

с частных предпринимателей составило часть начавшегося летом 1927 г. общего наступления на частный капитал⁶⁵. После ослабления нажима зимой 1927/28 г. это налоговое движение вновь усилилось осенью 1928 года. В одном из обследований приводился перечень методов, с помощью которых частным торговцам удавалось уходить от налогового пресса, и говорилось о «массовом» взяточничестве служащих Наркомфина⁶⁶. Однако движение против нэпмана, составной частью которого явилось дискриминационное налогообложение, автоматически ликвидировало источники дохода, с которого взимались налоги. В 1927/28 хоз. г. в результате увеличения ставок налогов, поступления от прямого налогообложения оказались выше, чем в предыдущем году; тем не менее они были существенно ниже оценок из-за сокращения численности и активности частных фирм⁶⁷. В первом квартале 1928/29 хоз. г. с частного сектора было собрано лишь 30 млн. руб. вместо предполагавшихся 60 млн. руб.; суммарный налогооблагаемый частный товарооборот, в отношении которого в первые шесть месяцев 1928/29 хоз. г. ожидалось 25%-ное сокращение, фактически упал на 40—45%⁶⁸. Общая сумма, собранная в виде налога на личные доходы и промышленного налога с частного сектора на протяжении рассматриваемого периода, не превышала 7% бюджетных поступлений⁶⁹.

Помимо получателей заработной платы и нэпманов в городах, другим важным потенциальным источником для прямого налогообложения был крестьянин. В период с 1924/25 по 1926/27 хоз. г. денежные доходы крестьянства быстро возрастали, как в абсолютном выражении, так и в виде доли от общего личного дохода, хотя на душу населения доход крестьянина оставался много ниже доходов городского населения⁷⁰. Летом 1925 г., когда политика примирения с крестьянством достигла своего пика, на XIV партийной конференции было принято решение сократить в 1925/26 хоз. г. абсолютную сумму сельскохозяйственного налога, единственного крупного прямого налога с крестьянина, а положения принятого в том году налогового закона резко критиковались как способствующие обогащению крестьянина⁷¹. Во всяком случае, фактически собранная в 1925/26 хоз. г. сумма в 252 млн. руб. оказалась даже ниже запланированных 280 млн. руб., что явилось для крестьянина существенным облегчением бремени прямых налогов⁷². Зимой 1925/26 г. подробно обсуждалось будущее налогообложение. Обсуждение в основном касалось вопроса о том, можно ли построить налог так, чтобы он оказался избирательным в отношении кулака и помогал бедняку, способствуя одновременно развитию крестьянского хозяйства. Трудность проблемы серьезно возрастала из-за сложности оценки и сбора налога с 25 миллионов крестьянских дворов, которые получали свой доход из множества источников и в которых глава хозяйства зачастую был неграмотным. К 1926 г. Наркомфин создал разветвленную сеть оценки размеров налогов и их сбора. Основными налоговыми органами

стали сельсоветы и исполкомы сельских районных (волостных) Советов. Под руководством волостного исполкома сельсовет составлял «список хозяйств», в котором указывались обязательства каждого хозяйства по налогообложению; на основании такого списка до каждого хозяйства доводились оценки суммы налогов, подготовленные волостным исполкомом. «Налоговая комиссия» каждого волостного исполкома определяла скидки и освобождения от уплаты налогов, а также рассматривала жалобы крестьян; в такую комиссию входили представители вышестоящих сельскохозяйственных и финансовых органов и два представителя от крестьянства⁷³. Однако статистическо-налоговая база не соответствовала задаче индивидуальной оценки дохода каждого хозяйства, и в 1925/26 хоз. г., как и в предыдущие годы, расчетной единицей при налогообложении была десятина земли, в которую с помощью условных коэффициентов пересчитывался домашний скот, в частности крупный рогатый скот и лошади.

Основные принципы налоговой реформы были одобрены в марте 1926 г. решением Совнаркома относительно методов подсчета, которые предполагалось использовать при сборе налогов в 1926/27 хоз. г. Налог должен был теперь взиматься с оцениваемого дохода, а не с единиц площади земли, как было прежде; заработки от побочных занятий должны были включаться в налогооблагаемый доход; предполагалось сделать налог более прогрессивным⁷⁴. На апрельском (1926 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) Л. Д. Троцкий присоединился к Л. Б. Каменеву в поддержке более прогрессивного сельскохозяйственного налога; Центральный Комитет, формально отклонив поправки Троцкого, также одобрил решение Совнаркома о налоговой реформе⁷⁵. В том же месяце Н. П. Брюханов представил на рассмотрение сессии ЦИК детальные предложения, которые «сводятся к изменению всей существующей системы сельскохозяйственного налога»⁷⁶; впоследствии они были утверждены сессией⁷⁷. Изменение метода расчетной оценки и переход к «доходной» базе оказались изменением больше по форме, чем по содержанию: сумма налога продолжала оцениваться по условной «норме» дохода, а не по фактическому доходу каждого хозяйства. «Норма» дохода для каждой десятины обрабатываемой земли, каждой содержавшейся лошади и коровы по усредненному крестьянскому хозяйству была установлена ЦИК СССР для каждой республики на основе данных о среднем доходе крестьянства за несколько лет, а затем использовалась местными Советами для расчета гипотетического дохода по каждому хозяйству. Для получения душевого дохода рассчитанный таким путем доход делили на число членов хозяйства, как это делалось раньше при расчете площади земельного участка⁷⁸. Все же многое оставалось на усмотрение местных властей. Союзным республикам разрешалось применять разные нормы дохода в разных губерниях при условии неизменности суммарного оцениваемого дохода по республике в целом, и аналогичное право на корректировку было предоставлено

губернским властям. На усмотрение губернии было оставлено решение вопроса, подлежат ли обложению налогом внесельскохозяйственные заработки и такие виды сельскохозяйственной деятельности, с которых ранее налоги не взимались, как откорм свиней и пчеловодство, а также установление норм дохода в этих случаях. В различных регионах практика, вероятно, была весьма многообразной. Однако и само законодательство содержало характерный элемент произвола при оценке дохода. Предполагалось, что в пределах каждой волости все крестьяне получают одинаковый доход от одной лошади, одной коровы или с одной десятины земли: такой подход благоприятствовал более эффективным хозяйствам, в которых земля была более продуктивной, а скот — более породистым и содержался в лучших условиях⁷⁹. Тем не менее в апреле 1926 г. показатель прогрессии налога был резко увеличен: максимальная предельная ставка составила 25%, а ставки налогообложения групп с пониженными доходами были уменьшены⁸⁰. Прогрессивное возрастание налога явилось основным фактором, обусловившим увеличение общей налоговой суммы в 1926/27 хоз. г. Ожидалось, что налог принесет 300 млн. руб. по сравнению с 250 млн. руб., собранными в 1925/26 хоз. г. В действительности и эта сумма оказалась заниженной: фактически было собрано 358 млн. руб.⁸¹

Принятый 2 апреля 1927 г. Закон о сельскохозяйственном налоге на 1927/28 хоз. г. не внес каких-либо изменений относительно общей суммы налога или его прогрессивного характера⁸². Отказ придать налогу более выраженную прогрессию вновь подвергся ожесточенным нападкам со стороны объединенной оппозиции, которая в мае 1927 г. в «декларации 83-х» доказывала, что предложение оппозиции ослабить для 50% крестьянских хозяйств бремя сельскохозяйственного налога, удвоив тем самым процент хозяйств (25%), пользовавшихся до того времени налоговыми послаблениями, становится все более оправданным⁸³. Платформа оппозиции от сентября 1927 г. заявляла, что «в деревне сельскохозяйственный налог взимается, как общее правило, в обратной прогрессии: он является тяжелым бременем для слабых хозяйств и более легким для крепких хозяйств и для кулака»⁸⁴. В октябрьских (1927 г.) контртезисах оппозиции делалось предложение дополнить сельхозналог обязательным зерновым сбором, возлагаемым на «состоятельные или кулацкие хозяйства» и дающим 150—200 млн. пудов зерна⁸⁵. Октябрьский манифест ЦИК отчасти пошел по пути признания справедливости критических заявлений о чрезмерной тяжести налогообложения бедняцких хозяйств; в нем объявлялось решение увеличить еще на 10% число хозяйств, освобождаемых от сельхозналога, доведя их общее число до 35%⁸⁶; однако на протяжении 1927 г. не предпринималось попыток усилить налогообложение более состоятельных групп крестьянства.

С начала 1928 г. атмосфера стала меняться. «Чрезвычайные меры» сопровождалась попытками ускорить сбор сельхозналога,

и широкое распространение получило мнение, что степень налогообложения состоятельных хозяйств должна быть резко усилена. И. В. Сталин в своей инструкции от 13 февраля 1928 г. осудил «недостаточность» сельхозналога и призвал к оказанию давления на состоятельных крестьян с целью сбора с них налоговой задолженности⁸⁷. Начали появляться статьи, стремившиеся показать, что кулаки недостаточно обложены налогом⁸⁸. Новый подход был подтвержден в апреле 1928 г. Центральным Комитетом ВКП(б)⁸⁹, а 21 апреля 1928 г. ЦИК утвердил налоговый закон на 1928/29 хоз. г., в котором было предпринято несколько важных шагов по увеличению ставок налогообложения более состоятельных групп крестьянства. Во-первых, максимальная ставка налога была повышена с 25 до 30%. Во-вторых, каждая республика должна была оценивать суммарный доход, получаемый в каждой губернии крестьянскими хозяйствами, доходы которых превышают оговоренную сумму, а затем налагать на губернию надбавку, составляющую от 5 до 25% налога, причитающегося с этой группы; надбавка должна была распределяться заинтересованными губернскими властями среди 10—12% наиболее состоятельных хозяйств. Волость также могла снимать с состоятельных хозяйств налоговые освобождения, до того времени предоставлявшиеся им на основании числа членов хозяйства. В-третьих, доходы 2—3% наиболее состоятельных хозяйств должны были облагаться в индивидуальном порядке местными налоговыми комиссиями⁹⁰. Позже один из налоговых служащих сформулировал все эти меры следующим образом: «При построении налогового закона мы исходили из того, чтобы, помимо освобождения от налога 35% крестьянских хозяйств, примерно для 20% крестьянских хозяйств налог был несколько понижен против предыдущего года. Повышение же налога для остальных хозяйств предполагалось начать с минимальных размеров, доводя повышение для наиболее высших групп до 80—90%»⁹¹.

В результате таких изменений общая сумма налога, которую предполагалось собрать в 1928/29 хоз. г., оценивалась в 400 млн. руб., что давало прирост на треть по сравнению с оценками на 1927/28 хоз. г. Осенью 1928 г., когда началась налоговая кампания, выражались опасения, что налоговое давление окажется слишком суровым по отношению к наиболее состоятельным слоям крестьянства. В своей речи на заседании Моссовета 18 сентября 1928 г. М. И. Калинин сетовал, что «многие местные органы поняли новый закон как подразумевающий раскулачивание», и заявлял, что Советское правительство не стремится к тому, чтобы налоговая кампания привела к разрушению кулацких дворов⁹². На ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) И. В. Сталин жаловался, что вопреки решению Политбюро об индивидуальном налогообложении лишь 2—3% хозяйств, во многих районах индивидуальное обложение подвергается 10, 12 и более процентов хозяйств, что ухудшает отношения с середняками; он осудил это явление как

«преступление»⁹³. В течение зимы 1928/29 г. в ряде районов были снижены исходные налоги с более состоятельных групп и число хозяйств, подлежащих индивидуальному налогообложению⁹⁴. Сообщалось, что в среднем лишь 1,7% хозяйств фактически облагались индивидуально, но этот же обзор показал, что налог с этой группы в целом возрос на 178%⁹⁵. В апреле 1929 г. на XVI партийной конференции М. И. Калинин сетовал на «перегибы» при индивидуальном обложении, которое до некоторой степени напоминало «барский подход»: «Человек платит 100 руб. налога, его индивидуально по порядку облагают еще на 100 рублей. Человек, конечно, лезет на стенку»⁹⁶.

Перегибы объяснялись неспособностью местных Советов правильно применять закон, а также нежеланием Наркомфина и губернских председателей Советов и партийных секретарей поставить все на свои места⁹⁷. Общая сумма налога, собранная в конечном счете в 1928/29 хоз. г., составила 449 млн. руб. в сравнении с первоначальной оценкой 400 млн. руб.; но даже в этом случае на сельхозналоги в 1928/29 хоз. г. предположительно пришлось меньшая доля суммарного денежного дохода крестьянства, чем в 1924/25 хоз. г.⁹⁸ В декабре 1928 г. было отклонено предложение об увеличении сельхозналога и сокращении налога на водку⁹⁹, а 8 февраля 1929 г. был принят указ, предусматривавший снижение сельхозналога на 1929/30 хоз. г. до 375 млн. руб.¹⁰⁰ На протяжении всего периода с 1926 по 1929 г. все более энергичные усилия Советской власти обложить налогами зажиточные группы крестьянства сопровождалось откровенным нежеланием повысить уровень прямых налогов с крестьянства в целом¹⁰¹.

Другая важная форма налогообложения — косвенные налоги или акцизные сборы — на протяжении рассматриваемого периода была предметом ожесточенных споров¹⁰². Многие экономисты и государственные деятели давно выступали в защиту сохранения и даже усиления роли акцизных сборов¹⁰³. Однако против такого рода платежей выдвигались мощные возражения социально-политического плана. Акцизные сборы совершенно недвусмысленно являются налогами с потребителя, и проще всего ими можно было бы обложить товары массового потребления, для которых спрос является не слишком эластичным, такие, как табак, сахар и прежде всего водка. Значительная часть бюджетных поступлений шла из этих источников и до революции, и большевики играли в свое время существенную роль, вместе с другими критиками царского режима осуждая подобную практику. Вопрос о снижении размеров акцизных сборов весьма бурно обсуждался на ряде следовавших друг за другом сессий ЦИК. В феврале 1927 г. Рязанов потребовал ликвидации акцизных пошлин на чай и сахар, указывая, что акциз на чай был введен в октябре 1916 г.¹⁰⁴ Такие предложения обычно отклонялись на тех основаниях, что рассматриваемый товар дефицитен и ликвидация налога приведет лишь к увеличе-

нию прибылей частного торговца¹⁰⁵. Тем не менее акцизная политика оставалась весьма чувствительной проблемой. Власти с негодованием открестились от документов, якобы распространенных в Наркомфине осенью 1928 г., предлагавших обеспечить поддержание финансовой стабильности в 1928/29 хоз. г. за счет повышения акцизных пошлин и железнодорожных сборов на сумму 400—500 млн. руб.¹⁰⁶

Акциз на водку был заведомо наиболее важным средством косвенного налогообложения и подвергался самой ожесточенной общественной критике. На сессии ЦИК в апреле 1926 г. Н. П. Брюханов сообщал, что вопрос «подвергался обсуждению всех органов, начиная с мельчайшего сельсовета и до Центрального Исполнительного Комитета», и что правительству «пришлось на практике убедиться в неосуществимости борьбы с алкоголизмом путем простого запрещения потребления водки»; это привело бы лишь к обогащению «кулаков, перекупщиков, деревенских пауков»¹⁰⁷. Платформа оппозиции (сентябрь 1927 г.) отвергала государственную продажу водки как «совершенно неудачную», доказывая, что потери промышленности от «простоев, неаккуратности в работе, брака, поломок машин и оборудования, роста негативных случаев на производстве, пожаров, драк, травматизма и т. п.» по своим масштабам сопоставимы с поступлениями в бюджет¹⁰⁸, а октябрьские (1927 г.) контртезисы оппозиции предлагали «прекратить государственную торговлю водкой в возможно короткие сроки (2—3 года)»¹⁰⁹. В том же месяце И. В. Сталин говорил делегации французских рабочих, что водочная монополия весьма существенна в качестве альтернативы иностранным кредитам: «Сейчас водка дает более 500 миллионов рублей дохода. Отказаться сейчас от водки — значит отказаться от этого дохода, причем нет никаких оснований утверждать, что алкоголизма будет меньше, так как крестьянин начнет производить свою собственную водку, отравляя себя самогоном». Однако он допускал, что по мере расширения других источников дохода производство водки должно быть постепенно сокращено, а затем вовсе прекращено¹¹⁰. На сессии ЦИК в апреле 1928 г. бюджетная комиссия рекомендовала не увеличивать государственную продажу водки в 1928/29 хоз. г. с последующим ее сокращением¹¹¹; на Пленуме в июле 1928 г. ЦК ВКП(б) призвал «вести неослабную борьбу с самогонарением»¹¹².

Масштабы и дурная слава последствий потребления водки вызвали серьезную озабоченность в партии. Так, на сессии ЦИК в апреле 1928 г. фабричная работница из Иваново-Вознесенска отмечала, что в ее небольшом городе «на низах развивается пьянство и страшнейшее хулиганство», происходят «зверские убийства», и жаловалась, что «пьяные хулиганы не дают нам прохода по улице»¹¹³; другой делегат на заседании ЦИК сообщал, что в одном из сел в праздники почти все крестьяне пьют весь день¹¹⁴. На V съезде Советов СССР в мае 1929 г. сообщалось, что число за-

держаний за пьянство в Москве возросло с 36 тыс. в 1926 г. до 122 тыс. в 1928 г.¹¹⁵ Постоянно приводился довод, что любое сокращение объемов производимого государством спирта приведет просто к увеличению выработки самогона. На заседании президиума Госплана 2 марта 1929 г. отмечалось, что производство спирта государством оказалось не в состоянии вытеснить самогон: согласно проведенным специалистами Наркомфина обследованиям, в 1924/25 хоз. г. в советской деревне было потреблено 320—480 млн. л самогона, тогда как в 1927/28 хоз. г., по данным исследования Центрального статистического управления, только в РСФСР было потреблено 600 млн. л.¹¹⁶ В 1928 и 1929 гг. норма акциза на водку и пиво была существенно повышена даже несмотря на то, что акциз на водку уже составлял гораздо большую долю цены, чем в 1913 году¹¹⁷. Продолжали делаться заявления о намерении сократить государственную продажу водки¹¹⁸. Первый пятилетний план предусматривал снижение потребления водки за пятилетку на 17,9% (основной вариант) и на 35,7% (оптимальный вариант). Главный удар сокращения должен был быть направлен на города; в деревне потребление должно было фактически повыситься по основному варианту на 5% и сократиться по оптимальному варианту не более чем на 10%¹¹⁹. Однако безотносительно к ценности этих прогнозов или их предпосылок фактом остается то, что на протяжении периода с 1926 по 1929 г. доходы от водки устойчиво возрастали в результате как увеличения норм акциза, так и повышения объемов продажи более высокими темпами, чем у какого-либо другого ведущего товара. В 1928/29 хоз. г. доходы от крепких спиртных напитков, вина и пива были в 2,5 раза выше, чем в 1925/26 хоз. году.

Акцизный доход от других товаров рос медленнее; прирост в период с 1925/26 по 1928/29 хоз. г. составил в среднем всего лишь 71%. Этот прирост был обусловлен больше увеличением объемов продаж, нежели повышением ставок налогообложения. В период между 1925 и 1929 гг. ставки обложения сахара и керосина не выросли, а 2 апреля 1927 г. была ликвидирована акцизная пошлина на соль, которая вызывала особенно сильную критику¹²⁰. Нормы акциза на табак и папиросы 20 апреля 1926 г. были повышены, но последующие предложения об его увеличении осенью того же года приняты не были¹²¹. В период с 1925/26 по 1928/29 хоз. г. доход от акцизов возрастал ежегодно более высокими темпами, чем бюджетные поступления в целом, и, достигнув 1796 млн. руб. в 1928/29 хоз. г., составил сумму, превысившую более чем в два раза уровень 1925/26 хоз. г. Такое увеличение, оказавшееся более быстрым, чем предполагали даже оптимисты¹²², было обусловлено прежде всего ростом доходов от крепких спиртных напитков, вина и пива, которые выросли с 43% общего дохода от акцизов в 1925/26 хоз. г. до 54% в 1928/29 хоз. г.

Дальнейший важный источник бюджетных поступлений обеспечивался отчислениями из прибыли государственных предприятий. Несмотря на то что эти платежи фактически были налогом с при-

были, они классифицировались статьей «неналоговые поступления»¹²³. Некоторые советские экономисты уделяли большое внимание неналоговым поступлениям в качестве средства решения проблемы бюджетного дохода. В ноябре 1926 г. на заседании Госплана С. Г. Струмилин заявил, что бюджетная политика должна быть направлена на увеличение неналогового дохода, поскольку он поступает от производителя, а не потребителя¹²⁴, а месяцем позже на заседании Совнаркома и СТО Н. П. Брюханов также заявил, что в будущих бюджетах доля неналоговых поступлений должна возрасти¹²⁵. Другие экономисты доказывали, что в условиях планирования цен, доходов и налогов государством не представляется возможным уделять особое значение отчислениям из прибыли и другим неналоговым поступлениям. Отчисления из прибыли, промышленный налог, уплачиваемый государственными предприятиями с их оборота, подоходный налог с государственных предприятий и акцизы трактовались как выполняющие сходные функции в качестве инструментов государственного воздействия. Такая точка зрения высказывалась А. И. Рыковым на сессии ЦИК в апреле 1928 г.: «В наших условиях большой принципиальной разницы между неналоговым и налоговым доходом нет.

Что такое неналоговый доход? Это часть прибылей наших хозяйственных органов, поступающих в бюджет. Большая ли разница в том — получаем ли мы $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ копейки прибыли на аршин ситца или те же $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ копейки получим путем косвенного налога, путем акциза. Я думаю, что разницы здесь нет. В буржуазных странах эта разница существует потому, что там налоги идут в бюджет, а доходы промышленности — капиталистам. У нас же, с точки зрения перераспределения национального дохода, разницы нет. Мы сами устанавливаем и цены, и налоги. Система цен точно так же является средством перераспределения национального дохода»¹²⁶.

Безотносительно к окончательной справедливости этих доводов разные формы поступлений в доход государства воздействовали на финансовую ситуацию разными путями. Если увеличение отчислений из прибыли или промышленного налога переносилось на потребителя в форме повышения цен, то в этом случае они явно выступают как налог на потребление, мало отличный от акциза¹²⁷. Однако если бы государство успешно осуществляло свою функцию регулирования цен, выплачиваемых промышленности за продукцию, то увеличение поступлений из этих источников явилось бы простой бухгалтерской операцией перерасчета между государственным предприятием и бюджетом; роль бюджета в лучшем случае сводилась бы к передаче ресурсов от низкоприоритетных государственных предприятий к более высокоприоритетным, а в худшем случае — к изъятию средств одной рукой и их возврату другой. В период с 1925/26 по 1928/29 хоз. г. существенная и постоянно росшая доля чистого дохода государственных предприятий фактически передавалась в бюджет; в результате выросло

отношение сумм по этим статьям к общему бюджетному доходу ¹²⁹.

Вплоть до конца 1926 г. государственные займы были весьма малоощутимым источником дохода: в 1925/26 хоз. г. чистые поступления в бюджет от займов составили всего лишь 1% итоговой суммы ¹³⁰. В последующие два года произошло их быстрое увеличение: в 1928/29 хоз. г. займы дали свыше 7% бюджетного дохода ¹³¹.

Государственные займы были поделены на три основные группы в зависимости от того, кем закупались облигации — государственными предприятиями, сберегательными банками или отдельными гражданами. На начало каждого хозяйственного года суммы займов этих трех групп распределялись следующим образом (в млн. руб.):

	1 окт. 1925 г.	1 окт. 1926 г.	1 окт. 1927 г.	1 окт. 1928 г.	1 окт. 1929 г.
Государственные предприятия	65	104	212	315	489
Сберегательные банки	—	—	41	259	465
Отдельные граждане	225	234	390	603	895
Итого	290	338	643	1177	1849 ¹³²

Увеличение суммы займов со стороны государственных предприятий особого значения не имело. От госпредприятий требовалось вкладывать в займы 60% своего резервного капитала ¹³³; однако, поскольку капитал был первоначально авансирован государством, это условие, являвшееся составной частью общего движения по ограничению финансовых ресурсов, которыми могли бы свободно распоряжаться государственная торговля и промышленность, было не более чем бухгалтерской операцией ¹³⁴.

Сберегательные банки становились все более популярным методом стимулирования отдельных граждан к хранению в них небольших сбережений. Число сберкасс возросло с 7362 по состоянию на 1 октября 1925 г. до 20 364 на 1 октября 1929 г.; более половины этих касс находилось в сельской местности ¹³⁵. Для поощрения повседневного пользования этими кассами новое законодательство предоставляло им право собирать государственные и местные налоги, принимать платежи за коммунальные услуги и выплачивать пенсии ¹³⁶. Число вкладчиков возросло с 1,3 млн. по состоянию на 1 октября 1925 г. до 7,105 млн. — на 1 октября 1929 г. ¹³⁷ Сумма вкладов, хранившихся в сберегательных кассах, быстро возрастала, и были выпущены специальные государственные займы (1 июля 1927 г. и 9 сентября 1928 г.), в которые кассы

вкладывали хранимые вклады¹³⁸. Однако средний размер вкладов оставался небольшим, и сберегательные кассы не смогли добиться успеха в привлечении свободных ресурсов крестьян, на которых до революции приходилась существенная часть гораздо большей общей суммы вкладов¹³⁹. В результате административные расходы были значительными: сберкассy получали 11—12% годовых по государственным займам, но индивидуальному вкладчику были в состоянии выплачивать лишь 8% годовых.

Государственные займы, распространявшиеся по подписке среди отдельных граждан, становились все более важным источником бюджетных поступлений. Предполагалось, что благодаря личной заинтересованности вкладчиков они явятся средством привлечения дополнительных ресурсов для нужд индустриализации¹⁴⁰. Уже 3 сентября 1926 г. городскому населению был предложен небольшой пробный пятилетний заем, включавший выигрыши; позже сообщалось, что на запрошенную сумму 30 млн. руб. подписка была распространена полностью и добровольно¹⁴¹. Воодушевленные этим успехом, власти выпустили 4 февраля 1927 г. новый заем, в котором разыгрывались выигрыши, эквивалентные сумме 10% годовых; этот заем был рассчитан на 100 млн. руб. и должен был погашаться в течение восьми лет¹⁴². На заем подписка была полностью распространена; 61 млн. руб. поступил от мелких и средних вкладчиков, причем из этой суммы 26 млн. руб. были получены в массовом порядке «по коллективной подписке» на заводах, фабриках и в учреждениях¹⁴³: в условиях новой системы массовой подписки рабочие и служащие государственных предприятий и организаций соглашались с тем, что некоторая доля их заработка будет вычитаться на протяжении определенного срока (в данном случае в течение шести месяцев) и переводиться по подписке в облигации займа¹⁴⁴. Оказалось, что размещать займы среди крестьян гораздо труднее, чем среди горожан. Поэтому 11 марта 1927 г. был одобрен выпуск пробного «третьего крестьянского займа», предусматривавшего систему выигрышей¹⁴⁵. Он дал лишь 4—5 млн. руб. из намеченных 25 млн. руб.; тем не менее в своем докладе Совнаркому Наркомфин именовал его в сравнении с предыдущими попытками как «определенное достижение»¹⁴⁶.

В августе 1927 г. (24 августа) был выпущен первый «государственный внутренний заем индустриализации народного хозяйства СССР» на сумму 200 млн. руб., предусматривавший выигрыши и процент, эквивалентные лишь 6% годовых; погашение займа должно было произойти спустя 10 лет¹⁴⁷. Этот заем был подписан полностью, отчасти благодаря массовой подписке более или менее принудительного характера. М. И. Калинин, отмечая спустя несколько месяцев на заседании сессии ЦИК, что «добровольная подписка» подразумевала «мощное общественное принуждение», так описал процедуру подписки: «Собиралось общее собрание рабочих, выступал докладчик, который доказывал целесообразность распространения займа. Общее собрание рабочих после это-

го выносило решение о том, чтобы обязать каждого получающего такой-то заработок подписаться на определенную сумму. Это решение не имело, конечно, юридической силы, но на заводе, может быть, только один из тысячи решится не подписаться после такого востума. Он знает, что каждый рабочий, проходя мимо, может крикнуть: „Вот, мол, белогвардеец!“»¹⁴⁸.

Подписка на первый заем индустриализации предусматривалась не только в городах, но и на селе, и он оказался более успешным, чем третий крестьянский заем; но даже в этом случае на селе удалось подписать лишь на 10,5 млн. руб. из общей суммы 200 млн. руб.¹⁴⁹ В конце 1927 г. кризис зернозаготовок вынудил к применению жестких мер, направленных на сокращение покупательной способности крестьян, чтобы заставить их продавать свое зерно. В декабре 1927 г. (30 декабря) было объявлено о выпуске «государственного выигрышного займа укрепления крестьянского хозяйства» на сумму 100 млн. руб. Этот заем был сравнительно краткосрочным, и предполагалось его погашение спустя три года, причем выигрыши плюс проценты должны были составить 13% его суммы¹⁵⁰. Вместо выигрышей можно было приобретать сельскохозяйственные орудия с определенными преимуществами в получении, а облигации могли представляться в уплату сельхозналога начиная с апреля 1929 г. Официальный доклад СТО и Совнаркома заявлял, что целью являлось устранение избыточных денег с рынка и стремление воспользоваться выгодной конъюнктурой, чтобы внедрить в деревне операции по государственным займам на стабильной основе. К распространению облигаций были привлечены учителя, агрономы, кооператоры и партийные организации; однако они должны были размещаться главным образом через волостные советы, которым выделялось 10% вырученной суммы на местные сельскохозяйственные и культурные нужды¹⁵¹. В конце концов удалось подписать на 140 млн. руб.¹⁵² Однако, несмотря на довольно выгодные условия займа, приходилось использовать значительный элемент принуждения¹⁵³. В целом кампания по распространению займа подверглась критике подобного рода на сессии ЦИКа в апреле 1928 года. Одна из выступавших так описала методы, применявшиеся в ее местности: «Дали, например, председателю сельсовета задание распространить на столько-то рублей облигаций крестьянского займа. Что ему делать? Он идет и прямо предлагает: «Бери, да и все!» Крестьянин говорит: «У меня нет денег, я не могу взять», а председатель говорит: «Подпишись тогда, что ты не можешь взять». Ну, конечно, никто не подпишется, боятся и, в конце концов, берут». Делегат с Урала сообщал, что «если предлагают брать на 50—100 руб. и крестьянину непосильным оказывается, то крестьянина арестовывают и держат до тех пор, пока он не согласится взять»¹⁵⁴. Чтобы воспрепятствовать продаже облигаций обратное государство, «была в значительной мере ограничена ликвидность займа»¹⁵⁵. Однако в конце марта 1928 г. появилось распоряжение, подписанное А. И. Рыковым в качестве

председателя Совнаркома, запрещавшее принудительное размещение займа¹⁵⁶.

В июле 1928 г. (18 июля) был выпущен «второй заем индустриализации» приблизительно на тех же условиях, что и первый заем годом раньше: новый заем был рассчитан на крупную сумму в 500 млн. руб.¹⁵⁷ Сообщалось, что к 1 января 1929 г. было подписано на 506 млн. руб., из которых 465 млн. руб. поступили по массовой подписке с отсроченной оплатой¹⁵⁸. Отмечалось, что второй заем индустриализации оказался гораздо более популярным среди крестьянства, чем крестьянский заем декабря 1927 г. После продления на два месяца начального срока подписки крестьяне согласились подписаться на сумму свыше 100 млн. руб. займа, рассчитанного на 500 млн. руб., и в официальном отчете заявлялось, что «в отличие от займа укрепления крестьянского хозяйства 2-й заем индустриализации размещался всюду с соблюдением полной добровольности»¹⁵⁹. Однако при размещении займов среди крестьян, как и при изымании сельхозналога, на протяжении 1928/29 хоз. г. официальная политика отличалась осторожностью: один из деятелей финансовых органов утверждал, что «текущий 1928/29 г. является в отношении фондовой работы в деревне годом передышки»¹⁶⁰. На протяжении периода с 1925/26 по 1928/29 хоз. г. сумма новых подписок на государственные займы возрастала ежегодно. Однако к 1928/29 хоз. г. издержки государства по поддержанию займов уже были высоки и быстро увеличивались: в том году проценты, выигрыши и погашение по предыдущим займам выросли до суммы, превышавшей 40% валовых поступлений от новых займов, а чистые поступления от займов в госбюджет оказались несколько ниже, чем в 1927/28 хоз. г.¹⁶¹

Рассмотренные процессы привели к существенным изменениям в структуре бюджетного дохода¹⁶². Несмотря на энергичные усилия по увеличению налогообложения, доля прямых налогов с населения, промышленного налога с частного сектора и сельхозналога в рассматриваемый период продолжала снижаться. Основным источником дополнительного дохода было косвенное налогообложение: несмотря на нежелание в принципе повышать акцизные пошлины, поступления из этого источника возрастали столь же быстро, как и бюджетный доход в целом, и обеспечили около трети всего прироста бюджетного дохода в период между 1925/26 и 1928/29 хоз. годами. Доход от обобщественного сектора, особенно промышленный налог и отчисления из прибыли, также увеличивался весьма быстро; одни лишь эти две статьи обеспечили еще четверть общего прироста дохода. Другим важным новым источником дохода явились государственные займы у населения, которые росли много быстрее, чем какая-либо иная бюджетная статья в 1926/27 и 1927/28 хоз. гг., и компенсировали относительное снижение поступлений от прямого налогообложения личных доходов.

Структура была подвержена ежегодным изменениям; но к концу периода население платило в виде прямых и косвенных налогов бóльшую долю своих доходов, чем в его начале. Предпринимались различные попытки рассчитать налоговое бремя на разные группы населения. Подобные подсчеты неизбежно оказывались весьма затруднительными: они включали, к примеру, распределение разных акцизных сборов среди разных групп населения и требовали тем самым подробного значения бюджетов хозяйств. Существенную и постоянно возрастающую часть общего бюджетного дохода, особенно промышленный налог и отчисления из прибыли, невозможно было осмысленно поделить между разными социальными группами. Тем не менее из доступной информации можно сделать определенные выводы. Во-первых, в рамках городского населения лица, получавшие доходы из частной промышленности и торговли, платили в виде прямых и косвенных налогов гораздо бóльшую долю своих доходов, нежели лица, занятые в государственном секторе, и эта доля резко возрастала с увеличением дохода¹⁶³. Во-вторых, в душевом исчислении крестьянство платило много меньшую сумму налогов, чем городское население, по-видимому, максимум менее одной пятой; лишь около 40% общей суммы налогов, включая косвенные, выплачивалось крестьянством в 1926/27 хоз. г.¹⁶⁴ Хотя эта разница являлась по большей части отражением гораздо более низкого душевого дохода на селе, крестьянин почти со всей определенностью платил в виде налога меньшую долю своего дохода, чем горожанин. Однако это не учитывает влияние цен на доходы крестьянина. Продукты сельского производства обменивались на городскую продукцию на условиях менее выгодных для крестьянина, чем это было до войны. «Ножницы» цен были важнейшей формой скрытого налогообложения деревни государством¹⁶⁵.

ГЛАВА 31

КРЕДИТ, ДЕНЬГИ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Таким образом, как показано выше, бюджетный доход был достаточным для покрытия быстро росших расходов и обеспечения существенного избытка. Однако достижение бюджетного избытка вовсе не гарантировало стабильности рубля: инфляция могла развиваться в результате предоставления кредитов банками независимо от государственного бюджета ¹. Действительно, чистая сумма предоставленных банковских кредитов намного превышала госбюджетный избыток в каждом из рассматриваемых лет и отражалась в соответствующем увеличении массы денег в обращении, что иллюстрирует следующая таблица:

Масса денег в обращении
(чистый прирост по сравнению с состоянием
на 1 октября предшествующего года)
в млн. руб. в процентах

На 1 октября 1926 г.	217	20,3
На 1 октября 1927 г.	337	26,1
На 1 октября 1928 г.	343	21,0
На 1 октября 1929 г.	671	34,0 ²

Политика кредитов и эмиссии денег явилась инфляционным инструментом, который способствовал практическому воплощению движения за индустриализацию.

Развитие кредитной политики в период с конца 1925 г. до лета 1929 г. можно поделить на два главных этапа. На первом этапе, который длился с конца 1925 г. приблизительно до мая 1927 г., возобладала осторожность, явившаяся реакцией на инфляционное выделение кредитов летом 1925 г. Однако воздвигнутые Госбанком и Наркомфином препоны вызвали бурное негодование промышленности, особенно весной и летом 1926 г., когда это привело к серьезным финансовым затруднениям у некоторых крупных трестов ³. В апреле 1926 г. в промышленных кругах делались заявления, что никакой общей инфляции не происходит и что дальнейшее сокращение кредитов промышленности грозит опасностями ⁴. В июне 1926 г. президиум ВСНХ критиковал Госбанк за ограни-

чение весьма важного кредита⁵, а на конференции Госплана по контрольным цифрам на 1926/27 г. В. Г. Громан доказывал, что последние ограничения кредитов не были «экономически необходимыми» и должны «лишь замедлить важнейшее капитальное строительство, начатое в промышленности»⁶. Президиум Госплана резко критиковал ограничения, считая их «следствием уклона банковской политики к минимальному удовлетворению кредитных нужд производства и товарооборота в пределах голодной нормы»⁷. Тем не менее ограничительная практика доминировала. В 1925/26 хоз. г. нетто-эмиссия денег составила лишь 217 млн. руб.⁸, и та же осторожная норма эмиссии сохранялась в течение семи месяцев с октября 1926 г. по апрель 1927 г.⁹ На протяжении этого периода предложение товаров удалось согласовать с покупательной способностью и появились даже опасения, что возникнет перепроизводство некоторых товаров¹⁰.

В мае — июне 1927 г. начался второй этап — резкого расширения. За эти два месяца нетто-эмиссия денег, обусловленная увеличением объемов кредитов, составила 119 млн. руб.; за соответствующие месяцы 1926 г. масса денег в обращении сократилась¹¹. Изменение направления движения было незапланированным и, видимо, непреднамеренным и вначале казалось даже малозаметным¹². Резкое увеличение кредитования в мае — июне 1927 г. было вызвано двумя основными причинами. Во-первых, снижение оптовых цен весной 1927 г., не предполагавшееся в начале хозяйственного года, привело к уменьшению прибыли и к нехватке оборотных средств в промышленности¹³, а совпав со снижением розничных цен, вызвало серьезную напряженность с оборотными фондами торговых организаций. Как следствие промышленности и торговли сняли часть вкладов со своих текущих счетов в банках; фактически это привело к нетто-эффекту предоставления кредита. Второй, и более важной причиной явился успешный нажим промышленности, направленный на расширение кредитования, обусловленный главным образом программой капитального строительства, требовавшей дополнительного расходования средств самой промышленности, а также бюджетных средств¹⁴. Притязания промышленности, отклоненные в соответствующем периоде 1926 г., теперь были удовлетворены путем значительного расширения кредитования. Как сокращение вкладов, так и увеличение кредита привели к возросшей эмиссии денег. То, что произошло в мае 1927 г., явилось молчаливым поворотом политики в сторону удовлетворения требования промышленных кругов. Как отмечал один из авторов в наркомфиновском журнале, это «объясняется некоторым ослаблением того режима строгого соответствия производимых расходов с наличными ресурсами», характерного для лета — осени 1926 г., во втором квартале (апрель — июнь) 1927 г.¹⁵ П. Спунде, исполнявший обязанности председателя Госбанка, разъяснял, что в момент, когда требуется больше фондов для капитального строительства, и при подготовке к сбору урожая необходимо увеличение промышлен-

ленного производства, Госбанк принял решение ликвидировать дефицит оборотного капитала путем увеличения кредитования: «Реальные нужды государственной промышленности были удовлетворены полностью»¹⁶. Более половины нетто-прироста в виде ссуд и скидок пошло промышленности, но этого оказалось недостаточно для ослабления напряженности ее финансового положения: масса наличных денег и вкладов упала на 6%¹⁷.

Давая обзор кредитного положения в апреле — июне 1927 г., Спунде подчеркнул необходимость «максимальной осторожности» в июле — сентябре 1927 г. и объявил, что кредиты будут выделяться только для финансирования зернопоставок¹⁸. Однако ВСНХ и Госплан энергично протестовали против дальнейших ограничений, «Торгово-промышленная газета» сообщала, что политика «крутых кредитно-денежных ограничений» отменена¹⁹. Под таким нажимом эмиссия денег на сумму 75 млн. руб., предложенная в кредитном плане на июль — сентябрь 1927 г.²⁰, была значительно превзойдена. Балансы по текущим и депозитным счетам, особенно счетам промышленных предприятий, сократились, и в условиях отсутствия роста объемов краткосрочного кредитования промышленности существенно увеличился объем предоставленных ей долгосрочных кредитов. Во всяком случае, масса находившихся в обращении денег выросла в период с 1 июля по 1 октября 1927 г. на 208 млн. руб., то есть почти в три раза по сравнению с суммой, запланированной в начале квартала. Официальный отчет по итогам квартала разъяснял, что такие процессы, как «рост расходов на капитальное строительство, повышение жизненного уровня рабочих и крестьян, и создали напряженную обстановку в нашем денежно-кредитном секторе»²¹. В целом за 1926/27 хоз. г. масса денег в обращении возросла на 337 млн. руб. против прироста в 150 млн. руб., изначально запланированного в контрольных цифрах на 1926/27 г.²² На октябрьском (1927 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) И. Т. Смилга, выступая от имени оппозиции, говорил о «несомненном присутствии в нашем народном хозяйстве денежной инфляции», одним из итогов которой явилось «устойчивое и неуклонное падение обменного курса нашего червонца»²³. Позже его выводы были подтверждены Л. Юровским, предложившим обычное наркомфиновское средство: «Инфляция 1925—1926 года была преодолена благодаря пересмотру хозяйственных планов и программ, а также мерам по сокращению размеров ссуд банковских учреждений. Аналогичные меры вновь становятся неизбежными в преддверии 1928 года»²⁴. На протяжении первых шести месяцев 1927/28 хоз. г. эмиссия денег и кредитование снова были ограничены. Однако эта тенденция оказалась не более чем временной. Первый квартал (январь — март) 1928 г. явился последним в рассматриваемом периоде, когда наблюдалось существенное уменьшение массы находящихся в обращении денег; с открытием строительного сезона весной 1928 г., движение индустриализации набрало темпы, и эмиссия денег вместе с кредитованием вновь рас-

ширилась. На протяжении 1927/28 хоз. г. масса обращающихся денег возросла на 343 млн. руб.²⁵

Те, кто руководил хозяйственной политикой, были к тому времени более склонными отбросить финансовые ограничения, накладываемые Наркомфином, и отвергали как неуместные финансовые принципы, призванные оправдать эти ограничения. На собрании Центросоюза в июле 1928 г. А. И. Микоян заявил с нескрываемым оптимизмом и беззаботностью: «Если взять другие области, например, денежное обращение, которое является очень важным экономическим показателем, то видим, что в прошлом году в это время мы испытывали определенные трудности. В настоящее время положение таково, что общая масса денег в стране полностью соответствует требованиям народного хозяйства, товарооборота в торговле и т. п.»²⁶ Наркомфин продолжал безрезультатно высказываться против нажима в пользу увеличения объемов кредитования и против лежащей в его основе хозяйственной политики. Когда Госплан в ходе подготовки контрольных цифр на 1928/29 хоз. г. предложил увеличить массу денег в обращении на 300 млн. руб.²⁷, Наркомфин и Госбанк еще раз выступили с протестом, считая эту цифру слишком высокой. В опубликованной финансовым журналом статье М. И. Фрумкин настаивал на том, что «мы проводим политику финансового обеспечения, которая своими излишествами *дезорганизует народное хозяйство*», а редакционные замечания, сопровождавшие статью, сокрушались по поводу близорукости политиков: «Мы должны признать, что, к сожалению, широкое использование эмиссии денег в нашей стране многие поддерживают. Трудно судить, является ли это скрытым желанием воспользоваться инфляцией... или простым недомыслием»²⁸.

Л. Шанин в госплановском журнале убеждал, что *«инфляционное финансирование народного хозяйства неизбежно приводит поэтому к снижению возможной в стране производственной работы»*²⁹. В момент, когда промышленность развивалась захватывающими темпами, подобные соображения представлялись неуместными придирками и их сразу же отметали, вместо того чтобы пытаться опровергнуть. Открытое обсуждение затруднялось открытым нежеланием повязанных с властями журналистов признавать сам факт инфляции и всеобщим стремлением сохранить эмиссию денег в разумных пределах. Э. И. Квининг от имени Госплана отверг соображение, что эмиссия денег могла бы достичь в 1928/29 хоз. г. 450—500 млн. руб. и более, как совершенно неприемлемое³⁰. Когда Совнарком изучал подготовленные Госпланом контрольные цифры на 1928/29 хоз. г., он оставил неизменными запланированные темпы роста народного хозяйства, но ограничил предложенный объем выпуска денег суммой 200 млн. руб. — цифрой, против которой Госплан возражал, считая ее «нереальной»³¹. На протяжении 1928/29 хоз. г. конфликты между политической экспансии, требовавшей предоставления новых кредитов,

и стремлением ограничить массу денег в обращении почти автоматически разрешались в пользу экспансии. С февраля 1929 г. темпы нетто-эмиссии денег еще раз круто выросли, и общий прирост за 1928/29 хоз. г. составил 671 млн. руб.³² Тем не менее Г. Крумин, партийный журналист, в опубликованной «Правдой» статье подчеркнуто отверг попытки противопоставить укрепление денежной системы и нужды социалистического строительства: политика партии требовала «стабильных денег»³³.

Опровержения существования инфляции в советском народном хозяйстве, постоянно делавшиеся в это время официальными деятелями, были обусловлены, по-видимому, несколькими причинами. Вслед за послевоенными валютными кризисами в Европе, кульминацией которых явилось падение германской марки в 1923 г., инфляция как в капиталистических странах, так и в СССР рассматривалась как наиболее очевидный признак нездорового состояния экономики. Новой «правой» оппозицией инфляция была осуждена как пагубный симптом чрезмерного напряжения, создаваемого движением за индустриализацию; признание ее существования давало бы карты в руки «правым». Официальные признаки падения стоимости денег могли бы привести к панической скупке товаров в городах и усложнили бы хлебозаготовки на селе. Возможно, наиболее важным был фактор престижа Советской власти в глазах зарубежной и собственной общественности, особенно со времен денежной реформы 1924 г., добившейся стабильности советского рубля; и хотя в марте 1926 г. было принято решение фактически отказаться от золотой базы денежной системы³⁴, никто не был готов осознать, что произошел отказ от политики стабильных денег. Официально декларировалась политика стабилизации рубля и восстановления его стоимости; даже в мае 1929 г. V съезд Советов СССР, одобряя финансовую программу пятилетнего плана, конкретным образом отметил важность «повышения покупательной силы червонца»³⁵. Однако с конца 1927 г. все меньше было слышно о практическом осуществлении этой политики, а кампании по снижению цен тихо прекратились. Уход рубля с мирового рынка был закреплен законом от 21 марта 1928 г., резко ограничившим количество иностранной валюты, которое можно было закупать для поездок или отправки переводом за рубеж, и подтвердившим абсолютный запрет, постоянно остававшийся в силе, на вывоз советских банкнот или монет³⁶.

На протяжении второй половины 20-х годов были предприняты радикальные изменения в организации и управлении кредитной системы, которая сформировалась довольно бессистемным образом в ранние годы НЭПа. Ключевым элементом банковской системы, созданной в 1922—1924 гг., был Госбанк; он отвечал за эмиссию банкнот, поддерживал счета других банков, вел операции по текущим счетам многих хозрасчетных организаций и предоставлял им краткосрочные и отдельные долгосрочные кредиты;

он располагал отделениями во всех крупных городах³⁷. Слабым его местом было отсутствие власти над специализированными банками. В отличие от Госбанка, подчинявшегося Наркомфину, эти банки были ответственны перед межведомственными советами, представлявшими своих акционеров, народные комиссариаты и другие учреждения, из коих Наркомфин был одним среди многих; наиболее важный из таких банков, Промбанк, практически полностью находился под контролем ВСНХ. Разграничение функций между банками было не слишком ясным. В то время как специализированные банки занимались главным образом долгосрочным кредитованием, а Госбанк — краткосрочным кредитованием, как Госбанк, так и специализированные банки вели операции по текущим счетам и предоставляли краткосрочные и долгосрочные ссуды. Разные предприятия одной и той же отрасли могли иметь счета либо в Промбанке, либо в Госбанке, и один и тот же клиент мог держать счета в нескольких банках и получать у них авансы. Специализированные банки могли пользоваться суммами, вложенными в них на текущие счета, как источником нового кредита свыше сумм, допускаемых согласно кредитному плану, и в результате Госбанк был не в состоянии контролировать общую сумму кредитов³⁸. Контроль Госбанка над кредитованием ограничивался также существованием «коммерческого кредита»: государственные предприятия имели право выдавать векселя своим поставщикам; хотя учет этих векселей обычно производился в Госбанке, подобные операции тем не менее означали, что появлялся некоторый поток кредитов, предоставляемых промышленным и торговым организациям без предварительного контроля со стороны банка.

С осени 1924 г. Госбанк постепенно, но не очень систематически начал вторгаться в сферу деятельности специализированных банков, пользуясь своим положением государственного эмиссионного банка и поставщика ресурсов другим банкам³⁹. Отчет президиума Госплана за апрель — июнь 1926 г. сетовал на то, что конкуренция между Госбанком и специализированными банками угрожает нормальному функционированию последних и низводит кредитно-банковскую систему до состояния «полнейшей дезорганизации»⁴⁰. Позднее, в 1926 г., предложению Госбанка, поддержанному Наркомфином, о переходе в его ведение административного контроля над всем краткосрочным кредитованием бурно воспрепятствовали ВСНХ и Госплан⁴¹. В другом крайнем случае несколько специалистов, в том числе некоторые должностные лица ВСНХ, предлагали резко сократить объем полномочий Госбанка и преобразовать его в «банк банков», согласно принципам деятельности дореволюционного Государственного банка: он должен был бы выдавать ссуды другим банкам и принимать их вклады, но ему не разрешалось бы выдавать краткосрочные или долгосрочные ссуды клиентам непосредственно⁴². В июне 1927 г. (15 июня) Совнаркомом и ЦИК было принято постановление «О принципах построе-

ния кредитной системы»⁴³. Оно формально признавало за Госбанком руководство всей кредитной системой и определяло его в качестве единственного хранителя всех ресурсов государственного бюджета, сберегательных касс, государственного и социального страхования⁴⁴; делалась также попытка систематизировать распределение клиентов между Госбанком и специальными банками. В будущем на Госбанк возлагалась ответственность за краткосрочные кредиты хлебозаготовительным органам, организациям транспорта и государственной торговли, а также крупнейшим промышленным предприятиям; специализированные банки отвечали за предоставление долгосрочных кредитов и за краткосрочное кредитование клиентов, не обслуживаемых Госбанком. Устав содержал также важное положение о том, что клиенты, как правило, не должны держать текущие счета в нескольких банках и должны получать краткосрочные кредиты только от одного банка. Однако после публикации устава Госбанк не отказался от своего стремления к контролю над всеми операциями по краткосрочному кредитованию. Месяцем позже М. Л. Рухимович отметил на заседании совета Промбанка, что «ведется определенная борьба между спецбанками и Госбанком, который стремится закрепить за собой подавляющую часть краткосрочного кредитования народного хозяйства», а представитель Наркомфина обещал разобраться со «злодеяниями» Госбанка⁴⁵. В феврале 1928 г. Госбанк перехватил у Промбанка обязательства по краткосрочному кредитованию на сумму 290 млн. руб. и передал ему обязательства по долгосрочному кредитованию на 364 млн. руб.⁴⁶ На протяжении 1928/29 хоз. г. Госбанку были переданы дополнительные обязательства по краткосрочному кредитованию⁴⁷. Ход событий, скорее всего, демонстрировал сильные позиции Госбанка по отношению к спецбанкам: теперь уже не было разговоров о преобразовании его в банкирский банк. Однако этот административный успех был достигнут в момент, когда он утратил эффективный контроль над объемами кредитования; в 1928 г. Госбанк попал под строгий централизованный контроль и сам стал инструментом инфляции⁴⁸.

Спецбанки всегда занимались главным образом долгосрочным кредитованием; по мере перехода к Госбанку контроля над краткосрочными кредитами долгосрочные кредиты стали исключительной сферой их деятельности. Их значение для хозяйственного развития в сильной степени зависело от конкретного сектора народного хозяйства. Так, в сельском хозяйстве, почти полностью находившемся в частных руках, было естественным, когда приходилось создавать инвестиционные фонды, формируемые государством через сеть республиканских сельхозбанков, кредитных обществ и обществ взаимопомощи в виде долгосрочных процентных ссуд; важнейшим исключением была часть капиталовложений в совхозы, предоставлявшаяся в виде безвозвратных субсидий⁴⁹. Коммунальное строительство, в том числе и жилищное, также финансировалось в основном с помощью ссуд, как это было в случае некоторых

объектов электроэнергетики⁵⁰. Однако большинство расходов по строительству электростанций и почти все расходы по капитальному строительству в промышленности, которые не финансировались из собственных фондов, покрывались ассигнованиями из госбюджета, которые номинально считались ссудами, но на практике оказывались безвозвратными субсидиями. В этом случае спецбанки впервые никакой роли не играли: субсидии выделялись через казначейские учреждения или отделения Госбанка⁵¹. По мере набора темпов индустриализации важнейшим становился вопрос, удастся ли получить дополнительные ресурсы для финансирования ссуд под капитальные вложения. Схемы, которые ВСНХ пытался применить начиная с 1924 г., оказались неудачными; новая попытка была предпринята с образованием в Промбанке отдела долгосрочного кредитования (ОДК), который должен был финансироваться из бюджетных и других фондов⁵². В первый год своего существования поддержка нового отдела из госбюджета была незначительной: по состоянию на 1 апреля 1927 г. его непогашенные ссуды составили лишь 46 млн. руб.⁵³ В 1927 г. была предпринята еще одна попытка увеличить ресурсы Промбанка принятием решения о переводе банку 10% прибылей промышленных трестов и размещении в нем еще 12,5% в качестве долгосрочного вклада⁵⁴.

На протяжении 1927 г. и начального периода 1928 г. вопрос о контроле над Промбанком и о подходящих методах финансирования капиталовложений в промышленности вообще стал предметом острых дискуссий. Должностные лица Наркомфина настаивали на том, что наилучшей формой выделения бюджетных ресурсов промышленности являются долгосрочные ссуды, а не открываемые субсидии, и предлагали, чтобы управление всеми долгосрочными ссудами осуществлялось независимым межведомственным банком, в руководстве которым Наркомфин играл бы определенную роль⁵⁵. Не было неожиданностью, что ВСНХ настаивал на передаче в его ведение нового банка долгосрочного кредитования; высказывалось опасение, что без такого контроля банк будет оказывать предпочтение коммерчески выгодным предприятиям и сдерживать строительство в тяжелой промышленности⁵⁶. Более неожиданным оказалось, что в Госплане и ВСНХ, а также в Наркомфине сформировалось мощное течение, поддерживавшее точку зрения, что финансирование капиталовложений в промышленности должно обеспечиваться путем ссуд, а не с помощью прямого субсидирования. Президиум Госплана, после длительного обсуждения, подтвердил предложение о том, что капиталовложения должны финансироваться ссудами на 25 лет с нормой годового процента 3—6%⁵⁷. В январе 1928 г. президиум ВСНХ представил Совнаркому компромиссное предложение, которое предусматривало, что оборонные проекты и проекты экспериментального характера необходимо продолжать финансировать путем субсидирования, тогда как существенная часть капиталовложений должна финансироваться ссудами, погашаемыми в течение 3—5 лет

после завершения проекта; максимальная учетная ставка по ссудам должна была составлять 6% ⁵⁸.

Принятое 27 июня 1928 г. решение ЦИК и Совнаркома укрепило финансовый контроль ВСНХ над капиталовложениями в промышленность тем, что постановило слить Промбанк и Электробанк в новый Банк долгосрочного кредитования промышленности и электрификации, подчинявшийся ВСНХ и включавший прежний промбанковский отдел долгосрочного кредитования (ОДК). Новый банк, который был все еще известен как Промбанк, отвечал за выделение госбюджетных ассигнований промышленности и энергетическому строительству, а также за предоставление долгосрочных ссуд промышленности ⁵⁹. В условиях новой структуры у Госбанка сохранились лишь следы его бывшей власти над долгосрочным финансированием; однако, поскольку Промбанк имел очень мало местных отделений, ему пришлось пользоваться системой Госбанка ⁶⁰. При создании нового банка предполагалось, что предоставление «долгосрочных кредитов», указанное в самом названии банка, станет его основной функцией, а бюджетные субсидии будут играть сравнительно малую роль в финансовом обеспечении капитального строительства в промышленности ⁶¹. Однако к тому времени на промышленном фронте все больше начали доминировать крупномасштабные проекты, на завершение которых требовалось несколько лет; физический контроль был дополнен финансовыми рычагами в качестве метода перераспределения ресурсов на реализацию крупных проектов; инфляция в условиях народного хозяйства с контролируруемыми ценами подорвала действенность традиционных методов финансовых расчетов; масштабы и темпы, с которыми должна была преобразовываться советская промышленность, означали, что приводившиеся расчеты будущих расходов могли быть не более чем грубыми прикидками. Было непостижимо, чтобы в сложившейся в 1929 г. атмосфере крупные проекты можно было бы приостановить на том основании, что возмещение их капитальных затрат из будущих прибылей не гарантируется; и применение показателя срока окупаемости даже для измерения эффективности капиталовложений наталкивалось на растущее противодействие ⁶². На практике основной задачей Промбанка явилось распределение безвозвратных бюджетных ассигнований ⁶³.

В период с 1926 по 1929 г. наблюдался постепенный закат той политики, на проведении которой настаивал Наркомфин, и его собственной роли в руководстве финансовой системой страны. Первоначально основополагающая концепция сводилась к тому, что бюджет должен составлять основу хозяйственного плана государства: он должен строиться прежде всего в расчете на поддержание финансовой стабильности и ключевую роль в формировании бюджета должен был играть Наркомфин. В рамках этой концепции банковская система должна была действовать на коммерче-

ских принципах, а кредитование и эмиссия денег должны были ограничиваться теми объемами, которые могли бы гарантировать безынфляционное развитие народного хозяйства. Эти цели оказались совершенно несовместимыми с курсом партийных лидеров, получившим энергичную поддержку в ВСНХ, на продвижение политики индустриализации, направленной на достижение самообеспеченности на базе современной технологии. Финансовая и бюджетная мощь, прежде характерная для Наркомфина, была подчинена хозяйственному плану, призванному воплотить эти цели. Капиталовложения в промышленности стали централизованно планироваться государством, а кредитный план оказался привязанным к потребностям промышленности и перестал подчиняться правозверным финансовым принципам в том виде, как их трактовал Наркомфин. Инвестиционная программа привела к почти постоянной инфляции; в жертву была принесена стабильность денег, означавшая устойчивость цен в стране и валютного курса за рубежом. Критерием эффективности финансовой системы стал ее вклад в ускоренную индустриализацию страны; финансы были подчинены планированию.

Е. ПЛАНИРОВАНИЕ

ГЛАВА 32

ПРИНЦИПЫ ПЛАНИРОВАНИЯ

Если слово «планирование» трактовать в контексте действий государственной власти по регулированию народного хозяйства, то в этом случае планирование и осуществляющий его аппарат существовали практически со времен начального периода НЭПа. В государственном секторе экономики, который охватывал основную часть промышленности и транспорта, а также в значительной мере оптовую торговлю, центральные власти обеспечивали финансирование и осуществляли контроль над оптовыми ценами, тарифными расценками и заработной платой; частный сектор народного хозяйства также испытывал сильное влияние налоговой, кредитной и ценовой политики государства. Тем не менее государственный контроль над экономикой был существенно ограничен. Хотя существовал некоторый физический контроль, особенно в отраслях производства средств производства и во внешней торговле, функции планирования были сосредоточены в основных финансовых органах, осуществлявших управление с помощью бюджета и кредитной системы, в которых тон задавал Наркомфин. Экономика оставалась по существу рыночной; связи между государственным сектором и индивидуальным сельским хозяйством, осуществляемые с помощью рынка, доминировали над всеми другими хозяйственными отношениями; основной объем операций государственной промышленности проводился через рынок, который диктовал в период между 1921 и 1924 гг. темпы и направления восстановления отраслей, выпускающих потребительские товары.

Когда восстановление народного хозяйства пошло полными темпами, государство начало предпринимать все большие усилия по направлению хозяйственного развития в определенное русло¹. В 1925/26 хоз. г. государством были выделены существенные ресурсы на капиталовложения, и основные фонды расширялись в промышленности гораздо быстрее, чем в каком-либо другом крупном секторе народного хозяйства². Эта первая победа политики индустриализации ознаменовала поражение Наркомфина и сплоченного ядра группы противников планирования; противодействие планированию находилось в тесной связи с оппозицией индустриализации. К лету 1926 г. «диктатуре финансов», в смысле определяющей роли Наркомфина в области условий и темпов расширения

народного хозяйства, пришел конец; вопрос уже состоял не в том, следует ли проводить индустриализацию и планировать выделение ресурсов на эти цели, а как осуществлять индустриализацию; престиж планирования в официальных кругах вырос весьма значительно.

Однако что именно означало понятие «планирование»? По этому вопросу партийные и беспартийные специалисты в Госплане и ВСНХ впервые достигли более или менее единой точки зрения, по крайней мере в практическом аспекте; в Госплане В. Г. Громан и В. А. Базаров были приверженцами индустриализации и встали вместе с С. Г. Струмилиным на защиту контрольных цифр на 1925/26 хоз. г. в борьбе одновременно и с Наркомфином, и с многими видными лидерами партии, среди которых можно отметить А. И. Рыкова и Л. Б. Каменева³. Однако в 1927 и 1928 гг. в партии были выработаны радикально новые подходы к планированию, и прежние согласия по крупным практическим вопросам планирования заменилось широким расхождением взглядов на методы и темпы индустриализации. Планирование в том понимании, которое было сформулировано в партии в конце 20-х годов, включало фундаментальное преобразование народного хозяйства; благодаря планированию ресурсы должны были направляться в топливно-энергетические отрасли, черную металлургию и машиностроение с целью возможно более быстрого превращения СССР в самообеспеченное хозяйство, основанное на передовой технологии⁴. Эти цели, упорно провозглашавшиеся еще в ранние годы НЭПа Г. М. Кржижановским в Госплане и получившие мощную поддержку в ВСНХ, стали составной частью идеологии движения, поставившего задачу перегнуть **передовые** капиталистические страны и построить социализм в одной стране. Встроенной целью планирования при таком подходе было установление социалистического порядка. В 1925 г. С. Г. Струмилин отмечал, что «струвианская идея развития производительных сил безотносительно к тому, куда ведет это развитие, нас отнюдь не прельщает»⁵. Представление о том, что высшим критерием хозяйственной политики должно быть развитие производительных сил, а обобществление должно рассматриваться как средство, подчиненное этой цели, упорно отстаивалось Базаровым⁶; и в ходе обсуждения в Коммунистической академии в январе 1928 г. С. Г. Струмилин конкретным образом обвинил Базарова в «струвианском подходе», сделав весьма поразительное признание: «Ведь мы не мальчики, мы прекрасно понимаем, что если мы идем на социальную революцию, то мы *ipso facto** идем в течение ряда лет на понижение, на разрушение производительных сил, на попятное движение в этой области».

Развитие производительных сил было «только средством, но не целью»; если бы оно было самостоятельной целью, то пришлось бы поступиться монополией внешней торговли⁷. Новый подход к

* *Ipsa facto* (лат.) — тем самым.

планированию принес с собой и более независимый взгляд на рыночную экономику. С. Г. Струмилин и Г. М. Кржижановский в Госплане, а также ведущие индустриализаторы в ВСНХ приняли на вооружение ту доминировавшую предпосылку, что рынок будет продолжать существовать в течение длительного периода и что полностью плановая экономика, которая предполагала обобществление сельского хозяйства, должна быть создана на основе убеждения и экономических стимулов, но никак не с помощью административного нажима. Но они подчеркивали необходимость преодоления рыночных сил; следуя их концепциям, сходным в этом плане с идеями Л. Д. Троцкого и Е. А. Преображенского, ограничения, накладываемые на планирование рыночной экономикой, считались препятствиями на пути к более важной цели; их взгляд был устремлен на дорогу к полному государственному планированию, простиравшуюся вперед⁸.

В марте 1927 г. С. Г. Струмилин дал классическое определение новому подходу к планированию, которое содержалось в его докладе на втором съезде госпланов по вопросу о пятилетнем плане⁹. Он указывал, что «задача перспективного плана... может быть сформулирована как задача такого *перераспределения* наличных производительных сил общества, включая сюда и рабочую силу и материальные ресурсы страны, которое в *оптимальной* степени обеспечивало бы бескризисное расширенное воспроизводство этих производительных сил *возможно быстрым темпом* в целях *максимального* удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и *скорейшего* приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма». Это преобразование должно было бы происходить почти как «во всяком ином инженерном проекте», с применением системы реальных и взаимосвязанных количественных целей, которые строго соответствовали бы имеющимся ресурсам и должны были строиться путем сочетания «*методов последовательных приближений*» черновых планов для каждой отрасли или сектора народного хозяйства. При объединении планов начинать нужно было с промышленности, которая считалась «передовым и *ведущим* звеном нашей экономики»; темпы роста промышленности должны были быть более высокими, чем у сельского хозяйства или у капиталистической промышленности, но при установлении верхнего предела, обусловленного ресурсами, доступными для обеспечения капитальных вложений. Планы для других секторов народного хозяйства, например сельского хозяйства, необходимо было затем увязать «с таким расчетом, чтобы последующие планы опирались на предыдущие» и отчасти ими предопределялись¹⁰. На практике результатом такой процедуры оказывалось, что уровень капиталовложений определялся не ситуацией на рынке, а «инженерными проектами», относительно которых нужды промышленности являлись определяющим фактором. Струмилин пытался доказать, что предложенные темпы индустриализации вполне совместимы с отсутствием принуждения по отношению к

крестьянству и с непрерывным повышением уровня жизни в городе и деревне и что планы не повлекут за собой инфляции. Безотносительно к справедливости подобных утверждений предложенный им метод основывался на допущении, что развитие рынка и финансов будет строго следовать плану. В действительности план столкнул центральные власти с предложениями по расширению промышленного производства, которые могли оказаться в неприимом противоречии с основополагающими принципами НЭПа, и тем самым явился важным шагом на пути решительного слома рамок рыночной системы. В период, когда экономическое мышление в СССР, так же как и на Западе, ориентировалось преимущественно на понятие золотого стандарта и необходимость дефляции и бюджетного избытка, такой подход был действительно революционным.

Большинство теоретических дискуссий среди плановиков вращалось вокруг конкурентных достоинств «телеологических» и «генетических» подходов к планированию¹¹. На первый взгляд «телеология» и «генетика» представлялись двумя аспектами единой системы. И. Т. Смилга, энтузиаст планирования, критиковал на первом съезде госпланов в марте 1926 г. тех, кто «преклоняется перед слепыми процессами», но не оставил в покое также и «гипертрофию плана», предлагавшуюся некоторыми «максималистами планирования», которые «обращались с планом по своему усмотрению»¹². Летом 1926 г. В. А. Базаров доказывал, что «генетический и телеологический подходы необходимо сочетать», и полагал, что в то время, как «сельское хозяйство... является той областью, где генетическое исследование играют преобладающую роль», «государственный сектор народного хозяйства является областью телеологических построений по существу»¹³. Н. Д. Кондратьев допускал, что все планирование неизбежно включает рассмотрение перспектив, основанных на изучении возможностей, так что даже сельскохозяйственное планирование должно до некоторой степени использовать телеологический метод¹⁴. Однако начиная с 1926 г. стал проявляться особый телеологический подход к планированию. Его приверженцы придерживались концепций, отличных от предлагавшихся Кондратьевым, Базаровым и Громаном в двух важнейших отношениях. Во-первых, они придавали гораздо меньшее значение крестьянству и рынку в качестве ограничителей планирования и склонялись к обсуждению проблем, оперируя не столько понятиями рыночных ограничений, сколько физическими ограничениями вообще. Их основополагающие принципы были в крайней форме выражены Г. А. Фельдманом, госплановским экономистом, энергично поддерживавшим телеологический подход: «*Сопротивлением мелкобуржуазной стихии не могут и не должны ограничиваться темпы индустриализации страны, лимитами могут служить лишь материальные возможности с напряжением всех трудящихся Союза на грани физической и психологической выносливости*»¹⁵.

Во-вторых, «телеологи» недвусмысленно рассматривали постав-

ленные в плане цели в качестве основной задачи планирования. В этом отношении Г. Л. Пятаков, В. В. Куйбышев и С. Г. Струмилин во мнениях сходились. Так, в марте 1926 г. Г. Л. Пятаков писал: «Мы сами устанавливаем цель, тщательно формируем модель промышленности по своему усмотрению так, чтобы можно было добиться ее осуществления; другими словами, мы сами ставим определенную цель и волевою задачу; в значительной мере в данных обстоятельствах мы свободны от тисков, predetermined историческим развитием; мы рушим старые узы и приобретаем значительно большую творческую свободу. Однако не каждая задача может быть выполнена, и мы должны ставить перед собой *только те задачи, которые можно решить*»¹⁶.

В том же духе С. Г. Струмилин противопоставлял весной 1927 г. свой подход тем подходам, которые основывались на простом прогнозировании тенденций, утверждая, что «центральным фокусом всякого плана» является «не предвидение, а задания и предугадывания»; отправной точкой планирования должно быть «то, что может быть предугадано в порядке целевой установки»¹⁷. При рассмотрении задач планирования не существует единственного решения; планирование «следует рассматривать как известного рода инженерное искусство, а не как науку в строгом смысле этого слова»¹⁸. Он подчеркивал независимую роль плановика: «Кабинетные ученые часто забывают, что коллективная воля производителей есть тоже один из факторов хозяйства»; работа плановика заключалась в формировании этой коллективной воли¹⁹. Несколькими месяцами позже на сессии ЦИК СССР в октябре 1927 г. В. В. Куйбышев говорил аналогичными словами: «Если планы развития народного хозяйства могут появляться и в Америке, и во всякой другой стране, то эти планы являются обыкновенно стремлением предвидеть, как стихийно сложится — в результате хозяйствования не связанных между собой единой волей, единым руководством хозяйственных субъектов — дальнейшее развитие народного хозяйства. У нас дело обстоит совершенно иначе. Мы можем строить планы, исходя не только из предвидения того, что будет, но исходя из определенной воли к достижению конкретно поставленных задач и целей»²⁰.

С течением времени могущество плановиков подчеркивалось все сильнее, а роль рынка принималась все больше. В начале 1928 г. В. В. Куйбышев с присущей ему настойчивостью повел дело к тому, что плановики не должны отклоняться от намеченного пути под влиянием конъюнктурных тенденций²¹. С. Г. Струмилин теперь уже стал отводить науке положение, подчиненное задачам плана; по его словам, «целевая установка, которая дается нам всей нашей экономической обстановкой и нашим классовым положением в международном масштабе и внутри страны, является для нас организующим, главенствующим принципом, по отношению к которому наука, несмотря на высокое звание этой особы, и все остальные вспомогательные средства являются только служанками»²². Р. Е. Вайсберг, с энтузиазмом поддерживавший Струмили-

на, доказывал, что генетический подход подразумевает учет «генетического наследия» 300 лет царизма, и сенсационно заявлял, что «наши планы отстают от действительности»: «Мы можем планировать, только выступая против вещей и людей, преодолевая пределы сопротивления»²³. В. А. Базаров осуждал подход Струмилина, сравнивая его с идеологией средневековой церкви: «Вся „телеология“ того времени имела своим источником религиозную догматику — теологию. Наука же была служанкой теологии. ...Директивы теологии опирались не на человеческий разум, а на гораздо более высокий источник познания, на божественное откровение. ...Но и в наш переходный период попытка приклеить к марксизму рабью церковно-христианскую гносеологию представляется, конечно, глубоко реакционной»²⁴. Предпринимались все же некоторые попытки достичь компромисса. В. Г. Громан, наиболее упорный защитник «примата генетической точки зрения», допускал, что «в плане и генетическая точка зрения и телеологическая представляя собой диалектическое единство», хотя и заявлял, что «примат логической мысли должен принадлежать генетической точке зрения»²⁵. Б. А. Гухман, госплановский статистик, предлагал прекратить склоку вокруг «метафизики» планирования: «Вряд ли кто станет подозревать Р. Е. Вайсберга в том, что он «телеологию» хочет заменить «теологией», план — утопией и т. д. ...Я, как и другие товарищи по плановой работе, могу свидетельствовать, что не раз «телеолог» Вайсберг бывал на практике не меньшим «генетиком», чем Громан, а последний часто своими законченными «целевыми» установками и построениями приводил в невольный трепет Вайсберга»²⁶. Однако это уже была попытка объединить несовместимое. Хотя до обвинений в контрреволюционных целях дело еще не дошло, «телеология» уже стала похвальным словом для тех, кто молчаливо стремился покончить с рыночными рамками, а «генетика» превратилась в уничижающий ярлык всех тех, кто этого делать не хотел.

Тесно связанным с дискуссией о телеологическом и генетическом подходах к планированию явилось параллельное обсуждение вопроса о равновесии. Категория равновесия получила широкое распространение в западной экономической мысли с начала XX века; и это понятие было чрезвычайно популярным среди советских экономистов и должностных лиц в 20-е годы. В СССР оно особенно ассоциировалось с именем Н. И. Бухарина²⁷. Согласно этим представлениям, кризисы капитализма вызывались нарушениями равновесия. Социализм должен был избежать этих нарушений благодаря поддержанию равновесия между разными факторами и секторами в народном хозяйстве — в краткосрочном плане между предложением и спросом на рынке, в долгосрочном плане — между сельским хозяйством и промышленностью, между производством и потреблением. Позитивность понятия равновесия рассматривалась в сочетании с негативностью понятия «диспропорции». Базаров выразил весьма характерную точку зрения, когда заметил,

что временные диспропорции неизбежны при хаотичном или непланируемом хозяйственном развитии, но недопустимы в плановом хозяйстве²⁸. Термин «диспропорции» использовался и для обозначения краткосрочных нехваток или кризисов на рынке, например наблюдавшихся осенью 1925 г., и применительно к долгосрочному несоответствию в развитии отдельных секторов народного хозяйства, таких, как промышленность и сельское хозяйство²⁹. Резолюция XV съезда ВКП(б) в декабре 1927 г., по-видимому, употребила это слово в долгосрочном смысле, когда приводилось перечисление четырех «основных диспропорций», которые следовало учитывать при построении пятилетнего плана: между промышленностью и сельским хозяйством; между ценами на промышленную и сельскохозяйственную продукцию; между спросом промышленности на сырье и его предложением сельским хозяйством и между наличием рабочей силы в деревне и реальной возможностью ее хозяйственного использования³⁰. Должностные лица Наркомфина особенно подчеркивали краткосрочные или рыночные аспекты равновесия и диспропорций; «равновесие должно достигаться как равновесие товарно-денежного хозяйства», — писал Л. Н. Юровский, добавляя, что, хотя государство и может воздействовать на цены, его цели «реализуются на рынке, на котором равновесие должно достигаться для обеспечения непрерывного течения хозяйственной жизни»³¹. Долгосрочный и краткосрочный смыслы слов зачастую путались, и до 1927 г. ситуация на рынке повсеместно рассматривалась как окончательная проверка правильности пропорций, установившихся в экономике. Как приверженцы индустриализации, так и защитники сельского хозяйства указывали на товарный голод как на диспропорцию или нарушение равновесия, свидетельствующие о фундаментальной диспропорции в основной структуре народного хозяйства. Однако первые доказывали, что фундаментальная диспропорция в экономике заключается в недостаточном развитии промышленности относительно сельского хозяйства, а последние — что фундаментальной диспропорцией является недостаточное развитие сельского хозяйства по сравнению с промышленностью.

Движение индустриализации летом и осенью 1927 г., сопровождавшееся провалом кампании зернозаготовок, заставило с тревогой признать существование угрозы, которую несла индустриализация для теории и практики равновесия, а также для основных предпосылок НЭПа. Доктрины ускоренной индустриализации всегда с трудом согласовывались с теорией равновесия. Со всей очевидностью приобретало смысл предложение Преображенского, сделанное в рамках его теории неэквивалентного обмена и сводившееся к постоянному нарушению равновесия, и защита такой политики на том основании, что она направлена на «динамическое», а не на «статическое» равновесие, была нелегким делом³². Партия в своих официальных заявлениях вначале прореагировала на кризис подтверждением важности равновесия. В декабре 1927 г. на

XV съезде ВКП(б) было отвергнуто «требование максимального перелива ресурсов из сферы крестьянского хозяйства в сферу промышленности» как «нарушение равновесия всей национальной хозяйственной системы» и было подчеркнуто большое значение установления равновесия и устранения диспропорций³³. В своей резолюции от апреля 1928 г. ЦК ВКП(б) объявлял, что «необходимо в первую очередь достичь более правильной пропорции между разными элементами народного хозяйства»³⁴, а в июле 1928 г. ЦК все еще порицал «нарушение рыночного равновесия и усугубление этого нарушения в результате более быстрого роста покупательной способности крестьянства по сравнению с предложением промышленных товаров»³⁵. Приблизительно в то же время Р. Е. Вайсберг, хотя он и был ярким поборником индустриализации, тем не менее воспользовался понятием равновесия для осуждения еще более смелых предложений сотрудника ВСНХ Л. М. Сабсовича: «В исходном пункте своего положения т. Сабсович совершенно игнорирует элемент равновесия в самом развитии народного хозяйства. Исходя из основной телеологической установки, нельзя в то же время забывать условие равновесия всей хозяйственной системы»³⁶.

Однако с течением времени и по мере обострения кризиса произошло резкое смещение позиций в партии и появилось откровенное размежевание. Поставленный кризису диагноз, сформулированный как «нарушение условий экономического равновесия», нашел свое наиболее полное выражение в опубликованной 30 сентября 1928 г. «Правдой» статье Н. И. Бухарина «Заметки экономиста». Бухарин доказывал, что происшедшее «фундаментальное нарушение» равновесия было ошибкой, которой можно было избежать. Промышленность должна была планироваться не «сама по себе», а в соотношении с крестьянским рынком: «Нарушение необходимых экономических соотношений имеет своей другой стороной нарушение *политического* равновесия в стране». Далее он делает вывод: *«Необходимо добиваться возможно более правильных сочетаний основных элементов народного хозяйства (»балансировать» их, расставлять их наиболее целесообразным образом, активно воздействуя на ход экономической жизни и классовой борьбы)»*³⁷. Ассоциация слова «равновесие» с правым крылом в партии теперь уже сделала все понятие подозрительным в глазах официального партийного мнения. В. В. Куйбышев в речи, произнесенной в Ленинграде за несколько дней до появления статьи Бухарина, язвительно заметил, что «наиболее важной диспропорцией, которая наиболее болезненно отражается на нашем народном хозяйстве, является противоречие между производством средств и орудий производства и потребностями страны»³⁸. В передовой в журнале президиума ВСНХ откровенно заявлялось с явной ссылкой на статью Бухарина: «В этих условиях возлагать на годовые планы нашего хозяйственного развития задачу *устранить* эти диспропорции простым «сбалансированием» отдельных элементов хо-

зяйства и под этим углом зрения... оценивать наши годовые планы народнохозяйственного развития — значит *ничего не понять* во всей сложности нашей экономики... Потребуется ряд лет для того, чтобы эти диспропорции были окончательно разрешены в ходе *сознательно* направляемого процесса хозяйственного развития и социалистического строительства. До этих же пор диспропорции будут спутниками нашего хозяйственного развития, будут неизменно проявляться и затруднять наше поступательное движение вперед»³⁹. Однако даже такое заявление не было все же ясным приговором теории равновесия, и И. В. Сталин, выступая в ноябре 1928 г. на Пленуме ЦК ВКП(б), ограничился отметанием основополагающего представления о равновесии, не упомянув его в явной форме: «Сельское хозяйство всегда отставало и будет отставать от промышленности»⁴⁰.

Дискуссия о равновесии и диспропорциях частично совпала с дискуссией о роли балансов в планировании. Балансы представляли собой счета или бюджеты поступлений и расходов или затрат, выраженных в физических или денежных единицах. В марте 1926 г. на съезде госпланов В. Г. Громан защищал их применение и доказывал, что на балансовый метод следовало указать в контрольных цифрах на 1925/26 хоз. г. как на один из основных методов их составления⁴¹. В контрольных цифрах на 1926/27 хоз. г. отмечалось, что «существо проблемы хозяйственного планирования... заставляет признать основным методом составления и обоснования контрольных цифр систему балансовых расчетов, которые... должны объединяться в конце концов в целостный баланс народного хозяйства СССР»⁴². Главное назначение метода в том виде, как он практиковался в середине 20-х годов, заключалось в обеспечении координации между различными отраслями и секторами народного хозяйства и в ослаблении, а по возможности и устранении нарушений равновесия или же диспропорций. В. А. Базаров заявлял, что «движение народного хозяйства от его теперешнего состояния к конечной точке, указанной генеральным планом, должно протекать плавно, *без перебоев*, что в свою очередь предполагает наличность определенных хозяйственных резервов»⁴³. Р. Е. Вайсберг допускал, что «балансовая увязка отдельных элементов народного хозяйства является совершенно непреложным условием гарантии пятилетнего плана от произвольных наметок», а балансы должны использоваться, чтобы «выявить и уточнить наиболее существенные *лимиты* народнохозяйственного развития» или «узкие места», а также для приближенного расчета величины экономии, размеров капиталовложений, объемов экспорта и импорта и т. д.⁴⁴ В то время как принцип равновесия, как только он был объявлен препятствием для индустриализации, был просто отвергнут, «балансовый метод» был приспособлен к новым нуждам планирования. Вопрос, обсуждавшийся между поборниками ускоренной индустриализации и их оппонентами, сводился к поиску решения, что же делать, когда приходилось сталкиваться с неэф-

фективностью одной из сторон планового баланса. Традиционная точка зрения, основанная на опыте военного коммунизма, заключалась в том, что узкие места должны браться в качестве ключевого фактора для возможного охвата при планировании. Так, даже Г. Л. Пятаков в апреле 1926 г. отмечал, что завод или группа «должны равняться по наиболее узкому месту или весь производственный процесс затормозится». Однако он добавил, что узкие места могут быть «расширены» техническим перевооружением в сравнительно небольшом объеме⁴⁵. С другой стороны, Наркомзем доказывал, что «именно эти факторы и их динамика определяют в конечном счете пределы возможного развития других элементов народного хозяйства»⁴⁶. В своих «Заметках экономиста» Н. И. Бухарин убеждал, что планы промышленности должны быть скорректированы в сторону снижения с целью учета нехваток, выявленных в плановых балансах на 1928/29 хоз. г.⁴⁷ «Торгово-промышленная газета» осудила это как «реакционное» требование, настаивая на том, что баланс должен быть не фетишем, а методом проверки; баланс должен быть не средством усечения узких мест, а методом их преодоления, «оказания на них активного давления и избавления от них»⁴⁸. На практике это должно было означать, что планы увеличивались, чтобы обеспечить устранение узких мест. Плановое материаловоснабжение пересчитывалось в сторону увеличения, чтобы добиться выполнения производственных заданий; уровень экономии в балансе экономии подгонялся до заданного уровня капиталовложений. При подобном обращении с балансами сам балансовый метод переставал быть средством установления равновесия и вносил свой вклад в оказание нажима, направленного на повышение темпов индустриализации⁴⁹.

В подобных новых условиях методы планирования, разработанные в середине 20-х годов, со всей очевидностью стали непригодными. Эти методы были предназначены для обслуживания потребностей планирования в народном хозяйстве, являвшемся в основе своей рыночным. Новый подход предполагал, что планы не должны ограничиваться условиями на рынке или даже непосредственно доступными физическими ресурсами, и отвергал планы, построенные в результате изучения закономерностей рыночной экономики. Использование сопоставительных данных, взятых для капиталистических стран или для предвоенной России, чтобы установить пределы планового роста Советского Союза, подчеркнуто отвергалось. Уже к весне 1927 г. С. Г. Струмилин стал трактовать темпы роста капиталистических стран не как верхний, а как нижний предел при построении советских планов⁵⁰; в октябре 1927 г. В. В. Куйбышев отверг «метод сравнения с довоенным, метод сравнения с предыдущим годом или с предыдущими годами»⁵¹, а в январе 1929 г. он заявлял, что «выводить „реальность” или „нереальность” проектируемых нами темпов развития с точки зрения практики капитализма можно только при ограниченности кругозора буржуазного экономиста»⁵². К этому времени сравнения с дру-

гими странами делались лишь для того, чтобы противопоставить быстроту развития Советского Союза с более низкими темпами роста капитализма, а также для измерения сокращения разрыва между СССР и капиталистическим миром. Другой метод планирования, приветствовавшийся в середине 20-х годов, а именно применение «статических и динамических коэффициентов» для экстраполяции существовавших экономических тенденций, который был тесно связан с генетическим подходом к планированию, также был вскоре отвергнут⁵³. Ни один из существовавших методов планирования не мог претендовать на точность. Все научные школы соглашались в том, что в силу сложности проблем планирования и неадекватности доступной статистической базы развитие «науки планирования» с применением математических методов было делом весьма отдаленной перспективы⁵⁴. Все плановики прибегали к «довольно грубым прикидкам»⁵⁵; и даже планы, представленные в виде подробных статистических таблиц, зачастую отражали мнения их авторов, а не объективные возможности ситуации⁵⁶. Начиная с 1928 г. приверженцам телеологического подхода уже больше не требовалось демонстрировать, что их планы совместимы с рыночной ситуацией, и как энтузиасты, так и скептики применения математических методов довольно свободно и даже не очень обдуманно манипулировали статистикой и коэффициентами для оправдания своих планов⁵⁷. Проявлялась все большая нетерпимость к тому, что считалось недалёковидными возражениями беспартийных специалистов; на XVI партийной конференции в апреле 1929 г. Ю. Ларин сформулировал вслух общераспространенное к тому времени мнение, когда подверг Госплан критике за чрезмерное доверие своим собственным профессиональным статистикам и инженерам, вместо того чтобы консультироваться с партийными экономистами, и за неспособность идти в ногу с «партийно-хозяйственной мыслью»⁵⁸. В то время как планирование на всех уровнях оставалось грубым и неточным, расширяющаяся программа индустриализации осуществляла на его основе гораздо более детальный контроль над всеми секторами народного хозяйства, и особенно над промышленностью. Наряду с отказом от использования методов изучения рыночной экономики и традиционных методов планирования появилась новая и тщательно продуманная система планирования в физических единицах.

ГЛАВА 33

ОРГАНЫ ПЛАНИРОВАНИЯ

Наряду с ВСНХ, Наркомфином и Наркомпутем Госплан был хозяйственным органом, непосредственно подчиненным СТО и Совнаркому. Он был единственным государственным ведомством, явно и исключительно занятым планированием. Уже в 1924 г. Госплан имел организационную структуру, содержащую большинство элементов будущего ведомства. В него входили секции промышленности, транспорта, сельского хозяйства, а также бюджетно-финансовая; созданный в 1923 году конъюнктурный совет, напоминавший конкурировавший с ним Конъюнктурный институт Наркомфина, обеспечивал Госплан источниками текущей экономической информацией независимо от других правительственных ведомств¹. В отличие от ВСНХ Госплан не приобрел статуса народного комиссариата и не обладал исполнительной властью². Начиная Госплан с малого: в 1925 г. С. Г. Струмилин сообщал, что Госплан располагал «всего одной-двумя дюжинами экономистов и примерно таким же числом статистиков»³. К началу 1927 г. в штате этой организации состояло около 500 сотрудников⁴. Аппарат Госплана развивался главным образом путем разрастания и подразделения существовавших секций, но никак не введением какого-либо нового организационного принципа. Наиболее разветвленной была промсекция, которая делилась на производственные «группы», занятые металлами, стройматериалами, текстилем и т. п.; кроме того, по видимому под влиянием Г. М. Кржижановского и благодаря введенному им понятию «энергетика»⁵, отдельные секции, независимые от промышленной секции, занимались топливом и электрификацией. Каждая группа отвечала за консультирование Госплана по своей отрасли; основная функция групп заключалась в подготовке или детализации проектов годовых контрольных цифр и пятилетнего плана по своим отраслям. Ведущую роль в работе Госплана играли беспартийные специалисты: среди них были такие экономисты, как В. Г. Громан и В. А. Базаров, а также инженеры, например И. А. Калинин, председатель промсекции, Р. Я. Гартван и Таубе с Урала, отвечавшие за работу группы по металлургии в Госплане, и Л. К. Размин в топливной секции⁶. Поначалу в Госплане работала лишь горстка членов партии; к апрелю 1929 г.

из 500 человек штата ведомства партийными были 100 сотрудников⁷.

Хотя Госплан был целиком ориентирован на планирование, у него никогда не было монополии на планирование или чего-либо подобного полному контролю над всей плановой деятельностью, годовой или долгосрочной. Планирование начиналось в виде планов, составлявшихся конкретными комиссариатами и по конкретным отраслям⁸. Подобная практика продолжалась на протяжении 20-х годов. Работа Госплана дублировалась и детализировалась более подробным образом в комиссариатах. Каждый наркомат имел свой собственный отдел планирования, который составлял пятилетний и годовые планы или контрольные цифры в дополнение или же в противовес госплановским планам и контрольным цифрам. Местные власти также составляли свои собственные планы; так, контрольные цифры для Московской губернии представлялись Московскому комитету ВКП(б) в октябре 1927 г.⁹ Независимые планы готовились для самых разнообразных видов деятельности¹⁰. Подробные планы по конкретным секторам или областям выходили за пределы компетенции Госплана. В 1925 г. Струмилин насмехался над ситуацией, в которую попал бы Госплан, если бы «вздумал взять на себя роль всесоюзной няньки или какого-то попечительного проведения по отношению к каждому захолустному тресту, до которого в три года не доскачешь»¹¹; с другой стороны, ВСНХ настаивал, что Госплан должен давать только «основные данные» своего плана для промышленности¹². Одновременно ВСНХ серьезно покушался на функции Госплана, создав свой собственный аппарат для подготовки планов для других секторов народного хозяйства, в частности для сельского хозяйства и транспорта, и координируя их с планами для промышленности; летом 1927 г. комиссия РКК с сожалением констатировала, что «ВСНХ дублирует работу Госплана»¹³.

Продолжались попытки придать Госплану директивные полномочия по отношению к плановым отделам всех комиссариатов и превратить его в высший контрольный орган для всего процесса планирования в СССР. Однако эффекта эти попытки не дали. В период между 1924 и 1926 гг. каждый комиссариат расширил свой плановый отдел; в ВСНХ плановые отделы были сформированы в каждом главке или директорате и в конечном счете в каждом тресте; на практике эти отделы полностью находились под контролем комиссариата¹⁴. Весной 1927 г. проведенное РКК обследование рекомендовало «усилить ведущую роль Госплана СССР»; РКК предложил, чтобы Госплан СССР стал директивным органом для госпланов республик, и вновь повторил, что плановые отделы промышленности, будучи административно под контролем ВСНХ, должны иметь двойное подчинение при обязательном исполнении директивных указаний Госплана¹⁵. Принятое 8 июня 1927 г. Постановление Совнаркома предусматривало, что при сохранении подчиненности плановых отделов ВСНХ СССР и других наркома-

тов своим комиссариатам Госплану предоставляются над ними полномочия «в области методологии, программы работ и календарных сроков их выполнения». Президиуму Госплана СССР давалось также право созывать периодические совещания с участием представителей республиканских и областных (краевых) плановых комиссий и плановых органов ведомств СССР¹⁶. В опубликованной вслед за этим статье в газете «Правда» довольно оптимистично декларировалось, что Госплан приобрел «приблизительно те же полномочия» над плановыми органами наркоматов, что и над республиканскими Госпланами, и постановление приветствовалось как завершение длительного процесса *«непрерывного и неуклонного роста из год в год авторитета и приоритета Госплана СССР над другими планово-контролирующими органами»*¹⁷. Однако наркоматы продолжали отстаивать свою независимость, и годом позже, 14 июня 1928 г., когда Госплан уступил ВСНХ инициативу в подготовке пятилетнего плана¹⁸, следующее постановление сдвинуло баланс в сторону комиссариатов. Теперь было решено, что каждый наркомат, за исключением Наркоминдела и Рабкрина, должен сформировать свой плановый отдел (в большинстве случаев оставалось лишь подтвердить сложившуюся ситуацию) и что, хотя эти отделы и могут прямо сообщаться с Госпланом, они тем не менее подчинены своим комиссариатам, и вместо того, чтобы по вопросам процедур и сроков направляться исключительно Госпланом, в дальнейшем предполагалось совместное их руководством Госпланом и их наркоматами. Кроме того, плановые отделы республиканских наркоматов должны были получать указания не от Госплана, а от плановых органов союзных комиссариатов¹⁹.

Поэтому результатом этой борьбы между Госпланом и наркоматами явилось признание Госплана в качестве координирующего, но не директивного органа. Право Госплана изучать и делать замечания по всем проектам планов до их обсуждения в Совнаркоме и СТО никогда всерьез под сомнение не ставилось, и с 1926 года Госплан уделял все большее внимание проблемам координации. В 1926 г. В. Г. Громан говорил, что важно «исследовать связь между отдельными отраслями народного хозяйства, создать концепцию условий развития народнохозяйственного целого»; он описывал это как синтетическую работу, которую необходимо проводить в тесном сотрудничестве между исследовательскими и операционными секциями Госплана²⁰. Термин «синтетический» стал модным словом для описания работы по примирению и согласованию планов из разных секторов народного хозяйства, и такие госплановские отделы, как бюджетно-финансовая секция и секция региональных планов, получили название «синтетических» секций²¹. К 1928 г. созвездие специалистов в Госплане воспроизводило в миниатюре структуру хозяйственной администрации страны в целом; бюджетно-финансовая секция соответствовала Наркомфину, промсекция — ВСНХ, транспортная секция — Наркомпути, и т. д., причем между госплановскими секциями и группами и соответст-

вующими должностными лицами в наркоматах поддерживался систематический неформальный контакт. Работа всех госплановских секций сама координировалась комиссиями по годовым контрольным цифрам, по перспективному пятилетнему плану и по генеральному плану; эти комиссии, ставшие более или менее постоянной частью организационной структуры, в 1928 г. были слиты в единую центральную комиссию по перспективному планированию, когда концентрация всех усилий в Госплане на подготовку первого пятилетнего плана привела к отходу его персонала от краткосрочного планирования²². Все крупные предложения рассматривались президиумом Госплана, который состоял из председателей основных секций Госплана и включал также видных партийных деятелей, таких, как Г. М. Кржижановский и Г. Ф. Гринько.

Несмотря на то что попытка Госплана установить свой контроль над плановыми отделами комиссариатов оказалась безуспешной, растущее значение центрального планирования позволило ему распространить свое влияние на госпланы республик и плановые комиссии, созданные во многих губернских Советах²³. Вначале они работали в условиях значительной независимости от Госплана СССР. Например, Госплан РСФСР настаивал, в нарушение решения первого съезда госпланов, на том, что он будет работать только над генеральным планом²⁴. Уралплан, плановая комиссия Уральского региона, подготовил проект пятнадцатилетнего плана, исходя в основном из своих допущений относительно общего роста народного хозяйства и той роли, которую будет играть Урал в этом росте; в свою очередь плановая комиссия Ирбитского округа отклонила сделанные Уралпланом предложения об уровне заработной платы²⁵. Однако ни местные плановые комиссии, ни даже республиканские Госпланы не были сколько-нибудь правомочными органами. Их мнение, как правило, игнорировалось ВСНХ и главками при составлении планов для конкретных отраслей²⁶, и они были довольно легко поставлены под контроль Госплана. Начиная с 1927 года от республиканских госпланов и местных плановых комиссий требовалось выполнение процедур, принятых Совнаркомом в отношении подготовки и детализации годовых контрольных цифр и пятилетнего плана²⁷; Постановление от 8 июня 1927 г., которое осторожно пыталось укрепить власть Госплана над плановыми отделами наркоматов, в более открытой форме предусматривало «подчинить государственные плановые комиссии союзных республик руководству Государственной плановой комиссии Союза ССР на директивных началах»²⁸. Подобные изменения поставили союзный Госплан в руководящее положение. К 1929 г. республиканские госпланы и местные плановые комиссии по всем важнейшим вопросам были поставлены под контроль Госплана СССР и его секции по регионализации.

Влияние Госплана на процесс сбора статистической информации также усилилось с появлением централизованного планирования. Ответственность за сбор и обработку первичных статистиче-

ских данных была поделена между Центральным статистическим управлением (ЦСУ), которое, подобно Госплану, было отдельным ведомством, подчиненным Совнаркому, губернскими статистическими управлениями, находившимися под контролем ЦСУ, и статистическими отделами наркоматов. Госплан не имел собственного аппарата для сбора данных и, видимо, не мог влиять на работу статистических отделов наркоматов²⁹. Однако Госплан убедил ЦСУ после продолжительного периода конфликтов в необходимости собирать статистические данные по форме, более пригодной для нужд планирования; в мае 1927 г. с одобрения Госплана в ЦСУ была создана комиссия, получившая название Статплан и отвечавшая за планирование сбора статистики по народному хозяйству³⁰. Это оказалось лишь первыми шагами по пути административного подчинения центральных и местных статистических органов Госплану в начале 1930 г.

КОНТРОЛЬНЫЕ ЦИФРЫ

К середине 20-х годов стандартные принципы работы Госплана предусматривали три основных уровня народнохозяйственного планирования: генеральный план (или генплан), охватывавший десять — пятнадцать лет; пятилетний, или «перспективный», план и годовые контрольные цифры, которые должны были стать конкретным фрагментом более долгосрочных планов и составлялись с операционной детализацией¹. В период 1926—1929 гг. предпринимались энергичные попытки, направленные на осуществление этой программы. Однако генплан даже не представлялся на утверждение, а пятилетний план не утверждался до весны 1929 г. Годовые контрольные цифры, готовившиеся более или менее независимо от пятилетнего плана, были в рассматриваемый период основным средством руководства хозяйственной политикой.

Первые контрольные цифры, подготовленные Госпланом летом 1925 г. и охватывавшие 1925/26 хоз. г., явились смелой попыткой перехватить центральную роль в формировании хозяйственной политики у Наркомфина и бюджета. Последовавшие за этим события носили несколько парадоксальный характер. Так, хотя высшие власти и пренебрегли собственно цифрами², это очевидное поражение было возмещено принятием в принципе годовых контрольных цифр в качестве метода направления хозяйственной политики. В декабре 1925 г. комиссия Госплана, председателем которой был И. Т. Смилга и включавшая С. Г. Струмилина, В. Г. Громана и В. А. Базарова, приступила к работе над контрольными цифрами на 1926/27 хоз. г.³ На первом съезде госпланов в марте 1926 г. Г. Ф. Гринько, работавший тогда в Госплане УССР, говорил о «новом этапе» в работе Госплана, на котором «правительственные органы не могут шагу ступить, не спросив у нас совета и замечаний по крупным и мелким вопросам»; советская общественность приучалась к тому факту, что Госплан осуществляет руководство по всем аспектам хозяйственного развития⁴. И. Т. Смилга так сформулировал итоги работы Госплана за предыдущие двенадцать месяцев: *«За несколько лет и, возможно, в течение года контрольные цифры станут основным методом планирования и управления народным хозяйством... Огромная ра-*

бота должна быть проделана прежде, чем мы создадим совершенно реалистичные контрольные цифры. Однако сейчас уже невозможно вообразить положение без контрольных цифр. Каждый признает их, как друзья, так и враги первых контрольных цифр»⁵. В. Г. Громан привлек внимание к сдвигу в относительной влиятельности различных правительственных органов, возникшему в результате происходившей осенью — зимой 1925—1926 гг. борьбы: «Объемы уже выделенных капитальных вложений показывают, что контрольные цифры уже одержали определенную победу; атакам Наркомфина и Госбанка, а также Наркомзема противостоял не только ВСНХ, но и Госплан, вооруженный уточненными контрольными цифрами»⁶. Даже А. Л. Вайнштейн был готов без особого энтузиазма принять в принципе использование контрольных цифр, хотя все же возражал против методов, применявшихся Госпланом при их составлении; он полагал, что более правильно было бы именовать их «основными плановыми цифрами» и что их следовало бы рассматривать как «директивные», а не как простой «прогноз», учитывая тот факт, что они включают «наши волевые устремления»⁷.

Растущий престиж и значимость контрольных цифр в качестве инструмента формирования народнохозяйственной политики становились все яснее в ходе развития процесса подготовки контрольных цифр. Значение, придававшееся партией контрольным цифрам на предстоявший 1926/27 хоз. г., было продемонстрировано, когда доклад Госплана по ним, назначенный на сентябрь 1926 г., занял первое место в «плане работы» ЦК ВКП (б) и Политбюро на 1926 г., утвержденном ЦК на его апрельском Пленуме⁸. Основные наркоматы, в том числе ВСНХ, теперь уже располагали регулярными процедурами и аппаратами для подготовки годовых контрольных цифр и планов для своих секторов народного хозяйства⁹. Госплан постарался заранее подготовить предварительные директивы на 1926/27 хоз. г. и еще в мае 1926 г. созвал конференцию для их обсуждения. Это было весьма важно, поскольку означало, что наркоматы были в курсе предложений Госплана при подготовке своих собственных планов и своей политики; как только точка зрения Госплана была учтена в планах наркоматов, годовое планирование могло начинать становиться комплексным процессом с вовлечением всех особых интересов народного хозяйства по секторам и регионам, и знания специалистов наркоматов можно было использовать в рамках единого народнохозяйственного плана. И. Т. Смилга, председательствуя на конференции, открывшейся 19 мая 1926 г., с большим доверием, чем было им продемонстрировано на съезде по планированию в марте, заявил, что «метод планирования народного хозяйства путем контрольных цифр принят правительством и ведомствами»¹⁰.

Дальнейший значительный шаг в направлении формальной организации годового планирования был предпринят 28 июня 1926 г.:

предварительные директивы Госплана были рассмотрены на совместном заседании СТО и Совнаркома. Внешне результирующая резолюция была осторожной. Госплановские цифры описывались «лишь как предварительные и ориентировочные и подлежащие уточнению в зависимости от выясняющихся перспектив урожая и в процессе работы по составлению сводных ориентировочных цифр и хозяйственных планов». Однако СТО и Совнарком решили «принять к сведению» предложения в качестве основы, на которой Госплан должен был бы строить контрольные цифры¹¹. Это решение и появление контрольных цифр в повестке дня Совнаркома на этом раннем этапе на протяжении года было революционным по своему смыслу: планы отдельных наркоматов, в том числе государственный бюджет, подготавливаемый Наркомфином, и годовой промфинплан и контрольные цифры для промышленности, готовившиеся ВСНХ, должны были составляться в свете точки зрения на народное хозяйство в целом, которая формулировалась Госпланом¹². Теперь Госплан и его контрольные цифры стали центральными, по крайней мере по форме, для годовых решений Советского правительства по вопросам хозяйственной политики. На заседании 23 июля 1926 г. президиум Госплана заглушал отчеты всех заинтересованных наркоматов и секций Госплана. После лихорадочной работы в самом Госплане контрольные цифры на 1926/27 хоз. г. были наконец одобрены его президиумом 18 августа 1926 г. и двумя днями спустя представлены Совнаркому и СТО¹³.

Отпор, на который натолкнулись контрольные цифры на 1925/26 хоз. г., заставил ведущих руководителей Госплана проявлять некоторую осторожность в своей работе весной — летом 1926 г. над контрольными цифрами на 1926/27 хоз. г. Том контрольных цифр, опубликованный в августе 1926 г., заявлял, что цифры на 1925/26 хоз. г. удалось составить, «не сделав существенных промахов в отношении количественного выражения материальных процессов, происшедших в стране»; вместе с тем признавалось все же, что занижены трудности, обусловленные урожаем 1925 г., и соответственно завышены экспортно-импортные возможности¹⁴. Подчеркивалось, что Госплан, наученный этим опытом, демонстративно наложил ограничения при планировании расширения промышленности на 1926/27 г.: «Когда в процессе работы намечалось несколько вариантов, Комиссия, учитывая опыт прошлого года, предпочитала тот из них, который — если не окажется оптимальным — намечает движение от минимума к оптимуму, а не наоборот — от максимума к оптимуму. Процесс свертывания слишком тяжел, чтобы можно было рисковать повторить обстановку работы текущего года»¹⁵. Вносившиеся Госпланом ограничения, возможно, были обусловлены также и личной позицией авторов контрольных цифр. С. Г. Струмилин был назначен председателем комиссии Госплана по подготовке пятилетнего плана¹⁶, и по мере роста масштабов и престижа этого плана он на-

чал затмевать менее эффектные контрольные цифры и работа над последними все больше передавались в руки более осторожных В. Г. Громана и В. А. Базарова¹⁷.

Контрольные цифры, представленные Совнаркому в августе 1926 г., оценивали, что совокупное производство промышленного и сельскохозяйственного секторов возрастет в 1926/27 хоз. г. на 8%, причем продукция промышленности в целом возрастет на 13, а сельского хозяйства — на 5%; объем капиталовложений в общественном секторе увеличится на 19%. В текущем, 1925/26 хоз. г., когда хозяйство все еще находилось в процессе восстановления своего довоенного уровня, ожидалось, что совокупный объем производства промышленности и сельского хозяйства вырастет не менее чем на 25%, а объем капиталовложений в общественном секторе удвоится по сравнению с 1924/25 хоз. г.¹⁸. Указывалось, что планы расширения промышленности ограничивались двумя «лимитирующими факторами»: суммой импорта и «возможностями бюджетного финансирования и краткосрочного кредитования»¹⁹. В сентябре 1926 г., когда контрольные цифры обсуждались на совместном заседании Совнаркома и СТО, С. Г. Струминин откровенно признал, что их предложения в отношении цен, экспорта, эмиссии денег и кредитования были «чрезвычайно умеренными», и объяснил эту осторожность тем фактом, что оценки на 1925/26 хоз. г. оказались преувеличенными²⁰. Контрольные цифры на 1926/27 г., подобно цифрам на 1925/26 г., не были ни в коем случае окончательными и не носили авторитетного характера. Их не предполагалось в деталях утверждать центральными органами в качестве плана с операционным статусом бюджета, кредитного плана или промфинплана, и они просто давали ориентиры для правительственных ведомств и Госплана при подготовке и изучении этих групповых планов²¹. Последующее обсуждение осенью 1926 г. подчеркнуло как значимость, придававшуюся теперь Госплану и его контрольным цифрам, так и осторожность, проявленную Госпланом при их составлении. Совместное заседание Совнаркома и СТО, обсуждавшее контрольные цифры, в конце концов 8 сентября 1926 г. издало постановление, конкретным образом потребовавшее большего объема капиталовложений, чем было предложено Госпланом²². В следующем месяце на совместном заседании президиума Госплана и президиума ВСНХ обсуждались источники и распределение капиталовложений в промышленности²³. На совещании руководителей Наркомфина и Госплана были внимательно рассмотрены основные показатели самого госбюджета, а глава бюджетно-финансовой секции Госплана выступил с докладом по бюджету на Совнарком. Однако Госплан сохранял свою осторожность; в декабре 1926 г. Наркомфину удалось убедить его представителей, но лишь после длительного обсуждения, в необходимости снять оценку бюджетного дохода в контрольных цифрах и принять более высокий показатель, предложенный Наркомфином²⁴.

Сдержанность, бывшая характерной чертой работы Госплана над контрольными цифрами на 1926/27 хоз. г., сохранилась и в следующем году. В начале 1927 г. В. А. Базаров призывал к осторожности в подходе к контрольным цифрам на 1927/28 хоз. г.; и в начале апреля 1927 г. совещание плановых органов, созванное для обсуждения цифр, приняло по докладу Базарова резолюцию, подчеркивавшую необходимость «ликвидировать *развращающую промышленность и торговлю атмосферу ажиотажа*» и отметившую важность решения проблемы сельскохозяйственного перенаселения, увеличения капиталовложений на транспорте, улучшения ситуации с жилищным строительством, а также обратившую внимание на мелкую промышленность и подготовку трудовых ресурсов²⁵. По вопросу о процедуре составления годовых контрольных цифр важная резолюция была принята Совнаркомом 8 июня 1927 г., которая требовала создать «главнейшие основания (цифровые лимиты и основные директивы) для составления оперативных хозяйственных планов». Хотя Совнарком лишь «принял к сведению» ту часть контрольных цифр, которая рассматривала общеэкономические перспективы, указывалось, что Совнарком «утверждает и предлагает [их] к исполнению ведомствам Союза ССР и правительствам союзных республик в части, содержащей цифровые лимиты и основные директивы для построения хозяйственных планов». «Предварительные показатели», которые должны были рассылаться Госпланом к 1 июля каждого года, предполагалось дополнить соображениями относительно возможных объемов капиталовложений и использовать в качестве основы для построения планов наркоматов и республик, предназначенных к рассмотрению Госпланом и к включению до 1 сентября в контрольные цифры. Предстояло все же изучение и утверждение правительством государственного бюджета и экспортно-импортного плана, а также утверждение плана капитального строительства. Однако эти показатели должны были встраиваться в утвержденные контрольные цифры²⁶.

Несмотря на то что в результате стало очевидным растущее значение контрольных цифр в советской экономической политике, Госплан тем не менее продолжал придерживаться осторожного и нерешительного подхода. На следующем госплановском совещании, открывшемся 29 июня 1927 г., В. Г. Громан подчеркнул важность «сохранения динамического равновесия народного хозяйства, требующего пропорциональности в развитии его отдельных элементов»: «Мы должны планировать прогрессивно развивающееся в целом хозяйство, но возможно научно определить вероятный темп этого развития. Всякие попытки перешагнуть этот темп приведут к бесплодной затрате усилий и, с другой стороны, могут создать нам такой неожиданный минимум, который парализует все другие достижения... При плане на начало мы должны избегать произвольных построений, должна быть система контрольных цифр, которая гарантирует нас от гениальных идей

и произвольных построений». Громан повторил акцент на ключевую роль госбюджета, который был важной составной частью контрольных цифр на 1926/27 хоз. г., и предложил расширять бюджет лишь пропорционально стоимости находящихся в обращении товаров: «Это... определит собой одну из центральных величин нашего прогноза на будущее»²⁷. После окончания совещания, 5 июля 1927 г., президиум Госплана утвердил предварительные директивы по составлению контрольных цифр, отражавшие тональность и акценты доклада Громана. В отношении 1927/28 хоз. г. говорилось, что он «будет характеризоваться неизбежным и совершенно закономерным замедлением» темпов роста; считалось, что план «приходится составлять с учетом резко ухудшающихся отношений с капиталистическим мировым хозяйством»; необходимы предупредительные меры против возможности низкого урожая 1928 г.; следует увеличить запасы; нужно сохранение рыночного равновесия, и необходимо пойти на дальнейшее снижение промышленных цен. Все это означало, что при планировании темпов экономического роста на предстоящий год необходима «особая осторожность»²⁸. Теперь мнения в Госплане разделялись все сильнее. В условиях напряженной международной ситуации 1927 г. Г. М. Кржижановский, не возражая против предложенных контрольных цифр, упорно настаивал на претензиях планирования; в статье, опубликованной хозяйственной газетой и полной предзнаменований войны, он доказывал, что «плановая дисциплина», а не финансы будет решающим фактором в СССР в случае войны, отмечая, что в первой мировой войне планирование сильно помогло капиталистическим странам²⁹.

Усиление статуса планирования вновь было признано в августе 1927 г., когда Пленум ЦК ВКП (б) впервые обсуждал годовые контрольные цифры в качестве отдельного пункта своей повестки дня. Однако политика в центре все еще постоянно менялась и была неопределенной. На пленуме Г. Л. Пятаков небезосновательно сетовал, что «к обсуждению нам предложены не контрольные цифры, а только общие хозяйственные директивы», изложенные «в столь неопределенном количественном выражении, что при анализе этих хозяйственных директив буквально под пальцами ничего осязательного не остается»³⁰. Центральный Комитет ВКП (б) принял пространный, но неубедительный набор директив. Вводная часть говорила об опасностях международного кризиса и важности оборонной и тяжелой промышленности; однако сами директивы были довольно неясными и неконкретными, настаивая в пространном изложении на необходимости снижения издержек производства и строительства, обещая увеличение реальной заработной платы и предупреждая о возможности плохого урожая³¹. Однако на протяжении последовавших нескольких недель, отчасти благодаря нажиму со стороны ВСНХ, была оказана официальная поддержка повышенным темпам индустриализации³². Окончательный вариант контрольных цифр на 1927/28

хоз. г., подготовленный в сентябре 1927 г., но не публиковавшийся фактически до следующего года, отразил новые веяния в атмосфере. Подобно резолюции Центрального Комитета, он говорил о возможности плохого урожая в 1928 г. как факторе, повлиявшем на контрольные цифры, и об ухудшении мирохозяйственных отношений под влиянием политических и рыночных факторов. Вместе с тем он также подчеркивал нужды обороны из-за ухудшения международной ситуации, и акцент, сделанный Громаном ранее летом на «равновесие», уступил место суровым предписаниям: *«при максимально тщательном и трезвом учете нужд обороны и подготовке к возможному недороду обеспечить максимальный темп форсированного индустриального развития страны»; «обеспечить продолжение взятого форсированного темпа индустриализации при дальнейшем укреплении рабоче-крестьянского блока и при всемерном повышении обороноспособности страны»*³³. Контрольные цифры предусматривали, что общее промышленное производство должно возрасти на 13,4% по сравнению с 13,7%, ожидавшимися в 1926/27 хоз. г., а сельскохозяйственное производство — на 3,2% по сравнению с 4,1%; совокупный объем производства сельского хозяйства и промышленности должен был увеличиться на 7,1% по сравнению с 7,6%, ожидавшимися в 1926/27 хоз. г. Общий объем капиталовложений в обобществленном секторе, включая государственные капиталовложения в сельском хозяйстве, должен был увеличиться более чем на 20%, то есть с более высоким темпом прироста, чем в 1926/27 хоз. г., причем увеличение в промышленности должно было быть выше, чем в сельском хозяйстве; контрольные цифры включали предложения в отношении капиталовложений в промышленности, охарактеризованные Громаном как слишком высокие³⁴. Во всех основных показателях количественный сдвиг относительно предложений Громана в июне 1927 г. не был значительным; однако изменения в подходе оказались весьма существенными. С лета 1927 г. стало придаваться все меньшее значение финансовой стабильности и рыночному равновесию при подготовке контрольных цифр. Опубликованный вариант контрольных цифр предсказывал избыточный спрос на рынке в первые шесть месяцев 1927/28 хоз. г., причем особенно большой дефицит предполагался в отношении текстильных товаров, и делался довольно благодушный вывод, что «напряжение может быть несколько большим, чем в 1926/27 г.»³⁵. Г. Ф. Гринько, заменивший И. Т. Смилгу на посту председателя комиссии по контрольным цифрам, признал более откровенно, что «первое полугодие будет весьма напряженным», но заявлял, что ни промышленные цены, ни налоги, скорее всего, не будут повышены для ослабления напряжения³⁶. Передовица «Правды», возглавленная «Контрольные цифры» растущего социализма», указывала, что они потребуют «величайшего материально-финансового напряжения», но была при этом преисполнена гордости за политику выделения львиной доли капиталовложений на нужды тяже-

лой промышленности: «Это — абсолютно правильная политика, гарантирующая нам экономическую самостоятельность, и она проводится нами несмотря на то, что ликвидация дефицита в предметах широкого потребления тем самым несколько отсрочивается». Выполнение контрольных цифр, по заключению передовицы, потребует *«зверского напряжения сил»*, и утверждалось, что «вопрос решается борьбой»³⁷. Уже в начале октября 1927 г. на совместном заседании Совнаркома и СТО контрольные цифры были впервые утверждены формально³⁸. В декабре 1927 г. XV съезд ВКП (б) был настолько занят пятилетним планом, что контрольные цифры выпали из рассмотрения³⁹. Однако это смещение акцента на долгосрочное планирование оказалось вступлением к еще большему значению комплексного планирования и ускоренной индустриализации.

Когда летом 1928 г. началась работа над контрольными цифрами на следующий год, ее общее руководство было передано центральной комиссией по перспективному планированию, председателем которой также был Г. Ф. Гринько, а В. Г. Громан и В. А. Базаров остались в тени⁴⁰. В условиях концентрации усилий на пятилетнем плане, продолжительные процедуры согласования и консультирования, предусматривавшиеся при подготовке контрольных цифр в 1926 и 1927 гг., были упразднены; позже Госплан отмечал, что его работа затруднилась, поскольку «правительство не рассматривало предварительных директив для составления цифр»⁴¹. Завершение работы по подготовке самих цифр было отсрочено. Госплан оказался в очень сложном положении, испытывая сильное давление к поиску дополнительных ресурсов. После кризиса зернозаготовок предшествовавшей зимой стоявшая перед партией задача заключалась в выявлении путей удовлетворения нужд сельского хозяйства при одновременном увеличении капиталовложений в промышленность. Нажим в направлении подъема величины капиталовложений в промышленность был крайне мощным; в сентябре 1928 г. один видный руководящий деятель даже предложил на заседании президиума ВСНХ стабилизировать «строительство в других секторах народного хозяйства... на уровне последнего года», чтобы добиться удовлетворения претензий промышленности⁴². На другом крыле Н. И. Бухарин в своей статье «Заметки экономиста», опубликованной 30 сентября 1928 г., призвал к большему вниманию к нуждам сельского хозяйства⁴³. Когда Госплан представил проект контрольных цифр на рассмотрение СТО и Совнаркома во время проведения четвертого съезда госпланов в октябре 1928 г., было предложено совокупное увеличение сельскохозяйственного и промышленного производства в 1928/29 хоз. г. на 9,6% по сравнению с приростом 7,1%, ожидавшимся в 1927/28 хоз. г.; промышленное производство должно было вырасти на 15,6% по сравнению с

16,5%, а сельскохозяйственное производство — на 4,2 по сравнению с сокращением на 0,3% ⁴⁴. Для достижения этих приростов и создания основ для будущего роста капиталовложения в промышленности предполагалось увеличить с 1306 млн. руб. в 1927/28 хоз. г. до 1650 млн. руб. в 1928/29 хоз. г., а государственные ассигнования сельскому хозяйству из бюджета и кредитной системы — с 534 до 734 млн. руб. Предполагалось увеличивать капиталовложения в обобществленное сельское хозяйство практически столь же высокими темпами, что и капиталовложения в промышленность; это явилось неизбежным следствием решения форсировать сельскохозяйственное производство в 1929 г. Госплан уступил также нажиму со стороны железнодорожного транспорта, испытывавшего в середине 20-х годов острую нехватку фондов, и со стороны народного образования и здравоохранения, требовавших увеличения ассигнований. Эти конкретные претензии различных секторов составили внушительный список. Планировалось увеличение капиталовложений в постоянные и оборотные фонды обобщественного сектора на 30% в реальном исчислении ⁴⁵.

Как же предполагалось финансировать столь значительное увеличение суммарного объема капиталовложений? Позже Г. Ф. Гринько изложил этот аспект довольно откровенно. «Нужно при этом со всей определенностью подчеркнуть, что в ходе работ над контрольными цифрами отчетливо вставала дилемма — или добиться решительных сдвигов в сторону повышения качественных показателей народнохозяйственного производства... или идти на снижение темпов развития строительства. Вся работа над контрольными цифрами исходила из необходимости обеспечить первый путь, то есть путь высоких темпов народнохозяйственного строительства, за счет высокого качества работ» ⁴⁶. В представленных на госплановском съезде проектных предложениях Госплан продемонстрировал этот принцип, сделав попытку навязать промышленности чрезвычайно оптимистичную программу сокращения издержек производства, которая должна была увеличить ее прибыли и ослабить давление на бюджет. Несмотря на мощное противодействие ВСНХ по этому вопросу, съезд поддержал главные предложения Госплана ⁴⁷. Контрольные цифры явились основной темой в обсуждениях, предшествовавших Пленуму ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 г. ⁴⁸ Принятая на этом пленуме резолюция в отличие от слабых директив августа 1927 г. ⁴⁹ включала основные показатели для всех секторов народного хозяйства, в том числе государственный бюджет, который теперь совсем утратил свой прежний доминирующий статус. Объявлялось, что «необходимо *обеспечить полностью* взятый темп развития индустрии в группе «А» (тяжелая индустрия, машиностроение, химия и т. д.)»; а «*хозяйственный план на 1928/29 г., намеченный контрольными цифрами*», объявлялся «*посильным, но крайне напряженным*». Резолюция включала компромиссную задачу снижения издержек в промышленности, но поддержала полностью план капиталовложений, предложенный

ВСНХ⁵⁰. Тем самым резолюция отметила еще один примечательный этап процесса, благодаря которому планирование становилось средоточием хозяйственной политики. Г. Ф. Гринько назвал контрольные цифры на 1928/29 хоз. г. «единым народнохозяйственным планом» и заявил, что «все частные хозяйственные планы, как бы значительны ни были они сами по себе, оказались в этом году на практике поставленными в прямую и полную зависимость от единого народнохозяйственного плана»⁵¹. Опубликованный том контрольных цифр отмечал, что бюджет и другие групповые планы гораздо теснее увязаны с контрольными цифрами, а вопросы обороны и уровня заработной платы приобрели большую значимость, чем в предыдущие годы⁵².

Как результат решения сохранить полностью план капиталовложений в промышленность, ориентируясь при этом на менее строгое выполнение задачи сокращения издержек, дополнительно возросли ассигнования промышленности из госбюджета. В начале декабря 1928 г. Совнарком принял решение получить еще 105 млн. руб., необходимых для этого, путем сокращения ассигнований на сельское хозяйство, транспорт, торговлю и жилищное строительство⁵³. Однако оно не позволило уйти от дилемм, возникших в связи с намерением обеспечить очень высокий уровень капиталовложений в промышленность. Вместе с тем у плана было некоторое достоинство, поскольку появлялась возможность избежать дальнейшего роста инфляции; однако под угрозой ставились планы в отношении других секторов экономики, в частности сельского хозяйства. Исходные предложения Госплана содержали весьма оптимистичные допущения: в ходе обсуждений по контрольным цифрам в 1928 г. партийные лидеры продемонстрировали готовность рисковать дальнейшими нехватками продовольствия и потребительских промышленных товаров в том момент, когда крестьянин уже чрезвычайно неохотно делился своим урожаем. На заседании президиума Госплана в марте 1929 г. А. Мендельсон сообщал о существовании *«весьма существенных трудностей в определенных секторах народного хозяйства»*, но заявлял при этом, что крупные изменения в плане не требуются; Э. И. Квинтинг решительно отверг утверждение В. Г. Громана, сделанное в ходе обсуждения, что улучшение снабжения продовольствием является *«задачей первичной возможности»*⁵⁴. При выполнении программы осуществления контрольных цифр на 1928/29 хоз. г. ассигнования промышленности действительно пользовались приоритетом перед ассигнованиями другим секторам⁵⁵, и одновременно, отчасти из-за невозможности снизить издержки производства в промышленности в запланированном размере, была разрешена дополнительная эмиссия денег⁵⁶. В конце хозяйственного года том контрольных цифр на следующий год сообщал, что планы промышленного производства в 1928/29 хоз. г. были превышены, а капиталовложения в промышленность, скорее всего, превысили плановый объем⁵⁷. С другой стороны, производство практически

всех видов продукции сельского хозяйства оказалось существенно ниже прогнозного⁵⁸, и хотя капиталовложения в государственный и кооперативный сектора сельского хозяйства существенно превышали плановые, что было обусловлено прежде всего расширением совхозов и колхозов, общие капиталовложения в сельское хозяйство, с учетом делавшихся индивидуальным крестьянином, оценивались в 1928/29 хоз. г. фактически более низко⁵⁹. Возвышение контрольных цифр до статуса годового плана народного хозяйства сопровождалось подчинением всех других секторов экономики потребностям промышленности.

ГЛАВА 35

ОПЕРАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ

Практическое планирование и детальное руководство хозяйственной деятельностью предусматривались в рамках групповых планов наркоматов, республик и регионов, получивших название «операционных планов». Хотя контрольные цифры были важным инструментом формирования основных решений относительно распределения ресурсов, они тем не менее не были исключительным или всеохватывающим инструментом хозяйственного планирования; их назначение заключалось в координации и согласовании групповых или операционных планов и ориентации их в направлении воплощения крупных политических решений партии. Контрольные цифры были годовым документом, и Г. Ф. Гринько довольно удачно охарактеризовал их как «программу работы на год вперед»¹; каждый год их долгое время разрабатывали, и они, как правило, в течение года не пересматривались. С другой стороны, хозяйственная политика СССР состояла из непрерывного потока решений, распределенных на протяжении всего года; повышение заработной платы осенью 1926 г., начатая в феврале 1927 г. кампания по снижению цен, принятое в октябре 1927 г. решение о введении семичасового рабочего дня и чрезвычайные меры января — февраля 1928 г. — все это было примерами политических решений, которые Госплан или Совнарком не предвидели, когда впервые составляли контрольные цифры на тот или иной год. Эти решения были воплощены в жизнь без пересмотра контрольных цифр, но при корректировке операционных планов.

Промышленность была сектором народного хозяйства, по отношению к которому контроль центральных властей осуществлялся в наибольшей степени. Кардинальная задача планирования заключалась в направлении ресурсов в промышленность и формировании ее развития; подробная и формализованная структура планов впервые появилась в промышленности. Еще в 1923 г. была принята процедура, согласно которой каждый трест представлял годовой план своему главку или директорату с тем, чтобы центральный аппарат ВСНХ мог готовить план для каждой отрасли. Эти годовые планы, охватывавшие производственные и финансовые задачи, получили название «промфинпланы», и с 1924 г. подобные планы для отдельных отраслей рассматривались Госпла-

ном и Наркомфином, а впоследствии утверждались СТО². В то время единственным «планом» для народного хозяйства в целом был государственный бюджет, и поначалу промфинпланы были эффективны в качестве финансовых планов, действовавших в установленных бюджетом рамках. Как планы для позитивного руководства производством они в то время были больше формальными, чем реальными. В 1923 и 1924 гг. ни ВСНХ, ни его директораты не снабжали тресты предварительными директивами по составлению их планов; окончательные планы строились путем агрегирования ожиданий и пожеланий трестов, откорректированных по имеющимся финансовым ресурсам, и никак не служили инструментом для формирования поведения отдельных отраслей и предприятий в соответствии с волей центральных администраторов в ВСНХ; практически известно мало свидетельств эффективных действий директоратов, направленных на принуждение к выполнению производственных планов после их утверждения³. Все это соответствовало ситуации, в которой деятельность промышленности по большей части управлялась движущими силами прибыли и рыночным механизмом. Однако в 1925 г. одновременно с составлением Госпланом его первых контрольных цифр для народного хозяйства началось фундаментальное изменение всей этой системы. Решением построить промфинплан для промышленности в целом на 1925/26 хоз. г. ВСНХ взял на себя центральную руководящую роль. В предельно ясном заявлении о намерениях была сформулирована его точка зрения на ту новую форму, которую должен быть принять процесс планирования в промышленности: «Поскольку работа каждого треста, не говоря уже об отрасли промышленности, почти целиком будет определяться государством, отпускающим ему ту или иную сумму дополнительных средств, промышленный план уже не может строиться путем суммирования предположений трестов. Предложения трестов отодвигаются на задний план; на первый план выдвигаются предположения и намерения государства, становящегося действительным хозяином своей промышленности. Поэтому только государственные хозяйственные органы и могут строить промышленный план: промышленный план должен строиться не снизу, а сверху»⁴.

В 1925 г. промфинпланы промышленности были подготовлены независимо от первых госплановских контрольных цифр для народного хозяйства, однако их включение в общую структуру планирования задержалось ненадолго. Уже 14 августа 1925 г. СТО несколько запоздало поручил ВСНХ подготовить промфинпланы на 1925/26 хоз. г. на основе госплановских контрольных цифр и помочь Госплану в составлении его контрольных цифр на следующий, 1926/27 хоз. г., для чего он должен был снабдить Госплан до 5 июля 1926 г. предварительной информацией⁵. ВСНХ серьезно взялся за свои обязанности. Хорошо проработанный приказ от 29 апреля 1926 г. устанавливал процедуры, с помощью которых должны были готовиться промышленные планы на 1926/27 хоз. г.

Специальная комиссия, председателем которой был назначен Г. Л. Пятаков, была создана для подготовки проекта контрольных цифр для промышленности до 1 июля 1926 г.; сразу же после координации составленного ВСНХ проекта контрольных цифр в рамках госплановских контрольных цифр с планами промышленности и внешней торговли, а также с госбюджетом, основные отрасли должны были подготовить свои промфинпланы под руководством комиссии⁶. Подчиненное положение в планировании, которое теперь вынуждены были занять тресты, было продемонстрировано в опубликованных 1 июля 1926 г. «основных директивах», которые давали трестам инструкции, как составлять их промфинпланы⁷. Позже Г. М. Кржижановский с гордостью отмечал, что подготовка контрольных цифр на 1926/27 хоз. г. явилась первым случаем, когда «мы уже заслушали доклад ВСНХ»⁸. Госплан считал, что ВСНХ «представил... образцовый в смысле детальности и тщательности опыт построения контрольных цифр»⁹. Летом 1926 и 1927 гг. ВСНХ готовил предварительные контрольные цифры на предстоящий хозяйственный год, в которых координировались предложения его трестов и главков, а затем осенью составлялись «сводный промфинплан» и серия промфинпланов для конкретных отраслей, исходя из контрольных цифр Госплана после внесения поправок Совнаркомом¹⁰. Сводные промфинпланы на 1926/27 и 1927/28 хоз. гг. прорабатывались Госпланом и Наркомфином и представлялись на утверждение совместным заседанием СТО и Совнаркома. Хотя тем самым сводный промфинплан ставился в один ряд с госбюджетом и контрольными цифрами народного хозяйства в качестве одного из основных ежегодных актов хозяйственной политики, его зависимость от бюджета, а также от контрольных цифр подчеркивалась тем фактом, что он не рассматривался Совнаркомом до тех пор, пока не закончится рассмотрение бюджета. План на 1926/27 хоз. г. не рассматривался Совнаркомом до февраля 1927 г., а план на 1927/28 хоз. г. — до 20 марта 1928 г.¹¹

На протяжении 1928 г. будущее сводного промфинплана явилось предметом затяжного и беспорядочного спора, который был разрешен 5 сентября 1928 г., когда Совнарком с поддержкой ВСНХ, Госплана и Рабкрината пришел к заключению, что сводный промфинплан больше Совнаркомом рассматриваться не будет; вместо этого «производственно-финансовые задания», на которых должны были базироваться промфинпланы отраслей и предприятий, предполагалось утверждать самим ВСНХ в рамках контрольных цифр народного хозяйства, в одобренном правительством виде¹². Этот жест, предпринятый под предлогом ускорения всего процесса промышленного планирования, привел к ослаблению зависимости сводного промфинплана от бюджета и к усилению его связи с госплановскими контрольными цифрами, хотя одновременно и укрепил власть ВСНХ¹³. Вместе с тем еще более заметным стало подчиненное положение трестов в плановом процессе.

Прочно установилось то, что один из авторов назвал системой подготовки промфинпланов «сверху вниз»¹⁴. Центральные власти добивались все большего успеха в стремлении навязать повиновение планам. С. Бирман, председатель «Югостали», жаловался, что от его треста ожидается безусловное выполнение планов, даже несмотря на их частое корректирование центром¹⁵. В основе этого изменения взаимоотношений между ВСНХ и трестами лежало усиление значимости государственного сектора как потребителя и распределителя продукции промышленности по мере расширения объемов капиталовложений.

Как только индустриализация вошла в свою активную фазу, раздел промфинплана, относящийся к капиталовложениям, стал привлекать все большее внимание. Сводный промфинплан и промфинпланы для каждой отрасли указывали ресурсы, которые должны были выделяться на капиталовложения из бюджета кредитной системой и самой промышленностью, и показывали, как они должны были расходоваться. Насколько успешно эти планы осуществлены в середине 20-х годов в промышленности СССР, определить довольно трудно. В республиканской и местной промышленности тресты зачастую предпринимали капиталовложения без одобрения центра, а инвестиционные планы региональных совнархозов и республиканских ВСНХ нередко не координировались с ВСНХ СССР. В декабре 1926 г. на VII съезде профсоюзов В. В. Куйбышев настаивал: «Мы должны ввести строгую основу планирования в капитальные затраты»; сверхприбыли не должны вновь вкладываться в ту отрасль, в которой они получены, а их следует направлять на капиталовложения в «решающие отрасли»¹⁶. Значение, которое теперь придавалось централизованному планированию капиталовложений, было подчеркнуто в Постановлении Совнаркома от 15 февраля 1927 г., довольно запоздало регулировавшем объем капиталовложений, предназначенных к освоению промышленностью в текущем хозяйственном году¹⁷. В дальнейшем 8 июня 1927 г. Совнарком дополнительно принял решение, что в будущем план капитального строительства во всем народном хозяйстве должен ежегодно изучаться центральным правительством и должен включать «титальный список» крупных проектов¹⁸. Хотя план капитального строительства по всей экономике отдельно от контрольных цифр, по-видимому, никогда не появлялся, план капитального строительства для планируемой ВСНХ промышленности на 1927/28 хоз. г. был утвержден 20 марта 1928 г. одновременно со сводным промфинапланом¹⁹, и регулярно соблюдалась практика конкретного утверждения СТО крупных проектов строительства. Эти положения и более детализированные процедуры, принятые в самом ВСНХ, вскоре прочно отдали детальное планирование капиталовложений в руки центральных властей²⁰. Уже в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП (б) В. Я. Чубарь сетовал, возможно с некоторым преувеличением, на сверхцентрализацию планирования капиталовложений: «Ведь это планирование, когда оно

доходит до 73 тыс. здесь, в центре, оно уже теряет характер планирования, оно становится мелочной опекой, ненужной опекой, из-за которой утекают те миллионы, за которыми мы должны следить. (Голоса: «Правильно!»)... Было решение, что до одного миллиона рублей можно строить в республиканском, областном масштабе без утверждения центра. Постепенно, понемножку это сгладилось, и теперь нашим республикам, как и местным трестам, почти ни на одну тысячу не удастся что-либо предпринять, ибо все «запланировано» до самого низа»²¹. Новые крупные проекты подробно обсуждались, иногда по многим поводам, на заседаниях Политбюро, а также СТО, и обеспечение людьми, денежными средствами и потребными материалами было предметом особой заботы Госплана и ВСНХ. Планирование крупных проектов становилось все более важным элементом всего процесса планирования²².

Во второй половине 20-х годов централизованное планирование производства, капиталовложений и финансов промышленности, осуществлявшееся с помощью промфинплана, было дополнено и укреплено в результате повышения роли физического планирования. Определенное управление материальными потоками существовало даже в первые годы НЭПа: снабжение крупных государственных потребителей, особенно Наркомпути и вооруженных сил, всегда было предметом плотного государственного управления, причем это было обусловлено как нехваткой многих товаров, так и стремлением промышленности продавать свою продукцию по преимущественным ценам, установленным для государственных потребителей. К 1924 г. подобный порядок стал регулярным и систематическим; если наркомфиновские оценки бюджета создали модель для госплановских «контрольных цифр», то планирование размещаемых Наркомпутом заказов в ВСНХ создало модель для системы планирования материального снабжения, ставшей впоследствии ведущей по всему народному хозяйству. Такие народные комиссариаты, как Наркомпутъ и Наркомвоенмор, оформляли свои крупные заказы в ходе переговоров с главком или директором ВСНХ или же с синдикатом той или иной отрасли; они передавали заказы производящим трестам или вели с ними переговоры, которые в свою очередь передавали заказы заводам и фабрикам, причем при заключении соглашений ВСНХ зачастую пользовался своей административной властью для оказания нажима²³. Процедура в целом находилась под общим контролем образованного в 1923 г. комитета госзаказов, в котором были представлены все основные наркоматы. Юрисдикция комитета, определенная уставом от 20 января 1926 г., охватывала все заказы, размещавшиеся организациями и предприятиями СССР в союзных промышленных предприятиях, подчиненных наркоматам, отличным от своего, хотя на практике его работа, по-видимому, ограничивалась заказами, финансируемыми из госбюджета. Он

отвечал за подготовку представительного годового плана госзаказов, который удовлетворял бы промфинплану каждой из рассматриваемых отраслей²⁴.

По мере нарастания темпов индустриализации настоятельные потребности плана все больше удовлетворялись за счет инфляционного расходования средств, что в свою очередь, учитывая довольно строгий контроль над ценами, осуществлявшийся в промышленности, приводило к усугублению нехватки товаров. Для сохранения плановых приоритетов перед лицом этих дефицитов было введено плановое распределение на основе централизованной системы материального снабжения по быстро возраставшему числу видов продукции, а с 1925 г. она была распространена на всю продукцию некоторых ведущих отраслей. Первой под действием этой системы оказалась черная металлургия. В ноябре 1925 г. приказ ВСНХ предписывал всем потребителям металла в рамках ВСНХ представлять заявки через свои главки или республиканские ВСНХ, на основании которых Главметалл должен был составлять баланс производства и потребления чугуна и стали. На протяжении последовавших двенадцати месяцев система была распространена на всех потребителей металла, в том числе и на сеть розничной торговли, и она служила базой для подготовки годового баланса металла, утверждавшегося ВСНХ и СТО, а также для более подробного квартального баланса²⁵. Это явилось чем-то наподобие прецедента для подготовки в других отраслях того, что получило название «материальных балансов» и в действительности было бюджетом производства и потребления в физическом выражении²⁶. Топливный кризис привел к введению в том же году аналогичной системы в топливно-энергетических отраслях²⁷, а 11 марта 1927 г. СТО издал распоряжение, чтобы планы промышленности включали то, что получило название «энергетического» плана, демонстрировавшего потребление топлива и энергии всеми предприятиями в каждом регионе²⁸. В дальнейшем 15 июня 1928 г., когда весьма острой стала нехватка строительных материалов, Госплану было спущено распоряжение включать балансы предложения и спроса на основные стройматериалы в его ежегодные контрольные цифры²⁹. Распределение потребительских промтоваров планировалось аналогичным же образом. Весной 1924 г. Наркомторгом была предпринята первая попытка составить квартальный план завоза для государственной промышленности, в котором устанавливались квоты поставки хлопчатобумажных тканей конкретным зернопроизводящим регионам. Эта преждевременная и довольно грубая попытка планирования материальных потоков встретила противодействие со стороны ВСНХ, однако летом 1925 г. Наркомторг заручился одобрением СТО квартального плана поставок в ограниченном объеме охвата. Подобные первые планы не располагали более солидной базой, чем «эмпирические оценки минимума, необходимого для успешного осуществления зернозаготовок». Тем не менее техника планиро-

вания постепенно совершенствовалась. Первый план, охватывавший всю страну, был сверстан в начале 1926 г. и был составлен как в стоимостном выражении, так и в загрузке железнодорожных вагонов, а в 1926/27 хоз. г. СТО был утвержден план запасов, перебрасываемых из одного пункта в другой по нарядам Наркомторга³⁰.

Введение системы материально-технического снабжения обусловило развитие важных процессов в планировании производства. Материальные балансы указывали объемы производства, запланированные на тот или иной период, а также основных потребителей, которым выделялась эта продукция; предполагалось добиться соответствия самым широким производственным целям или показателям в рамках контрольных цифр народного хозяйства и промфинпланов, а также более конкретным производственным показателям материальных балансов. Чтобы способствовать координации промфинплана и материального баланса по черным металлам, заявки на выделение чугуна и стали предлагалось подавать в Главметалл заранее, чтобы он располагал необходимыми сведениями при подготовке производственных задач промфинплана³¹; подобный подход к планированию стал стандартным во многих отраслях. Материальные балансы и планы поставок, хотя и более детальные, чем промфинплан, составляли лишь общий каркас решений, требовавших выполнения во всех подробностях. Как правило, они относились к продолжительному периоду, порядка года или как минимум квартала, и к широким группам товаров³²; в материальных балансах распределение производилось обычно не по конкретным трестам или региональным торговым организациям, а по наркоматам или другим общенациональным организациям, таким, как Наркомпуть или Центросоюз, или же, в случае потребления промышленностью, в разбивке по главам ВСНХ. Работа по разворачиванию широких годовых или квартальных производственных задач промфинплана и разверсток материальных балансов на конкретные наряды, обычно охватывавшие месячный объем выпуска продукции, при адресном распределении по конкретным поставщикам и потребителям, являлась обязанностью синдикатов; и рост значимости синдикатов был тесно связан с усилением роли планирования материально-технического снабжения³³. ВСНХ также был вынужден прибегнуть к установлению временных приоритетов и созданию «ударных» программ, приостанавливавших действие положений, вытекавших из материальных балансов, чтобы подтолкнуть выполнение планов по наиболее настоящим статьям³⁴.

В 1926—1929 гг. рассматриваемая попытка внедрить новую и комплексную систему не пошла далее предварительной экспериментальной стадии. На заседании президиума ВСНХ в августе 1928 г. В. В. Куйбышев и В. И. Межлаук сетовали на то, что баланс предложения и спроса на промышленные потребительские товары, топливно-энергетический баланс и баланс стройматериа-

дов не были завершены в нужной мере³⁵. В своих показаниях на суде по «делу Промпартии» в 1930 г. И. А. Калинин отмечал по поводу балансов металла, что «те, кто знает эти балансы, скажут, что они являются лишь предварительными попытками составления баланса», и заявил, что «до сих пор не было ни одного случая, когда можно было бы говорить о надлежащем образом подготовленном в Госплане материальном балансе»³⁶. В этот период предпосылки для централизованного планирования материально-технического снабжения существовали лишь отчасти. Необходимая для построения планов статистическая информация стала появляться лишь постепенно. Один из комментаторов утверждал, что из-за отсутствия достоверной информации планы распределения топлива не были действенными: «Планы в действительности ничем не управляли; они попросту сводили концы с концами. Снабжение топливом в стране шло по воле случая или, точнее, регулировалось само»³⁷. Даже к 1929 г. стандартные «нормы» запасов и потребления топлива и материалов, бывшие существенной предпосылкой для составления точного плана производства и распределения в физическом исчислении, все еще находились в процессе формирования³⁸. Показатели планирования производства в физическом выражении также были все еще в зачаточном состоянии³⁹.

Новая система планирования материально-технического снабжения, созданная в разгар нехваток, присущих первым этапам движения индустриализации, обладала определенными характерными дефектами. Поскольку плановые наряды размещались с опозданием, приходилось впоследствии вносить в них изменения, а после размещения их выполнение было далеко от совершенства: предприятия необязательно получали выделенные им материалы и оборудование в срок или в предусмотренных объемах. Как отмечал А. Ф. Толоконцев на IV Всесоюзном съезде Советов в апреле 1927 г., «этот вопрос встает перед всем нашим народным хозяйством»⁴⁰. В свою очередь опасность оказаться без сырья и полуфабрикатов заставляла предприятия завышать свои потребности и размещать излишние заказы, а также увеличивать складские запасы материалов⁴¹. С другой стороны, все виды промышленной продукции распродавались весьма быстро, поскольку наблюдался их постоянный дефицит, в результате чего запасы готовой продукции на производящих ее предприятиях и на складах синдикатов все время снижались⁴². В 1926 г. Г. Ф. Гринько клеймил как «прямых дезорганизаторов» промышленности «большое число директоров трестов, заводов и т. п.», которые, «руководствуясь близоруким местническим лозунгом „победителя не судят“», хронически недовыполняли план и накапливали запасы материалов и сырья⁴³. Проведенное весной 1929 г. обследование ВСНХ сообщало, что «снабженцы некоторых предприятий установили более или менее постоянные взаимные контакты, оказывая друг другу помощь путем одалживания материалов и вызволяя

друг друга из неприятных ситуаций»⁴⁴. Однако, несмотря на эти недостатки, система планирования материально-технического снабжения становилась все более действенной с точки зрения перераспределения дефицитных материалов и товаров в ключевые сектора экономики⁴⁵ и предоставления преимуществ потребностям крупных проектов, подобных Днепрострою.

Таким образом, к 1929 г. промышленность управлялась сочетанием планов в физическом и финансовом выражении; каждая отдельная отрасль и ее тресты и предприятия получали выделяемые материалы и деньги, и от них ожидалось выполнение производственных задач, составленных главным образом в физическом исчислении, а также финансовых задач, прежде всего задач по снижению издержек. Степень контроля, обеспечивавшегося центральными властями, колебалась в значительных пределах между различными отраслями и даже между отдельными видами продукции: в то время как производство и распределение важных средств производства и материалов, например черных металлов, находилось под жестким контролем ВСНХ и Госплана, а в некоторых случаях даже Совнаркома, централизованный контроль над местной промышленностью и кустарным производством был гораздо более рудиментарным.

Процессы централизованного планирования, происходившие быстрее всего и зашедшие дальше всего в промышленности, постепенно распространялись также и на крупные сектора народного хозяйства, в которых прежде доминировали рыночные силы, в частности на рынок потребительских товаров и на крестьянское сельское хозяйство. Со времени ликвидации в начале НЭПа принудительного направления рабочей силы и карточного нормирования городской рабочий и государственный служащий получили право свободного выбора своего места работы (с учетом ограничений, вносившихся безработицей) и приобрели возможность тратить свои доходы на потребительские товары по своему усмотрению (в пределах, обусловленных товарным дефицитом), а их доходы сами стали результатом сложного договорного процесса, в котором некоторой автономией пользовались профсоюзы. Хотя не предпринималось попыток ввести принудительное перераспределение рабочей силы, в период между 1926 и 1929 гг. осуществлялась политика более жесткого централизованного планирования и контроля заработной платы в стремлении ограничить городское потребление и сократить издержки и, следовательно, протензии государственных организаций и предприятий на выделение финансовых ресурсов⁴⁶. Несмотря на подобные меры контроля, рост личных доходов существенно опережал возможности снабжения потребительскими товарами, главным образом в результате увеличения числа занятых в отраслях производства средств производства и в строительстве; последовавшее введение нормирования хлеба и других продовольственных товаров в круп-

ных городах явилось свидетельством распространения системы распределения материальных ресурсов на индивидуального городского потребителя⁴⁷.

Сельскохозяйственный сектор народного хозяйства оставался наименее подверженным централизованному планированию. В своих контрольных цифрах на 1927/28 хоз. г. Госплан отмечал: «До сих пор не было и нет единого плана мероприятий, проводимых НКЗемами по всему Союзу. На территории СССР имеется 25 НКЗемов союзных и автономных республик. Каждая из этих республик составляет свой план в области сельского хозяйства, не совпадающий ни во времени, ни в методе построения с планами других республик. Отсутствует также отчетный материал за предшествующие годы. Такое положение с планированием с. х. не может дальше продолжаться». Далее Госплан добавлял, что «тот факт, что с. х. распылено, не ослабляет, а усиливает потребность в плановой системе мероприятий, тесно между собой связанных и учитывающих особенности каждой республики»⁴⁸. Зернозаготовки, призванные удовлетворить оцениваемые потребности городского и фабрично-заводского населения, Красной Армии, дефицитных по зерну сельскохозяйственных районов и хлопкосеющих регионов Средней Азии, вместе с заготовкой «технических» культур, использовавшихся промышленностью в качестве сырья, были рудиментарной формой планирования распределения; и «чрезвычайные меры» первых месяцев 1928 г. совпали с усилением планового давления в других секторах народного хозяйства. Однако производство в более чем 20 миллионах единоличных крестьянских хозяйств управлялось в основном тем, что иронично именовалось «крестпланом» или «небопланом». В 1928/29 хоз. г. контрактация и механизация все еще были лишь зачаточными, а коллективизация в сколько-нибудь значительных масштабах еще только надвигалась в будущем. В конечном счете именно с помощью этих инструментов обеспечивалась некоторая доля планового контроля над сельским хозяйством.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН

План ГОЭЛРО, подготовленный в 1920 г., явился первой крупной попыткой построения 10—15-летнего плана для народного хозяйства в целом; хотя его центральной темой была электрификация, в него были включены производственные задачи и агрегированные планы для ведущих отраслей промышленности¹. Вместе с тем план существенно страдал важным недостатком, поскольку не охватывал те части СССР, которые в начальные месяцы 1920 г. в его состав не входили; поэтому из него выпадала значительная часть Украины. К 1925 г. многое из того, что было им столь подробно предусмотрено, со всей очевидностью оказалось устаревшим, и в начале этого года Госплан поручил Г. М. Кржижановскому пересмотреть план ГОЭЛРО и подготовить вместо него региональный план и комплексный план народного хозяйства; в свою очередь последний предполагалось подразделить на пятилетний и пятнадцатилетний планы. Эта работа должна была быть завершена к десятой годовщине революции, то есть в октябре 1927 г.² Первый съезд госпланов в марте 1926 г. сформировал две параллельные комиссии по долгосрочному планированию: комиссию по пятилетнему плану под председательством С. Г. Струмилина и комиссию по 10—15-летнему генеральному плану, или генплану, под председательством беспартийного специалиста П. С. Осадчего³.

Комиссии Осадчего было предписано исходить из допущения, которое спустя несколько лет выглядело смехотворно умеренным, что реальный национальный доход или продукт на душу населения удвоится за период 10—15 лет⁴. Даже в Госплане работа комиссии Осадчего вызывала некоторый скептицизм. Это происходило не по той причине, что в ее предложениях ощущалась недооценка возможностей будущего развития: выдвинутое в отношении плана Осадчего обвинение в том, что это дело рук вредителей, появилось лишь спустя несколько лет. Все происходило потому, что будущее было слишком неопределенным и ни в Госплане, ни где бы то ни было в другом месте не располагали данными, опытом или способностью предвидеть столь отдаленное время. Планировщики сконцентрировали свое внимание на пятилетнем плане, более доступном, но ничуть не менее сложном. Представляя весной

1927 г. второй госплановский проект пятилетнего плана, Г. М. Кржижановский разъяснял, что, хотя окончательные решения относительно главных предложений генплана фактически должны предшествовать пятилетнему плану, в действительности это оказалось невозможным, поскольку пересмотр плана ГОЭЛРО был отсрочен⁵. Среди генеральных планов для конкретных секторов экономики план электрификации был к этому времени на достаточно далеко продвинутом уровне, чтобы использоваться в процессе подготовки госплановского проекта пятилетнего плана⁶; однако ВСНХ явно сверстал свой проект пятилетнего плана в 1927 г. совершенно без ссылок на работу Госплана над генпланом. Однако некоторые генеральные планы для конкретных регионов были более совершенными. В марте 1927 г. на втором съезде госпланов в докладе Госплана РСФСР сообщалось, что подготовка генплана стала основным пунктом всей его работы⁷, за что со стороны С. Г. Струмилина был высказан укор по поводу чрезмерной концентрации на генплане в ущерб пятилетнему плану⁸. Генеральный план для Уральского региона, опубликованный летом 1927 г.⁹, представлял собой обширный том, содержавший тщательно проработанную программу для народного хозяйства Урала. Он строился на стандартном допущении, что национальный доход на душу населения приблизительно удвоится за пятнадцатилетний период, и оценивалось, что лишь 73 тыс. крестьянских хозяйств из почти двух миллионов их общего числа составят к 1941 г. основу для производственных кооперативов того или иного вида. Подготовленные планы для конкретных отраслей промышленности также были чрезвычайно осторожными; предполагалось, что в 1940—1941 гг. общесоюзная выплавка чугуна не превысит 11 млн. т¹⁰. Тем не менее это со всей определенностью было планом индустриализации, рассчитывавшим, что объем промышленного производства в 1940—1941 гг. будет больше, чем в 1926/27 хоз. г., как минимум в шесть раз, тогда как сельскохозяйственное производство за тот же период приблизительно удвоится¹¹. Несколькими месяцами позже была завершена подготовка пятнадцатилетнего плана для Средней Азии¹². Однако первоначальное намерение подготовить генплан для народного хозяйства в целом к октябрю 1927 г. оказалось абсолютно нереальным. Юбилейное заседание ЦИК в том месяце и XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 г. были целиком посвящены проблемам пятилетнего плана, и в этих обсуждениях генплан играл весьма малую роль.

Новый, 1918 г. начался с событий, которые нельзя было назвать благоприятными для генплана. В Госплане была создана новая центральная комиссия по перспективному планированию, основная функция которой заключалась в подготовке пятилетнего плана, она подчинила комиссию по генплану себе и временно сократила ее штат¹³. Однако на протяжении 1928 г. интерес к генеральному плану возродился, отчасти благодаря проблемам, возникшим при построении пятилетнего плана. Все задачи и перспек-

тивы пятилетнего плана претерпели коренные изменения¹⁴, и возникла настоятельная потребность в формировании долгосрочной схемы, в рамках которой можно было бы готовить пятилетние планы. Капитальное строительство, предусмотренное на следующее пятилетие, должно было сильно повлиять на структуру дальнейшего развития; при этом проекты, завершение которых планировалось на середину 30-х годов, должны были начаться в течение первой пятилетки. В январе 1928 г. С. Г. Струмилин в ходе дискуссии в Коммунистической академии подчеркнул трудности, возникшие в работе над пятилетним планом из-за отсутствия генерального плана, который должен был обеспечить «структурную модель общественной формации, в направлении которой мы должны двигаться», а Г. М. Кржижановский предвкушал публикацию генплана как событие, которое должно стать «торжеством трудящихся всего мира, огромным скачком от нужды к свободе», добавив, однако, что план не удастся подготовить в течение еще нескольких лет¹⁵. В марте 1928 г. Н. А. Ковалевский, сменивший П. С. Осадчего, сделал доклад о генеральном плане на третьем съезде госпланов; появившаяся после съезда статья разъясняла, что Госплан подготовил детальные исследования пятнадцатилетних перспектив транспорта, топливной, текстильной и металлопромышленности, а также электрификации, и подчеркивала, что *«статистические подсчеты должны играть в этом плане сугубо служебную роль, подчиненную запросам политики, экономики и техники»*¹⁶. Обсуждение генерального плана, сводившееся к рассмотрению широких тенденций социально-экономического развития в течение длительного периода, откровенно выявило углубляющуюся пропасть между скептиками и поборниками ускоренной индустриализации. На дискуссии, проведенной в клубе плановых работников вскоре после съезда, В. А. Базаров отверг предложение ВСНХ принять 18—20% в год в качестве «нормального темпа роста» промышленного производства, отметив, что такой темп роста означал бы увеличение объемов производства в 30 раз на протяжении 15 лет и в 160 раз — за 30 лет. В. Г. Громан осудил «склонность к фантастическим построениям», подчеркнул влияние крестьянства на хозяйственное развитие и настаивал на том, что советские плановики не смогут овладеть полностью управлением народным хозяйством даже к концу периода, охватываемого генеральным планом¹⁷. Некоторые генеральные планы для конкретных секторов продолжали отражать консервативный подход беспартийных специалистов; специальная комиссия по металлопромышленности летом 1928 г. все еще предлагала, что объем производства чугуна должен достичь в 1935/36 хоз. г. всего лишь 8,5 млн. т, и лишь 11,5 млн. т в 1940/41 хоз. г.; последняя цифра была лишь немного выше цифры, уже предложенной ВСНХ на последний год первой пятилетки¹⁸. Плановик из ВСНХ несколькими месяцами позже иронично заметил, что «если бы авторы этого генерального плана вышли бы из этого спора победи-

телями, то СССР в 1941 г. был бы на том же народнохозяйственном уровне, на каком была Германия в начале XX века», и был бы обречен на поражение в борьбе с капиталистическим миром¹⁹.

Тем временем наиболее ретивые энтузиасты среди поборников индустриализации были охвачены стремлением построить новый генплан, который отчетливо продемонстрировал бы возможность перегнуть капиталистический мир за довольно короткий период. Весной 1928 г. В. Е. Мотылев настаивал на том, что «нет ничего невозможного в достижении уровня Соединенных Штатов за 20—25 лет»²⁰. Л. М. Сабсович, быстро ставший наиболее видной фигурой в кампании за более оптимистичный генплан, доказывал в августе 1928 г., что темпы роста промышленного производства должны продолжать возрастать на протяжении 15 лет²¹; спустя три месяца он осудил «реалистов», которые полагали, что потребуются многие десятилетия, чтобы сократить разрыв между СССР и капиталистическим миром²². В своем собственном варианте генплана, выдвинутом в конце 1928 г., Сабсович полагал, что темпы роста промышленного производства должны возрасти к 1947/48 г. до 29% в год; промышленное производство в стране должно было бы превысить аналогичный показатель по США за 15 лет, а к 1947/48 г. оно было бы в 100 раз большим по сравнению с уровнем 1927/28 г., даже несмотря на предполагаемое сокращение рабочей недели к тому времени до пяти дней²³. Г. А. Фельдман, госплановский экономист, выдвинул теоретическую модель для генплана на 10—20 лет, что оказалось аналогично слишком оптимистичным²⁴. Он повторил свой оптимизм в дальнейшей статье, опубликованной госплановским журналом: «Десять, максимум пятнадцать лет — вот те сроки, в течение которых мы должны произвести реконструкцию всех наших производственных отношений внутри страны. Темп должен быть таков, чтобы движение было заметно каждому зрячему пролетарию и крестьянину внутри и вне нашей страны»²⁵. Эти предложения уже намного превосходили исходный постулат, что национальный доход или продукт на душу населения должен за 10—15 лет удвоиться. Трудности, связанные с достижением столь высокого темпа роста при одновременном повышении уровня жизни в городе и деревне и сохранении рыночных отношений с крестьянством, преодолевались героическими допущениями о повышении производительности труда в промышленном производстве и эффективности, с которой должны были использоваться капиталовложения. В то же время эти схемы, по-видимому, не получили значительной официальной поддержки. Генплан не упоминался в окончательном варианте подготовленного Госпланом пятилетнего плана или в резолюции XVI партийной конференции в апреле 1929 г., утвердившей план. Однако стремление и потребность в построении плана, охватывающего 10—15 лет, еще долгое время заставляли советских плановиков работать над ним в постоянном состоянии обольщения и разочарования.

ГЛАВА 37

ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН

Пятилетний период в качестве единицы времени для планирования был признан удобным по нескольким причинам. На протяжении такого периода можно было начать и завершить строительство крупных заводов, фабрик и электростанций, значительных железнодорожных трасс и оросительных сооружений. На протяжении пяти лет весьма вероятно протекание цикла хороших и плохих урожаев, так что плановики получали возможность оперировать со средним сбором¹. В Госплане представители всех оттенков мнений согласились с настоятельной необходимостью подготовки пятилетнего, или «перспективного», плана. По мнению В. В. Куйбышева, в промышленности пятилетний план существен, чтобы избежать «ошибок и зигзагов»: без него решения о выделении и распределении ресурсов между разными областями принимались на основании «совершенно случайных показателей», тогда как «действительные хозяйственные нужды» оставались неудовлетворенными². В первые годы НЭПа уже предпринимались многочисленные эксперименты по пятилетнему планированию. Еще в 1923 г. в Госплане был подготовлен пятилетний план для промышленности, охватывавший период с 1923/24 по 1927/28 хоз. г., а в ВСНХ в том же году Главметаллом был подготовлен пятилетний план развития металлопромышленности. В 1924 г. Наркомзем составил пятилетний план развития сельского хозяйства РСФСР, а Наркомпуть утвердил аналогичный план для железнодорожного транспорта³. Все эти планы в основном имели дело с восстановлением соответствующего сектора народного хозяйства до предвоенного уровня и исходили из представления, что на это потребуется много лет. Все они, даже план для сельского хозяйства, оказались неоправданно пессимистическими. Во всяком случае, промышленное производство расширялось в 1924/25 г. настолько быстро, что в течение 1925 г. Госплан и ВСНХ приступили к гораздо более сложной работе по составлению пятилетних планов, которые должны были преобразовать структуру народного хозяйства, в частности промышленности, унаследованную от дореволюционной России. В марте 1926 г. (24 марта) СТО принял решение, что перспективные планы для отдельных секторов народного хозяйства должны, как правило, охватывать пятилетний период, а также

учитывать общие перспективы развития после окончания этого периода⁴. В течение последующих трех лет в работу по составлению пятилетнего плана был вовлечен каждый народный комиссариат.

а) «Гипотеза» ОСВОК (1926 г.)

За несколько месяцев до того, как Госплан начал работу над своим проектом пятилетнего плана, 21 марта 1925 г., президиум ВСНХ сформировал ОСВОК — Особое совещание по восстановлению основного капитала, председателем которого стал Г. Л. Пятаков⁵. В течение последующих 18 месяцев партийные деятели, придерживавшиеся точек зрения всех оттенков, работали в рамках ОСВОК с экономистами, в прошлом меньшевиками, и беспартийными учеными и инженерами над пятилетним планом, охватывавшим период с 1925/26 по 1929/30 г. (точнее, с 1 октября 1925 г. по 30 сентября 1930 г.). Средоточием всей работы была попытка изучить конкретным и подробным образом перспективы каждой отрасли промышленности и получить точное заключение о размещении и мощности необходимых новых заводов и фабрик: Пятаков отмечал, что подготовка перечня новых предприятий была *«душой пятилетних планов»*⁶. ОСВОК сформировал 32 «производственные» секции, каждая из которых имела дело с некоторой крупной отраслью, и пять «функциональных» или общих секций по сельскому хозяйству, транспорту, районированию, технической подготовке и финансам. Комитеты по подготовке республиканских планов ОСВОК были созданы в ВСНХ РСФСР, Белорусской ССР и Украинской ССР⁷. Существовавший штат Промплана, планового отдела ВСНХ и его различных подразделов был предоставлен в распоряжение ОСВОК вместе со специалистами из любого подразделения ВСНХ; А. М. Гинзбург, на которого была возложена основная ответственность за координацию планов отдельных отраслей, заявлял позже, что «работа велась хорошо отлаженной машиной, привычной к совместной деятельности»⁸. С апреля по декабрь 1925 г. на 1228 заседаниях секций было обсуждено 592 доклада экспертов⁹. В ноябре 1925 г. была сформирована специальная комиссия для сведения планов отдельных отраслей во «всестороннюю пятилетнюю гипотезу» для промышленности в целом¹⁰. Результаты работы ОСВОК и его различных секций были опубликованы на протяжении 1926 и 1927 гг. в виде большого числа томов, рассматривавших как отдельные отрасли, так и различные аспекты общей «гипотезы» для промышленности¹¹.

В апреле 1926 г. при содействии ВСНХ в Москве была проведена промышленная конференция; она была объявлена «Торгово-промышленной газетой» как «одна из тех конференций, которые совпадают с переломными моментами в развитии государственной экономики»¹². Г. Л. Пятаков в своем докладе по «перспективному плану и новому промышленному строительству» уверенно

представил работу ОСВОК в контексте проблем не восстановления, а расширения основного капитала «наиболее важной, наиболее трудной, центральной проблемой промышленной политики и всей нашей хозяйственной политики», но трактовал ее довольно бесспорным образом. Он подчеркнул, что существующий капитал полностью использован, значительная часть его изношена и морально устарела, приведя пример американского стекольного завода, на котором 800—850 рабочих обеспечивают уровень производства, который потребовал бы 18 тыс. человек при использовании технологии, принятой на советских заводах. Однако он признал, что американские методы возможны лишь при более высоком уровне жизни и выделении большего объема ресурсов на капиталовложения. Советский Союз был все еще бедной страной, поэтому его существующий капитал должен использоваться более интенсивно и в планировании должна соблюдаться «чрезвычайно строгая дисциплина»¹³. Конференция приняла резолюцию, что «ОСВОК идет в основном по правильному пути к построению перспективного плана развития промышленности СССР»; перспективным планам для экономических районов теперь должно было отдаваться предпочтение, и они должны были объединяться с «всесторонней гипотезой», в отношении которой ОСВОК собирался созвать специальную конференцию. Однако резолюция отмечала также, что гипотезы относительно нового строительства были «необязательными» и носили характер «лишь предложений»¹⁴. Спустя несколько недель Ф. Э. Дзержинский осторожно распорядился, что никакой служащий ВСНХ не должен обсуждать гипотезы ОСВОК с Госпланом или другими властями без его письменного разрешения¹⁵; скорее всего, это могло свидетельствовать о зарождавшемся недоверии к индустриализационному энтузиазму Пятакова или о скептическом отношении к вероятности внесения ОСВОК более оптимистичных предложений¹⁶.

В последующие несколько месяцев работа над планами была продолжена. В июле 1926 г. специальная комиссия ВСНХ обсуждала финансовый план¹⁷, а плановый отдел ВСНХ под председательством Пятакова заслушал доклад А. М. Гинзбурга о предварительной попытке построения всесторонней гипотезы, охватывающей промышленность в целом и все аспекты плана¹⁸. Основной слабостью, выявившейся в процессе совмещения отдельных планов ОСВОК, явилось отсутствие координации, присущей методу, когда каждой отрасли предоставлялась возможность готовить свою гипотезу более или менее независимо и без руководящих директив из центра. Действительно, гипотезы, подготовленные для отдельных отраслей, делали допущения относительно будущего состояния рынка, которые были настолько противоречивыми, что препятствовали координации. В разных отраслях производства потребительских товаров, оценочный объем выпуска продукции на 1929/30 г. колебался от 100 до 200% относительно предвоенного уровня. В отраслях средств производства можно было делать ме-

нее произвольные оценки спроса благодаря наличию крупных централизованных потребителей, хотя и здесь предположения относительно будущего спроса основывались в лучшем случае на опросе промышленных потребителей или на догадках каждой отрасли о темпах роста остального народного хозяйства; угольная промышленность даже не делала оценки будущего спроса, а просто рассчитала свои собственные производственные возможности¹⁹. Оценки капиталовложений, требовавшихся каждой отрасли на пятилетие, основывались скорее на этих независимых и, как правило, оптимистичных догадках, чем на сколько-нибудь общем допущении, какие ресурсы можно было бы выделить в остальном народном хозяйстве на промышленное развитие²⁰. В планах отдельных отраслей делались также различные предположения об источниках финансирования предлагавшихся капиталовложений. Некоторые планы исходили из допущения о резком снижении цен при финансировании капиталовложений за счет кредитов и субсидий из бюджета; другие полагали, что цены останутся высокими, а капиталовложения будут финансироваться из прибылей²¹. Сельскохозяйственная секция ОСВОК предусматривала снижение цен промышленной продукции на крестьянском рынке на 22,5% при снижении доставочных цен сельскохозяйственной продукции максимум на 5%²²; реальным выводом из этих предположений для планов промышленности было то, что она не могла рассчитывать на получение сколько-нибудь значительных дополнительных ресурсов из сельского хозяйства, вместо этого следовало ожидать усиления стимулов для сельскохозяйственного производства благодаря снижению промышленных цен.

Когда производственные планы для разных отраслей были сверстаны в комплексную гипотезу, результирующий план для промышленности в целом предусматривал увеличение объемов производства государственной промышленности на 109% за четырехлетний период с 1926/27 по 1929/30 хоз. г. при снижении годового темпа прироста с 31,6% в первом году до 15,0% в последнем²³. В ходе обсуждений в ВСНХ запланированное снижение темпов прироста, получившее название «затухающей кривой», серьезных возражений не встретило²⁴; считалось очевидным, что это снижение неизбежно по мере достижения доведенного уровня объемов производства и исчерпания всех резервных производственных мощностей²⁵. Обсуждение в ВСНХ касалось главным образом вопроса, не является ли предложенный общий темп роста слишком высоким; в годовых контрольных цифрах, которые готовились в ВСНХ одновременно, предполагалось, что объем промышленного производства в 1926/27 хоз. г. вырастет лишь на 16—17% в сравнении с темпом 31,6%, предложенным в комплексной гипотезе ОСВОК²⁶. Предложение ОСВОК по тому году было явно преувеличенным; вопрос о том, можно ли было считать предложения по остальным годам сколько-нибудь разумными, зависел главным образом от возможностей достижения заложенного пока-

зателя по капиталовложениям в промышленности, составившего 5300 млн. руб. на оставшиеся четыре года планового периода.

Комплексная гипотеза разрешила проблему источников капиталовложений в промышленности, сделав допущение, как делалось и во всех последующих проектах плана, о существенном повышении эффективности работы промышленности, что должно было привести к снижению издержек. В проекте ОСВОК плановое снижение издержек за пятилетку должно было составить 22%; наиболее важным фактором в данном случае стало бы плановое повышение производительности труда, которое закладывалось на уровне 60%, тогда как номинальная заработная плата должна была вырасти лишь на 26%²⁷. Часть эффекта падения издержек должна была оставаться в промышленности в виде возросшей прибыли; остальное предполагалось использовать при осуществлении снижения цен на промышленную продукцию, предлагавшегося сельскохозяйственной секцией ОСВОК. Это привело бы к повышению реальных доходов как городского рабочего, так и крестьянина и дало бы крестьянину дополнительный стимул к продаже своей продукции²⁸. Тем самым снижение издержек внесло бы вклад одновременно и в решение проблемы обеспечения ресурсами самой промышленности, и в решение проблемы «ножниц» между ценами на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Однако авторы комплексной гипотезы оценивали, что будет невозможно найти в промышленности достаточно ресурсов для финансирования всей ее инвестиционной программы: от государства требовалось выделить промышленности на протяжении пятилетки 2 млрд. руб., чтобы довести до 7 млрд. руб. сумму, требовавшуюся по плану. Трудности усугублялись заложенным в комплексной гипотезе предложением о резком увеличении объемов капиталовложений в промышленности во втором году планового периода, т. е. в 1926/27 хоз. г., со снижением этих объемов в каждом из последующих годов вплоть до 1929/30 хоз. года²⁹. Это сокращение абсолютного годового объема капиталовложений в более поздние годы планового периода, получившее название «затухающей кривой» капиталовложений, защищать было гораздо труднее, чем затухающую кривую темпов роста промышленного производства. Оно резко критиковалось официальными деятелями ВСНХ, и его очевидные недостатки были сформулированы А. Б. Штерном: «В наших условиях нет оснований строить потухающую кривую капиталовложений, напротив, необходимо исходить из того, что по мере роста накопления и мобилизации значительной его части для нужд индустриализации страны мы будем идти по восходящей кривой»³⁰. Предложенное снижение объемов капиталовложений было обусловлено не столько принципами, сколько техническим несовершенством концепции планирования. Отдельные отрасли включали в свои планы лишь те проекты, которые вышли бы на стадию производства на протяжении пяти лет самого планового периода; на его последние годы предусматрива-

лось недостаточное выделение средств на начало строительства новых заводов и фабрик, которые предполагались к вводу после сентября 1930 г. Реальный эффект сводился к тому, что все 2 млрд. руб., выделявшиеся государством, должны были потребоваться в первые три года планового периода³¹. Это требование, естественно, ставило под сомнение целесообразность предложенного уровня капиталовложений в промышленности, особенно в 1926/27 и 1927/28 хоз. гг. Хотя общая сумма на всю пятилетку не превышала предложенную Госпланом в его первом проекте пятилетнего плана, основные положения которого были к тому времени уже представлены, финансовая секция ОСВОК, возглавлявшаяся С. Д. Абрамовичем, в прошлом меньшевиком, пришла к выводу, что затребованная сумма была «явно неосуществимой в течение рассматриваемого пятилетнего периода»³².

За этим вопросом скрывались существенные различия в точках зрения как по поводу темпов индустриализации, так и в отношении источников финансирования промышленных капиталовложений, которые только сейчас становились явными и от обсуждения которых Г. Л. Пятаков ушел в своем докладе на конференции в апреле 1926 г. Двумя годами позже Л. М. Сабсович писал о том, что «в гипотезах ОСВОК отразилось два влияния: одно, исходившее из президиума ОСВОК, возглавляемого Г. Л. Пятаковым, дававшее директиву максимального развития промышленности, ...другое влияние исходило от обширного кадра специалистов-техников, привнесших в создаваемые перспективы известную узость экономического кругозора (преимущественно — равнение по довоенному), неверие в более быстрый, чем в довоенное время, темп роста благосостояния населения»³³. Когда в июле 1926 г. финансовые предложения обсуждались в ВСНХ, А. М. Гинзбург, хотя и настаивал на том, что «впадать в пессимизм не приходится» и что план составлен в основном на базе верных положений, тем не менее считал, что, создавая большую нагрузку на государственный бюджет, *«намеченный темп развития выходит за пределы возможности накопления в народном хозяйстве»*³⁴. В том же месяце А. Л. Вайнштейн иронизировал по поводу высоких норм капиталовложений, запланированных на первые три года, считая их «легко объяснимыми психологическими факторами», но «нерациональными и ненужными»³⁵, а Ш. М. Двойлацкий из Наркомторга на дискуссии в Коммунистической академии в сентябре 1926 г. высмеивал предложение удваивать объем промышленного производства за пятилетие, заявив под общий смех, что в таком случае по сравнению с довоенным уровнем к 1931 г. он утроится, а к 1939 г. вырастет в 20 раз³⁶. Только оппозиция была в это время готова призывать к более высокому темпу индустриализации, чем предлагалось в гипотезе ОСВОК. В неопубликованной записке от сентября 1926 г. Л. Д. Троцкий резко критиковал все оценки ОСВОК как безнадежно недостаточные. Потребление потребительских промышленных товаров на душу населения должно было оказаться в

1929/30 хоз. г. ниже, чем в 1913 г.; объем сельскохозяйственного производства должен был вырасти всего лишь на 6%; производство средств производства должно было составить лишь 46% от общего объема промышленной продукции в 1929/30 г. в сравнении с 44% в 1913 г.; численность пролетариата возростала всего лишь на 100 тыс. чел. в год. Л. Д. Троцкий отверг этот подход как фактическое отречение от программы индустриализации³⁷. Приблизительно в то же время Г. Л. Пятаков, чей уход из ВСНХ несколькими неделями раньше был тесно связан со спорами относительно темпа индустриализации, заявил, что план ОСВОК «требует серьезных исправлений, но не в сторону снижения, а в сторону повышения»³⁸.

К этому времени в ходе реорганизации ВСНХ произошел роспуск ОСВОК³⁹. В начале сентября 1926 г. его центральный аппарат был включен в новое плановое управление ВСНХ, а производственные секции присоединены к соответствующим главкам, которые тем самым непосредственно вовлекались в долгосрочное, а также годовое планирование⁴⁰. В том же месяце плановое управление ВСНХ создало специальную комиссию по перспективному планированию под председательством А. М. Гинзбурга, что явилось назначением, обеспечивавшим преемственность работы ОСВОК⁴¹.

б) Первый госплановский проект 1926 г.

Госплан приступил к подготовке своего первого варианта пятилетнего плана зимой 1925/26 г.; подобно проекту ОСВОК, он охватывал период 1925/26—1929/30 хоз. гг. Уже 11 февраля 1926 г. была сформирована специальная комиссия Госплана для анализа всех существовавших перспективных планов и подготовки исходной рабочей гипотезы⁴². В продолжительном докладе на первом съезде госпланов, состоявшемся с 10 по 17 марта 1926 г., С. Г. Струмилин представил промежуточный «набросок» пятилетнего плана⁴³. В этом первом госплановском проекте отсутствовали детальные исследования и предложения, касавшиеся конкретных отраслей и секторов народного хозяйства, что было впечатляющей особенностью работы ОСВОК. Подобно проекту ОСВОК, госплановский проект был в основном планом для государственного сектора: капиталовложения в сельском хозяйстве, которые должен был делать индивидуальный крестьянин, приводились просто в виде оценок и в план не включались на том основании, что они не подконтрольны плановым органам. С. Г. Струмилин, описывавший государственную промышленность в своем докладе как «сектор, который интересует нас в наибольшей мере», разъяснял, что предложения ОСВОК были использованы «настолько, насколько они уже известны в Госплане». Госплановский проект предлагал при-

близительно удвоить к 1929/30 хоз. г. производственные мощности государственной промышленности при увеличении сельскохозяйственного капитала всего лишь на 20—25% ⁴⁴. На протяжении пятилетия капиталовложения в промышленность должны были возрастать ежегодно, и, хотя темпы увеличения объема промышленного производства следовали стандартной «затухающей кривой», Госплан тем не менее планировал рост на 15% в год в течение последних двух лет планового периода, и к этому времени довоенный уровень производственных мощностей должен был быть полностью превзойден. В целом в своих предложениях относительно объемов промышленного производства и капиталовложений в промышленность Госплан, однако, был менее оптимистичным, чем ОСВОК, особенно касательно 1926/27 и 1927/28 хоз. гг. ⁴⁵ Предложения Госплана в отношении сельского хозяйства были аналогичны предложениям ОСВОК ⁴⁶. С. Г. Струмилин с энтузиазмом говорил о том, что он описывал как «вывод колоссального экономического и политического значения»: «Проблема накопления ресурсов, необходимых нам для восстановления нашего народного хозяйства на новой основе, может быть вполне удовлетворительно решена даже без помощи нам извне — на базе внутренних ресурсов самой страны». Для достижения этой цели им было предложено, чтобы 10,8 млрд. руб. из 16,3 млрд. руб., предназначенных для вложения государством во все сектора народного хозяйства на протяжении пятилетки, обеспечивались из прибыли и амортизационных отчислений самого государственного сектора ⁴⁷. Основной объем капиталовложений должен был быть выделен в промышленности, а увеличение промышленной прибыли, необходимое для их финансирования, требовало существенного снижения промышленных издержек, что должно было стать результатом резкого роста производительности труда. Увеличение объемов капиталовложений должно было сопровождаться повышением уровня жизни в городе и деревне. Подобно предложениям ОСВОК, проект исходил из допущения, что снижение промышленных издержек будет достаточным для финансирования как требовавшегося увеличения прибылей, так и снижения розничных цен на промышленные товары; в то же время в противоположность предложениям ОСВОК делалось оптимистичное допущение, что, несмотря на снижение издержек, номинальная заработная плата в промышленности будет повышаться практически столь же быстро, как и производительность труда ⁴⁸. С. Г. Струмилин признавал, что в конечном счете план может оказаться не в состоянии обеспечить необходимые ресурсы и придется растянуть его на шесть и даже семь лет. Однако, несмотря на «огромное разочарование и экономические трудности», которые могла бы вызвать такая задержка, «общий экономический эффект такого плана был бы в конечном счете несомненно более значительным, чем если бы ошибиться в расчетах в другом направлении; так, если бы трудовые ресурсы страны оказались неиспользованными в полной мере из-за отсутствия плано-

вой инициативы, это вызвало бы потери, возместить которые было бы невозможно»⁴⁹.

В ходе обсуждения, которое последовало за докладом Струмилина, Г. Я. Сокольников, ставший теперь заместителем председателя Госплана, резко критиковал основополагающую концепцию плана на том знакомом основании, что она слишком много внимания уделяет промышленности вообще и промышленной самостоятельности в частности и не выделяется достаточно ресурсов сельскому хозяйству для увеличения объемов производства и экспорта. «Если мы разовьем сельское хозяйство не на 20, а на 50—60%, — заявлял Сокольников, — то промышленность, скорее всего, разовьется сильнее», чем запланировано⁵⁰. М. Вольф, специалист по сельскому хозяйству, бывший в то время официальным деятелем Госплана УССР, также критиковал заявление Струмилина о том, что «государство не должно делать никаких или почти никаких капиталовложений в сельском хозяйстве»⁵¹. Однако обсуждение приобрело беспорядочный характер. Резолюции съезда заявляли, что «контрольные цифры» по пятилетнему плану, подобно годовым контрольным цифрам на 1925/26 хоз. г., явились «значительным достижением» и что более совершенные контрольные цифры по пятилетнему плану, которые будут достаточно точными, чтобы их можно было использовать на практике, могут быть разработаны в пределах 6—12 месяцев; тем не менее съезд осторожно подчеркнул, что предложения Струмилина являются «наброском», который «мог бы служить лишь в качестве материала для дальнейшей работы»⁵². После окончания работы съезда 10 апреля 1926 г. Госплан сформировал «центральную комиссию по перспективному планированию» вновь под председательством С. Г. Струмилина для подготовки пересмотренного плана. Комиссия, которая, по-видимому, работала параллельно с комиссией П. С. Осадчего по генеральному плану, включала представителей от секций Госплана СССР, госпланов республик, а также от Рабкрин и ЦСУ; к работе приглашались и другие комиссариаты в той мере, в какой это их касалось⁵³.

в) Вторые проекты Госплана и ВСНХ (весна 1927 г.)

Комиссия Госплана под председательством С. Г. Струмилина, сформированная в апреле 1926 г., работала на протяжении остатка этого года и первых недель 1927 г. над подготовкой пятилетнего плана, который должен быть охватывать период с 1 октября 1926 г. до 30 сентября 1931 г., то есть на год позже, чем гипотеза ОСВОК или первый госплановский проект⁵⁴. На XV партийной конференции в октябре 1926 г. А. И. Рыков докладывал, что план еще не готов из-за большого объема работ по годовым контрольным цифрам⁵⁵; на Пленуме ЦК ВКП(б) в феврале 1927 г. по ходу резолюции о капитальном строительстве в промышленности впер-

вые было обращено особое внимание на настоятельную необходимость и важность долгосрочного планирования: «Обязать Политбюро ускорить разработку ориентировочного пятилетнего плана развития народного хозяйства, и в частности промышленности и транспорта, с таким расчетом, чтобы все хозяйственные планы на будущий хозяйственный год исходили из их взаимной увязки и установленных перспектив развития как отдельных отраслей хозяйства, так и районов»⁵⁶. Новый проект комиссии Струмилина был по времени готов ко второму съезду госпланов, который собрался 25 марта 1927 г. и на котором присутствовали официальные деятели центральных и местных плановых органов, а также видные специалисты, работавшие в ВСНХ, Наркомземе и Наркомфине. В статье о пятилетнем плане, появившейся в плановом журнале незадолго до съезда, Г. М. Кржижановский подчеркивал новизну работы; плановики «удаляются от старых берегов, а очертания новых берегов представляются им лишь в виде очень смутных контуров». Он настаивал на том, что план все еще не может быть очень точным и можно было бы осушить его за три года или на это потребуются шесть лет или больше, однако в целом потенциальные возможности рационализированного народного хозяйства, скорее всего, оказались недооцененными⁵⁷. В конечном счете план был опубликован в виде тома на 800 страниц. Подобно годовым контрольным цифрам и более поздним вариантам пятилетнего плана, он содержал главы по секторам народного хозяйства, таким, как промышленность и транспорт, и по аспектам плана, влияющим на все сектора народного хозяйства, таким, как кредит и деньги⁵⁸; однако региональный разрез плана был все же чрезвычайно схематичным.

Новый проект был подготовлен на основе нескольких вариантов для каждого сектора народного хозяйства; отмечалось, что окончательные оценки, представленные в виде одного набора цифровых показателей, считались наиболее вероятными⁵⁹. Проект был гораздо более сдержанным относительно перспектив роста объемов промышленного производства, чем предыдущие предложения ОСВОК или Госплана: промышленное производство, рост которого в первом госплановском проекте планировался на 82% за четыре года с 1926/27 по 1929/30 хоз. г., теперь уже планировалось лишь на 79,5%-ное повышение за пять лет до 1930/31 хоз. года⁶⁰. По большинству аспектов проект мало отличался от предусматривавшегося в предыдущем году⁶¹. Как и в предшествовавших проектах, снижение издержек промышленного производства рассматривалось в качестве ключевого фактора при финансировании плана. Новые предложения в основном согласовывались с точкой зрения, что производительность труда должна расти быстрее номинальной заработной платы; предлагалось, что первый показатель должен вырасти на 50%, тогда как последний — лишь на 33%⁶². Однако с учетом планового снижения розничных цен на промышленные товары ожидалось, что реальная заработная плата будет

расти почти столь же быстро, как и производительность. Предложенное снижение издержек промышленного производства и розничных цен на промышленные товары, продававшиеся крестьянину, позволили авторам плана подчеркнуть заявить, что никакого бремени на крестьянство взвалено не будет: «В крайнем случае все финансовое обеспечение нашего хозяйства, поступает ли оно из прибыли наших государственных предприятий или из бюджета, ложится всем своим весом на доходы рабочих и, прежде всего, на городской пролетариат»⁶³.

Второй съезд госпланов, состоявшийся в марте 1927 г., представил удобный случай для открытого столкновения между противоборствующими школами планово-экономической мысли⁶⁴. После представления своего доклада о пятилетнем плане С. Г. Струмилин подвергся фронтальному нападению со стороны представителей Наркомфина и Наркомзема: его наиболее решительными оппонентами стали Н. Д. Кондратьев и Н. П. Макаров, причем последний, потрясая бумагами и переходя на крик, заявил: «„Таких“ планов проектировать нельзя»⁶⁵. Предложения Струмилина критиковались также и в самом Госплане; первые публичные столкновения между его партийными деятелями и специалистами, бывшими в прошлом меньшевиками, произошли, по-видимому, именно по этому поводу. Проблема, которая занимала мысли специалистов, заключалась в фундаментальном соотношении между деревней и городом. В ходе заседаний съезда В. Г. Громан отметил, что, по представленным самим же Струмилиным цифрам, уровень жизни в сельской местности должен вырасти лишь на 20%, а не на 30%, как заявил Струмилин, и что такое улучшение слишком мало; Громан возражал также против предложения о том, что реальная заработная плата промышленного рабочего должна расти столь же быстро, как и его производительность труда: «А я вместе с Марксом всегда думал, что рост производительности труда идет на пользу всего общества, в том числе и деревни»⁶⁶. Критикам не удалось добиться своего. Короткое сообщение в прессе о съезде заявляло, что большинство на нем присутствовавших одобрило принципы построения проекта⁶⁷. А. М. Гинзбург, активно участвовавший в это время в подготовке перспективного плана в ВСНХ⁶⁸, согласился с тем, что планы, готовившиеся Госпланом и ВСНХ, можно было бы легко согласовать между собой; Л. М. Сабсович предлагал, чтобы и ВСНХ и Госплан закладывали в свои планы еще большие достижения. В своем ответе на состоявшееся обсуждение С. Г. Струмилин легко согласился с тем, что в проекте имеется значительный «запас прочности», но заявил, что было бы лучше держать его про запас⁶⁹. Г. М. Кржижановский, в своих заключительных замечаниях заверил критиков, что «пятилетний план состоит из контрольных цифр, которые еще претерпят большие изменения»⁷⁰.

Съезд в довольно осторожно составленной резолюции описывал проект как экономическую программу, которая «в основном

правильно указывает наиболее важные основные линии нашего хозяйственного строительства», но представляет детальные цифры как «иллюстративные данные для ориентации, очерчивающие возможные масштабы развития, темпы роста и пропорции». Было сделано несколько уступок критикам. Резолюция предложила пересмотреть все обстоятельства с точки зрения повышения темпов роста сельского хозяйства. Было заявлено, что можно добиться более эффективного использования капиталовложений, более высокой производительности труда и большего снижения издержек промышленного производства; совершенствование этих показателей позволило бы быстрее повышать уровень жизни и сократить разрыв между городом и деревней. Следует подготовить новые предложения, демонстрирующие максимальный и минимальный варианты в дополнение к среднему варианту⁷¹. Новые предложения должны были в большей степени включать идеи и допущения генплана, особенно в аспекте развития энергетики и его регионального подхода⁷². Ни резолюция, ни сам проект плана никак не удовлетворили проникнутых большим энтузиазмом поборников индустриализации. На IV Всесоюзном съезде Советов в апреле 1927 г. В. В. Куйбышев заключил, что результаты, которых было предложено достигнуть за пять лет согласно госплановскому проекту, «крайне незначительны», и заявил, что «тут имеются какие-то методологические недочеты». Хотя это не означало, что «работа, проделанная Госпланом, в частности профессором Струмилиным, является малоценной и что она не должна быть принята во внимание», все это показало, что оказались недооцененными творческие процессы, которые происходят в промышленности; прогноз снижения цен и издержек лишь на 17% был назван «пессимистическим»⁷³. Призыв к построению более решительного плана был поддержан также отделом экономики труда ВЦСПС, считавшим, что нужно увеличить объем промышленного производства не на 79, а на 112%, чего можно было бы добиться при более эффективном использовании того же объема капиталовложений, и доказывал, что пересмотренный план должен предусматривать вовлечение 700—800 тыс. рабочих в государственную промышленность вместо лишь половины этого количества, а также больший рост производительности труда, чем было предложено Госпланом⁷⁴.

Уступки, сделанные на съезде госпланов, не обошли молчанием и критики справа. Споры между Струмилиным и его оппонентами в Наркомземе и Наркомфине продолжились на страницах издававшихся Госпланом и Наркомфином журналов. Так, в апрельском (1927 г.) номере госплановского журнала Н. Д. Кондратьев, повторив, видимо, доводы, уже использованные им на съезде, заявил, что план не дает надлежащего обоснования заложенным в него оценкам; все, что в нем содержится, выведено на основе каких-то еще соображений. Когда не приводится надлежащего экономического обоснования, «чистый ряд цифр представляет собой лишь ряд цифр, и ничего больше». Предложение в плане

о том, что доля общего национального дохода, ежегодно инвестируемая в один лишь государственный сектор, должна вырасти за пятилетие с 8,7 до 12,6%, было объявлено слишком завышенным; суммарные капиталовложения в довоенный период составляли лишь 8,5% национального дохода. Отмечалось, что С. Г. Струмилин не сумел осознать, что планирование включает оценку таких экономических факторов, как наличие ресурсов и размеры рынка в период осуществления плана; игнорируя такие вопросы, он делал шаг в направлении «совершенно произвольных плановых конструкций»⁷⁵. Однако главная ошибка плана усматривалась в том, что он не выделяет достаточно ресурсов сельскому хозяйству. Чтобы достичь предложенного объема сельскохозяйственного производства, необходимо либо увеличить государственные капиталовложения в сельское хозяйство с сопутствующим замедлением роста общего потребления, либо должны увеличиться капиталовложения самих крестьян: «Основная ошибка, допущенная при построении плана, лежит в том, что при составлении его хотели одновременно в максимальной степени разрешить ряд задач, указанных выше (т. е. и максимального и бескризисного роста производительных сил и максимального удовлетворения текущих потребностей и т. д.), без достаточного учета того, что эти частные задачи при своем крайнем выражении вступают друг с другом в коллизию»⁷⁶.

В следующем номере журнала Н. П. Макаров предложил увеличить объем государственных капиталовложений в сельское хозяйство с 2,3 до 3,3 млрд. руб. при соответственном сокращении ассигнований промышленности и торговли и снизить цены на промышленную продукцию не на 17, а на 25—30%; эти изменения должны были увеличить доход крестьянина, а также сумму, которую он мог бы откладывать для развития своего собственного хозяйства. Предложенное снижение цен на промышленную продукцию означало бы также сокращение планового роста доходов городских жителей. Макаров доказывал, что без таких поправок предложенное Струмилиным увеличение объемов сельскохозяйственного производства, существенное для уравнивания всего плана, осуществить было бы невозможно⁷⁷. В ответ на выступления Кондратьева и Макарова С. Г. Струмилин заявил, что доля национального дохода, инвестированная в предвоенное время, превышала 8,5% и что предусмотренный проектом уровень капиталовложений был «более чем умеренным»: проект не предлагал выделения больших сумм на новое строительство, а концентрировал средства на капиталовложения, призванные повысить эффективность производства. Он отверг довод Макарова, что уровень жизни промышленного рабочего должен повышаться медленнее, чтобы стимулировать накопление капитала в деревне, и заметил, что «политика жертв пролетариата во имя капиталонакопления кулацких верхушек деревни — не наша политика»; пролетариат можно было бы призвать принести даже большие жертвы, но во

имя других, более высоких целей». Струмилин заявлял, что составленный под его руководством проект уже учел интересы крестьянина: «Мы не только строить социализм *за счет деревни* не собираемся, не только ни одного миллиона не извлекаем из деревни, но даже из затрат на такие общегосударственные нужды, как оборона страны, администрация, суд и т. д., ни одного гроша на деревню не перелагаем»⁷⁸.

Поддержку Н. Д. Кондратьеву и Н. П. Макарову оказал Наркомзем⁷⁹ и специалисты Наркомфина; один из авторов в наркомфинском журнале заявлял, что проект лишен «объективного анализа реальной хозяйственной обстановки» и создает опасность «размычки» с крестьянством⁸⁰. Всех этих критиков тревожило сложившееся у них впечатление, что Госплан, по существу, отказался от трактовки явлений в рамках концепции смычки с крестьянством. Плановики рассчитывали на подъем сельскохозяйственного производства, который должен был произойти, если взять за основу произвольно определенный уровень промышленных капиталовложений, вместо того чтобы ограничить уровень капиталовложений тем, что мог бы выдержать рынок.

На противоположном полюсе мнений объединенная оппозиция оказалась в несколько затруднительном положении, что было обусловлено энтузиазмом официальных деятелей в отношении планирования и обвинением Госплана в стремлении к «сверхиндустриализации», брошенным Кондратьевым⁸¹, что до сих пор вменялось в вину Троцкому и служило мишенью для борьбы с ним. Когда в апреле 1927 г., после публикации предложений Госплана, на свое заседание собрался ЦК ВКП(б), наиболее серьезной жалобой оппозиции явилось то, что из-за медлительности большинства год был потерян и до сих пор не существует сколько-нибудь единого плана: план капиталовложений все еще представляет собой просто «пестрый ряд годовых столбцов на листочке по отдельным отраслям»⁸². На Пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1927 г. Г. Л. Пятаков вновь жаловался на то, что все еще отсутствует полный пятилетний план, на основе которого можно было бы оценивать годовые контрольные цифры, и что план не пошел достаточно далеко в своей поддержке индустриализации; он заявил, что план ОСВОК был «более оптимистичным»⁸³. ЦК ВКП(б), одобливший директивы по контрольным цифрам на 1927/28 хоз. год⁸⁴, не вынес какого-либо особого решения по пятилетнему плану. Однако, принимая решение о созыве XV съезда ВКП(б) в предстоящем декабре, он поместил вопрос о пятилетнем плане в повестку дня съезда⁸⁵. Это гарантировало, что проблема плана останется в центре всеобщего внимания.

Тем временем, когда госплановский вариант оказался в центре событий и навлек на себя огонь критики со всех сторон, ВСНХ продолжал вносить значительный независимый вклад в работу по долгосрочному планированию. Комиссия ВСНХ под председательством А. М. Гинзбурга⁸⁶, начавшая работу в сентябре 1925 г., по-

следовала по пути ОСВОК, делая свои собственные оценки перспектив для всех секторов народного хозяйства, в том числе сельского хозяйства и финансового дела, и в их свете прорабатывала основные «потолочные» показатели, в пределах которых развивалась бы промышленность⁸⁷. Они были утверждены плановым управлением ВСНХ в январе 1927 г. и одобрены конференцией плановых работников из республиканских ВСНХ в феврале того же года. Начиная с 1925 г. годовые планы составлялись ВСНХ в свете предельных показателей, установленных централизованно⁸⁸, и та же практика была использована при построении пятилетних планов. Секционные планы, включавшие 61 план для конкретных отраслей, были сверстаны в единый комплексный план; в июне 1927 г. он был обсужден плановым управлением ВСНХ и на конференции плановых ведомств промышленности. Опубликованные предложения охватывали период с 1927/28 по 1931/32 хоз. г., то есть были сдвинуты на два года относительно гипотезы ОСВОК и на один год — относительно второго госплановского проекта от марта 1927 года⁸⁹. Подобно госплановским предложениям, предложения ВСНХ содержали лишь один набор цифровых показателей, названных «оптимальным» вариантом, но включали варианты для конкретных отраслей: комиссия ВСНХ разъясняла, что «разрабатывать весь целиком план в двух или трех вариантах, в зависимости от худших или лучших условий, мы считаем излишним, так как количество и размер отклонений от оптимума могут быть весьма разнообразны»⁹⁰.

В сравнении со вторым госплановским проектом второй проект ВСНХ от июня 1927 г. не был тщательно выверенным или законченным документом: его опубликованная версия состояла из материалов, бывших чем-то несколько большим, чем серией эссе по разным аспектам экономического и промышленного развития, объединенных определенными основными количественными целевыми показателями или допущениями. Однако в отличие от госплановского проекта, в котором обсуждение перспектив развития отдельных отраслей было весьма поверхностным, в него были включены планы для каждой ведущей отрасли и предложения по основным промышленным районам. Этот план был несколько более претенциозным, чем госплановский проект. Капиталовложения в отрасли, по которым планирование осуществлял ВСНХ, предусматривались более высокими в каждом году по сравнению с наметками Госплана⁹¹. Затухающая кривая по капиталовложениям, принятая в плане ОСВОК, была надлежащим образом исправлена: описывая план капиталовложений как построенный «на принципе восходящей кривой», авторы доказывали, что капиталовложения в новые заводы и фабрики должны расширяться по мере появления ресурсов⁹². Затухающая кривая темпов роста объемов промышленного производства была сохранена, но общее увеличение производства за пятилетие должно было составить 82,5%, что было несколько большей цифрой, чем предусматривалось во вто-

ром госплановском проекте⁹³. Был запланирован совокупный прирост в 45% от валового объема производства промышленности и сельского хозяйства за пятилетие; авторы плана отмечали, что «едва ли мы найдем в истории народного хозяйства много примеров столь быстрого роста» и «весьма возможно», что в действительности развитие может оказаться более медленным⁹⁴.

Подобно предыдущим проектам, новые предложения ВСНХ исходили из представления, что капиталовложения в промышленность будут финансироваться отчасти из бюджета, но в основном из ресурсов, накопленных самой промышленностью⁹⁵. Издержки промышленного производства рассматривались гораздо подробнее, чем в госплановском проекте; ВСНХ пришел к заключению, что снижение на 16,6%, приблизительно такое же, что и в предложениях Госплана, будет «максимальной величиной снижения», даже несмотря на то, что в предложениях ВСНХ было заложено более медленное повышение номинальной заработной платы, нежели в госплановском проекте; однако снижение промышленных издержек должно было дополняться даже более резким сокращением торговых издержек, что позволило бы снизить розничные цены на промышленные товары почти на 25%⁹⁶. Поскольку цены на продукцию сельского хозяйства должны были оставаться стабильными, итоговым результатом должно было стать еще большее улучшение условий торговли для крестьянства, чем ожидалось Госпланом. Тем не менее проект ВСНХ признавал, и даже более откровенно, чем это было продемонстрировано С. Г. Струминым, что конечным результатом осуществления плана должно было стать «неизбежное перераспределение накопления из сельского хозяйства в промышленность»⁹⁷.

К тому времени, когда второй проект был завершен в июне 1927 г., он уже считался в ВСНХ как слишком осторожный. В апреле 1927 г. В. В. Куйбышев критиковал второй госплановский проект как недостаточный и пессимистичный⁹⁸. Эта критика не могла не отразиться на работе ВСНХ. Уже 25 июня 1927 г. плановое управление предложило пересмотреть проект ВСНХ и была сформирована «комиссия по пересмотру пятилетнего плана». Председателем комиссии был назначен В. В. Куйбышев; В. И. Межлаук был назначен председателем небольшого бюро или подкомитета, организовавшего работу во всех подробностях⁹⁹.

г) Третьи проекты пятилетних планов Госплана и ВСНХ (осень 1927 г.)

Осенью 1927 г., с приближением десятой годовщины революции в начале ноября и партийного съезда в последующем месяце, споры относительно пятилетнего плана достигли критической стадии. Платформа оппозиции от сентября 1927 г. выступила с нападками на второй госплановский проект пятилетнего плана, обвинив его в пессимизме и скупости. Предложенные темпы роста объемов

промышленных капиталовложений и производства были объявлены слишком низкими; то же говорилось и о плановом росте потребления. Далее, заявлялось, что не предусмотрено достаточного укрепления социалистического сектора. В госплановских предложениях предусматривалось снижение за пятилетие доли капиталовложений в промышленности, финансируемых из госбюджета; платформа предлагала повысить роль бюджета при получении дополнительных доходов за счет налогов на кулака и на избыточные прибыли нэпмана¹⁰⁰.

В официальных кругах постепенно менялся общий климат мнений, особенно в ВСНХ, что свидетельствовало о признаках перехода лидерства в области перспективного планирования от Госплана к этому ведомству. Когда предложения комиссии Гинзбурга были в начале сентября 1927 г. опубликованы целиком, их предваряло энергичное предисловие, написанное В. В. Куйбышевым. В своем предисловии он отмечал «громадный труд, добросовестно вложенный в эту работу лучшими специалистами ВСНХ СССР», но считал, что события опередили проект. «Первая гипотеза, составленная Комиссией тов. Пятакова, отразила все недочеты восстановительного периода» (фраза несла оттенок последних нападок на план ОСВОК, обвинявших его в чрезмерной осторожности); второй проект плана ВСНХ основывался лишь на опыте 1925/26 хоз. г., в котором доля работ по восстановлению народного хозяйства страны была еще незначительной. Куйбышев заявлял, что капиталовложения могут быть более эффективными, чем предусматривалось в более ранних проектах, и что, как следствие, план должен позволить достичь дальнейшего роста производительности труда и снижения издержек. Считалось, что можно добиться большего накопления; реорганизация должна была дать результаты, которые прежде считались возможными только благодаря новым капиталовложениям¹⁰¹. Когда комиссия ВСНХ по пересмотру пятилетнего плана собралась на свое заседание 9 сентября 1927 г.¹⁰², то есть спустя неделю после публикации предисловия Куйбышева к предыдущему проекту, Межлаук сослался на решение правительства о том, что план должен быть пересмотрен «в короткое время». Он признал, что у комиссии нет времени для составления пятилетнего плана заново; можно, однако, создать «новую концепцию составления пятилетнего плана»¹⁰³. В последовавшей за этим дискуссии Межлаук получил мощную поддержку со стороны инженера С. А. Хренникова, который говорил о необходимости устранения ненужной слабину в плане. В довольно многословном итоговом заявлении Куйбышев откровенно сказал комиссии, что невозможно представить существующий план к октябрьским торжествам, и сделал примечательное замечание, что путем дальнейшей работы должно стать «внесение... поправочного коэффициента» при пересмотре исходного плана¹⁰⁴.

Для ведения работы по пересмотру были созданы подкомиссии, или рабочие группы комиссии Межлаука, каждая из которых была

ориентирована на свой аспект плана. Основные допущения комиссии Гинзбурга были сочтены в ВСНХ пессимистичными отчасти потому, что она состояла главным образом из экономистов при отсутствии инженеров; в рабочие группы комиссии Межлаука были включены инженеры, на которых была возложена задача проведения экспертной оценки положений проекта, чтобы принять решения о направлениях совершенствования. С. Д. Шейн, председатель группы по капитальному оборудованию, разъяснял, что технические специалисты по каждому аспекту работы не должны заниматься «мелкими детальными исправлениями, требующими подробной проработки», а должны пользоваться «поправочными коэффициентами», уже упомянутыми Куйбышевым¹⁰⁵. Группа по капитальному оборудованию, иногда более величественно именовавшаяся как «комиссия по экспертному изучению капитальных затрат», сформировала подгруппы под руководством С. А. Хренникова, Н. Чарновского и самого С. Д. Шейна. Эти имена считались довольно значительными, поскольку они были беспартийными инженерами, а Хренников и Чарновский приобрели некоторую репутацию независимых деятелей¹⁰⁶. На протяжении второй половины сентября 1927 г. в рамках этих подгрупп собирали представителей каждой отрасли и предпринимались попытки убедить их в необходимости согласиться с увеличением их производственных планов и сокращением их инвестиционных ассигнований, а также с проведением работы по снижению производственных издержек в большей мере, чем это предлагалось в предыдущем проекте плана¹⁰⁷.

В начале октября 1927 г. комиссия Межлаука сформировала еще одну комиссию, включавшую председателей всех групп, с целью подготовки нескольких сводных таблиц еще не завершеного проекта для представления к 6 октября в Госплан, чтобы там могли его рассмотреть до заседания ЦИК, намеченного на 15 октября¹⁰⁸. Что произошло на протяжении первой десятидневки октября, документально зафиксировано не было. За два дня до заседания ЦИК резкая редакционная статья в промышленной газете сослалась на прошлые недостатки в перспективном планировании и на неиспользованные потенциальные возможности советской системы. В ней говорилось, что к концу пятилетнего периода СССР должен производить не менее половины необходимых ему металлорежущих станков и разработать новые производственные направления, особенно в химической промышленности; одновременно постепенно должен был повыситься уровень жизни. Пятилетний план должен трактовать эти задачи в бесспорном смысле; он должен быть нацелен на выявление путей их решения¹⁰⁹.

Тем временем и Госплан пересмотрел свои собственные предложения. На заседании президиума Госплана 14—16 октября 1927 г. в присутствии представителей основных комиссариатов были заслушаны доклады по третьему госплановскому проекту, сделанные С. Г. Струмилиным, И. А. Калининским и другими. Стру-

милиин разъяснил, что новые предложения Госплана, которые, подобно третьему проекту ВСНХ, охватывали период с 1927/28 по 1931/32 хоз. г., были основаны на втором госплановском проекте, но исходили из допущений о более высоких темпах роста промышленного производства. Предложения были представлены в «отправном» и «оптимальном» вариантах, соответствовавших «минимальному» и «максимальному» вариантам, предложенным ранее в том же году; базовый вариант планировал увеличение объема промышленного производства за пятилетие на 63%, оптимальный вариант — на 79%, тогда как сельскохозяйственное производство должно было возрасти на 24 или 31%¹¹⁰. Президиум заслушал также предварительный доклад Межлаука по третьему проекту ВСНХ. Очевидно, в ВСНХ было принято решение, что экономия, достижение которой было предложено различными группами его комиссии по пятилетнему плану, должна была использоваться для обеспечения существенных приростов производственных планов. На сей раз было запланировано снижение производственных издержек, достигавшее 24%, а объем промышленного производства в 1931/32 хоз. г. должен был по плану достичь 203% относительно уровня 1926/27 хоз. г.; все это было существенно более высокими показателями, чем предусматривалось во втором проекте ВСНХ или текущих предложениях Госплана¹¹¹. По-видимому, на этой стадии президиум Госплана не сделал определенного выбора между двумя комплексами предложений.

Одновременно с заседанием президиума Госплана с 15 по 20 октября 1927 г. проходили заседания юбилейной сессии ЦИК. В. В. Куйбышев в своем докладе на сессии, представленном 18 октября, подтвердил, что советское народное хозяйство вступает «в такую полосу развития, подобия которого нет ни в прошлом у нас, ни в истории других стран... в период переустройства, реконструкции всего общественного уклада на новой технической базе, при новых социально-экономических отношениях»¹¹². Однако он признавал, что работа над пятилетним планом находится все еще на предварительной стадии и что существует несколько наборов предложений. По словам Куйбышева, отправной вариант госплановского проекта исходил из представления о недостаточном совершенствовании государственного устройства, тогда как оптимальный вариант учитывает достижения, возможные в процессе осуществления плана и обеспечиваемые благодаря экономии; необходим также третий вариант на случай военной опасности с учетом возможных боевых действий¹¹³. Был представлен также перечень показателей, названных им «оптимальными», которые были выше предусмотренных госплановским оптимальным вариантом и были фактически идентичными приведенным Межлауком президиуму Госплана на его недавнем заседании. Куйбышев решительно доказывал, что оптимальный вариант должен быть принят в качестве общенародной цели¹¹⁴. Передовица в промышленной газете, акцентируя, что необходимо «достичь... *максимально*

возможного предела в развитии народного хозяйства», комментировала: «Совершенно правильно поступил тов. Куйбышев, когда подчеркивал в своем докладе и приводил в большом количестве максимальные цифры... перспективных наметок»¹¹⁵.

Этот момент явился весьма важным во всей истории советского планирования. Теперь ВСНХ открыто приготовился пойти гораздо дальше и много скорее в своих предложениях по пятилетнему плану, нежели это делалось в прежних проектах Госплана и ВСНХ; его новые наметки намного отрывались от того, что в это время рассматривалось Госпланом. Кроме того, В. В. Куйбышев, будучи членом Политбюро ЦК ВКП(б), а также председателем ВСНХ, чувствовал себя достаточно сильным, чтобы защищать новые темпы развития в основном докладе на приковавшей всеобщее внимание сессии ЦИК. Вместе с тем новые предложения в целом не были ни одобрены, ни отклонены партией и правительством. Сессия ЦИК восприняла подготовку плана как некоторый шаг вперед, отметив в резолюции, что пятилетний план должен быть представлен на следующем съезде Советов, но высказалась довольно туманно относительно содержания самого плана: «Разрабатываемый в настоящее время пятилетний хозяйственный план должен быть построен в соответствии с основной задачей укрепления социалистического ядра нашего хозяйства на основе индустриализации страны и обеспечения такого темпа хозяйственного развития, который бы позволил нам в кратчайший срок догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Индустриализация является осью всей нашей хозяйственной политики»¹¹⁶.

Когда 21 октября 1927 г., на следующий день после окончания сессии ЦИК, ЦК ВКП(б) собрался на свой пленум, А. И. Рыков ознакомил присутствовавших с тезисами по пятилетнему плану, уже согласованными в Политбюро и подготовленными к представлению на предстоявшем съезде партии¹¹⁷. Как отмечал Н. И. Бухарин, Политбюро уже приняло решение, что, поскольку война и интервенция в пятилетний период весьма вероятны, а перспективы будущих урожаев неопределенны, пятилетний план может быть и не представлен XV съезду ВКП(б); съезду следует на править новые материалы, но нет необходимости фиксировать конкретные показатели¹¹⁸. Никакие цифры в тезисы включены не были, и они описывались как «директивы по составлению» пятилетнего плана; попытки сделать выбор между новым проектом ВСНХ и госплановскими базовым или оптимальным вариантами также не предпринимались. В качестве бесспорных указывались три важнейшие цели пятилетнего плана: увеличение потребления, рост объемов капиталовложений и ускоренное развитие народного хозяйства в целом, особенно его социалистического сектора. Тезисы в соответствии с процедурой, предусмотренной ЦИК, обязывали ЦК ВКП(б) сделать все необходимое, чтобы подготовить пятилетний план к следующему съезду Советов и «обеспечить привлечение к тщательному и всестороннему обсуждению проекта плана всех ме-

стных советских, профессиональных, партийных и других организаций»¹¹⁹. На самом пленуме эта расплывчатость явилась объектом резкой критики со стороны оппозиции. И. Т. Смилга сетовал, что с тезисами невозможно было ознакомиться раньше чем за 2—3 часа до начала заседания ЦК и что ему не удалось получить официальные цифровые показатели; при этом он утверждал, что платформа оппозиции «формулирует проблемы гораздо лучше, яснее и точнее»: «Мы вынуждены обсуждать пятилетний план, в котором нет ни единой цифры, а имеются лишь комментарии по различным предметам, притянутым друг к другу и слабо взаимосвязанным, и не дающий никакой перспективы на пятилетие, или год вперед, или на текущий квартал». Основной темой его выступления была серьезность и опасность текущей экономической ситуации, что игнорируется Центральным Комитетом: «Обсуждение экономической ситуации даст партии больше, чем обсуждение пятилетнего плана, составленного без единой цифры». Выступления других представителей оппозиции постоянно прерывались¹²⁰. В результате 23 октября 1927 г. тезисы, лишь с незначительными поправками, были утверждены Центральным Комитетом к представлению съезду ВКП(б). Неделей позже, 1 ноября 1927 г., предложения Межлаука по третьему проекту ВСНХ, которые получили известность как «контрольные цифры ВСНХ», были утверждены президиумом ВСНХ в качестве основы для пятилетнего плана промышленности, и плановому управлению ВСНХ было поручено подготовить план в течение шести месяцев¹²¹. Теперь перед лицом столь серьезного вызова Госплан продвинулся на некоторое расстояние в сторону предложений ВСНХ. На собравшейся 11 ноября 1927 г. конференции госпланов по обсуждению республиканских проектов плана С. Г. Струмилин докладывал, что корректировка третьего госплановского проекта с целью учета допускаемого увеличения числа рабочих смен позволяет добиться роста объема производства в государственной цензовой промышленности на 87% в сравнении с цифрой 79% по оптимальному варианту, предложенному несколькими неделями ранее¹²².

Контртезисы оппозиции по пятилетнему плану, адресованные XV съезду и опубликованные в «Правде» 17 ноября 1927 г., явились ответом на тезисы, одобренные октябрьским Пленумом ЦК ВКП(б), и повторяли критику пятилетнего плана и предложений по финансированию промышленности, представленную в «сентябрьской платформе»¹²³. Партийное большинство отвергло предложение получать необходимые ресурсы за счет налогообложения частных предпринимателей как демагогическое и нереальное. Однако это же большинство само оказалось в равной мере нереалистичным относительно возможностей финансирования промышленного развития, не принося в жертву уровень жизни крестьянина или городского рабочего; Межлаук энергично защищал целесообразность предложения финансировать основную часть капиталовложений из прибыли и других финансовых ресурсов промышлен-

ности, а не из госбюджета и заявил, что «роль государственного бюджета не сводится к превращению его в основное средство перераспределения национального дохода»¹²⁴. Струмилин указывал критикам, что фактически достигнутые темпы роста объемов промышленного производства уже превысили показатель, предлагавшийся Пятаковым в плане ОСВОК или Смилгой в 1926 г.; самые последние госплановские предложения в отношении пятилетнего плана предлагали темпы расширения даже большие, чем было заложено в плане ГОЭЛРО¹²⁵.

Кардинальное значение плана было теперь признано всеми; XV съезд ВКП(б), собравшийся 2—19 декабря 1927 г., посвятил ему семь из 29 заседаний. Госплановские варианты и более решительные предложения ВСНХ были розданы делегатам для ознакомления. Содокладчики А. И. Рыков и Г. М. Кржижановский разъясняли, что план пока еще не готов. Рыков отмечал, что уже было подготовлено семь проектов плана, а последний госплановский проект еще не обсуждался, поскольку был представлен незадолго до съезда¹²⁶. Он доказывал, что все эти проекты страдают двумя основными недостатками. Во-первых, они страдают так называемым «статистическим уклоном в планировании»; показатели лишены достаточного экономического обоснования и не учитывают технические требования производства. Во-вторых, ни один из проектов не имеет достаточной региональной разбивки. Работа над планами «не ушла еще дальше середины»¹²⁷. Кржижановский перечислил три задачи пятилетнего плана: ускорение индустриализации, форсирование обобществления не только производства, но и распределения, а также стремление «обеспечить нашу военную мощь, оборону нашей страны». Он представил госплановские основной и оптимальный варианты, но в конце концов заявил о своем предпочтительном отношении к проекту, предложенному ВСНХ. «По моей просьбе вам розданы и контрольные цифры пятилетки ВСНХ. Мы без всякого ведомственного самолюбия считаем, что намеченное в пятилетке ВСНХ является приемлемым и для Госплана в качестве наиболее благоприятного варианта»¹²⁸.

В ходе последовавших дебатов один-два выступивших наметнули, что предложенный темп развития слишком высок: так, Г. И. Ломов выразил сомнения относительно инвестиционного плана для треста «Донуголь», председателем которой он являлся, и добавил: «Боюсь, что и по другим отраслям мы взяли размах, который будет нам не по силу, и, прежде чем идти на это, необходимо тщательно продумать и именно с этой стороны всю пятилетку»¹²⁹. Г. Я. Сокольников, неосмотрительно вернувшийся теперь в ряды большинства, предложил подготовить временные, но надежные двух-трехлетние инвестиционные программы для основных секторов народного хозяйства и напомнил съезду, что фактором, лимитирующим рост, является наличие продовольствия и сырья. Население должно быть защищено от наиболее тяжелых последствий голода и ослабленного питания; рост промышленности и рост

сельского хозяйства связаны неразрывно: «Если бы мы построили план свой, не сумев обеспечить этой обязательной и правильной связи, то мы получили бы фантастический план, который мог бы давать очень высокий коэффициент роста, но давал бы вместе с этим очень высокий процент неудач и поражений»¹³⁰. Однако среди партийной аудитории эти голоса оказались одиночными. Куйбышев, пользуясь некоторой поддержкой Рыкова, твердо отстаивал политику приоритетного развития производства средств производства¹³¹. Мощную поддержку планированию и тяжелой промышленности оказал К. Е. Ворошилов, бывший в то время Наркомвоенмором и членом Политбюро и подчеркнувший огромное значение пятилетнего плана для усиления оборонительной мощи СССР¹³². После дискуссий 1927 года, в которых ВСНХ и Госплан выступали единым фронтом против Наркомфина и Наркомзема, ВСНХ превратился в автора пятилетнего плана, оказавшегося гораздо более многообещающим, чем любой из госплановских проектов. Впечатление, что голос ВСНХ был более влиятельным, чем у Госплана, усиливалось резкой критикой Госплана и Кржижановского со стороны ярких поборников индустриализации. Г. И. Петровский обвинил Госплан в мечтах об электрификации в то время, когда крестьянина невозможно даже снабдить керосином, и заявил, что «вместо фантазии и поэзии» необходимо всюду «поставить практику в нашей работе»¹³³, а К. В. Сухомлин считал, что Кржижановский «в своем докладе увлек нас постановкой ряда больших проблем, которые не укладываются в пятилетку»¹³⁴. А пока съезд не просили утверждать ничего более определенного, чем директивы по плану, одобренному в октябре ЦК; никто не связывал себя какими-либо конкретными показателями или каким-либо из имевшихся проектов или вариантов¹³⁵.

д) План обретает свой облик (январь 1928 — февраль 1929 г.)

Дискуссии на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. сфокусировали всеобщее внимание на пятилетнем плане; вскоре после этого Совнарком в подробном по изложению постановлении уточнил этапы его создания. Постановление обязывало Госплан сформулировать к 20 февраля 1928 г. «важнейшие цели» по республикам и наркоматам, затем провести две всесоюзные конференции, одну в марте, а другую до начала августа 1928 г.; вторая конференция должна была издать директивы по составлению окончательной редакции плана, проект которого, включая проекты по секциям, необходимо было представить в Совнарком и СТО к 1 февраля 1929 г. Учитывая большой объем предстоявшей работы, была существенно сокращена госплановская программа по составлению контрольных цифр на 1928/29 хоз. г., а принятая в ВСНХ процедура составления годовых нормфинпланов была упрощена до предела¹³⁶. Возложенные на Госплан обязанности описывались одним из его деятелей как «свертывание перспективного плана и

руководство всеми органами, подготавливающими... элементы для такого плана»¹³⁷. Для выполнения этой задачи Госплан укрепил свою центральную комиссию по перспективному планированию, назначив Г. Ф. Гринько ее председателем и подчинив ей комиссию по генплану с перемещением в нее многих сотрудников, занимавшихся годовым и генеральным планированием¹³⁸. Тем временем плановое управление ВСНХ было собрано в конце декабря 1927 г. на совещание, чтобы провести реорганизационные перестановки для подготовки нового проекта, который удовлетворял бы требованиям, выдвинутым на XV съезде ВКП(б)¹³⁹.

Разрыв с беспартийными специалистами, который привел к изгнанию Н. Д. Кондратьева и его последователей из Конъюнктурного института Наркомфина в начале 1928 г.¹⁴⁰, имел также отзвуки и в Госплане. В ходе дискуссии о пятилетнем плане, состоявшейся в январе 1928 г. в Коммунистической академии, С. Г. Струмилин, выступивший с резкими нападками на критиков, объединил В. Г. Громана и В. А. Базарова в одну компанию с Кондратьевым и заявил с еще большей прямоотой, что попытки увязать капитальные затраты с накоплением капитала, а спрос — с предложением являются «подсобными материалами», тогда как «основная задача пятилетки — это план капитального строительства»¹⁴¹. Г. М. Кржижановский позже во время дискуссии пытался выполнить свою традиционную функцию формирователя мостов между партийными и беспартийными специалистами. Он сослался на ленинскую стратегию находить каждому подходящее для него место и извлекать из него максимум общественной пользы и оптимистично говорил о будущем переходе интеллигенции на сторону Советской власти. О Громане Кржижановский отметил, что, хотя «впечатлительность его превосходит его марксистскую учебу», он «является одним из старейших работников Госплана» и «по другую сторону баррикад Громан не был»; когда Громан критиковал Кржижановского в 1921 г. как «противник и союзник», Кржижановский пригласил его на работу в Госплан¹⁴². Базаров, выступая на заседании, состоявшемся спустя три недели после исходной речи Струмилинина, заявил, что «за истекшие три недели нам удалось найти общую, госплановскую платформу пересмотра пятилетки — платформу, в которой учтены индивидуальные мнения, в том числе и его собственное»¹⁴³. Но все это было лишь принятием желаемого за действительное. Время примирения теперь уже осталось в прошлом, и влияние беспартийных экономистов круто падало.

Между тем раздавались голоса, требовавшие еще более решительных планов индустриализации. В статье, опубликованной в начале 1928 г. издававшимся ВСНХ журналом, В. В. Куйбышев обратил внимание на тот факт, что темп прироста промышленного производства в пересмотренных предложениях на 1927/28 хоз. г. был выше, чем фактический темп прироста в 1926/27 г., и заявил, что «происходит перелом той потухающей кривой тем-

пов ежегодного прироста, которая имела место начиная с 1924/25 года»¹⁴⁴. Успехи промышленного производства на протяжении 1927/28 г., обеспечившие прирост в 26,3% объемов продукции промышленности, планирование которой осуществлял ВСНХ, превзошли все прежние достижения и ожидания¹⁴⁵ и, несомненно, сыграли важную роль в формировании у более горячих сторонников индустриализации убеждения, что годовой темп прироста в 20% и восходящая кривая роста могут стать нормальным явлением в советских условиях. Велико было искушение поверить, что трудности в отношениях с крестьянством, сопровождавшие этот рост, можно будет устранить за счет совершенствования управления и без какого-либо ослабления темпов индустриализации, предусматривавшихся планами. В январской (1928 г.) дискуссии о пятилетнем плане в Коммунистической академии экономист В. Мотылев, возвещая оптимизм, получивший позже в том же году широкое распространение в партийных кругах, заявлял, что с учетом уровня капиталовложений в промышленности, предлагавшегося на первые три года в проектах ВСНХ и Госплана, затухающая кривая темпов роста промышленного производства в более поздние годы планового периода может смениться восходящей кривой¹⁴⁶. В своем ответном выступлении Струмилин привел обзор истории кривой планового темпа роста промышленного производства: исходный генплан предусматривал затухающую кривую по всему первому пятилетию с последующей восходящей кривой во втором пятилетии; контрпредложение Базарова о том, что кривая должна быть восходящей в период первого пятилетнего плана и затухать во второй пятилетке, было отклонено. Теперь Госплан предусматривал, что вначале темпы роста будут возрастать, когда все еще будут чувствоваться последствия восстановительного периода, а затем снижаться по мере осуществления новых капиталовложений; восходящая кривая станет проявляться только в период второго пятилетнего плана или в самом конце первой пятилетки¹⁴⁷. Свою кампанию против затухающей кривой Мотылев продолжил в споре со Струмилиным на страницах журнала¹⁴⁸. К нему присоединился Л. М. Сабсович, выдвинувший в начале 1928 г. схему пятилетнего плана, в которой темп роста промышленного производства оставался неизменным на весьма высоком уровне 21% в год в течение всей пятилетки¹⁴⁹.

Госплану не удалось выполнить распоряжение Совнаркома о представлении важнейших целей плана к 20 февраля 1928 г.¹⁵⁰ Однако третий съезд госпланов состоялся с 6 по 14 марта 1928 г., с опозданием лишь на несколько дней относительно графика¹⁵¹, и посвятил свое основное внимание приготовлениям к составлению плана. Резолюция съезда заявляла, что для создания основ пятилетнего плана необходимо принятие центральными органами решений по таким важным вопросам, как темпы роста, движение цен, заработная плата и налоговая политика, и что центральные, а не республиканские и региональные власти должны отвечать за пла-

нирование в целях достижения равновесия в народном хозяйстве и формирования надлежащих пропорций между секторами экономики; тем не менее подчеркивалась важность того, чтобы в центральном плане были «представлены целостные планы развития хозяйства союзных республик и экономических районов и планы отраслей развития народного хозяйства СССР». Съезд принял резолюцию, согласно которой Госплан должен представить предварительные директивы по основным контурам плана к 1 мая 1928 г.¹⁵² Это было моментом, если такой момент вообще возникал, когда Госплан мог взять на себя руководство всем планированием. Однако мощный и независимый механизм перспективного планирования уже работал в ВСНХ, имея за собой сильную поддержку Куйбышева; на съезде Г. М. Кржижановский сухо сказал, что «ВСНХ должен превратиться в наркомат промышленности и не дублировать своей работой работу Госплана»¹⁵³. Три новых проекта, подготовленных ВСНХ в апреле, августе и декабре 1928 г., а не госплановские проекты оказали определяющее влияние на формирование официальной точки зрения.

В апреле 1928 г. ВСНХ издал «директивы по восстановлению перспективного плана», которые предусматривали, что к 1931/32 г. объем промышленного производства должен возрасти на 140%, причем в отраслях группы «А» — на 150%, а в отраслях группы «Б» — на 133%; после 1928/29 г. темп прироста затухать не должен, а останется более или менее постоянным на протяжении последних трех лет планового периода¹⁵⁴. Для достижения запланированного темпа роста промышленности объем промышленных капиталовложений, запланированных на каждый год из пяти, увеличился по сравнению с третьим проектом ВСНХ¹⁵⁵. Директивы приводили также дополнительный набор показателей на 1932/33 г. — последний год пятилетки — в том виде, как это было в конечном счете принято. Увеличению целевых показателей противодействовали в ВСНХ бывшие меньшевики и беспартийные специалисты; когда апрельские директивы обсуждались 21 апреля 1928 г. на расширенном заседании планового управления ВСНХ, А. Б. Штерн, А. Л. Соколовский и Л. И. Гинзбург¹⁵⁶ сетовали на «недостаточное экономическое обоснование» и невозможность анализа предложений на основе представленных доказательств. Однако в ВСНХ энтузиасты индустриализации были более решительными, энергичными и многочисленными, чем их коллеги в Госплане; на заседании была принята резолюция одобрить «в принципе» основные показатели директив¹⁵⁷. Директивы ВСНХ обсуждались 7 мая 1928 г. президиумом Госплана на заседании, знаменательном тем, что на нем был представлен только доклад ВСНХ при отсутствии доклада самого Госплана. Затем 12 мая Госплан издал свои директивы по народному хозяйству в целом. Это не было попыткой сколько-нибудь независимой оценки перспектив развития промышленности, а просто повторялись наброски промышленного производства из апрельских директив ВСНХ с

указанием, что «расчеты ВСНХ намечают в настоящее время значительное превышение темпов роста против оптимального варианта пятилетки». Госплан предлагал союзным наркоматам и республиканским плановым органам проанализировать возможности такого промышленного развертывания, «исходя из желательности и необходимости максимально форсированного темпа развития промышленности»¹⁵⁸.

Инициатива осталась за ВСНХ. В августе 1928 г. В. И. Межлаук представил «постоянной плановой конференции», сформированной при президиуме ВСНХ, и самому президиуму ВСНХ следующий проект плана, получивший название «августовского варианта»¹⁵⁹. Этот вариант производил впечатление довольно любопытного компромисса между умеренным и экспансионистским крыльями внутри ВСНХ. Предусматривалось дальнейшее увеличение капиталовложений в промышленности¹⁶⁰; но запланированный на пятилетие с 1928/29 по 1932/33 г. рост объемов промышленного производства был несколько ниже, чем в апрельских директивах, а годовые темпы прироста следовали затухающей кривой¹⁶¹. Тем самым августовский вариант был менее оптимистичным, чем апрельские директивы, относительно потенциальной эффективности капиталовложений в промышленности. Он был также несколько менее оптимистичным по своей оценке снижения промышленных издержек¹⁶²; поскольку не предполагалось получения дополнительных прибылей в промышленности, чтобы удовлетворить запланированный рост ее капиталовложений, августовский вариант призывал к увеличению бюджетных ассигнований промышленности. Эти допущения были весьма реалистичными: хотя издержки промышленного производства с весны 1927 г. и падали, запланированный темп снижения достигнут не был, и плановое управление ВСНХ уже требовало более значительных бюджетных ассигнований на 1928/29 г., первый год пятилетки, чем было намечено в любом из предыдущих проектов¹⁶³. Однако вариант плана, предлагавший увеличить капиталовложения в промышленности, а также притязания на бюджет без какого-либо компенсационного роста производительности труда никоим образом не прельщали власти. В. В. Куйбышев в своей речи на президиуме ВСНХ твердо заявил, что намеченные бюджетные ассигнования промышленности должны быть сокращены¹⁶⁴. Дальнейшей тревожной особенностью августовского варианта, которую оправдать было довольно нелегко, явилось то, что запланированный годовой прирост капиталовложений и бюджетных ассигнований в первые три года пятилетки был особенно высок, так что кривая капиталовложений оказывалась «горбатой». Это явилось повторением вызвавшей ожесточенную критику затухающей кривой капиталовложений согласно наметкам ОСВОК¹⁶⁵, но на более высоком их уровне. Во время представления предложений президиуму ВСНХ В. И. Межлаук обратил внимание на «аномальную» кривую капиталовложений и потребовал ее выровнять, чтобы избежать напряжения в бюджете.

Однако горб можно было также устранить подъемом его правой части. В ходе обсуждения В. В. Куйбышев подчеркнул, что запланированные в некоторых отраслях капиталовложения, особенно в химической промышленности, недостаточны¹⁶⁶. Хотя в своей резолюции президиум неопределенно высказался, что «горбатая» кривая должна быть исправлена за счет регулярности прироста капиталовложений из года в год, в своей передовице «Торгово-промышленная газета» делала вывод, что кривую следует корректировать «не путем урезания капитальных затрат в первые годы» планового периода, а главным образом увеличением смет на последние годы¹⁶⁷. В последующие несколько недель плановики из ВСНХ пересматривали показатели августовского варианта, и к началу октября новые предложения уже сочетали постоянство ежегодных объемов капиталовложений, что устраняло затухание кривой в последние два года, с увеличением общей суммы капиталовложений за весь период¹⁶⁸.

Несмотря на то что большинство беспартийных специалистов в ВСНХ и Госплане все еще сохраняли свои посты, судьба августовского варианта показала, что в ВСНХ эффективное противодействие нажиму в сторону повышения показателей пятилетки прекратилось. Влияние беспартийных специалистов к сентябрю 1928 г. существенно ослабло также и в Госплане¹⁶⁹. Готовившийся в то время госплановский оптимальный вариант включал даже более резкое увеличение объемов промышленного производства, чем предлагалось в его августовском варианте¹⁷⁰. Однако в самой партии организованная критика справа становилась все громче. На июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) во многих выступлениях высказывались возражения против существовавших темпов индустриализации¹⁷¹, а Н. И. Бухарин в своих «Заметках экономиста», опубликованных в конце сентября 1928 г., приводил августовский вариант ВСНХ в качестве наглядного образца недальновидного и сверхпретенциозного планирования. Бухаринская критика слабостей проекта велась с точки зрения, противоположной доминировавшей среди руководства ВСНХ. Он доказывал, что запросы проекта плана на средства из бюджета следует сократить, отказавшись от попыток оказывать «безумный нажим на темпы в начальный период с неизбежным последующим спадом»¹⁷². Однако борьба с правым уклоном придала воодушевления поборникам наиболее крайних форм политики индустриализации. Л. М. Сабсович, пересмотревший к этому времени свой собственный набросок плана, предусмотрев в нем повышающийся ежегодный темп прироста промышленного производства на протяжении всей пятилетки¹⁷³, решительно критиковал августовский вариант и текущие госплановские предложения в серии статей и речей. Он заявлял, что плановики ВСНХ слишком полагаются на предложения, собираемые из главков, и приняли на вооружение «*опасный и реакционный подход*» к темпам повышения производительности труда. Издержки должны быть сокращены не менее чем на 32,3%,

а темп прироста объемов производства должен увеличиваться ежегодно. Все это позволило бы осваивать каждый год большие капиталовложения, чем предлагалось августовским вариантом¹⁷⁴.

Ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) завершился чувствительным поражением правого уклона, и в результате в ВСНХ сразу же приемлемой оказалась более смелая политика. В течение ноября и начала декабря 1928 г. в плановых отделах ВСНХ исключительно интенсивно готовился вариант, получивший название «декабрьского». Новый проект учитывал почти все предписания оптимистов. Он еще больше увеличил предложенный объем капиталовложений в промышленности; годовые капиталовложения следовали восходящей кривой на протяжении всей пятилетки, а годовой темп прироста промышленного производства не затухал, а оставался более или менее постоянным; на протяжении пятилетия промышленное производство должно было возрасти на 168% при росте производства в отраслях группы «А» почти на 200%¹⁷⁵. Представляя предварительные наброски на совещании ВСНХ 2 декабря, А. О. Золотарев пояснил, что при составлении проекта использовался метод «расшивки узких мест»¹⁷⁶. Он отметил, что при сверстывании производственных планов главков в августе 1928 г. для ряда важнейших товаров предложение оказалось ниже спроса; декабрьский проект попытался справиться с этим дефицитом за счет увеличения производственных планов. Было сочтено, что внести автоматически такие прибавки лучше, чем «представить пятилетний план, дефектный в том смысле, что не будут удовлетворены наиболее важные потребности народного хозяйства». В ВСНХ критики справа по этому поводу, видимо, молчали. В то время как Л. М. Сабосович на заседании ВСНХ призывал к постановке еще более высоких задач, В. В. Куйбышев почувствовал, что в сложившейся ситуации дела зашли слишком далеко; он фактически признал, что теперь уже необходимо учитывать существование узких мест: «Увеличить дальше работу существующих заводов технически невозможно, построить еще больше новых заводов — также невозможно. Поэтому *надо привести в соответствие с состоянием черной металлургии потребность остальных участков народного хозяйства*. ...едва ли наше финансовое положение такое блестящее, чтобы можно было идти на дальнейшее добавление»¹⁷⁷. Однако проект пятилетнего плана, на основе которого Куйбышев был готов отстаивать свою точку зрения, характеризовался чрезвычайным увеличением намеченного темпа индустриализации по сравнению с проектами предыдущего года. В течение 1928 г. инвестиционный и производственный планы промышленности быстро росли при последовательном переходе от одного проекта, подготовленного в ВСНХ, к другому: например, на 1930/31 г. капиталовложения в промышленности планировались в ноябрьском (1927 г.) проекте ВСНХ на уровне 1500 млн. руб.; в конце 1928 г. декабрьский вариант намечал уже 2940 млн. руб.¹⁷⁸ Вместе с тем официальная политика продолжала исходить из представлений, что индустриали-

зация будет происходить в рамках рыночных отношений и смычки с крестьянством; рост промышленных инвестиций и запланированное снижение цен промышленных потребительских товаров должны были покрываться гигантским падением издержек промышленного производства¹⁷⁹. Все это было скорее оптимистическими допущениями, чем реалистическими планами.

Детали проекта, предназначенного к представлению на рассмотрение правительства, были опубликованы 15 декабря 1928 г. в «Торгово-промышленной газете»¹⁸⁰, а 20 декабря В. В. Куйбышев сделал доклад по предложениям на VIII съезде профсоюзов СССР, открывшемся несколькими днями ранее. Документ, распространенный среди делегатов съезда, предусмотрительно сохранил традиционные критические нападки на планы «сверхиндустриализаторов» и перенес основной акцент на значение быстрого увеличения производства тракторов, сельскохозяйственного инвентаря и удобрений¹⁸¹. В своем докладе съезду Куйбышев был также крайне осмотрительным. Он пояснил, что излагает наброски по одному важному разделу плана, который пока еще не обсуждался в Госплане, и допустил, что «там, в Госплане, наш план должен подвергнуться известным изменениям, с тем чтобы приноровить его к потребностям народного хозяйства»; окончательный план будет готов не ранее февраля-марта 1929 г. для представления в апреле съезду Советов. Однако он явно не считал основные положения декабрьского плана предметом дискуссии. Резким нападкам с его стороны подвергся «ученый» пессимизм «профессоров-экономистов» из Наркомфина, и он откровенно осудил колебания в ВСНХ, которые были характерны для августовского варианта; этот вариант был составлен «в недоучете возможных темпов нашего развития, в недостаточно полном учете всех тех ресурсов, которыми наше хозяйство располагает». Новый проект не столкнулся со сколько-нибудь последовательной критикой на съезде профсоюзов. Было выражено некоторое беспокойство относительно вероятности достижения намеченного уровня заработной платы и условий труда; однако выступавшие в ходе дискуссии предлагали повысить, а не понизить целевые показатели для промышленности. По поручению ВЦСПС Л. И. Гинзбург заявил, что капиталовложения можно было бы использовать эффективнее, чем намечено ВСНХ, и что при том же объеме капиталовложений в промышленности производство можно утроить в течение пятилетки¹⁸².

На протяжении 1927 и 1928 гг. одновременно с увеличением инвестиционных планов промышленности в последовательно выдвигавшихся проектах пятилетнего плана происходило усиление инвестиционных планов и других секторов хозяйства. К концу октября 1928 г., даже до подготовки декабрьского проекта ВСНХ, Госплан в своих расчетах по всему народному хозяйству оценивал, что государственных вложения в сельском хозяйстве и на транспорте за пять лет должны удвоиться по сравнению с уровнем, намеченном во втором госплановском проекте весны 1927 г.¹⁸³

Дальнейший подъем показателей по капиталовложениям и объему производства в промышленности, предусмотренных в декабрьском варианте ВСНХ, был сочтен в Госплане как фактор, вызывающий слишком большое напряжение в наличных к тому времени ресурсах. Когда 29 декабря 1928 г. президиум Госплана обсуждал представленный ВСНХ проект плана, ряд госплановских деятелей обратили внимание на «чрезвычайно высокие и напряженные темпы предложенного развертывания», и каждый выступивший, за исключением Р. Е. Вайсберга, его критиковал, причем беспартийные специалисты и С. Г. Струмилин оказались на этом раз едиными в своем мнении. И. А. Калинин отметил, что ВСНХ предлагает теперь капиталовложения в промышленности за пятилетний период в объеме 13,4 млрд. руб. против госплановской цифры 10,9 млрд. руб., и увеличение, измеренное в реальном исчислении, свыше 50% за один только 1929/30 год. Его комментарии были буквально следующими: «Можно сильно сомневаться в том, что ВСНХ сумеет подготовиться к развертыванию объема строительства уже в будущем году более чем в полтора раза. Дело не только в дефиците строительных материалов, но и в потребном оборудовании». Струмилин высказал сомнение по поводу целесообразности намеченного скачка капиталовложений в 1929/30 г. и отметил, что более низкие темпы освоения капиталовложений в промышленности неизбежно затянут выполнение пятилетки и превратят ее в шести- или даже семилетку. В ответ на эти нападки А. О. Золотарев представил предложения ВСНХ как просто больший из двух вариантов, среди которых госплановский проект является меньшим. Одновременно он постарался продемонстрировать взаимозависимость всех предложений: если сельское хозяйство должно вырасти на 30—35%, как запланировано, то производство тракторов должно быть резко увеличено, а это подразумевает рост выплавки чугуна и стали. Он добавил, что наметки построены таким образом, чтобы не предъявлять «чрезмерные требования» к бюджету¹⁸⁴.

Разногласия в Госплане оказались кратковременными. Уже 5 января 1929 г., на следующем заседании президиума Госплана, Г. Ф. Гринько отметил критику, выдвинутую его коллегами на предыдущем заседании, заявив, что неуместно критически сравнивать предложения ВСНХ с госплановскими наметками до тех пор, пока подготовленные ВСНХ показатели не будут включены в «оптимальный план всего народного хозяйства СССР», основные элементы которого пока еще неизвестны. В настоящем задача может быть поставлена просто в форме «указать ВСНХ спорные элементы, которые следует дополнительно проработать». Хотя Гринько и высказал некоторые критические замечания по частным вопросам, он твердо заявил, что «общая постановка целей» в проекте ВСНХ «совершенно правильна», и по сделанным в печати сообщениям большинство присутствовавших на заседании прониклось содержанием речей деятелей ВСНХ, которые усилили свои

доводы в пользу различных аспектов предложенного проекта. Только Струмилин продолжал борьбу, высказав довольно весомое критическое замечание: «Весь же вопрос в том, насколько обоснованны эти гипотезы о больших темпах, как связаны отдельные части этого оптимального плана между собой... Какой смысл в том, чтобы сначала делать резкие скачки, а потом плавно подтормаживать движение?» Э. И. Квиринг пошел дальше Гринько в своей поддержке проекта ВСНХ; он заявил, что те, кто критиковал этот план за преувеличенность, находятся «под прямым влиянием «оправного» варианта, над которым Госплан продолжает работать», и что необходимо поддержать предложение ВСНХ об увеличении объемов капиталовложений, особенно в отраслях группы «А»¹⁸⁵. В тот момент проблема осталась нерешенной; проект был возвращен в ВСНХ и Госплан на доработку; по словам Калининкова, в феврале 1929 г. «весь аппарат» промышленной секции Госплана все еще думал, что декабрьский проект ВСНХ будет неосуществимым¹⁸⁶. Однако эффективное противодействие больше продолжаться не могло. В опубликованной в это время статье Струмилин допускал наличие «запаса прочности» в предложениях Госплана, но добавлял: «Конечно, соответствующим давлением на специалистов, проектировавших отдельные элементы плана, я мог бы легко добиться полной ликвидации всякой осторожности. К сожалению, подвергать испытанию гражданское мужество тех специалистов, которые уже и без того иной раз в кулуарных признаниях предпочитают «стоять» за высокие темпы развития, чем «сидеть» за низкие, — едва ли было бы рационально»¹⁸⁷.

Всеобщее обсуждение пятилетки сопровождалось подготовкой более конкретных планов для каждого сектора хозяйства, каждой отрасли промышленности и каждого экономического района; эти планы постоянно пересматривались для согласования с последовательно появлявшимися проектами пятилетнего плана народного хозяйства и широко обсуждались как соответствующим наркоматом или районом, так и Госпланом. На протяжении 1928 г. плановые отделы или управления на каждом уровне все больше вовлекались в рассмотрение отношений между секторами и отраслями, пользуясь показателями в физическом выражении, а также в денежном исчислении; ВСНХ и Госплан строили материальные балансы для каждой крупной группы товарной продукции в стремлении придать большую гармоничность различным разделам плана¹⁸⁸. Черная металлургия, восстановление которой происходило гораздо медленнее, чем в других ведущих отраслях¹⁸⁹, создавала наибольшие трудности и могла служить в качестве иллюстрации общего процесса. Осенью 1927 г. комиссия Межлаука по пятилетнему плану повысила Главметаллу план выплавки стали в 1931/32 г. с 5,8 до 6,7 млн. т; тем не менее этот повышенный показатель, который лишь на 60 % превышал уровень выплавки в 1913 г., был недостаточным для удовлетворения спроса всей промышленности, объем выпуска продукции которой в 1931/32 г.

должен был удвоиться по сравнению с 1913 г. При дальнейшем увеличении производственных планов промышленности в апрельском проекте 1928 г. плановое управление ВСНХ наметило выплавку стали в 1931/32 г. на уровне 8,5 млн. т¹⁹⁰. Это предложение вызвало бурные возражения ведущих специалистов Главметалла на том основании, что за предстоявший период было невозможно физически и с финансовой точки зрения построить достаточно новых мощностей¹⁹¹. После того как острая нехватка перепельного чугуна осенью 1928 г. создала угрозу задержки развертывания промышленности, президиум ВСНХ распорядился установить еще более высокое производственное задание в 10 млн. т чугуна к 1932/33 г., чтобы в том же году можно было произвести приблизительно 10,5 млн. т стали¹⁹². Специалисты Госплана продолжали сопротивляться, однако на сей раз президиум принял повышенный показатель¹⁹³. Согласно расчетам ВСНХ, даже такой уровень выплавки был бы достаточным для удовлетворения потребностей только промышленности и транспорта; на последний год пятилетки планировалось покрытие менее половины потребностей непромышленного строительства, массового рынка и ремесленного производства¹⁹⁴. На состоявшейся в начале 1929 г. госплановской конференции по пятилетнему плану отраслей машиностроения один из выступавших поучал, что в будущем планы машиностроения не должны урезаться из соображений согласования с возможными поставками металла; обеспечение производства металла в объемах, необходимых для развития машиностроения, целиком является делом металлопромышленности¹⁹⁵. Намеченное задание выплавить 10 млн. т перепельного чугуна было включено в оптимальный госплановский вариант плана¹⁹⁶. Этот эпизод, повторенный в разных формах в каждой отрасли и каждом секторе хозяйства, показал, что все секционные планы должны были проводиться в условиях быстрого индустриального роста, устанавливавшегося декабрьским проектом ВСНХ.

е) Принятие плана (март — май 1929 г.)

В начале марта 1929 г. состоялся пятый съезд президиумов госпланов, созданный для рассмотрения пятилетнего плана. Съезду были представлены отправной вариант, подготовленный Госпланом, и оптимальный вариант, основанный на декабрьском проекте ВСНХ, но теперь предлагавший даже более высокий темп роста промышленного производства при ежегодном увеличении темпа прироста¹⁹⁷. Выступавший в начале съезда с докладом Г. М. Кржижановский отметил *«значительное сближение точек зрения Госплана и ВСНХ по ряду вопросов, бывших ранее спорными»*¹⁹⁸. Докладчики от ВСНХ решительно доказывали, что

оптимальный вариант должен стать основным. Л. Н. Юровский сделал нерешительную попытку выразить сомнения Наркомфина, протестуя против того, что план предусматривает быстрый рост как промышленности, так и сельского хозяйства, запросы на ассигнования сконцентрированы главным образом на первых двух годах, а финансовые показатели не обеспечивают согласования разных частей плана; предложенное им решение заключалось не в необходимости урезания темпов роста, а в планировании на основе «либо менее радикального снижения цен, либо большего сокращения издержек». Съезд ознаменовал собой дальнейший этап в процессе неуклонного повышения планового темпа индустриализации: в его резолюциях отмечалось, что «творческие силы должны быть сконцентрированы» на оптимальном варианте¹⁹⁹. По всей видимости, такое заключение не рассеяло скептицизма в Госплане. С. Г. Струмилин, выступая в печати в конце марта 1929 г., все еще трактовал отправной вариант в качестве основного плана²⁰⁰.

Теперь к рассмотрению вопроса приступили Совнарком и СТО, которые обсуждали пятилетний план в ходе серии совместных заседаний в конце марта — начале апреля 1929 г. А. И. Микоян, В. Я. Чубарь, Я. А. Яковлев и В. В. Куйбышев защищали принятие оптимального варианта в качестве единственного²⁰¹. А. И. Рыков, все еще стараясь избежать открытого разрыва, также заявил, что *«оптимальный вариант необходимо принять в отношении решающих отраслей хозяйства»*, особенно сельского хозяйства, хотя и добавил, что *«для других, менее решающих, отраслей хозяйства исполнение оптимального варианта нужно признать менее обязательным и гораздо более зависящим от конъюнктуры каждого года»*. Однако он предложил ввести в рамках пятилетнего плана двухлетний план, относящийся главным образом к сельскому хозяйству. Основную трудность плана он усматривал *«в установлении правильного соотношения в развитии различных отраслей народного хозяйства»*. Расхождения между разными секторами в первые два-три года планового периода были наиболее серьезными и уже создавали товарный и продовольственный кризис. Рыков продолжал: *«Не правильно ли будет из пятилетнего плана выбрать все главное, что обеспечит уничтожение этого расхождения, и, допустим, на ближайшие два года составить рабочий план для ликвидации несоответствия в развитии сельского хозяйства с потребностями страны и поставить исполнение этой части пятилетнего плана в особо благоприятные условия?»* Он отнес текущие трудности на счет реализации затухающей кривой в сельскохозяйственном производстве, которая сопровождала подъем промышленного производства: *«Соотношение этих двух кривых и определило хозяйственные затруднения прошлого года, текущего года, может породить, если не будут выполнены полностью директивы правительства, некоторые затруднения и в следующем году»*. Однако соображения Рыкова восприняты не были, и Кржижановский в своем ответе на дискуссию отметил, что никто не

внес предложения, чтобы не брать за основу наметки пятилетнего плана²⁰².

В начале апреля 1928 г. А. Рыков внес в Политбюро для представления ЦК ВКП(б) проект тезисов по пятилетнему плану, воплотивший предложения, выдвинутые им на заседании Совнаркома. Комиссия Политбюро отклонила рыковский проект и представила альтернативные тезисы на Пленум ЦК, который продолжался с 16 по 23 апреля 1929 г.²⁰³ В ходе дебатов И. В. Сталин резко критиковал рыковские предложения относительно «двухлетнего плана сельского хозяйства», заявив, что его мотивом было стремление «подчеркнуть нереалистичный, бумажный характер пятилетнего плана». По словам Сталина, большинство членов Политбюро предложило, что если Рыков хотел бы добиться больших ассигнований сельскому хозяйству, то так и следовало бы сказать, и оно постаралось бы включить их в пятилетний план или же годовые планы; но он не пошел на внесение подобных предложений: «Двухлетний план выступил у Рыкова на сцену для того, чтобы потом, в ходе практического осуществления пятилетнего плана, противопоставить пятилетке двухлетку, перестроить пятилетку и приспособить ее к двухлетнему плану, сократив и обкорнав ассигнования на дело индустрии»²⁰⁴.

Тезисы, представленные Политбюро для передачи XVI партийной конференции, были одобрены Центральным Комитетом; они одобряли «пятилетний план Государственной плановой комиссии в его оптимальном варианте» как «полностью соответствующий директивам XV съезда партии». В отличие от резолюции, представленной XV съезду ВКП(б), новые тезисы включали конкретный набор цифровых показателей из этого варианта, который оказался еще более амбициозным, чем даже декабрьский проект ВСНХ. Теперь капиталовложения в промышленность уже составляли 16,4 млрд. руб. за пять лет, а промышленное производство должно было вырасти на 180%. Новые тезисы заявляли, что «капиталовложения в промышленность направляются преимущественно на промышленность, *производящую средства производства* (78% всех капитальных вложений в промышленность)»; валовое производство средств производства должно было возрасти на 230%. В резолюции были конкретно записаны задания по выплавке 10 млн. т чугуна и добыче 75 млн. т угля. Сельскохозяйственное производство должно было возрасти не менее чем на 55%, а национальный доход в целом — на 103%. Решительно подчеркивалось, что «осуществление пятилетнего плана, представляющего программу развернутого социалистического наступления, связано с преодолением огромных трудностей внутреннего и внешнего порядка: «Эти трудности вытекают из напряженности самого плана, обусловленной технико-экономической отсталостью страны, из сложности задачи реконструкции многомиллионных распыленных крестьянских хозяйств на базе коллективного труда, наконец, из обстановки капиталистического окружения нашей страны. Эти

трудности усугубляются обострением классовой борьбы и сопротивлением капиталистических элементов».

Несмотря на столь суровые предупреждения, тезисы в принципе не отклонились от прежних предпосылок относительно путей получения ресурсов для финансирования плана. Хотя возник новый акцент в трактовке роли госбюджета при финансировании развертывания промышленности, основной упор делался на повышение в ней производительности труда не менее чем на 110%; столь оптимистические прогнозы позволили примирить значительное повышение реального заработка с падением производственных издержек на 35%. Однако тезисы заканчивались дальнейшими предупреждениями; утверждалось, что «правый» уклон представляет наибольшую опасность в партии и что поставленные планом задачи не могут быть достигнуты, если не будет обеспечен «беспощадный отпор всяким колебаниям в проведении генеральной большевистской линии»²⁰⁵. В свою очередь 23 апреля 1929 г., в день, когда завершился Пленум ЦК ВКП(б), Совнарком принял решение «утвердить в качестве программы хозяйственного строительства на ближайшее пятилетие оптимальный вариант плана». Подобно тезисам ЦК ВКП(б), постановление Совнаркома подтверждало некоторые конкретные цифровые показатели из оптимального варианта; одновременно приводился перечень улучшений, которые должны быть предусмотрены в плане, и делалось добавление, что Госплан, ВСНХ и Наркомфин должны скорректировать финансовый план, «исходя в первую очередь из необходимости полного обеспечения запроектированной строительной и производственной программы в государственной промышленности»²⁰⁶.

Пятилетний план стоял первым пунктом в повестке дня XVI партийной конференции, открывшейся вечером 23 апреля; обсуждению плана было посвящено пять из двенадцати ее заседаний. Предпринималась попытка сохранить видимость согласия среди лидеров партии, и по вопросу о пятилетнем плане было заслушано три доклада, сделанных председателем Совнаркома А. И. Рыковым, председателем Госплана Г. М. Кржижановским и председателем ВСНХ В. В. Куйбышевым. По поводу программы капитальных вложений Рыков заявил: «Думаю, что мы в состоянии выдержать такой темп», и критически высказался о своей прежней позиции в отношении темпов роста в промышленности²⁰⁷. Вместе с тем он перенес основной акцент своего доклада на недостатки, проявившиеся в течение первых шести месяцев пятилетки, такие, как нехватка хлеба, «повышательная тенденция в движении цен», невыполнение планов по снижению промышленных издержек и росту производительности труда²⁰⁸. Кржижановский и Куйбышев, один риторически, а другой по существу, выступили со словами ничем не омраченного оптимизма²⁰⁹. В ходе обсуждения Ю. Ларин, оказавшийся теперь в первых рядах поборников тотальной индустриализации, противопоставил рыковский «критический этюд» и «стихотворение в прозе» Кржижановского «речи

т. Куйбышева, который по-деловому рассказал...». Он утверждал, что только нажим со стороны общественного мнения в партии и со стороны соответствующих органов, а не творческая энергия самого Госплана смогут привести к ликвидации «потухающей кривой» промышленного роста и принятию более высоких заданий²¹⁰. Н. А. Скрыпник мягко упрекнул Рыкова за скептицизм и обратил внимание на непоследовательность его позиции. Другой выступивший неодобрительно процитировал шутку о том, что «наш пятилетний план наметил на пять лет не только капитальное строительство, но на целые пять лет спланировал правый уклон»²¹¹. В своем ответе на дебаты Кржижановский дал энергичный отпор Ларину, указав, что «некоторые минималистские черты наших прежних перспективных планов были присущи не только работам Госплана, но и всему нашему хозяйственному фронту», и заявил, «что весь коллектив плановых работников чутко прислушивался к указаниям партии»²¹². Все это явилось приглушенной защитой пассивной роли Госплана зимой 1927/28 г. и его мощного противодействия декабрьскому проекту ВСНХ зимой 1928/29 годов.

Дебаты привнесли и другие важные изменения в плановой работе. Во-первых, теперь план начал приобретать выраженную региональную форму. На конференции большое место было уделено рассмотрению жалоб на недостаточное выделение средств в том или ином экономическом районе. Под смех делегатов Д. Б. Рязанов отмечал неперемнное „заключение, которым заканчивается речь всякого оратора, выходящего на эту трибуну: «Дайте завод на Урале, а правых к черту!», «Дайте электростанцию, а правых к черту!»”²¹³. Некоторые выступавшие сетовали, что в региональной разбивке план недостаточно проработан. Однако, на фоне традиционных склок относительно размещения объектов между Ленинградом, Уралом и Украиной планирование приобретало новый аспект. Как подметил один из ораторов: «Именно эта пятилетка резко отличается от составлявшихся в прошлые годы контрольных цифр народного хозяйства тем, что она делает упор на развитие производительных сил каждого отдельного района»²¹⁴. Возможно, наиболее важным изменением в работе плановиков со времен подготовки первых проектов плана в 1925 и 1926 гг. явилось то, что новое капитальное строительство больше не обсуждалось в форме пробных или туманных предложений. В. В. Куйбышев был в состоянии обсуждать положение в каждой из ведущих отраслей, опираясь на данные о предлагаемой мощности каждого из основных заводов, как новых, так и старых, и соотносить эти мощности с намеченными производственными заданиями; таким образом он определил задание на выплавку 10 млн. т чугуна и планы по выпуску тракторов²¹⁵. Первый пятилетний план в том виде, как он был сверстан весной 1929 г., являл собой парадоксальное явление. Он был героически сверхсамонадеянным, причем его самонадеянность в предстоявшие месяцы постоянно уси-

ливалась. Однако это не было просто безоглядной самонадеянностью чрезмерного тщеславия; грандиозные планы приобретали конкретные очертания в форме проектов строительства. Хотя, как правило, эти проекты оказывались незавершенными ко времени окончания первой пятилетки, тяжелая промышленность к середине 30-х годов по крайней мере отдаленно напоминала намерения Госплана и ВСНХ 1929 г. На XVI партийной конференции Г. М. Кржижановский верно подметил некоторые черты настроения многих членов партии того времени: «Напряжение в этом плане по сравнению с тем напряжением, которое было в прошлое пятилетие, не падает, а растет. На прениях в Госплане один оратор правильно указал, почему это так и почему мы от такого напряжения не можем уйти. Он сказал примерно так: эта грандиозная работа социалистического хозяйственного строительства может быть представлена в виде необходимости огромный груз поднимать на высокую гору. Мы, как своего рода бурлаки социализма, тянем тяжелый транспорт туда, к тем далеким берегам, где нам рисуется другая жизнь, другой быт, другие хозяйственные отношения. (Рязанов: «Куда уносят волны лишь великого думой...»). Если бы мы почувствовали легкость груза, что бы это означало? Это означало бы, что мы оторвались от тяговых построков. Облегчение в этой работе означало бы срыв ее, означало бы, что не все обстоит благополучно»²¹⁶. Именно в такой атмосфере конференции в своей резолюции указала: «Одобрить пятилетний план Государственной плановой комиссии в его оптимальном варианте, утвержденном Советом Народных Комиссаров СССР, как план, полностью отвечающий директивам XV съезда партии»²¹⁷. На протяжении мая 1929 г. съезды Советов РСФСР и УССР утвердили пятилетние планы для своих республик²¹⁸. Тогда же, 28 мая 1929 г., резолюция V Всесоюзного съезда Советов, более сдержанная в своих оценках плана, чем партконференция или постановление Совнаркома, принятое месяцем раньше, завершалось призывом ко всем, кого это касалось, сделать все необходимое для его осуществления²¹⁹.

«Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР» — документ из трех томов объемом более 1700 страниц большого формата, хотя и содержал предисловие Госплана и предназначался для представления на рассмотрение XVI партийной конференцией и V Всесоюзным съездом Советов, фактически был опубликован после конференции и утверждения Совнаркомом оптимального варианта²²⁰. Он явно был закончен во времена пятого съезда президиумов госпланов в марте 1929 г. В нем оптимальный и отправной вариант трактовались как альтернативы, которые должны осуществляться смотря по обстоятельствам, и выдвигался ряд ограничительных условий, выполнение которых было необходимо в случае воплощения оптимального варианта. Среди них следует отметить отсутствие неурожая, рост объемов экспорта и внешнеторговых кредитов; быстрое улучшение поло-

жения в области издержек промышленного производства и продуктивности сельского хозяйства; недопущение роста затрат на вооружение по сравнению с отправным вариантом ²²¹. Ни одно из этих ограничений не упоминалось в резолюции XVI партийной конференции, одоббившей оптимальный вариант плана. Хотя и можно полагать, что план уже подвергся пересмотру в момент своей публикации, тем не менее его продолжали принимать в качестве авторитетной программы, и он перепечатывался лишь с небольшими текстовыми изменениями в виде трех изданий в 1929 и 1930 гг. О первом томе, озаглавленном **«Сводный обзор»**, говорилось, что он составлен Г. Ф. Гринько под общей редакцией Г. М. Кржижановского, Э. И. Квинринга и С. Г. Струмилина. Наибольшим по объему разделом был обзор «строительной программы пятилетки». За ним следовали более короткие разделы о квалифицированной рабочей силе; производстве и производительности труда; трудовых проблемах; проблемах потребления, рыночного равновесия и политике цен; хозяйственных связях с мировой экономической системой и финансово-социальной программе. Второй том был поделен на две части. Первая часть, «строительная и производственная программа плана», представляла собой подробный обзор по секторам народного хозяйства, подготовленный специализированными секциями Госплана. Вторая часть давала обзор «социальных проблем, проблем распределения, труда и культуры». Третий том представлял собой подробный обзор «районного разреза плана». Небольшой том, озаглавленный **«Объекты нового строительства государственной промышленности на пятилетие»**, названный приложением к третьему тому, перечислял проекты строительства в рассматриваемых районах; введение к нему разъясняло, что в отличие от других частей этой серии публикаций этот перечень относится к оптимальному варианту ²²². В перечне указывался год, на который планировалось начать строительство каждого нового завода или фабрики и когда запланировано его закончить, стоимость объекта и сумма, которую предполагалось израсходовать на том или ином объекте на протяжении планового периода. Хотя в целом план был окрашен довольно оптимистическими представлениями о стоимости, производительности труда в промышленности и поведении крестьянства и находился под влиянием такого априорного принципа, как принцип восходящей кривой, он производит солидное впечатление компетентности и детализации в его конкретных программах.

Пятилетний план для народного хозяйства в целом был дополнен большим числом частных планов по республикам, регионам и секторам, публиковавшихся на протяжении 1929 г. Среди них наиболее важными были три тома **«Материалов»**, изданные ВСНХ СССР и основанные на оптимальном варианте. Первый, по «проблемам энергетики», был подготовлен «комиссией по энергетическим вопросам пятилетнего плана народного хозяйства», созданной при президиуме ВСНХ и включавшей представителей Госпла-

на; комиссия имела дело с топливно-энергетическими отраслями и изучала их взаимосвязи с остальной промышленностью; второй том рассматривал «основные направления технической реконструкции промышленности»; третий — проблему «перспектив развития черной металлургии»²²³. В третьем томе приводились планы по новым заводам черной металлургии в свете планов выплавки 10 млн. т чугуна в 1932/33 хоз. г.; новые заводы должны были произвести 2,4 млн. т из общего объема в том году и иметь предельную мощность 6,5 млн. т в сравнении с мощностью 3 млн. т, запланированной в августовском варианте 1928 г.²²⁴ Авторы этого тома, писавшегося в июне 1929 г., сетовали, что при составлении плана они испытывали серьезные трудности из-за отсутствия детально проработанных планов непромышленных наркоматов, которые были потребителями металла, таких, как Наркомпуть и Наркомзем; подробный план по транспорту, например, существовал лишь для отправного варианта. В результате ВСНХ был вынужден вновь до некоторой степени строить свои собственные допущения²²⁵. Характерная сноска на последней странице первого тома **«Материалов»** отмечала, что со времени сверстания проекта плана на 1932/33 г. план выработки электроэнергии был увеличен с 19 до 22 млрд. кВт·ч, так что СССР к тому времени должен был занять четвертое место в мире вместо шестого, ожидавшегося вначале²²⁶. Опубликованный Госпланом пятилетний план не стал, как надеялись плановики, твердым документом, на основании которого составлялись более детальные годовые контрольные цифры. Тем не менее окончательный план в том виде, как он был утвержден в апреле — мае 1929 г. партией и правительством, имел первостепенное хозяйственное значение при построении тщательно обсужденной и достаточно взаимосвязанной схемы индустриализации народного хозяйства и социально-политическое значение в качестве программы социалистического строительства, вокруг которой могла концентрироваться работа по индустриализации страны.

ГЛАВА 38

ВАЖНЕЙШИЕ ПРОЕКТЫ

Жизненно важную роль в индустриализации Советского Союза сыграли крупные проекты строительства, запланированные или начатые в конце 20-х годов. Большинство этих проектов были по своему характеру промышленными, и их планирование и осуществление велось в основном под руководством ВСНХ¹, тогда как железнодорожное строительство являлось главным образом сферой деятельности Наркомпути. Однако ряд проектов выходил за рамки компетенции какого-либо одного ведомства, и по своему замыслу они были призваны оказать преобразующее воздействие на все хозяйство. Их реализация рассматривалась как особая область деятельности центрального правительства, и в руководстве ими Госплан, по крайней мере на стадии планирования, играл весьма важную роль.

Наиболее известным и грандиозным среди этих проектов был Днепрострой², концепция формирования которого восходила еще к 1905 г. и в котором центральной задачей было сооружение плотины и крупной гидроэлектростанции на реке Днепр³. Строительство электростанций, хотя и входило в сферу административной компетенции Главэлектро, одного из главков ВСНХ, тем не менее всегда рассматривалось как особая область деятельности Госплана, который с момента своего основания в 1921 г. явился преемником работы комиссии ГОЭЛРО⁴. Днепровский проект был во многом детищем или по крайней мере приемышем Госплана. В 1920 г. работа по проектированию огромной плотины и электростанции была поручена И. Г. Александрову, одному из ведущих членов ГОЭЛРО⁵. В том виде, в котором эта схема предстала в начале 1926 г., предполагалось не просто производить дешевую энергию, но и сделать первый шаг по пути превращения Днепра в крупную судоходную водную магистраль для транспортировки нефти, угля и пшеницы, отчасти и на экспорт; имелось также в виду, что это будет способствовать и улучшению земель вблизи плотины. Электростанция мощностью 230 тыс. кВт и с годовой выработкой 1200—1300 млн. кВт·ч электроэнергии должна была снабжать ею как уже существовавшие предприятия, так и ряд новых объектов, которые должны были стать потребителями энергии Днепрогэса и использовать новую транспортную магистраль⁶. Хо-

тя по количеству вырабатываемой энергии на Днепрострой приходилась лишь небольшая доля в общем плане сооружения электростанций, он являлся одним из наиболее крупных объектов мобилизации усилий довольно слабо развитого народного хозяйства СССР: финансовые, людские и материальные ресурсы необходимо было сконцентрировать на одном объекте, отдача от которого могла появиться лишь через пять-шесть лет после начала строительства. Хотя в конечном счете вырабатываемая электроэнергия должна была стать дешевой, капитальные затраты на Днепрострой, как и на другие гидроэнергетические проекты, предполагались весьма значительными; по сделанным летом 1926 г. оценкам, они составляли 120—200 млн. руб., причем нижняя цифра была в два раза выше стоимости строительства типовой электростанции на органическом топливе той же мощности⁷. Кроме того, сооружение электростанции предполагало выделение в будущем огромных средств на строительство новых предприятий, которые должны были стать потребителями энергии; по оценкам того времени, необходимые дополнительные капиталовложения должны были составить 200—1500 млн. руб. Вначале эта схема была встречена в ВСНХ скептически⁸, и еще в марте 1926 г. начальник энергетического отдела Госплана говорил о «негативном отношении к днепровскому проекту в некоторых хозяйственных органах»⁹. Основные возражения были весьма точно отражены в приведенном Сталиным сравнении с ситуацией, в которой находится крестьянин, собирающийся купить граммофон¹⁰: проект был бы крайне дорогим, и связанные с ним деньги, если бы их удалось найти, предпочтительнее было потратить на менее величественные проекты.

Весной 1926 г. члены комиссии Днепростроя посетили США, и 11 июня 1926 г. был подписан контракт на изучение проекта с полковником Хью Купером, который после первой мировой войны отвечал за строительство плотины «Уилсон» и электростанции «Маскл шоулс» в штате Теннесси. Два помощника Купера в июле прибыли в Москву, а 24 августа 1926 г. в Москву приехал и сам Купер¹¹. Уже 1 сентября пресса сообщала, что он и Александров отправились на место предполагаемого строительства¹², и вскоре появились заметки американца, довольно благоприятные в отношении проекта¹³. Г. М. Кржижановский отмечал, что «сухой и осторожный американский специалист Купер сказал, что с того времени, как он познакомился с днепровским проектом, он превратился в поэта»¹⁴. Его сообщения были особенно воодушевляющими относительно стоимости проекта; данная им оценка 123—134 млн. руб. при зависимости точной суммы от расходов на заработанную плату была ближе к нижнему пределу диапазона прежних оценок, чем к верхнему, и он соглашался с оптимистами в том, что электроэнергия будет поступать по себестоимости 0,46 коп./кВт·ч, что дешевле, чем где бы то ни было в мире, за исключением Ниагары¹⁵. Германская строительно-монтажная фирма

«Сименс-бауунион» также ознакомилась с площадкой и представила альтернативный вариант проекта, некоторые фрагменты которого были включены в окончательную схему¹⁶.

К осени 1926 г. довольно большой объем подготовительных работ был проделан и по второму крупному проекту. Это — железная дорога, которая должна была соединить Среднюю Азию, Казахстан и Западную Сибирь, первоначально именовавшаяся Семиреченской железной дорогой, а позже Турксибом¹⁷. Строительство железной дороги должно было способствовать экономическому развитию малонаселенных и слабо развитых районов Казахстана и Сибири¹⁸. Одновременно она должна была внести вклад в достижение поставленной цели самообеспечения страны, помогая освободить советскую текстильную промышленность от зависимости от импортного хлопка. Производство хлопка в Средней Азии быстро развивалось после завершения в 1906 г. сооружения Ташкентской железной дороги, которая позволила обеспечить отправку зерна из европейской части России в Среднюю Азию в обмен на хлопок; Турксиб должен был стать аналогичным соединительным звеном между Средней Азией, Казахстаном и Сибирью¹⁹. На VII съезде профсоюзов в декабре 1926 г. В. В. Куйбышев разъяснял: «Дальше возьмем Семиреченскую железную дорогу. Эта дорога строится специально для того, чтобы соединить сибирский хлеб, основной продукт этой части страны, с туркестанским хлопком, с тем, чтобы облегчить развитие хлопководства в Средней Азии, чтобы создать прочную базу для текстильной промышленности, с одной стороны, а с другой стороны, дать мощный толчок индустриализации Сибири»²⁰. Этот аргумент получил проработку в Постановлении Совнаркома РСФСР от 28 февраля 1927 г., которое говорило о железной дороге как о предоставляющей «огромное значение для хозяйственного развития Средней Азии, Казахстана и Сибири и всего СССР», подчеркнув ее большое значение для снабжения хлопкосеющих районов Средней Азии сибирским хлебом, лесом и скотом, развития сельского хозяйства, скотоводства и горного дела в Казахстане и совершенствования торговых отношений между западными Китаем и Внешней Монголией; в постановлении подчеркивалось то важное дополнительное преимущество, что направляемые ныне в Среднюю Азию из Европейской России зерно и лес высвободятся для поставки на экспорт и других применений²¹.

К середине 20-х годов уже многое было сделано для подготовки железной дороги к строительству. На севере незадолго до первой мировой войны была проложена железная дорога от Новосибирска на Транссибирской магистрали через Барнаул до Семипалатинска, расположенного в 650 км к югу. На юге «Семиреченская компания» получила в 1912 г. разрешение на сооружение железной дороги, идущей на северо-восток от Ташкента до Пишпека (позднее Фрунзе) и Верного (позднее Алма-Ата); до 1917 года удалось построить лишь первую очередь этой дороги. Работы

возобновились в 1921 г., и дорога до Фрунзе была введена в строй в 1924 г. Однако наиболее сложные проблемы Турксиба все же остались нерешенными: построить около 1500 км железнодорожного полотна, которое вначале должно было преодолеть высокие горы между Фрунзе и Алма-Атой, а затем пойти на север, пересекая пустыни, холмы, овраги и быстрые реки подверженного землетрясениям восточного Казахстана до Семипалатинска²². Вместе с тем основной трудностью на пути строительства магистрали была нехватка финансов. В контрольных цифрах Госплана на 1926/27 г., подготовка которых была завершена в августе 1926 г., на новое железнодорожное строительство выделялось лишь 30 млн. руб., которые должны были использоваться исключительно на завершение уже начатых железных дорог²³. В то время стоимость строительства Турксиба оценивалась суммой 120 млн. руб.²⁴

Третьим крупным проектом, находившемся на довольно далеко продвинутой стадии подготовки, был Волго-Донской канал. Прокладка канала ставила своей целью облегчение транспортировки грузов между районами Волги и Украиной и создание одновременно возможностей для орошения прилегающих площадей для увеличения производства зерна. Говорилось, что проект проработан не в меньшей степени, чем Днепрострой²⁵. Его стоимость оценивалась на уровне 140 млн. руб., что было почти равно сметной стоимости Днепростроя или Турксиба. В 1925 г. его осуществление было отложено в пользу Днепростроя²⁶, однако к осени 1926 г. начало оказываться сильное давление, особенно со стороны РСФСР, в пользу того, чтобы приступить к строительству. Один из поборников прокладки канала заявлял, что среди экономистов и специалистов доминирует точка зрения, что ему следует отдать предпочтение; сообщалось, что П. С. Осадчий заявил в технико-экономическом обосновании Днепростроя, что предпочтение следует отдать Волго-Донскому каналу, поскольку он проще и менее зависит от иностранной технологии²⁷.

Четвертым предложением, в котором в более скромных масштабах делался расчет на некоторые из преимуществ как Днепростроя, так и Волго-Донского канала, был проект Свирь — Нева, в котором строительство каскада гидроэлектрических станций на реке Свирь для снабжения Ленинграда дешевой электроэнергией сочеталось с прокладкой глубоководного пути от Финского залива до Ладожского озера и совершенствованием системы Мариинского канала. Доводы в пользу электростанции или их каскада были весьма серьезными: предложенная мощность 40 тыс. кВт была меньше, чем у только что завершенной Волховской станции, и составляла менее пятой части предложенной мощности Днепрогэса; стоимость строительства, хотя и высокая в пересчете на единицу мощности, оценивалась на уровне лишь 65 млн. руб., то есть половины стоимости Днепростроя. Не было проблемы, как в случае Днепростроя, с нахождением потребителей: ленинградские потре-

бители уже существовали, и, согласно расчетам, спустя несколько лет в Ленинграде возник бы дефицит электроэнергии, если работы не начать немедленно. Кроме того, на Свирь можно было легко перебросить людей, материалы и оборудование с расположенного поблизости Волховстроя²⁸.

В последние несколько месяцев 1926 г. судьба всех этих проектов была определена. Это был период всеобщего экономического оптимизма: собран хороший урожай, на рынке достигнута стабильность²⁹. Располагая таким фундаментом, Совнарком в сентябре 1926 г. принял решение вложить в 1926/27 г. в промышленность большую сумму, чем Госплан предлагал в своих контрольных цифрах³⁰. В начале октября В. Я. Чубарь информировал на сессии ЦИК Украины, что в 1926/27 г. может быть начата работа над крупными проектами, но пока еще не сделан выбор между Днепростроем, другой гидроэлектростанцией и Волго-Донским каналом и что необходимо убедить общесоюзные власти в превосходстве днепровской схемы³¹. Спустя день-два после заявления Чубаря, 7 октября 1926 г., на президиуме ВСНХ обсуждался доклад представителя Главэлектро по вопросу о Днепрострое, который напомнил собравшимся, что необходимо также запланировать промышленность в районе, где должна потребляться вырабатываемая энергия. В. В. Куйбышев отсутствовал, и собрание разделилось. Э. И. Квиринг и М. Л. Рухимович, первый и второй заместители председателя ВСНХ, поддержали немедленное начало строительства по проекту. А. Н. Долгов, беспартийный инженер, ведавший в ВСНХ вопросами выделения капиталовложений, и С. С. Лобов, начальник Главэлектро и председатель ВСНХ РСФСР, призывали к отсрочке начала работ и предлагали обсудить альтернативные проекты. В конечном счете, несмотря на столь весомое противодействие, президиум ВСНХ рекомендовал начать строительные работы на Днепрострое «в ближайшем будущем» и потребовал выделения «суммы, предусмотренной на крупномасштабное капитальное строительство» в сметах на текущий год, однако было добавлено, что назначение этой суммы должно быть окончательно определено во второй половине хозяйственного года. Президиум отметил, что «плановая комиссия по Днепрострою» (председателем которой был Л. Д. Троцкий) «не выполнила задач, которые были на нее возложены»; сообщалось, что большинство секций комиссии были далеки от завершения своей работы, и комиссия не собралась в течение 1926 г. на пленарное заседание³². Тем временем ленинградская кампания за немедленное начало работ по проекту Свирь — Нева получила мощную поддержку С. М. Кирова, но не пошла дальше весьма скромного требования о выделении 3 млн. руб. на 1926/27 год.³³

Когда 26 октября 1926 г. открылась XV партийная конференция, относительно этих проектов никакого решения принято не было³⁴. Далее, 6 ноября было созвано специальное заседание

президиума Госплана для обсуждения «вопроса о возможных крупных строительных предприятиях, всесоюзных по масштабу и способных форсировать развитие народного хозяйства в целом». На заседании присутствовали представители республик и районов, которые еще находились в Москве после окончания партийной конференции, а также А. И. Рыков в качестве председателя Совнаркома, В. В. Куйбышев и М. Л. Рухимович от ВСНХ, Я. Э. Рудзук в качестве Наркома связи и заместителя председателя Совнаркома, В. Я. Чубарь в качестве председателя Совнаркома УССР и С. С. Лобов в качестве председателя ВСНХ РСФСР и начальника Главэлектро. Был заслушан доклад Г. М. Кржижановского, который председательствовал на заседании и сообщил, что промышленности и транспорту на крупные проекты, помимо нормального плана капитальных вложений на предстоящие пять лет, будет выделено 200 млн. руб. и что первые 40 млн. руб. будут представлены уже в текущем, 1926/27 г.; предположительно это было сделано в ответ на запрос президиума ВСНХ от 7 октября 1926 г. о выделении «суммы, необходимой для крупномасштабного капитального строительства». Затем были заслушаны доклады по уже обсуждавшимся четырем проектам, а также по трем другим, которые, впрочем, были легко отклонены. Была принята украинская оценка стоимости Днепростроя — 120 млн. руб. — и предложено выделить эту сумму на осуществление этого проекта в последующие пять лет. Оставшиеся от 200 млн. руб. 80 млн. руб. были выделены Турксибу и также распределены на пять лет: поскольку сметная стоимость Турксиба была такой же, как и у Днепростроя, выделенные ассигнования были недостаточны для завершения этого проекта. Президиум, хотя и отложил строительство водного пути Свирь — Нева, согласился с тем, что первая Свирская электростанция должна сооружаться сразу же, а остальные следует сооружать позже по мере увеличения потребности Ленинграда в электроэнергии. Как и в 1925 г., проект Волго-Донского канала был вновь отложен: президиум рекомендовал выделить 700 тыс. руб. на его дальнейшую проработку. Одновременно предстояло дополнительно изучить альтернативную возможность строительства железной дороги от Сталинграда до Ростова-на-Дону³⁵. «Торгово-промышленная газета» с энтузиазмом приветствовала решения Госплана в передовице, озаглавленной «Днепрострой и Семиреченская железная дорга»³⁶.

Все же битва была выиграна лишь частично. На сессии ЦИК РСФСР в том же месяце ряд делегатов энергично возражали против рекомендаций Госплана, которые А. Г. Белобородов, выступивший от имени Наркомата внутренних дел, назвал «неожиданными для правительства». Делегат из Сталинграда зашел настолько далеко, что заявил совершенно бездоказательно, что «американцы, опасаясь растущего экспорта зерна из СССР, преднамеренно пытаются отвлечь внимание от проекта Волго-Донского канала», убеждая в предпочтении Днепрострою³⁷. Сессией

19 ноября 1926 г. была принята специальная резолюция, настаивавшая на том, что строительство Волго-Донского канала должно рассматриваться как «первоочередная задача» и что окончательный проект по всей схеме необходимо завершить в 1926/27 г.³⁸ Решение в пользу Днепроostroя стало окончательным 26 ноября 1926 г., когда резолюция ЦК ВКП (б) «О крупномасштабном строительстве в текущем хозяйственном году» заявила, что преимущественный приоритет должен быть отдан Семиреченской железной дороге и Днепроostroю, а работа по Волго-Донскому каналу должна быть ограничена завершением обследования с продолжением работ в порту Азов³⁹. По докладу Г. М. Кржижановского СТО принял 3 декабря 1926 г. резолюцию, что «необходимо начать в текущем году, с завершением в течение пяти лет, строительство Семиреченской железной дороги» и что Днепроvская электростанция должна быть построена с мощностью 150 тыс. л. с. (100 тыс. кВт); Госплану и ВСНХ давалось распоряжение подготовить план организации работ на Днепроostroе и представить его СТО в месячный срок⁴⁰. Уже 22 декабря 1926 г. СТО назначил административный совет Днепроostroя, в который были включены И. Г. Александров и А. В. Винтер, ставший вскоре главным инженером⁴¹; в начале 1927 г. на осуществление работ по проекту в 1926/27 г. было выделено 7 млн. руб.⁴² Формально решение было утверждено и проведено по плану ГОЭЛРО IV Всесоюзным съездом Советов в апреле 1927 г.: «Съезд одобряет решение правительства о постройке мощной гидроэлектрической станции на Днепре и Семиреченской железной дороги, считая, что эти крупные сооружения являются началом переустройства всей экономики страны в соответствии с генеральным планом электрификации»⁴³. Днепроvский проект был утвержден СТО в июне 1927 г. Строительство должно было осуществляться в две очереди; первая очередь стоимостью 140 млн. руб. должна была завершиться к декабрю 1931 г.; суммарная мощность должна была составить 220 тыс. кВт⁴⁴. К этому времени предварительные работы уже начались; в конце августа 1927 г. сообщалось, что на площадке уже работало 10,5 тыс. рабочих вместо запланированных 3000 человек⁴⁵.

Днепроostroй стал символом развития Советского Союза, практическим воплощением «социализма в одной стране». Он явился всенародной стройкой, сопровождавшейся мещными призывами к национальной гордости и щедрыми обещаниями дальнейшего прогресса. Днепроostroй должен был дать самую дешевую электроэнергию в мире, что считалось предпосылкой для соревнования с мировой индустрией. Это было просто первым этапом: *«Постройка Днепроvской электростанции предопределяет собою индустриальный тип предстоящего развития юга Советского Союза»*⁴⁶. Кроме того, он объявлялся достижением социализма. При капитализме Днепроostroй рассматривался бы «как отдельное

предприятие» и дал бы мало прибыли; в качестве прецедента приводились аналогичные схемы для долины Роны; в условиях планового социалистического хозяйства он будет способствовать кооперации и разворачиванию нескольких взаимосвязанных секторов экономики⁴⁷. С другой стороны, этот объект представлял собой заимствование наиболее передовых достижений Запада. Александров говорил о нем как о первой проверке возможности переноса американской техники в Советскую Россию; это было «примером культуры в строительстве, примером доказательств возможности приспособления американской техники к нашим условиям»⁴⁸. Купер подчеркивал его важность для обучения населения современным методам производства, уверенно доказывая, что при наличии такой подготовки СССР будет в состоянии, учитывая его огромные человеческие и природные ресурсы, «завоевать доминирующее положение в мире»⁴⁹. Начальник госплановского отдела электрификации позже заявлял: «На постройку Днепростроя смотрит вся Европа. Это наш технический экзамен, и потому нужно создать максимально благоприятную атмосферу, чтобы его можно было выдержать»⁵⁰. В первые два года строительство столкнулось с серьезными трудностями, среди которых важнейшими оказались возросшие издержки. В период между 1926 г. и концом 1928 г. официальные оценки стоимости объекта выросли со 120 до более 200 млн. руб.⁵¹, а себестоимость производства электроэнергии также ожидалась более высокой, чем оценивалось первоначально⁵². Время от времени выражались сомнения относительно целесообразности всего проекта⁵³. Однако скептики не могли оказать серьезного влияния на политику. Под проект уже было выделено финансирование, запланировано 34 млн. руб. на 1927/28 г. и 45 млн. руб. на 1928/29 г., что было существенно большей суммой, чем предполагалось выделить в конце 1926 года⁵⁴. Хотя к концу 1928/29 г. строители получили тем самым более двух третей сметной стоимости, прогресс оказался более медленным, чем планировалось вначале; в декабре 1928 г. дата завершения первой очереди была отодвинута на год до декабря 1932 г.⁵⁵, однако одновременно запланированная мощность электростанции при вводе обеих очередей была поднята до грандиозной цифры 530 кВт, что более чем вдвое превышало первоначальную оценку, данную Александровым; новая цифра, которая в конечном счете была достигнута, предусматривала установку генераторов, вдвое более мощных, чем намечалось вначале⁵⁶. К весне 1929 г. вспомогательные сооружения и подготовительные работы были закончены; летом плотина начала подниматься от берегов⁵⁷.

Относительно использования иностранных специалистов и зарубежного оборудования в Днепровском проекте преобладала противоречивость. Советское правительство приняло решение полагаться на свои собственные финансовые ресурсы⁵⁸, однако возникла огромная зависимость от передовых капиталистических стран как поставщиков технической информации и оборудования. В одном

из опубликованных замечаний по техническим проблемам, возникшим на Днепрострое, Сталин в письме Куйбышеву от 31 августа 1928 г. отмечал: «Мне кажется... что *Купер прав*, а Винтер неправ... К мнению Купера определенно необходимо прислушаться»⁵⁹. Рабкрин в июне 1929 г. сетовал, что «чрезвычайно полезные» предложения американских инженеров были отклонены и что на Днепрострое не уделяют достаточного внимания рекомендациям американских специалистов⁶⁰. С другой стороны, в ставшем знаменитым инциденте 1929 г. Купер хотел вести строительство плотины с одного берега, а затем с другого, тогда как советские инженеры и официальные руководители для ускорения процесса считали необходимым вести строительство с обоих берегов одновременно; мнением Купера пренебрегли, и советский метод оказался, по-видимому, работоспособным⁶¹. Но даже после этого инцидента те, кто пытался возвысить советских инженеров за счет американцев, сталкивались с официальным неодобрением⁶². Та же терпимость никак не распространялась на привлечение иностранных рабочих. Когда Купер предложил привезти квалифицированных американских рабочих, Винтер оказался непримиримым: «Мы должны сами научиться работать на этих машинах... Я не сетую на такие вещи, как полдюжины поломанных агрегатов или завалившихся кранов. Это в десятки и сотни раз дешевле, чем выписать большое число рабочих для выполнения работы, которую мы вполне можем сделать сами»⁶³. Резкие споры возникали по вопросу об использовании советского оборудования вместо иностранного; во всяком случае, значительная часть основного оборудования была импортирована⁶⁴.

На протяжении первых двух лет строительства не было принято сколько-нибудь твердых решений относительно того применения, которое могла бы найти вырабатываемая электроэнергия. Комиссия по Днепрострою под председательством Троцкого в 1925 и 1926 гг. рассмотрела несколько предложений по поводу строительства новых заводов и фабрик. Однако, когда в конце 1926 г. СТО одобрил строительство электростанции, невозможно было пойти дальше общих рекомендаций, что Днепрогэс должен стать центром «единого индустриального комплекса, взаимосвязанного экономически и технически»⁶⁵. По предложению СТО 29 июня 1927 г. ВСНХ сформировал комиссию под председательством А. Н. Долгова «для проработки генерального плана организации потребителей для использования энергии Днепровской гидроэлектрической станции»⁶⁶. На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. этот вопрос был поднят несколькими ораторами. В. Я. Чубарь вполне обоснованно сетовал на то, что в то время, как программа строительства новых предприятий в связи с Днепростроем «в комиссии президиума ВСНХ СССР» существует, высшие плановые органы твердой политикой не располагают. Г. И. Петровский заявил, что капиталовложения в электростанцию не будут экономически эффективными до тех пор, пока не удастся принять решение

о ее потребителях: «Если мы будем из Днепроostroя давать электрическую энергию только для Донбасса и для ближайших городов, то никакого эффекта мы не достигнем»⁶⁷. На протяжении 1928 г. неопределенность сохранилась; и только победа, вначале в ВСНХ, а затем на более высоких уровнях, предложений по увеличению долгосрочных заданий отраслям производства средств производства позволила гарантировать приемлемость более величественных планов для Днепровского региона. Президиум ВСНХ принял 5 декабря 1928 г. резолюцию, что в первую пятилетку следует построить сталелитейные заводы в Запорожье и Кривом Роге и что Запорожский завод должен стать потребителем днепровской электроэнергии. Было рекомендовано также строительство алюминиевого завода, завода ферросплавов и высококачественных сталей; алюминиевый завод должен был иметь мощность 10 тыс. т с возможностью расширения производства до 15 тыс. т в год. Президиум принял решение, что Днепрогэс должен быть подсоединен к Донбассу и что в качестве резерва для Днепровской станции при низком уровне вод следует построить в Донбассе электростанцию на органическом топливе⁶⁸.

Противодействие этим решениям все же не прекратилось полностью. Так, на собравшейся 11—12 февраля 1929 г. конференции, на которой присутствовало 76 представителей правительственных, промышленных и исследовательских организаций, под председательством А. И. Рыкова, вновь было предложено отложить на два три месяца принятия решения о строительстве Запорожского завода, чтобы дополнительно изучить альтернативное предложение по расширению уже существующих или запланированных заводов. Это оказалось последней попыткой как-то замедлить события. Уже 12 апреля 1929 г. Совнарком окончательно утвердил перечень потребителей энергии Днепроostroя, включая алюминиевый завод, химический комбинат, Запорожский завод, заводы «Днепросталь» и «Днепросплав», а также города Днепропетровск и Запорожье; предполагалось также орошение бассейна Днепра. Заводы должны были вводиться в строй по мере выведения электростанции на проектную мощность. Планировалось построить линию электропередач Донбасс — Днепроostroй с датой ввода, которую должны были уточнить ВСНХ и Госплан⁶⁹. Тем не менее один из ораторов на XVI партийной конференции в апреле 1929 г. все же сетовал, что Днепрогэс будет построен на два года раньше, чем предприятия — потребители его энергии⁷⁰. Затем 3 мая 1929 г. в Москве был сформирован совет, на который была возложена ответственность за строительство всего промышленного комплекса; на месте работа Днепрогэса и потребляющих его энергию предприятий объединялась путем передачи Днепроostroю руководства всем строительством⁷¹. В течение последовавших пяти лет и электростанция и предприятия, запланированные в качестве потребителей ее энергии, были введены в эксплуатацию⁷². Днепро-

строй остался наиболее заметным одиночным достижением первого периода индустриализации Советского Союза.

Когда 3 декабря 1926 г. предложение о строительстве Турксиба было одобрено СТО, окончательного решения о трассе все же не существовало. В то время предполагалось проложить дорогу прямо от Фрунзе до Семипалатинска с ответвлением до Алма-Аты⁷³; в конце концов был принят вариант, считавшийся наиболее дешевым, дававший, по оценкам, экономию около года во времени строительства и предлагавший прокладку дороги не прямо от Фрунзе, а от станции Луговая на линии Ташкент — Фрунзе, шедшей северо-восточнее, до Алма-Аты⁷⁴. Была сформирована организация, названная Турксибстроем, возглавлявшаяся русско-американским революционером Биллом Шатовым и призванная осуществлять надзор за ходом строительства. Две подчиненные организации, в Семипалатинске и Алма-Ате, отвечали за сооружение северного и южного участков соответственно; каждая из этих организаций была поделена на сектора и далее на дистанции, отвечавшие за определенные отрезки полотна. Единственная работа, на которую привлекались сторонние организации, сводилась к возведению больших металлических мостов, что было обязанностью поставлявших эти конструкции промышленных трестов⁷⁵. Работа началась в апреле 1927 г. на северном конце трассы и 21 ноября 1927 г. на южном участке⁷⁶. Поначалу на Турксибе продвижение работ происходило быстрее, чем на Днепрострое; это было областью деятельности, в которой русские специалисты уже обладали значительным опытом. Планирование и осуществление работ на Турксибе велось в тесном взаимодействии Совнаркома РСФСР и местных властей районов, по которым проходила железная дорога. В начале 1927 г., спустя несколько недель после принятия решения о строительстве магистрали, Совнарком РСФСР основал «комитет помощи» Турксибстрою, председателем которого был назначен Т. Р. Рыскулов, заместитель председателя Совнаркома РСФСР, куда вошли и другие видные деятели страны и региона⁷⁷. Совнарком РСФСР принял также тщательно проработанную рабочую программу для своих наркоматов, охватывавшую набор рабочей силы и снабжение промышленными товарами, продовольствием и строительными материалами⁷⁸. В ходе строительства многие вопросы решались Совнаркомом РСФСР, а не СТО; даже такие крупные решения, как выбор варианта магистрали и сметная сумма, вначале обсуждались Совнаркомом РСФСР и вскоре после этого утверждались СТО. Местные власти привлекались к решению таких вопросов, как снабжение лесом и цементом, а также набор и обучение местной рабочей силы, и активно участвовали в подготовке, под покровительством Госплана СССР, планов развития хозяйства этих районов⁷⁹. Контраст с высокоцентрализованной структурой Днепростроя, где потребители

энергии были главным образом союзными предприятиями, подчиненными ВСНХ СССР, был весьма значительным.

Быстро возрастал объем финансирования проекта. В 1926/27 г. расходы составили всего лишь 8 млн. руб. На 1927/28 г. Наркомпуть запросил 25 млн. руб.; а в своих контрольных цифрах на 1927/28 г. Госплан, видимо все еще оперируя суммой в 80 млн. руб. на пятилетие, наметил выделение всего 18 млн. руб.⁸⁰ Однако согласно постановлению от декабря 1926 г., строительство должно было быть завершено «в течение пяти лет», то есть к концу 1930/31 хоз. г., и к лету 1927 г. сметная стоимость всех работ была увеличена с первоначальных 120 до 140—160 млн. руб.⁸¹ В сентябре 1927 г. на заседании Совнаркома РСФСР Рыскулов сетовал, что при намечаемых ныне Госпланом и Наркомпутем ассигнованиях Турксиб придется строить семь лет, и запросил представления субсидии в 40 млн. руб.⁸² В конечном счете СТО согласился выделить 32 млн. руб., и эта сумма была в мае 1928 г. увеличена еще на 2 млн. руб.; одновременно было одобрено предложение, предусматривавшее авансирование капиталовложений Турксибстрою на каждый из трех лет с 1928/29 по 1930/31 год. Было также одобрено увеличение общей сметы по Турксибстрою до 204 млн. руб.⁸³ Эти меры свидетельствовали о том приоритете, которым теперь пользовался Турксибстрой; важным фактором в этом явилось, по-видимому, то, что в условиях, когда вопрос о будущих потребителях энергии Днепрогэса оставался нерешенным, намеченная функция Турксиба как магистрали для перевозки сибирского зерна в хлопкосеющие районы была очевидной и приобрела дополнительное значение при возникновении зерновых затруднений 1928 г. Позже Рыскулов отмечал с несколько пренебрежительным отношением к Днепрострою, что в отсутствие других крупных начатых строительных проектов все ресурсы можно было бы сконцентрировать на Турксибе⁸⁴. К концу 1928 г. было проложено около 330 км полотна на севере и 180 км — на юге, то есть свыше одной трети, хотя и наиболее легкой, окончательно запланированного участка длиной 1481 км⁸⁵. Дата завершения постепенно сдвигалась вперед: в конечном счете северный и южный участки соединились 25 апреля 1930 г., более чем на год раньше запланированного первоначально срока, и магистраль была сдана в нормальную эксплуатацию 1 января 1931 г.⁸⁶

ПРОИЗВОДСТВО ЗЕРНА НА РЫНОК И ХЛЕБОЗАГОТОВКИ

Первым спрос на урожай зерновых предъявлял, естественно, сам производитель этого зерна для собственного потребления, а также потребления своей семьи и на корм своему скоту. Никакой статистики относительно потребляемых таким путем объемов зерна не велось; весьма приблизительно оценки можно было бы получить вычитанием объемов зерна, поступивших на рынок, из объема общего производства. Однако возникают трудности по поводу трактовки понятий «производство для рынка» или «рыночная часть урожая». Крестьянин, произведший зерно в объеме, превышающем его собственные нужды, как правило, продавал существенную часть подобных излишков другим крестьянам, иногда из своей же деревни или местности, иногда из более отдаленных районов, в которых испытывалась его нехватка. Эти продажи «на крестьянском рынке» обычно, хотя и не всегда, включались из статистики «производства для рынка», отчасти, возможно, из-за того, что составители статистики были озабочены главным образом проблемой снабжения городов, заводов и фабрик, но прежде всего из-за невозможности получения точных цифр, характеризующих эту торговлю. Некоторые сделки на крестьянском рынке не оплачивались наличными деньгами, а производился товарный обмен или же оплата шла предоставлением услуг. Некоторый объем приходился на прямые продажи производителями другим крестьянам через местные ларьки или рынки. Определенный объем приходился на продажи частным торговцам для перепродажи в других сельских районах. Даже если отвлечься от подобных неопределенностей, то нужно отметить, что приводившаяся статистика составлялась в основном на базе ограниченного массива бюджетов крестьянских хозяйств, возможно и нерепрезентативных. По оценкам В. Г. Громана, продажи на крестьянском рынке в 1925/26 г. составляли заметно более половины общего объема производства для рынка¹. Аналогичная оценка в стоимостном выражении появилась в госплановских контрольных цифрах на 1927/28 г.² Продажи на крестьянском рынке

оставались неопределенным и возмущающим фактором в любом расчете распределения сельскохозяйственной продукции.

Однако советские политические деятели и статистики интересовались главным образом тем, что оказывалось сельскохозяйственной продукцией после удовлетворения нужд крестьянина-производителя и других крестьян, которым передавалась часть его излишков. Исходной концепцией советских властей было то, что часть урожая, не потребленная фактически в хозяйстве производителя, расходится двумя разными путями: с помощью «продаж на крестьянском рынке», которые невозможно ни контролировать, ни рассчитать, и с помощью продаж на так называемом «внедеревенском рынке», что и составляет «производство для рынка» или «рыночную часть урожая» в более узком смысле. Они определялись как продажи «продуктов для удовлетворения потребностей армии, внешнего рынка, крупной промышленности целиком, мелкой промышленности лишь в той ее части, которая расположена вне сельских местностей, и удовлетворения потребностей городского населения в части, не покрываемой своим собственным производством с.-х. продуктов»³.

На этом основании «рыночная часть» урожая хлеба 1926/27 г. состояла из «планового потребления» вооруженных сил и промышленности, потребления других групп городского населения, а также зерна на экспорт, что суммарно составило почти точно 10 млн. т. К этому количеству добавим (хотя это и не включено в «рыночную долю» в строгом смысле) зерно, проданное сельскому населению «из видимых запасов» (т. е. не в пределах одной деревни), в объеме 2,9 млн. т и некоторые более мелкие статьи потребления, такие, как закупки семян через систему семенной взаимопомощи или семенной фонд. Эти добавления доводят суммарные продажи «на внедеревенском рынке» до 13,2 млн. т⁴. Картина дополнительно осложняется пересмотром в сторону повышения на основе более широкого обследования бюджетов крестьянских хозяйств цифры объема зерна, проданного обратно сельскому населению, с 2,9 до 5,9 млн. т; это повышение доводит суммарный оборот зерна в 1926/27 г. с 13,2 до более чем 16 млн. т⁵. Опубликованный в 1926 г. справочник ЦСУ указывает «рыночную долю» зерна урожая 1926/27 г. на уровне 16,2 млн. т⁶; более высокая цифра, очевидно, явилась результатом подобной переоценки суммарных встречных продаж сельскому населению из «видимых запасов». Вместе с тем этот пересмотр не затронул итоговой цифры — приблизительно 10 млн. т — поставок на нужды армии и промышленности, городского населения и на экспорт («рыночная доля» в более узком смысле понятия). Эта цифра приводилась И. В. Сталиным в мае 1928 г. со ссылкой на авторитет статистика В. С. Немчинова⁷.

Различие оценок суммарного рыночного производства зерна получило отражение и в разнообразии расчетов соотношения между рыночным и суммарным объемом производства. Конъюнк-

турный институт Наркомфина приводил показатель 16,9%, ЦСУ — 20,6, а основанные на госплановской статистике цифры Немчинова — Сталина давали 13,3%. Конъюнктурный институт рассчитал, что на рынок поступало 24% среднего предвоенного (до 1914 г.) сбора зерна и что «товарность» зерна в 1926/27 г. достигла 72,4% предвоенного уровня; цифры Немчинова — Сталина давали предвоенную долю в 26%, и рассчитанный на их основе показатель «товарности» едва достигал в 1926/27 г. половины этой величины⁸. Отсутствие точной информации относительно базы для предвоенных показателей затрудняет оценку сопоставимости всех этих цифр. Однако факты свидетельствуют о том, что предвоенный итоговый уровень 18—19 млн. т грубо сопоставим с цифрой в 10 млн. т для 1926/27 г.; следует отметить, что существенный предвоенный экспорт зерна резко сократился в 20-е годы. Умножение числа и сокращение размеров производственных единиц со всей определенностью приводили к существенному снижению доли сбора зерна, поступавшей на рынок. Но доступные статистические материалы не позволяют дать сколько-нибудь точной оценки величины этого снижения.

Статистика зернозаготовок, проводившихся государственными и кооперативными органами, составлялась отдельно от статистики рыночного производства и строилась не на базе учета путей распределения зерна потребителю, а по принципу учета способа приобретения его у производителя. Эти заготовки рассматривались как «плановые» или «централизованные». Однако некоторые местные власти имели также право заготавливать зерно для местных нужд; они описывались как «внеплановые» заготовки. Такое разграничение было стандартизировано, по-видимому, в 1928 г., когда было решено, что централизованные зернозаготовки будут покрывать потребности рабочих, служащих общественных учреждений и Красной Армии и что «небольшие города с преимущественно нерабочим населением, а также не относимое к рабочим население крупных городов и фабрично-заводских центров» должны снабжать себя сами на основе нецентрализованных заготовок или посредством частного рынка⁹. Вне системы официальных заготовок, централизованных и местных, плановых и внеплановых, частные торговцы закупали сельскохозяйственную продукцию, конкурируя с государственными и кооперативными органами и, как правило, по более высоким ценам. Статистика централизованных государственных и кооперативных хлебозаготовок, скорее всего, достаточно надежна, тогда как достоверность данных по внеплановым и частным заготовкам, даваемых лишь в процентах, явно ниже¹⁰. Отсутствие соответствия между данными по хлебозаготовкам и госплановскими данными по рыночному производству объясняется различием в статистической базе, на которых они строились. Первые исключали зерно, заготовленное и доставленное на городской рынок частными торговцами (что включено в рыночное производство), и включали зерно, заготовленное цент-

ральными органами и поставленное сельским районам, например хлопкосеющим районам Средней Азии (что исключено из госплановских данных по рыночному производству). Следовательно, вполне естественно, что госплановская итоговая цифра по рыночному производству должна превышать итоговую цифру зернозаготовок при большом объеме частной торговли и будет ниже нее при сокращении объемов частной торговли.

ЛЕНИНСКИЙ КООПЕРАТИВНЫЙ ПЛАН

После введения НЭПа В. И. Ленин пересмотрел свое первоначально подозрительное отношение к кооперативам как к инструменту капитализма¹. В своей написанной в апреле 1921 г. статье «О продналоге» он отмечал, что, хотя кооперация и представляет «вид государственного капитализма» и «неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения», в советских условиях «„кооперативный” капитализм... выгоден и полезен сейчас, — разумеется в известной мере». Ставя в один ряд концессии и кооперативы как «формы государственного капитализма», он продолжал: «Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т. е. переход более сложный, но зато способный охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, досоциалистических, и даже докапиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой «новизне»... Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам подъем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного объединения».² Спустя несколько месяцев в декабре 1921 г. IX съезд Советов оказал мощную поддержку сельскохозяйственным кооперативам, отметив среди прочего их важность «для облегчения перехода от мелких владений к крупным товариществам»³. Спустя год после этого В. И. Ленин в двух коротких статьях, написанных в январе 1923 г.⁴, подчеркнул точку зрения, что при наличии у пролетариата контроля политической власти и основных экономических институтов кооперативы могли бы дать «все необходимое для построения полного социалистического общества». Статьи представляли собой неотредактированные наброски больного человека и были лишены той обостренной ясности, которая характерна для трудов Ленина. Содержавшаяся в них двусмысленность происходила из того, что В. И. Ленин, видимо, не делал различия между торговыми и производственными кооперативами. Торговля, как прежде, так и при НЭПе, рассматривалась в качестве объекта нормальной деятельности кооперативов. Требовалось сочетать «революцион-

ный энтузиазм» с «умением быть толковым и грамотным торговцем, какое вполне достаточно для хорошего кооператора... При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу»; высказывая эти загадочные фразы, Ленин имел в виду, скорее всего, производственные кооперативы, по крайней мере отчасти. В свете этих размышлений «простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма». Можно было бы заключить, хотя в поддержку такого вывода нет ничего конкретного, что Ленин думал, что предстоящая эволюция приведет к переходу от торговых кооперативов к производственным и тем самым к социализму⁵. Здесь нет ничего такого, чтобы, будучи сформулированным точным или явным образом, заслуживало названия «план».

В течение трех лет эти высказывания не привлекали сколько-нибудь заметного внимания. Е. А. Преображенский в своей знаменитой приветственной речи в Коммунистической академии в августе 1924 г. по поводу «фундаментального закона социалистического накопления» довольно бегло коснулся «нового вида кооперации, представляющего особый тип перехода мелкого производителя к социализму», и назвал «крестьянские коммуны и артели» в качестве «одного из каналов» этой новой формы кооперации в условиях диктатуры пролетариата⁶. Н. И. Бухарин в своем ответе, опубликованном 12 декабря 1924 г. в газете «Правда», заявил, что В. И. Ленин выдвинул «грандиозный и ясный план», и высмеял Преображенского, указав, что «кооперация в обращении никоим образом не является тем видом ленинских кооперативов, которые ведут крестьянство к социализму»; Преображенский говорил лишь о сравнительно малозначимых производственных «коммунах». На этом этапе Бухарин придерживался низкого мнения о производственных кооперативах и не делал попыток трактовать их в контексте статей Ленина 1923 г.: «Мы придем к социализму здесь через *процесс обращения*, а не непосредственно через процесс производства; мы придем сюда через кооперацию»⁷. Та же точка зрения просматривается и в резолюции III Всесоюзного съезда Советов в мае 1925 г.: «Только путем подобного кооперированного объединения мелкое крестьянское хозяйство может избежать закабаления его капиталом и принять активное участие в социалистическом строительстве»⁸. Это объясняло довольно равнодушное отношение Бухарина в это время к колхозам и его стремление подчинить их сельскохозяйственным кооперативам⁹.

То, что подразумевал в своих высказываниях Бухарин, было более четко выражено А. В. Чаяновым, в прошлом экспертом по сельскому хозяйству партии эсеров, в его работе «Организация крестьянского хозяйства», опубликованной в 1925 году. Чаянов

противопоставлял метод «горизонтальной концентрации», означавшей «концентрацию крестьянских земель в крупные производственные единицы» и приводившей к «пролетаризации крестьянства», что он отвергал как несовместимое с советской политикой, и метод «вертикальной концентрации» через сельскохозяйственные кооперативы, которые он описывал как «одну из основ экономического порядка в новом обществе». Кооперативы, начинаясь как союзы для приобретения средств производства и развиваясь в союзы для продажи сельскохозяйственной продукции, должны были привести к постепенной «индустриализации сельского хозяйства» и «концентрации и организации сельскохозяйственного производства в новых и более высоких формах». Особое внимание уделялось постепенности процесса, что требовало «новой экономической психологии»¹⁰. Именно поэтому выдвигалось требование не способствовать коллективному возделыванию путем создания независимых колхозов (или, косвенно, совхозов), а допустить развитие под эгидой сельскохозяйственных кооперативов. В рамках этой концепции кооперативы и колхозы мыслились как воплощение политических течений, противопоставленных друг другу. Бухарин дополнительно развил свою точку зрения в большом эссе, названном «Путь к социализму» и опубликованном летом 1925 г., в котором он описывал кооперацию как «столбовой путь к социализму в нашей стране» — организацию, посредством которой будет поддерживаться необходимая смычка между рабочим и крестьянином и разрешаться противоречие между индивидуальным крестьянским производством и государственной промышленностью. Пользуясь терминологией, переключавшейся с работами Чаянова (хотя нет никаких свидетельств прямого заимствования и нет никаких сомнений, что эти идеи получили в то время широкое распространение), он писал, что «отдельное крестьянское хозяйство... под влиянием своих же собственных, частных, мелкохозяйственных интересов, приходит к созданию *общественных* организаций, именно — кооперативов по закупкам». Бухарин все еще думал о кооперативах главным образом как о проводниках обращения и распределения. Однако в конце раздела о кооперативах он, видимо, расширил трактовку: «Таким образом, процесс организации крестьянского хозяйства, который начинается с кооперативной организации торговли, перекидывается постепенно, через организацию производства по переработке продуктов крестьянского хозяйства, и на сельскохозяйственное производство в прямом смысле этого слова»¹¹. На протяжении этой главы Бухарин не цитировал статьи Ленина или же ссылаясь на Ленина лишь вообще. Ленинский «грандиозный и ясный план» оказался забытым.

Что произошло затем, не очень понятно. Осенью 1926 г. была предпринята попытка, очевидно без особого успеха, стимулировать развертывание производственных сельскохозяйственных кооперативов¹². Резолюция февральского (1927 г.) Пленума ЦК

ВКП(б) заявляла, что «ленинский план поголовного кооперирования всего населения города и деревни, как путь к социализму, получил свое подтверждение в факте гигантски быстрого роста кооперации»¹³. Однако эта резолюция относилась к торговле, и никто, по-видимому, не был заинтересован в поиске доводов в пользу производственных кооперативов, пока в сентябре 1927 г. оппозиция, всегда стремившаяся сделать Бухарина своей мишенью и помня о его тактическом ходе 1925 г. по использованию сельскохозяйственных кооперативов в качестве противовеса колхозам, не осудила стремление [Бухарина] «противопоставить ленинский «кооперативный план» его плану электрификации» и не предложила выделить «гораздо большую сумму» на создание совхозов и колхозов¹⁴. Спустя три месяца XV съезд ВКП(б) в своей резолюции по пятилетнему плану отверг предложение оппозиции о снятии финансирования кооперативов в пользу колхозов и совхозов, сочтя его «ударом по всему ленинскому кооперативному плану», а в другом фрагменте той же резолюции политика оппозиции описывалась как несовместимая с *«ленинским кооперативным планом»*; резолюция о работе в деревне вновь называла точку зрения оппозиции «отречением от ленинского кооперативного плана»¹⁵. Это было, по-видимому, первыми случаями появления рассматриваемой фразы в авторитетных партийных заявлениях. В дальнейшем слово «план» употреблялось постоянно, и не только в контексте торговли или по отношению к конкретной организации сельскохозяйственных кооперативов, но и в поддержку развертывания колхозов и коллективизации вообще; авторы первого пятилетнего плана говорили о колхозах и «различных видах обобщественного и кооперативного хозяйствования на селе» как об «осуществлении великого ленинского кооперативного плана»¹⁶. Первое издание типового советского учебника политической экономии, опубликованное в 1928 г., цитировало Бухарина в качестве авторитета и продолжало осуждать теорию Преображенского о простом социалистическом накоплении как противоречащую «ленинскому кооперативному плану»¹⁷.

Действительно, теперь друг с другом столкнулись диаметрально противоположные интерпретации ленинского «плана». Бухарин вернулся на свою позицию 1924 г. и в своей статье, опубликованной «Правдой» от 24 января 1929 г. под названием «Политическое завещание Ленина», ссылаясь на «ленинский кооперативный план» как на план по сохранению смычки между рабочими и крестьянами через «кооперативный обмен товарами»¹⁸, а официальные комментаторы заявляли, что «должна быть объявлена беспощадная борьба с оппортунистическим пониманием кооперативного плана Ленина, согласно которому «соль» плана в кооперировании товарооборота и само собой через товарооборот образуется социализм»¹⁹. Вопрос был окончательно решен, когда И. В. Сталин в своем приветствии конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г. позволил себе заявить, что статья Ленина 1923 г. применима ко «всем

формам кооперативов, как в их низших (снабжение, сбыт), так и в их высших формах (колхозы)», и особенно это относится к «колхозам нашего периода»²⁰. После этого «ленинский кооперативный план» безусловным образом ассоциировался с политикой коллективизации. Вершины лицемерия, по-видимому, достигли, когда содержащееся в последней статье Ленина указание о включении всего населения в кооперативное движение было привлечено в партийном журнале в качестве довода в пользу допущения кулаков в колхозы²¹.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ И ОСВОЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ

В 1926 г., когда был создан механизм регулирования и стимулирования переселения в пределах СССР¹, частой темой для дискуссий и споров стала проблема «перенаселения», или «малоземелья». Это было естественным, поскольку относительное понятие «перенаселенности» не имеет какого-либо измеримого или научного значения и является постижимым только как некоторый элемент в программе перераспределения человеческой энергии и ресурсов²; в условиях СССР оно превратилось в общераспространенный довод хозяйственной политики при обсуждении ее перспектив в период развертывания. На IV Всесоюзном съезде Советов в апреле 1927 г. А. Г. Шлихтер оценивал, что в РСФСР избыточным было 10% сельского населения, в Белоруссии — 16 и на Украине — 18%³. В ретроспективе представляется примечательным, что никто в этот период, когда безработица в промышленности была распространенным явлением, не предполагал развертывание промышленности настолько быстрым и интенсивным, что это приведет к рассасыванию избытка сельского населения⁴.

В конце 20-х годов в качестве возможных рассматривались только два пути решения проблемы сельского перенаселения: внедрение трудоемких сельскохозяйственных культур и предоставление на уже освоенных местах более совершенных сельскохозяйственных орудий или же переселение крестьянина в районы, где имеются целинные земли, представляющие не освоенные до сих пор ресурсы. Первый путь на первый взгляд казался более гуманным и многообещающим. Н. И. Бухарин поддерживал его на Московской областной партконференции в январе 1927 г., говоря, в частности, о развитии производства технических культур⁵. Позже в этом же году А. И. Рыков на XV съезде ВКП(б) осторожно отметил, что, хотя на территории СССР «имеются огромные области, годные для переселения туда избыточного населения», объемы ресурсов, необходимые для осуществления этого дела, делают его практически нецелесообразным в ближайшем будущем, и полагал, что средством устранения аграрного перенаселения и безработицы «должны стать интенсификация земледелия, развитие трудоемких земледельческих культур и развитие промышленности»⁶. Этот путь был также главным методом пре-

одоления так называемого «аграрного перенаселения», рекомендованным в резолюции съезда о работе в деревне, причем «правильная политика переселения» лишь упоминалась в конце абзаца как попутное соображение⁷. Спустя более года на XVI партийной конференции В. Я. Чубарь доказывал, что вместо отправки рабочих на развертывание производства зерна на сибирских целинных землях лучше было бы увеличить его на месте благодаря внедрению тракторов⁸. Однако этот метод также ограничивался недостаточностью ресурсов в отсталом хозяйстве, и механизация сельского хозяйства вместо обеспечения занятости на земле избыточного сельского населения лишь сокращала число крестьян, необходимых для выполнения сельскохозяйственных работ⁹. Между тем численность населения продолжала расти, и прогнозы Струмилина, сделанные еще в то время, когда пятилетний план еще только готовился, что в последующее пятилетие, даже после интенсификации сельского хозяйства и развертывания промышленности, избыток сельского населения «в лучшем случае просто прекратится, не выходя за нынешние рамки», все еще, видимо, оставались в силе¹⁰.

Вообще говоря, в эти годы начала преобладать точка зрения, что главным выходом для рассасывания избыточного сельского населения должно стать переселение на новые территории, которые тем самым поступали в сельскохозяйственный оборот и вносили дополнительный вклад в качестве источника естественного снабжения зерном. Декретом РСФСР от 6 сентября 1926 г. для переселенцев открывалась Карельская АССР; позже упоминались «опыты заселения Мурманской железной дорогой Карело-Мурманского края». Однако от такого предоставления территорий толку было мало¹¹. На XV партийной конференции в октябре 1926 г. Я. Б. Гамарник настойчиво призывал к переселению из переполненных районов Украины и Белоруссии в малолюдные пространства Сибири и Дальнего Востока¹², и почти в то же самое время А. П. Смирнов заявлял, что «разрешение малоземелья будет происходить только за счет переселения»¹³. Проведенное тогда же исследование оценивало избыток сельского населения величиной 10—15 млн. человек, главным образом на Украине, в Белоруссии, в Центрально-Черноземном районе РСФСР и в районе Средней Волги; в более северных регионах РСФСР давление ощущалось менее остро и легче было занять население в несельскохозяйственном производстве. Переселение было возможно лишь в расчете на заполнение «пустующих или слабо заселенных окраин». На переселение решались в основном «беднейшие середняцкие хозяйства с разросшимися семьями», которые «стоят перед дилеммой: либо дробиться на мелкие, карликовые хозяйства, либо выбрасывать в города новые кадры безработных». Переселение в этом случае происходило «в интересах сохранения цельности хозяйства на новых местах»¹⁴. Среди переселенцев в период с 1925 по 1928 г. 10,3% были безземельными, 39 — имели наделы менее

0,55 га (0,5 десятины), 36,5% — 0,55 — 1,09 га (от 0,5 до 1 десятины); доля забираемого с ними скота и инвентаря была незначительной¹⁵. В соответствии с Земельным кодексом 1922 г. (ст. 18 и 34) переселенцы не имели права передавать в аренду оставляемую ими землю и поэтому могли и не получить за нее компенсацию. Согласно введенным в кодекс поправкам от декабря 1925 г. и февраля 1926 г. право на аренду допускалось на срок до двух-трех лет, а в 1928 г. предельный срок был продлен до шести лет¹⁶. Начиная с 1926 г. этим правом пользовались все шире¹⁷. Однако 40% переселенцев бросили свои хозяйства в пользу *мира* для перераспределения, а остальные уступали их оставшимся членам двора или реализовывали их каким-либо иным путем¹⁸. Позже в том же году на XV съезде ВКП(б), на котором А. И. Рыков несколько охладил пыл сторонников крупномасштабного переселения¹⁹, делегат от Дальнего Востока выступил с призывом развернуть энергичную кампанию организованного переселения в Сибирь и районы Дальнего Востока. Комиссия, направленная для изучения складывающейся ситуации, докладывала, что организация этого дела находится в полном расстройстве и отстала от самого движения года на два. Решение, принятое Совнаркомом 4 октября 1927 г., предположительно как результат этого доклада, и ожидавшее утверждения ЦИК, подчинить Наркомзему все занимавшиеся переселением органы и игнорировать региональные исполнительные комитеты в районах приема переселенцев, лишь ухудшило бы состояние дел²⁰.

Однако к этому времени произошло определенное изменение акцента в определении целей переселения. Контрольные цифры Госплана на 1927/28 г. отмечали, внося несколько парадоксальную точку зрения, что «переселение играет значительно большую роль с народнохозяйственной точки зрения для районов вселения, чем выселения, хотя оказывает некоторое влияние на уменьшение аграрного перенаселения»²¹. Несмотря на слабую поддержку, полученную от XV съезда ВКП(б), в 1928 г. проблеме переселения было уделено значительно большее внимание, отчасти по той причине, что кризис хлебозаготовок сделал задачу выявления новых источников снабжения весьма настоятельной, а отчасти благодаря тому, что механизм начал работать более эффективно. Был принят важный закон о переселении от 18 января 1928 г.²², получивший название «постоянное хозяйственное вовлечение незаселенных или слабонаселенных территорий» в качестве первичной задачи миграционной политики; его «главной целью» было заселение Дальневосточного региона, включая Сахалин и Камчатку, Сибирского региона вместе с прилегающими участками Уральского региона и Карело-Мурманского региона; внимание было также уделено районам Средней Азии, по которым должна была пройти проектируемая Туркестано-Сибирская магистраль²³. Выделялись фонды Казахской, Башкирской, Бурят-Монгольской и другим автономным республикам, предназначенные для использо-

вания главным образом для миграции и переселения в пределах этих республик и во вторую очередь для переселенцев из других частей СССР. Власть в центре продолжала осуществляться Всесоюзным переселенческим комитетом (ВПК), подчиненным ЦИК СССР²⁴, который должен был также подготовить план переселения на следующие 10—15 лет. Однако меры, предпринимавшиеся в районах вселения, являлись предметом ответственности органов наркомземов республик (на практике фактически исключительно РСФСР). Что особенно важно, первое время в бюджетах СССР и РСФСР были предусмотрены весьма значительные ассигнования. Итоговая сумма выросла с 1562 тыс. руб. в 1924/25 г. до 6189 тыс. руб. в 1925/26 г.; в 1926/27 г. она подскочила до 22 610 тыс. руб., а в 1927/28 г. — до 26 257 тыс. руб.²⁵ Закон предусматривал кредиты крестьянам-беднякам и середнякам, чтобы дать им возможность выкупить имущество переселенцев, выезжающих из региона²⁶. Впервые в 1926/27 г. была проведена подготовка земель к заселению в ожидании прибытия переселенцев²⁷. По мере того как власти становились все более активными, на проблему переселения начали накладываться другие аспекты общественной политики. Резолюция Всесоюзного съезда колхозов, состоявшегося в мае — июне 1928 г., требовала «преимущественной организации переселенцев на коллективных принципах»²⁸. Шестью месяцами позже крестьянская газета предложила, чтобы индивидуальное переселение, которое стоило миллионы рублей и давало неутешительные результаты, было ликвидировано в пользу заселения совхозов, и призвала переселенцев самоорганизовываться в колхозы²⁹.

Статистика переселения в эти годы, скорее всего, не очень точна, поскольку она охватывает движение, в значительной степени контролю не поддававшееся; тем не менее она вполне достаточна, чтобы дать общую картину. Число переселенцев постепенно возрастало со 120 008 чел. в 1925/26 г. до 195 692 чел. в 1927/28 г. и подскочило до 320 987 чел. в 1928/29 г.³⁰ В эти итоговые цифры, очевидно, были включены «внеплановые» переселенцы, и вполне разумно предположить, что резкий скачок числа переселенцев в 1929 г. был обусловлен в основном отнюдь не лучшей организацией и большими кредитами, а неурожаями или раздорами в деревнях в связи с хлебозаготовками. Доля внеплановых переселенцев из РСФСР сократилась с 70% в 1925 г. до 33% в 1928 г. и вновь выросла до 54% в 1929 г.³ В основном наиболее важным районом вселения на протяжении этого периода была Сибирь, на которую в 1929 г. пришлось 63% переселенцев. Затем шел Дальневосточный регион, принявший почти 30% в 1927 и 1928 гг., но снизивший свою долю до менее 12% в 1929 г., и лишь за ними следовали Урал (рассматривавшийся в этом смысле как придаток к Сибирскому региону), Казахстан и Волжский регион³². Соотношение между «ремигрантами», возвращающимися из районов вселения, и переселенцами, следующими в эти

районы, хотя и гораздо более низкое, чем в прежние годы, все же достигало 22,1% в 1926 г., 26,4 — в 1927 и 1928 гг. и 19% в 1929 г.³³

Последний детальный официальный план переселения, появившийся до того, как весь этот вопрос был трансформирован массовой коллективизацией, был объявлен в законе от 13 февраля 1929 г. Расселение уже предусмотренных 210 тыс. переселенцев было почти завершено, и на 1929/30 г. намечались приготовления к расселению еще 119,8 тыс. человек. Из них 61,5 тыс. чел. должны были отправиться на Дальний Восток, 45 тыс. чел. — в Сибирь и 10 тыс. — в Казахстан; переселение в другие регионы предполагалось ликвидировать или сократить до незначительных масштабов. Среди переселенцев 45% должны были приехать из РСФСР, 40 — с Украины, 15% — из Белоруссии³⁴. Приблизительно в то же время доклад Рабкрин давал обзор всей политики по закону от 6 марта 1929 года. Среди отраженных аспектов следует отметить желательность заселения «пустующих земель вдоль линий железных дорог» (еще одна ссылка на Турксиб) и необходимость осуществлять расселение таким образом, чтобы «обеспечить возможность максимального развертывания механизации и коллективизации сельского хозяйства»; другая статья закона предписывала ВПК координировать свои планы переселения с планами расширения коллективного возделывания земель³⁵. Утвержденный весной 1929 г. первый пятилетний план предусматривал, что 25% переселения должно происходить в коллективной форме и что в течение пятилетки необходимо расселить 1720 тыс. переселенцев (и предусматривалось еще 400 тыс. чел.). Весьма существенно, что было обращено также внимание на необходимость расселения в Дальневосточном регионе не только сельскохозяйственных рабочих, но и ремесленников, мастеровых и лиц, занимающихся горным делом, охотой и рыболовством. Развитие новых регионов было теперь ведущим фактором в миграционной политике³⁶.

С некоторыми перерывами в этот период продолжалось расселение рабочих еврейской национальности³⁷. Регионами СССР, в которых перенаселенность евреями была наиболее острой (хотя это было городской перенаселенностью, а не сельской), являлись Белорусская ССР и западные районы РСФСР. В Белоруссии был основан ряд еврейских колхозов³⁸; в западных районах РСФСР, согласно отчету партийных органов, было сформировано 45 еврейских колхозов, насчитывавших суммарно около 3 тыс. членов, в то время как 2180 евреев из того же региона было расселено в других местах Советского Союза³⁹. Юг Украины и Крым продолжали оставаться зоной предпочтения при расселении евреев. В декабре 1926 г. с этой целью законом РСФСР был выделен район «Приазовских плавней», но слишком высокие затраты на освоение земель, оценивавшиеся на уровне 11 млн. руб., вынудили отказаться от этого проекта⁴⁰. В январе 1928 г. по соглашению

между Зернотрестом и Еврейско-Американским Агросоюзом, который предоставлял иностранную валюту для закупки оборудования, еврейскими поселенцами был организован в Крыму совхоз на площади 50 тыс. га⁴¹. Большинство еврейских поселенцев в Крыму приехало туда из Белоруссии; из них мало кто занимался прежде сельским хозяйством, 50% были торговцами, 20 — ремесленниками или мастерами, 10 — рабочими и 5% — лицами умственного труда⁴². Несмотря на этот недостаток, эффективность и инициатива еврейских поселенцев резко отличалась в лучшую сторону от беспомощности других переселенцев, и отмечалось их стремление «всерьез заниматься сельским хозяйством»⁴³. Число евреев, работавших на земле в различных частях Советского Союза, выросло с 35 тыс. чел. в 1920 г. и 92 тыс. чел. в 1924 г. до 200 тыс. чел. в начале 1929 г.; готовились планы расселить еще 10 тыс. еврейских семей на земле в Белоруссии и на Украине. Отмечалось, что в 1926/27 г. еврейские поселенцы заняли 51 тыс. десятин земли в Украинской ССР, 32 тыс. — в Крыму и несколько меньшие площади в Белорусской ССР и на Северном Кавказе⁴⁴. К 1929 г. для еврейских поселений было выделено полмиллиона гектаров земли в различных европейских районах СССР⁴⁵. Эти меры иногда встречали противодействие со стороны местного населения. В докладе президиума ЦИК Белорусской ССР в декабре 1926 г. заявлялось, что «крестьянство убедилось в целесообразности этих мероприятий и изжило первоначальную недоверчивость к этому делу»⁴⁶. Однако белорусский делегат на Конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г. бездоказательно заявлял, что те, кто занимает земли, выделенные для еврейских поселений в Белоруссии, являются главным образом «не бедняками, а зажиточной частью еврейского населения... торговцами, членами раввина и лицами других свободных профессий, включая даже лиц, «работающих» на черном рынке»⁴⁷.

Между тем была предпринята инициатива, которая смутно намечалась еще в 1925 г.⁴⁸, — попытка создать специальный еврейский округ или район, хотя выбор столь отдаленной и мало-пригодной для эксперимента территории мог лишь свидетельствовать о широком расхождении мнений и неохотном одобрении проекта. Тем не менее 21 марта 1928 г. был принят закон СССР, пересматривавший и дополнявший закон 1925 г. о полномочиях «Комитета по земельному устройству трудящихся евреев» (Комзет)⁴⁹; неделей спустя законом РСФСР в ведение Комзета передавался участок территории площадью в 3,5 млн. га в Восточной Сибири на реке Амур, получивший название Биробиджан, для занятия его еврейскими поселенцами⁵⁰. Это предложение, сочетавшее стремление найти удобное решение еврейского национального вопроса с желанием разместить новых поселенцев на Дальнем Востоке, по-видимому, не вызвало энтузиазма у кого бы то ни было. Комзет подготовил план размещения 10 тыс. семей в этом районе в течение пяти лет, но оценил затраты на это меро-

приятие 25 млн. руб. — суммой, которая делала проект совершенно нереальным. Ю. Ларин описывал этот район как неподходящий «для такого людского материала, как *впервые вообще переходящие к земледелию горожане*», и сравнил план с пресловутым проектом поселения евреев в Уганде⁵¹. Летом 1928 г. удалось завербовать 416 еврейских семей на переезд в Биробиджан — все они были рабочими или ремесленниками; и несмотря на широко разрекламированную кампанию и многочисленные заведомо завышенные оценки, число поселенцев, по-видимому, никогда не превышало несколько тысяч человек⁵².

ПРОМЫШЛЕННАЯ СТАТИСТИКА

Проблема сбора и классификации статистических данных от десятков тысяч промышленных заведений, разбросанных по огромной территории СССР, упрощалась благодаря механизму, использовавшемуся уже задолго до 1917 г. и основанному на делении промышленности со статистическими целями на две основные категории — «цензовую», или крупную, промышленность и «нецензовую», или мелкую, промышленность. Цензовая промышленность включала промышленные заведения, для которых квалификационным показателем («цензом») было наличие 16 и более нанимаемых рабочих в случае заведений, применяющих механический привод, и 30 и более рабочих, если этот привод не использовался; вся промышленность, которая не попадала под эту квалификационную схему, классифицировалась как «мелкая». Для статистики по конкретным отраслям было введено множество исключений из общего правила¹. В 1926/27 г. тем или иным образом квалифицировалось свыше 13 тыс. промышленных заведений, из коих 9 тыс. приходилось на государственный сектор². Дальнейшая разбивка осуществлялась в планово-статистических целях путем классификации промышленности, непосредственно подчиненной ВСНХ СССР и республик, и некоторых из наиболее важных заведений, подчиненных местным Советам, в качестве «планируемой» или «планируемой ВСНХ» промышленности; эта категория охватывала отрасли, выпускавшие 75% продукции цензовой промышленности в 1925/26 г. и 80% — в 1928/29 г.³ Эти различия не всегда строго соблюдались в советских публикациях, особенно там, где использовался материал, полученный из вторичных источников⁴.

Со статистическими целями советская промышленность была поделена на ряд промышленных групп, таких, как «химическая промышленность» и «пищевкусовая промышленность», которые в свою очередь делились на отрасли; так, химическая промышленность включала такие отрасли, как «основная химия», «химико-фармацевтическая» и «мыловаренная, жировая и парфюмерная»⁵. Каждое промышленное заведение относилось со статистическими целями к отрасли промышленности в зависимости от продукции, которая доминировала в его производстве, и вся его деятельность

рассматривалась в статистике этой отрасли. В свою очередь статистика для групп и отраслей промышленности комбинировалась в две основные группы: группу «А» — производство средств производства (товаров производственного назначения) и группу «Б» — производство потребительских товаров⁶. Группа «А» включала добычу или производство угля, нефти, руд, силикатных материалов (исключая фарфор и фаянс), металлов, электротехнических изделий, химикатов «А» (основные химикаты, продукты из костей, пигменты и красители, древесные химикаты и «прочее»), лесо- и пиломатериалов и «прочие» отрасли; группа «Б» включала производство текстиля, одежды, предметов туалета, кожаных изделий, фарфора, фаянса и керамики, химикатов «Б» (резина, спички, жиры и парфюмерия и химико-фармацевтические продукты), продовольствия, полиграфическую и целлюлозно-бумажную промышленность⁷. В большинстве статистических рядов все промышленные заведения в конкретной отрасли относились к одной и той же группе и все производство каждого заведения регистрировалось в этой отрасли. В результате опубликованная статистика включает потребительские товары, произведенные отраслями группы «А» и относимые в группу «А», и средства производства, произведенные отраслями группы «Б» и относимые в группу «Б»⁸.

Хотя трест оставался юридическим лицом, за подготовку первичной статистической информации и передачу ее властям отвечало индивидуальное предприятие цензовой промышленности; в 1927 г. журнал «красных директоров» сообщал, что большинство предприятий имеет свою собственную систему статистической регистрации выпуска продукции и затрат⁹. В этой процедуре тресты и главки были обойдены и просто получали копии соответствующих заполненных форм отчетности¹⁰; первичная информация направлялась предприятиями центральному отделу статистики (ЦОС) ВСНХ и через губернские статистические управления в ЦСУ. Карточки и формы ежемесячной отчетности, представляемые предприятиями, были конечным источником основной статистической информации о промышленности¹¹. Госплан не располагал независимыми каналами сбора промышленной статистики, но использовал и перерабатывал информацию, собиравшуюся ВСНХ и ЦСУ¹². Наркомфин сам собирал основной объем необходимых ему данных о финансах промышленности, но в иных отношениях зависел от информации, собранной другими правительственными ведомствами. Статистика мелкой промышленности была гораздо менее доступной и намного менее надежной. ЦСУ провело две переписи мелкой промышленности, которые относились к рассматриваемому периоду: в 1926/27 г. с использованием 8—9%-ной выборки и в 1928/29 г. — 25—50%-ной выборки¹³. В отношении других лет Госплан и прочие организации основывались на своих собственных оценках¹⁴; результирующие расхождения проиллюстрированы в представленной ниже таблице 12, с. 358.

Наиболее проработанными и, вероятно, наиболее достоверными в то время статистическими рядами были ряды для промышленного производства, которые собирались как в натуральном исчислении (для 70 видов продукции), так и в денежном выражении. Статистика производства в денежном выражении разделяется на валовой оборот, который представляет собой стоимость всех товаров, полуфабрикатов, материалов и ремонтных работ, включая товары, не завершённые обработкой в рассматриваемый период, валовую продукцию, которая является валовым оборотом минус полуфабрикаты, произведенные и потребленные отчитывающимся заведением, и товарную продукцию — товары и полуфабрикаты, готовые к продаже (т. е. исключается незавершённое производство)¹⁵. Вся эта статистика в стоимостном выражении содержит определенную долю двойного счета. Большинство рядов дает общую сумму производства всех рассматриваемых предприятий, так что материалы и полуфабрикаты, передаваемые между предприятиями, учитывались как часть продукции и произведённого их предприятия и предприятия, их использовавшего¹⁶. Однако с целью расчета национального дохода ЦСУ производило оценку чистой продукции, для получения которой стоимость всего сырья и средств производства, использованных отраслью в течение рассматриваемого периода, и амортизационные отчисления вычитались из цифр валового производства¹⁷. При проведении сопоставлений во времени производства, измеренного в стоимостном исчислении, возникал весьма сложный вопрос пересчета статистики в текущих ценах разных периодов в цены стандартного года. Вначале всегда использовались предвоенные цены (1913 г.); и в этом случае предприятия, дававшие ежемесячную отчетность в виде карточек, должны были указывать объем производства в довоенных, а также в текущих ценах¹⁸. Начиная с лета 1927 г. представление планов, рассчитанных как в текущих ценах, так и в ценах 1926/27 г., стало стандартным требованием, а с 1928 г. статистические отчеты также представлялись в ценах 1926/27 г., а также в текущих ценах¹⁹. Однако опубликованные ряды по промышленному производству в ценах 1926/27 г. за этот период обычно получали использованием индексов цен при пересчете объемов производства в текущих ценах, которые предприятия приводили в своих карточках месячной отчетности²⁰.

По мере развития промышленного планирования все чаще раздавались жалобы на сложность и ненадежность системы статистической отчетности, а предприятия жаловались на перегруженность формами отчетности и запросами на представление информации²¹. Тем не менее при всех своих недостатках система промышленной статистики, уже высоко развитая к середине 20-х годов, несомненно облегчила ускоренное внедрение централизованного планирования и управления народным хозяйством.

ПРОФСОЮЗЫ И ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Любопытная аномалия возникла в отношениях профсоюзов к рабочим частных и концессионных предприятий, численность которых в 1926 г. оценивалась 150—180 тыс. чел.; две трети из них было занято на мелких предприятиях, нанимавших от одного до трех рабочих, главным образом в пищевой промышленности, а большинство из остающейся трети работало на лесозаготовительных концессиях¹. Проблема заключалась в том, как «сочетать экономическое преимущество использования частного капитала с проведением профсоюзной работы в духе классовой борьбы против капитала». В 1926 г. 88% рабочих частных предприятий были членами профсоюзов, что составляло 4,2% общего членства. Вообще говоря, отмечалось, что частные предприятия отказались от своей прежней позиции открытой враждебности и отчужденности и стремились ассимилироваться с советским и профсоюзным образом действия. В иностранных концессиях даже директора, управляющие и административный персонал вступали в профсоюз (как это делалось на национализированном предприятии), теперь это было запрещено. На частные предприятия и концессии были разосланы профсоюзные циркуляры, призывавшие производственные конференции способствовать рационализации и снижать издержки. Сообщалось о «попытках части профсоюзов участвовать в организации хозяйства частных предприятий и даже фактически участвовать в управлении этими предприятиями»². ЦК ВКП(б) в резолюции от 23 августа 1926 г. о рабочих на частных и концессионных предприятиях давал таинственную инструкцию «бороться против нарушений партийной и профсоюзной дисциплины членами партийных ячеек и против пренебрежения классовой солидарностью во взаимоотношениях с нанимателями»³; а спустя три месяца «директивное письмо» ВЦСПС таким работникам требовало согласовывать «практическую полезность деятельности этих предприятий в интересах рабочего класса» с необходимостью не допускать контроля над рабочим со стороны капиталиста и превращения его в инструмент извлечения капиталистической прибыли⁴. Однако до тех пор, пока существовали эти предприятия, дилемма оставалась. Двумя годами позже члены административно-технического аппарата концессий и родственники вла-

дельцев частных предприятий, оформленные как работники этих предприятий, все еще были членами профсоюзов⁵. Столкнувшись с необходимостью во что бы то ни стало увеличить объемы производства, профсоюзы мало что делали, чтобы помешать этим не столь уж важным проявлениям сотрудничества между трудом и частным капиталом. И даже весной 1929 г. ЦК ВКП(б) заявлял, что «коммунисты не могут занимать административных должностей в концессионных и частных предприятиях и учреждениях», но допускал исключения «в отдельных случаях с особого разрешения партийного комитета (не ниже окружного)»⁶.

ТАБЛИЦЫ

А. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Таблица 1

Посевные площади (в тыс. га)

	1913 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Зерновые*	94 400	87 300	93 700	94 700	92 200	96 000
Хлопчатник	688	591	654	802	971	1 056
Лен	1 398	1 576	1 566	1 581	1 736	2 054
Сахарная свекла (для переработки)	649	534	538	665	770	771
Картофель	3 064	5 023	5 205	5 462	5 678	5 692
Прочие культуры**	4 801	9 276	8 637	9 190	11 645	12 427
Итого*	105 000	104 300	110 300	112 400	113 000	118 000

* Округлено до ближайших 100 тыс. в исходной таблице.

** Остальное: включен подсолнечник, конопля и табак.

Источники: «Социалистическое строительство СССР»,
М. 1935, стр. 322—323.

Таблица 2

Сельскохозяйственное производство

	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Зерно (млн. т) ^а	72,5	76,8	72,3	73,3	71,1
Все продукты (млн. руб. по ценам 1926/27 г.) ^б	15 342	16 485	16 273	16 568	17 019*
В т. ч. зерно ^б	3 608	3 881	3 592	3 551	3 650*
Все продукты (млн. руб. в текущих ценах) ^б	15 939	16 485	17 530	21 183	20 393*
В т. ч. зерно ^б	4 743	3 881	3 913	5 392	5 236*

* Запланировано.

Источники: а) «Социалистическое строительство СССР»,
М. 1935, стр. 361.

б) «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», М. 1930, стр. 532—537.

Таблица 3

Поголовье скота (в тыс. голов)

	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Лошади	26 147	28 428	31 193	33 205	33 969
Крупный рогатый скот	59 838	63 274	67 320	69 762	68 069
Овцы и козы	115 300	123 531	137 386	145 086	147 158
Свиньи	21 060	21 027	22 552	25 619	20 890

Источник: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», М. 1930, стр. 530—531.

Таблица 4

Производство сельскохозяйственной продукции*
для удовлетворения рыночных нужд

	1925—1926 г.	1926—1927 г.	1927—1928 г.	1928—1929 г. (предварит.)
Зерно (млн. т)	9,4	9,8	8,3	8,3
Все продукты (млн. руб. по ценам 1926/27 г.)	2523	2610	2794	3062
В т. ч. зерно	491	542	452	449
Все продукты (млн. руб. в текущих ценах)	2671	2609	2948	3168**
В т. ч. зерно	626	538	493	529**

* Относительно определения понятия «рыночная сельскохозяйственная продукция» см. Приложение А; эти цифры относятся только к продажам на «внедеревенском» рынке.

** Запланировано.

Источник: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», М. 1930, стр. 538—541; цифры в текущих ценах взяты из «Контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», М. 1929, стр. 479.

Таблица 5

**Производство рыночной сельскохозяйственной продукции
в зависимости от вида заготовок***
(в процентах к итогу)

		Заплани- ровано**	Внепла- новые***	Частные заготовки	Итого
Вся сельскохозяйственная продукция	{ 1926—1927 г. 1927—1928 г.	56,4 65,1	9,5 8,7	31,1 26,2	100,0 100,0
Зерно	{ 1926—1927 г. 1927—1928 г.	79,3 84,3	8,8 9,2	11,0 6,5	100,0 100,0
Продукция животноводства	{ 1926—1927 г. 1927—1928 г.	44,2 56,4		55,8 43,6	100,0 100,0

* Только продажи на «внедеревенском» рынке (см. Приложение А).

** Централизованные государственные и кооперативные заготовки.

*** Местные заготовки.

Источники: «На аграрном фронте», № 5, 1929, стр. 12.

Таблица 6

**Производство зерна для удовлетворения рыночных нужд
в зависимости от категории производителя**

(а) Количество, поставляемое каждой категорией
(в млн. т с указанием процентов в скобках)

	Общее рыночное производство	Совхозы	Колхозы	Крестьянские хозяйства
1927 г.	8,7	0,50 (5,7)	0,17 (1,9)	8,1 (92,4)
1928 г.	7,6	0,57 (7,5)	0,28 (3,8)	6,6 (88,7)
1929 г.	10,7	0,60 (5,5)	0,91 (8,5)	9,2 (86,0)

(б) Рыночное производство в процентах
от общего производства по каждой категории

	Все произ- водители	Совхозы	Колхозы	Крестьянские хозяйства
1927 г.	17,7	63,6	35,4	16,8
1928 г.	16,1	68,2	39,9	14,7
1929 г.	21,7	62,4	42,8*	19,9

* М. И. Калинин весной 1929 г. привел показатель доли рыночного производства, равный 48% для коммун, 36% для артелей и 30% для ТОЗов («СССР: 5 Съезд Советов», М. 1929, № 15, стр. 29).

Источник: «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР», 2-е изд., М. 1931, стр. 14.

Таблица 7

**Месячные зернозаготовки государственными
и кооперативными агентствами**

(в тыс. т)

(а) Всего

	1925—1926	1926—1927	1927—1928	1928—1929
Июль	194	226	288	97
Август	945	767	998	557
Сентябрь	1212	1424	1382	1415
Октябрь	848	1540	1074	1714
Ноябрь	682	1560	696	974
Декабрь	797	1505	696	973
Январь	737	952	1284	616
Февраль	908	876	1881	498
Март	771	694	1165	476
Апрель	609	438	246	324
Май	420	307	301	172
Июнь	292	301	371	486
Всего за сельскохозяйственный год	8415	10 590	10 382	8302

(б) Пшеница и рожь

	1925—1926	1926—1927	1927—1928	1928—1929
Июль	166	194	263	56
Август	659	665	936	405
Сентябрь	794	1152	1154	1024
Октябрь	617	1228	816	1157
Ноябрь	467	1179	496	604
Декабрь	483	1097	510	607
Январь	445	695	986	362
Февраль	527	642	1462	303
Март	490	520	887	251
Апрель	418	332	180	161
Май	284	255	230	85
Июнь	228	256	287	285
Всего за сельскохозяйственный год	5578	8215	8207	5300

Источник: «Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24 — 1928/29 гг.», под ред. А. Мендельсона, М. 1930, стр. 51, 56.

Таблица 8

Запасы пшеницы и ржи (в тыс. т)

	В деревне		В городах	
	Запасы на начало года (1 октября)	Нетто-прирост (+) или снижение в течение года	Запасы на начало года (1 октября)	Нетто-прирост (+) или снижение в течение года
1925—1926 г.	2416	+1919	905	+129
1926—1927 г.	4335	+2409	1034	+220
1927—1928 г.	6744	—678	1254	—87
1928—1929 г.	6066	—230*	1167	—

* Оценка.

Источник: «Статистический справочник за 1928 г.», М. 1929, стр. 236—237.

Таблица 9

Колхозы

(а) Число колхозов и членство в них

	Число колхозов*	Число дворов (тыс. ед.)	Членство (тыс. чел.)
на 1 окт. 1926 г.	17 874	217,2	868,8
на 1 окт. 1927 г.	18 840	286,1	1185,9
на 1 окт. 1928 г.	38 139	595,5	2534,7
на 1 окт. 1929 г.	60 282	1094,3	4814,8

(б) Посевные площади и рыночное производство колхозов

	Посевные площади коллективизированных хозяйств (тыс. га)	Процент от суммарных посевных площадей в СССР	Рыночное производство сельхозпродукции (млн. руб.)**	Процент от общего рыночного производства сельхозпродукции в СССР
1926—1927 г.	994,3	0,9	90,0	1,0
1927—1928 г.	1830,6	1,6	119,5	1,8
1928—1929 г.	4857,4	4,0	423,5	5,7

* Цифры для числа колхозов и объема производимой ими продукции в разных источниках существенно расходятся. Согласно советской критической литературе, по состоянию на 1 октября 1926 г. существовало четыре цифры для численности колхозов — 15 207 (НКЗ), 9385 (НКФ), 10 063 (ЦСУ) и 11 851 (Колхозцентр). Еще одна цифра — 12 147 — появилась в отчете XV съезду ВКП (б); полагают, что она получилась усреднением других цифр («Вопросы истории», № 1, 1965, стр. 14).

** Таблица в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», М. 1929, стр. 241, приводит существенно меньшие цифры для рыночного производства в 1926/27 и 1927/28 гг.

Таблица 9 (продолжение)

(в) Типы колхозов

	на 1 окт. 1927 г.		на 1 окт. 1928 г.		на 1 окт. 1929 г.	
	Число	% от итога	Число	% от итога	Число	% от итога
Коммуны	1 377	7,3	1 920	5,0	3 328	5,5
Артели	8 675	46,1	12 928	34,0	25 127	41,7
ТОЗы	8 788	46,6	23 391	61,0	31 827	52,8
Итого	18 840	100,0	38 139	100,0	60 282	100,0

Источники: «Колхозы СССР: статистический справочник»,
М. 1929, стр. 9, 13, 15.

Таблица 10

Тракторы

(а) Общее число

(по состоянию на 1 октября каждого года)

1926 г.	19 541	1928 г.	26 733
1927 г.	24 504	1929 г.	34 943

(б) Число поставленных тракторов

	Всего	Советского производства	Импортные	Процент тракторов советского производства от итога
1925—1926 г.	13 000	732	12 368	5,6
1926—1927 г.	5 680	660	5 020	1,6
1927—1928 г.	3 334	850	2 484	25,5
1928—1929 г.	9 466	2800	6 666	29,6

Источники: «Социалистическое строительство СССР»,
М. 1934, стр. 166.

Площади, возделываемые на условиях контрактации
(тыс. га)

	1927—1928 г.	1928—1929 г. (план)	1928—1929 г. (факт)
Под зерновыми	6060	10 000	19 131
Под техническими культурами	3190	5 104	4 609
в том числе:			
под масличными	1041	1 650	1 145*
под хлопчатником и льном	1204	1 838	1 794
под сахарной свеклой	594	659	630
под табаком (включая махорку)	45	68	69

* Эта цифра, скорее всего, относится к одному лишь подсолнечнику и поэтому может быть несопоставима с показателями для 1927/28 г. и 1928/29 г. (план).

Источники: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1928 год», М. 1929, стр. 246—247; «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», М. 1930, стр. 543. В отношении таблицы, приводящей процент площадей под культурами, возделываемыми на условиях контрактации, составлявший в 1927/28 г. от 13% для зерновых и до 80% для табака и 100% для хлопчатника, и демонстрирующей почти пятикратное увеличение общих площадей на условиях контрактации в 1929 г., см. «На аграрном фронте», № 5, 1929, стр. 15, 19.

Б. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Таблица 12

Валовое промышленное производство

(в млн. руб.)

(а) в текущих ценах

	Промышленность, планируемая ВСНХ	Вся цензовая промышленность	Мелкая промышленность	Промышленность в целом
1925—1926 г.	7 517	9 965	4185	14 141
1926—1927 г.	8 763	11 439	4603	16 042
1927—1928 г.	10 632	13 566	4748	18 314
1928—1929 г.*	13 120	16 416	4985	22 292

Источник: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», М. 1930, стр. 422—423.

(б) в ценах 1913 года

	Вся цензовая промышленность	Мелкая промышленность	Промышленность в целом
1913 г.	6390	2040	8 430
1925—1926 г.	5720	1860	7 580
1926—1927 г.	6720	2040	8 760
1927—1928 г.	8140	1940	10 080
1928—1929 г.*	9890	—	—

* Цифры за 1928/29 г. условные; они представляют собой прогнозируемую цифру при переносе контрольных цифр на 1929/30 г. на конец 1928/29 хоз. года.

Источник: «Экономическое обозрение», № 9, 1929, стр. 114 (расчеты Гухмана); показатель за 1928/29 г. оценен по альтернативным расчетам для цензовой промышленности в ценах 1913 года в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1929/30 год», М. 1930, стр. 438—439. По расчетам западных экономистов, объем производства гражданской промышленности был в 1928/29 г. на 17% выше, чем в 1913 г. (G. W. Nutter, Growth of Industrial Production in the Soviet Union. Princeton, 1962, p. 525).

Валовое производство отраслей промышленности групп А и Б
(млн. руб. в ценах 1926/27 г.)

	1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 г.*	
	Всего		Всего	прирост (%) относительно предыдущего года	Всего	прирост (%) относительно предыдущего года	Всего	прирост (%) относительно предыдущего года
1. Промышленность, планиру-								
емая ВСНХ								
Группа А	2 966		3 762	26,8	4 663	23,9	6 053	29,8
Группа Б	4 347		5 000	14,9	6 404	28,1	7 641	19,3
Всего	7 313		8 763	16,6	11 067	26,3	13 693	23,7
2. Вся промышленность								
Группа А	3 493		4 332	24,0	5 197	20,6	6 390	23,0
Группа Б	10 196		11 710	14,8	13 896	18,7	15 902	14,4
Всего	13 689		16 042	17,2	19 093	19,0	22 292	16,8

* Условные цифры (см. примечание к табл. 12).

Источники: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», М. 1930, стр. 422—423, 503.

Квартальный индекс валового производства ценовой промышленности
(тот же период предыдущего года принят за 100, в текущих ценах)

	Отрасли группы А				Отрасли группы Б				Вся ценовая промышленность			
	1925— 1926 г. 1927 г.	1926— 1927 г. 1928 г.	1927— 1928 г. 1929 г.	1928— 1929 г. 1930 г.	1925— 1926 г. 1927 г.	1926— 1927 г. 1928 г.	1927— 1928 г. 1929 г.	1928— 1929 г. 1930 г.	1925— 1926 г. 1927 г.	1926— 1927 г. 1928 г.	1927— 1928 г. 1929 г.	1928— 1929 г. 1930 г.
Первый квартал (октябрь—декабрь)	155,0	131,4	111,0	120,3	164,9	115,8	111,2	116,7	160,3	121,0	111,1	118,0
Второй квартал (январь—март)	148,0	123,4	122,3	115,3	152,1	104,2	128,1	113,8	150,5	111,2	125,7	114,4
Третий квартал (апрель—июнь)	149,0	114,0	119,9	—	136,7	109,8	124,5	—	141,4	111,5	121,6	—
Четвертый квартал (июль—сентябрь)	146,3	109,5	119,8	—	131,9	113,2	119,0	—	137,9	111,6	119,3	—
За весь год (октябрь—сентябрь)	149,4	119,1	118,2	—	146,4	110,9	119,7	—	147,5	114,0	119,0	—

Источники: «Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24—1928/29 гг.», под ред. А. Мендельсона, М. 1930, стр. 36.

Валовое производство ценовой промышленности по секторам
(млн. руб. в текущих ценах)

	1925—1926 г.		1926—1927 г.		1927—1928 г.		1928—1929 г.*	
	Объем	%	Объем	%	Объем	%	Объем	%
Государственная промышленность	8918	89,1	10 447	91,3	12 374	90,8	[14 791]	90,1
Кооперативная промышленность	639	6,4	734	6,4	1 053	7,8	[1 477]	9,0
Частная промышленность	363	3,0	204	1,8	111	0,8	[49]	0,3
Концессионная промышленность	35	0,4	54	0,5	79	0,6	[98]	0,6
Ценовая промышленность, всего	9956	100,0	11 439	100,0	13 618	100,0	16 416	100,0

* Условные цифры; абсолютные цифры для каждого сектора являются приблизительными, рассчитанными по абсолютной итоговой цифре и процентной разбивке, приведенной в исходных источниках.

Источники: «Промышленность СССР в 1927/28 году», М. 1930, стр. 64; Г. Кржижановский и др., «Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1929/30 год», М. 1930, Приложение, табл. 4.

**Производство важнейших видов продукции
промышленности в натуральном исчислении**

	1913 г.	1925— 1926 г.	1926— 1927 г.	1927— 1928 г.	1928— 1929 г.*
Уголь (млн. т)	28,9	25,4	32,1	35,4	40,6
Нефть (млн. т)	9,3	8,5	10,3	11,8	13,7
Электроэнергия (млрд. кВт·ч)	1,9	3,2	3,9	5,2	6,5
Чугун (млн. т)	4,2	2,2	3,0	3,3	4,0
Выплавка стали (млн. т)	4,3	2,0	3,0	4,2	4,7
Стальной прокат (млн. т)	3,5	2,2	2,8	3,3	3,8
Сельскохозяйственные орудия (млн. руб. по довоенным справочным ценам)	67	70	97	129	185
Металлорежущие станки (тыс. шт.)	1,5	1,1	1,9	1,9	3,8
Электрические лампочки (млн. шт.)	2,9	13,5	13,3	13,7	19,1
Цемент (млн. бочек)	12,3	8,5	9,7	11,9	14,4
Суперфосфат (тыс. т)	55	80	90	150	213
Хлопчатобумажная пряжа (тыс. т)	271	240	277	322	353
Сахар (тыс. т)	1290**	1063	870	1340	1280

* Условные показатели, за исключением цифр для металлорежущих станков и электрических лампочек.

** 1914 г.

Источники: Все цифры взяты из «Контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1929/30 год», М. 1930, стр. 437—438, за исключением цифр по производству металлорежущих станков и электрических лампочек, которые взяты из публикаций «Двадцать лет Советской власти», М. 1937, стр. 26; «Промышленность СССР в 1926/27 году», М. 1928, стр. 208, 258; «Промышленность СССР в 1927/28 году», М. 1930, стр. 261, 309; и «Социалистическое строительство СССР», М. 1936, стр. 37.

Капитальные вложения в цензовой промышленности по секторам*
(млн. руб. в текущих ценах)

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.**
Промышленность, планируемая ВСНХ	811	1098	1325	1679
Прочая государственная промышленность	105	144	259	329
Итого государственная промышленность	916	1242	1584	2008
Кооперативная промышленность	26	28	31	38
Частная промышленность	61	63	64	56
Цензовая промышленность, всего	1003	1333	1679	2102

* Эти и другие цифры объемов капитальных вложений относятся к валовым капиталовложениям без вычета вложений в капремонт.

** Условные цифры.

Источник: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», М. 1930, стр. 454; между цифрами для планируемой ВСНХ промышленности здесь и в табл. 18 наблюдаются небольшие расхождения.

Таблица 18

Капитальные вложения в планируемой ВСНХ промышленности*
(в млн. руб. по текущим ценам)

	1925— 1926 г.	1926— 1927 г.	1927— 1928 г.	1928— 1929 г.**
1. Угольная промышленность	77 ^а	139 ^б	135 ^в	161 ^в
2. Нефтяная промышленность	150 ^а	180 ^б	213 ^в	218 ^в
3. (а) Черная металлургия	71 ^а	111 ^а	198 ^в	235 ^в
(б) Общее машиностроение (всесоюзные тресты)	26 ^а	49 ^а	48 ^а	69 ^г
(в) Прочая металлообработка и металлопромышленность	93	122	122	146
Металлопромышленность всего	190 ^д	282 ^б	367 ^в	450 ^в
4. Электротехническая промыш- ленность	12 ^а	20 ^а	20 ^в	28 ^а
5. Химическая промышленность, группа А	39 ^е	45 ^е	58 ^в	139 ^в
6. Химическая промышленность, группа Б	10 ^е	16 ^е	17 ^в	22 ^в
7. Текстильная и швейная про- мышленность	147 ^д	174 ^б	191 ^в	201 ^в
8. Пищевая промышленность	68 ^д	65 ^б	88 ^в	95 ^в
9. Промышленность стройматери- алов***	33 ^д	43 ^б	68 ^в	104 ^в
10. Лесная промышленность	17 ^д	30 ^б	46 ^в	75 ^в
11. Прочие отрасли промышленнос- ти****	68	74	100	166
Итого:	811 ^д	1068 ^б	1304 ^в	1659 ^в

* Поскольку нет методологически единых рядов, охватывающих эти годы, приведенная таблица составлена по нескольким разным источникам.

** Условные цифры.

*** В 1925/26 и 1926/27 гг. эта позиция именовалась как промышленность силикатов.

**** По остаточному принципу.

Источники: а) «Первые шаги индустриализации СССР 1926—1927 гг.», М. 1959, стр. 121, 145, 153; эти цифры взяты из отчета ВСНХ СССР Совету Труда и Обороны, датированного 2 августа 1928 г.

б) «Промышленность СССР в 1926/27 году», М. 1928, стр. 90.

в) «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», М. 1929, т. 2, ч. 1, стр. 264.

г) «Металл», № 11, 1929, стр. 95—109.

д) «Экономическое обозрение», № 10, 1927, стр. 125.

е) «Промышленность СССР в 1927/28 году», М. 1930, стр. 39.

Таблица 19

Основные фонды цензовой промышленности

(млн. руб. в ценах 1926/27 г.)

	По состоянию на 1 октября 1925 г.	По состоянию на 1 октября 1929 г.
Промышленность, планируемая ВСНХ	5577	9 281
в т. ч. группа А	2842	5612
группа Б	2735	3499
Прочая государственная про- мышленность	356	1 128
Итого государственная про- мышленность	5933	10 409
Кооперативная промышленность	348	318
Частная промышленность	679	774
Ценовая промышленность, всего	6860	11 501

Источники: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», М. 1930, стр. 446—447.

Издержки производства в промышленности
 (процентное изменение издержек по отношению
 к предыдущему году:
 (+) увеличение или (—) уменьшение)

	1925— 1926 г.	1926— 1927 г.	1927— 1928 г.	1928— 1929 г.
План на год	—7,0	—5,0	—6,0	—7,0
Факт: первое полу- годие	—	+1,2	—5,3	—1,9
Факт: второе полу- годие	—	—5,6	+0,2	—
Факт: за весь год	+1,7	—1,8	—5,1	от —4,0 до —4,5

Источник: «Контрольные цифры народно-го хозяйства СССР на 1928—1929 год», М. 1929, стр. 280—281, за исключением фактических цифр за 1928/29 г., которые взяты из «Протокола заседания Президиума ВСНХ СССР, 1928—1929», № 19, Приложение, и «Экономического обозрения», № 12, 1929, стр. 17. Окончательная офици- составляет 6,2%.

В. ТРУД

Таблица 21

Занятость
(среднегодовой показатель, в тыс. чел.)

	1925— 1926 г.	1926— 1927 г.	1927— 1928 г.	1928— 1929 г.
Центровая промышленность	2 678	2 839	3 096	3 366
Строительство*	426	547	723	918
Транспорт	1 240	1 302	1 270	1 302
Сельское хозяйство (включая лесное хозяйство, рыболовст- во и т. д.)	2 008	2 078	2 037	2 028
Государственные учреждения	2 151	2 340	2 426	2 504
Прочая занятость	1 671	1 839	2 047	2 050
Итого	26 173	10 944	11 599	12 168

* Среднегодовой показатель для занятых в строительстве скрывает значительные сезонные колебания; месячные цифры для занятости в строительстве приведены в публикации «Труд в СССР», М. 1936, стр. 244.

Источники: «Труд в СССР», М. 1936, стр. 10—11, за исключением численности занятых в госучреждениях, показатели которой взяты из «Экономического обозрения», № 9, 1929, стр. 124 (более подробная разбивка занятости в госучреждениях приведена в табл. 22).

Таблица 22

Численность занятых в государственных учреждениях
в зависимости от типа учреждения
(тыс. чел.)

	1925— 1926 г.	1926— 1927 г.	1927— 1928 г.	1928— 1929 г.
Административные и правовые	663,1	674,4	650,8	646,8
Научные, учебные и учреждения социального обеспечения	602,8	714,7	776,9	825,1
Учреждения здравоохранения и ветеринарии	323,7	365,1	406,4	429,2
Органы хозяйственного управ- ления	195,2	139,9	168,7	159,3
Прочие	365,8	395,8	423,1	443,2
Итого:	2150,6	2339,9	2425,9	2503,6

Источник: «Экономическое обозрение», № 9, 1929, стр. 124.

Таблица 23

Наемный труд в сельском хозяйстве
(численность занятых, в тыс. чел.)

	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Пролетариат в обобществленном секторе (совхозы, колхозы)	526	547	591
Пролетариат в частном секторе (в крестьянских хозяйствах)	1841	1804	1660
Полупролетариат	4643	4288	3694

Источник: «Труды Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», т. 1, М. 1930, стр. 305.

Таблица 24

Производительность труда в ценовой промышленности
(предыдущий год принят за 100; исчислено в довоенных ценах)

	1925— 1926 г.	1926— 1927 г.	1927— 1928 г.	1928—1929 г. (предварит.)
Вся промышленность	112	109	112	116
Промышленность группы А	100	114	115	114
Промышленность группы Б	116	107	109	115

Источник: «Экономическое обозрение», № 10, 1929, стр. 143; приведенные цифры относятся к выработке за человеко-день.

Среднемесячный заработок в государственной ценовой промышленности
(в руб. по текущим ценам)

(а) Среднемесячный заработок в каждом из указанных годов в зависимости от отрасли промышленности

	1926—1927 г.	1927—1928 г.	1928—1929 г.
Вся ценовая промышленность	58,5	64,4	70,9
Все отрасли группы А	62,3	69,0	75,9
Все отрасли группы Б	54,0	59,8	65,4
Добыча угля	53,9	56,8	61,3
Металлопромышленность	69,1	77,6	86,3
Электротехническая промышленность	92,6	102,2	110,7
Текстильная промышленность	49,3	53,3	57,4

Источник: «Экономическое обозрение», № 12, 1929, стр. 204.

(б) Среднемесячный заработок в каждом из кварталов*

	Октябрь—декабрь	Январь—март	Апрель—июнь	Июль—сентябрь	В среднем за год
1925—1926 г.	49,9	49,7	52,7	56,4	52,2
1926—1927 г.	57,1	55,9	58,8	62,1	58,5
1927—1928 г.	62,3	64,0	63,8	67,8	64,5
1928—1929 г.	67,9	67,8	72,0	76,1	71,0

* Указанные цифры относятся только к государственной промышленности, для которой данные были собраны ЦОС ВСНХ.

Источник: «Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24—1928/29 гг.», под ред. А. Мендельсона, М. 1930, стр. XII, 20, 150.

(в) Среднемесячный заработок в каждом из указанных годов по категории занятых

	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Рабочие	58	63	69	75
ИТР и конторские служащие	106	115	128	134
Обслуживающий персонал	37	42	47	51

Источник: «Труд в СССР», М. 1936, стр. 96.

Таблица 26

Выплаты из фонда социального страхования (млн. руб.)

	1925— 1926 г.	1926—1927 г.	1927—1928 г. (Предварит.)	1928—1929 г. (План)
Пенсии по постоянной инвалидности	110,3	157,4	203,8	250,9
Пособия по временной нетрудоспособности	196,8	216,8	239,7	264,8
Прочие временные пособия (по беременности и т. п.)	83,7	81,2	69,8	61,9
Медицинские услуги	195,4	239,6	240,5	258,1
Дома отдыха и т. п.	31,8	41,3	35,8	36,5
Дотация фонду жилищного строительства	22,6	33,1	34,9	37,4
Пособия по безработице	47,8	69,6	112,7	129,1
Пенсии по старости	---	—	—	8,0
Административные издержки	34,0	33,3	31,3	29,0
Резерв	—	—	0,6	50,0
Итого:	722,4	872,3	969,2	1125,7

Источник: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», М. 1929, стр. 162.

Г. ТОРГОВЛЯ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Таблица 27

Товарооборот внутренней торговли

	В млн. руб.			В процентах		
	1925—1926 г.	1926—1927 г.	1927—1928 г. (план)	1925—1926 г.	1926—1927 г.	1927—1928 г. (план)
(а) Синдикаты	2 772	3 800	4 400	11,8	13,2	13,2
(б) Торги	1 272	1 340	1 450	5,4	4,7	4,3
(в) Акционерные компании	1 019	1 300	1 360	4,3	4,5	4,0
(г) Хозрасчетные предприятия	1 462	1 500	1 570	6,2	5,2	4,7
(д) Прочие	1 187	1 315	1 440	5,0	4,6	4,3
1. Итого для государственных организаций	7 718	9 255	10 220	32,7	32,2	30,5
(а) Потребительские кооперативы	7 053	10 130	12 700	29,9	35,2	38,0
(б) Сельскохозяйственные кооперативы	2 133	3 050	3 870	9,0	10,6	11,6
(в) Промышленные кооперативы	440	600	880	1,9	2,1	2,6
2. Итого для кооперативов	9 624	13 780	17 450	40,8	47,9	52,2
3. Частная торговля	6 262	5 740	5 770	26,5	19,9	17,3
Всего:	23 606	28 775	33 440	100,0	100,0	100,0

Источники: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», М. 1928, стр. 246.

Таблица 28
Внутренняя оптовая торговля по секторам (млн. руб.)

	1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.	
	Объем	% от итога	Объем	% от итога	Объем	% от итога
Государственная торговля	6 234	55,1	7 640	50,2	8 460	44,8
Кооперативная торговля	4 100	36,2	6 793	44,7	9 688	51,2
Частная торговля	988	8,7	780	5,1	750	4,0

Торговля, всего 11 322 100,0 15 213 100,0 18 898 100,0

Источники: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», М. 1928, стр. 484—485; относительно цифр за более ранние годы см. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 8.
После 1927 г. частная оптовая торговля была «почти нулевой» (Г. Нейман, «Внутренняя торговля СССР», М. 1935, стр. 119).

Таблица 29

Внутренняя розничная торговля по секторам (млн. руб)

	1923/24 г.		1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.		1928 г.		1929 г.	
	Сумма	% от итога	Сумма	% от итога	Сумма	% от итога	Сумма	% от итога	Сумма	% от итога	Сумма	% от итога
Государственная торговля	846	15,7	1 190	15,3	1 544	13,2	1 817	13,3	2 409	15,9	3 198	18,9
Кооперативная торговля	1 437	26,6	3 284	42,2	5 224	44,5	6 838	49,8	9 341	61,6	11 396	67,6
Частная торговля	3 117	57,7	3 300	42,5	4 963	42,3	5 064	36,9	3 407	22,5	2 273	13,5
Торговля, всего	5 399	100,0	7 773	100,0	11 732	100,0	13 718	100,0	15 157	100,0	16 867	100,0

Индексы оптовых цен*
(цены 1913 г. приняты за 100)

	Вся продукция	Промышленная продукция	Сельскохозяйственная продукция
1 октября 1925 г.	174	195	156
1 января 1926 г.	183	198	169
1 апреля 1926 г.	196	202	191
1 июля 1926 г.	183	204	164
В среднем за 1925/26 г.**	186	201	171
1 октября 1926 г.	178	204	157
1 января 1927 г.	177	203	155
1 апреля 1927 г.	177	196	160
1 июля 1927 г.	173	191	157
В среднем за 1926/27 г.**	176	197	157
1 октября 1927 г.	170	188	154
1 января 1928 г.	171	188	156
1 апреля 1928 г.	171	188	156
1 июля 1928 г.	172	187	157
В среднем за 1927/28 г.**	172	188	157
1 октября 1928 г.	176	187	166
1 января 1929 г.	177	187	167
1 апреля 1929 г.	179	188	170
1 июля 1929 г.	180	187	174
В среднем за 1928/29 г.**	179	188	171

* Индексы ЦСУ.

** Средний индекс по каждому из двенадцати месяцев хозяйственного года.

Источник: «Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24—1928/29 гг.», под ред. А. Мендельсона, М. 1930, стр. 95—97, 156.

Индексы розничных цен *
(цены 1913 г. приняты за 100)

	Вся продукция			Продукция промышленности			Сельхозпродукция		
	Вся торговля	Обобществ- ленная тор- говля	Частная торговля	Вся торговля	Обобществ- ленная тор- говля	Частная торговля	Вся торговля	Обобществ- ленная тор- говля	Частная торговля
1 октября 1925 г.	201	197	209	215	238	231	180	178	183
1 января 1926 г.	207	200	219	219	200	239	188	183	195
1 апреля 1926 г.	215	207	231	222	212	243	205	198	216
1 июля 1926 г.	213	205	229	223	212	247	198	191	208
В среднем за 1925/26 г.**	210	202	224	220	210	242	194	187	202
1 октября 1926 г.	206	198	224	220	209	247	186	180	196
1 января 1927 г.	207	197	227	219	207	251	187	181	198
1 апреля 1927 г.	200	190	227	209	198	242	186	175	208
1 июля 1927 г.	196	184	229	202	192	235	186	171	220
В среднем за 1926/27 г.**	201	191	226	210	199	242	186	176	207
1 октября 1927 г.	193	183	226	198	189	235	185	173	215
1 января 1928 г.	195	184	234	199	188	240	189	175	225
1 апреля 1928 г.	195	185	239	198	189	242	190	177	233
1 июля 1928 г.	200	185	264	198	188	243	204	180	293
В среднем за 1927/28 г.**	197	184	244	198	188	242	194	177	278
1 октября 1928 г.	199	185	263	198	188	247	201	180	285
1 января 1929 г.	203	189	273	200	190	254	209	186	299
1 апреля 1929 г.	210	192	313	203	192	268	223	191	381
1 июля 1929 г.	217	195	345	205	193	280	240	200	450
В среднем за 1928/29 г.**	210	192	308	203	191	269	222	192	367

* Индексы составлены Конъюнктурным институтом Наркомфина. Воспроизведенные здесь цифры представляют собой так называемые «новые» индексы Конъюнктурного института; «старые» индексы для частной торговли, которые составлялись до октября 1927 г., были несколько выше (например, среднегодовой показатель составил 232 в 1925/26 г. и 237 в 1926/27 г.; подробности см. «Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24—1928/29 гг.», под ред. А. Мендельсона, М. 1930, стр. XVI, 107—109).

** Это усредненный индекс, рассчитанный с учетом индексов для каждого из двенадцати месяцев хозяйственного года.

Источники: «Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24—1928/29 гг.», под ред. А. Мендельсона, М. 1930, стр. 98—106, 156—157.

Таблица 32

Среднегодовые рыночные цены на сельскохозяйственные продукты
(руб./т)

	1924— 1925 г.	1925—1927 г.	1926—1927 г.	1927—1928 г.	1928—1929 г.
Рожь	71,8	76,3	89,1	119,0	284,9
Овес	69,3	67,1	72,6	94,6	118,1
Лен	446,8	354,1	294,3	349,6	445,5
Пенька	467,0	474,9	384,0	420,8	404,3
Картофель	16,0	22,6	20,8	39,1	67,0
Мясо	280,0	330,0	385,0	486,0	516,0
Молоко	58,0	64,0	77,0	77,0	126,0

Источники: Цитируется из официальных архивов в работе В. Яковцевского «Аграрные отношения в СССР», М. 1964, стр. 173.

Таблица 33

**Индексы среднегодовых цен,
по которым производилась оплата
производителям за
сельскохозяйственную продукцию**
(средние цены за 1910—1913 гг.
приняты за 100)

	Заготовки официальны- ми органами	Частные заготовки
1925/26 г.	146	159
1926/27 г.	134	149
1927/28 г.	141	156
1928/29 г.	157	183

Источники: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», М. 1930, стр. 578—580.

Таблица 34

**Месячные индексы цен, уплачиваемых за зерно
государственными и кооперативными заготовителями ***
(средние цены за 1910—1913 гг. приняты за 100)

	1925— 1926 г.	1926— 1927 г.	1927— 1928 г.	1928— 1929 г.
Июль	143	106	113	122
Август	134	107	117	137
Сентябрь	134	116	115	138
Октябрь	126	107	114	139
Ноябрь	125	107	114	137
Декабрь	134	108	115	137
Январь	142	108	116	138
Февраль	150	107	114	139
Март	151	111	114	138
Апрель	145	110	115	137
Май	134	111	114	138
Июнь	118	113	114	—
Среднегодовой показате- ль за сельскохозяй- ственный год	132	108	115	136**

* Этот индекс рассчитан экономическим отделом Наркомторга и относится к ценам, уплачиваемым «плановыми заготовительными органами» («Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24—1928/29 гг.», под ред. А. Мендельсона, М. 1930, стр. XIV—XV).

** Средний показатель за одиннадцать месяцев.

Источник: «Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24—1928/29 гг.», под ред. А. Мендельсона, М. 1930, стр. 70.

Таблица 35

«Ножницы» цен
(отношение индекса розничных цен
на промышленную продукцию к индексу на цены
сельскохозяйственной продукции плановых поставок)
(1913 г.=100)

1 октября 1925 г.	154	1 октября 1927 г.	138
1 января 1926 г.	149	1 января 1928 г.	135
1 апреля 1926 г.	150	1 апреля 1928 г.	138
1 июля 1926 г.	167	1 июля 1928 г.	137
В среднем за 1925/26 г.	156	В среднем за 1928/27 г.	137
1 октября 1926 г.	162	1 октября 1928 г.	127
1 января 1927 г.	155	1 января 1929 г.	127
1 апреля 1927 г.	145	1 апреля 1929 г.	128
1 июля 1927 г.	143	1 июля 1929 г.	131
В среднем за 1926/27 г.	151	В среднем за 1928/29 г.	128

Источник: «Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24—1928/29 гг.», под ред. А. Мендельсона, М. 1930, с. III.

Таблица 36

Среднесуточное потребление на душу населения (г)

(а) Сельское население

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Производящая зона					
Ржаная мука	513	475	466	457	453
Пшеничная мука	27	35	47	45	39
Сахар	8	12	14	18	21
Мясо	64	115	106	102	121
Молоко и молочные продукты	349	303	334	351	316
Другие пищевые продукты	1212	1090	1057	1043	1037
Всего пищевых продуктов	2173	2029	2023	2016	1986
Потребляющая зона					
Ржаная мука	283	249	221	203	199
Пшеничная мука	259	311	331	311	302
Сахар	5	10	11	16	18
Мясо	79	102	97	102	105
Молоко и молочные продукты	288	250	275	259	253
Другие пищевые продукты	963	869	922	833	967
Всего пищевых продуктов	1877	1791	1855	1725	1844

(б) Городское население

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Семьи рабочих					
Ржаная мука	211	170	157	147	158
Пшеничная мука	264	316	305	307	313
Сахар	24	32	37	45	50
Мясо	128	154	151	154	160
Молоко и молочные продукты	171	177	179	190	176
Другие пищевые продукты	757	586	630	584	583
Всего пищевых продуктов	1555	1434	1458	1427	1440
Семьи служащих					
Ржаная мука	153	122	119	115	123
Пшеничная мука	270	300	295	280	295
Сахар	33	43	50	57	60
Мясо	151	178	172	164	172
Молоко и молочные продукты	247	234	240	236	213
Другие пищевые продукты	681	545	592	511	561
Всего пищевых продуктов	1535	1422	1469	1363	1425

Примечание: Эти цифры, подготовленные ЦСУ, относятся к октябрю каждого года.

Источник: «Сельское хозяйство 1925—1928», М. 1929, стр. 402—405, 408—411.

Таблица 37

Экспорт и импорт
(млн. руб. в текущих ценах)

	1913 г.	1925— 1926 г.	1926— 1927 г.	1928 г.	1929 г.
Экспорт					
Сельскохозяй- ственный	1119,6	421,3	470,2	369,9	398,0
Промышленный	400,5	255,3	300,2	430,0	525,7
Всего	1520,1	676,6	770,5	799,5	923,7
Импорт					
Для промышлен- ных нужд*	884,4	590,5	607,8	835,8	749,7
Потребитель- ские товары	392,0	153,5	82,9	79,3	89,3
Прочее	97,6	12,3	22,0	38,0	41,6
Импорт, всего	1374,0	756,3	712,7	953,1	880,6
Баланс	+146,1	-79,7	+57,8	-153,6	+43,1

* Сырье и оборудование.

Источник: «Народное хозяйство СССР», М. 1932, стр. XLVIII, см. также там же, стр. 387—389, 395—397, где приведены более подробные цифры за 1928 и 1929 гг.

Таблица 38

Важнейшие статьи экспорта в натуральном исчислении
(тыс. т)

	1913 г.	1925— 1926 г.	1926— 1927 г.	1928 г.	1929 г.
Зерно	9647	2069	2161	89	262
Лес и пиломате- риалы	7598	1922	2485	2410	5544
Нефть	947	1473	2086	3005	3852

Источник: «Народное хозяйство СССР», М. 1932, стр. XLVIII.

Таблица 39

Импорт по типу продукции
(млн. руб. в текущих ценах)

(а) Импорт по группам продукции

	1925—1926 г.	1926—1927 г.	1927—1928 г.
Сырье	262,6	319,5	371,5
Полуфабрикаты	161,8	117,9	140,0
Оборудование	102,9	147,8	239,9
Автомобили и т. п.	14,5	7,9	9,9
Поставки для нужд сельского хозяйства	65,8	44,0	45,5
Всего для производственных нужд	607,8	637,1	806,8
Всего потребительских товаров	148,6	75,4	137,7
Импорт, всего:	756,4	712,5	944,5

(б) Импорт сырья

	1925—1926 г.	1926—1927 г.	1927—1928 г.
Хлопок	117,8	131,5	154,2
Шерсть	41,4	51,1	62,1
Цветные металлы	29,7	45,4	57,7
Уголь	3,8	5,8	0,6
Нитраты	1,4	2,5	7,0
Прочее сырье	68,5	83,2	89,9
Всего сырья	262,6	319,5	371,5

(в) Импорт полуфабрикатов

	1925—1926 г.	1926—1927 г.	1927—1928 г.
Красители	15,7	10,6	11,1
Материалы для выделки кож	11,4	12,2	15,7
Хлопчатобумажная и шерстяная пряжа	30,3	15,5	26,0
Специальные ферросплавы	9,4	10,2	16,3
Бумага	27,1	17,4	12,9
Шкуры	4,7	4,7	8,4
Прочие полуфабрикаты	63,0	47,3	49,6
Всего полуфабрикатов	161,8	117,9	140,0

(продолжение табл. 39)

(г) Импорт оборудования

	1925—1926 г.	1926—1927 г.	1927—1928 г.
Машины (исключая электрические)	67,9	95,6	136,3
Электрооборудование	14,8	24,4	46,0
Комплектующие изделия	19,7	26,7	48,5
Транспортное оборудование	0,4	1,2	9,1
Оборудование, всего	102,8	147,9	239,9

Источник: «Промышленный экспорт», под ред. С. Ара-
лова и А. Шатхана, М. 1930, стр. 174, 178—
179, 198—199, 228—229.

Таблица 40

Торговля с основными странами
(% от общего объема экспорта и импорта)

	1913 г.		1928 г.		1929 г.	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Германия	29,9	47,5	23,6	24,9	23,4	22,1
Великобритания	17,8	12,6	20,4	4,4	21,9	6,2
Франция	6,7	4,1	5,5	3,7	4,6	3,6
Италия	4,8	1,2	3,3	1,1	3,6	0,9
Польша	—	—	1,8	1,0	1,4	2,2
США	0,9	5,8	5,7	19,5	4,6	20,1
Прочие страны	39,9	28,8	39,7	45,4	40,9	44,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: «Народное хозяйство СССР», М. 1932, стр. 387, 394.

Д. ФИНАНСЫ И КРЕДИТ

Таблица 41

Нетто-расходы государственного бюджета
 (млн. руб. в текущих ценах)

	1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 г.	
	Сумма	% от итога	Сумма	% от итога	Сумма	% от итога	Сумма	% от итога
Народное хозяйство	681	26,0	1199	32,5	1675	38,3	2246	41,7
Социально-культурные мероприятия	276	10,5	356	9,6	426	9,7	482	8,9
Оборона	638	24,3	634	17,2	775	17,7	880	16,3
Административные расходы	262	10,0	369	10,0	335	7,7	327	6,1
Перечисления в местные бюджеты	666	25,4	909	24,6	966	22,1	1264	23,5
Прочие расходы	100	3,8	226	6,1	199	4,5	186	3,5
Итого	2623	100,0	3693	100,0	4376	100,0	5385	100,0

Источники: См. R. W. Davies, *The Development of the Soviet Budgetary System*. 1958, pp. 83, 296. Приведенная таблица классифицирована на основе исходных данных; она не включает «самобалансированные расходы на услуги транспорта и связи (для которых расходы покрываются доходом этих секторов; в то же время все поступления этих секторов учитываются в бюджете), не включаются также расходы, связанные с операциями по государственному займам. Местные добавления к промышленному налогу в данном случае включены в графу «перечисления в местные бюджеты» за 1925/26, 1926/27 и 1927/28 гг., чтобы обеспечить сопоставимость этих лет с 1928/29 годом (см. источники к табл. 42).

Нетто-поступления государственного бюджета
(млн. руб. в текущих ценах)

	1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 г.	
	Сумма	% от итога	Сумма	% от итога	Сумма	% от итога	Сумма	% от итога
1. Налог на личные доходы	86	3,3	114	3,0	153	3,3	166	3,0
2. Промышленный налог с частного сектора	94	3,6	109	2,9	86	1,9	170	3,1
3. Промышленный налог: добавки местных органов	252	9,6	327	8,7	331	7,2	—	—
4. Промышленный налог с обобществленного сектора	135	5,1	240	6,4	288	6,3	886	15,9
5. Подоходный налог с обобществленного сектора	65	2,5	78	2,1	78	1,7	120	2,2
6. Сельскохозяйственный налог	252	9,6	358	9,5	354	7,7	449	8,1
7. Акцизные пошлины	842	31,9	1210	32,3	1491	32,6	1802	32,3
8. Таможенные пошлины	151	5,7	190	5,1	260	5,7	258	4,6
9. Прочие налоговые поступления	167	6,3	192	5,1	252	5,5	152	2,7
10. Отчисления от прибыли	172	6,5	308	8,2	382	8,3	418	7,5
11. Прочие неналоговые поступления	360	13,7	382	10,2	418	9,1	505	9,1
12. Прочие поступления в доход	33	1,3	22	0,6	60	1,3	238	4,3
13. Государственные займы: нетто-поступления	28	1,1	218	4,8	427	9,3	407	7,3
Итого	2636	100,0	3759	100,0	4579	100,0	5572	100,0

Источники:

См. R. W. Davies, *The Development of the Soviet Budgetary System*. 1958, pp. 82—83. В приведенной таблице опущены «самосбалансированный» доход от услуг транспорта и связи и та часть поступлений от государственных займов, которая расходовалась ежегодно на повторные выплаты и проценты по действующим займам. В нее включены «добавки местных органов» к промышленному налогу в 1925/26, 1926/27 и 1927/28 гг., чтобы обеспечить сопоставимость этих лет с 1928/29 г., когда местные добавления были включены в промышленный налог (цифры для местных добавлений взяты из монографий Н. Брюханова, «Хозяйственный подъем Советского Союза и его финансовая база», М. 1929, стр. 37—39, и К. Плотникова, «Бюджет социалистического государства», М. 1948, стр. 21). Необъясненное увеличение «прочих поступлений» в 1928/29 г., составившее 178 млн. руб., по-видимому, было обусловлено процедурами бухгалтерского учета; если это так, то в 1928/29 г. суммарные поступления в сопоставимом виде составили лишь 5400 млн. руб.

Доход от акцизных пошлин
(млн. руб. в текущих ценах)

	1913 г.	1925— 1926 г.	1926— 1927 г.	1927— 1928 г.	1928— 1929 г.
Вино, спиртные напитки и пиво	711	364	585	697	973
Табак и табачные изделия	84	125	155	168	209
Сахар	149	178	245	245	302
Чай и кофе	—	23	32	30	30
Спички	20	21	21	25	32
Керосин и т. п.	49	34	36	41	55
Ткани и текстиль	—	72	100	109	134
Резиновая обувь	—	6	16	23	27
Прочее	—	19	12	13	34
Всего	1012	842	1202	1351	1796

Источники: См. R. W. Davies, *The Development of the Soviet Budgetary System*. 1958, p. 123; «СССР: Деятельность Совнаркома и СТО: Сводные материалы: IV квартал (июль — сентябрь) 1928—29 г.», М. 1929, стр. 75.

Таблица 44

Масса денег в обращении
(млн. руб.)

	на 1 октября	на 1 января	на 1 апреля	на 1 июля
1925—1926 г.	1074	1206	1147	1157
1926—1927 г.	1291	1354	1284	1420
1927—1928 г.	1628	1668	1518	1701
1928—1929 г.	1971	2028	1998	2213

Примечание: Масса денег в обращении по состоянию на 1 октября 1929 г. достигла 2642 млн. руб. («Экономическое обозрение», № 10, 1929, стр. 190).

Источник: «Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24 — 1928/29 гг.», под ред. А. Мендельсона, М. 1930, стр. 126.

Е. ПЛАНИРОВАНИЕ

Таблица 45

Национальный доход *

(млн. руб. в ценах 1913 г.)

	1913 г.		1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.		1927/29 г. (план)	
	Сумма	% от итога	Сумма	% от итога	Сумма	% от итога	Сумма	% от итога	Сумма	% от итога
Сельское хозяйство**	7 620***	51,2	7 908	55,8	8 145	54,1	8 149	50,3	8 529	48,1
Промышленность	3 920	26,3	3 387	23,9	3 994	26,5	4 732	29,2	5 395	30,4
Строительство****	730	5,1	578	4,1	610	4,0	701	4,3	882	5,0
Транспорт и связь*****	1 240	8,3	555	3,9	627	4,2	634	3,9	694	4,0
Торговля	1 350	9,1	1 737	12,3	1 687	11,2	1 983	12,3	2 219	12,5
Итого	14 860	100,0	14 165	100,0	15 063	100,0	16 198	100,0	17 719	100,0

* Эта таблица включает амортизацию и в этом отношении соответствует валовому национальному продукту согласно принципам западной статистики; однако в цифры советского национального дохода, в отличие от западных цифр, не включены услуги.

** Включая лесное хозяйство, рыболовство и охотничий промысел.

*** Эта цифра основана на среднем урожае за несколько лет, а не на конкретном урожае 1913 г.

**** Включены расходы на строительство зданий и сооружений на селе.

***** Пассажирский транспорт исключен в соответствии с советским определением национального дохода (см. выше примечание *).

Источники: 1913 г.: «Экономическое обозрение», № 9, 1929, стр. 117—118. Все прочие годы: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», М. 1929, стр. 435, 441—442.

Индекс денежных доходов населения
(предыдущий год = 100)

	1926—1927 г.	1927—1928 г.	1928—1929 г.*
Сельское население			
Общие доходы (исключая внутридеревенские поступления)	108,6	112,0	116,6
Сельскохозяйственные доходы	103,9	113,0	119,4
Несельскохозяйственные доходы	111,7	111,7	115,9
Городское население			
Общие доходы	116,7	109,5	110,0
Заработная плата	118,2	113,6	114,3

* Условные цифры.

Источник: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», М. 1930, стр. 476—479.

Капитальные вложения в народном хозяйстве *

(млн. руб. в текущих ценах)

	1925— 1926 г.	1926— 1927 г.	1927— 1928 г.	1928—1929 г. (Предварит.)
Промышленность	1003	1333	1679	2102
Электрификация**	100	247	269	369
Частное сельское хозяйство***	2846	3147	3055	2699
Государственное и кооперированное сельское хозяйство****	88	119	181	245
Транспорт и связь	550	729	981	1261
Торговля, складское хозяйство и первичная переработка продовольствия	129	148	176	263
Образование	26	66	114	244
Здравоохранение	42	80	89	92
Административные сооружения	44	53	61	59
Муниципальное хозяйство	113	121	170	231
Городское жилищное строительство	360	438	513	526
Прочее	5	8	13	13
Итого:	5306	6489	7301	8078

* Эти и прочие цифры в отношении капиталовложений приведены для валовых капиталовложений, включая вложения в капитальный ремонт.

** Включены районные и городские электростанции общего пользования, а также электрификация села; заводские электростанции включены в графу «промышленность» (капиталовложения составляли 35 млн. руб. в 1925/26 г. и 67 млн. руб. в 1928/29 г.).

*** Включены капиталовложения в машины, орудия, здания и сооружения (в т. ч. сельское жилищное строительство) и сельскохозяйственных животных.

**** Помимо этой цифры, жилищное строительство учтено также в графах «промышленность», «транспорт» и «электрификация»; капитальные вложения в этих позициях составляли 126 млн. руб. в 1925/26 г. и 233 млн. руб. в 1928/29 г.

Источник: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», М. 1930, стр. 458—461.

Основные фонды народного хозяйства
(млн. руб. в ценах 1926/27 г.)

	на 1 окт. 1925 г.	на 1 окт. 1926 г.	на 1 окт. 1927 г.	на 1 окт. 1928 г.	на 1 окт. 1929 г.
Промышленность	6 860	7 462	8 375	9 686	11 501
Электрификация	356	429	654	917	1 301
Сельское хозяйство	25 127	26 547	27 899	29 079	29 982
Транспорт и связь	11 986	11 171	11 496	12 098	13 044
Торговля, складское хозяйство и первичная переработка продовольствия	285	396	524	698	950
Образование	1 777	1 770	1 804	1 892	2 131
Здравоохранение	848	872	935	1 012	1 097
Административные сооружения	481	507	544	591	641
Муниципальное хозяйство	2 097	2 120	2 152	2 235	2 389
Жилищное строительство	11 213	11 183	11 248	11 400	11 588
Итого:	59 951	62 375	65 548	69 483	74 501

Примечание: В приведенной таблице присутствуют необъясненные расхождения; сумма отдельных граф в каждом столбце дает большую величину, чем итоговая цифра, указанная в таблице.

Источник: «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», М. 1930, стр. 446—453.

**Плановый ежегодный прирост валового промышленного производства
в проектах пятилетнего плана**

(в процентах к предыдущему году, рассчитано в постоянных ценах)

	1925— 1926 г.	1926— 1927 г.	1927— 1928 г.	1928— 1929 г.	1929— 1930 г.	1930— 1931 г.	1931— 1932 г.	1932— 1933 г.
Проект ОСВОК (июль 1926 г.) ^а	30,3	31,6	22,9	15,5	15,0	—	—	—
Первый госплановский проект (март 1926 г.) ^б	40,8	22,6	18,8	15,5	14,7	—	—	—
Второй госплановский проект (весна 1927 г.)	—	19,1	13,2	10,6	9,9	9,2	—	—
Третий госплановский проект (осень 1927 г.)	—	—	16,3	13,1	13,7	10,5	10,0	—
Третий госплановский проект (осень 1927 г.)	—	—	16,5	12,4	10,9	10,6	10,0	—
Третий проект ВСНХ (осень 1927 г.)	—	—	18,0	16,4	17,4	13,7	12,9	—
Проект ВСНХ (апрель 1928 г.)	—	—	23,1	18,3	18,3	18,4	18,4	(18,4)
Проект ВСНХ (август 1928 г.)	—	—	—	19,7	17,3	17,5	17,0	14,9
Проект ВСНХ (декабрь 1928 г.)	—	—	—	21,9	20,2	21,8	22,6	22,4
Госплановский отправной вариант (апрель 1929 г.)	—	—	—	21,4	18,8	17,5	18,1	17,4
Госплановский оптимальный вариант (апрель 1929 г.)	—	—	—	21,4	21,5	22,1	23,8	25,2

Источники: а) «Торгово-промышленная газета», 18 июля 1926 г. (рост измерен в довоенных ценах).

б) «Проблемы планирования (итоги и перспективы)», М, 1926, стр. 28 (довоенные цены); альтернативный набор более низких показателей, измеренных в червонцах, также приведен там же, стр. 26.

Все остальные цифры взяты из монографии И. Гладкова, «От плана ГОЭЛРО к плану шестой пятилетки», М. 1956, стр. 164. Эти цифры, рассчитанные в ценах 1926/27 г., по возможности верены по оригиналам проектов планов, и расхождения оказались минимальными; однако оригиналы планов фактически относятся к государственной ценовой промышленности, а не ко всей ценовой промышленности, как предполагается в заголовке таблицы в книге Гладкова.

**Плановые капитальные вложения в планируемой ВСНХ промышленности
в проектах пятилетнего плана**
(млн. руб. в текущих ценах)

	1925— 1926 г.	1926— 1927 г.	1927— 1928 г.	1928— 1929 г.	1929— 1930 г.	1930— 1931 г.	1931— 1932 г.	1932— 1933 г.
Проект ОСВОК (июль 1926 г.) ^а	937	1550	1450	1250	960	—	—	—
Первый госплановский проект (март 1926 г.) ^б	750	900	1000	1100	1200	—	—	—
Второй госплановский проект (весна 1927 г.) ^в	—	918	1142	1183	1206	1205	—	—
Второй проект ВСНХ (весна 1927 г.) ^г	—	—	1152	1318	1380	1394	1452	—
Третий проект ВСНХ (весна 1927 г.) ^д	—	1002	1193	1401	1488	1501	1506	—
Проект ВСНХ (апрель 1928 г.) ^е	—	—	1250	1500	1700	1875	2019	(2200)
Проект ВСНХ (август 1928 г.) ^ж	—	—	—	1647	2300	2467	2442	2240
Проект ВСНХ (декабрь 1928 г.) ^з	—	—	—	1619	2265	2940	3103	3159
Госплановский отправной вариант (апрель 1929 г.) ^и	—	—	—	1659	2077	2395	2687	2936
Госплановский оптимальный вариант (апрель 1929 г.) ^к	—	—	—	1659	2331	2880	3165	3465

Источники: а) «Торгово-промышленная газета», 18 июля 1926 г.

б) «Проблемы планирования (итоги и перспективы)», М. 1926, стр. 26.

в) С. Г. Струмилин, «Очерки советской экономики», М. 1928, стр. 472.

г) «Материалы к Пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.)», М. 1927, стр. 72.

д) «Торгово-промышленная газета», 4 ноября 1927 г.

е) Там же, 26 апреля 1928 г.

ж) Там же, 15 августа 1928 г.

з) Там же, 15 декабря 1928 г.; несколько иные цифры приведены там же, 4 декабря 1928 г.

и) «Пятилетний план народного хозяйства СССР», М. 1929, т. I, стр. 160—161.

к) Там же, т. I, стр. 162—163.

Запланированные производительность труда, заработная плата, издержки и цены в проектах пятилетнего плана (процентное увеличение (+) или уменьшение (—) в последнем году планового периода в сравнении с годом, предшествовавшим начальному году плана)

	Производительность труда в промышленности	Номинальная заработная плата в промышленности	Издержки промышленного производства	Различные цены на промышленные товары	Период, охватываемый планом
Проект ОСВОК (июль 1926 г.) ^а	+60	+26	—22	—22	1925/26—1929/30 гг.
Первый госплановский проект (март 1926 г.) ^б	+57	+54	—28	—20	1925/26—1929/30 гг.
Второй госплановский проект (весна 1927 г.) ^в	+50	+33	—17	—18*	1926/27—1930/31 гг.
Третьей проект ВСНХ (весна 1927 г.) ^г	+50	+20	—17	—25	1927/28—1931/32 гг.
Третий госплановский проект (осень 1927 г.) ^д	от +56 до +63	+26	?	от —20 до —21*	1927/28—1931/32 гг.
Третий проект ВСНХ (осень 1927 г.) ^е	+63	+25	—24	—25	1927/28—1931/32 гг.
Проект ВСНХ (апрель 1928 г.) ^ж	+75	+25	—27	—21	1928/29—1932/33 гг.
Проект ВСНХ (август 1928 г.) ^з	+76	+28	—25	—22*	1928/29—1932/33 гг.
Проект ВСНХ (декабрь 1928 г.) ^и	+95	+36	—32	—24*	1928/29—1932/33 гг.
Госплановский отправной вариант (апрель 1929 г.) ^к	+85	+40	—30	—20	1928/29—1932/33 гг.
Госплановский оптимальный вариант (апрель 1929 г.) ^к	+110	+47	—35	—23	1928/29—1932/33 гг.

* Оптовые промышленные цены.

- Источники:
- а) «Торгово-промышленная газета», 18 июля 1926 г.
 - б) «Проблемы планирования (итоги и перспективы)», М. 1926, стр. 28—29.
 - в) С. Г. Струминин. «Очерки советской экономики», М. 1928, стр. 441—442, 456; «Плановое хозяйство», № 5, 1927, стр. 11.
 - г) «Материалы к Пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/1928—1931/32 гг.)», М. 1927, стр. 23, 53; «Правда», 21 июня 1927 г.
 - д) «Торгово-промышленная газета», 25 октября 1927 г.
 - е) «2 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза1927 г. стр. 256—257; «Торгово-промышленная газета», 4 ноября СССР 4-го Созыва», (б. д. [1927]), там же, 24 апреля 1928 г.
 - з) Там же, 15 августа 1928 г.; «Правда», 2 сентября 1928 г.
 - и) «Торгово-промышленная газета», 15 декабря 1928 г.
 - к) «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», М. 1929, т. I, стр. 83, 95, 105.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 17. Рабочая сила

1. См. табл. 21 приложения; по принятой в СССР терминологии, понятие «промышленность» означает заводы, фабрики и мастерские и не охватывает строительства и транспорта.

2. Цифры за 1906—1910 гг. см. *G. von Mende. Studien zur Kolonisation in der Sowjetunion*, 1933, S. 42.

3. Подробный анализ миграции этого типа из Костромской губернии в 1926—1927 гг. см. «На аграрном фронте», № 6—7, 1928, с. 133—143. На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. указывалось, что прошлым летом в городах работало около 100 тыс. крестьян из Калужской губернии и каждый заработал в среднем 150—200 руб.; Тамбовская губерния была настолько перенаселена, что около 500 тыс. крестьян искали источники дохода в промышленности; из Рязанской губернии около 220 тыс. крестьян отправлялись в Москву, Ленинград и другие города на сезонную работу («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», 1927, т. 2, с. 1094, 1254, 1266). По оценкам, крестьяне в августе—октябре 1926 г. заработали в промышленности 120—140 млн. руб. и в тот же период 1927 г. — около 300 млн. руб. («На аграрном фронте», № 4, 1928, с. IV). С точки зрения закона «сезонная» работа определялась как работа, ограниченная во времени климатическими или другими условиями не более чем шестью месяцами в год («Собрание узаконений», 1926, № 40, ст. 290), а «временная» — как работа в течение менее двух месяцев или четырех месяцев в случае временной подмены постоянного рабочего («Собрание узаконений», 1927, № 9, ст. 80).

4. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1926—1927 год», 1926, с. 286.

5. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», 1929, с. 215; «Социалистическое строительство СССР», 1936, с. 545.

6. Ниже приведены данные по численности (в млн. чел.) сельского и городского населения в рассматриваемый период:

	17 декабря 1926 г.	1 января 1928 г.	1 января 1929 г.
Городское население	26,3	27,6	29,0
Сельское население	120,7	123,0	125,3
Всего	147,0	150,6	154,3

(«Сдвиги в сельском хозяйстве СССР», 2-е изд., 1931, с. 9).

7. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», 1929, т. 1, с. 92—93; более подробные данные см. там же, т. 2, с. 165.

8. «Контрольные цифры по труду на 1928—1929 год», 1929, с. 14.

9. О слабости пролетариата в первые дни НЭПа см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 3. Подробная информация о составе фабрично-заводского пролетариата Ленинграда в период 1921—1928 гг. собрана в «Истории СССР», № 5, 1959, с. 33—38. Здесь выше, чем где-либо, доля рабочих предреволюционного периода и их детей, но и здесь влияние «новых рабочих» после 1925 г. отразилось в снижении дисциплины труда.

10. «Состав фабрично-заводского пролетариата СССР», 1930, с. 10, 12, 14.

11. Там же, с. 20, 22, 42.

12. А. С. Бубнов. ВКП(б), 1931, с. 618; «Социальный и национальный состав ВКП(б)», 1928, с. 68. Доля рабочих — членов партии, владеющих землей, со-

- ставляла половину аналогичного показателя для непартийных рабочих («Состав фабрично-заводского пролетариата СССР», с. 102).
13. Л. Рогачевская. Из истории рабочего класса СССР, 1959, с. 55; показатель был неоднородным, повышаясь до 40—50% в провинциальных городах и снижаясь до 7—12% в Москве и Ленинграде.
14. «Пути индустриализации», № 7, 1929, с. 16.
15. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», 1928, с. 37; Н. А. Бухарин признавал в беседе с делегацией немецких рабочих в августе 1926 г., что «пролетариат един только в абстракции, в действительности этого нет» (Bukharins Antwort an Sozialdemokratische Arbeiter, 1926, S. 21; в «Правде» от 12 августа 1926 г. приведено краткое изложение беседы). В отношении ранее данного Бухариным замечания о «пролетаризированной крестьянской массе» см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
16. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 156.
17. «Собрание законов», 1927, № 13, ст. 132. Согласно публикации в «Экономическом обозрении», № 9, 1929, с. 131, результатом введения закона явилось «разделение безработных на две группы» — тех, кто потерял свою работу, включая сезонных рабочих, и тех, кто работы никогда не имел. Указывалось, что доля мигрантов из деревни в общей численности зарегистрированных безработных сократилась с 13,7% в 1925—1926 гг. до 10% в 1927—1928 гг. («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 156); в отношении более ранних изменений регистрационной политики см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
18. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», 1928, с. 59; эта доля, по-видимому, оставалась довольно неизменной на протяжении рассматриваемого периода. Приведенное в материалах «Седьмого съезда профессиональных союзов СССР» (1927, с. 348) заявление о том, что 50% зарегистрированных безработных никогда не работали за заработную плату, представляется типичным преувеличением.
19. Статья М. П. Томского в «Правде» от 29 ноября 1927 г., «Дискуссионный листок», № 8; эти цифры следовало бы сравнить с гораздо меньшими цифрами безработицы, приведенными Томским годом раньше на XV партийной конференции: 17% для строителей, 15 — для сельскохозяйственных рабочих, менее 5% для крупных профсоюзов («XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1927, с. 288). Встречный тезис оппозиции в ноябре 1927 г. (см. выше, ч. I, гл. 1) общее число безработных оценивал в 2 млн. человек.
20. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 287.
21. «Труд», 26 октября 1926 г.
22. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», 1929, с. 323.
23. «Экономическое обозрение», № 9, 1929, с. 136.
24. «Большевик», № 14, 31 июля 1927 г., с. 27.
25. Архивы Троцкого, Т 1744.
26. «Труд», 30 сентября 1926 г.; текст резолюции см. там же, 7 октября 1926 г.
27. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 287.
28. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 232; В. И. Ленин в одной из своих ранних работ («Развитие капитализма в России», 1899 г.) критиковал теорию «освобождения зимнего времени» и указывал, что «зимняя безработица нашего крестьянства зависит не столько от капитализма, сколько от недостаточного развития капитализма» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 320).
29. «Плановое хозяйство», № 8, 1929, с. 56.
30. В отношении позиции профсоюзов к безработице в более ранний период см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
31. В отношении этой речи см. выше, ч. I, гл. 1.
32. «Правда», 29 января 1927 г.
33. «На аграрном фронте», № 11—12, 1926, с. 146.
34. «Собрание законов», 1927, № 41, ст. 410.
35. A. Ciliga. Au Pays du Grand Mensonge, 1938, p. 35.

36. «Контрольные цифры по труду на 1928—29 год». с. 20; Ю. Ларин, неисправимый эксцентрик, предложил на IV Всесоюзном съезде Советов в апреле 1927 г. схему общественных работ, чтобы занять миллионы неквалифицированных рабочих («СССР: 4 Съезд Советов», М., 1927, с. 372).

37. См. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 63—67, по поводу этих коллективов. Строительные рабочие на крупных объектах обычно работали не индивидуально, а артелями, некоторые из которых представляли собой небольшие религиозные сообщества (обычно баптистские); отмечалось, что Днепрострой был первым крупным строительным объектом, на котором система артелей была нарушена (*Аржанов и Михалевич*. Днепрострой к XVI съезду ВКП(б). М., 1930, с. 38—41; *И. Некрасова*. Ленинский план электрификации. М., 1960, с. 103).

38. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 69.

39. См. ниже, гл. 22.

40. См. «Междущарствие...», гл. 2.

41. «Коммунистическая партия Украины в резолюциях». Киев, 1958, с. 366; на последовавшем Всеукраинском съезде профсоюзов один из делегатов обвинил хозяйственные органы в привлечении рабочей силы прямо «из деревни» и заявил, что органы советской торговли якобы оказывают «покровительство во многих местах для создания себе насиженных местечек» («Стенографический отчет 3-го Всеукраинского съезда профсоюзов», Харьков, 1927, с. 257—258).

42. «КПСС в резолюциях». М., 1954, ч. 2, с. 324.

43. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 350. Делегат от Всеработземлеса описывал способ, с помощью которого хозяйственные органы на Урале получали сезонную рабочую силу для лесоразработок и строительства; использовались частные агенты, которым платили 50 коп. за каждого привлеченного человека; рабочих отправляли в грязных и неотапливаемых товарных вагонах (там же, с. 416). Как отмечал один из авторов в «Труде» от 1 декабря 1926 г., хозяйственники предпочитали использовать крестьян, которые «менее требовательны, чем городские рабочие, и обладают большей физической выносливостью».

44. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 752.

45. «Правда», 17 ноября 1927 г., «Дискуссионный листок», № 7.

46. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», 325—326, 340—341, 344.

47. Там же, с. 66, 324—325; в отношении растущего числа рабочих, набираемых через биржи труда, см. таблицы в «Обзоре деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 35, 37, а в отношении перечня предприятий, с которыми биржи труда заключили договоры о предоставлении рабочей силы, см. там же, с. 36.

48. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 123.

49. «Стенографический отчет 3-го Всеукраинского съезда профсоюзов», 1927, с. 257; приговор был подтвержден критически настроенными наблюдателями за рубежом: «Невозможно даже мечтать о поглощении столь гигантского наплыва людей в промышленность и другие рабочие места в городах» («Социалистический вестник» (Берлин), № 24 (142), 20 декабря 1926 г., с. 6).

50. «СССР: 4 Съезд Советов», с. 213.

51. «Съезды Советов в документах», М., 1960, т. 3, с. 125.

52. «2 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 созыва». М., (б. д. [1927]), с. 264; мрачный прогноз был повторен Рыковым на XV съезде партии двумя месяцами позже («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 874).

53. В отношении этих кампаний см. выше, ч. 1, гл. 13.

54. Архивы Троцкого, Т 887; благодаря режиму экономии между мартом и сентябрем 1926 г. численность промышленной рабочей силы немного сократилась, но после этого вновь постепенно выросла («СССР: От съезда к съезду (май 1925 г. — апрель 1927 г.)». М., 1927, с. 30).

55. Относительно этой декларации см. выше, ч. 1, гл. 1.

56. «СССР: 4 Съезд Советов», с. 368—369.

57. Там же, с. 389—390; относительно обратного эффекта безработицы на дестимулирование рационализации и механизации см. выше, ч. 1, гл. 1б.
58. Архивы Троцкого, Т 2167; относительно этого сообщения см. выше, ч. 1, гл. 3.
59. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 207.
60. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 456; этот оптимизм, однако, не разделялся ни Куйбышевым, ни Рыковым (см. выше, гл. 17).
61. «Правда», 2 декабря 1927 г., «Дискуссионный листок», № 11. Среди строителей, набранных для Днепростроя, 24% были крестьянами и 74% в прошлом промышленными рабочими, но 58% были безработными в течение не менее 3 месяцев (Аржанов и Михалевич. Цит. выше, с. 34—35). Как отмечено в «Большой Советской Энциклопедии» (т. 32. М., 1935, кол. 773), большинство рабочих на Днепрострое «пришли из крестьянства и не знали, что такое коллектив, что такое трудовая дисциплина».
62. «Экономическое обозрение», № 9, 1928, с. 97.
63. Постановление не было включено в официальное собрание законов, и его текст найти не удалось; однако весьма очевидно, что его основные положения изложены в тезисах, представленных на VI съезде юридических работников РСФСР в октябре 1928 г. и опубликованных в «Еженедельнике советской юстиции», № 46—47, 12—19 декабря 1928 г., и в законе РСФСР от 26 марта 1929 г. («Собрание узаконений», 1929, № 37, ст. 388), в котором приводятся сетоования на задержки с введением некоторых из них. Закон от 26 марта 1928 г. дополнительно обсуждается в следующем томе.
64. «Собрание законов», 1928, № 62, ст. 563.
65. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 322.
66. «Торгово-промышленная газета», 15 мая 1926 г.
67. С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. М., 1928, с. 437. Первый госплановский проект пятилетки в марте 1926 г. намечал прирост численности промышленной рабочей силы на миллион человек за четыре года («Проблемы планирования (итоги и перспективы)». М., 1926, с. 6); годом позже во втором проекте прирост был сокращен до 350—400 тыс. чел. за пять лет («Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.» М., 1927, с. 12). В отношении этих проектов см. ниже, гл. 37.
68. Sechster Kongress der Kommunistischen Internationale, iii, 1928, S. 519.
69. Г. М. Кржижановский и др. Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства на 1928/29 год. М., 1929, с. 71—72.
70. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 47, 452—453.
71. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 25.
72. Там же, с. 511.
73. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, с. 91; т. 2, ч. 2, с. 197; относительно более ранней оценки см. выше, с. 13.
74. «Большевик», № 11, 15 июня 1929 г., с. 45. Статья в «Экономическом обозрении» (№ 9, 1929, с. 88—100) считала, что госплановская оценка страдает «вредным оптимизмом», и заключала, что «мы не можем до известной степени избежать безработицы вследствие проводимой нами рационализации и механизации». Статья была опубликована как дискуссионная с критическими замечаниями редакции, говорившими, что здесь изложена «общая пессимистическая установка автора в вопросах борьбы с безработицей»; однако контр-статья, появившаяся двумя месяцами спустя, говорила главным образом не об индустриализации в качестве средства от безработицы, а «о том влиянии, которое окажет на аграрное перенаселение намечаемая реконструкция сельского хозяйства» (там же, № 11, 1929, с. 55).
75. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 382; наступление усугублялось тем фактом, что уволенные были членами профсоюза, а большинство вновь принятых ими не были.
76. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 350—354; относительно жалобы Шмидта см. выше, с. 12.
77. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 667.

78. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 558.
79. Цифры начиная с 1923 г. приведены в публикации «Труд в СССР» (М., 1936, с. 95), но их надежность для более ранних лет проблематична: цифры для конкретных отраслей (там же, с. 109, 116, 123, 137, 145, 155, 187) характеризуются широким разбросом, но в общем подтверждают выводы, сделанные ниже.
80. «Социалистическое строительство СССР», с. 340—343; там же, с. 531.
81. «Торгово-промышленная газета», 2 августа 1927 г.
82. Там же, 2 июля 1927 г.
83. *Аржанов и Михалевич*. Цит. выше, с. 21.
84. «Торгово-промышленная газета», 27 сентября 1928 г.
85. Там же, 11 апреля 1928 г.
86. «Экономическое обозрение», № 10, 1929, с. 148.
87. «Состав фабрично-заводского пролетариата СССР», с. 8, 42, 44, 48, 52.
88. «СССР: 5 Съезд Советов». М., 1929, с. 8.
89. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
90. «Первые шаги индустриализации СССР 1926—1927 гг.» М., 1929, с. 223; «Труд в СССР». М., 1936, с. 25.
91. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 155—156.
92. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 287.
93. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 508.
94. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 141, 197—198, 209, 343—344; спустя два года положение не улучшилось, тогда из 1276 инспекторов лишь 42 были женщинами («Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 358).
95. См. ниже, гл. 18.
96. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 2, ч. 2, с. 180.
97. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 77—78.
98. Там же, с. 323.
99. Там же, с. 358.
100. Там же, с. 525, 557.
101. «Экономическое обозрение», № 9, 1929, с. 90.
102. «Состав фабрично-заводского пролетариата СССР», с. 64.
103. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 7 (266), 20 марта 1929 г., с. 15; в отношении ВТУЗов см. ниже, гл. 21.
104. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
105. Согласно статистике бирж труда, ежегодно трудового возраста в городах достигало 400 тыс. подростков (*Л. Рогачевская*. Из истории рабочего класса СССР, с. 57, прим. 125).
106. «Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду». М., 1928, с. 125.
107. Средний заработок подростков составлял 40,3% от заработка взрослых в 1926 г. и 41,6% — в 1927 г. (там же, с. 120).
108. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
109. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 182; «Оппозиция и комсомол». М., 1927, с. 10; зарегистрированы следующие процентные показатели: январь 1923 г. — 6,5; январь 1924 г. — 5,5; июль 1924 г. — 4,8; январь 1925 г. — 5,1; июль 1925 г. — 5,0; январь 1926 г. — 5,6; июль 1926 г. — 5,4; январь 1927 г. — 5,4. В печатном деле минимум составлял, по-видимому, даже 13%; один из руководителей требовал его снижения до 8—9% («Предприятие», № 7, 1926, с. 40).
110. «Профессиональные союзы СССР, 1924—1926: Отчет к VII съезду». М., 1926, с. 124—125.
111. Относительно этой декларации см. выше, ч. 1, гл. 13.
112. «Состав фабрично-заводского пролетариата СССР», с. 34; аналогичные цифры приводились для других отраслей.
113. «VII съезд Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи». М., 1926, с. 353—354.

114. В отношении некоторых данных о развитии фабрично-заводских школ с 1921 по 1926 г. см. «Вопросы истории», № 12, 1963, с. 199—203.
115. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 576.
116. Госплановские контрольные цифры на 1926/27 хоз. г. давали оценку, что из 64 тыс. квалифицированных рабочих, принятых на работу в промышленности в том году, лишь 15 тыс. чел. были выпускниками школ фабзавуча («Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 91); согласно «Контрольным цифрам народного хозяйства СССР на 1928—1929 год» (с. 458), в 1926—1927 гг. курс подготовки в ФЗУ закончило 14 300 чел., а в 1927—1928 гг. — 18 600 чел. (включая закончивших транспортные училища).
117. Л. Рогачевская. Цит. выше, с. 56.
118. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
119. «Оппозиция и комсомол». М., 1927, с. 100—101.
120. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам». М., 1957, т. 1. с. 568—569; как отмечал годом позже В. В. Куйбышев, по заявлениям ЦИТ для подготовки квалифицированного рабочего ему требуется три месяца при затратах 150 руб., тогда как курс подготовки в школе ФЗУ длится год и стоит 800 руб. («2 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 247). Расходы на школы ФЗУ в 1928—1929 гг. составили 35,7 млн. руб., а на курсы ЦИТ — 5,4 млн. руб. («Пятилетний план народного хозяйства и строительства СССР», т. 2, ч. 2, с. 246); годовой выпуск рабочих из школ ФЗУ был всего лишь в 2,5 раза выше, чем из курсов ЦИТ (там же, т. 1, с. 77).
121. «ВЛКСМ в резолюциях». М., 1929, с. 244, 248; в это время отмечалось постепенное исчезновение квалифицированных рабочих «полуремесленного» типа и возникла необходимость подготовки рабочих стандартизованной квалификации в массовом масштабе («Оппозиция и комсомол», с. 102—103).
122. «Справочник партийного работника». М., 1928, т. 6, ч. 1, с. 694—696, 696—697; см. также ниже, гл. 21.
123. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 288.
124. Там же, с. 328—331, 348—352, 391; одним из вопросов было предложение профсоюзов ввести отдельную тарифную сетку для учеников (см. ниже, гл. 19), в котором была заподозрена попытка снизить их заработок, и оно было отклонено VII съездом ВЛКСМ в марте 1926 г. («ВЛКСМ в резолюциях», с. 249). Относительно возраста для допуска в профсоюзы см. ниже, гл. 20.
125. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 411—413; «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 324—325.
126. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 368—369; в строительной промышленности минимум регулярно трактовался как доля по отношению лишь к квалифицированным рабочим, и тем самым из этой отрасли он фактически исключался («Профессиональные союзы СССР: Отчет к VII съезду», с. 191).
127. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 1, с. 671; по поводу этого закона см. выше, ч. 1, гл. 13.
128. «Комсомольская правда», 27 марта 1927 г.; опубликован стенографический отчет конференции, но найти его не удалось. Официальная позиция защищается в брошюре «Оппозиция и комсомол», с. 45—50, 91—110.
129. «ВЛКСМ в резолюциях», с. 291.
130. «Съезды Советов в документах», т. 3, с. 125.
131. «Комсомольская правда», 9 июля 1927 г.
132. «Правда», 10 февраля 1928 г.
133. Тезисы найти не удалось, но они цитируются в публикации «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ» (с. 56) и в публикации «Шестнадцатая конференция ВКП(б)» (М., 1962, с. 212); первоначально они были опубликованы в ежемесячном журнале ЦИТ (там же, с. 796, прим. 150).
134. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», с. 54—59.
135. Там же, с. 225—229; по поводу этой резолюции см. выше, с. 22.
136. «ВЛКСМ в резолюциях», с. 314, 323—324.
137. «КПСС в резолюциях», ч. 4, с. 385—386.

138. См. ниже, гл. 20.
139. Общее представление о работе съезда см. ниже, гл. 20.
140. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», 1929, с. 110—113; относительно обстановки, в которой была произнесена речь, см. ниже, гл. 20.
141. Там же, с. 145.
142. Там же, с. 176—177; по поводу восхваления Гастева Томским см. там же, с. 192.
143. Там же, с. 349—350.
144. «Большевик», № 8, 30 апреля 1929 г., с. 46—47.
145. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 212—214.
146. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 2, ч. 2, с. 164.
147. Там же, т. 1, с. 77.
148. См. ниже, гл. 19.
149. См. ниже, табл. 21; несколько иные цифры см. «Экономическое обозрение», № 4, 1929, с. 159—160.
150. См. ниже, табл. 22.
151. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 447.
152. Там же, с. 463.
153. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 323.
154. См. ниже, табл. 22; некоторые процентные пересчеты см. «Экономическое обозрение», № 4, 1929, с. 161, 169.
155. Там же, с. 171.

Глава 18. Борьба за производительность труда

1. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
2. Таблица в госплановских контрольных цифрах на 1927—1928 г. приводит процентное соотношение энергии (рассчитанной в л. с.-час), получаемой из разных источников в трех ведущих странах:

	Энергия человека	Энергия животных	Механичес- кая энергия
США	1,1	9,1	89,8
Великобритания	2,3	3,2	94,5
СССР	9,3	58,0	32,7

(«Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 444—445). В Советском Союзе «производительность» была наивысшей в нефтяной, резинотехнической, кожевенной и химической промышленности, которые работали на современном оборудовании, и самой низкой в угольной промышленности, стекольной и спичечной промышленности («Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 324—325). Осенью 1928 г. Э. И. Квинринг отмечал, что в Норвегии благодаря высокой степени механизации требуется лишь несколько сот рабочих для строительства гидроэлектростанции; в это время на Днепрострое было занято 12 тыс. рабочих («Днепрострой», № 2—3, 1928, с. 4; «Торгово-промышленная газета», 6 октября 1928 г.).

3. «На аграрном фронте», № 7—8, 1926, с. 37.
4. См.: «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
5. Относительно призыва и постановления см. выше, ч. 1, гл. 13.
6. В отношении этого постановления см. там же.
7. Речь была несколько запоздало приведена в «Торгово-промышленной газете» от 1 октября 1926 г.; указывалось, что число прогулов было в два-три раза выше, чем до войны («Торгово-промышленная газета», 10 августа 1927 г.).
8. Там же, 8 июня 1926 г.
9. «Известия», 2 июля 1926 г.
10. «Большевик», № 13, 15 июля 1926 г., с. 50.
11. «Торгово-промышленная газета», 2, 3 июля 1926 г.

12. Там же, 1 июля 1926 г.
13. См. выше, ч. 1, гл. 12.
14. «Предприятие», № 7, 1926, с. 79—80.
15. «Торгово-промышленная газета», 3, 14 июля 1926 г. Кампания продолжалась весь год. В сентябре 1926 г. отдел экономики труда ВСНХ в сотрудничестве с представителями московских трестов подготовил новые правила работы на предприятиях; собрания, чтение газет, выдача библиотечных книг и сбор профсоюзных взносов в рабочее время были запрещены; прогулявшие более четырех дней подлежали увольнению. Симуляция болезни наказывалась на первый раз понижением разряда, во второй раз — увольнением («Торгово-промышленная газета», 26 сентября 1926 г.; неясно, были ли эти правила утверждены и применялись ли они). В отношении приказа от 19 июля 1927 г., содержащего длинный перечень нарушений дисциплины, наказываемых на первый раз выговором, а при повторении увольнением, см. S. Zagorsky. Wages and Regulation of Conditions of Labour in the USSR. Geneva, 1930, p. 15—16.
16. «Деревенский коммунист», № 13, 15 июля 1926 г., с. 7.
17. См.: «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
18. Доклад Шмидта найти не удалось; замечания Троцкого см. Архивы Троцкого, Т 887. Листовка, озаглавленная «Рабочий вопрос» и распространявшаяся в то время нелегально, была издана, видимо, не «объединенной оппозицией», а «демократическими централистами» и заявляла без особых доказательств, что режим экономии превратился в «средство нажима» на рабочего и что на заводах и фабриках воцарилось «полное самодержавие администрации» (цитируется в: «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 631—632); Н. И. Бухарин высказался по ее поводу — «совершенно исключительно возмутительная листовка» (там же, с. 579).
19. См. ниже, гл. 19; в отношении совместной партийно-правительственной декларации от 16 августа 1926 г., осуждавшей «искажения» «режима экономии» за счет рабочих, см. выше, ч. 1, гл. 13.
20. «Торгово-промышленная газета», 21 июля 1926 г.; окончательные результаты за текущий 1925/26 хоз. г. продемонстрировали повышение производительности труда на 12% (см. ниже, табл. 24).
21. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 86—88; Госплан исходил из предпосылки, что цены останутся постоянными в течение года и нет необходимости разграничивать номинальный и реальный заработок.
22. «Торгово-промышленная газета», 2, 14 сентября 1926 г.
23. «Правда», 24 сентября 1926 г.
24. «Экономическая жизнь», 6 октября 1926 г.
25. «Торгово-промышленная газета», 10 октября 1926 г.
26. «Вестник Коммунистической академии», № 17, 1926, с. 203.
27. Там же, № 17, с. 248.
28. «Торгово-промышленная газета», 22 октября 1926 г.; в отношении дискуссии о снижении издержек см. выше, ч. 1, гл. 13.
29. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 314—318.
30. Там же, с. 321, 354; Томский также упомянул о «безуспешном» дебюте Теплова на партийной конференции (там же, с. 406). Однако выступление Теплова было поддержано еще одним хозяйственником (там же, с. 344—347). Категорию «злостного» прогула определить, очевидно, было затруднительно; Томский пролил некоторый свет на это явление, когда объяснял, что многие обоснованные невыходы на работу были вызваны необходимостью ухода за детьми или жилищными проблемами (там же, с. 403—404). В своем кратком ответе Теплол признал, что широкое распространение прогулы получили только среди неквалифицированных рабочих (там же, с. 417). Согласно более поздней статистике, число дней, потерянных из-за невыходов по неуважительной причине, выросло с 7,43 на одного работника в 1925 г. до 7,86 в 1926 г.; шахтеры Донбасса характеризовались наихудшими показателями по прогулам («Социалистическое строительство СССР», с. 339; более поздние данные см. ниже, гл. 18).
31. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 315—316, 320.

32. «Торгово-промышленная газета», 7 ноября 1926 г.
33. «Труд», 9 ноября 1926 г.
34. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 15—16.
35. Там же, с. 49—50; несколькими днями ранее Томский использовал тот же довод почти в той же формулировке (это, видимо, была обдуманная заготовка) на 3-м Всеукраинском съезде профсоюзов в Харькове («Стенографический отчет 3-го Всеукраинского съезда профсоюзов», с. 17—18).
36. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 467, 486, 522—523.
37. Там же, с. 507.
38. Там же, с. 531.
39. Там же, с. 745, 796.
40. См. выше, ч. 1, гл. 13.
41. Там же.
42. «ВЛКСМ в резолюциях», с. 292.
43. «СССР: 4 съезд Советов», с. 70—71.
44. «Съезды Советов в документах», т. 3, с. 124.
45. «Труд», 21 апреля 1927 г.
46. См. табл. 24, 25; относительно целевых показателей см. выше, гл. 18.
47. «Торгово-промышленная газета», 6 сентября 1927 г.
48. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 220; см. также «Правда», 10 сентября 1927 г.
49. Директива опубликована в «Торгово-промышленной газете» и «Труде» от 30 октября 1927 г. и в «Правде» от 1 ноября 1927 г.; относительно результатов достигнутых в 1927—1928 гг., см. ниже, гл. 18.
50. См. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17. Троцкий, несомненно, ясно воспринимал обвинение в несовместимости и пытался с ним бороться; 21 сентября 1926 г. он писал неназванному корреспонденту, что «меры военного коммунизма и интенсивного нажима» могут быть эффективными только в течение ограниченного времени и что «в условиях длительного строительства социализма дисциплина рабочих должна базироваться все больше на самоактивизации рабочих и их заинтересованности в результатах своего труда» (Архивы Троцкого, Т 895).
51. *L. Trotsky. The Real Situation in Russia.* (n. d. [1928]), p. 36, 49, 52. Тема того, что рационализация производства означает прежде всего возрастание давления на рабочего, была дежурной темой оппозиционных критиков в то время; Бухарин предпринял попытку бороться с такого рода нападками в своей оптимистичной речи 26 октября 1927 г., в которой он лирическим образом описывал рационализацию как нечто, подразумевающее «более высокий тип рабочего, повышенный ритм труда, более высокую интенсивность труда, и одновременно большие возможности у рабочей силы по развитию более высокой интенсивности труда» (относительно этой речи см. выше, ч. 1, гл. 2).
52. Согласно статистике, цитированной в работе С. Г. Струмилина «Проблемы экономики труда» (М., 1957, с. 481), среднее число часов в день, отработанное в промышленности, упало с 8,9 в 1917 г. до 7,6 в 1925 г. и 7,5 в 1926 и 1927 гг., а в 1928 г. снизилось до 7,4 часа в день.
53. «Правда», 16, 18 октября 1927 г.; этот отрывок содержится во второй части публикации (в разделе 8 речи). Ни краткий отчет по материалам обсуждения речи Бухарина (там же, 14 октября 1927 г.), ни материалы одновременно проходившего заседания ВЦСПС (там же, 13, 14 октября 1927 г.) не упоминают семичасового рабочего дня. Это была речь, в которой Бухарин объявил об «усиленном наступлении на кулака» (см. выше, ч. 1, гл. 2). Особую пикантность выбору Бухариным этого лозунга придавал тот факт, что в октябре 1926 г. на XV партийной конференции он весьма высокомерно отзывался о семичасовом рабочем дне как о разновидности демагогических предложений, которые можно было бы ожидать от меньшевистских или социал-демократических еретиков («XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 592—593).
54. По поводу манифеста см. выше, ч. 1, гл. 2.
55. «Торгово-промышленная газета», 18 сентября 1927 г.; относительно этой комиссии см. ниже, гл. 37.

56. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 11—12, 1927, с. 21. Относительно прежнего использования Струмилиным того же довода см. ниже, прим. 58; А. И. Рыков повторил его на XV съезде партии в декабре 1927 г. («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 874).

57. «Правда», 19 октября 1927 г.; относительно Л. Сабсовича см. выше, ч. 1, гл. 12.

58. Троцкий знал об этом предложении уже к 10 октября 1927 г., когда он написал критикующую его записку (Архивы Троцкого, Т 3097). Впоследствии говорилось, что предложение было фактически подготовлено и обсуждено заранее; однако свидетельства, приводимые в пользу этого утверждения, весьма скудны. На VII съезде профсоюзов в декабре 1926 г. о двухсменной системе в текстильной промышленности говорилось как о нормальном явлении и даже о трехсменке в отдаленной перспективе («Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 861). Ссылки делались в «Правде» от 18 октября 1927 г. на статью в «Плановом хозяйстве» (№ 5, 1927, с. 59—72) и на госплановский проект пятилетнего плана, а также в «Правде» от 25 октября 1927 г. на якобы сделанное Дзержинским предложение 18-месячной давности. Однако статья в «Плановом хозяйстве» являла собой утопический экскурс в перспективу достижения шестичасового рабочего дня к 1940 г., и единственным следом госплановского предложения может считаться сделанное Струмилиным на втором съезде госпланов в марте 1927 г. упоминание о том, что «мы ставим на обсуждение проблему сокращения рабочего дня и увеличения числа смен» как средство борьбы с безработицей, которое было сочтено желательным, но практически непригодным (С. Г. Струмин. «Очерки советской экономики», с. 481). Ю. Ларин, несправильный эксцентрик, предложил на IV Всесоюзном съезде Советов в апреле 1927 г. ввести четыре шестичасовые смены в отраслях квалифицированного труда, в том числе в типографском деле («СССР: 4 съезд Советов», с. 369).

59. Архивы Троцкого, Т 1029.

60. Там же, Т 3098; речи Троцкого и Зиновьева были опубликованы на немецком языке в «Die Fahne des Kommunismus», Nr. 35, 11 November 1927.

61. «2 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза СССР 4 созыва», с. 34; резолюция девятого ИККИ Коминтерна в феврале 1928 г. также приветствовала семичасовой рабочий день как свидетельство того, что Советский Союз опередил капиталистические страны по условиям труда рабочих («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 746).

62. Относительно речей Евдокимова и Троцкого см. выше, ч. 1, гл. 2.

63. «ВКП(б) в резолюциях». М., 1941, ч. 2, с. 195; результаты голосования с удовлетворением приветствовались в передовице «Правды» от 26 октября 1927 г., которая отмечала, что оппозиция «была вынуждена ясно ответить: да или нет» и «проголосовала не только против семичасового рабочего дня, но и против манифеста ЦИК в целом» (комментарии в работе S. Schwartz. Labor in the Soviet Union. N. Y., 1952, p. 260, note 4, базируются на неверном прочтении этой статьи).

64. «Торгово-промышленная газета», 4 ноября 1927 г.

65. «Собрание законов», 1927, № 65, ст. 662.

66. «Профессиональные союзы СССР 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 416.

67. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 1, с. 259—262.

68. Декларация не публиковалась и известна только из цитат в работе «Партия и оппозиция накануне XV съезда» (М., 1928, т. 2, с. 160—179) и в материалах «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», (т. 1, с. 380); согласно словам Томского в его речи на съезде (там же, т. 1, с. 331), он получил ее «вчера», т. е. 5 декабря 1927 г.

69. Там же, т. 1, с. 335.

70. Там же, с. 141.

71. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 439.

72. Один из партийных авторов позже разъяснял, что семичасовой рабочий день «неотделимо связан с введением дополнительной смены и с необходимостью значительной концентрации работы» и что «требования рынка» делают это изменение настоятельным велением времени («Большевик», № 8, 30 апреля

1928 г., с. 41—42); объявление о немедленном переходе 14 текстильных фабрик на трехсменку говорило о крайней необходимости улучшения снабжения тканями сельских районов («Торгово-промышленная газета», 8 января 1928 г.).

73. «Предприятие», № 11, 1927, с. 6.

74. «Государственное регулирование труда и профсоюзы». М., 1929, с. 62.

75. «Экономическое обозрение», № 8, 1928, с. 43.

76. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 15—16.

77. «Плановое хозяйство», № 10, 1928, с. 304.

78. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 18; сообщалось о переводе шахт Сталинского шахтоуправления на шестичасовой рабочий день, и было объявлено о плане перехода на него в Шахтинском районе («Правда», 29 сентября, 18 октября 1928 г.).

79. «Предприятие», № 1, 1928, с. 86—88.

80. «Большевик», № 8, 30 апреля 1928 г., с. 43—44.

81. «Экономическое обозрение», № 8, 1928, с. 51—54.

82. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 16—17 (237—238), 25 мая 1928 г., с. 9—10.

83. «Экономическое обозрение», № 8, 1928, с. 43. Производительность труда в ночную смену была на 4,1% ниже, чем в дневные смены; это было отчасти связано с тем, что ночная смена была третьей сменой непрерывного цикла и атмосфера в цехах была влажной и перегретой (там же, № 6, с. 110).

84. «Правда», 5 июля 1928 г.

85. «Труд», 12 января 1928 г.; этому возражали также некоторые руководители («Предприятие», № 1, 1928, с. 86).

86. «Труд», 1 октября 1928 г., где говорится, что смены с перерывами действуют «почти везде».

87. См. Социализм в одной стране..., т. 1, гл. 7.

88. «Труд», 7 января 1928 г.; семимесячный предел годом позже был заменен шестимесячным («Собрание законов», 1929, № 4, ст. 30; № 16, ст. 133). Одна из делегатов на VIII съезде профсоюзов в декабре 1928 г. жаловалась, что профсоюзы ничего не делают, чтобы способствовать приведению в действие запрета на привлечение беременных и кормящих женщин к работе в ночную смену («Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 158).

89. «Обзор деятельности НКТ за 1927—1928 гг.», с. 161—162.

90. «Труд», 31 октября 1928 г.; относительно аварийности см. ниже, гл. 22.

91. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 8—9 (267—268), 31 марта 1929 г., с. 2; о сопротивлении рабочих местной ткацкой фабрики см. *M. Fainsod. Smolensk under Soviet Rule*, 1958, p. 51.

92. «КПСС в резолюциях», ч. 4, с. 383—387. Комиссия ссылается на то, что было первоначально сформулировано 11 ноября 1927 г. (см. выше, гл. 18), и в январе 1928 г. было дано распоряжение рассмотреть возможность распространения системы на другие отрасли («Собрание законов», 1928, № 8, ст. 72); относительно запутанности ее работы и о спорах между ВСНХ и ВЦСПС см. «Профессиональные союзы СССР: Отчет к VIII съезду», с. 419—421.

93. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 3.

94. Там же, с. 332—333.

95. Там же, с. 524—525, 557.

96. «Собрание законов», 1929, № 4, ст. 30; план в том виде, как он был утвержден в апреле 1929 г., содержал подробные данные относительно предполагавшегося перехода в отраслях группы «А» и «Б» («Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 2, ч. 2, с. 182). В это время в качестве поучительного примера интенсивного использования основных фондов приводили заводы Форда в Детройте, работавшие круглосуточно шесть дней в неделю, хотя отдельный рабочий трудился всего пять дней. «Плановое хозяйство», № 2, 1929, с. 187).

97. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.

98. «Торгово-промышленная газета», 23 и 26 августа 1926 г.; по данным журнала «красных директоров», на Путиловском заводе нормативы не менялись с марта 1924 г. по апрель 1926 г. («Предприятие», № 4, 1926, с. 85—86). «Труд»

- от 22 августа 1926 г. описывал борьбу трестов за повышение нормативов на ленинградских заводах в новых коллективных договорах.
99. «Торгово-промышленная газета», 7 ноября 1926 г.
 100. Относительно этой резолюции см. выше, с. 32.
 101. Относительно этого постановления см. выше, ч. 1, гл. 13
 102. «Торгово-промышленная газета», 17 августа 1927 г.
 103. Там же, 15 октября 1927 г.
 104. Там же, 22 октября 1927 г.
 105. Об этом см. выше, с. 35.
 106. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 961.
 107. «Торгово-промышленная газета», 30 июня 1928 г., которая приводила свежие примеры сопротивления профсоюзов пересмотру нормативов; найти циркуляр не удалось.
 108. «Труд», 6 января 1928 г.
 109. «Торгово-промышленная газета», 17 февраля 1928 г.
 110. Там же, 17, 27 июня 1928 г.
 111. См. ниже, табл. 24.
 112. См. ниже, табл. 25; в отчете ВЦСПС съезду профсоюзов в декабре 1928 г. говорилось о повышении производительности труда в 1927—1928 гг. на 14%, тогда как реальная заработная плата оставалась прежней или падала («Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», 316—317).
 113. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 153.
 114. «Торгово-промышленная газета», 10 июня 1928 г.
 115. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 151—155; таблицу, демонстрирующую по отраслям темпы роста, см. там же, с. 468.
 116. «Торгово-промышленная газета», 16 октября 1928 г.
 117. «Экономическое обозрение», № 3, 1929, с. 10; более ранняя статья отмечала «новую волну ослабления трудовой дисциплины» летом 1928 г. (там же, № 11, 1928, с. 14—15; этот журнал отражал точку зрения ВСНХ). Отчет ВЦСПС от декабря 1928 г. признавал, что «летом 1928 г. в некоторых местах мы имели ослабление трудовой дисциплины, что до некоторой степени замедлило рост производительности труда» («Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 316—317).
 118. «Экономическая жизнь», 12 августа 1928 г.; в отношении яркого описания тяжелых условий работы на шахтах Донбасса см. *H. R. Knickerbocker The Soviet Five-Year Plan, 1931, p. 168—172.*
 119. «Торгово-промышленная газета», 7, 12 сентября 1928 г.
 120. «Экономическое обозрение», № 3, 1929, с. 5—6; относительно «шахтинского дела» см. ниже, гл. 21.
 121. «Экономическое обозрение», № 10, 1929, с. VI.
 122. «Предприятие», № 12, 1928, с. 12; по поводу спора вокруг «единоличного руководства» см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.
 123. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 507; относительно этой резолюции см. ниже, гл. 21. В отношении положения о трестах см. выше, «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17. Проблема продолжала вызывать тревогу; 5 сентября 1929 г. ЦК ВКП(б) издал Постановление «О мерах по упорядочению управления производства и установлению единоначалия», которое требовало от партийных и профсоюзных органов поддерживать «мероприятия, проводимые руководителями предприятий, направленные к укреплению производственной дисциплины» («Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 2, с. 102—106).
 124. «Торгово-промышленная газета», 27 ноября 1928 г.
 125. Сообщения о дебатах приведены там же, 28, 29, 30 ноября 1928 г.; относительно Л. Гинзбурга см. ниже, гл. 19.
 126. См. выше, с. 43 и табл. 24 приложения.
 127. «Социалистическое строительство СССР», с. 339; в декабре 1928 г. на VIII съезде профсоюзов Гинзбург заявлял, что средняя годовая выработка дней на одного рабочего выросла в 1927—1928 гг. на два дня и сократилось число

прогулов («Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 411). Статистика, приведенная в журнале «Статистическое обозрение» (№ 12, 1929, с. 30), показывает, что показатель невыходов на работу за 1928—1929 гг. составил лишь 74,4% показателя за 1927—1928 гг.

128. «Труд в СССР», с. 96; согласно данным «Экономического обозрения» (№ 9, 1929, с. 115), среднее число отработанных дней в отраслях группы «А» упало с 261,6 в 1926—1927 гг. до 255,2 в 1927—1928 гг., а в отраслях группы «Б» выросло с 261,3 до 263,5 дня.

129. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.

130. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 42—44.

131. Там же, с. 96, 419.

132. Там же, с. 519, 522.

133. Там же, с. 401.

134. Там же, с. 554.

135. См. ниже, гл. 20.

136. См. ниже, табл. 24.

137. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, с. 94.

138. См. выше, ч. 1, гл. 13.

139. «СССР: 4 съезд Советов», с. 263—264.

140. Относительно подробностей этих соревнований и участия комсомольской прессы см. *Л. Рогачевская*. Из истории рабочего класса СССР, с. 152—155.

141. «Торгово-промышленная газета», 1 сентября 1927 г.

142. *Л. Рогачевская*. Цит. выше, с. 148—150; «Торгово-промышленная газета», 28 апреля 1928 г.

143. Там же, 27 сентября 1927 г.

144. *Л. Рогачевская*. Цит. выше, с. 165—168, с. 165—168, и цитированные там источники; ЦК ВКП(б) принял резолюцию, поддержавшую призыв ВЛКСМ провести «коммунистическую субботу» в ознаменование 10-й годовщины революции («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 37—38 (210—211), 8 октября 1927 г., с. 9). Московские ткацкие фабрики отработывали «коммунистические субботы» (вероятно, 2—3 часа неоплачиваемых сверхурочных) 14, 21 и 28 января 1928 г. (*Г. Конюхов*. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями. М., 1960, с. 94, 96). Относительно «коммунистических суббот» 1919 г. см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

145. Более поздний комментатор, пользуясь архивными материалами, проследил историю ударных бригад до 1926 г. и связал соревнование между предприятиями с фабрично-заводскими производственными конференциями («Вопросы истории», № 6, 1953, с. 38); относительно производственных конференций см. ниже, гл. 20.

146. См. выше, с. 44.

147. «Собрание законов», 1928, № 42, ст. 384; № 43, ст. 387. Относительно этого фонда см. также ниже, гл. 22.

148. «Собрание законов», 1927, № 45, ст. 456.

149. «Собрание законов», 1928, № 59, ст. 523, 524.

150. Эта кампания обсуждается в следующем томе.

151. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 22, с. 158—167.

152. «Economic Review of the Soviet Union», Washington, iv, No. 18, September 15, 1929, p. 313.

153. «Комсомольская правда», 26 января 1929 г.; в отношении резолюций Компартии Украины по данному вопросу с марта по май 1929 г. см. «Исторические записки», № 43, 1953, с. 203—204. Ряд сборников документов, относящихся к соревнованию и ударным бригадам в Москве, Ленинграде, на Украине и в других местах, перечислен в «Вопросах истории», № 2, 1965, с. 126.

154. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 10 (269), 12 апреля 1929 г., с. 13—15.

155. Отчеты по этой деятельности перед ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС перепечатаны из архивов в публикации «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР» (М., 1956, с. 214—217, 236—239); та же книга содержит множество подробных сообщений с заводов. В отношении примеров соревнования

внутри заводов или между ними см. «Экономическое обозрение», № 5, 1929, с. 3—4; заявлялось о повышении производительности труда на 20% и более.

156. «Правда», 17 апреля 1929 г.; «Труд», 24 апреля 1929 г.; обе газеты цитировались на XVI партийной конференции («Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 146). С другой стороны, сообщение партийного руководителя из западного региона РСФСР свидетельствует о сильном сопротивлении «соцсоревнованию», которое именовалось «ярмом для рабочих» и средством для повышения норм выработки (*M. Fainsod. Smolensk under Soviet Rule, 1958, p. 312—313*). И. В. Сталин в своей знаменитой статье от 1 ноября 1929 г. хвастался, что «...за последний год... нам удалось добиться **решительного перелома** в области производительности труда» (*И. В. Сталин. Соч., т. 12, с. 119*).

157. Цитируется из «Harper's Monthly Magazine», December 1931, в работе *J. Freeman. The Soviet Worker, 1932, p. 95*; аналогичный диагноз был поставлен другим иностранным наблюдателем: «Русские легко утомляются своей работой и жаждут заняться чем-либо новым; они способны к всплеску бурного энтузиазма и энергии, после чего следует период слабости и апатии, что, несомненно, отчасти объясняется климатом с его коротким стремительным летом и долгой, ведущей к оцепенению зимой» (*L. Hubbard. The Economics of Soviet Agriculture, 1939, p. 7*).

158. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 2, с. 7.

159. «Труд», 22 января 1929 г.

160. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 2, с. 12—17; копия в смоленском партийном архиве, очевидно, имела гриф «Для служебного пользования» (*M. Fainsod. Op. cit., p. 309*).

161. «Труд», 3 марта 1929 г.

162. «Экономическая жизнь», 3 марта 1929 г.; в отношении РКК см. ниже, гл. 20.

163. «Собрание законов», 1929, № 19, ст. 167; в апреле 1929 г. на XVI партийной конференции А. И. Рыков ссылался на «недавнее правительственное постановление об укреплении трудовой дисциплины» («Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 12).

164. Относительно этих дебатов см. ниже, гл. 37.

165. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 72—73; в отношении других ссылок из той же статьи, рассматривающих нормы выработки, тейлоризм и соотношение между заработной платой и произведенной продукцией, см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16.

166. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 615—617.

167. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 615—619; она появилась в «Правде» от 4 мая 1929 г. Проект резолюции IX съезда партии составлял Троцкий (см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17).

168. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 574; относительно этой цифры см. выше, с. 47.

169. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 2, с. 59—61; «Правда», 9 мая 1929 г. Относительно распространения этой кампании на сельское хозяйство см. выше, гл. 11, ч. 1.

170. «СССР: 5 съезд Советов», с. 23, 27; «Съезды Советов в документах», т. 3, с. 152—153.

171. «Профсоюзы СССР». М., 1963, т. 2, с. 491—493; ход дебатов сообщался в «Труде», 2, 8 июня 1929 г. Относительно этого заседания см. ниже, гл. 20.

172. «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР», с. 236.

173. См. ниже, табл. 24 приложения; цифры за 1928—1929 гг. являются «предварительными»; номинальная заработная плата выросла лишь на 11% (см. табл. 25 приложения). В отношении целевого показателя 17% для производительности труда см. выше, с. 43.

174. «Статистическое обозрение», № 12, 1929, с. 32; эта публикация, однако, приводит несколько иные (и, возможно, более поздние) цифры по сравнению с приведенным в табл. 24 (см. следующее примечание).

175. См. табл. 24 приложения.

Глава 19. Заработная плата

1. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
2. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 240.
3. См. ниже, с. 67—68.
4. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7. И. Т. Смилга в речи в Коммунистической академии в сентябре 1926 г. заявил, что реальная заработная плата в сентябре 1925 г. впервые превысила довоенный уровень, но вновь упала в марте 1926 г. до 88% от этого уровня и с тех пор восстановилась лишь до 91% («Вестник Коммунистической академии», № 17, 1926, с. 254).
5. «Торгово-промышленная газета», 9 мая 1926 г.
6. Там же, 4 июня 1926.
7. Относительно этого постановления см. выше, ч. 1, гл. 13.
8. Относительно этой декларации см. выше, ч. 1, гл. 1.
9. Архивы Троцкого, Т 887; относительно доклада Шмидта и речи Троцкого см. выше, гл. 18. О нерегулярности выплаты зарплаток см. ниже, гл. 19.
10. Томский и Бухарин впоследствии дали сходные описания того, что произошло («XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 286, 599); относительно другого соображения Томского, соединившего решение с хорошим урожаем, см. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 240.
11. См. выше, ч. 1, гл. 13.
12. «Собрание законов», 1926, № 57, ст. 418.
13. «Труд», 10 августа 1926 г.; о речи А. И. Рыкова, произнесенной в аналогичной тональности, сообщено в «Известиях», 20 августа 1926 г.
14. «Торгово-промышленная газета», 23 сентября 1926 г.
15. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 9, 1926.
16. См. табл. 25 приложения.
17. См. выше, гл. 18.
18. В связи с противодействием необоснованной централизации в середине 20-х годов в 1927 и 1928 гг. произошел слабый отход от центральных к местным соглашениям; однако в 1928 г. почти 40% рабочих было все же охвачено центральными соглашениями («Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 340—341). Нажим в сторону повышенной централизации осуществлялся ВСНХ, и ему противостояли профсоюзы («Труд», 16 ноября 1928 г.).
19. Относительно примеров этой процедуры см. выше, гл. 18.
20. «Торгово-промышленная газета», 8 октября 1926 г.
21. Там же, 10 октября 1926 г.
22. «Труд», 10 октября 1926 г.
23. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
24. Тот факт, что была необходима регистрация, иногда приводил во время переговоров к консультациям с Наркомтрудом («Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 47—48).
25. «Торгово-промышленная газета», 21 октября 1926 г.
26. Эта декларация обсуждается в последующем томе; отрывок цитируется в материалах «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 497.
27. Цитируется там же, с. 611; относительно этой листовки см. выше, гл. 18, прим. 18.
28. Относительно этой статьи см. выше, ч. 1, гл. 1.
29. Относительно этой речи см. выше, ч. 1, гл. 12.
30. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 338, 402—403.
31. См. выше, гл. 18.
32. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 507.
33. И. В. Сталин. Соч., т. 8, с. 352.
34. «Профессиональные союзы СССР, 1924—1926: Отчет к VII съезду», с. 191.
35. «Стенографический отчет 3-го Всеукраинского съезда профсоюзов», с. 19, 46.

36. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 51—54.
37. Там же, с. 132—133.
38. Там же, с. 700.
39. Там же, с. 782—783.
40. Там же, с. 783—784.
41. «Собрание законов», 1926, № 77, ст. 637.
42. Относительно этой директивы см. выше, гл. 18.
43. «Профессиональные союзы СССР, 1924—1926: Отчет к VII съезду», с. 192.
44. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 784.
45. *L. Trotsky. The Real Situation in Russia* (п. д. [1928]), р. 54. Согласно заявлению на VIII съезде профсоюзов в декабре 1928 г., возросла посещаемость таких собраний; в Москве присутствовало 60—65% рабочих, и в других местах процент посещаемости был даже выше («Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 65).
46. См. выше, гл. 17.
47. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 21; важность вопроса демонстрировалась расчетом, что заработная плата составляла 40% издержек производства в отраслях группы «А» и 19—20% в группе «Б» (там же, с. 281).
48. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 71.
49. «Труд», 3 ноября 1928 г.; «Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 341—342.
50. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
51. «VII съезд Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи», с. 49; резолюция V конференции ВЛКСМ в марте 1927 г. назвала «уравнительные настроения» «нездоровым» симптомом, проявившимся среди «отсталой части молодых рабочих» («ВЛКСМ в резолюциях», с. 283).
52. Записка от 11 июля 1926 г. (Архивы Троцкого, Т. 2993); неясно, имела эта записка хождение среди членов комитета или была просто кратким изложением замечания Троцкого на июльском (1926 г.) Пленуме.
53. «Труд», 19 августа 1926 г.; относительно этого доклада см. выше, гл. 19. Аналогичные замечания Рыкова приведены в «Известиях» от 20 августа 1926 г.; это свидетельствует о том, что принцип получил одобрение Политбюро.
54. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 51, 87.
55. Там же, с. 735, 783.
56. «Съезды Советов в документах», т. 3, с. 124.
57. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
58. Составители Госплановских контрольных цифр на 1928—1929 гг. отмечали, что отношение между заработной платой и издержками производства в отраслях группы «А» в два раза выше, чем в группе «Б» (см. выше прим. 47).
59. Пониженная заработная плата в отраслях производства средств производства давала картину, прямо противоположную ситуации в довоенное время, когда рабочие металлопромышленности и горняки были наиболее высокооплачиваемыми рабочими; в 1925—1926 гг. металлисты получали лишь 75,3%, а горняки — лишь 65,2% своей довоенной зарплаты, в то время когда в большинстве отраслей была достигнута более высокая заработная плата, чем до 1914 г. («Экономическое обозрение», № 10, 1929, с. 145—146). В текстильной промышленности при доминировании женского труда оплата всегда была низкой: до 1914 г. заработная плата в этой отрасли составляла лишь 68% среднего показателя и была меньше половины заработка металлистов (там же, с. 147).
60. «Правда», 24 сентября 1926 г.
61. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 309.
62. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 783.
63. «Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 320.
64. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 73, 90, 121.
65. А. Бергсон (*A. Bergson. The Structure of Soviet Wages*. Harvard, 1944, p. 188), считает, что в металлопромышленности, шерстоткацкой и кожевенно-

обувной промышленности дифференциация между квалифицированными и неквалифицированными рабочими за период с 1926 по 1928 г. сократилась. Однако цифры, приведенные в работе S. Zagorsky, *Wages and Regulation of Conditions of Labour in the USSR*, 1930, p. 116—117, из «Статистики труда» убедительно показывают, что дифференциация между квалифицированным и неквалифицированными металлистами за это время возросла; доля металлистов, получавших менее 70 % или более 120 % среднего заработка по заводу, на котором они работали, в 1927—1928 гг. возросла («Экономическое обозрение», № 9, 1929, с. 142). Позже, когда начались гонения на Томского, было совершенно бездоказательно объявлено, что VIII съезд профсоюзов в декабре 1928 г. дал сигнал к «широкому развитию мелкобуржуазной уравниловки» («Вопросы труда», ноябрь-декабрь 1932, с. 29).

66. Архивы Троцкого, Т 221; в отношении этого доклада см. выше, ч. 1, гл. 3.

67. «VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ», с. 37.

68. Другим расхождением, которое привлекло меньше внимания и было отчасти оправдано различиями в стоимости жизни, был разрыв между заработной платой, выплачиваемой в разных регионах. В 1929 г. средний суточный заработок ленинградского металлста составлял 5,06 руб., колеблясь от 8,13 руб. в качестве наивысшей заработной платы до 3,79 руб. в качестве наиминимейшей; у соответствующего рабочего на Урале он составлял 2,67 руб., колеблясь от 4,38 до 1,90 руб. Среднесуточная заработная плата рабочего ленинградской хлопкоткацкой фабрики составляла 3,02 руб., колеблясь от 5,22 до 2,18 руб.; на Иваново-Вознесенской хлопкоткацкой фабрике он составлял 2,45 руб., колеблясь от 3,86 до 1,79 руб. («Состав фабрично-заводского пролетариата СССР», с. 60, 62).

69. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7. Таблица в «Экономическом обозрении», № 10, 1929, с. 148, охватывающая 24 крупных заводов, на которых работало около 30 тыс. чел., демонстрирует, что доля рабочих на сдельной оплате существенно возросла за период между 1924 и 1928 гг. (цифры для промежуточных годов не приведены); в 1928 г. на сдельщине работало 60—90 % рабочих.

70. «Профессиональные союзы СССР, 1924—1926: Отчет к VII съезду», с. 215—216.

71. «Большевик», № 13, 15 июня 1926 г., с. 52.

72. «Профессиональные союзы СССР, 1924—1926: Отчет к VII съезду», с. 220; «Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 331. В 1928 г. на сдельщину приходилось более 60 % часов, отработанных в крупной промышленности (там же, с. 323); «Экономическое обозрение», № 3, 1929, с. 117, приводит цифры 57,5 % для отраслей группы «А» и 64,5 % для отраслей группы «Б»; «Труд в СССР» на с. 97 дает цифру 57,5 %, возможно ошибочную, для всей крупной промышленности в 1928 г. Отмечалось, что на одном из заводов в 1927 г. 90 % рабочих имели сдельную форму оплаты («Торгово-промышленная газета», 13 июля 1927 г.).

73. См. табл. 25; «Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 314.

74. Как довольно скромно отмечали госплановские контрольные цифры на 1926—1927 гг., «достаточно высокий процент работающих сдельно обеспечивает автоматическое повышение зар. платы по мере повышения производительности труда» («Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 88).

75. На съезде представителей отделов труда в июне 1926 г. профсоюзный делегат говорил, что «нужно изжить рабский пережиток прошлого, находящий себе выражение в психологической предпосылке, что рабочий лучше работает, когда он, хотя и при низком тарифе, имеет возможность получать несколько сот процентов приработка». («Торгово-промышленная газета», 2 июля 1926 г.).

76. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 390—391.

77. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 786—787; относительно существовавших тарифных сеток см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.

78. «Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 324—326; к марту 1928 г. 83,5% рабочих было переведено на новые тарифные сетки (там же, с. 327).

79. Там же, с. 325—327, 331.

80. Там же, с. 336.

81. См. выше, гл. 18.

82. Относительно сообщения от рабочего Кременчугского вагонного завода, полученного в мае 1928 г., о решительной оппозиции реформе см. Архивы Троцкого, Т 1390, 1586.

83. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 134.

84. Там же, с. 521—522.

85. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.

86. «Труд», 17 августа 1926 г.; см. также приведенное выше замечание Троцкого, гл. 19.

87. *S. Zagorsky*. Op. cit., p. 92; распоряжение от 27 января 1928 г. говорило, что, несмотря на предыдущее распоряжение от 23 ноября 1927 г., задержки все же происходят, и обязывало руководителей главков персонально расследовать эти случаи («Торгово-промышленная газета», 2 февраля 1928 г.).

88. «Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 360.

89. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 87—88.

90. «Собрание узаконений», 1929, № 11, ст. 120.

91. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 508.

92. См. ниже, табл. 25. приложения.

93. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 285—286.

94. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 50.

95. См. ниже, гл. 31.

96. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 302—303, 376—378.

97. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 211, 218; однако иногда производительность труда измерялась в ценах 1926—1927 гг., а заработная плата — в текущих ценах.

98. «Большевик», № 22, 30 ноября 1927 г., с. 115—130.

99. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 63.

100. Согласно госплановской статистике, реальный заработок вырос в 1927—1928 гг. на 13,9%, но более половины прироста было обусловлено снижением цен («Плановое хозяйство», № 4, 1934, с. 154); на протяжении этого года резко выросли цены частного рынка (см. табл. 31).

101. В отношении различных форм социального страхования см. гл. 22; в отношении концепции «обобществленной части заработка» см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7. Утверждалось, что добавки к заработку из социально-культурного фонда достигли в 1925—1926 гг. 32% против 9% до революции («СССР: от съезда к съезду (май 1925 г. — апрель 1927 г.)», с. 30—31). Согласно подсчетам из других советских источников, поступления из фонда социального страхования, включая страхование по безработице, в 1928 г. составили в среднем 7% заработка; все выплаты из общественного фонда потребления (включая ассигнования на образование) составили 18% заработка (*J. Chapman*. *Real Wages in Soviet Russia*, 1963, p. 126—138).

102. См. ниже, гл. 24.

103. См. там же.

104. «Правда», 5 августа 1928 г.; относительно этой статьи см. ч. 1, гл. 3.

105. См. доклад оппозиции от сентября 1928 г. в Архивах Троцкого, Т 2574.

106. Архивы Троцкого, Т 2560; в докладе добавляется, что лишь 50 из 3000 рабочих завода остались слушать заключительную речь Бубнова.

107. «Торгово-промышленная газета», 28 ноября 1928 г.; в отношении доклада Куйбышева, см. выше, гл. 12 и 18.

108. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 412; это подтверждается расчетом в работе *S. Zagorsky*. Op. cit., p. 201, который показывает, что реальный заработок поднялся до пикового значения в первом квартале 1928 г. и довольно резко снижался на протяжении остального года.

109. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 150—151; в отношении таблиц см. там же, с. 452—455.
110. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 955.
111. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 412; в отношении этого проекта см. ниже, гл. 37.
112. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, с. 95—96.
113. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 572.
114. А. Малафеев. История ценообразования в СССР. М., 1964, с. 174.
115. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
116. «Профессиональные союзы СССР, 1924—1926: Отчет к VII съезду», с. 222; ВЦСПС, объявляя о своем принятии предложенного изменения, признал, что система фиксированных окладов «делает практически нецелесообразным заключение коллективных договоров» («Труд», 18 июля 1925 г.).
117. «Собрание законов», 1926, № 67, ст. 514; Наркомтруд сообщал о «существенном расширении» этой практики в 1927—1928 гг. («Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 85).
118. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 154, 242, 787—788.
119. «Собрание законов», 1927, № 20, ст. 230.
120. «Государственное нормирование заработной платы». М., 1928, с. 58.
121. «Собрание законов», 1927, № 59, ст. 589.
122. В отношении более подробных отчетов см. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 76—85; «Государственное нормирование заработной платы», с. 65—78.
123. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 30, 332.
124. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 84.

Глава 20. Профессиональные союзы

1. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
2. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 76; «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 57; более подробную разбивку этих итоговых цифр по союзам и регионам см. «Профессиональные союзы СССР, 1924—1926: Отчет к VII съезду», с. 19—25; «Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 25—34. В отношении более ранних цифр см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
3. «Справочник партийного работника», т. 6, ч. 2, с. 575—576 (итоговая цифра исправлена).
4. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 77.
5. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 267—268.
6. «Большевик», № 23—24, 31 декабря 1928 г., с. 37—38, 42.
7. «Социалистический вестник» (Берлин), № 10 (176), 18 мая 1928 г., с. 13; в отношении притока крестьян в ряды городской рабочей силы см. выше, гл. 17.
8. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
9. «Торгово-промышленная газета», 30 ноября 1928 г.; в отношении «хвостизма» см. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 18.
10. «Правда», 23 июля 1927 г.; цитируется в платформе оппозиции 1927 г. (*L. Trotsky. The Real Situation in Russia*, (n. d.), p. 51). В это время ЦК ВКП(б) принял резолюцию, требующую, чтобы при выборах на съезды профсоюзов (и кооперативов) были предприняты меры по обеспечению «адекватного представительства беспартийных членов, женщин и рабочих на низшем уровне, а также рядовых членов» («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 22—23 (195—196), 17 июля 1927 г., с. 5).
11. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7. На отдельном предприятии «треугольник» состоял из секретаря партийной ячейки, директора предприятия и председателя фабрично-заводского комитета профсоюза (см. *L. Trotsky. Op. cit.*, p. 51).
12. «Большевик», № 13, 15 июля 1926 г., с. 49—50.

13. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 274, 321.
14. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 717.
15. Там же, с. 796.
16. См. выше, гл. 18.
17. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 175.
18. См. выше, гл. 18.
19. «Первые шаги индустриализации СССР 1926—1927 гг.», с. 274.
20. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 96, 532.
21. В отношении аномального положения членов профсоюзов в частной промышленности, см. Приложение Е.
22. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 375.
23. «Труд», 19 ноября 1926 г.
24. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», 1927, с. 47—48; согласно отчету в «Труде» от 8 декабря 1926 г. о речи Томского, он предварил слова о партийном руководстве замечанием, которое было впоследствии изъято из стенографического отчета: «Наши профсоюзные организации все еще недостаточно хорошо образованы, чтобы не нуждаться в строгом руководстве». Одним из рычагов централизованного управления был финансовый контроль: Томский заявил, что Центральный совет проводил «чистку» финансов ряда профсоюзных организаций. В отношении имевших место более ранних осуждений «федерализма» в профсоюзном движении см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
25. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 102.
26. Текст предложения и результаты голосования см. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 870—871, 873; в отношении нападок на него см. там же, с. 188.
27. «Стенографический отчет 3-го Всеукраинского съезда профсоюзов», с. 310—311; в отношении более ранних официальных заявлений см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
28. «Справочник партийного работника», т. 6, ч. 2, с. 527.
29. В отношении производственных совещаний, которые должны были служить этой цели, см. ниже, с. 87, 89.
30. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 919.
31. См. выше, гл. 17.
32. ЦК ВКП(б), в довольно длинном приветствии «Комсомольской правде» по поводу ее второй годовщины 13 июля 1927 г. предупредил ее редакцию о необходимости осуществлять «более строгий контроль обличительных материалов» («Справочник партийного работника», т. 6, ч. 2, с. 171—173); очевидно, это было связано с ее пререканиями с профсоюзами.
33. *И. В. Сталин*. Соч., т. 11, с. 72—74, 78.
34. «Правда», 3 июня 1928 г.
35. «XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1930, с. 680.
36. Архивы Троцкого, Т 2850.
37. *И. В. Сталин* в письме В. В. Куйбышеву от 31 августа 1928 г. писал: «Я слышал, что Томский собирается резко критиковать тебя. Он злобный человек, и не всегда честный. Думаю, что он не прав. Я прочитал твой доклад о рационализации. Серьезный доклад. Что еще нужно Томскому от тебя?» (*И. В. Сталин*. Соч., т. 11, с. 220; в отношении дальнейшей цитаты из этого письма см. ниже, с. 326).
38. «Торгово-промышленная газета», 12 сентября 1928 г.
39. Там же, 7 сентября 1928 г.
40. См. ниже, гл. 21.
41. См. выше, ч. 1, гл. 3.
42. «КПСС в резолюциях», т. 2, с. 542; обвинение в недостаточном внимании к делу «обслуживания насущных нужд рабочих масс» уже бросались профсоюзам Центральным Комитетом ВКП(б) в апреле 1928 г. (там же, т. 2, с. 509).
43. См. выше, гл. 18.
44. «Торгово-промышленная газета», 30 ноября 1928 г.; в отношении этой речи см. выше, гл. 18.
45. «Правда», 21, 24 ноября 1928 г.

46. «Торгово-промышленная газета», 29 ноября 1928 г.
47. «Правда», 30 ноября 1928 г.; «Труд», 30 ноября 1928 г. Сообщение в «Труде» показывает, что фамилия Угланова была формально предложена президиумом ВЦСПС тремя днями раньше; о заявлении Томского Центральному Совету с подтверждением назначения было сообщено там же, 8 декабря 1928 г.
48. О поразительном случае благосклонности, продемонстрированной В. В. Шмидтом к профсоюзам, см. «Междущарствие...», гл. 2.
49. В отношении проступка Н. А. Угланова см. выше, ч. 1, гл. 2.
50. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 3—6, 10—14, 24—55.
51. Там же, с. 95—97.
52. Там же, с. 110—111, 193. Цитируя фразу Жданова, Томский принял ее на свой счет, поставив вместо слов «тот, кто» фразу «тот руководитель, который»; невозможно с уверенностью говорить о том, какой текст является аутентичным, но разница не столь значительна. Дополнительные подробности речи Жданова рассмотрены выше, на с. 25: краткое сообщение в «Труде» от 15 декабря 1928 г. спорных фраз не содержало.
53. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 74—75, 90.
54. Там же, с. 199—200.
55. Там же, с. 206—207.
56. Там же, с. 317.
57. Согласно статье в «Социалистическом вестнике» (Берлин), № 7—8, 12 апреля 1929 г., с. 20, Л. М. Каганович, в прошлом профсоюзный деятель, пользовался уважением в профдвижении, когда он поддержал Томского в его борьбе против С. А. Лозовского по делу об Англо-русском комитете и во взаимоотношениях с МССП.
58. Информация об этом эпизоде взята из резолюции объединенного заседания Политбюро ЦК и Президиума ЦКК от 9 февраля 1929 г. (см. с. 81) и из материалов статьи в «Вопросах истории КПСС», № 4, 1960, с. 71, построенной на основе неопубликованных архивных данных, но не цитирующей документы текстуально. Указывалось, что «вся деятельность Томского и его сторонников в ВЦСПС была направлена на ослабление активности профсоюзов в социалистическом строительстве», отмечалось, что «среди рабочих правые уклонисты всячески культивировали аполитичность, цеховую замкнутость... выступали против организации соревнования и ударничества». С другой стороны, Томский и его сторонники в свое время обнаружили троцкистский оттенок в предложенном «перетряхивании» профсоюзов (см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17). Ярким приверженцем «ударничества» был Троцкий (см. там же).
59. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 504—505; резолюция, которая впервые была опубликована в «Правде» от 29 декабря 1928 г., была напечатана вместе со съездовскими материалами.
60. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 573—574, 579—580.
61. На XVII съезде ВКП(б) в декабре 1934 г. М. П. Томский выступил с раскаянием за свой «совершенно недопустимый, самовольный уход с поста председателя ВЦСПС» и добавил, что это заставило ЦК партии «отстранить все руководство профсоюзов» («XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1934, с. 144).
62. См. выше, с. 70—71.
63. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 766—781.
64. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 699.
65. Там же, с. 514.
66. Там же, с. 531—532, 542, 546; в своем докладе на съезде А. И. Догадов упоминал о возрождении антисемитизма и клерикализма, особенно в Белоруссии (там же, с. 66).
67. «КПСС в резолюциях», т. 2, с. 556—557.
68. Там же, с. 554—556; в отношении этого объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) см. выше, ч. 1, гл. 11. Термин «тред-юнионизм» в материалах резолюции представляет собой русскую транслитерацию английского слова, что

- было обычным приемом осуждения аполитичной, непартийной позиции в профсоюзах (см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16).
69. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 115—116.
70. В отношении обращения к рабочим, которое включало рекомендацию «профсоюзам и хозорганам»... «в широком масштабе применять систему поощрения тех, кто участвует в соревновании», см. выше, гл. 18.
71. «Труд», 2 июня 1929 г.
72. Принятая на этом заседании резолюция фракции ВКП(б) была опубликована «с сокращениями» в «Правде» от 9 июня 1929 г. вместе со статьей, дающей ее краткое изложение и подчеркивающей ее значимость; правдинский текст, дополнительно сокращенный путем изъятия резких нападок на «правую» оппозицию и троцкистов, представлен в книге «Профсоюзы СССР» (т. 2, с. 487—491).
73. «XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 63, 144.
74. Там же, с. 648, 680.
75. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
76. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 90—91.
77. Там же, с. 94—95. В ноябре 1926 г. на 3-м Всеукраинском съезде профсоюзов М. П. Томский говорил, что наибольшее число споров возникало в отношении установления норм и расценок при сдельной системе оплаты («Стенографический отчет 3-го Всеукраинского съезда профсоюзов», с. 20). В 1927 г. в связи с кампанией рационализации производства обычными стали споры по поводу увольнений; 10,9% всех споров (17,1% в текстильной промышленности и 45,7% среди совторгслужащих) происходило по этой причине («Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 365—366).
78. Там же, с. 346.
79. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
80. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 788—789.
81. «Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 367; споры по поводу заключения коллективных договоров, очевидно, не входили в компетенцию РКК.
82. «Труд», 4 июня 1926 г.
83. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 382.
84. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 56, 344, 394, 751.
85. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 92.
86. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 345—346.
87. «Собрание законов», 1928, № 56, ст. 495.
88. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 333.
89. Там же, с. 526, 559.
90. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
91. «Правда», 21 мая 1926 г.; по поводу взаимоотношений между профсоюзами и частной промышленностью см. приложение Д.
92. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 90.
93. М. Fainsod. Smolensk under Soviet Rule, p. 318.
94. «Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 358—360.
95. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 26, 65. «Социалистический вестник» (Берлин), № 14 (156), 18 июля 1927 г., с. 16, сообщал о забастовках во многих частях страны, которые не были поддержаны профсоюзами или освещены прессой, но признавал, что они были менее многочисленными, чем в предыдущем году; годом позже сообщалось о забастовках на Путиловском заводе и на текстильной фабрике в Ленинграде, а также на заводе «Серп и молот» в Москве (там же, № 8—9 (174—175), 3 мая 1928 г., с. 30). В отношении явно успешной забастовки по поводу норм выработки, происшедшей даже в 1929 г., см. М. Fainsod. Op. cit., p. 312. Осенью 1929 г. забастовка по поводу повышения заработной платы произошла среди рабочих на Днепрострое, когда вышло из строя камнедробильное оборудование и работу пришлось выполнять вручную (Аржанов и Михалевиц. «Днепрострой к XVI съезду ВКП(б)», с. 38—44).

96. А. *Ciliga*. Au Pays du Grand Mensonge, p. 31. Автор сообщает об отстранении профсоюзом работницы от работы, что явилось наказанием за организацию забастовки; этот автор постоянно указывает на пассивность рабочих.

97. «На аграрном фронте», № 10, 1929, с. 81—92; забастовки батраков происходили в это время также и на Украине («История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». М., 1963, с. 198).

98. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.

99. Л. *Рогачевская*. Из истории рабочего класса СССР, с. 85; в отношении неопубликованного доклада ЦК ВКП(б) от апреля или мая 1926 г. см. «Первые шаги индустриализации СССР 1926—1927 гг.», 1929, с. 274—278.

100. «Большевик», № 13, 15 июля 1926 г., с. 47.

101. «Исторический архив», № 2, 1960, с. 89—90.

102. «Труд», 18 июля 1926 г.

103. Там же, 15 августа 1926 г.; подобные комиссии, по-видимому, уже существовали на некоторых предприятиях («Большевик», № 13, 15 июля 1926 г., с. 47).

104. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 276—283.

105. Там же, с. 298—299, 317, 346—347, 356, 408—410.

106. «КПСС в резолюциях», т. 2, с. 316—319.

107. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 58—59.

108. Там же, с. 793—794.

109. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 814, прим. 279. Информация, видимо, взята из неопубликованных архивов.

110. «Справочник партийного работника», т. 6, ч. 2, с. 534—536. В отношении списка 26 комиссий и некоторого отчета по проведенной ими работе см. «Первые шаги индустриализации СССР 1926—1927 гг.», с. 388—400; дополнительные подробности можно найти в цитированной выше работе Л. *Рогачевской* на с. 122—126.

111. «Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 445.

112. Согласно более поздней трактовке, «практика замены производственных совещаний комиссиями культивировалась главным образом правооппортунистическими элементами в руководящих профсоюзных органах», которые путем ослабления производственных совещаний «удерживали массы рабочих от участия» в обсуждении производственных вопросов (Л. *Рогачевская*. Цит. выше, с. 116). Предложенная мотивировка является явно надуманной; однако ассоциация комиссий с Томским и «правыми» профсоюзными руководителями, скорее всего, обострила противодействие их распространению.

113. «Съезды Советов в документах», т. 3, с. 121.

114. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 1, с. 95—96, 143; т. 2, с. 923.

115. «КПСС в резолюциях», т. 2, с. 503.

116. «Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 446.

117. Там же, с. 447—448.

118. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 41—43.

119. Там же, с. 527—528.

120. «Экономическое обозрение», № 12, 1928, с. 6—7.

121. В отношении торжественного пересмотра отношения к производственным совещаниям см. «Правду» от 28 октября 1928 г. По поводу ряда сообщений о них из архивных материалов см. «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР», с. 129—155; окончательные результаты пересмотра объявлены в «Правде» от 8 августа 1929 г.

Глава 21. Специалисты

1. См. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17, и «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7 и 13.

2. «Всесоюзная перепись населения 1926 года», 34 (1930) с. 122, 144. «Мастер» представлял собой несколько аномальную категорию. Это, как правило, ра-

бочий-выдвиженец без технической подготовки; в его обязанности входило осуществление надзора за выполнением работ, обеспечение трудовой дисциплины и снабжение материалами. Однако зачастую он оплачивался ниже, чем высококвалифицированный рабочий, так что рабочие не особенно стремились к продвижению в мастера; власть мастера профсоюзам не поддерживалась в достаточной мере («Предприятие», № 12, 1926, с. 13—14, 22). С другой стороны, многие мастера приобретали техническую квалификацию: сообщалось о существовании школ или курсов для мастеров в электротехнической и металлообрабатывающей промышленности (там же, № 4, 1926, с. 94—95; № 12, 1926, с. 16). Отмечаются жалобы, что мастеров не допускали на собрания инженеров (там же, № 12, 1926, с. 22) и не всегда принимали в инженерно-технические секции профсоюзов (там же, № 2, 1927, с. 74—75; № 4, 1927, с. 82; № 6, 1927, с. 74; в отношении ИТС см. с. 91), что свидетельствует об их неопределенном статусе. Статистически их обычно классифицировали вместе с инженерами и техниками.

3. «Торгово-промышленная газета», 28 июня 1928 г.; следует отметить, что общая численность 50 798 чел. сопоставима с итоговой цифрой 46 500 чел. в 1913 г. («Вопросы истории КПСС», № 2, 1966, с. 30).

4. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, с. 74; позднее Госплан сообщил, что в промышленности и на транспорте в 1928 г. было занято 17 900 профессиональных инженеров и 19 900 техников («Итоги выполнения первого пятилетнего плана», 1933, с. 215—219).

5. «Экономическое обозрение», № 12, 1929, с. 103; из общего числа инженеров 714 работали на заводах и фабриках, 223 — в трестах и 415 — в научно-исследовательских институтах; из общего числа научных работников 765 чел. работали в НИИ.

6. В отношении окладов специалистов см. ниже, гл. 22.

7. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 30.

8. «Торгово-промышленная газета», 20 апреля, 22 мая 1928 г. Позже ВАИ была обвинена в политическом нейтрализме и названа «академией инерции» (там же, 14 декабря 1928 г.); в 1929 г. была распущена (С. Федюкин. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965, с. 225).

9. На суде по «делу Промпартии» в 1930 г. Л. К. Рамзин в своих показаниях упомянул о создании в конце 1925 — начале 1926 г. «инженерного центра», из которого развилась подпольная «промпартия» («Le Procès des Industriels de Moscou», 1931, р. 57), возможно, это дает искаженное соображение в отношении создания ВМБИТ.

10. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 122; в отношении более подробных, но менее поздних данных см. «Профессиональные союзы СССР, 1924—1926: Отчет к VII съезду», с. 400.

11. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 122—125, 807; аналогичный орган на Украине (ВУМБИТ) докладывал месяцем раньше на 3-м Всеукраинском съезде профсоюзов («Стенографический отчет 3-го Всеукраинского съезда профсоюзов», с. 51—60; см. также резолюцию там же, с. 324—325).

12. Информацию о предыдущих съездах найти не удалось; возможно, одним из них был съезд инженеров в 1924 г. (см. ниже, с. 95), хотя это предшествовало формальному основанию ВМБИТ.

13. «Правда», 7 апреля 1927 г.; дальнейшие сообщения о работе съезда см. там же, 8, 12, 13, 15 апреля 1927 г.

14. «Торгово-промышленная газета», 28 сентября 1927 г.

15. Там же, 28 октября 1927 г.

16. Там же, 8 марта 1928 г., 17 июня 1928 г.; в отношении проведенного ВСНХ исследования см. выше, с. 90.

17. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.

18. «Собрание законов», 1927, № 25, ст. 269, 270; № 38, ст. 380; № 43, ст. 436; указывалось, что специалисты предпочитали работу в центральных административных органах работе на производстве, где им приходилось непосредственно общаться с «грязными рабочими» (Архивы Троцкого, Т 2021).

19. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 874—875. Указывалось, что в 1928 г. безработными были 15 тыс. специалистов, в том числе 2000 чел. в

Москве и 2500 в Ленинграде; из общего числа 43% пребывали в этом состоянии менее года и 63% — менее двух лет («Торгово-промышленная газета», 15 июня 1928 г.).

20. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 285.

21. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 123.

22. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.

23. В отношении этого обращения см. выше, ч. 1, гл. 13.

24. «Правда», 13 апреля 1927 г.; по-видимому, в некоторых случаях партийные и профсоюзные представители на предприятиях предпочитали перепихнуть ответственность за исполнение неприятных решений на беспартийных.

25. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 176.

26. «СССР, 4 Съезд Советов», с. 398; хозяйственники, которые занимали высокое и могущественное положение относительно рабочих, именовались «шляпами» («Торгово-промышленная газета», 1 декабря 1928 г.).

27. «Стенографический отчет 3-го Всеукраинского съезда профсоюзов», с. 54.

28. См. выше, гл. 18, в отношении замечаний Н. П. Теплова на XV партийной конференции и вызванных ими комментариев; на суде по «делу Промпартии» в 1930 г. А. Федотов, один из обвиняемых, жаловался, что инженер «не имеет никакой возможности влиять на дисциплину труда на заводе и в то же время обязан ее поддерживать», добавив, что «эта дилемма стоит крайне остро и многие инженеры от нее страдают» и что «ситуация [дошла] до точки, когда рабочий может в любой момент безнаказанно оскорблять инженеров» («Le Procès des Industriels de Moscou», 1931, p. 310).

29. «Стенографический отчет 3-го Всеукраинского съезда профсоюзов», с. 54; см. также там же, с. 325. В отношении ВУМБИТ см. выше, сноску 11.

30. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 124.

31. «Торгово-промышленная газета», 18 июня 1927 г.

32. Там же, 7 марта 1928 г.

33. Там же, 13 апреля, 4 июля 1928 г.; И. А. Краваль, говоря об одних инженерах, привел численность коммунистов осенью 1928 г., равную 139 чел. по всей союзной промышленности, из которых лишь 12 чел. работали в горнодобывающей промышленности и 7 — в текстильной («Пути индустриализации», № 11, 1928, с. 8). Ситуация была совершенно иной среди директоров и руководителей трестов, синдикатов и государственных предприятий: высшие посты обычно отдавались коммунистам, часто даже не имевшим технической квалификации.

34. «Торгово-промышленная газета», 26 мая 1928 г.

35. «Социалистический вестник» (Берлин), № 18 (160), 22 сентября 1927 г., с. 13, заявлял, что в этот период специалисты были либо меньшевиками (хотя и без формального членства), либо беспартийными; сформировавшиеся группы меньшевиков или бывших меньшевиков существовали в рядах высшей хозяйственной бюрократии, но, видимо, их не было среди инженеров или техников.

36. Le Procès des Industriels de Moscou, p. 58, 204.

37. Ibid., p. 108, 141.

38. См. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17, в отношении рабочего контроля см. там же.

39. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 3.

40. «Четырнадцатая конференция Всероссийской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 173.

41. «Социалистический вестник» (Берлин), № 19 (137), 2 октября 1926 г., с. 16.

42. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.

43. «ВЛКСМ в резолюциях», с. 283.

44. «Правда», 2 февраля 1927 г.

45. «СССР: 4 Съезд Советов», с. 396—397.

46. «Правда», 8 мая 1927 г.

47. Типовые жалобы такого рода см. «Торгово-промышленная газета», 20 апреля 1926 г., 5 апреля 1928 г.

48. «Известия», 15 октября 1927 г.; инициатива была выдвинута группой интеллигентов, собравшихся в апреле 1927 г. («История СССР», № 6, 1959, с. 96).
49. «Торгово-промышленная газета», 21 октября 1927 г.
50. *N. Ipatieff. The Life of a Chemist. Stanford, 1946, p. 451.*
51. «История СССР», № 6, 1959, с. 97—98; об А. Н. Бахе см. выше, ч. 1, гл. 16.
52. «Торгово-промышленная газета», 24 апреля 1928 г.; в тот же день краткое сообщение об открытии конференции было опубликовано в «Правде».
53. Цитируется по архивным материалам из работы С. Федюкина «Советская власть и буржуазные специалисты», 1965, с. 223; резолюцию конференции по «шахтинскому делу» см. в газете «Экономическая жизнь», 17 мая 1928 г.
54. «Правда», 10 марта 1928 г. Предъявленное обвинение было опубликовано там же, 8—12 мая 1928 г.; даже этот весьма объемистый текст был, по-видимому, сокращенным вариантом.
55. «Правда» опубликовала полные отчеты о ходе судебного разбирательства ежедневно с 22 мая по 4 июля 1928 г.; вынесенные приговоры и полный текст решения суда были опубликованы 6 и 7 июля 1928 г. В отношении мелодраматических показаний свидетелей см. *E. Lyons. Assignment in Utopia, 1938, p. 114—133.*
56. В партийных кругах было широко распространено мнение, что приговоры слишком мягкие; это отражено во всех трех отчетах о партийных совещаниях в июле—августе 1928 г., сохранившихся в архивах Троцкого (Архивы Троцкого, Т 2021, 2066, 2167).
57. «Торгово-промышленная газета», 11 марта 1928 г.
58. Такое сообщение было сделано Г. К. Орджоникидзе на XVI съезде партии в июле 1930 г., когда А. И. Рыков уже был в немилости («XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 319).
59. «Правда», 14 марта 1928 г.
60. «Торгово-промышленная газета», 29 марта 1928 г.
61. Там же, 8 апреля 1928 г.
62. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 500—505.
63. «Торгово-промышленная газета», 11 марта 1928 г.
64. Там же, 20 апреля 1928 г.
65. Там же, 12 июня 1928 г.; о роли С. Д. Штейна на суде см. выше, с. 97.
66. *А. Фабричный. Частный капитал на пороге пятилетки, 1930, с. 46.* Конечно, в это время, помимо специалистов, проходивших через широко освещавшиеся судебные процессы, арестовывались и другие специалисты. В мае 1929 г. сообщалось о казни за контрреволюционную деятельность трех специалистов, занимавших высокие посты в хозяйственной администрации («Правда», 23 мая 1929 г.; подробности можно найти в: *M. J. Larsons. An Expert in the Service of the Soviet, 1929, p. 199—207*). Один из трех, П. Пальчинский, как сообщил позже Л. К. Рамзин на суде по «делу промпартии» в 1930 г., был арестован «в первой половине 1928 г.» (*Le Process des Industriels de Moscou, 1931, p. 65*).
67. «Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 519.
68. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 11, 29; письмо ЦК ВКП(б) от 21 февраля 1929 г. о поднятии трудовой дисциплины (см. выше, гл. 18) также содержало предупреждение против спецедействия. Часто цитировались случаи, когда инженеры опасались требовать соблюдения дисциплины, боясь обвинений или увольнения; см., например, статью А. И. Толстого в газете «Экономическая жизнь» от 3 марта 1929 г.
69. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 512; членство в этих секциях возросло в начале 1928 г. до 129 тыс. чел. («Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 520); более ранние цифры см. выше, с. 91.
70. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 569.
71. «Торгово-промышленная газета», 24 августа 1928 г.

72. Этот эпизод получил широкое освещение в индустриальной газете, и явление получило название «быковщина»; Быков получил 10 лет лишения свободы (там же, 15, 24 ноября, 21 декабря 1928 г.).

73. Там же, 15 ноября 1928 г.

74. Там же, 30 ноября 1928 г.

75. Там же, 29 ноября, 1 декабря 1928 г.

76. «История СССР», № 1, 1966, с. 87.

77. «Справочник партийного работника», т. 6, ч. 1, с. 694—696, 696—697; см. также выше, гл. 17.

78. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 5 (226), 22 февраля 1928 г., с. 3—4.

79. «Торгово-промышленная газета», 21 апреля 1928 г.

80. Там же, 28 июня 1928 г.

81. «Социалистический вестник» (Берлин), № 21—22 (163—164), 10 ноября 1927 г., с. 22.

82. Эти альтернативы обсуждались в передовице «Торгово-промышленной газеты», 18 августа 1927 г., которая мудро рассудила, что необходимы оба типа.

83. «Туркестано-сибирская магистраль», 1930, с. 262—263; в отношении обучения промышленной рабочей силы см. выше, гл. 17.

84. Конференция полностью освещена в «Торгово-промышленной газете», 28, 29, 30 сентября 1927 г.

85. «3 сессия Центрального исполнительного комитета Союза ССР 4 созыва», 1928, с. 343.

86. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 506; в отношении этой резолюции см. выше, с. 98.

87. Цитируется по материалам архивов, приведенным в «Вопросах истории КПСС», № 2, 1966, с. 31; согласно тому же источнику (там же, с. 33), А. И. Рыков по этому случаю предложил рассматривать это как «рабочий вопрос» и решать его «тем или иным путем, не касаясь классовых аспектов».

88. *И. В. Сталин*. Соч., т. 11, с. 58—60; позже Сталин более конкретным образом связал движение массовой подготовки «красных специалистов» с «шахтинским делом» (там же, т. 12, с. 11).

89. «Торгово-промышленная газета», 29 марта, 21 апреля 1928 г.

90. В отношении этого выражения см. там же, 29 сентября 1927 г.

91. *И. В. Сталин*. Соч., т. 11, с. 75.

92. См. дискуссию в центральном бюро пролетарских студентов, приведенную в «Торгово-промышленной газете», 21 апреля 1928 г.; оппозиция в партийных кругах Москвы нашла отражение в сообщении, приведенном в Архивах Троцкого, Т 2021.

93. «Торгово-промышленная газета», 13 мая 1928 г.

94. «Правда», 26, 29 июня 1928 г.; дальнейшие статьи в рамках этой дискуссии, подготовленные А. В. Луначарским и другими, см. там же, 27 июня, 5 июля 1928 г.

95. «Вопросы истории КПСС», № 2, 1966, с. 31.

96. Архивы Троцкого, Т 1588; подлинность этого источника неопределенна.

97. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 518—524; в отношении закона, построенного на базе этого решения, см. «Собрание законов», 1928, № 46, ст. 409. В дискуссиях, последовавших за пленумом (см. сообщения в Архивах Троцкого, Т 2021, 2167), отмечалось, что 60% профессоров во вузах были «не нашими» и что прием рабочих и крестьян несовместим с необходимостью держать конкурсные вступительные экзамены, что было «китайской стеной для рабочих, стремящихся поступить во вузы».

98. «Собрание законов», 1928, № 58, ст. 513.

99. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 33 (255), 22 ноября 1928 г., с. 1—12; в отношении беспорядочного объяснения Главпрофобра по поводу возникавших препятствий, неожиданно поддержанного некоторыми кругами в ВСНХ, см. «Вопросы истории КПСС», № 2, 1966, с. 33—34.

100. «Пути индустриализации», № 11, 1928, с. 12—14.

101. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, с. 74—75.
102. Постановление Совнаркома от 3 июля 1929 г. обязывало ВСНХ и Наркомпуть принять меры по улучшению подготовки инженеров («Собрание законов», 1929, № 43, ст. 382); редакционная статья в партийном журнале критиковала вузы за отсутствие контакта с промышленностью и продолжающееся привлечение реакционных профессоров к преподаванию, а партию и профсоюзы за нежелание уделить достаточное внимание этому вопросу, делая вывод, что «пятилетний план невозможно выполнить, если не будут обеспечены кадры новых пролетарских специалистов» («Большевик», № 20, 31 октября 1929 г., с. 3—8).
103. «Экономическое обозрение», № 12, 1929, с. 104, 106; подробные таблицы см. там же, с. 120—121.
104. «Стенографический отчет 3-го Всеукраинского съезда профсоюзов», с. 149.
105. «Правда», 4 марта 1928 г.
106. «Торгово-промышленная газета», 3 июня 1928 г.
107. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 502.
108. «Торгово-промышленная газета», 13 декабря 1928 г.
109. «История СССР», № 6, 1959, с. 95.
110. «Экономическое обозрение», № 12, 1929, с. 107.
111. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
112. «Торгово-промышленная газета», 6 августа 1927 г.
113. «Большевик», № 15, 15 августа 1928 г., с. 27.
114. *N. Borodin. One Man in His Time*, 1955, p. 73—74, 81—83, «Правда», 13 апреля 1927 г.
115. «Торгово-промышленная газета», 6 августа 1927 г.
116. Там же, 6 августа 1927 г.
117. «СССР: 4 Съезд Советов», с. 394; «Торгово-промышленная газета», 6 августа 1927 г., 1 апреля 1928 г.
118. Там же, 6 августа 1927 г.
119. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 2, с. 125.
120. «Торгово-промышленная газета», 13 ноября 1926 г., 24 ноября 1927 г.
121. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии ВКП(б)», с. 279.
122. «Стенографический отчет 3-го Всеукраинского съезда профсоюзов», с. 144; часто возникали трения с американскими инженерами. Секретарь одной из партийных ячеек заявил: «Мы сами сделали революцию и сумеем сами организовать производство». Американцы с неприязнью относились к коммунистам без технической квалификации, поставленным во главе важных проектов; советские инженеры были лишены практического опыта и отказывались идти на производство и работать бок о бок с рабочими (*E. Friedman. Russia in Transition*, 1932, p. 252—253, 257—258). Когда трения возникли между советскими и американскими инженерами, работавшими на Сталинградском тракторном заводе, где Дж. Калдер, строивший в свое время заводы Форда в США, был главным инженером по строительству, издававший тогда советский источник обвинил советских инженеров в консерватизме, шовинизме, саботаже и отрыве от рабочих; в то время как американские инженеры активно работали на площадках, внешне даже мало отличаясь от рабочих, советские инженеры отсиживались в своих конторах (*И. Таскаев. Первый тракторный. Саратов, 1930, с. 7—8*).
123. «Правда», 11, 15 мая 1927 г.
124. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 1100.
125. «Торгово-промышленная газета», 7, 8 марта 1928 г.; в отношении Г. И. Ломова см. выше, с. 95—96.
126. «Торгово-промышленная газета», 29 марта 1928 г.
127. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 506.
128. В отношении этой речи см. выше, с. 97.

129. «Торгово-промышленная газета», 29 июня, 15 июля, 8 августа 1928 г.
130. См. ниже, гл. 38.
131. Промышленный импорт. Под ред. С. Аралова и А. Шатхана, 1930, с. 159.
132. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
133. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 788.
134. «Собрание законов», 1927, № 16, ст. 167.
135. Там же, № 34, ст. 357.
136. Там же, № 33, ст. 346; новый устав Наркомтруда от сентября 1928 г. (см. выше, с. 14) требовал от него регистрации всех специалистов.
137. В начале 1927 г. ВЦСПС принял решение, что служащие трестов и торговых организаций должны быть переведены на регулярные, устанавливаемые государством оклады, а служащие администрации заводов и фабрик — на обычные тарифные сетки; однако это оказалось слишком запутанным и реализовано, видимо, лишь в ограниченной степени («Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 325, 328).
138. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 86.
139. «Труд в СССР», с. 96.
140. S. Zagorsky. Wages and Regulation of Condition of Labour in the USSR, 1930, p. 176, 178.
141. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 26 (147), 30 июня 1926 г., с. 8; были изданы последующие инструкции (неясно, по какому поводу), разъясняющие, что это правило применимо к техническому персоналу (там же, № 1 (222), 10 января 1928 г., с. 6. С другой стороны, члены партии не могли получать тантёмы (премии): они должны были переводиться в партийный фонд (там же, № 11 (232), 4 апреля 1928 г., с. 7). Цифры в отношении партмаксимума (т. е. максимального вознаграждения, которое разрешалось получать члену партии) в это время долго не публиковались. На своем заседании Политбюро (20 сентября 1928 г.) приняло решение повысить его на 20%, до 270 руб., в Москве и Ленинграде (повсюду в других местах действовали более низкие ставки), но ограничить это повышение ответственными работниками, «работавшими без регулярного ограничения рабочего дня»; Наркомтруд определял категорию «ответственных работников» более строго и ограничивал их тем, кто получил надлежащую квалификацию (Архивы Троцкого, Т 2606). Решение было видимо принято по рекомендации «комиссии Политбюро по партмаксимуму» под председательством В. М. Томского, которая 27 августа 1928 г. высказалась в пользу повышения окладов ответственных работников (там же, Т 2394).
142. В отношении этого закона см. выше, сноску 136.
143. См. ниже, гл. 33, сноску 6.
144. А. Маркевич. «Межселенные машинно-тракторные станции», изд. 2-е, 1929, с. 101.
145. «Собрание законов», 1928, № 26, ст. 236; № 59, ст. 531.
146. Le Procès des Industriels de Moscou, 1931, p. 210, 242.

Глава 22. Социально-экономическая политика

1. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
2. «Первые шаги индустриализации СССР 1926—1927 гг.», с. 231; «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 355.
3. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 322, 368; отмечает, что эта итоговая цифра включает 200 тыс. батраков, за которых взносы взимались с нанимателей, но которые по практическим соображениям доступа к пособиям не имели.
4. В отношении сумм, выплачиваемых получателям пособий, см. «Первые шаги индустриализации СССР 1926—1927 гг.», с. 232; отмечается, что пособие по родам и при рождении ребенка составляло в 1926 г. в среднем 23 руб. в виде единовременной выплаты плюс 5,75 руб. в месяц в течение девяти месяцев («Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 354—355).
5. Там же, с. 360.

6. В отношении общих сумм, выплаченных в эти годы, см. табл. 26 приложения.
7. «Предприятие», № 8, 1926, с. 3—4.
8. *И. В. Сталин*. Соч., т. 10, с. 314; ветеранские пенсии, хотя и упоминались довольно редко, имели большую величину, чем пенсии по инвалидности для рабочих («Первые шаги индустриализации СССР 1926—1927 гг.», с. 232).
9. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 355—356.
10. Там же, с. 324.
11. «Первые шаги индустриализации СССР 1926—1927 гг.», с. 232; средняя величина пенсии по инвалидности выросла за тот же период с 17,95 до 22,35 руб. в месяц. Для этого периода были характерны стабильные розничные цены (см. табл. 31 приложения), но при росте дефицита.
12. Памятная записка в Архивах Троцкого, Т. 3097; в отношении манифеста по поводу десятилетия революции см. выше, гл. 2. Некоторые сомнения в это время, очевидно, чувствовались относительно практического ограничения социального страхования промышленными рабочими; посвященный проблемам страхования журнал в юбилейной статье заявлял, что «социальное страхование, будучи институтом, созданным далеко не для одних городских трудящихся, должно быть превращено в институт, охватывающий также и крестьянство» («Вопросы страхования», № 44, 1927, с. 3).
13. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 322. Схема была разработана в материалах контрольных цифр на 1928/29 хоз. г., представленных Наркомтрудом Госплану в ноябре 1928 г.; она ограничивалась рабочими возрастом 60 лет и более (55 лет и более для женщин), которые проработали в промышленности не менее 25 лет. Указывалось, что эти возрастные пределы введены, чтобы «способствовать омоложению рабочей силы и ослаблению бремени безработицы» («Контрольные цифры по труду на 1928—1929 год», с. 52—53.)
14. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 344.
15. Там же, с. 563; статья в журнале Наркомтруда говорила, что «конкретной задачей закона является выведение пожилых людей из производства», и добавляла, что «новый закон имеет большое значение для нашей безработной молодежи, которая получит возможность работать на местах, занимаемых стариками» («Вопросы труда», март-апрель 1929 г., с. 118, 120). Струмилин призывал воспользоваться подобной мерой еще в марте 1927 г. в качестве средства для ослабления безработицы (*С. Г. Струмилин*. Очерки советской экономики, с. 481).
16. «Собрание законов», 1929, № 32, ст. 289.
17. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 48. Это оценка за полный год; цифра для 1928—1929 гг. в табл. 26 приложения составляет 8 млн. руб.
18. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, с. 97—98.
19. «Труд», 6 июня 1926 г.
20. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 361. Взносы, выплачиваемые нанимателями, определялись некоторой шкалой в зависимости от степени опасности, угрожавшей жизни или здоровью работающих в том или ином производстве; однако в отдельных случаях предусматривалось освобождение от уплаты взносов или снижение их размеров.
21. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 336—338.
22. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
23. «Профессиональные союзы СССР, 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 414—416.
24. В отношении этого закона см. выше, гл. 18; в отношении устава трестов см. выше, гл. 14, ч. 1.
25. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
26. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 119; платформа оппозиции от сентября 1927 г. приводит цифру Наркомтруда 97,6 несчастных случаев на 1000 работающих в 1925—1926 гг. (*L. Trotsky. The Real Situation in Russia*, p. 49).

27. «Экономический бюллетень Конъюнктурного института», № 11-12, 1927, с. 89.
28. Система была описана В. В. Шмидтом в декабре 1926 г. на VII съезде профсоюзов («Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 340).
29. «Стенографический отчет 3-го Всеукраинского съезда профсоюзов», с. 248.
30. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 339—341.
31. Там же, с. 750.
32. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 105—106.
33. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 230—232.
34. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 105—106.
35. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 106.
36. В докладе Наркомтруда за 1927 и 1928 гг. VIII съезду профсоюзов самая длинная глава была посвящена «охране труда» (там же, с. 105—154).
37. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 106—107; цифры, приведенные там же на с. 108—109, по-видимому, включают суммы всех источников, а не только по соглашениям с профсоюзами.
38. В отношении этого доклада см. с. 40; более подробное обсуждение вопроса см. «Груд», 7 ноября 1928 г.
39. Там же, 12 декабря 1928 г.
40. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 328—330, 555—557.
41. «Контрольные цифры по труду на 1928—1929 год», с. 42—44; более подробные данные см. там же, с. 74.
42. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 48.
43. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
44. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 286—289.
45. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 796.
46. «СССР: 4 Съезд Советов», с. 210—211.
47. *L. Trotsky*. Op. cit., p. 47.
48. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 148—149, 200, 372; несколькими днями ранее на 3-м Всеукраинском съезде профсоюзов один из делегатов сетовал на то, что конторы промышленных трестов в Харькове заняли здание, прежде заселенное рабочими, и что строится новое административное здание, в то время как рабочие остаются бездомными («Стенографический отчет 3-го Всеукраинского съезда профсоюзов», с. 215—216).
49. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 219; подробная статистика в отношении жилищных условий и программ жилищного строительства в 1926—1927 гг. опубликована в «Статистическом справочнике СССР за 1928 г.» (1929, с. 820—847). Заявлялось, что в 1926—1927 гг. объем капиталовложений в новое жилищное строительство впервые обогнал суммы на амортизацию («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 184).
50. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 201.
51. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 2, ч. 2, с. 273—274.
52. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 165; «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 341. В отношении жилищных условий в западной части РСФСР см. *M. Fainsod*. Op. cit., p. 315—316.
53. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 164; различия в норме жилищной площади соответствовали различиям в уровнях заработной платы (см. табл. 25 приложения).
54. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 533.
55. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 2, ч. 2, с. 271; доля служащих, живших в частных домах, составляла лишь 35,5%, что является весьма интересным указанием на то, что они пользовались некоторым приоритетом в новом жилищном строительстве.

56. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 167—168.
57. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 2, ч. 2, с. 275. Дома индивидуальной постройки обычно состояли из одной комнаты и кухни, которая также служила в качестве жилой комнаты; в среднем их стоимость на квадратный метр общей площади составляла 40—50 руб., тогда как в домах общественной постройки — 130—160 руб. («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 201).
58. «Экономическое обозрение», № 9, 1928, с. 144. В середине 20-х годов более половины городских домов по всей территории СССР (за исключением Закавказской СФСР, где 64,2% домов были кирпичными) были деревянными; наивысшая доля деревянных жилых строений (93,5%) наблюдалась в Белоруссии (там же, с. 139). Среди новых домов постройки 1923—1926 гг. кирпичными были 18,4% (там же, с. 147).
59. Два закона РСФСР от октября 1926 г. и от ноября 1927 г. закладывали основы концепции городского планирования («Собрание узаконений», 1926, № 65, ст. 512; «Собрание узаконений», 1927, № 117, ст. 799).
60. «Собрание законов», 1927, № 2, ст. 19; закон датирован 31 декабря 1926 г. Два дальнейших закона от 15 июня 1927 г. обуславливали формирование фонда на постоянной основе (там же, № 36, ст. 368, 369). В отношении ранее предусматривавшихся взносов в жилищный фонд см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
61. «Собрание законов», 1928, № 6, ст. 49.
62. Там же, № 26, ст. 231.
63. «Вопросы истории», № 12, 1964, с. 16.
64. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 111; их доля в строительстве жилых домов для рабочих выросла с менее чем $\frac{1}{6}$ в 1926—1927 гг. до чуть менее чем $\frac{1}{4}$ в 1927—1928 гг. («Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 год», с. 164). Основной объем кооперативного строительства приходился на Москву, где в 1928 г. 2,4% населения проживало в «кооперативных и коммунальных» домах; по остальной территории процент был ничтожным («Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 2, ч. 2, с. 272, где жилищно-строительные кооперативы именовались «новой категорией домовладельцев»).
65. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 379. Для 1928 г. цифры оценочные; в отношении сокращения числа организаций никакого объяснения не дано.
66. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 118.
67. Там же, с. 115—116.
68. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 921.
69. Ю. Ларин. Частный капитал в СССР, 1927, с. 97—98.
70. См. табл. 47 приложения.
71. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 487. Итоговые величины для всех годов несколько ниже, чем указано в табл. 47 приложения; скорректированные цифры для 1928—1929 гг. приведены в материалах контрольных цифр на следующий год («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», 1930, с. 519) и имеют несколько большие значения. В отношении Цекомбанка см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
72. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 184—186. Было запланировано повышение объема капиталовложений в городское жилищное хозяйство на 14%; однако этот прирост, который включал капиталовложения в фабрично-заводское жилищное хозяйство, оплачиваемые из выделенных промышленности капитальных вложений, был все же гораздо меньшим, чем процентное увеличение объемов капиталовложений в целом (там же, с. 428—429).
73. Г. М. Кржижановский и др. Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства на 1928/29 год, с. 100, 145.

74. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 47—48; строительный год в более общей форме оценен в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», (с. 209) равным 150—160 дням.
75. См. выше, гл. 17.
76. «Обзор деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 49.
77. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 715—716.
78. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 906.
79. *Г. М. Кржижановский и др.* Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства на 1928/29 год, с. 100, 113.
80. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 26—27.
81. Там же, на с. 78, сообщалось, что аналогичные условия были характерны для фарфорового завода, работавшего в три смены (там же, с. 120).
82. Там же, с. 143, 161, 168.
83. Там же, с. 79, 106.
84. Там же, с. 560.
85. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 2, ч. 2, с. 276—277; в отношении цифр, достигнутых в 1927—1928 гг., см. выше, с. 118.
86. «Собрание законов», 1929, № 9, ст. 83.
87. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 52.
88. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
89. «Проблемы планирования (итоги и перспективы)», с. 47, 50.
90. «Собрание законов», 1926, № 44, ст. 312. Насколько эффективными были официальные тарифы, остается только гадать; по-видимому, они были не выше наблюдавшихся вне крупных городов. Приводился пример одного шахтера в Донбассе, который платил 20% своего заработка за одну небольшую комнату и сдавал ее часть другому рабочему, становясь тем самым в свою очередь эксплуататором («Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 167—168).
91. В отношении этой резолюции см. выше, с. 117.
92. «Торгово-промышленная газета», 1 августа 1926 г.
93. Там же, 4 августа 1926 г.; насчет предыдущего предложения см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.
94. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 202—203.
95. В отношении этого закона см. выше, с. 120.
96. См. таблицу в «Обзоре деятельности НКТ СССР за 1927—1928 гг.», с. 173.
97. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 2, ч. 2, с. 282; ср. заявление там же (т. 2, ч. 2, с. 290) о том, что 90% рабочих платили квартплату, которая не покрывала издержек.
98. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 364—365; на практике долгосрочный эффект этих мер был в значительной степени сведен к нулю денежной инфляцией, которая позволяла заработной плате расти быстрее, чем росла квартплата, так что в Москве доля квартплаты в бюджете рабочего упала с 9,2% в 1927 г. до 6,2% в 1933 г. и 3,7% в 1938 г. (*Д. Бронер.* Очерки экономического хозяйства Москвы, 1946, с. 104).

Глава 23. Рынок и план

1. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 6.
2. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», с. 160—161.
3. Там же, с. 212.
4. «К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства». М., 1928, с. 397; В. И. Ленин назвал торговлю «единственно возможным экономическим звеном между десятками миллионов мелких крестьян и крупномасштабной промышленностью».
5. «Экономическая жизнь», 13 января 1924 г.

6. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 235.
7. См. «Междущарствие...», гл. 1.
8. «Экономическая жизнь», 7 ноября 1924 г.
9. «Перспективы промышленности на 1925—26 операционный год». М., 1925, с. 87.
10. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 6.
11. «Вестник Коммунистической академии», № 17, 1926, с. 227—228; «Большевик», № 6, 15 марта 1927 г., с. 61.
12. С. Г. Струминин. На плановом фронте. М., 1958, с. 225.
13. «Перспективы промышленности на 1925—26 операционный год», с. 89.
14. В 1931 г. на процессе «Союзного бюро социал-демократов-меньшевиков» Л. Залкинд, в прошлом меньшевик и официальный деятель Наркомторга, разъяснял, что в первые годы НЭПа было несложно примирить меньшевизм с «фритредерскими элементами» в официальной политике, «но мы быстрее других меньшевиков изжили наши меньшевистские иллюзии». Это было по той причине, что противодействие отступлению и начало наступления затронули Наркомторг раньше других, т. е. в 1925—1926 г. («Процесс контрреволюционной организации меньшевиков». М., 1931, с. 89). Эту точку зрения следует принимать с осторожностью; но совершенно верно, что кризис «ножниц» цен 1923 г. пробил первую серьезную брешь в системе НЭПа (см. «Междущарствие...», гл. 3).
15. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8.
16. «Плановое хозяйство», № 9, 1926, с. 7.
17. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 307.
18. «Частный капитал в народном хозяйстве СССР». Под ред. А. Гинзбурга. М., 1927, с. 18.
19. См. отчет о дискуссии в «Вестнике Коммунистической академии», № 14, 1926, с. 3—254.
20. В записке, датированной 2 мая 1926 г. и направленной против «неофитов социалистического накопления» в партийном большинстве, Троцкий доказывал, что анализ хозяйства с точки зрения отношений между законом стоимости и законом социалистического накопления является как метод вполне законным, но не может быть трансформирован в философию «развития социализма в одной стране»; он подчеркнул также необходимость «низвержения мифа о трактовке деревни как „колонии“» (Архивы Троцкого, Т 2984).
21. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 353; относительно этой резолюции, которая касалась главным образом политики цен, см. ниже, гл. 24.
22. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 462.
23. «Вопросы торговли», № 1, октябрь 1927 г., с. 6; годом раньше один из комментаторов назвал цены «главной ареной борьбы принципа регулирования цен с частнокапиталистическим рынком» (Ц. Крон. Частная торговля в СССР. М., 1926, с. 85).
24. «Экономический бюллетень Конъюнктурного института», № 11-12, 1927, с. 15.
25. «Экономическое обозрение», № 3, 1928, с. 79.
26. «Большевик», № 23—24, 31 декабря 1926, с. 25—26.
27. «Экономическая жизнь», 7 января 1927 г.
28. «Торгово-промышленная газета», 14 августа 1927 г.
29. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 1133.
30. «Исторический архив», № 3, 1958, с. 65—67; см. также выше, ч. 1, гл. 2 и 12.
31. «Торгово-промышленная газета», 4 февраля 1928 г.
32. См. выше, с. 129.
33. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 298.
34. Относительно этой резолюции см. выше, ч. 1, гл. 11.
35. Относительно этих неопубликованных речей см. выше, ч. 1, гл. 11. Приведенные фразы без дальнейших подробностей цитируются в материалах «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 793, прим. 133; на конференции один из делегатов обвинил Рыкова в стремлении «развязать свободный обмен на рынке» (там же, с. 399).

36. И. В. Сталин. Соч., т. 12, с. 43, 49.
37. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 552.
38. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8. Составители госплановских контрольных цифр на 1928/29 г. добавили третью задачу политики: «расширение плановой контрактации массовых продуктов и их планового распределения» («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 296). По поводу контрактации см. выше, ч. 1, гл. 9.

Глава 24. Обобществленный сектор

1. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 492; см. также табл. 27 приложения.
2. См. табл. 28 приложения.
3. См. табл. 29 приложения.
4. Г. Нейман. Внутренняя торговля СССР. М., 1935, с. 12—122; относительно статистики занятости в торговых заведениях — государственных, кооперативных и частных, с 1925 по 1929 г. см. «Экономическое обозрение», № 9, 1929, с. 123.
5. См. табл. 27 приложения.
6. См. гл. 24.
7. См. гл. 24.
8. См. выше, ч. 1, гл. 1.
9. Относительно наступления синдикатов на тресты см. выше, ч. 1, гл. 14; по поводу их происхождения см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.
10. «Торгово-промышленная газета», 22 сентября 1926 г.
11. «Экономическая жизнь», 4 января 1927 г.
12. «Правда», 23 марта 1927 г.
13. «Торгово-промышленная газета», 25 августа 1926 г., 18 октября 1927 г.
14. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1925—1926», № 11, ст. 367.
15. «Торгово-промышленная газета», 20 июня 1926 г., 3 сентября 1927 г.
16. См. выше, ч. 1, гл. 14.
17. «Торгово-промышленная газета», 16 июля, 4, 5 декабря 1926 г.; 16 сентября, 22 октября 1927 г.; 12 июня 1928 г.
18. «Металл», № 4, 1929, с. 100—110. Такому развитию событий тресты, естественно, сопротивлялись; цитируется случай, когда после запрещения Южмаштрестом выполнять прямой заказ на локомотивы, необходимые Днепрострою, ВМТС не смог поставить их вовремя, так что локомотивы пришлось заказывать за рубежом («Днепрострой», № 4, 1928, с. 111—113).
19. Как заявлял ВСНХ, «интересы отдельных республиканских трестов должны быть подчинены народнохозяйственным интересам. Накладки в работе синдиката и трестов дезорганизуют рынок стройматериалов и создают искусственный дефицит одних материалов при значительном избытке других» («Торгово-промышленная газета», 17 августа 1928 г.; см. также «Промышленность СССР в 1926/27 году». М., 1928, с. 287).
20. «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства», 1926, № 32, с. 1299—1301; № 37, с. 1452—1455; № 39, с. 1535.
21. Там же, № 35, с. 1391.
22. Там же, № 34, с. 1358; «Торгово-промышленная газета», 10 ноября, 4 декабря 1926 г.
23. Там же, 3, 24 июня 1926 г.
24. Там же, 10 ноября 1926 г.
25. «Экономическая жизнь», 21 июля 1925 г.
26. Там же, 4 января 1927 г., «Торгово-промышленная газета», 20 августа 1927 г.
27. «Плановое хозяйство», № 2, 1929, с. 267.
28. «Торгово-промышленная газета», 20 августа 1927 г.

29. «Вопросы торговли», № 6, март 1929 г., с. 7; более высокие цифры, приведенные в приведенной ниже таблице (с. 136), вызывают определенные сомнения.

30. «Торгово-промышленная газета», 18 апреля 1928 г.

31. А. *Хавин*. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М., 1962, с. 74—75; «Лесная промышленность СССР, 1917—1957». М., 1957, т. 2, с. 137, 144—145.

32. Резолюция ЦК ВКП(б) от июня 1927 г. назвала «Металлосиндикат», «Текстильсиндикат», «Продасиндикат», «Кожсиндикат», «Рыбсиндикат» и «Сольсиндикат» шестью ведущими синдикатами («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 24—25 (197—198), 30 июня 1927 г., с. 10—11). Список «12 крупнейших синдикатов» в 1925—1926 г. см. в работе: А. *Малафеев*. История це-нообразования в СССР. М., 1964, с. 78.

33. Ц. *Крон*. Частная торговля в СССР, с. 114.

34. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1925—1926», № 8.

35. «Торгово-промышленная газета», 3 мая 1926 г.

36. Там же, 24 декабря 1926 г.

37. См. дискуссию о синдикате консервированных пищевых продуктов там же, 24 декабря 1926 г.

38. См. выше, с. 135.

39. «Торгово-промышленная газета», 23 ноября 1926 г.; «СССР: 4 съезд Советов», с. 376.

40. О подобной попытке парфюмерно-косметического треста Московского совнархоза сообщалось в «Торгово-промышленной газете», 26 мая, 22 июня 1928 г.

41. «Вопросы торговли», № 7, апрель 1929 г., с. 72.

42. Ю. *Мошинский*. Экономика и организация обращения средств производства в СССР. М., 1936, с. 115. Приведенные цифры, за исключением цифр по лесу, близко соответствуют указанным в журнале «Вопросы торговли», № 6, март 1929 г., с. 6, где, однако, даются лишь плановые итоговые показатели на 1928/29 г.; относительно неожиданного расхождения цифр по лесу см. выше, гл. 24, прим. 29.

43. «Вопросы торговли», № 12, сентябрь 1928 г., с. 20.

44. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 317—318.

45. Пример использования обоих доводов в лесной промышленности см. выше, с. 135.

46. «Собрание законов», 1926, № 59, ст. 445. На следующий день резолюция ЦК ВКП(б) о сельскохозяйственной кооперации обязывала СТО изучить «практику генеральных контрактов, заключаемых государственной промышленностью с сельскохозяйственными кооперативами», и «причины нерентабельности некоторых из этих контрактов» и заявляла, что основной функцией сельскохозяйственных кооперативов является снабжение госпромышленности сырьем; относительно этой резолюции см. выше, ч. 1, гл. 5. Очевидно, это явилось определенным сдвигом в конкурентных отношениях между потребителем и сельскохозяйственной кооперацией (см. выше, ч. 1, гл. 1 и 2).

47. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 351.

48. «Правда», 2 марта 1927 г.

49. Там же, 2 сентября 1927 г., «Торгово-промышленная газета», 2 сентября 1927 г.

50. «Торгово-промышленная газета», 18 мая 1928 г.

51. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза». М., 1928, с. 339; по поводу действия системы «предварительных заказов» см. там же, с. 186—188.

52. «Вопросы торговли», № 7, апрель 1929 г., с. 57.

53. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8.

54. По-видимому, действительно, в отдаленных районах торги были более эффективными, чем кооперация, и часто получали поддержку от синдикатов (см. ниже, с. 142—144).

55. См. выше, с. 137.

56. «Вопросы торговли», № 2—3, ноябрь-декабрь 1927 г., с. 63.

57. «XLI собрание уполномоченных центросоюза», с. 38; «Вопросы торговли», № 6, март 1929 г., с. 58. Говорилось, что задача Текстильторга заключалась в том, чтобы «продемонстрировать превосходство государственной торговли перед потребительской кооперацией» (там же, № 2—3, ноябрь-декабрь 1927 г., с. 68). Региональные торги появились раньше синдикатов (см. ниже, с. 142—144).
58. «Вопросы торговли», № 12, 1964, с. 15; потребкооперации было брошено обвинение в перепродаже товаров частным торговцам («XV сессия совета Центросоюза». М., 1926, с. 69).
59. «Вопросы торговли», № 2—3, ноябрь-декабрь 1927 г., с. 62. В это время товарами, имевшимися в достаточном количестве, были соль, спички, керосин, табак, сахар (прежде «дефицитный»), керамические изделия и галоши; кожаные изделия и обувь, металлоизделия, шерстяные и хлопчатобумажные ткани были дефицитными («Плановое хозяйство», № 5, 1928, с. 79—88; более подробный перечень см. в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 238). Указывалось, что генеральные контракты охватывали главным образом дефицитные товары; среди предусматриваемых исходными контрактами 1925—1926 г. статей 70% приходилось на дефицитные товары, причем 62,7% относились к текстилю («Вопросы торговли», № 7, апрель 1929 г., с. 55).
60. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 166, 225—226.
61. «XV Сессия Совета Центросоюза», с. 37; «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 80, 88.
62. «XV сессия совета Центросоюза», с. 25, 35.
63. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 143.
64. «Вопросы торговли», № 2—3, ноябрь-декабрь 1927 г., с. 62, 68.
65. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 33—34.
66. «International Cooperation, 1927—1929», International Cooperative Alliance, 1930, p. 219.
67. «Торгово-промышленная газета», 8, 14 января 1928 г.
68. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 494; относительно защиты Микояном этого курса см. выше, ч. 1, гл. 2.
69. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 288.
70. Эти документы цитируются в материалах «XLI собрания уполномоченных Центросоюза» (с. 36, 100). См. также «Торгово-промышленную газету» от 8, 12, 15 мая 1928 г.; многие деятели промышленности призывали к замене «генеральных контрактов» более гибкими «генеральными соглашениями».
71. По поводу этой конференции см. ниже, гл. 24.
72. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 90.
73. Там же, с. 302, 304—305, 314.
74. «Вопросы торговли», № 5, февраль 1929 г., с. 26.
75. Постановление от 3 июля 1929 г. было попыткой регулировать отношения между синдикатами и Центросоюзом передачей спорных вопросов в Наркомторг для принятия решения («Собрание законов», 1929, № 45, ст. 394).
76. «Вопросы торговли», № 2—3, ноябрь-декабрь 1927 г., с. 67.
77. Там же, № 7, апрель 1928 г., с. 95—96.
78. «Вопросы торговли», № 6, март 1929 г., с. 10.
79. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 51, 318.
80. Г. Нейман. Внутренняя торговля СССР, с. 113, приводит цифры 528 млн. руб. на 1925/26 хоз. г., 1049 млн. руб. на 1926/27 г. и 2032 млн. руб. на 1927/28 г.; кооперативный источник, цитированный в книге «Построение фундамента социалистической экономики в СССР» (М., 1960, с. 440), приводит цифру 3396 млн. руб. на 1928/29 г., или на 70% больше, чем в предыдущем году.
81. Ю. Мошинский. Экономика и организация обращения средств производства в СССР, с. 119.
82. См. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.
83. «Вопросы торговли», 1929, № 6, стр. 17; Г. Нейман. Цит. выше, с. 114. Относительно ГУМа см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

84. См. выше, с. 139.
85. См. выше, ч. 1, гл. 1.
86. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 43; относительно этой резолюции см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8.
87. Относительно этого постановления см. выше, с. 138.
88. См. «Международство...», гл. 3.
89. «Собрание законов», 1926, № 71, ст. 545; «Собрание законов», 1927, № 6, ст. 56; *Г. Нейман*. Цит. выше, с. 120.
90. «Торгово-промышленная газета», 8 июля 1927 г.; *Г. Нейман*. Внутренняя торговля СССР, с. 112.
91. «Вопросы торговли», № 6, март 1929 г., с. 57.
92. «Собрание законов», 1927, № 49, ст. 501, 502.
93. «Собрание законов», 1928, № 29, ст. 265.
94. «Вопросы торговли», № 6, март 1929 г., с. 56.
95. Там же, № 2—3, ноябрь-декабрь 1927 г., с. 61. В 1926 г. Сибирский региональный торг (Сибторг) настолько лучше снабжался товарами, чем региональный коопсоюз (Сибкрайсоюз), что местная кооперация была вынуждена закупать товары у него или же сам Сибкрайсоюз закупал товары у Сибторга («XV сессия Совета Центросоюза», с. 68, 90).
96. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 85, 143.
97. «Вопросы торговли», № 6, март 1929 г., с. 18.
98. Там же, с. 17—19.
99. «СССР: От съезда к съезду (апрель 1927 г. — май 1929 г.)», с. 76.
100. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8.
101. «XV сессия Совета Центросоюза», с. 68.
102. Письмо от марта 1926 г. цитировалось Лариним в журнале «На аграрном фронте», № 7—8, 1926, с. 23.
103. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 352—353.
104. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 102; «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», с. 571. В 1927 г. доля крестьянских хозяйств, вступивших в потребительскую кооперацию, составила 39%; в последующие два года она выросла до 54 и 58% («История советского крестьянства и колхозного строительства СССР». М., 1963, с. 67).
105. «Вопросы торговли», № 4, январь 1929 г., с. 70.
106. «Большевик», № 3, 1 февраля 1927 г., с. 49—50; многие из них, несомненно, были членами рабочих кооперативов (см. ниже, с. 149—151).
107. См. табл. 27 приложения.
108. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 40. В «Вопросах торговли» (№ 4, январь 1929 г., с. 68) только для РСФСР приводилась цифра 68%; из-за двойного статуса Центросоюза (см. ниже, гл. 24), кооперативная статистика часто характеризовалась такой нечеткостью.
109. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 188.
110. «XV сессия совета Центросоюза», с. 19.
111. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 118; жалоба на недостаточность статистики по этому предмету, прозвучавшая в контрольных цифрах на предыдущем год, была подчеркнуто повторена там же, с. 116—117. Относительно сельскохозяйственных кооперативов см. выше, ч. 1, гл. 5.
112. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 24—25 (197—198), 30 июня 1927 г., с. 10; передовица там же, с. 1—2, призывала к лучшей подготовке персонала.
113. «Справочник партийного работника», т. 6, ч. 2, с. 560—564.
114. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 1037—1039.
115. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 229—230, 345.
116. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 187, 538, 541.
117. Там же, с. 818, прим. 309; в отношении подробностей суровой чистки в последовавшем году см. «40 лет советской торговли». М., 1957, с. 179—180.
118. Борьба за государственное финансирование была важным элементом в конкуренции между потребительскими и сельскохозяйственными кооперативами

(см. выше, ч. 1, гл. 1). В 1925/26 бюджетном году из 35 млн. руб. ассигнований кооперации 8 млн. руб. были первоначально выделены потребительской кооперации и 18 млн. руб. — сельскохозяйственной кооперации; протесты со стороны потребительских кооперативов привели к пересмотру этих цифр соответственно на 12,5 и 14,5 млн. руб. («XV сессия совета Центросоюза», с. 7—8).

119. Издержки оставались существенно выше, чем в синдикатах и торгах, несомненно по причине гораздо меньших масштабов операций торговых единиц; нижеследующая сопоставительная таблица, в которой издержки указаны в виде процента от товарооборота, приводится в контрольных цифрах на 1927/1928 г.

Годы	1925/26	1926/27	1927/28 (план)
Синдикаты	2,55	1,43	1,21
Торги	3,25	2,17	1,86
Потребительские кооперативы			
Оптовые	2,9	2,0	1,7
Розничные	7,5	6,4	5,5

Трудовые затраты во всех случаях составляли 50—60% итоговой суммы («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год». М., 1928, с. 250).

120. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 44.

121. Там же, с. 280; А. И. Рыков всегда был строгим критиком состояния финансов в кооперации (см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8).

122. «СССР: 5 Съезд Советов». М., 1929, с. 38.

123. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 227.

124. «XV сессия совета Центросоюза», с. 109.

125. «Справочник партийного работника», т. 6, ч. 1, с. 658.

126. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 46; право на отмену или снижение величины взноса предоставлялось красноармейцам, «беднейшим слоям населения» и членам той же семьи (там же, с. 62, 207).

127. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 293.

128. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 189.

129. «XV сессия совета Центросоюза», с. 78.

130. «Большевик», № 3, 1 февраля 1927 г., с. 52—53.

131. Один из деятелей кооперативного движения признавал, что «в условиях товарного голода и связанных с ним обстоятельств кооперативы часто оказывались в серьезной опасности в своей борьбе с частным капиталом и госторговлей в силу низкого уровня своего торгового оборудования и оснащения»; в качестве причины их неэффективности приводилась нехватка торговых помещений, складов, пекарен и ледников («Вопросы торговли», № 5, февраль 1929 г., с. 27).

132. См. ниже, гл. 27.

133. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 311.

134. «Вопросы торговли», № 12, сентябрь 1928 г., с. 55; относительно кредитов на приобретение сельскохозяйственных машин и инвентаря см. выше, ч. 1, гл. 5.

135. «Вопросы торговли», № 4, январь 1929 г., с. 16.

136. Там же, № 5, февраль 1929 г., с. 26.

137. См. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

138. «XV сессия Совета Центросоюза», с. 5.

139. Там же, с. 29, 30—32, 33—34.

140. Там же, с. 52—53.

141. Приведенные подробности взяты из доклада делегата рабочей секции на конференции («XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 61—67); расхождение цифр может быть объяснено только исходя из допущения, что некоторые рабочие кооперативы, входящие в Центросоюз, не были членами

рабочей секции. Непростой характер отношений подтверждается неприязненно-стью упоминаний о рабочей секции в выступлениях других ораторов и в резолюциях конференции. Относительно независимого финансового статуса рабочей секции см. там же, с. 383—384, 385; упоминания о рабочих кооперативах на VIII съезде профсоюзов в декабре 1928 г. («Восьмой съезд профессиональных союзов», с. 173, 467—475) свидетельствовали о некоторых оговорках в отношении к ним, даже в профсоюзных кругах.

142. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8.

143. «Его роль в хлебозаготовках признается в резолюции ЦК ВКП(б) от апреля 1928 г. («КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 499).

144. «International Cooperation, 1927—1929» (International Cooperative Alliance, 1930), p. 240—254.

145. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 257.

146. «1-е собрание уполномоченных Центросоюза РСФСР», М., 1928.

Глава 25. Частный сектор

1. См. табл. 29 приложения; несколько иные цифры см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8. В абсолютных цифрах этот год был пиковым для частной розничной торговли («Частная торговля СССР». Под ред. А. Залкинда. М., 1927, с. 4; «40 лет советской торговли», с. 6).

2. «Вопросы истории», № 12, 1964, с. 11. В это время существовало многообразие оценок размеров частного капитала в торговле, основанных на разных расчетных методиках. Наркомторг оценивал капитал получивших разрешения частных торговых предприятий в октябре 1925 г. суммой 450 млн. руб. Согласно наркомфиновским отчетным данным, категория налогоплательщиков, классифицируемых как занимающиеся частной торговлей и промышленностью, или как владельцы собственности, или ссудодатели, насчитывала 752 тыс. чел. в первой половине 1925/26 г.; высшая категория среди них численностью 320 тыс. чел. имела средний доход свыше 175 руб. в месяц («Частный капитал в народном хозяйстве СССР». Под ред. А. Гинзбурга, с. 5—6).

3. Ц. Крон. Частная торговля в СССР, с. 3.

4. «Большевик», № 21—22, 30 ноября 1926 г., с. 17; «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 129 (Рыков цитировал также оценку Преображенского на 1923 г. в сумме 600 млн. руб.). Более высокие цифры, очевидно, получали, считая в качестве прибыли общий доход частного торговца на базе его дела; в своей речи от 20 июля 1926 г. Ф. Э. Дзержинский (см. выше, ч. 1, гл. 12) отклонил оценку Каменева в сумме 400 млн. руб., полученную таким путем, и отказался от расчета суммарного чистого накопления частного торговца как от «совершенно незначительного» («Правда», 1 августа 1926 г.).

5. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929—1930 год», с. 466.

6. «Частный капитал в народном хозяйстве СССР», с. 125.

7. «Частная торговля СССР», с. 31.

8. См.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19. 24 сентября 1926 г. было издано постановление, переопределявшее категории разрешений, среди них: (1) торговля на базарах, рынках и других открытых местах, осуществляемая одиночным торговцем со складным оборудованием; (2) торговля на базарах, осуществляемая одиночным торговцем или членами его семьи из небольших киосков или с лотков, при месячном обороте до 300 руб. в месяц; (3) торговля в небольших магазинах с оборотом до 800 руб. в месяц; (4) розничная или полуоптовая торговля сельскохозяйственной продукцией, лесом, стройматериалами, углем, черными металлами и т. п. с оборотом до 2000 руб. в месяц; (5) аналогичная торговля с оборотом до 5000 руб. в месяц; (6) торговля в более крупных заведениях («Собрание законов», 1926, № 63, ст. 474).

9. «Плановое хозяйство», № 9, 1926, с. 9.

10. «Материалы по истории СССР», 1959, т. 7, с. 121.

11. Там же, т. 7, с. 132—133.

12. «Вопросы торговли», № 4, январь 1929 г., с. 64—65; некоторую скидку нужно делать на нелегальную частную торговлю, которая избегала регистрации и налогообложения.

13. «Материалы по истории СССР», т. 7, с. 90, 153. Таблица в «Плановом хозяйстве», № 9, 1926, с. 14, показывает, что частная торговля постепенно сокращалась в городах и возрастала в сельской местности в период с 1922/23 по 1924/25 г.; в 1925/26 г. произошло увеличение на одну треть в городах и на 90% в сельской местности.

14. «Материалы по истории СССР», т. 7, с. 157; в 1926/27 г. более 80% прибыли сельской частной торговли поступало от предприятий второй и третьей категории (там же, с. 164).

15. Там же, с. 154; цифры за 1927/28 г. только для одной РСФСР цитируются в «Вопросах торговли», № 4, январь 1929 г., с. 67—68.

16. «Материалы по истории СССР», т. 7, с. 146.

17. Ц. Крон. Частная торговля в СССР, с. 137.

18. «Частный капитал в народном хозяйстве СССР», с. 7.

19. «Экономическая жизнь», 9 июня 1927 г.

20. «Частный капитал в народном хозяйстве СССР», с. 18—20.

21. «Плановое хозяйство», № 9, 1926, с. 22—23.

22. Ю. Ларин. Частный капитал в СССР, с. 201.

23. См. выше, гл. 24.

24. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 191.

25. См. ниже, гл. 26.

26. «Материалы по истории СССР», т. 7, с. 79; детальные результаты опроса, проведенного в 1928 г., следуют там же, т. 7, с. 80—120.

27. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 307—308.

28. Там же, с. 354; относительно этой резолюции см. ниже, гл. 26.

29. «Съезды Советов в документах», т. 4, ч. 1, с. 95.

30. «Большевик», № 19—20, 31 октября 1926 г., с. 82—84; А. И. Микоян совершенно неожиданно надеялся на устранение ограничений. С. Г. Струмилин оправдывал дискриминацию на том основании, что железные дороги субсидируются из общественных фондов («Плановое хозяйство», № 9, 1926, с. 32).

31. А. Малафеев. История ценообразования в СССР, с. 133. Дискриминация впервые приобрела форму, согласно которой партии грузов частных торговцев должны направляться скорыми поездами с более высокими железнодорожными тарифами; позже грузы отправлялись товарными поездами по тарифам скорых («СССР: Сводные материалы о деятельности Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона за I квартал (октябрь—декабрь) 1927—28 г.». М., 1928, с. 69—70.

32. «Материалы по истории СССР», т. 7, с. 164—166; доклад относится к сельской торговле, но условия городской торговли в этом отношении сопоставимы. Сообщение из Новгорода демонстрировало, что 171 бывший частный торговец, ответивший на вопросник о причинах прекращения деятельности, указал, что они объяснялись следующим: 21% — налогообложение; 22 — санитарно-гигиенические и другие нормативы Наркомторга; 16 — нехватка товаров; 11 — нехватка капитала или кредита; 7 — конкуренция со стороны кооперативов; 4% — штрафы за нарушения правил и норм; остальные предположительно определенного ответа не дали («Экономическая жизнь», 15 октября 1927 г.). Относительно резкого сокращения банковских кредитов частной торговле и промышленности в 1927 г. см. «Материалы по истории СССР», т. 7, с. 27—30. Выступивший в Иркутске от частных торговцев и производителей перечислил среди их требований ликвидацию ограничений на допуск их детей в вузы (А. Фабричный. Частный капитал в СССР на пороге пятилетки, с. 51).

33. «Торгово-промышленная газета», 22 января 1927 г.

34. Это может объяснить, почему доля текстильных товаров в сельской частной торговле, составлявшая 13,46% в 1925/26 г., упала до 7,38% в 1926/27 г. («Материалы по истории СССР», т. 7, с. 148).

35. «Экономическая жизнь», 20 марта 1928 г.

36. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 438.

37. Я. Яковлев. К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства. М., 1928, с. 447, 450; согласно сообщению в «Экономической жизни» от 20 марта 1928 г., частный торговец, вышедший из дела, возвращался к ремесленному производству, в фиктивные кооперативы или к валютным операциям.
38. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 439.
39. Ю. Ларин. Частный капитал в СССР, с. 291.
40. Несколько отчетов местных партийных органов сокращенно изложено в работе: А. Фабричный. Частный капитал на пороге пятилетки, с. 12—15; эта брошюра содержит большой и разнообразный материал о прегрешениях частных капиталистов, зачастую действовавших на грани законности и беззакония, в 1927 и 1928 гг.
41. Там же, с. 27—28.
42. «Известия», 7 сентября 1929 г.; это дело рассматривается также и в работе: А. Фабричный. Частный капитал на пороге пятилетки, с. 33.
43. Там же, с. 31.
44. «Экономическое обозрение», № 11, 1929, с. 138.
45. См. выше, ч. 1, гл. 3.
46. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 243—244.
47. «Плановое хозяйство», № 8, 1929, с. 9.
48. Относительно этой резолюции см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8.
49. «На аграрном фронте», № 7—8, 1926, с. 29; согласно контртезисам оппозиции по пятилетнему плану, выпущенным по поводу XV съезда партии в декабре 1927 г. (см. выше, ч. 1, гл. 2), массовый покупатель приобретал у частного торговца более 50% необходимых ему товаров.
50. «Вопросы истории», № 12, 1964; с. 17.
51. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 462; приблизительно в то же время Конъюнктурный институт Наркомфина отметил, что вытеснение частного торговца ведет к сокращению объемов сельской торговли («Экономический бюллетень Конъюнктурного института», № 11—12, 1927, с. 7—8, 11).
52. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 348.
53. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 287.
54. «Вопросы торговли», № 4, январь 1929 г., с. 26—27.
55. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 118, 300—301.
56. «Вопросы торговли», № 9—10, июнь-июль 1928 г., с. 12; № 4, январь 1929 г., с. 21—22.
57. И. В. Сталин. Соч., т. 11, с. 170.
58. См. табл. 29 приложения.

Глава 26. Контроль над ценами

1. Относительно «ножниц» оптово-розничных цен см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8; в отношении сельскохозяйственно-промышленных «ножниц» цен, которые представляли собой отношение между розничными ценами, по которым крестьяне закупали продукцию промышленности, и оптовыми ценами, по которым они продавали свою продукцию, и которые привели к кризису «ножниц» цен 1923 г., см. «Международствие...», гл. 1.
2. «Экономическое обозрение», № 5, 1926, с. 52; цифровые данные ВСНХ, который всегда старался переложить вину за высокие цены на розничника, показывают, что розничные цены превышали оптовые цены на 51% по состоянию на 1 октября 1925 г., и на 68% по состоянию на 1 октября 1926 г. («Вопросы торговли», № 2—3, ноябрь-декабрь 1927 г., с. 66).
3. См. ниже, табл. 34, 35 приложения.
4. «XV сессия Совета Центросоюза», с. 17.
5. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8.
6. Н. И. Бухарин, опровергая Е. Преображенского, весьма изобретательно пытался добиться с ним примирения с помощью принятой до того политики

установления фиксированных умеренных цен: «Процесс советского ценообразования представляет собой предвидение того, что при стихийном регулировании установится *post factum*» («Правда», 1 июля 1926 г.).

7. «Вестник финансов», № 2, 1926, с. 90—96 (В. Новожилов); та же доктрина, выраженная несколько неоднозначно, появилась одновременно в статье, опубликованной госплановским журналом: «Установившаяся на основе равновесия спроса и предложения *рыночная розничная* цена должна послужить исходным пунктом в нашей деятельности регулирования цен... «Стихийно» установившиеся в каждый данный момент розничные цены должны приниматься как объективно данные» («Плановое хозяйство», № 2, 1926, с. 118).

8. «Вестник финансов», № 4, 1926, с. 16.

9. Совпадение мнений между двумя противоположными группами отмечает в статье в «Плановом хозяйстве», № 5, 1926, с. 29.

10. «Вестник финансов», № 4, 1926, с. 14.

11. См. «Междуцарствие...», гл. 4.

12. См. там же, гл. 1.

13. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5.

14. «Большевик», № 6, 31 марта 1926 г., с. 61—64; статья в «Правде» от 10 апреля 1926 г. предлагала, чтобы кооперация и органы госторговли подняли свои цены до уровня цен частных торговцев.

15. «Красная новь», № 5, 1926, с. 171—174.

16. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5.

17. См. ниже, гл. 37; в это время один из партийных деятелей доказывал, что «*политика подрезающих цен*» является оружием против «враждебной силы» частного капитала (*Ц. Крон*. Частная торговля в СССР, с. 85).

18. «XV сессия Совета Центросоюза», с. 112.

19. *Г. Нейман*. Внутренняя торговля СССР, с. 139.

20. «Частный капитал в народном хозяйстве СССР», с. 17; относительно растущего разрыва между официальными ценами и ценами частной торговли см. ниже, с. 172.

21. В отношении статьи, осуждавшей подобную практику, см. «Революционная законность», № 5—6, 1926, с. 3—4; другой комментатор отмечал, что это препятствует «нажиму организованного общественного мнения в виде партийных, советских, профсоюзных и других организаций и в прессе» («Вопросы торговли», № 2—3, ноябрь-декабрь 1927 г., с. 67).

22. Там же, с. 60.

23. «Торгово-промышленная газета», 1 октября 1926 г.

24. Там же, 24 апреля 1926 г.

25. «Протоколы заседания Президиума ВСНХ СССР, 1925—1926», № 9, ст. 285 (3 июня); «На аграрном фронте», № 3, 1927, с. 10—11.

26. «Собрание законов», 1926, № 54, ст. 396.

27. «На аграрном фронте», № 3, 1927, с. 10—11; относительно резолюции см. «Собрание законов», 1926, № 51, ст. 374. Инициатива в принятии этого решения принадлежала *Ф. Э. Дзержинскому* как председателю ВСНХ («Вопросы торговли», № 2—3, ноябрь-декабрь 1927 г., с. 66); как отмечал *А. Малафеев* (История ценообразования в СССР, с. 103), органы госторговли, будучи заинтересованными в прибыли, приняли его «без энтузиазма».

28. См. ниже, с. 166.

29. Цитируется *Рыковым* в «Правде» от 17 августа 1927 г. и (частично) *Г. Круминным* в «Большевике», № 7—8, 15 апреля 1927 г., с. 48.

30. «Правда», 1 августа 1926 г.; в отношении этой речи см. выше, ч. 1, гл. 12.

31. «Торгово-промышленная газета», 13 августа 1926 г.

32. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 109—116.

33. Там же, с. 81, 88, 220.

34. См. выше, гл. 24.

35. Относительно этой листовки см. гл. 18, прим. 18.

36. «Большевик», № 18, 30 сентября 1926 г., с. 116—117; в отношении этой статьи см. выше, ч. 1, гл. 1.

37. «Вестник Коммунистической академии», № 17, 1926, с. 215.
38. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 134, 149, 538—541; см. также ответ Марецкого Майзлину в журнале «Большевик», № 18, 30 сентября 1926 г., с. 118—128, и в еще одной статье там же, № 21—22, 30 ноября 1926 г., с. 8—24.
39. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 173, 514.
40. Там же, с. 580.
41. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 306—307.
42. См. ниже, табл. 35 приложения.
43. «Беднота», 30 октября 1926 г.; «соотношение промышленных и сельскохозяйственных цен... — писал Троцкий в это время, — должно быть решающим фактором в вопросе об отношении крестьянства к капитализму и социализму» (Архивы Троцкого, Т 3015).
44. См. выше, гл. 21.
45. Повышение железнодорожных тарифов в течение 1926 г. указано в «Перспективах развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», с. 266—268.
46. В отношении этого закона см. выше, ч. 1, гл. 12.
47. «На аграрном фронте», № 9, 1926, с. 10.
48. «Торгово-промышленная газета», 10, 17 декабря 1926 г.
49. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 2—3, 1927, с. 1—7.
50. «Большевик», № 4, 15 февраля 1927 г., с. 20—21.
51. В докладе президиуму ВСНХ в ноябре 1926 г. А. Соколовский заявил, что не может быть никакого общего снижения цен в отраслях, производящих дефицитные товары («Торгово-промышленная газета», 28 ноября 1926 г.).
52. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 507—508.
53. Текст решения не опубликован, но на него дается ссылка в резолюции ЦК ВКП(б) (см. ниже).
54. «Большевик», № 4, 15 февраля 1927 г., с. 18—27; статья в последовавшем номере привлекала внимание к недавнему увеличению раствора «ножниц» цен (там же, № 5, 1 марта 1927 г., с. 21—22).
55. См. записку В. Смирнова в архивах Троцкого (Архивы Троцкого, Т 922).
56. «Правда», 15 февраля 1927 г., где сообщается о речи Николаевой и в передовице даются по ней подробные комментарии.
57. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 344—355.
58. «Собрание законов», 1927, № 11, ст. 117; «мелкий розничник должен знать, — писал в это время Струмилин, — что он получит товар от госорганов на приемлемых условиях только в том случае, если он обяжется продавать его по строго установленным этикетным и прейскурантным ценам» (С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, с. 298).
59. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва: 3 сессия». М., 1927, с. 834, 845—846.
60. «Собрание законов», 1927, № 12, ст. 125.
61. «Правда», 15 февраля 1927 г.; редакционная статья в «Большевике», № 4, 15 февраля 1927 г., с. 3—7, заявляла, что «только безумец предложит повысить оптовые цены».
62. Архивы Троцкого, Т 3026, 3027, 3028.
63. «Правда», 25 марта 1927 г. (Троцкий); «Большевик», № 6, 15 марта 1927 г., с. 57—65 (Преображенский), с. 66—77 (Смилга). Последние две статьи сопровождалось редакционным примечанием, говорившим, что они опубликованы «в порядке исключения» как представляющие точку зрения оппозиции; длинная статья Крумина, критикующая этих авторов, была опубликована в этом и последовавшем номере журнала (там же, с. 78—95; № 7—8, 15 апреля 1927 г., с. 27—54).
64. Относительно этой декларации см. выше, ч. 1, гл. 1.
65. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 10—11 (183—184), 21 марта 1927 г., с. 1—2; № 13 (186), 8 апреля 1927 г., с. 3—4.

66. «Съезды Советов в документах», т. 3, с. 115—116. Аналогичная резолюция в еще более сильных выражениях была принята XIII съездом Советов РСФСР в том же месяце (там же, т. 4, ч. I, с. 91—96).
67. «Справочник партийного работника», т. 6, ч. 1, с. 544—545.
68. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 29 (202), 30 июля 1927 г., с. 8; в отношении этой кампании см. выше, ч. 1, гл. 13.
69. «Вопросы торговли», № 2—3, ноябрь-декабрь 1927 г., с. 70—71.
70. «Торгово-промышленная газета», 15 сентября 1927 г.
71. См. ниже, табл. 31; однако крестьянская газета сетовала, что такие сокращения, которые происходят в городах, неэффективны в деревне («Беднота», 20 мая 1927 г.). Относительно нехватки продовольствия и вызванного ею роста свободнорыночных цен в это время см. ниже, гл. 27.
72. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 374—378.
73. «Правда», 18 августа 1927 г.
74. «2 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Сессия», с. 251.
75. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/1928 год», с. 233, 300—301.
76. См. ниже, табл. 35 приложения.
77. *L. Trotsky. The Real Situation in Russia*, p. 29.
78. *Я. Яковлев*. К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства, с. 397.
79. *И. В. Сталин*. Соч., т. 10, с. 312.
80. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 1103.
81. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 455—456, 458, 463; относительно денежной политики см. ниже, гл. 29, 31.
82. «Собрание законов», 1927, № 65, ст. 669.
83. «Плановое хозяйство», № 5, 1928, с. 46.
84. Там же, № 4, 1928, с. 19—20.
85. *А. Малафеев*. История ценообразования в СССР, с. 85; в отношении сравнительных месячных данных начиная с октября 1924 г. см. там же, с. 382—385.
86. См. ниже, табл. 31 приложения.
87. Цитируется в работе: *Ю. Ларин*. Частный капитал в СССР, с. 196.
88. См. выше, гл. 24.
89. См. ниже, табл. 31; другая таблица, подготовленная Конъюнктурным институтом Наркомфина, указывала частнорыночные цены на ряд товаров, превышавшие кооперативные цены по состоянию на 1 июня 1927 г. в процентном отношении на величину от 0 до 60%, и с 1 января границы почти во всех случаях расширились («Вопросы торговли», № 2—3, ноябрь-декабрь 1927 г., с. 71).
90. Там же, с. 33.
91. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 1033; относительно роли синдикатов в сдерживании кооперативных розничных цен см. выше, гл. 24.
92. «На аграрном фронте», № 11—12, 1927, с. 121—122.
93. См. ниже, табл. 31 приложения.
94. А. И. Рыков в июле 1928 г. на конференции Центросоюза говорил о «стыке между городом и деревней» в сфере торговли («XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 280).
95. См. ниже, табл. 31 приложения.
96. «Вопросы торговли», № 6, март 1928 г., с. 5—9; это редакционная статья без подписи. Относительно развития отраслей, производящих потребительские товары, в это время, см. выше, ч. 1, гл. 12.
97. См., например, интервью с Микояном в газете «Беднота» от 23 марта 1928 г. и статьи в «Правде» от 22, 26, 31 марта 1928 г.
98. См. выше, ч. 1, гл. 3.
99. «Правда», 12 августа 1928 г.
100. «Экономическое обозрение», № 7, 1928, с. 142.
101. Там же, № 11, 1928, с. 137; см. там же, с. 136, 141, таблицы, показывающие, что свободнорыночные цены на рожь и пшеницу росли каждый месяц

сельскохозяйственного года с июля 1928 г. по июнь 1929 г., за исключением августа 1928 г. и мая 1929 г.

102. *M. Fainsod. Smolensk under Soviet Rule*, p. 314.

103. *А. Малафеев*. История ценообразования в СССР, с. 119.

104. См. ниже, табл. 31 приложения.

105. См. ниже, табл. 35 приложения.

106. Это замечание цитировалось Сокольниковым в его разговоре с Камневым 11 июля 1928 г., относительно которого см. выше, ч. 1, гл. 3.

107. «Плановое хозяйство», № 5, 1928, с. 46.

108. См. выше, с. 170.

109. См. выше, с. 171.

110. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 275—276.

111. *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 43, 63; относительно этих дебатов см. выше, гл. 23.

112. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 190.

Глава 27. Потребление и распределение

1. См. ниже, табл. 36. Согласно статистике, представленной XV съезду партии в декабре 1927 г., потребление хлеба на душу населения упало между 1923 и 1926 гг. на 8%; в тот же период потребление масла выросло на 52%, мяса и молока — на 74, сахара — на 133 и яиц — на 157% («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 88—93).

2. «Статистическое обозрение», № 8, 1927, с. 88—93.

3. «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917—1927», б. д. 1927, с. 357.

4. «Плановое хозяйство», № 8, 1927, с. 18.

5. «Правда», 15 марта 1929 г.

6. «Экономическое обозрение», № 9, 1928, с. 44.

7. См. ниже, табл. 36 приложения; между 1923 и 1926 гг. потребление ржаной муки на душу населения сократилось на 51%, тогда как потребление пшеничной муки возросло на 52,5% («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 1102). Относительно сдвига от ржи к пшенице см. выше, ч. 1, гл. 3.

8. «Экономическая жизнь», 13 января 1928 г.

9. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», с. 230.

10. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 176.

11. На XV съезде партии в декабре 1927 г. А. И. Рыков упомянул вспышку спроса, вызванную «осложнениями международного характера», что повело к накоплению запасов, в качестве одной из причин дефицитов («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 858).

12. «Экономическое обозрение», № 7, 1928, с. 138.

13. «На аграрном фронте», № 8—9, 1927, с. 77.

14. «Торгово-промышленная газета», 15 сентября 1927 г.

15. *A. Ciliga. Au Pays du Grand Mensonge*, p. 28, — свидетельство критически настроенного очевидца, который добавляет: «Народ терпеливо выстраивает в очередях часами. Никакого возмущения, никаких протестующих собраний. Газеты обходят факты молчанием».

16. «Рабочая газета», 22 ноября 1927 г.

17. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 856.

18. «Социалистический вестник» (Берлин), № 4 (170), 21 февраля 1928 г., с. 14; белого хлеба не было видно в течение полугода (там же, № 14 (180), 23 июля 1928 г., с. 13). Статья в «Вопросах торговли» (№ 5, февраль 1928 г., с. 46) рекомендовала подмешивать рожь и кукурузу в пшеничную муку, чтобы высвободить пшеницу для экспорта, и заявляла, что это практикуется в Западной Европе и США.

19. *Г. Конюхов*. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями. М., 1960, с. 66.

20. Архивы Троцкого, Т 1429, 1531.

21. «Экономическое обозрение», № 11, 1929, с. 134.

22. См. ниже, табл. 31 приложения.

23. Относительно этой неопубликованной речи Бухарина см. выше, ч. 1, гл. 3.

24. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 515; об очередях и хлебных карточках на Урале см. *К. Конюхов*. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями, с. 159—160. Введение хлебных карточек упоминается также в статье Астрова в «Правде» от 1 июля 1928 г. (см. выше, ч. 1, гл. 3), который добавляет, что обмен зерна производился с рук по цене, в 5—6 раз превышавшей официальную; в прессе об этом прямо не сообщалось.

25. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 311; более поздний комментатор определял задачу нормирования двояко: «первоочередное обеспечение рабочего класса за счет ограничения потребления нетрудовых, капиталистических элементов в городе и деревне и распределение товарных ресурсов по профессиям, предприятиям, районам и областям с учетом их народно-хозяйственного значения» (*А. Малафеев*. История ценообразования в СССР, с. 137).

26. Документ находится в архивах Троцкого, Т 1829, и является, видимо, докладом или резолюцией, представленной Томским на заседании ВЦСПС; следов его найти не удалось. Относительно ослабления трудовой дисциплины в это время см. выше, гл. 18.

27. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 50.

28. «Социалистический вестник» (Берлин), № 20 (186), 28 октября 1928 г., с. 13; позже Микоян заявлял, что в 1928—1929 гг. удалось сберечь около 258 тыс. т зерна благодаря подмешиванию ячменя и кукурузы для размола с пшеницей и рожью и 260—280 тыс. т благодаря более грубому помолу («Большевик», № 15, 15 августа 1929 г., с. 16—17).

29. «СССР: 5 съезд Советов», с. 4; в июле 1928 г. Бухарин на Пленуме ЦК ВКП(б) отметил перевернутую ситуацию, когда лошади едят хлеб, а люди — мякину (относительно этой речи см. выше, ч. 1, гл. 13). Относительно скармливания хлеба скоту см. выше, ч. 1, гл. 4.

30. «Правда», 27 июня 1929 г. Картофель не был популярным предметом потребления, особенно в деревне; в конце 20-х годов, когда площади под зерном в СССР составляли около 10 млн. га, площадь под картофелем едва достигала 6 млн. га («Социалистическое строительство СССР», с. 222—223).

31. «Правда», 18 декабря 1928 г.

32. «Правда», 21 февраля 1929 г.; *Г. Нейман*. Внутренняя торговля СССР, с. 173—174; среди других названных центров — Одесса, Киев и Харьков. Нормирование в потребляющей полосе было вызвано тем, что имели «массовую спекуляцию печеным хлебом и утечку из крупных городов в мелкие и в деревню» («Плановое хозяйство», № 10, 1929, с. 93).

33. «Экономическая жизнь СССР: хроника событий и фактов». М., 1961, с. 201, эта система датируется концом 1928 г.

34. «Правда», 22 февраля 1929 г.

35. «Правда», 16 марта 1929 г.

36. «Плановое хозяйство», № 5, 1929, с. 61.

37. «Правда», 14 апреля 1929 г.

38. *M. Fainsod*. Smolensk under Soviet Rule, p. 315.

39. «Плановое хозяйство», № 8, 1929, с. 18.

40. «Правда», 20 июля 1929 г.; относительно импорта зерна в июле 1928 г. см. выше, ч. 1, гл. 3.

41. «Плановое хозяйство», № 3, 1929, с. 283.

42. *Г. Нейман*. Внутренняя торговля СССР, с. 174.

43. Орджоникидзе, выступая на Московской областной партконференции, рисовал довольно мрачную картину: «Как бы мы тут ни говорили, как бы ни хвалили свои достижения, рост своей промышленности и всего народного хозяйства, а скрыть от себя, скрыть от рабочего класса хвостов мы не можем. У нас имеются в этом направлении большие затруднения. Закрывать на это глаза ни в коем случае нельзя. В годовщину 12-летия Советской власти у

нас имеются недостатки почти по всем продуктам сельского хозяйства» («Правда», 29 сентября 1929 г.). В 1930 г. около 26 млн. чел. имели хлебные карточки (А. Малафеев. История ценообразования в СССР, с. 138).

Глава 28. Внешняя торговля

1. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 451—452.
2. «Вопросы торговли», № 1, октябрь 1927 г., с. 25. После развертывания промышленности в рамках пятилетнего плана доля экспорта еще сократилась; Внешняя торговля СССР. Под ред. Д. Мишустина. М., 1938, с. 93, приводит цифру 3,2% в 1929 г. и менее 1% в середине 30-х годов.
3. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 155, 157.
4. «Вопросы торговли», № 1, октябрь 1927 г., с. 35.
5. «Вопросы торговли», № 5, февраль 1928 г., с. 41. Эти расчеты выполнены в довоенных ценах; согласно другим расчетам, промышленный экспорт до 1928—1929 гг. не превышал довоенного уровня.
6. См. ниже, табл. 37 приложения.
7. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 146; относительно точек зрения Троцкого годом ранее см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8.
8. Я. Яковлев. К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства, с. 339.
9. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 285—286.
10. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, с. 99; относительно других факторов см. ниже, гл. 37.
11. Относительно этой речи см. выше, ч. 1, гл. 12.
12. «Вестник Коммунистической академии», № 17, 1926, с. 227—228; см. также статью Е. Преображенского в журнале «Большевик», № 15—16, 31 августа 1926 г., с. 74—76.
13. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 78—79.
14. Ю. Ларин. Частный капитал в СССР, с. 202.
15. «Красная новь», № 5, 1926, с. 165.
16. В отношении такого выбора между машинами советского производства и импортными см. выше, ч. 1, гл. 16.
17. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 4.
18. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 1104—1105; в отношении инсинуаций против торговцев см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8.
19. См. там же.
20. G. Ratner. Agricultural Cooperation in the Soviet Union, 1929, p. 63—65.
21. «Внешняя торговля СССР», с. 314.
22. «Собрание законов», 1926, № 29, ст. 183; «Вестник финансов», № 12, 1926, с. 10.
23. «Торгово-промышленная газета», 20 августа 1926 г.
24. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 308.
25. Любопытный обмен мнениями между Троцким и Бухариным произошел на VII расширенном заседании ИККИ в декабре 1926 г. Индустриализация, говорил Троцкий, «означает, на предстоящий и довольно продолжительный период, не ослабление, а рост наших отношений с внешним миром, и нашу растущую зависимость (взаимную, естественно) от мирового рынка»; Бухарин, чувствуя выпад в отношении концепции «социализма в одной стране», парировал, что это «лишь половина правды и, поэтому, [она] неверна», поскольку «мы становимся все время более независимыми» («Пути мировой революции». М., 1927, т. 2, с. 101, 107). В своих «Заметках экономиста» от 30 сентября 1928 г. Бухарин (см. выше, ч. 1, гл. 3) писал: «Мы обязаны развивать нашу собственную тяжелую промышленность и постепенно освобождаться от нашего зависимого положения». В отношении более ранних высказываний Троцкого по поводу зависимости СССР от торговли с капиталистическими странами см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8.

26. См. ниже, табл. 39 приложения.
27. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 394.
28. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 931.
29. Промышленный импорт. Под ред. С. Аралова и А. Шатхана. М., 1930, с. 158, «Пути индустриализации», № 10, 1928, с. 75.
30. «Протокол объединенного заседания Президиума ВСНХ СССР и ВСНХ РСФСР, 1928—1929», № 3, Приложение.
31. «Промышленный импорт», с. 160—165; относительно иностранных специалистов в СССР см. выше, гл. 21.
32. «Съезды Советов в документах», т. 3, с. 159.
33. См. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 29, 32.
34. «Торгово-промышленная газета», 13 августа 1926 г.
35. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 198.
36. «Торгово-промышленная газета», 12 августа 1927 г.
37. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 254—255; там же, с. 234; 1926/27 год указывался в качестве первого, когда был выполнен план внешней торговли («Вопросы торговли», № 2—3, ноябрь-декабрь 1927 г., с. 203).
38. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 1104, 1108; составители госплановских контрольных цифр на 1926/27 г. описывали экспорт как одно из двух «узких мест», вторым был транспорт («Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 217).
39. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 455—457.
40. «Исторический архив», № 3, 1958, с. 56.
41. «Торгово-промышленная газета», 26 мая 1928 г.
42. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 392.
43. «Экономическое обозрение», № 3, 1929, с. 107.
44. Report and Proceedings of the World Economic Conference. Geneva, 1927, i, p. 121; ii, p. 187.
45. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 873.
46. И. В. Сталин. Соч., т. 11, с. 178; в отношении импорта зерна в 1928 г. см. выше, ч. 1, гл. 3.
47. Относительно этой статьи см. там же; та же надежда была выражена в госплановских контрольных цифрах на 1928/29 г., где она была основана на заявлении, что «наше зерно вполне конкурентоспособно» в отношении мировых цен («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 393).
48. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, с. 99; контрольные цифры на 1929/30 г. предсказывали возобновление экспорта зерна в третий год пятилетки, т. е. в 1930/31 году («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», с. 328).
49. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 418; относительно данных об экспорте за эти годы см. ниже, табл. 37 приложения.
50. «Статистическое обозрение», № 3, 1929, с. 76—77.
51. См. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 1, гл. 32.
52. «Торгово-промышленная газета», 21 сентября 1927 г.
53. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 456; относительно этого фрагмента в резолюции см. выше, гл. 28.
54. «Торгово-промышленная газета», 26 октября 1927 г., 1 августа 1928 г.; «Промышленность СССР в 1927/28 году». М., 1930, с. 171. См. также J. Littlepage and D. Bess. In Search of Soviet Gold, 1938, p. 20—26.
55. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 79; журнал ЦК ВКП(б) вслед за этим опубликовал статью о важности партийной работы в золотодобывающих районах («Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 16 (275), 14 июня 1929 г., с. 4—5).
56. См. A. Baykov. Soviet Foreign Trade. Princeton, 1946, Table V.

57. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 392—393. Вплоть до 1925 г. распределение советской нефти за рубежом осуществлялось иностранными нефтяными компаниями; в результате бойкота со стороны «Стандард ойл» и «Шелл» СССР был вынужден организовать прямые продажи за рубежом («Экономическая жизнь», 7 мая 1926 г.). Успех РОП, компании, созданной с этой целью в Великобритании, был отмечен в приказе ВСНХ от декабря 1926 г. («Торгово-промышленная газета», 30 декабря 1926 г.). В 1927—1928 гг. падение мировых цен на нефть ударило по советскому экспорту («СССР: От съезда к съезду, апрель 1927 — май 1929». М., 1929, с. 87).

58. См. ниже, табл. 40 приложения.

59. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 391. Этот отрывок должен был быть написан после февраля 1929 г., поскольку в нем упоминается заключенное в том месяце соглашение с Детердингом; если слова «два года», считая с даты разрыва англо-советских отношений, воспринимать строго, то он не может быть написан раньше мая 1929 г. С точки зрения международных отношений эти вопросы обсуждаются в последующем томе.

60. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, с. 99; т. 2, ч. 2, с. 410; относительно оптимистического прогноза экспорта зерна см. выше, с. 189.

61. Относительно предшествовавшей истории концессионной политики см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8; т. 3, гл. 32.

62. Относительно решения не предоставлять Днепрострой и связанные с ним заводы иностранным фирмам на концессионных условиях см. ниже, гл. 38.

63. Приведенные данные взяты из «Материалов по истории СССР», т. 7, с. 48—55.

64. Там же, с. 55—61; цифра 60 млн. руб. иностранного капитала, вложенного в 1927 г. в концессию, приведенная на заседании XV съезда партии («Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 1689—1690), представляется преувеличенной.

65. Там же, т. 2, с. 1099.

66. «Плановое хозяйство», № 1, 1928, с. 80.

67. Обсуждается в последующем томе.

68. «Торгово-промышленная газета», 15 сентября 1928 г.

69. «Экономическая жизнь», 11 октября 1928 г.

70. «Построение фундамента социалистической экономики в СССР». М., 1960, с. 209.

Глава 29. Финансы и планирование

1. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 9.

2. См. ниже, гл. 29.

3. В своей декларации Политбюро от 3 октября 1926 г., например, оппозиция включила падение покупательной способности рубля в свой перечень провалов официальной хозяйственной политики (цитируется в материалах «XV конференции Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», с. 497); в отношении финансовых предупреждений, высказанных Е. Преображенским, см. ниже, гл. 30.

4. «Собрание законов», 1925, № 17, ст. 126.

5. Относительно этих событий см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 10.

6. Цит. в: Г. М. Кржижановский. Соч., т. 2, М., 1934, с. 272—273.

7. Относительно этих решений см. ниже, гл. 30.

8. «Торгово-промышленная газета», 28 декабря 1926 г.; «Экономическая жизнь», 7 января 1927 г. Доклады по бюджету были сделаны представителями Госплана и РКИ, а также Наркомфина.

9. «Собрание законов», 1927, № 27, ст. 286.

10. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3 Созыва: 3 сессия», с. 771.

11. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 созыва», с. 344—345.
12. «Собрание законов», 1928, № 25, ст. 218; постановление включало некоторые другие положения по ускорению принятия бюджета. Задержка была предметом озабоченности в течение нескольких лет. Бюджеты на 1923—1926 гг. представлялись со значительной задержкой (см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 9). Бюджет СССР на 1926/27 хоз. г. был принят в феврале 1927 г., то есть раньше, чем какой-либо из прежних бюджетов; даже в такой ситуации ЦИК в своей резолюции отметил, что пятимесячная задержка «в значительной степени лишает госбюджет плановой роли в народнохозяйственном строительстве» («Собрание законов», 1927, № 12, ст. 120, датировано 25 февраля 1927 г.). Бюджет на 1927/28 г. не был утвержден ЦИК до апреля 1928 г. На сессии ЦИК А. И. Рыков объяснил задержку отсрочками в составлении народнохозяйственного плана («3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 344—345); другой оратор отметил, что «так как на составление и проработку бюджета необходимо не меньше 3—4 месяцев, то при утверждении контрольных цифр в сентябре госбюджет будет утвержден не раньше января следующего года» (там же, с. 209).
13. П. Гензель, бывший ведущий деятель налоговой службы Наркомфина, не вернувшийся в СССР после поездки за рубеж в 1928 г., считал это постановление поворотной точкой в истории советских финансов (*P. Haensel. The Economic Policy of Soviet Russia*, 1930, p. 114).
14. См. ниже, гл. 35.
15. «Собрание законов», 1928, № 69, ст. 638.
16. «Экономическое обозрение», № 4, 1928. с. 14.
17. См. ниже, гл. 30 и гл. 37, прим. 170.
18. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 8—9, 1928, с. 30—36.
19. См. «Торгово-промышленная газета», 31 августа, 29 сентября 1927 г. (ассигнования до утверждения государственного бюджета); 24 июля 1927 г. (месячные ассигнования в рамках квартального бюджета); 25 мая 1926 г. (запрос на перераспределение исходных ассигнований между подчиненными единицами расходующего органа или ведомства); 6, 30 мая 1926 г. (распределение дополнительных ассигнований).
20. См., например, там же, 3 сентября 1927 г.
21. См. выше, с. 194.
22. «СССР: От съезда к съезду (апрель 1927 г. — май 1929 г.)», с. 59.
23. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 9.
24. «Собрание законов», 1926, № 76, ст. 608; «Вестник финансов», № 8, 1927, с. 67.
25. Еще одно постановление, изданное ЦИК 21 апреля 1928 г., стимулировало контрольные органы Наркомфина двигаться в этом направлении («Собрание законов», 1928, № 34, ст. 210).
26. «Вестник финансов», № 8, 1927, с. 68.
27. Государственный финансовый контроль был упразднен в 1930 г., а наркомфиновские органы по ревизионному контролю исполнения бюджета не были восстановлены до 1933 г. (см. *R. W. Davies. The Development of the Soviet Budgetary System*, 1958, p. 242).
28. Относительно спецбанков см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 9.
29. Примеры таких точек зрения см. в «Вестнике финансов», № 4, 1926, с. 21, 24; «Проблемы долгосрочного кредитования промышленности». Под ред. А. Соколова. М., 1928, с. 44.
30. «Вестник финансов», № 5—6, 1926, с. 7; относительно роли прибыли см. выше, ч. 1, гл. 14.
31. Соответствующие цифровые данные приведены в работе *A. Z. Arnold. Banks, Credit and Money in Soviet Russia*. N. Y., 1937, p. 252—253, 289, 298, 306, 311, 314.
32. «Проблемы долгосрочного кредитования промышленности» с. 111—131; *A. Z. Arnold. Op. cit.*, p. 254, 274—275. Важным исключением или частичным исключением в этой картине некоммерческой деятельности был Московский городской банк, который пользовался суммами, добровольно внесенными органи-

зациями, подчиненными Моссовету, для кредитования на сроки от 18 месяцев до трех лет под высокий процент годовых, составлявший 9—10%. По состоянию на 1 октября 1926 г. им были предоставлены ссуды коммунальным службам, ремонтно-строительным организациям и местной промышленности на сумму 67 млн. руб. («Проблемы долгосрочного кредитования промышленности», с. 114—117).

33. С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, с. 300.

34. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 32.

35. См. ниже, гл. 31.

36. См. там же.

37. Это показано в нижеследующей таблице, которая сравнивает нетто-эмиссию (+) или нетто-изъятие (—) денег, запланированные в квартальном кредитном плане, с фактически выпущенной суммой (в млн. руб. по текущим ценам):

	Октябрь— декабрь		Январь— март		Апрель— июнь		Июль— сентябрь	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт
1926/27 г.	+101	+63	—75	—70	(без плана)		+136	+75 +209
1927/28 г.	+170	+40	—150	—150	+125	+179	+250	+270

(A. Z. Arnold. Banks, Credit and Money in Soviet Russia. N. Y., 1937, p. 279.)

38. «Вестник финансов», № 5, 1927, с. 46.

39. «Торгово-промышленная газета», 7 декабря 1926 г.; Штерн все же полагал, что в принципе «метод „воздействия рублем“ гораздо более действенен и жизнеспособен, чем метод „указаний“ из наркоматов»; относительно А. Штерна см. выше, ч. 1, гл. 12.

40. «Вестник финансов», № 5—6, 1926, с. 8.

41. Там же, № 2, 1927, с. 56, № 5, 1927, с. 31; «Информационный бюллетень Госплана СССР», 1927, № 8—9, с. 4—7.

42. Причины этих сверхэмиссий обсуждаются ниже, в гл. 31.

43. «Торгово-промышленная газета», 15 июля 1927 г.; «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 8—9, 1927, с. 4—7.

44. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 8—9, 1927, с. 4—7.

45. Госбанк безуспешно пытался ослабить эффект первого из возобновленных кредитных планов на третий квартал 1927 г., предложив придержать 45% запланированного кредита в качестве резерва, предназначенного для использования по своему усмотрению; бюджетно-финансовая секция Госплана комментировала, что «это — лишь призрак плана» («Информационный бюллетень Госплана СССР», № 8—9, 1927, с. 4—7).

46. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 9.

47. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 7, 1926, с. 11; «Торгово-промышленная газета», 1, 17 июля 1926 г.; A. Z. Arnold. Op. cit., p. 266—267.

48. «Торгово-промышленная газета», 17 июля 1927 г.; устав комитета был утвержден Совнаркомом 31 октября 1927 г. («Собрание законов», 1927, № 64, ст. 648).

49. В сентябре 1928 г. процедура утверждения кредитных планов была резко ускорена (М. Атлас. Развитие Государственного банка СССР. М., 1958, с. 74—75).

50. Относительно бюджета социального страхования см. выше, гл. 22.

51. «Единый бюджет», утвержденный Совнаркомом и ЦИК, включал только союзный и республиканские бюджеты; то, что известно под названием «свободный бюджет», включало местные бюджеты, а также единый бюджет, но рассматривалось Совнаркомом и ЦИК как справочный материал и не получало формального утверждения.

52. Относительно промфинпланов см. ниже, гл. 35.

53. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3 Созыва: 2 сессия». М., 1926, с. 169—170.
54. «Пленум Бюджетной комиссии ЦИК Союза ССР». М., 1927, с. 117.
55. Там же, с. 123—124.
56. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3 Созыва: 2 сессия», с. 374—375.
57. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 93—100.
58. «Пленум Бюджетной комиссии ЦИК Союза ССР», с. 141—142.
59. «Собрание законов», 1927, № 12, ст. 120.
60. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 302—321.
61. Промфинплан был утвержден Совнаркомом 20 марта 1928 г. («Собрание законов», 1928, № 20, ст. 180), бюджет был утвержден ЦИК 21 апреля (там же, № 24, ст. 207).
62. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 48—49.
63. См. ниже, гл. 34.
64. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 53—55, 325—341.
65. «4 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», М., 1928, с. 2, 9.
66. «Собрание законов», 1929, № 16, ст. 132.
67. Там же, № 27, ст. 245; то, что описывалось как «первая попытка» в рамках единого финансового плана, было представлено в ноябре 1929 г. на всероссийской финансовой конференции и позже опубликовано как «Единый финансовый план на 1929/30 год», (М., 1930). В это время не было четкого различия между «единым финансовым планом» и «сводным финансовым планом»; в отношении различий, внесенных позже, см. R. W. Davies. Op. cit., p. 152, 178.
68. Знаменитая статья Кондратьева о длинных волнах появилась в *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, Vol. 56, No. 3 (1926), и он написал статью «The Static and Dynamic View of Economics» в «*Quarterly Journal of Economics*», Vol. 39, 1925, p. 575—583. Литошенко, специалист по советскому национальному доходу, опубликовал статью на эту тему там же (vol. 42, 1928, p. 70—93). Сообщения Кондратьева о работе и организации Конъюнктурного института опубликованы там же (vol. 39, 1925, p. 320—324) и в «*International Labour Review*» (Vol. 17, 1928). Доклады института по экономическим условиям в СССР регулярно публиковались в *London and Cambridge Economic Service* до января 1928 г. Относительно Кондратьева и его школы см. также выше, ч. 1, гл. 1.
69. «Плановое хозяйство», № 4, 1927, с. 14—15; «Вестник финансов», № 7, 1927, с. 48—49.
70. Кондратьев и его сподвижники в полемических дискуссиях часто объединялись с бывшими эсерами из Наркомзема и ЦСУ (см. выше, ч. 1, гл. 1). Во время дискуссии в январе 1928 г. экономист Лященко, в прошлом меньшевик, указал Струмилину, часто называвшего Кондратьева неонародником, что «проф. Кондратьев не только не принадлежит к неонародникам, но наоборот — представляет достаточно определенную фигуру другого направления» («О Пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: дискуссия в Коммунистической академии». М., 1928, с. 45).
71. Примеры таких точек зрения см. в журнале «Вестник финансов», № 4, 1926, с. 24; «Проблемы долгосрочного кредитования промышленности», с. 43—44, 98, 140.
72. См. R. W. Davies. Op. cit., p. 66—67.
73. Относительно первых этапов этого процесса см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 3.
14. «Вестник финансов», № 7, 1926, с. 128. К этому времени лишь 11% «внешнего» штата Наркомфина работало в качестве финансовых должностных

лиц до революции и свыше 40% работников его налоговой службы были членами партии (там же, № 3, 1926, с. 90, 95).

75. А. *Фабричный*. Частный капитал на пороге пятилетки, с. 52; в 1929 г. 37% сотрудников были должностными лицами бывших царских ведомств (см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 3).

76. «Справочник партийного работника», т. 6, ч. I, с. 561—564; аппарат среднего уровня включал начальников и заместителей начальников отделов банка.

77. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 9.

78. «Экономическая жизнь», 11 января 1927 г.

79. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3 Созыва: 3 сессия», с. 530.

80. «Торгово-промышленная газета», 13 июля 1927 г.

81. См. выше, ч. 1, гл. 11.

82. Критик в «Плановом хозяйстве», № 6, 1926, с. 226, доказывал, что брошюра Л. Н. Юровского, опубликованная Наркомфином, затруднила понимание рядовым читателем причин трудностей 1925 г. и ее не следовало публиковать без критического предисловия.

83. См. ниже, гл. 37.

84. «Большевик», № 13, 15 июля 1927 г., с. 33—47; в отношении этой статьи и редакционных примечаний к ней см. выше, ч. 1, гл. 2.

85. «Экономический бюллетень Конъюнктурного института», № 11—12, 1927; относительно ссылок на этот номер бюллетеня см. выше, ч. 1, гл. 15 и гл. 23. В отношении высказывания аналогичных точек зрения другим ведущим деятелем Наркомфина см. Л. Н. Юровский. Денежная политика Советской власти (1917—1927). М., 1928, с. 371; частично цитируется ниже, в гл. 31.

86. «Экономическая жизнь», 15 марта 1928 г.; «Экономическое обозрение», № 3, 1928, с. 78—79.

87. «Пути индустриализации», № 1, 1928, с. 26—35.

88. 12 апреля 1928 г. Ларин говорил, что Кондратьев «устранен лишь недавно» («3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 76); 13 апреля 1928 г. Бухарин упомянул о контроле бюллетеня «Кондратьевым, Вайнштейном и т. п.» в прошедшем времени («Правда», 19 апреля 1928 г.).

89. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 74—84. В январе 1928 г. Ю. Ларин выступил с нападками на Наркомфин РСФСР и налоговую комиссию Наркомфина СССР за их снисходительность при обложении налогом доходов буржуазии; редакция «Правды» поддержала Ларина по существу, хотя и откестилась от тональности его статьи (статью Ларина, ответ Фрумкина, председателя комиссии, и контрответы Ларина и Фрумкина см. в «Правде», 11 января, 1, 25 февраля, 5 апреля 1928 г.; в отношении редакционных комментариев см. там же, 25 февраля, 5 апреля 1928 г.).

90. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 139—143.

91. Там же, с. 348—349.

92. Там же, с. 361.

93. См. выше, гл. 21.

94. См. выше, ч. 1, гл. 3 и 12.

95. Позже Брюханов резюмировал создавшееся положение в тщательно взвешенных выражениях, заявив, что «что кадры старых финансовых специалистов» в период восстановления использовались «небезуспешно», но оказались «по большей части непригодными для новых задач финансового строительства» («Единый финансовый план на 1929/30 год». М., 1930, с. 11—13).

96. См. ниже, гл. 37, прим. 170.

97. «Собрание законов», 1928, ч. 2, № 58, ст. 229; ему было также дано право представлять Госбанк в СТО (там же, № 67, ст. 274).

98. «Собрание законов», 1929, ч. 2, № 17, ст. 96; Шейнман также ушел с поста заместителя наркома финансов и из членов СТО (там же, ст. 93, 95). Относительно Шейнмана см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

99. И. В. Сталин. Соч., т. 11, с. 276; относительно других аспектов этой речи см. выше, ч. 1, гл. 3 и 12.

Глава 30. Государственный бюджет

1. См. табл. 41 приложения.
2. Более подробные цифровые данные см. R. W. Davies. Op. cit., p. 83.
3. Бюджетные расходы на военную промышленность составили 36 млн. руб. в 1926/27 г. (там же, p. 132, note 4) и были запланированы на уровне 50 млн. руб. в 1927/28 г. («Вестник финансов», № 7, 1927, с. 7).
4. Относительно этих кампаний см. R. W. Davies. Op. cit., p. 132—133.
5. «Плановое хозяйство», № 11, 1925, с. 152—153; № 1, 1926, с. 130.
6. «Вестник финансов», № 7, 1927, с. 45; утверждалось, что рост бюджета обусловлен ростом сельскохозяйственного производства, доказывая, что «в любой стране темпы роста бюджета в целом всегда были и будут связаны с темпами роста социального сегмента или группы в национальном доходе, которая является крупнейшей по своей доле в общем итоге, если сама финансовая система не подвержена изменению» (там же, с. 51). В последней фразе отмечается довольно интересная двусмысленность.
7. «Торгово-промышленная газета», 23 июля 1927 г.
8. «Плановое хозяйство», № 7, 1927, с. 131.
9. «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», с. 31, 420—436; относительно этого проекта см. ниже гл. 37.
10. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3 Созыва: 3 Сессия», с. 762—768; в отношении других аспектов этой речи см. с. 212.
11. «Торгово-промышленная газета», 3 августа 1926 г.
12. «Торгово-промышленная газета», 12 августа 1926 г.; «СССР: Сводные материалы о деятельности Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны за IV квартал (июль—сентябрь) 1925/26 г.». М., 1926, с. 78.
13. «Правда», 21 сентября 1926 г.; см. также выше, ч. 1, гл. 12, и ниже, гл. 34. Как августовская, так и сентябрьская резолюции подчеркивали важность сокращения административных расходов.
14. «Торгово-промышленная газета», 28 декабря 1926 г.
15. См. табл. 41 и 45 приложения.
16. «Вестник финансов», № 7, 1927, с. 4.
17. «Экономическое обозрение», № 4, 1928, с. 13—24.
18. См. выше, гл. 29.
19. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 139.
20. Там же, с. 238.
21. «Собрание законов», 1928, № 24, ст. 207; «Собрание законов», 1929, № 75, ст. 721.
22. Архивы Троцкого, Т 1834: по поводу этой сессии см. выше, ч. I, гл. 3.
23. «СССР: Деятельность СНК и СТО: Сводные материалы: I квартал (октябрь—декабрь) 1928—29 г.». М., 1929, с. 43.
24. «СССР: Деятельность СНК и СТО: Сводные материалы: IV квартал (июль—сентябрь) 1928—29 г.». М., 1929, с. 78.
25. Это иллюстрируется следующими цифрами (в млн. руб.), которые, в отличие от приведенных в табл. 41, включают валовые расходы на транспорт, связь и государственные займы (исходные оценки расходов проследить не удалось):

	Исходные оценки доходов, даваемые Наркомфином	Бюджетные расходы, утвержденные ЦИК	Фактические расходы
1926—1927 г.	4600 ^a	4902 ^b	5179 ^b
1927—1928 г.	5413 ^г	6038 ^d	6353 ^e
1928—1929 г.	?	7682 ^b	8105 ^ж

- ^а «Торгово-промышленная газета», 3 августа 1926 г.
- ^б «Собрание законов», 1927, № 12, ст. 119 (23 февраля 1927 г.).
- ^в «Собрание законов», 1928, № 69, ст. 640 (15 декабря 1928 г.).
- ^г «Торгово-промышленная газета», 14 июля 1927 г.
- ^д «Собрание законов», 1928, № 24, ст. 207 (21 апреля 1928 г.).
- ^е «Собрание законов», 1929, № 75, ст. 721 (8 декабря 1929 г.).
- ^ж «Собрание законов», 1931, № 5, ст. 62 (10 января 1931 г.).
26. Относительно сходной тенденции расширения бюджета в 1923/24, 1924/25 и 1925/26 гг. см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 9.
27. См. табл. 41; согласно официальной статистике, национальный доход вырос за этот период на 25% при измерении в ценах 1913 г. (см. табл. 45) и на 41% при измерении в текущих ценах (*Г. Кржижановский и др.* Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1929/30 год, табл. 1 приложения). Государственный бюджет, если исключить транспорт и связь, состоящие на самостоятельном балансе, вырос за период с 1925/26 г. и до 1928/29 г. в долевого отношении с 12 до 18% национального дохода при измерении в текущих ценах, тогда как местные бюджеты и бюджеты социального страхования выросли с 8 до 10% национального дохода.
28. «Плановое хозяйство», № 3, 1932, с. 150; осталось неясным, какие налоги считались для целей этого расчета выплачиваемыми промышленностью.
29. *И. В. Сталин*. Соч., т. 8, с. 125.
30. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 296.
31. «Съезды Советов в документах», т. 3, с. 119.
32. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 148.
33. Ф. Д. Лифшиц в работе «Проблемы долгосрочного кредитования промышленности», с. 82; другие официальные деятели Наркомфина решительно оспаривали это мнение.
34. «Пути индустриализации», № 2, 1928, с. 56; относительно Сабсовича см. выше, ч. 1, гл. 12.
35. *М. Боголепов*. Финансовый план пятилетия. М., 1929, с. 12.
36. Относительно финансовых аспектов проектов пятилетнего плана, см. ниже, гл. 37, и *R. W. Davies*. Op. cit., p. 194—197.
37. В ходе дискуссии в Коммунистической академии в сентябре 1926 г. один из выступивших официальных деятелей с негодованием отверг заявление Сокольников, что в 1925/26 г. образовался бюджетный дефицит в 200 млн. руб. вместо запланированного избытка 117 млн. руб. («Вестник Коммунистической академии», № 17, 1926, с. 201, 271).
38. См. табл. 41 и 42. Это уточненные цифры; официальные отчеты о выполнении бюджета, в свое время утвержденного ЦИК, демонстрировали существенно больший избыток в 277 млн. руб. на 1925/26 г. и 447 млн. руб. на 1926/27 г.; каждый год официальные отчеты демонстрировали бюджетный избыток, который существенно превышал запланированный в смете («Собрание законов», 1926, № 45, ст. 323; 1927, № 12, ст. 119; 1928, № 24, ст. 207, 209; № 69, ст. 638, 640; 1929, № 75, ст. 721; 1931, № 5, ст. 62).
39. Относительно более ранних стадий этого конфликта см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16; «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 9.
40. «Второй съезд Советов СССР: Постановления». М., 1924, с. 12—16.
41. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 9.
42. «Торгово-промышленная газета», 28 декабря 1926 г.
43. См. выше, гл. 29.
44. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3 Созыва: 3 Сессия», с. 767; относительно других аспектов этой речи см. выше, с. 208.
45. Относительно контртезисов см. выше, ч. 1, гл. 2.
46. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 347.
47. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, с. 110.
48. Относительно подоходного налога см. «Социализм в одной стране», т. 1, гл. 9; подоходный налог взимался также и с обобщественного сектора хозяй-

ства (см. *R. W. Davies. Op. cit.*, p. 119—120). Относительно промышленного налога, см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19. Основные прямые налоги в городах перечислены в пп. 1—5 табл. 42 приложения.

49. Промышленный и подоходный налоги с обобщественного сектора об-суждаются в сопоставлении с другими доходами этого сектора ниже.

50. Относительно государственных займов с отдельных лиц, которые стали разновидностью принудительных сбережений или скрытого налога в этот период, см. ниже, с. 223—226.

51. «Вестник финансов», № 1, 1926, с. 72—77; № 7, 1926, с. 35—41.

52. «Собрание законов», 1926, № 42, ст. 307.

53. «СССР: Сводные материалы о деятельности Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона за IV квартал (июль — сентябрь) 1925—26 г.», М., 1926, с. 70.

54. «Собрание законов», 1926, № 64, ст. 484. Нижеследующая таблица указывает сумму подоходного налога, собранную с основных групп налогоплательщиков в год, предшествовавший, и год, последовавший за реформой:

	1925/26 г.		1926/27 г.	
	Численность налогопла- тельщиков (тыс. чел.)	Выплачен- ная сумма (млн. руб.)	Численность налогопла- тельщиков (тыс. чел.)	Выплачен- ная сумма (млн. руб.)
Работники ручного тру- да и канторские слу- жащие	805	2,5	775	13,5
Самодельные трудя- щиеся	1050	12,0	418	18,0
Наниматели в торговле и промышленности	477	68,0	380	105,0
Итого	2332	82,5	1573	136,5

(«Финансы СССР за XXX лет. 1917—1947». Под ред. Н. Ровинского. М., 1947, с. 253—254; «СССР: От съезда к съезду (апрель 1927 г. — май 1929 г.)». М., 1929, с. 66; *G. Sokolnikov and others. Soviet Policy in Public Finance, 1917—1928. Stanford, 1931, p. 174*); эти цифры несколько отличаются от приведенных ниже, в табл. 42. Большая сумма, выплаченная работниками ручного труда и служащими в 1926/27 г., обусловлена, по-видимому, ростом денежных доходов, что привело к увеличению доли дохода более высокооплачиваемых работников, подлежащего налогообложению.

55. «Собрание законов», 1926, № 31, ст. 198 (датировано 25 апреля).

56. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 130; цифра 90% основана на допущении, которое Рыков не объяснил, что местные власти могли бы взимать до 50% в качестве подоходного налога.

57. В 1926/27 г. налоги, выплачивавшиеся разными по величине дохода группами нанимателей рабочей силы, составили:

Годовой доход (руб.)	Численность налогоплате- льщиков (тыс. чел.)	Налогообла- гаемый доход (млн. руб.)	Выплаченный налог (млн. руб.)
1 000 и менее	124	93	3
1 000—5 000	219	480	29
5 000—10 000	28	190	27
10 000—20 000	8	97	22
20 000 и более	2	70	24
Итого	380	930	105

(*G. Sokolnikov and others. Soviet Policy in Public Finance, 1917—1928, Stanford, 1931, p. 174*).

58. Контртезисы и статья Межлаука появились в «Правде» от 17 ноября 1927 г. и «Дискуссионном листке» № 5; относительно контртезисов см. выше, ч. 1, гл. 2.

59. «Собрание законов», 1928, № 1, ст. 2.

60. «Собрание законов», 1926, № 63, ст. 474 (датировано 24 сентября).

61. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3 Созыва: 3 Сессия», с. 534—535.

62. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 54.

63. «Собрание законов», 1928, № 50, ст. 442, 443; «4 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», № 1, с. 17—18. Относительно других форм налоговой дискриминации частных предпринимателей, введенных в период между 1927 и 1929 гг., см. *R. W. Davies. Op. cit.*, p. 111—112.

64. Относительно этих разработок см. там же, p. 112—113.

65. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 243—244.

66. *А. Фабричный*. Частный капитал на пороге пятилетки, с. 41—45; среди этих методов можно отметить получение разрешений на подставное лицо, переименование фирмы и раздел капитала между родственниками.

67. «СССР: От съезда к съезду (апрель 1927 г.— май 1929 г.)», с. 61.

68. «СССР: Деятельность СНК и СТО: Сводные материалы: I квартал (октябрь — декабрь) 1928—29 г.», М., 1929, с. 55; «...II квартал (январь — март) 1928—29 г.», М., 1929, с. 47.

69. Нижеследующая таблица демонстрирует приблизительные суммы, собиравшиеся каждый год с частного сектора (в млн. руб.). Цифра за 1928/29 г. для промышленного налога несопоставима с цифрами за предыдущие годы; в 1928/29 г. суммы, взимавшиеся местными властями, были впервые включены в промышленный налог, поступающий в доход госбюджета:

Годы	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Налог с личных доходов	86	114	153	166
Налог со сверхприбыли	—	11	22	19
Промышленный налог с частного сектора	94	109	86	170

(В отношении источников см. табл. 42 приложения; «СССР: Деятельность СНК и СТО: Сводные материалы: IV квартал 1928—29 г.», с. 74.)

70. См. табл. в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1927—1928 г.», с. 548.

71. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5; продналог приведен в качестве п. 6 в табл. 42 приложения.

72. См. табл. в *R. W. Davies. Op. cit.*, p. 82. Собранные в 1924/25 г. суммы составили 326 млн. руб. и представляли существенно большую долю денежного дохода крестьянства (см. ниже, гл. 30, прим. 98).

73. «Собрание законов», 1925, № 31, ст. 209 (датировано 7 мая); один из крестьян должен быть выбираться волостным комитетом крестьянской помощи; другое место заполнялось представителем каждого сельсовета, когда рассматривался вопрос о налогообложении той или иной деревни. Специальные комиссии формировались также на губернском и районном уровнях; согласно статье в «Деревенском коммунисте», № 17 (113), 14 сентября 1929 г., с. 27, сельсовет в теории также имел такую комиссию, но на практике работа велась секретарем Совета.

74. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5.

75. См. там же, т. 1, гл. 5; по словам Краваля, «видный оппозиционер» предложил 1 октября 1926 г. на собрании «Авиаприбора» увеличить налоги с

- крестьянства с 300 до 600 млн. руб. («Торгово-промышленная газета», 10 октября 1928 г.; относительно этого собрания см. выше, ч. 1, гл. 12).
76. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3 Созыва: 2 Сессия», с. 640.
77. «Собрание законов», 1926, № 30, ст. 192 (датировано 25 апреля 1926 г.).
78. На Украине в качестве базы для исчисления налога брался доход всего хозяйства или домовладения, и из этого дохода фиксированная сумма с налоговыми целями изымалась в расчете на каждого члена хозяйства (см. прим. 98 в этой главе).
79. «На аграрном фронте», № 11—12, 1926, с. 159—160; более поздние примеры приведены там же, № 2, 1928, с. 3—10.
80. См. таблицы, иллюстрирующие охват налогообложением в разных районах, в «Вестнике финансов», № 4, 1927, с. 8—10.
81. См. R. W. Davies. Op. cit., p. 82.
82. «Собрание законов», 1927, № 17, ст. 189. Тем не менее местные власти принуждались к повышению оценочной стоимости несельскохозяйственных доходов зажиточных хозяйств, подлежащих налогообложению. Некоторые частные данные показывают, что в 1927/28 г. значительная часть различий в оцениваемых доходах средней и высшей по доходам групп крестьян была обусловлена гораздо более высокой суммой, которой оценивались несельскохозяйственные доходы в высших группах («Вестник финансов», № 6, 1929, с. 104—105).
83. Относительно этой декларации см. выше ч. 1, гл. 1.
84. L. Trotsky. The Real Situation in Russia, p. 28; согласно заявлениям платформы оппозиции, бедняки, составлявшие 34% всех крестьян в стране, получали 18% всего чистого дохода и выплачивали 20% всей суммы налогов, тогда как наивысшая группа, насчитывавшая 7,5% крестьян, также получала 18% всего чистого дохода и выплачивала 20% суммы налогов.
85. Относительно контртезисов см. выше, ч. 1, гл. 2.
86. Относительно этого манифеста см. там же.
87. И. В. Сталин. Соч., т. 11, с. 14, 18; относительно этой инструкции см. выше, ч. 1, гл. 2. Несколькими месяцами позже А. И. Микоян заявил, что «мы допустили колоссальную ошибку, оставив налог неизменным для верхней прослойки деревни»; неудовлетворенность была вызвана ненужным налогообложением бедняков и середняков («XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 288).
88. В статье, опубликованной в журнале «На аграрном фронте», № 2, 1928, с. 3—10, перечислялись методы, которые благоприятствовали зажиточным крестьянам, и указывалось, что до тех пор, пока обложение будет коллективным, а не индивидуальным, наказать их будет затруднительно.
89. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 494, 498.
90. «Собрание законов», 1928, № 24, ст. 212; «Финансы и кредит СССР». Под ред. В. Дьяченко и Г. Козлова. М., 1938, с. 140; «СССР: От съезда к съезду (апрель 1927 г. — май 1929 г.)», с. 67—68.
91. «Вестник финансов», № 2, 1929, с. 24.
92. «Правда», 23 сентября 1928 г.; см. также передовицу там же, 25 сентября 1928 г. Согласно публикации в «Вестнике финансов», № 2, 1929, с. 39, в результате «ошибок и деформаций», о которых сообщалось «с конца июля и, особенно, в августе» 1928 г., в начале сентября 1928 г. были изданы директивы, запрещающие индивидуальное обложение налогом середняцких хозяйств и любого хозяйства, которое не получает дохода эксплуатационного характера, и ограничивавшие общую сумму налога в каждой губернии величиной, на 50% превышавшей уровень 1927/28 г.
93. И. В. Сталин. Соч., т. 11, с. 264—265.
94. «Вестник финансов», № 2, 1929, с. 39—40.
95. Согласно неполным и предварительным данным, 1,7% хозяйств, подлежащих индивидуальному обложению, выплачивали 15,8% общей суммы налога, тогда как еще 10,5% подлежали дополнительному налогообложению и выплачивали 39,1% общей суммы налога («Вестник финансов», № 2, 1929 с. 24—26).
96. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 286.

97. Там же, с. 287; *Н. Брюханов*. Хозяйственный подъем Советского Союза и его финансовая база. М., 1929, с. 25—28.
98. В апреле 1928 г. М. И. Калинин оценивал, что сельскохозяйственный налог составит 7,4% суммарного денежного дохода крестьянства в 1928/29 г. против 10,6—в 1924/25 г., 5,8—в 1925/26 г., 7,1—в 1926/27 г. и 6,0% в 1927/28 году («3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 408). Анализ эффекта налоговых изменений в 1928/29 г. особенно затруднителен, поскольку одновременно было принято решение распространить на основную территорию СССР введенную в 1926/27 г. на Украине практику взимания налогов не на «душевой» основе, а в расчете на хозяйство (см. прим. 78 в этой главе). На практике эффектом новой системы явилось увеличение нормы налогообложения более крупных хозяйств, что тем самым стимулировало разукрупнение хозяйств (в приведенных в журнале «На аграрном фронте», № 11, 1928, с. 20—21, примерах отмечалось, что сумму налога можно было сократить на 60—100% благодаря разделу хозяйства); в ноябре 1928 г. резолюция Пленума ЦК ВКП(б) предупреждала, чтобы налог «отнюдь не способствовал дроблению хозяйств», но без реального результата («КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 534).
99. *Н. Брюханов*. Хозяйственный подъем Советского Союза и его финансовая база, с. 25—28.
100. «Собрание законов», 1929, № 10, ст. 95; *R. W. Davies*. *Op. cit.*, p. 116, ошибочно предположил, что намеченное снижение относилось к 1928/29 фин. году.
101. Относительно государственных займов у крестьянства, которые отчасти становились в этот период принудительными, см. ниже, с. 223—226.
102. Доход от акцизов приведен в разбивке по основным товарам в табл. 43 приложения; акцизные и таможенные пошлины, две основные формы косвенного налогообложения, приведены в табл. 42 приложения, пп. 7 и 8.
103. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 9; «Плановое хозяйство», № 1, 1926, с. 104; «Пленум Бюджетной комиссии ЦИК Союза ССР», с. 307—308.
104. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3 Созыва: 3 Сессия», с. 701—703.
105. Там же, с. 536—537; «Пленум Бюджетной комиссии ЦИК Союза ССР», с. 159, 310.
106. *Г. М. Кржижановский и др.* Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства на 1928/29 год, с. 111—112.
107. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3 Созыва, 2 Сессия», с. 24; спустя три года он повторил тот же довод (*Н. Брюханов*. Хозяйственный подъем Советского Союза и его финансовая база, с. 31).
108. *L. Trotsky*. *The Real Situation in Russia*, p. 91.
109. Относительно контртенезисов см. выше, ч. 1, гл. 2.
110. *И. В. Сталин*. *Соч.*, т. 10, с. 232—233; спустя месяц, на XV съезде ВКП(б), он предложил заменить водочную пошлину такими источниками дохода, как радиовещание и кино (там же, с. 312).
111. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 54—55, 86—87.
112. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 516.
113. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 58—59.
114. Там же, с. 207.
115. «СССР: 5 Съезд Советов», № 13, с. 23. Почти 90% задержанных за пьянство в Москве и Ленинграде были рабочими; почти 10% — членами партии; отмечалось, что число пьяных, «неспособных добраться до дома», в Ленинграде удвоилось в 1927—1928 гг. по сравнению с дореволюционным временем. Однако в других крупных городах в том же году государством продавалась лишь половина довоенного количества водки (*G. Sokolnikov and others*. *Op. cit.*, p. 197).
116. «СССР: 5 Съезд Советов», № 13, с. 23—24. В отношении противоречивости свидетельств см. *G. Sokolnikov and others*. *Op. cit.*, p. 197; в статье председателя «Центроспирта» заявлялось, что в то время, как на производство самогона расходовалось на 50% больше зерна, чем на водку заводской ректи-

фикации, потребление по региону сократилось до 1—3 л на душу населения в год в сравнении с 6 л перед войной («Беднота», 3 февраля 1928 г.). Такие цифры, скорее всего, явились результатом догадок или стремления выдать желаемое за действительное. В июне 1928 г. в своей записке в Политбюро И. В. Сталин отмечал, что «борьба с самогоноварением началась в январе этого года» (И. В. Сталин. Соч., т. 11, с. 125).

117. «Финансовая энциклопедия». Под ред. Г. Я. Сокольников и др. М., 1927, колонки 1009—1010; «Собрание законов», 1928, № 16, ст. 131; № 54, ст. 483; «Собрание законов», 1929, № 10, ст. 94; *G. Sokolnikov and others. Op. cit.*, p. 198—199. Акциз на водку вырос с 14,96 руб. за ведро в 1925—1926 гг. до 23 руб. за ведро в феврале 1929 г. В 1913 г. акциз составлял 52% розничной цены в 8,53 руб.; в 1925—1926 гг. он достиг 69% от розничной цены в 21,76 руб.

118. «Правда» от 6 мая 1929 г. объявила, что объем продаж предполагалось сократить во второй половине 1928/29 г. на 20%.

119. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 2, ч. 2, с. 337; более ранний проект плана, очевидно, намечал увеличение производства с 31,5 млн. ведер в 1926/27 г. до 68 млн. в 1930/31 г. («Правда», 19, 31 августа, 4 октября 1928 г.).

120. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 9; «Собрание законов», 1927, № 18, ст. 195. Акцизная пошлина на кофе также была отменена, но одновременно вводилась повышенная таможенная пошлина.

121. «Собрание законов», 1926, № 56, ст. 408; «Торгово-промышленная газета», 5 ноября 1926 г.

122. Второй госплановский проект пятилетнего плана, заверченный весной 1927 г. (см. ниже, гл. 37), ожидал, что акцизный доход в 1930/31 хоз. г. составит лишь 1568 млн. руб. («Вестник финансов», № 8, 1927, с. 64).

123. Отчисления из прибыли выплачивались государственными промышленными и торговыми предприятиями, Госбанком и специализированными банками. Другие виды «неналогового дохода» включали различные платежи за пользование природными ресурсами, принадлежащими государству, особенно лесами (налог на порубку и другие выплаты) и недрами; эти платежи осуществлялись главным образом государственными организациями. Неналоговый доход в табл. 42 указан в пп. 10 и 11.

124. «Торгово-промышленная газета», 23 ноября 1926 г.

125. Там же, 28 декабря 1926 г.

126. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 346; см. «Пути индустриализации», № 4, 1928, с. 51.

127. Один из официальных финансовых деятелей заявлял, что на практике промышленный налог «как общее правило переносится на потребителя... по существу, промышленный налог имеет тот же характер налога на потребление, что и акцизные пошлины» («Вестник финансов», № 8, 1927, с. 54).

128. По данным Наркомфина, прибыль и амортизационные отчисления, оставшиеся в государственной промышленности, возросли с 934 млн. руб. в 1925/26 г. до 1580 млн. руб. в 1928/29 г.; общая сумма отчислений государственной промышленности (за исключением промышленного налога) в бюджет возросла за тот же период с 216 до 499 млн. руб. (см. выше, гл. 30, и «Плановое хозяйство», № 3, 1932, с. 150).

129. Относительно более подробных данных и происшедших в период 1926—1929 гг. изменений в методах оценки дохода государственных предприятий см. *R. W. Davies. Op. cit.*, p. 82—83, 117—121.

130. Относительно более раннего периода истории государственных займов см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 9.

131. Чистые поступления от займов приведены в табл. 42 в п. 13.

132. «Народное хозяйство СССР». М., 1932, с. 598—599; см. также «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 32—33, 45.

133. См. *R. W. Davies. Op. cit.*, p. 126, где перечислены постановления, в соответствии с которыми осуществлялись эти займы.

134. Эти активы государственных предприятий по займам были отдельными от их подписок на «заям хозяйственного восстановления», выпущенный Госбан-

ком в августе 1925 г. на сумму 300 млн. руб. (см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 6), и от сумм, депонированных государственными предприятиями на текущих счетах, которые использовались банками для финансирования кредита (см. гл. 31).

135. «Финансы СССР за XXX лет. 1917—1947», с. 301. Большинство этих «учреждений» представляли собой в действительности кассы в почтовых отделениях, финотделах и отделениях Госбанка; отделения были также открыты на заводах, железнодорожных станциях, в москательных лавках, школах, избах-читальнях и армейских подразделениях («Вестник финансов», № 7, 1927, с. 69); относительно более ранних этапов см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 9.

136. «Собрание законов», 1927, № 19, ст. 220 (датировано 11 апреля); «Собрание законов», 1929, № 17, ст. 140 (датировано 20 февраля). Однако наркомфинансовый журнал сообщал, что крестьяне предпочитали иметь дело с учреждениями, на которые не возлагались функции взимания налогов («Вестник финансов», № 7, 1927, с. 69).

137. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 36; «Народное хозяйство СССР», с. 600—601.

138. «Собрание законов», 1927, № 31, ст. 318; «Собрание законов», 1928, № 60, ст. 540.

139. По состоянию на 1 октября 1929 г. 36,3% всей суммы вкладов приходилось на учреждения, 27,4 — на вклады государственных служащих, 12,1 — на вклады рабочих и лишь 5,5% — на вклады крестьян; общая сумма вкладов на эту дату составила 496 млн. руб. («Народное хозяйство СССР», с. 600—601). По состоянию на 1 января 1916 г. общая сумма вкладов составляла 2250 млн. руб., из которых 640 млн. руб. приходилось на вклады крестьян («СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3 Созыва: 3 Сессия», с. 562).

140. «Правда», 7 мая 1927 г.

141. «Собрание законов», 1926, № 60, ст. 449; «Торгово-промышленная газета», 1 октября 1927 г.

142. «Собрание законов», 1927, № 7, ст. 71.

143. «Вестник финансов», № 7, 1927, с. 84—86; «Торгово-промышленная газета», 1 октября 1927 г. Еще 29 млн. руб. было получено по подписке частного капитала.

144. Циркуляр Наркомфина от 15 февраля 1927 г. предписывал, что «необходимо уделять особое внимание организации массовой подписки среди рабочих и служащих» («Вестник финансов», № 1, 1929, с. 15).

145. «Собрание законов», 1927, № 17, ст. 182; относительно первого и второго крестьянских займов см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 9.

146. «СССР: Сводные материалы о деятельности Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона за I квартал (октябрь — декабрь) 1927—28 г.», с. 34.

147. «Собрание законов», 1927, № 51, ст. 508; постановлением предполагалось выделить 35 млн. руб. на временной основе для финансирования Днепростроя.

148. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 419—420. Общее собрание специалистов, работавших в ВСНХ СССР, приняло решение, что желательно специалистам внести месячный заработок и что половина месячного заработка должна быть «обязательной минимальной подпиской для каждого специалиста» («Торгово-промышленная газета», 23 октября 1927 г.); выплаты растягивались на год. Из 200 млн. руб. по массовой подписке было получено 113 млн. руб. («Вестник финансов», № 1, 1929, с. 16).

149. «СССР: Сводные материалы о деятельности Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона за I квартал (октябрь — декабрь) 1927—28 г.», с. 34.

150. «Собрание законов», 1928, № 3, ст. 24.

151. «СССР: Сводные материалы о деятельности Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона за I квартал (октябрь — декабрь) 1927—28 г.», с. 34—35.

152. «СССР: Деятельность СНК и СТО: Сводные материалы: Квартал I (октябрь — декабрь) 1928—29 г.», с. 64; дополнительный заем на сумму

50 млн. руб. был выпущен 29 февраля 1928 г. («Собрание законов», 1928, № 14, ст. 118).

153. В своей инструкции партийным организациям от 13 февраля 1928 г. И. В. Сталин требовал от них прекратить размещение займа с применением административных мер, таких, как выплаты облигациями займа за зерно и принудительное размещение займа по хозяйствам, но призвал их продолжать кампанию по распространению займа (И. В. Сталин. Соч., т. 11, с. 19).

154. «3 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Сессия», с. 192; см. также там же, с. 117, 129, 456.

155. «Вестник финансов», № 3, 1929, с. 74.

156. См. выше, ч. 1, гл. 2.

157. «Собрание законов», 1928, № 40, ст. 406; заем на дополнительную сумму в 50 млн. руб. был выпущен 19 декабря 1928 г. («Собрание законов», 1929, № 1, ст. 5).

158. «СССР: Деятельность СНК и СТО: Сводные материалы: I квартал (октябрь — декабрь) 1928—29 г.», с. 64. На этой стадии, хотя массовая подписка и была практически принудительной на крупных предприятиях и в правительственных учреждениях, за держателем облигаций, очевидно, сохранялось право на их продажу («Вестник финансов», № 1, 1929, с. 21; № 3, с. 23).

159. «СССР: Деятельность СНК и СТО: Сводные материалы: I квартал (октябрь — декабрь) 1928—29 г.», с. 65.

160. «Вестник финансов», № 3, 1929, с. 25.

161. См. табл. 42 и таблицу в работе R. W. Davies. Op. cit., p. 126.

162. В сводном виде изменения представлены в табл. 42 приложения.

163. Здесь необходимо соблюдать некоторую осторожность; косвенные налоги, налагаемые на товары, потребляемые главным образом группами населения с низкими доходами, по своему эффекту являются регрессивными, и нет никаких исследований в отношении душевого потребления товаров с высокой нормой акцизной пошлины (в основном водки и табачных изделий) различными по величине дохода группами городского населения. Платформа оппозиции от сентября 1927 г. заявляла, что в результате повышения косвенного налогообложения «налоговое бремя автоматически перемещается с более зажиточного слоя на более бедный» (L. Trotsky. The Real Situation in Russia, p. 28—29).

164. Рассчитано по данным в «Вестнике финансов», № 1, 1929, с. 82—83.

165. Относительно данных по налоговому бремени различных социальных групп см. «Вестник финансов», № 10, 1925, с. 64; № 8, 1926, с. 19; № 1, 1929, с. 82—83; и G. Sokolnikov and others. Op. cit., p. 283.

Глава 31. Кредит, деньги и банковское дело

1. См. выше, гл. 29.

2. Относительно массы денег в обращении см. табл. 44 приложения; по поводу бюджетного избытка см. гл. 30 и табл. 41, 42 приложения.

3. См. выше, ч. 1, гл. 13.

4. «Торгово-промышленная газета», 30 апреля 1926 г.

5. Там же, 30 июня 1926 г.

6. Там же, 22 мая 1926 г.

7. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 8, 1926, с. 7—9; однако контрольные цифры, одобренные Госпланом в августе 1926 г., отмечали «чрезмерное насыщение каналов товарообращения деньгами» («Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 78).

8. Это соответствовало увеличению общей массы денег в обращении на 20,3% против 85,7% в 1924/25 г.

9. См. табл. 44 относительно выпуска денег в октябре — декабре 1926 г. и январе — марте 1927 г. Чистая эмиссия денег в апреле 1927 г. составила

16 млн. руб. по сравнению с 23 млн. руб. в апреле 1926 г. («Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24—1928/29 гг.». Под ред. А. Мендельсона. М., 1930, с. 126).

10. См. гл. 26.

11. «Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24—1928/29 гг.», с. 126. Позже статья в финансовом журнале отмечала, что до войны нетто-эмиссия денег всегда ограничивалась кварталом июль—сентябрь, и заявляла, видимо на основе опыта 1925/26 г., что в советский период нетто-эмиссия должна происходить с июля по декабрь, а нетто-изъятие— в январе—марте; квартал апрель—июнь должен быть периодом стабильности. Сезонное колебание объяснялось отчасти торговлей зерном и отчасти сезоном промышленного строительства («Вестник финансов», № 8, 1927, с. 16).

12. Официальный отчет Совнаркома и СТО за этот квартал констатировал факты и говорил о «напряженном» положении с наличными средствами, но ничто не свидетельствовало о тревоге («СССР: Сводные материалы о деятельности Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона за III квартал (апрель—июнь) 1926—27 г.», с. 37—40).

13. Особенно сильно это коснулось текстильной промышленности («Вестник финансов», № 10, 1927, с. 4).

14. Там же, № 8, 1927, с. 16; «СССР: Сводные материалы о деятельности Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона за III квартал (апрель—июнь) 1926—27 г.», с. 38—39.

15. «Вестник финансов», № 8, 1927, с. 16.

16. «Торгово-промышленная газета», 5 августа 1927 г.

17. «СССР: Сводные материалы о деятельности Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона за III квартал (апрель—июнь) 1926—27 г.», с. 39—40.

18. «Торгово-промышленная газета», 5 августа 1927 г.

19. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 8—9, 1927, с. 7; «Торгово-промышленная газета», 27 июля, 19 августа 1927 г.

20. См. выше, гл. 29, прим. 7.

21. «СССР: Сводные материалы о деятельности Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона за IV квартал (июль—сентябрь) 1926—27 г.», М. 1927, с. 57.

22. «Вестник финансов», № 8, 1927, с. 19; см. ниже, табл. 44. Наркомфинковский план предусматривал повышение в 1926/27 г. лишь на 120 млн. руб.

23. В отношении этой речи см. выше, ч. 1, гл. 2.

24. Л. Н. Юровский. Денежная политика Советской власти (1917—1927). с. 371.

25. См. ниже, табл. 44; запланированное увеличение составляло 200 млн. руб. («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 565; «Большевик», № 19—20, 31 октября 1927 г., с. 36).

26. «XLI собрание уполномоченных Центросоюза», с. 284.

27. «Экономическая жизнь», 16 октября 1928 г.

28. «Финансы и народное хозяйство», № 43, 21 октября 1928 г.

29. «Плановое хозяйство», № 10, 1928, с. 62.

30. Г. М. Кржижановский и др. Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1928—1929 год, с. 336—337.

31. Там же, с. 112; «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 336—337.

32. См. ниже, табл. 44; относительно месячных данных см. «Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24—1928/29 гг.», с. 126.

33. «Правда», 31 марта 1929 г.

34. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 9.

35. «Съезды Советов в документах», т. 3, с. 159.

36. «Собрание законов», 1928, № 18, ст. 152.

37. Согласно работе М. Атласа «Развитие Государственного Банка СССР», с. 72, рассматриваемые авансы по краткосрочным кредитам предоставлялись следующим образом (в млн. руб.):

	По состоянию на 1 октября 1925 г.	По состоянию на 1 октября 1929 г.
Учтенные векселя	741	1715
Ссуды на закупку зерна	183	580
Ссуды по товарам, отличным от зерна	211	384
Ссуды на производственные цели в том числе на дея- тельность сезонного харак- тера	221	1345
Ссуды по ценным бумагам и иностранной валюте	53	107
Итого	1409	4130

Относительно функций Госбанка в этот период см. там же, с. 36—85; *A. Z. Arnold. Banks, Credit and Money in Soviet Russia*, p. 244—280; на 1 октября 1926 г. Госбанк располагал 486 отделениями, конторами и агентствами (там же, с. 265).

38. «Вестник финансов», № 5—6, 1926, с. 6—14; № 5, 1927, с. 33. Спецбанки, видимо, также иногда предоставляли кредиты сверх имевшейся у них суммы вкладов и кредитного плана (см. *A. Z. Arnold. Op. cit.*, p. 288—290, 297).

39. В период с 1 октября 1924 г. до 1 апреля 1926 г. задолженность государственной торговли и промышленности Госбанку выросла с 302 до 908 млн. руб.; одновременно выросла также доля текущих счетов промышленности в Госбанке («Плановое хозяйство», № 7, 1926, с. 105—106, 109—110).

40. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 8, 1926, с. 7—9.

41. Там же, № 1, 1927, с. 13—14; «Торгово-промышленная газета», 7 декабря 1926 г.

42. См. «Вестник финансов», № 11, 1926, с. 15—25; «Экономическая жизнь», 21 ноября, 1, 7 декабря 1926 г.; *М. Атлас. Развитие Государственного Банка СССР*, с. 95—96.

43. «Собрание законов», 1927, № 35, ст. 364.

44. В период между 1925 и 1929 гг. административные функции по поступлениям и расходам госбюджета были переданы Госбанку из наркомфиновских «казначейских касс», которые сохраняли дореволюционную организацию (см. *A. Z. Arnold. Op. cit.*, p. 265; *R. W. Davies. Op. cit.*, p. 203—205); прежняя организация сохранилась в воинских частях и на селе.

45. «Торгово-промышленная газета», 15 июля 1927 г.; см. также статью там же, 17 июля 1927 г. В следующем месяце Рабкрин и Наркомфин достигли еще одного соглашения по разграничению клиентуры между банками; по всей видимости, оно не пошло дальше устава от 15 июня 1927 г. (там же, 25 августа 1927 г.). В отношении Рухимовича см. выше, ч. 1, гл. 12.

46. *М. Атлас. Развитие Государственного Банка СССР*, с. 68.

47. «СССР: От съезда к съезду (апрель 1927 г. — май 1929 г.)», с. 72; в своем стремлении создать централизованную кредитную систему, над которой Госбанк осуществлял бы контроль, им были предприняты в 1928 и 1929 гг. попытки более плотно подчинить себе коммерческий кредит (см. *A. Z. Arnold. Op. cit.*, p. 345—351; *М. Атлас. Развитие Государственного Банка СССР*, с. 71—75).

48. См. выше, гл. 29.

49. См. выше, ч. 1, гл. 5; устав, определявший, какие бюджетные ассигнования сельскому хозяйству следует предоставлять в виде ссуд, и какие — в виде субсидий, был утвержден ЦИК и Совнаркомом 25 апреля 1928 г. («Собрание законов», 1928, № 27, ст. 240).

50. «Проблемы долгосрочного кредитования промышленности», с. 127—131, 111—113, 119—121.
51. Там же, с. 40—41.
52. Там же, с. 39—40, 123—125; см. также «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 6 и 9.
53. «Проблемы долгосрочного кредитования промышленности», с. 17.
54. См. R. W. Davies. Op. cit., p. 119—120.
55. «Проблемы долгосрочного кредитования промышленности», с. 20, 148; «Торгово-промышленная газета» от 12 апреля 1928 г. сообщала, что Наркомфин стремился получить 51% акций намеченного нового банка.
56. «Пути индустриализации», № 6, 1928, с. 13—14.
57. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 2, 1926, с. 3—6; № 5—6, 1927, с. 23—28.
58. «Торгово-промышленная газета», 14 января, 9, 11 февраля 1928 г. На президиуме ВСНХ 12 января 1928 г. Штерн доказывал, что система субсидий является «консервативным фактором» и приведет к контролю капиталовложений административными решениями независимо от экономических критериев; с другой стороны, Манцев заявлял, что использование ссуд для финансирования капиталовложений в промышленности привело бы к «механическому переносу методов работы развитого капитализма в практику социалистического сектора нашего хозяйства»; в отношении А. Б. Штерна и В. Манцева см. выше, ч. 1, гл. 12 и 14.
59. «Собрание законов», 1928, № 42, с. 377. См. также A. Z. Arnold. Op. cit., p. 292—296; M. Атлас. Развитие Государственного Банка СССР, с. 67—68.
60. Число отделений Промбанка фактически упало с 88 по состоянию на 1 октября 1926 г. до 33 — на 1 октября 1927 г. и 6 — на 1 октября 1928 г. (A. Z. Arnold. Op. cit., p. 284).
61. Один из комментаторов в конце 1928 г. преждевременно заявил, что «в борьбе между двумя методами финансирования — бюджетным и банковским — победа была на стороне последнего» («Экономическое обозрение», № 12, 1928, с. 38).
62. В отношении дебатов по этому вопросу см. J.-M. Collette. Politique des Investissements et Calcul Économique, 1964, p. 51—65.
63. Постановление от 23 мая 1930 г. предусматривало, что все ассигнования из единого бюджета на капитальные вложения в государственную промышленность, торговлю, транспорт и в сельское хозяйство в будущем должны производиться в виде безвозмоздных субсидий («Собрание законов», 1930, № 28, ст. 316).

Глава 32. Принципы планирования

1. В отношении первых этапов этого процесса см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 10.
2. См. ниже, табл. 48 приложения.
3. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 10, и ниже, гл. 34.
4. См. выше, ч. 1, гл. 16.
5. «Плановое хозяйство», № 1, 1926, с. 35; марксист П. Б. Струве в 1901 г. примкнул к либеральному движению, доказывая, что укрепление русской буржуазии облегчит рост производительных сил.
6. См. там же, № 7, 1926, с. 12; «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 2—3, 1927, с. 49—50; № 4, 1927, с. 27—28.
7. «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии». М., 1928, с. 37—38, 111—115. Г. М. Кржижановский пытался примирить стороны и отметил, что Струмилин выступил по этому вопросу резче, чем хотел; не было никакого противоречия между развитием производительных сил и опорой на социалистическое строительство (там же, с. 68, 70).
8. См. выше, гл. 23.
9. Относительно съезда и доклада Струмилина см. ниже, гл. 37.

10. С. Г. Струмилин. «Очерки советской экономики», с. 422—434.
11. В отношении более ранних стадий этого спора см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 10.
12. «Проблемы планирования (итоги и перспективы)». М., 1926, с. 218; от-носительно И. Т. Смильги см. выше, ч. 1, гл. 12.
13. «Плановое хозяйство», № 7, 1926, с. 9—10.
14. См. его статью в журнале «Пути сельского хозяйства», № 2, 1927, с. 3—36.
15. «Плановое хозяйство», № 2, 1929, с. 192.
16. «Материалы Особого совещания по восстановлению основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР», серия II, ч. 1. М., 1926, с. 4.
17. С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, с. 479; «Плановое хо-зяйство», № 7, 1927, с. 14.
18. С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, с. 422.
19. «Плановое хозяйство», № 7, 1927, с. 11.
20. «2 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Со-юза», с. 246.
21. См. выше, гл. 23.
22. «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии», с. 39.
23. «Плановое хозяйство», № 4, 1928, с. 167.
24. «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии», с. 78—79.
25. «Плановое хозяйство», № 6, 1928, с. 159, 181.
26. Там же, с. 170—171.
27. Н. И. Бухарин был давним приверженцем теорий равновесия. В работе «Экономика переходного периода» (т. 1. М., 1920, с. 127—129) он считал «*по-ступат равновесия*» фундаментом экономической теории. Его главная теоретиче-ская работа по историческому материализму, впервые опубликованная в 1921 г., вращалась вокруг понятия равновесия, которое включало и равновесие между природой и обществом, и между различными элементами в обществе: он опре-делял это понятие следующим образом: «*то равновесие, которое мы наблюдаем в природе и обществе, это не абсолютное, не неподвижное равновесие, а равно-весие подвижное. Что это значит? Это значит, что равновесие устанавливается и тотчас нарушается, вновь устанавливается на новой основе и снова наруша-ется и так далее*». Этот процесс был выражением диалектики: тезис, антитезис, синтез («Теория исторического материализма», 2-е изд. (б. д.) с. 75—78, 270—272). Неустойчивое равновесие может быть положительным в случае возраста-ния производительных сил, или отрицательным, когда они падают (там же, с. 160, где Бухарин цитирует слова К. Маркса в работе «Наемный труд — капитал», что социальная организация находится «*в неустойчивом равновесии* везде, где растут (или падают) общественные производительные силы»). Эта теория обусловила предъявление Бухарину после 1929 г. обвинения в механи-стическом материализме, который он якобы заимствовал у Богданова; на XVII съезде ВКП(б) в декабре 1934 г. он назвал «так называемую теорию равновесия» в качестве одной из «теоретических предпосылок правого уклона» («XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1934, с. 125).
28. «Плановое хозяйство», № 7, 1926, с. 11.
29. Л. Крицман указывал на дальнейшее различие между *технической* дис-пропорцией в фондоемкости и трудоемкости производства хлопка, металлов, добычи угля и т. п., и более важной социальной диспропорцией («Вестник Коммунистической академии», № 16, 1926, с. 251—252).
30. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 455.
31. Л. Н. Юровский. Денежная политика Советской власти (1917—1927), с. 376—377; относительно Юровского см. выше, гл. 29.
32. Последняя крупная статья Е. А. Преображенского, опубликованная в начале 1927 г., была многозначительно озаглавлена «Экономическое равновесие в советской системе» и выдвигала характерные положения его концепции в виде семи «условий равновесия» («Вестник Коммунистической академии», № 22, 1927, с. 19—71); Преображенский постулировал неустойчивое равновесие между тре-

мя элементами — государственным хозяйством, частнокапиталистическим хозяйством и простым товарным производством. Эти положения были подвергнуты бухаринцами критике в журнале «Большевик», № 12, 30 июня 1928 г., с. 11—25.

33. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 453, 455—456, 463.

34. Там же, с. 497.

35. Там же, с. 514.

36. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 8—9, 1928, с. 8; относительно Л. М. Сабовича см. выше, гл. 14.

37. «Правда», 30 сентября 1928 г.; по поводу статьи Бухарина см. выше, ч. 1, гл. 3 и 12.

38. «Правда», 25 сентября 1928 г.; относительно других аспектов этой речи см. выше, ч. 1, гл. 12.

39. «Пути индустриализации», № 18, 1928, с. 7; относительно перебранки в ноябре 1928 г. между Рыковым и Куйбышевым по поводу равновесия см. выше, ч. 1, гл. 12.

40. *И. В. Сталин*. Соч., т. 11, с. 258; лишь в декабре 1929 г. Сталин прямо отверг «так называемую теорию „равновесия“ секторов нашего народного хозяйства» (там же, т. 12, с. 143).

41. «Проблемы планирования (итоги и перспективы)», с. 225—227, 255—256.

42. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 14.

43. «Плановое хозяйство», № 7, 1926, с. 11.

44. *Р. Е. Вайсберг*. Принципы и методология перспективного планирования, (6. д. [1928]), с. 20.

45. «Торгово-промышленная газета», 16 апреля 1926 г.

46. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 7, 1927, с. 23.

47. См. выше, ч. 1, гл. 12.

48. «Торгово-промышленная газета», 12 октября 1928 г. На процессе по «делу» «контрреволюционной организации меньшевиков» в 1931 г. В. Г. Громан отмечал, что «вместо того, чтобы говорить о законе преодоления узких мест, использования накапливающихся сил», он и его коллеги вывели из сформулированных Прудонем принципов «закон хозяйственной жизни, что слабое звено определяет сопротивление среды в данный момент» («Процесс контрреволюционной организации меньшевиков». М., 1931, с. 378—379).

49. Относительно «материальных балансов» см. ниже, гл. 35.

50. См. выше, с. 239.

51. «2 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Сессия», с. 250.

52. «Пути индустриализации», № 1, 1929, с. 9—10.

53. В отношении этих методов см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 10. В феврале 1926 г. в Госплане указывалось, что метод «статических и динамических коэффициентов» не в состоянии предсказать быстроту расширения объемов и не позволяет учитывать социально-экономические и технические изменения: месяцем позже выступавший на первом съезде госпланов критиковал применение динамических коэффициентов, называя это «экономической астрологией» («Информационный бюллетень Госплана СССР», № 2, 1926, с. 29—31; «Проблемы планирования (итоги и перспективы)», с. 248).

54. См., например, там же статью В. Г. Громана, с. 225—226; и статью Р. Е. Вайсберга в «Информационном бюллетене Госплана СССР», № 5—6, с. 61—62.

55. «Плановое хозяйство», № 7, 1926, с. 13.

56. С. Г. Струмилин смог легко указать на статистические ошибки и неверные предсказания в работах Кондратьева (*С. Г. Струмилин*. Очерки советской экономики, с. 486—492); столь же легко Ляшенко обвинил Струмилину в том, что «в плане голые цифры и необоснованные и неанализируемые расчеты» («О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии», М., 1928, с. 47—51). Относительно «статистического уклона» в планировании см. ниже, гл. 37.

57. Примеры см. ниже, гл. 36 и 37.

58. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 148.

Глава 33. Органы планирования

1. «Экономическая жизнь», 13 января 1924 г.; относительно структуры Госплана в 1926 г. см. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 2, 1926, с. 36—37.

2. Совнарком распорядился, чтобы по своему статусу Госплан был лишь комиссией Совнаркома и не мог от своего имени обращаться в другие правительственные органы (такие, как бюджетная комиссия ЦИК) без предварительного одобрения Совнаркома («Пленум Бюджетной комиссии ЦИК Союза ССР». М., 1927, с. 404).

3. «Плановое хозяйство», № 10, 1925, с. 9.

4. «Пленум Бюджетной комиссии ЦИК Союза ССР», с. 400; эта цифра не включала сектор мировой экономики.

5. Госплан явился порождением ГОЭЛРО, комиссии по электрификации под председательством Г. М. Кржижановского (см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 20), убежденность которого в первостепенной значимости энергетики происходила с тех времен: «энергетика» рассматривалась как символ победной борьбы человека с природой (Г. М. Кржижановский. Соч., т. 2. М., 1934, с. 231—236, 259—261). Второй съезд госпланов в марте 1927 г. описывал энергетику как «становой хребет всей программы реконструкции» («Информационный бюллетень Госплана СССР», № 4, 1927 г. с. 2; ср. там же, № 3—4, 1928, с. 27); в предисловии к пятилетнему плану отмечалось, что «истинный триумф понятия энергетики в планировании и строительстве народного хозяйства... проходит красной нитью по всему периоду обсуждения пятилетнего плана» («Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, с. 5). Однако этот термин использовался неоднозначно. В более узком смысле он означал «чисто технический фактор — механическую энергию... и тепловую энергию»; в расширенном толковании он охватывал «все формы энергии, включая живой труд человека и работу животных» (там же, т. 2, ч. I, с. 7). В отношении таблицы, демонстрирующей использование различных форм энергии в разных странах, см. выше, гл. 18, прим. 2.

6. В феврале 1927 г. Д. Б. Рязанов сетовал на заседании бюджетной комиссии ЦИК, что 47 специалистов аппарата Госплана получали персональные оклады размером 250—500 руб. в месяц («Пленум Бюджетной комиссии ЦИК Союза ССР», с. 401); относительно заработной платы специалистов см. выше, гл. 21.

7. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 258.

8. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 10.

9. «Правда», 6 октября 1927 г.

10. В январе 1928 г. СТО утвердил пятилетний план развития молочной промышленности и десятилетний план овцеводства («Собрание законов», 1928, № 9, ст. 81; № 12, ст. 108).

11. «Плановое хозяйство», № 10, 1925, с. 9.

12. «Торгово-промышленная газета», 29 августа 1926 г.

13. Там же, 16 июля, 14 августа 1927 г.

14. А. Гордон. Система плановых органов СССР. М., 1929, с. 50; «Торгово-промышленная газета», 18 сентября 1926 г.

15. «Правда», 10 мая 1927 г.

16. «Собрание законов», 1927, № 37, ст. 373; в отношении этого постановления см. также ниже, гл. 33.

17. «Правда», 28 июня 1927 г.

18. См. ниже, гл. 37.

19. «Собрание законов», 1928, № 37, ст. 342; А. Гордон. Система плановых органов СССР, с. 57.

20. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 11—12, 1926, с. 42—43.

21. См. статью Кржижановского в газете «Экономическая жизнь», 29 июня 1927 г.

22. См. ниже, гл. 37.

23. В РСФСР при проведении движения экономики плановые управления, которые были образованы на территориях будущих районов в ожидании районирования, были в мае 1926 г. ликвидированы во всех районах, в которых районирование еще не было проведено (А. Гордон. Система плановых органов СССР, с. 54; «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 233); Госплан жаловался, что в результате небольшие «региональные конъюнктурные бюро» Госплана СССР были единственными местными плановыми органами выше губернского уровня в нерайонированных областях, которые охватывали две трети населения европейской части РСФСР («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 410). Положение выправилось в связи с быстрым развитием районирования в 1928 и 1929 гг.

24. См. ниже, гл. 36.

25. «Генеральный план хозяйства Урала в период 1917—1941 гг. и перспективы первого пятилетия». Свердловск, 1927; «Хозяйство Урала», № 13—14, 1926, с. 161—162.

26. «Проблемы планирования (итоги и перспективы)», с. 122—123.

27. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 410—411; «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 4, 1927, с. 2, 30—31.

28. Относительно этого постановления см. выше, с. 250.

29. Организация промышленной статистики обсуждается в связи с позицией Госплана в Примечании Г см. ниже; относительно конъюнктурного совета Госплана см. выше, с. 248.

30. Относительно конфликта между Госпланом и Центральным статистическим управлением см. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 2, 1926, с. 26—28; этот конфликт был отчасти обусловлен влиянием в последнем органе статистиков-«неонародников», которые поддерживали тесные связи со специалистами Наркомзема и Наркомфина (по поводу неонародников см. выше, ч. 1, гл. 1). В отношении новых перестановок см. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 10, 1926, с. 17—19; «Собрание законов», 1927, № 33, ст. 340 (датируется 11 мая 1927 г.).

Глава 34. Контрольные цифры

1. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 10. «Проблемы планирования (итоги и перспективы)», с. 324; «Плановое хозяйство», № 7, 1926, с. 9.

2. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 10.

3. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. V.

4. «Проблемы планирования (итоги и перспективы)», с. 87.

5. Там же, с. 217—218.

6. Там же, с. 232.

7. «Социалистическое хозяйство», № 4, 1926, с. 5—7; в отношении Вайнштейна см. выше, гл. 29.

8. «ВКП(б) в резолюциях», ч. 2, с. 100.

9. См. выше, гл. 33, и ниже, гл. 35.

10. «Правда», 21 мая 1926 г.; в отношении других аспектов работы этой конференции см. выше, ч. 1, гл. 12.

11. «Собрание законов», 1926, № 54, ст. 396; в отношении еще одной ссылки на эту резолюцию см. выше, ч. 1, гл. 1.

12. В отношении промфинплана см. ниже, гл. 35.

13. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. VI; в отношении обсуждения контрольных цифр для промышленности см. выше, ч. 1, гл. 12.

14. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 4—5. В отношении последующих пояснений в госплановских кругах, обвинявших контрольные цифры «за осеннюю подтасовку» 1925 г. и описывавших их как «разошедшиеся с действительностью», см. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 2—3, 1927, с. 2—4; № 4, 1927, с. 29; один из наркомфиновских авторов заявлял, что «чрезмерно оптимистическое настроение наших хозяйственных

кругов» едва не поставило «наше народное хозяйство на грань экономического кризиса» («Вестник финансов», № 10, 1926, с. 11).

15. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 32.

16. См. ниже, гл. 37.

17. И. Т. Смилга был смещен в ноябре 1926 г., после того как он присоединился к объединенной оппозиции (см. выше, ч. 1, гл. 12, прим. 13).

18. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 290—293, 316—317; расчеты произведены в довоенных ценах. Цифры по сельскохозяйственному производству включали лесное хозяйство и рыболовство; цифры для промышленного производства включали как цензовую, так и мелкую промышленность (исключая мукомольную).

19. Там же, с. 19.

20. «Торгово-промышленная газета», 21 сентября 1926 г.

21. «СССР: Год работы Правительства (Материалы к отчету за 1926—27 бюджетный год)». М., 1928, кол. 67.

22. В отношении этой директивы см. выше, гл. 30; в отношении дискуссии на этой сессии по поводу промышленности см. выше, ч. 1, гл. 12.

23. «Торгово-промышленная газета», 13 октября 1926 г.

24. Там же, 28 декабря 1926 г.

25. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 2—3, 1927, с. 49—52; № 4, 1927, с. 28—29; атмосфера на конференции существенно отличалась от того, что доминировало на IV Всесоюзном съезде Советов в том же месяце (см. выше, ч. 1, гл. 12).

26. «Собрание законов», 1927, № 37, ст. 373; «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 7, 1927, с. 1—5.

27. «Плановое хозяйство», № 7, 1927, с. 131, 137—140.

28. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 7, 1927, с. 5—12; вымученное примечание на с. 12 гласит: «Из-за недостатка места подробные директивы и предельные показатели для конкретных секторов хозяйства опущены».

29. «Экономическая жизнь», 10 июля 1927 г.

30. Цитируется в: «Партия и оппозиция накануне XV съезда ВКП(б)», т. 2. М., 1928, с. 139.

31. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 372—381.

32. См. выше, ч. 1, гл. 12.

33. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 11, 15.

34. Там же, с. 20—21, 30, 464—465; цифры основаны на расчетах в довоенных ценах.

35. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 24—25.

36. «Правда», 14 сентября 1927 г.

37. Там же, 16 сентября 1927 г.

38. См. выше, ч. 1, гл. 12; решение Совнаркома и СТО, по-видимому, не публиковалось, хотя его основные положения общеизвестны.

39. См. ниже, гл. 37.

40. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 7; в предисловии этого тома фамилии Громан и Базаров не указаны.

41. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 22; см. также ниже, гл. 37.

42. В отношении этого заседания см. выше, ч. 1, гл. 12; в своем ответе Куйбышев уклончиво разъяснил, что вопросы об отношении промышленности к другим секторам хозяйства придется временно оставить без ответа, пока Госплан не изучит цифры для всего народного хозяйства.

43. См. выше, ч. 1, гл. 3 и 12.

44. «Экономическая жизнь», 16 октября 1928 г.; цифры основаны на расчетах в ценах 1926/27 г. Ежегодный том контрольных цифр, озаглавленный «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 год», не публиковался до 1929 г., но цифры в его таблицах (там же, с. 398—401) весьма близки к первоначальным октябрьским предложениям Госплана; некоторые крупные по-

правки, внесенные позднее центральными властями, перечислены конкретным образом.

45. «Экономическая жизнь», 16 октября 1928 г.; «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 426—429.

46. «Правда», 30 октября 1928 г.; «качественные показатели» относились к экономии, ведущей к снижению издержек, в отличие от «количественных показателей» более высоких объемов производства.

47. В отношении этих событий см. выше, ч. 1, гл. 3 и 12.

48. В отношении этих дискуссий см. выше, ч. 1, гл. 3 и 12.

49. См. выше, гл. 34.

50. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 525—540; в отношении этой резолюции см. также выше, ч. 1, гл. 3 и 12.

51. Г. М. Кржижановский и др. Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства на 1928/29 год, с. 158.

52. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 21.

53. Там же, с. 506—507; решение Совнаркома, которое, по-видимому, не было опубликовано, предположительно является постановлением от 4 декабря 1928 г., на которое дается ссылка там же, с. 336, прим. 1; должно быть, эти решения были приняты Совнаркомом до того, как ЦИК утвердил госбюджет 15 декабря 1928 г.

54. «Торгово-промышленная газета», 8 марта 1929 г.

55. См. цифры в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1929/30 год», с. 592—595.

56. См. выше, гл. 31.

57. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», с. 4, 28.

58. Там же, с. 118.

59. Там же, с. 448—449; относительно цифр капиталовложений см. ниже, табл. 47 приложения.

Глава 35. Оперативные планы

1. Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год, с. 7.

2. «Бюллетень Госплана», № 5, 1923, с. 35—37; «Экономическая жизнь», 24 июня 1925 г.; «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 9, 1926, с. 14—16. СТО утвердил «финансово-производственные программы на 1925/26 г. для угольной, нефтяной, сахарной промышленности и металлопромышленности в январе—марте 1926 г. («СССР: Сводные материалы о деятельности Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона за II квартал (январь—март) 1925—26 г.», с. 78—94) и для электротехнической, основной химической, анилино-красочной и лесной промышленности в апреле—июне 1926 г. («СССР: Сводные материалы о деятельности Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона за III квартал (апрель—июнь) 1925—26 г.», с. 110—115). Аналогичная процедура была повторена в 1926/27 г.

3. «Перспективы промышленности на 1925—26 операционный год», 1925, с. 9; «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 9, 1926, с. 14—16. В мае 1923 г. Г. М. Кржижановский по поводу представленных в Госплан промышленных планов заметил, что это «не план, а просто стихия, в которой не чувствуется руководящей воли» («Бюллетень Госплана», № 5, 1923, с. 37).

4. «Перспективы промышленности на 1925—26 операционный год», с. 11; по предложению Г. Л. Пятакова сверстанные материалы утверждались президентом ВСНХ (там же, с. 13). В 1924 г. Госплан по предложению И. Калининского уже предпринял безуспешную попытку закрепить введение процедуры, согласно которой планы трестов должны были готовиться в рамках «ориентировок» из ВСНХ, которые в свою очередь должны были основываться на директивах, составляемых Госпланом под руководством правительства («Экономическая жизнь», 24 июня 1925 г.).

5. В отношении этих законов см. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 10.

6. «Торгово-промышленная газета», 30 апреля 1926 г.; в отношении дополнительного заказа см. там же, 13 июня 1926 г.
7. «Торгово-промышленная газета», 1 июля 1926 г.
8. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 892.
9. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 15.
10. Постановление СТО от 15 сентября 1928 г. устанавливало процедуры и сроки подготовки промфинпланов на 1926—1927 год («Собрание законов», 1926, № 67, ст. 516).
11. «Правда», 2 февраля 1927 г.; «Собрание законов», 1928, № 20, ст. 180.
12. «Собрание законов», 1928, № 20, ст. 504—505, 508.
13. В отношении предпринятых в это время упрощений бюджетных процедур см. выше, с. 721—722.
14. «Торгово-промышленная газета», 14—15 апреля 1928 г.; предложения о том, что составляемые ВСНХ контрольные цифры должны основываться на запросах трестов, были отвергнуты в пользу сохранения процедуры, согласно которой проекты планов трестов готовились в соответствии с директивами ВСНХ (там же, 23 октября, 25 ноября 1928 г.).
15. Там же, 17 июня, 1 декабря 1928 г.
16. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 515.
17. «Собрание законов», 1927, № 10, ст. 98.
18. «Собрание законов», 1927, № 37, ст. 373; в отношении других аспектов этого постановления см. выше, с. 814—815. Уже 30 ноября 1926 г. СТО укрепил его контроль над капиталовложениями в секторах народного хозяйства, отличных от промышленности, предусмотрев, что любые капиталовложения в эти сектора, превышающие по стоимости один миллион рублей, должны представляться на его утверждение («Собрание законов», 1926, № 76, ст. 610).
19. «Собрание законов», 1928, № 20, ст. 180.
20. В отношении этих операций в самом ВСНХ см. выше, ч. 1, гл. 14.
21. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 1000—1001.
22. См. выше, ч. 1, гл. 16 и ниже, гл. 38.
23. Заказы Наркомпути при необходимости размещались принудительно в трестах Главметаллом («Экономическая жизнь», 25 июля 1926 г.).
24. «Собрание законов», 1926, № 9, ст. 76. В отношении более ранних этапов деятельности комитета по госзаказам см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 6.
25. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР», 1925—1926, № 2, ст. 30 (приказ от 23 ноября 1925 г.); «Торгово-промышленная газета», 26 апреля, 8 мая, 17 сентября 1926 г.; *П. Коннов*. Организация и планирование сбыта черных металлов. М., 1955, с. 49—50.
26. В отношении «балансового метода» см. выше, гл. 32.
27. «Торгово-промышленная газета», 16 мая, 19 сентября, 1 октября 1926 г.; заявки на топливо вначале обсуждались непосредственно между потребляющими трестами и региональными топливными кооперативами, приданными ВСНХ, но позже они подавались в Главгортоп, главк по топливной промышленности, через главк, к которому относился тот или иной трест.
28. «Собрание законов», 1927, № 20, ст. 234; годом позже Совнарком сетовал на то, что в рамках промфинплана на 1927/28 г. не удалось достаточно подробно проработать «план топливно-энергетического баланса» («Собрание законов», 1928, № 20, ст. 180); в отношении понятия «энергетика» см. выше, гл. 33, прим. 5.
29. «Собрание законов», 1928, № 37, ст. 337.
30. «Вопросы торговли», № 2—3, ноябрь-декабрь 1927 г., с. 64—65; «Плановое хозяйство», № 5, 1928, с. 129, 132; «Торгово-промышленная газета», 30 июня 1926 г.; *Ю. Мошинский*. Экономика и организация обращения средств производства в СССР, с. 110—112; см. также выше, гл. 24.
31. «Торгово-промышленная газета», 24 сентября 1926 г.
32. «Номенклатура» черных металлов, к примеру, содержала 53 группы плюс различные подгруппы (там же, 8 мая 1926 г.).
33. В отношении синдикатов и использовавшихся ими методами в конкретных отраслях см. выше, с. 373—378, 636—650.

34. На втором съезде госпланов в 1927 г. А. М. Гинзбург, возвращаясь к активно использовавшейся во времена военного коммунизма терминологии, защищал использование «принципа ударности» в планировании (С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, с. 497).

35. «Торгово-промышленная газета», 15 августа 1928 г.

36. Le Procès des Industriels de Moscou, 1931, p. 132.

37. «Фабрично-заводская промышленность СССР и его экономических районов», т. 2, 1928, с. 83.

38. «Вестник финансов», № 4, 1929, с. 14—15.

39. См., например, «Предприятие», № 1, 1928, с. 17—20.

40. «СССР: 4 Съезд Советов», с. 347; см. также результаты обследований предприятий, приведенные в «Торгово-промышленной газете» от 21 сентября 1927 г., 26 июля 1928 г.; в отношении А. Ф. Толоконцева см. выше, с. 427.

41. «Торгово-промышленная газета», 30 октября, 16 декабря 1926 г.; постановление СТО от 8 марта 1929 г. призвало к сокращению излишних запасов, назвав «одной из основных причин накопления запасов склонность некоторых предприятий в условиях товарного голода защищать себя от дефицита материалов» («Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам», т. 2. М., 1957, с. 20).

42. Пример см. «Экономическое обозрение», № 12, 1928, с. 82.

43. «Хозяйство Украины», № 7, 1926, с. 13.

44. См. Ю. Мошинский. Экономика и организация обращения средств производства в СССР, с. 129—131. В 1926 и 1927 гг. кампании по ликвидации официальных и неофициальных представителей и «толкачей» оказались безуспешными («Торгово-промышленная газета», 7, 8, 29 мая, 7 июля 1926 г.; 23 июля, 23 августа 1927 г.). В марте 1927 г. в Москве было закрыто 645 из 893 контор таких представителей трестов и других организаций; в одной лишь конторе «Донугля» насчитывалось 109 работников. Сообщалось, что представитель харьковского треста консервированных продуктов, в прошлом лесозаготовитель, признался ГПУ, что его суммарные заработки составили 40 тыс. руб. в год; отмечалось, что председатель украинского треста сельскохозяйственного машиностроения «Укрсельмаш» выплачивает рассчитанную на 20 лет арендную плату в сумме 15 тыс. руб. частному владельцу за квартиру в Москве для своего представителя («Правда», 30 марта 1927 г.).

45. См. цифры в отношении стального проката: «Металл», № 7, 1929, с. 71—73.

46. См. выше, гл. 18 и 19.

47. См. выше, гл. 27.

48. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 115.

Глава 36. Генеральный план

1. Относительно плана ГОЭЛРО см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 20.

2. «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», с. 55—56.

3. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 5, 1926, с. 7.

4. Там же. № 6, 1926, с. 18.

5. «Плановое хозяйство», № 3, 1927, с. 8—9.

6. См. выше, ч. 1, гл. 16; относительно этого проекта пятилетнего плана см. ниже, гл. 37.

7. «Экономическая жизнь», 2 апреля 1927 г.

8. С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, с. 477—478.

9. См. выше, гл. 33.

10. Относительно фактической выплавки чугуна в 1941 г. см. ниже, гл. 37, прим. 196.

11. «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927—1941 гг. и перспективы первого пятилетия». Свердловск, 1927, с. 79—81, 513—517.

12. «Плановое хозяйство», № 4, 1928, с. 7.
13. См. ниже, гл. 37.
14. См. ниже, гл. 37.
15. «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии», с. 28, 66.
16. «Плановое хозяйство», № 4, 1928, с. 7, 9; относительно съезда см. ниже, гл. 37.
17. «Плановое хозяйство», № 6, 1928, с. 152, 159—160.
18. Генеральный план металлопромышленности, подготовленный под руководством Р. Гартвана, опубликован в «Вестнике металлопромышленности», № 7—8, 9—10, 1928; см. также «Материалы к Пятилетнему плану промышленности ВСНХ СССР». М., 1929, ч. 3, с. 768—769. Относительно пятилетнего плана металлопромышленности см. ниже, гл. 37.
19. «Материалы к Пятилетнему плану промышленности ВСНХ СССР», М. 1929, ч. 3, с. XXVI.
20. В. Е. Мотылев. Проблемы темпа развития СССР. М. 1929, с. 133.
21. «Торгово-промышленная газета», 19 августа 1928 г.; относительно Л. М. Сабсовича см. выше, ч. 1, гл. 12.
22. «Торгово-промышленная газета», 29 ноября 1928 г.
23. «Плановое хозяйство», № 1, 1929, с. 54—103. Эти предложения были перепечатаны в ставшей весьма популярной брошюре Л. М. Сабсовича «СССР через 15 лет» (М., 1929); помимо этого, они обсуждались в работе E. Zaleski. *Planification de la Croissance et Fluctuations Economiques en U.R.S.S.*, v. 1, 1962, 108—109.
24. «Плановое хозяйство», № 11, 1928, с. 146—170; № 12, 1928, с. 151—178.
25. Там же, № 2, 1929, с. 190.

Глава 37. Пятилетний план

1. «Плановое хозяйство», № 3, 1927, с. 8.
2. «СССР: 4 Съезд Советов», с. 261.
3. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 10; С. Г. Струмилин. На плановом фронте, с. 273—300.
4. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 5, 1926, с. 8—9; решение было принято по поводу предложенного трехлетнего плана металлопромышленности (см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 6).
5. Там же.
6. «Торгово-промышленная газета», 16 апреля 1926 г.
7. «Материалы особого совещания по восстановлению основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР», серия II, т. 1, с. 43—45.
8. Там же, серия III, т. 1. М., 1927, с. 5; в отношении промплана см. выше, ч. 1, гл. 14; в отношении Гинзбурга см. выше, ч. 1, гл. 12.
9. «Материалы Особого совещания по восстановлению основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР», серия II, т. 1, с. 45, 52—53.
10. «Торгово-промышленная газета», 1 октября 1926 г.
11. Эта публикация имела общее название «Материалы Особого совещания по восстановлению основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР». Статьи публиковались в виде трех серий: серия I, «Пятилетняя гипотеза по отраслям промышленности», состояла из 29 томов по разным отраслям, причем размеры томов колебались от брошюры до большой книги; серия II, «Материалы по критике гипотезы», состояла из одного тома, где приводится подробный обзор работы ОСВОК в 1925 и 1926 гг.; серия III, «Перспектива развития промышленности в 1925/26—1929/30 гг.», включала краткий общий обзор, составленный Гинзбургом, и восемь томов по общим вопросам, таким, как сельское хозяйство, финансы и территориальная организация, обычно готовившимся соответствующей секцией ОСВОК.
12. «Торгово-промышленная газета», 17 апреля 1926 г.
13. «Торгово-промышленная газета», 16 апреля 1926 г.

14. Там же, 22 апреля 1926 г.; резолюция была утверждена президиумом ВСНХ 6 мая 1926 г. («Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1925—1926», № 8).

15. «Торгово-промышленная газета», 3 июня 1926 г.

16. Относительно аналогичного распоряжения Дзержинского, вынесенного в следующем месяце по контрольным цифрам ВСНХ на 1926/27 г., см. выше, ч. 1, гл. 12.

17. «Торгово-промышленная газета», 18 июля 1926 г.

18. Там же, 31 июля 1926 г.

19. «Материалы Особого совещания по восстановлению основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР», серия II, т. 1, с. 17—22. Позже видным химиком некоторые из программ по химической промышленности были названы «чрезвычайно фантастическими, и, очевидно, работа отдельных специалистов основывалась больше на воображении, чем на реальном опыте; хотя все это и привело к рождению «идеи пятилетнего плана», «никакого влияния на развитие химической промышленности» они не оказали (V. Ipatieff. *Life of a Chemist*. Stanford, 1946, p. 422).

20. «Социалистическое хозяйство», № 4, 1926, с. 29.

21. «Материалы Особого совещания по восстановлению основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР», серия II, т. 1, с. 37—38.

22. Там же, серия III, т. 2, с. 16—24.

23. См. табл. 49 приложения.

24. Согласно одному из отчетов, Пятаков критиковал «затухающую кривую» производства («Материалы Особого совещания по восстановлению основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР», серия III, т. 1, с. 7); если это действительно так, то он, должно быть, был единственным, кто придерживался такого образа действия в то время.

25. На XIV съезде партии в декабре 1925 г. И. В. Сталин говорил, что в связи с нехваткой капитала «развертывание нашей промышленности в будущем не будет столь быстрым, как было до сих пор», и даже прогнозировал, что на протяжении ряда лет промышленность будет расти менее быстро, чем сельское хозяйство (И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 315—316).

26. См. выше, ч. 1, гл. 12.

27. См. табл. 51; относительно неоднозначности термина «производительность труда» см. выше, гл. 18.

28. «Торгово-промышленная газета», 18 июля 1926 г.

29. См. табл. 50 приложения.

30. «Торгово-промышленная газета», 18 июля 1926 г.; «Материалы Особого совещания по восстановлению основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР», серия III, т. 1, с. 8.

31. «Торгово-промышленная газета», 18 июля 1926 г.

32. «Материалы Особого совещания по восстановлению основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР», серия III, т. 5, с. 81; относительно госплановского проекта см. с. 284—286.

33. «Пути индустриализации», № 2, 1928, с. 47—48; в общем, он описывал план ОСВОК как «грандиозную и интересную работу» (там же, № 4, 1928, с. 59).

34. «Торгово-промышленная газета», 18 июля 1926 г.

35. «Социалистическое хозяйство», № 4, 1926, с. 12.

36. «Вестник Коммунистической академии», № 17, 1926, с. 221—222.

37. Недатированный вариант этой записки имеется в архивах Троцкого (Архивы Троцкого, Т 3004); первый вариант (Т 3005) датирован 7 сентября 1926 г.

38. «Вестник Коммунистической академии», № 17, 1926, с. 211. Годом позже, на июльском Пленуме (1927 г.) ЦК ВКП(б) В. В. Куйбышев критиковал план ОСВОК за «отсутствие уверенности в возможности развития нашей промышленности» (А. Хавин. У руля промышленности (документальные очерки). М., 1968, с. 60—61); в 1930 г. И. В. Сталин выступил с нападками на предложения ОСВОК как на «построенные на принципах троцкизма», противопоставляя их «затухающую троцкистскую кривую» промышленных капитальных вложений и

темпов роста промышленного производства «*восходящей*» большевистской кривой», которая осуществлена на практике (И. В. Сталин. Соч., т. 12, с. 350—351).

39. В отношении реорганизации ВСНХ см. выше, ч. 1, гл. 14.

40. «Торгово-промышленная газета», 5 сентября 1926 г.; о включении ОСВОК в плановое управление было предложено Пятаковым, и 20 января 1926 г. президиум ВСНХ на это согласился («Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1925—1926», № 4, ст. 108).

41. «Материалы к Пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.)». М., 1927, с. 9.

42. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 2, 1926, с. 2.

43. Относительно съезда см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 10.

44. «Проблемы планирования (итоги и перспективы)», с. 24—25; эта публикация представляет собой стенографический отчет съезда.

45. См. табл. 49, 50 приложения.

46. «Проблемы планирования (итоги и перспективы)», с. 34—36.

47. Там же, с. 74—75.

48. См. табл. 51 приложения.

49. «Проблемы планирования (итоги и перспективы)», с. 85—86; противоположный подход, который был слишком обременительным, чтобы возвращаться к нему в ходе выполнения плана, оказавшегося чрезмерно оптимистичным, был принят Госпланом несколькими месяцами позже при подготовке годовых контрольных цифр (см. выше, гл. 34).

50. Относительно этой речи и назначения Сокольников см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 10; речь не включена в опубликованный стенографический отчет съезда.

51. «Проблемы планирования (итоги и перспективы)», с. 90; М. Вольф готовил сельскохозяйственный раздел окончательной редакции проекта пятилетнего плана народного хозяйства СССР («Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 2, ч. I, с. 6).

52. «Проблемы планирования (итоги и перспективы)», с. 315—318.

53. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 5, 1926, с. 7; «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.». М., 1927, с. XIII.

54. В это время общепринятой была точка зрения, что план не должен иметь фиксированных временных границ, а должен пересматриваться ежегодно и продолжаться на год с учетом накопленного опыта, так что всегда существовала перспектива обновления и корректировки на предстоящие пять лет («Материалы Особого совещания по восстановлению основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР», серия III, т. 1, с. 14; «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», с. XIV).

55. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 112—113.

56. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 344; пятилетний план электрификации был утвержден Совнаркомом несколькими днями после окончания пленума (см. выше, ч. 1, гл. 16).

57. «Плановое хозяйство», № 3, 1927, с. 7—8, 12—13.

58. «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.». Предисловие датировано 21 марта 1927 г.; сам том фактически на съезде отсутствовал («Плановое хозяйство», № 4, 1927, с. 1).

59. «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», с. XIII.

60. См. табл. 49 приложения.

61. Относительно предложений по поводу промышленной рабочей силы см. выше, гл. 17, прим. 67.

62. См. табл. 51 приложения.

63. «Перспективы развертывания народного хозяйства на 1926/27—1930/31 гг.», с. 28.

64. Помимо доклада Струмилина и его ответного выступления по результатам дискуссии, которые приведены в книге С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, с. 422—475, 476—498, опубликованы, видимо, лишь краткие заметки о дебатах; доклад Струмилина опубликован также в виде предисловия к вышед-

шему тому материалов плана и в журнале «Плановое хозяйство», № 3, 1927, с. 17—54.

65. С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, с. 494; относительно Кондратьева и Макарова см. выше, ч. 1, гл. 1 и гл. 29. Первый госплановский проект уже вызвал яростную атаку Кондратьева на Струмилина в наркомзёмском журнале: «Большинство расчетов Струмилина, при всей их кажущейся убедительности, построены на том, что в действительности является зыбким песком. Даже если против ожиданий его расчеты окажутся близкими к действительности, это будет просто случайностью, а не результатом надлежащим образом обоснованного прогноза»; относительно статьи Кондратьева см. гл. 32.

66. См. С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, с. 481—483; «Плановое хозяйство», № 5, 1927, с. 35.

67. «Экономическая жизнь», 2 апреля 1927 г.

68. См. ниже, гл. 37.

69. С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, с. 496—497.

70. «Экономическая жизнь», 2 апреля 1927 г.

71. Г. М. Кржижановский предлагал, чтобы «минимальные» цифры в будущих проектах давали «экономические границы, за которые нельзя выходить, не внося фундаментального возмущения в весь наш хозяйственный организм»; «максимальные» цифры должны демонстрировать, что можно достигнуть в условиях напряжения, но без перенапряжения, исходя из допущений о благоприятных условиях, таких, как хорошая организация и получение зарубежных кредитов («Плановое хозяйство», № 3, 1927, с. 14—15).

72. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 4, 1927, с. 1—4; «Большевик», № 10, 31 мая 1927 г., с. 46—51; относительно понятия «энергетика» см. гл. 33, прим. 5. Позднее в том же году, когда проект подвергся критике за чрезмерную осторожность, было взято за правило, что он не подлежит формальному утверждению Госпланом — и во много меньшей степени партией («Большевик», № 17, 15 сентября 1927 г.).

73. «СССР: 4 Съезд Советов», с. 260—261.

74. «Правда», 3 июля 1927 г.

75. «Плановое хозяйство», 1927, № 4, с. 1—17.

76. Там же, с. 31, 33.

77. Там же, № 5, 1927, с. 56—58.

78. Там же, № 8, 1927, с. 10—12, 16—18.

79. Относительно возражений Наркомзема по поводу плана см. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 7, 1927, с. 23—26.

80. «Вестник финансов», № 6, 1927, с. 259, 263; еще одна статья там же, № 7, 1927, с. 55, также обвиняла план в чрезмерных амбициях; см. также доклад финансово-экономического управления Наркомфина там же, № 9, 1927, с. 31—56.

81. Цитируется в «Плановом хозяйстве», № 5, 1927, с. 33.

82. Архивы Троцкого, Т 942; р. 3; эта неопубликованная записка, датированная 11 апреля 1927 г., возможно, имела хождение в комитете или была кратким изложением замечаний Троцкого на пленуме. В передовице «Правды» от 10 июня 1927 г. признавалось, без ссылок на оппозицию, что «следует согласиться, что мы по меньшей мере на год опоздали с составлением перспективного плана».

83. Цитируется в журнале «Большевик», № 14, 31 июля 1927 г., с. 26.

84. См. выше, гл. 34.

85. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 394.

86. См. выше, гл. 37.

87. Для транспорта в качестве базы был принят один из вариантов, разработанный в Наркомпути («Торгово-промышленная газета», 3 ноября 1926 г.).

88. См. выше, гл. 35.

89. «Материалы к Пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.)»; процедуры, использовавшиеся при составлении предложений, описаны там же, с. 9. См. также «Торгово-промышленная газета», 6 ноября 1926 г.; «Правда», 21 июня, 24 июня 1927 г.

90. «Материалы к Пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.)», с. 13.
91. См. табл. 50.
92. «Материалы к Пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.)», с. 59.
93. Относительно темпа прироста по каждому году см. табл. 49.
94. «Материалы к Пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.)», с. 48.
95. Весьма интересный анализ показал, что значительная часть промышленных инвестиций, включая часть капиталовложений, финансируемых из госбюджета, фактически финансировалась трансфертами прибыли из отраслей группы «Б» в отрасли группы «А»; согласно плану, прибыли в текстильной промышленности, в частности, должны были быть выше капиталовложений, тогда как в металлопромышленности — гораздо ниже объема капиталовложений. Дефицит по группе «А» был отчасти обусловлен тем, что цены на средства производства более жестко контролировались государством и, следовательно, занижались по сравнению с ценами на потребительские товары (по состоянию на 1 мая 1927 г. оптовые цены были на 72% выше уровня 1913 г. для отраслей группы «А» и на 105% выше для отраслей группы «Б»), и отчасти из-за более высокого уровня капиталовложений, запланированного для группы «А». Однако ожидалось, что доля общих капиталовложений, финансируемых в кредит или из госбюджета, будет снижаться в ходе пятилетия во всех отраслях, для которых был характерен дефицит (там же, с. 57, 70—72, 114—121, 612—613).
96. См. табл. 51 приложения.
97. «Материалы к Пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.)», с. 28, 52—57, 605.
98. См. выше, с. 289.
99. «Контрольные цифры Пятилетнего плана развития промышленности (1927/8—1931/2)», с. XIII—XIV. Гинзбург был направлен в США в качестве члена комиссии ВСНХ, отвечавшего за финансы («Правда», 20 августа 1927 г.), и пробыл там в течение около пяти месяцев («Процесс контрреволюционной организации меньшевиков», с. 77). Согласно публикации в «Социалистическом вестнике» (Берлин), № 1, 12 января 1928 г., с. 11, его отъезд был связан с отклонением второго проекта ВСНХ, за подготовку которого он в значительной степени отвечал, а том был изъят из публичной продажи; однако Гинзбург весной 1928 г. вновь появился (см. ниже, гл. 37).
100. *L. Trotsky. The Real Situation in Russia*, 79—82, 87—93.
101. «Материалы к Пятилетнему плану промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.)», предисловие; предисловие было отпечатано полностью также в «Торгово-промышленной газете», 2 сентября 1927 г.
102. См. выше, с. 293.
103. «Торгово-промышленная газета», 13 сентября 1927 г.; позже он объяснял, что «ориентировочные данные» должны были быть готовы к 15 октября для представления на сессии ЦИК, собираемой на празднование 10-й годовщины революции (там же, 2 октября 1927 г.).
104. Там же, 13 сентября 1927 г.
105. «Торгово-промышленная газета», 14 сентября 1927 г.
106. В отношении Шеина см. выше, гл. 21. С. Хренников был видным специалистом ВСНХ; Н. Чарновский был профессором Института черной металлургии и главой научно-технического совета по металлопромышленности. Шеин был обвинен во вредительстве и в 1930 г. исчез; Чарновский проходил в качестве одного из обвиняемых по «делу Промпартии»; Хренников умер во время следствия (*Le Procès des Industriels de Moscou*, 1931, p. 4).
107. См. отчеты по дискуссиям о развитии нефтяной, угольной, хлопкоткацкой промышленности, электроэнергетики, машиностроения и промышленности стройматериалов в «Торгово-промышленной газете», 20, 21, 24, 27, 28, 29 сентября 1927 г. Сокращения не прошли без сопротивления: специалисты угольной промышленности заявляли, что какие-либо существенные изменения в ее производственном или инвестиционном плане невозможны, и их доклад был одобрен соответствующей подгруппой.

108. Там же, 2 октября 1927 г.
109. Там же, 13 октября 1927 г.
110. «Торгово-промышленная газета», 15 октября 1927 г.; в отношении годовых цифр по промышленности в оптимальном варианте см. табл. 49. Третий госплановский проект от октября 1927 г. был в конечном счете опубликован в виде брошюры «Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 гг.» (М., 1928).
111. «Торгово-промышленная газета», 29 октября 1927 г.; см. табл. 51 и 49.
112. «2 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 249—250.
113. Там же, с. 250—252; согласно другому источнику, фактически в стадии подготовки был независимый вариант на случай массовой атаки («Промышленность за 10 лет (1917—1927)». Под ред. В. В. Куйбышева. М., 1927, с. 90).
114. «2 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва», с. 253—258, 265.
115. «Торгово-промышленная газета», 19 октября 1927 г.
116. «2 Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4 Созыва: Постановления», с. 19.
117. Относительно тезисов и общей атмосферы на сессии см. выше, ч. 1, гл. 2.
118. «Партия и оппозиция накануне XV съезда ВКП(б)», т. 2, с. 85—87.
119. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 395—413; относительно двусмысленной трактовки проблемы потребительских товаров в тезисах см. выше, ч. 1, гл. 12.
120. Относительно этих выступлений см. выше, ч. 1, гл. 2.
121. «Торгово-промышленная газета», 2 ноября 1927 г. Позже проект Межлаука был издан в виде брошюры «Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности (1927/8—1931/2)» (М., 1927); признавалось (с. 120), что ассигнования из бюджета, требуемые промышленностью в 1928/29 г., «вызывают некоторые сомнения в его реалистичности».
122. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 11—12, с. 4—6.
123. См. выше, ч. 1, гл. 2. Теперь оппозиция предлагала увеличить чистые бюджетные ассигнования промышленности на пятилетие с 500 до 1000 млн. руб. в год; в третьем проекте ВСНХ планом предусматривались чистые бюджетные ассигнования промышленности в сумме лишь 290 млн. руб. на последний, 1931/32 г. («Торгово-промышленная газета», 4 ноября 1927 г.).
124. Относительно статьи Межлаука см. выше, гл. 30.
125. «Правда», 30 ноября 1927 г.
126. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 864; этот проект, предположительно, был пересмотренной редакцией третьего проекта, который обсуждался 11 ноября 1927 г. на съезде госпланов (см. выше, гл. 37).
127. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 864—865.
128. Там же, с. 887, 892, 895, 909.
129. Там же, с. 1059—1060.
130. Там же, с. 1128—1129.
131. См. выше, ч. 1, гл. 12.
132. См. выше, ч. 1, гл. 16.
133. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 1018—1019.
134. Там же, с. 1108—1109.
135. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 450—469.
136. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 1—2, 1928, с. 1—2.
137. Там же, № 3—4, 1928, с. 4.
138. Там же, № 1—2, 1928, с. 1—2; «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 7; в отношении Г. Ф. Гринько, см. выше, ч. 1, гл. 12 и 14.
139. «Торгово-промышленная газета», 24—25 декабря 1927 г.
140. См. выше, гл. 29.
141. «О Пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии», с. 29, 34—38; относительно струмининской критики Базарова см. выше, гл. 32.

142. «О Пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии», с. 67—70.
143. Там же, с. 74.
144. «Пути индустриализации», № 1, 1928, с. 12—13; другой автор в связи с этим также использовал слово «перелом» (там же, № 2, 1928, с. 83).
145. См. выше, ч. 1, гл. 12, и табл. 13 приложения.
146. «О Пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии», с. 57.
147. Там же, с. 110—111.
148. Основные статьи этой дискуссии были перепечатаны в книге *В. Мотылев*. Проблема темпа развития СССР. М., 1929, которая воспроизводит сторону, занятую в споре Мотылевым, и в книге *С. Струмилин*. На плановом фронте, с. 407—421, где приводятся ответы Струмилина.
149. «Пути индустриализации», № 2, 1928, с. 48—50; № 4, 1928, с. 61.
150. См. выше, гл. 37.
151. Третий съезд госпланов по-разному именовался в печати: как «Всесоюзный плановый съезд» и как «Всесоюзная конференция плановых работников»; первый и второй съезды, проведенные в марте 1926 г. и марте — апреле 1927 г. (см. выше, гл. 37), были съездами президиумов госпланов.
152. «Экономическая жизнь», 17 марта 1928 г.; «Правда», 6, 8, 16, 18 марта 1928 г.; «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 3—4, 1928, с. 4—5, 7. Госплановский комментатор отмечал, что решения о крупных капитальных проектах, таких, как Волго-Донский канал и Урало-Кузнецкий проект, невозможно было принять «независимо на уровне отдельных наркоматов, республик или экономических районов», даже с целью составления «предварительных контрольных цифр» пятилетнего плана.
153. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 3—4, 1928, с. 29.
154. См. табл. 49 приложения.
155. См. табл. 50 приложения.
156. В отношении Штерна, Соколовского и Гинзбурга см. выше, ч. 1, гл. 12 и 13.
157. «Торгово-промышленная газета», 24, 26 апреля 1928 г.
158. «Информационный бюллетень Госплана СССР», № 5, 1928, с. 1—22; статья Гринько, основанная на его докладе президиуму Госплана 12 мая 1928 г., опубликована в журнале «Плановое хозяйство», № 5, 1928, с. 7—23.
159. «Торгово-промышленная газета», 15 августа 1928 г.
160. См. табл. 50 приложения.
161. См. табл. 49 приложения.
162. См. табл. 51 приложения.
163. См. выше, ч. 1, гл. 12 и 13.
164. «Торгово-промышленная газета», 15 августа 1928 г.
165. См. выше, с. 279—284.
166. «Торгово-промышленная газета», 15 августа 1928 г.
167. Там же, 17, 18 августа 1928 г.
168. Там же, 7 октября 1928 г.
169. Последний из периодических обзоров экономической ситуации, которые В. Громан регулярно писал для «Статистического обозрения», журнала ЦСУ, появился в номере за август 1928 г.
170. «Правда», 2 сентября 1928 г.; финансовый пятилетний план, подготовленный в это время Наркомфином, предусматривал гораздо более высокие плановые капиталовложения в промышленности, чем Наркомфин ранее считал целесообразными («Информационный бюллетень Госплана СССР», № 8—9, 1928, с. 30—36; «Торгово-промышленная газета», 21 сентября 1928 г.).
171. См. выше, ч. 1, гл. 3 и 12.
172. «Правда», 30 сентября 1928 г.; в отношении этой статьи см. также выше, ч. 1, гл. 3 и 12.
173. «Пути индустриализации», № 6, 1928, с. 51—52.
174. «Торгово-промышленная газета», 31 июля, 15, 19 августа 1928 г.; «Правда», 2 сентября 1928 г.
175. См. табл. 49, 50, 51 приложения.

176. «Торгово-промышленная газета», 4 декабря 1928 г.; в отношении Золотарева см. выше, ч. 1, гл. 12; в отношении «расшивки узких мест» см. выше, гл. 32.

177. «Торгово-промышленная газета», 4 декабря 1928 г.

178. См. табл. 50 приложения.

179. См. табл. 51 приложения.

180. «Торгово-промышленная газета», 15 декабря 1928 г. Проект плана был завершен в отличие от большинства более ранних проектов в предусмотренный срок, и часть его была даже готова к 8 декабря; для достижения этого результата сотрудникам ведомства платили сверхурочные («Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1928—1929», № 7, Приложение, ст. 237).

181. «Материалы к докладу В. В. Куйбышева о Пятилетнем плане развития промышленности». М., 1928, с. 5—6.

182. «Восьмой съезд профессиональных союзов», с. 372—375, 410—411, 446—448; относительно Гинзбурга см. выше, гл. 19.

183. Госпланом были намечены следующие итоговые цифры государственных капитальных вложений в три основных сектора (в млн. руб. в текущих ценах):

	Второй проект (1926/27—1930/31 гг.)	Осень 1928 г. (1928/29—1932/33 гг.)
Промышленность	5 700	10 000—12 000
Сельское хозяйство	1 200	2 500— 3 500
Транспорт	5 000	8 000—10 000
Итого	11 800	20 500—25 500

(«Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.». М., 1927, с. 32; «Правда», 30 октября 1928 г.)

184. «Торгово-промышленная газета», 30 декабря 1928 г. В сентябре 1929 г. С. М. Киров, очевидно имея в виду этот период, заметил в своей речи перед ленинградскими текстильщиками: «Когда нам представили проект этого пятилетнего плана, нам показалось, хотя мы все были ответственными партийными руководителями, что это просто что-то нереальное. Могу вам сказать, что нам казалось, что это переходит границы всех возможностей» («Исторический архив», № 5, 1961, с. 109).

185. «Торгово-промышленная газета», 6 января 1929 г.

186. Цитируется в *Le Procès des Industriels de Moscou*, p. 647.

187. «Плановое хозяйство», № 1, 1929, с. 109.

188. Относительно материальных балансов, см. выше, гл. 35.

189. См. выше, ч. 1, гл. 12 и 16.

190. «Торгово-промышленная газета», 20 апреля 1928 г.

191. Там же, 10 июля, 1, 4 августа 1928 г.; «Материалы к Пятилетнему плану промышленности ВСНХ СССР», т. 3, с. 769; научно-технический совет отрасли менее убежденно утверждал, что спрос на сталь будет не равен намеченному предложению.

192. «Торгово-промышленная газета», 11 декабря 1928 г.; «Металл», № 1, 1929, с. 37, 47—49.

193. «Торгово-промышленная газета», 4, 30 декабря 1928 г.; 6, 8, 9, 13 января 1929 г.

194. «Металл», № 1, 1929, с. 37—46, 52—54; авторы этих расчетов довольно сурово отмечали, что «потребности производственных секторов или отраслей вторичного производства в нашем народном хозяйстве вновь получают свое «право на существование» лишь тогда, когда начнут производство новые гиганты черной металлургии».

195. «Металл», № 3, 1929, с. 31—32.

196. Выплавка чугуна фактически составила 6,2 млн. т в 1932 г. и 7,1 млн. т — в 1933 г.; она достигла 10 млн. т в 1934 г. и 15 млн. т в 1941 г. («Промышленность СССР». М., 1964, с. 164).
197. См. табл. 49 приложения.
198. «Торгово-промышленная газета», 8 марта 1929 г.
199. Там же, 14, 15 марта 1929 г.; «Правда», 14, 15, 16 марта 1929 г.
200. «Торгово-промышленная газета», 31 марта 1929 г.
201. Там же, 2, 5 апреля 1929 г.; «Правда», 3 апреля 1929 г.
202. «Торгово-промышленная газета», 6 апреля 1929 г.
203. Относительно этих событий см. выше, ч. 1, гл. 11.
204. *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 81—82.
205. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 569—575; относительно наметок плана в сельском хозяйстве см. выше, ч. 1, гл. 6 и 10.
206. «Собрание законов», 1929, № 29, ст. 268; постановление было опубликовано только после XVI партийной конференции («Правда», 9 мая 1929 г.).
207. См. выше, ч. 1, гл. 11.
208. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 20—21.
209. Там же, с. 24—78; относительно речи Куйбышева см. выше, ч. 1, гл. 11.
210. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 143—147.
211. Там же, с. 169, 171.
212. Там же, с. 259—260.
213. Там же, с. 214.
214. Там же, с. 224.
215. Там же, с. 60—63.
216. Там же, с. 262.
217. «КПСС в резолюциях», ч. 2, с. 573.
218. Съезды Советов в документах, т. 4, ч. I, с. 118—120; т. 5, с. 217—227.
219. Там же, т. 3, с. 155—161; во время своего доклада на съезде Кржижановский театрально включил цветные лампочки на карте, изображавшей электростанции, которые должны были строиться в пятилетке, продемонстрировав, что все электростанции, построенные в СССР до 1929 г., были «лишь пионерами» («СССР: 5 Съезд Советов», 1929, № 8, с. 16—17); относительно постановления Совнаркома см. выше, гл. 37.
220. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, с. 5; на V Всесоюзном съезде Советов 23 мая 1929 г. Кржижановский сообщил, что тома только что опубликованы («СССР: 5 съезд Советов», 1929, № 8, с. 1).
221. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, с. II.
222. «Объекты нового строительства государственной промышленности на пятилетие». М., 1929, с. 5.
223. «Материалы к Пятилетнему плану промышленности ВСНХ СССР на 1928/29—1932/33 гг.», тт. 1—3; в отношении энергетики см. выше, гл. 33, прим. 5.
224. «Материалы к Пятилетнему плану промышленности ВСНХ СССР на 1928/29—1932/33 гг.», т. 3, с. IX—XI.
225. Там же, с. XXVIII—XXIX, 771.
226. Там же, т. 1, с. 511.

Глава 38. Крупные проекты

1. См. выше, с. 431—452.
2. Название «Днепрострой» (сокращенно от «Днепровское строительство») относилось к собственно строительным работам; гидроэлектростанция приобрела известность как Днепрогэс.
3. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 10.
4. См. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 20.
5. Относительно более ранней истории Днепростроя см. *Аржанов и Михалевич*. Днепрострой к XVI съезду ВКП(б). М., 1930, с. 5—6; *В. Мазурин*. Как ро-

дился Днепрострой. М., 1929, с. 17—20; Б. Викторов. Днепрострой. М., 1926; «Днепрострой», № 1, 1927, с. 35—39; «Большая Советская Энциклопедия», 1-е изд., т. 22. М., 1935, с. 767—771.

6. Основные принципы Днепровского проекта были сформулированы в журнале «Большевик», № 3, 15 февраля 1926 г., с. 67—68, и в статье И. Г. Александрова в «Торгово-промышленной газете», 9 ноября 1926 г.; см. также «Плановое хозяйство», № 12, 1926, с. 171—187.

7. Относительно этих оценок стоимости Днепростроя см. «Торгово-промышленная газета», 7 октября 1926 г.; относительно капитальных затрат на тепловые электростанции в это время см. «Первые шаги индустриализации СССР 1926—1927 гг.», М., 1959, с. 82.

8. Во время обсуждения Днепростроя на президиуме Госплана летом 1925 г. А. Д. Цюрупа, в то время председатель Госплана, и беспартийный специалист П. С. Осадчий выразили удивление по поводу отсутствия у ВСНХ интереса к проекту, в котором ему следовало бы активно участвовать («Экономическая жизнь», 4 июля 1925 г.).

9. Проблемы планирования (Итоги и перспективы). М., 1926, с. 190.

10. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 6.

11. «Торгово-промышленная газета», 18 ноября 1926 г.

12. Там же, 1 сентября 1926 г.

13. Там же, 16 сентября 1926 г.

14. «Экономическая жизнь», 7 ноября 1926 г.

15. «Плановое хозяйство», № 6, 1926, с. 182—183; «Торгово-промышленная газета», 7, 8 октября, 18 ноября 1926 г.; «Экономическая жизнь», 28 октября 1926 г.; «Днепрострой», № 1, 1927, с. 44—47.

16. «Экономическая жизнь», 13, 28 октября 1926 г.; «Правда», 12 июня 1927 г.

17. Наркомпуть официально переименовал ее в Туркестано-Сибирскую магистраль (сокращенно Турксиб) в мае 1927 г. («Туркестано-Сибирская Магистраль», 1929, с. 285).

18. Согласно переписи 1926 года, городское население Казахстана, северной Киргизии и Западной Сибири составляло лишь 487 тыс. чел. из общей численности населения 5540 тыс. чел. Было только семь городов с населением более 20 тыс. чел. и расположенных вблизи намеченной железной дороги — это были (численность населения в тыс. чел. указана в скобках): Барнаул (74), Семипалатинск (57), Бийск (46), Алма-Ата (45), Фрунзе (36), Аулие-Ата (25), Чимкент (22) (там же, с. 44).

19. Принятый в апреле 1929 г. пятилетний план намечал, что к 1932—1933 г. почти все зерно и 70% леса, поставляемые в Среднюю Азию, должны были поступать из Сибири и Казахстана; продажи хлопкового волокна должны были возрасти до 525—610 тыс. т, тогда как импорт должен был упасть до 100—120 тыс. т, сделав тем самым СССР самообеспеченным по хлопку («Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 2, ч. I, с. 299; т. 3, с. 314—316).

20. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 586.

21. «Собрание узаконений», 1927, № 23, ст. 154; в это время, хотя и были некоторые разговоры о строительстве хлопкопрядильных и хлопкоткацких фабрик в Сибири, возможность развития фабричного производства хлопчатобумажного текстиля в климатических условиях Средней Азии воспринималась скептически («Туркестано-Сибирская Магистраль», с. 197).

22. Состоянию работ до 1926 г. обзор дан там же, с. 236—237.

23. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 74.

24. «Экономическая жизнь», 20 ноября 1926 г.

25. «Торгово-промышленная газета», 11 ноября 1926 г.

26. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 10.

27. «Торгово-промышленная газета», 11 ноября 1926 г.

28. Там же, 15 октября 1926 г.; «Экономическая жизнь», 23 октября 1926 г. В отношении Волховстроя см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 10.

29. См. выше, ч. 1, гл. 1 и 12; ч. 2, гл. 26.

30. См. выше, ч. 1, гл. 12; ч. 2, гл. 30.

31. «Торгово-промышленная газета», 7 октября 1926 г.
32. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1926—1927», № 1, ст. 1; «Торгово-промышленная газета», 8 октября 1926 г. Относительно комиссии см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 10. Несколькими неделями позже Троцкий «по его личной просьбе» был заменен М. Рухимовичем («Экономическая жизнь», 3 декабря 1926 г.).
33. «Торгово-промышленная газета», 15 октября 1926 г.
34. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 262.
35. Этот материал собран по сообщениям в «Торгово-промышленной газете» от 7 и 9 ноября 1926 г. В июле 1927 г. Главэлектро предложил выделить средства на Свирскую ГЭС из ассигнований Днепростроя; это предложение было отклонено (там же, 29 июля 1927 г.). Работа на Свири началась в октябре 1927 г. (там же, 20 октября 1927 г.) с выделением 5 млн. руб. на 1927/28 г. («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 142) и 13 млн. руб. на 1928/29 г. («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 464). Волго-Донской канал из поля зрения не исчез; в манифесте по поводу X годовщины Октябрьской революции (см. выше, ч. 1, гл. 2) указывались «Семиреченская железная дорога, Волго-Донской канал и другие гигантские сооружения»; и в декабре 1927 г. на президиуме Госплана Г. М. Кржижановский высказывался в пользу этого сооружения («Информационный бюллетень Госплана СССР», № 1—2, 1928, с. 10—13). В пятилетнем плане на его строительство было выделено 75 млн. руб. и намечалось закончить его во второй пятилетке («Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, с. 68); в действительности он был закончен в 1952 г.
36. «Торгово-промышленная газета», 9 ноября 1926 г.
37. Там же, 11 ноября 1926 г.
38. «III Сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII Созыва: Постановления». М., 1926, с. 256—258.
39. «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам», т. 1. М., 1967, с. 561.
40. «Торгово-промышленная газета», 5, 10 декабря 1926; «Правда», 5 декабря 1926 г.; «Туркестано-Сибирская Магистраль», с. 273.
41. «Собрание законов», 1927, № 3, ст. 37; см. также № 8, ст. 51 (датировано 3 февраля), № 9, ст. 90 (датировано 22 февраля).
42. Там же, № 10, ст. 98.
43. «Съезды Советов в документах», т. 3, с. 115.
44. «Правда», 12 июня 1927 г.
45. Там же, 2 сентября 1927 г.
46. «Торгово-промышленная газета», 9 ноября 1926 г.
47. «Большевик», № 3, 15 февраля 1926 г., с. 67—68. В 1929 г. отмечалось, что в долине реки Теннесси «огромнейшая станция, построенная инженером Купером, простаивает; вода громадной реки идет мимо нее, потому что она является государственной собственностью, и американские капиталисты не желают ею пользоваться» («Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 35); это пренебрежение продолжалось до создания Управления хозяйством долины реки Теннесси.
48. «Торгово-промышленная газета», 18 ноября 1926 г.
49. «Днепрострой», № 1, 1927, с. 84—85.
50. «Экономическая жизнь», 19 сентября 1928 г.
51. «Материалы по истории СССР», т. 7, с. 188.
52. «Торгово-промышленная газета», 4 июля 1928 г.
53. См., например, «Вестник финансов», № 2, 1927, с. 110—111; № 7, 1927, с. 54, и замечания Н. Осинского на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) (Архивы Троцкого, Т 1834; «Социалистический вестник» (Берлин), № 21, 14 ноября 1928 г., с. 15), подытоженные выше, на с. 314—315.
54. «Торгово-промышленная газета», 8 сентября 1927 г.; «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 464; согласно публикации «СССР: Год работы Правительства (материалы к отчету за 1928/29 г.)» (М., 1930, с. 136), к 1 октября 1928 г. по проекту была истрачена сумма 60,7 млн. руб., и еще 36,4 млн. руб. было израсходовано в 1928/29 г.

55. «Материалы по истории СССР», т. 7, с. 180.
56. «Протокол расширенного заседания Президиума ВСНХ СССР, 1928—1929», № 1, ст. 99, датирован 5 декабря; «Правда», 9 декабря 1928 г. Работа станции на полную генерирующую мощность происходила только в период высокой воды; в те периоды года, когда уровень воды низок, мощность снижалась до менее чем трети пикового значения.
57. *Аржанов и Михалевич*. Днепрострой к XVI съезду ВКП(б), с. 14—15.
58. Во время обсуждений в 1926 г. всерьез рассматривался вопрос о привлечении иностранного капитала или зарубежного подрядчика. В 1926 г. Г. Ф. Гринько предлагал участие иностранного капитала в строительстве («Плановое хозяйство», № 6, 1926, с. 182—183); еще в октябре 1926 г. В. Я. Чубарь полагал, что иностранный капитал мог бы помочь в сооружении Днепростроя или связанных с ним предприятий («Экономическая жизнь», 8 октября 1926 г.); совещание специалистов рекомендовало передать строительство в руки иностранных фирм (А. Хавин. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М., 1962, с. 69). Окончательное решение сводилось к тому, чтобы не делать по попыток привлечь иностранный капитал или передать работу зарубежному подрядчику, а использовать Купера в качестве советника, и было принято на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) («Сделаем Россию электрической». М., 1961, с. 53); дата неизвестна, но оно предположительно было проведено в начале ноября 1926 г. Делались попытки заинтересовать иностранные фирмы в сооружении сопряженных со станцией заводов («Торгово-промышленная газета», 9 ноября 1926 г.); однако в конце концов и эти попытки были прекращены.
59. Относительно этого письма см. выше. гл. 20, прим. 37.
60. Материалы по истории СССР, т. 7, с. 189—190.
61. «Опыт строительства гидроэлектрических станций СССР». Под ред. П. С. Осадчего, т. 1. М., 1930, с. 234, 250.
62. «Большая Советская Энциклопедия», 1-е изд., т. 22. М., 1935, с. 772—773; «Днепрострой», № 2—3, 1928, с. 86—89, 95; «Опыт строительства гидроэлектрических станций СССР», т. 1, с. 271—272, 294. Брошюра, одним из авторов которой был заместитель Винтера, описывала как «довольно опасную» и как «ура-патриотизм» склонность некоторых инженеров и техников заявлять, что от консультантов помощи не очень много (*Аржанов и Михалевич*. Днепрострой к XVI съезду ВКП(б), с. 27).
63. «Опыт строительства гидроэлектрических станций СССР», т. 1, с. 291—292.
64. См. выше, с. 411—412.
65. «Днепрострой», № 1, 1927, с. 47, 74—82.
66. «Торгово-промышленная газета», 22 июля 1927.
67. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 997, 1016—1017.
68. «Протокол расширенного заседания Президиума ВСНХ СССР, 1928—1929», № 1, ст. 99; относительно дальнейших аспектов этого постановления см. выше, с. 909; комиссия Долгова ранее рекомендовала не направлять электроэнергию Днепрогэса в Донбасс в связи со слишком высокими издержками ее передачи («Торгово-промышленная газета», 2 декабря 1927 г.).
69. Основные статьи, явившиеся материалами январско-февральской дискуссии 1929 г., были опубликованы в газете «Известия», 27, 29 января 1929 г., и газете «Экономическая жизнь», 2, 3, 24 февраля 1929 г. Материалы дискуссии, февральской конференции и решения Совнаркома обобщены в журнале «Днепрострой», № 3, 1929, с. 146—153.
70. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 175—176.
71. «Протокол заседания Президиума ВСНХ СССР, 1928—1929», № 17, Приложение, ст. 476.
72. В отношении прогресса, достигнутого по состоянию на 1934 г., см. «Большая Советская Энциклопедия», 1-е изд., т. 22. М., 1935, с. 722—726.
73. «Туркестано-Сибирская Магистраль», с. 237.
74. Там же, с. 241—243, 274 (постановление Совнаркома РСФСР от 27 октября 1927 г., постановление СТО от 28 октября 1927 г.).
75. Там же, с. 257. Относительно Шатова см. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 11.

76. «Туркестано-Сибирская Магистраль», с. 244.
 77. «Собрание узаконений», 1927, № 9, ст. 67; № 23, ст. 152 (постановления от 9 января, 23 февраля 1927 г.).
 78. «Собрание узаконений», 1927, № 23, ст. 154 (датировано 23 февраля 1927 г.); «Туркестано-Сибирская Магистраль», с. 282—283.
 79. Там же, с. 276—277, 304, 309.
 80. «Торгово-промышленная газета», 23 августа 1927 г.; «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 168.
 81. British-Russian Gazette and Trade Outlook, vol. 3, 1927, No. 10, p. 378, приводит цифру 140 млн. руб.; в «Торгово-промышленной газете» от 23 августа 1927 г. предполагается цифра 160 млн. руб.
 82. Там же, 16 сентября 1927 г.; эта цифра уже упоминалась там же, 23 августа 1927 г.
 83. «Туркестано-Сибирская Магистраль», с. 276 (постановления от 18 и 25 мая 1928 г.). Запланировано было выделить следующие ассигнования (в млн. руб.):

1928/29 хоз. г.	58
1929/30 хоз. г.	69
1930/31 хоз. г.	47,5

84. Там же, с. 21.
 85. Там же, с. 11, 244, 254.
 86. Там же, с. 20, 295—296; Б. Орлов. Развитие транспорта СССР 1917—1962. М., 1962, с. 107.

Приложение А. Производство зерна на рынок и хлебозаготовки

1. «Экономическая жизнь», 2 апреля 1927 г.
2. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 477.
3. «На аграрном фронте», № 9, 1926, с. 133.
4. «Социалистическое обозрение», № 9, 1927, с. 62—63.
5. Там же, № 12, 1929, с. 58—59.
6. «Статистический справочник СССР за 1928 год». М., 1929, с. 280.
7. И. В. Сталин. Соч., т. 11, с. 85; В. С. Немчинов. Сельскохозяйственная статистика. М., 1945, с. 58. Позднее один из советских авторов, пораженный резким расхождением между приведенной Госпланом — Немчиновым — Сталиным цифрой в 10 млн. т и 16,2 млн. т, даваемыми ЦСУ, и не разобравшись в различиях смысла, в котором употреблялся термин «производство для рынка», безапелляционно приписал более низкий показатель «влиянию определенных работников Госплана, культивировавших меньшевистско-буржуазные теории планирования» («История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». М., 1963, с. 258).
8. Относительно цифр Конъюнктурного института см. «Экономический бюллетень Конъюнктурного института», № 11—12, 1927, с. 4, 52; относительно цифр ЦСУ см. «Статистический справочник СССР за 1928 г.», с. 280; относительно цифр Немчинова — Сталина см. выше, с. 917, сноска 5.
9. «Экономическое обозрение», № 11, 1929, с. 132.
10. Относительно этих статистических данных см. табл. 7 приложения.

Приложение Б. Ленинский кооперативный план

1. См. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.
2. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 225, 227.
3. «Съезды Советов в документах», т. 1. М., 1959, с. 172—173.
4. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5; статьи см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 369—377.
5. Приведенное является интерпретацией Преображенского (Е. Преображенский. Новая экономика. М., 1926, с. 208—209).
6. Там же, с. 111; относительно дальнейших скептических высказываний Преображенского о производственных кооперативах см. выше, с. 147.
7. Н. И. Бухарин. Критика экономической платформы оппозиции. М., 1926, с. 17—19; относительно этой статьи см. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5; относительно подтверждения этого тезиса Рыковым см. там же, гл. 5.
8. «Съезды Советов в документах», т. 3. М., 1960, с. 87—88.
9. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5; относительно подтверждения этого тезиса Рыковым см. там же, гл. 5.
10. А. В. Чаянов. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925, с. 208—212; относительно Чаянова см. выше, ч. 1, гл. 1.
11. Н. И. Бухарин. Путь к социализму. М., 1925, с. 29—39.
12. См. выше, ч. 1, гл. 6.
13. «КПСС в резолюциях», т. 2, с. 352; Ларин в работе, опубликованной в 1927 г., также определял задачу «ленинского кооперативного плана» в широком смысле: «привлечь на ее [т. е. диктатуры пролетариата] сторону в качестве надежного союзника подавляющее большинство простых производителей товаров и найти приемлемые для них пути перестройки экономики в направлении приближения к социалистическому порядку» (Ю. Ларин. Частный капитал в СССР, 1927, с. 301).
14. L. Trotsky. The Real Situation in Russia (n. d. [1928]), p. 62, 71.
15. «КПСС в резолюциях», т. 2, с. 461—462, 468, 476.
16. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 2, ч. I, с. 287.
17. И. Ланидус и К. Островитянов. Политическая экономика. М., 1928, с. 395—399; набор этого раздела мелким шрифтом свидетельствует, что он был расширен или исправлен после того, как работа была первоначально набрана в типографии.
18. Относительно этой статьи см. выше, ч. 1, гл. 11.
19. «На аграрном фронте», № 5, 1929, с. 21—22.
20. И. В. Сталин. Соч., т. 12, с. 162—163.
21. «Большевик», № 11, 15 июня 1929 г., с. 27. В 1934 г. Н. Попов, партийный историк, написал монографию «Ленинский кооперативный план», которая прослеживала три этапа развития «плана»: до 1917 г., с 1917 по 1920 г. и после введения НЭПа; по всей видимости, публикация этой работы явилась кульминацией всего созданного мифа («Вопросы истории», № 3, 1961, с. 39; саму работу найти не удалось).

Приложение В. Переселение и освоение земель

1. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, замечание А.
2. В декабре 1929 г. И. В. Сталин отмечал, что в России никогда не было проблемы абсолютной нехватки земли; чего действительно неоставало, так это ресурсов для ее возделывания (И. В. Сталин. Соч., т. 12, с. 155).
3. «СССР: 4 Съезд Советов», с. 428—429; это было прелюдией к жалобам на то, что Украина не получает справедливой доли средств и возможностей для осуществления переселения.
4. См. выше, гл. 17.
5. Относительно этой речи см. выше, ч. 1, гл. 1.
6. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. 2, с. 874.

7. «КПСС в резолюциях», т. 2, с. 472—473; вопрос трактовался с использованием положений, аналогичных принятым в резолюции по пятилетнему плану (там же, т. 2, с. 460—461).

8. «Шестнадцатая конференция ВКП(б)», с. 103.

9. См. выше, ч. 1, гл. 16.

10. С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, т. 447; Струмилин также указывал, что крупномасштабная механизация мыслима лишь «бок о бок с поглощением кадров избыточного сельского населения» (там же, с. 438).

11. «Собрание узаконений», 1926, № 70, ст. 548 (по-видимому, это явилось первым официальным заявлением, предусматривавшим размещение переселенцев в качестве промышленных рабочих — в предвкушении индустриализации новых регионов на Востоке); «Экономическое обозрение», № 4, 1929, с. 115. Впоследствии «Север... полностью выпал» из первоначального плана в качестве района заселения (там же, № 3, 1929, с. 147), хотя Карело-Мурманский регион еще был включен в закон от 18 января 1928 г. (см. ниже, с. 341); согласно источнику, цитированному в работе *G. von Mende. Studien zur Kolonisation in der Sowjetunion*, 1933, р. 94, там к 1928 г. было расселено 1300 человек.

12. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 253—254.

13. «На аграрном фронте», № 11—12, 1926, с. 141.

14. Там же, № 4, 1927, с. 158—159.

15. «Социалистическое обозрение», № 12, 1928, с. 107, 109. Как исключение большинство из сравнительно небольшого числа переселившихся в Поволжье были середняки или довольно зажиточные крестьяне; с другой стороны, отправившиеся на Дальний Восток были бедняками, существовавшими на государственных дотациях («Экономическое обозрение», № 3, 1929, с. 148, 155, 160).

16. «Собрание узаконений», 1925, № 93, ст. 674; «Собрание узаконений», 1926, № 11, ст. 89; «Собрание законов», 1928, № 8, ст. 63.

17. «Социалистическое обозрение», № 5, 1930, с. 88.

18. Там же, № 12, 1928, с. 109.

19. См. выше, ч. 1, гл. 12.

20. «Пятнадцатый съезд ВКП (б)», т. 2, с. 937—941; решение от 4 октября 1927 г. было, видимо, основой для закона от 18 января 1928 г. (см. ниже).

21. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 118.

22. «Собрание законов», 1928, № 8, ст. 63.

23. Проект Турксиба вызвал в 1928 г. далеко зашедшую дискуссию о возможностях крупномасштабного возделывания зерна на целинных землях в Казахстане; такие планы предполагали массовое вселение лиц русской национальности и закрепление на месте кочевого местного населения («Экономическое обозрение», № 1, 1928, с. 31—43); критик проекта доказывал (там же, № 4, 1928, с. 98—106), что лишь в северной части Казахстана выпадает достаточное для возделывания зерна количество осадков и что этот район уже достаточно заселен; см. также *G. von Mende. Op. cit.*, р. 76—77. С другой стороны, закон РСФСР от 16 марта 1928 г. предписывал Наркомтруду и руководству Турксиба делать все возможное, чтобы препятствовать «самопроизвольному перетоку» рабочей силы из центральных районов в поисках работы на строительство Турксиба, что создавало бы конкуренцию местной рабочей силе («Туркестано-Сибирская Магистраль», с. 291—292).

24. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, замечание А.

25. Относительно источников этих цифр, которые, скорее всего, дают лишь грубое приближение к той сумме, которая в действительности была истрачена, см. *G. von Mende. Op. cit.*, р. 107.

26. Существовали подсчеты, что таким путем переселенцы получали возможность выручить в среднем 400—500 руб. за оставляемое ими имущество; безземельные переселенцы получали в среднем лишь 277 руб. («Статистическое обозрение», № 5, 1930, с. 90).

27. «Экономическое обозрение», № 3, 1929, с. 156.

28. «Правда», 6 мая 1928 г.; относительно этого съезда см. выше, с. 168.

29. «Беднота», 28 декабря 1928 г., 8 февраля 1929 г. Позже заявлялось, что в 1928/29 г. «принципы коллективизации уже начали проникать в миграционное

движение» («Статистическое обозрение», № 5, 1930, с. 84); однако было обнаружено слишком мало свидетельств достижений такого рода.

30. «Статистический справочник СССР за 1928 г.», с. 66—67; «Статистическое обозрение», № 5, 1930, с. 84—85. Нижеследующая таблица, взятая из тех же источников, дает цифры по трем республикам, из которых прибывали переселенцы (число переселенцев из других республик было ничтожным):

Годы	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
РСФСР	78 070	90 745	102 851	190 825
Украинская ССР	21 945	43 945	57 713	68 449
Белорусская ССР	19 871	26 895	3 741	61 067

31. «Год работы Правительства РСФСР 1926—27». М., 1927, с. 62; «Год работы Правительства РСФСР 1928—29». М., 1929, с. 182. Из двух официальных сообщений в прессе весной 1927 г. одно говорило, что среди всех переселенцев в Сибирь в это время «около половины» были внеплановыми, а другое отмечало, что из 2000 недавно проехавших через Новосибирск переселенцев 400 были внеплановыми («Известия», 27 апреля 1927 г.; «Экономическая жизнь», 8 марта 1927 г.); согласно «Экономическому обозрению», № 12, 1928, с. 107, лишь 31% переселенцев в 1925/26 и 1926/27 гг. пользовались преимущественными железнодорожными тарифами, предоставлявшимися «легальным», или «плановым», переселенцам; остальные 69% вынуждены были оказаться «нелегальными», или «самостоятельными», переселенцами; доля «самостоятельных» переселенцев на Дальний Восток была существенно ниже, чем в другие районы. В 1928 г. благодаря лучшей организации лишь треть всех переселенцев (хотя и половина прибывших из РСФСР) были самостоятельными и не получали помощи (там же, № 5, 1930, с. 87).

32. Нижеследующая таблица (в процентах) дает полную картину по районам вселения:

Годы	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Сибирь	55,2	35,8	41,9	62,9
Дальний Восток	10,3	28,4	29,3	11,8
Казахстан	7,9	6,7	4,6	7,2
Уральский район	5,1	14,0	9,9	10,6
Северный Кавказ	10,7	3,3	1,3	0,5
Поволжье	7,9	11,1	9,3	3,9
Прочие	2,9	0,7	0,7	3,1

(«Статистическое обозрение», № 5, 1930, с. 87).

33. *G. von Mende. Studien zur Kolonisation in der Sowetunion*, 1933, S. 94. Более низкие суммарные итоговые цифры по 1926—1928 гг. приведены в «Экономическом обозрении», № 3, 1929, с. 152; с другой стороны, очень высокая цифра для 1925 г. не подтверждается другими источниками.

34. «Собрание законов», 1929, № 14, ст. 115.

35. Там же, № 24, ст. 209.

36. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, с. 215; т. 2, с. 133.

37. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, замечание А.

38. «На аграрном фронте», № 5, 1928, с. 115—122.

39. *M. Fainsod. Smolensk under Soviet Rule*, p. 444.

40. «На аграрном фронте», № 3, 1929, с. 77—78.

41. Там же, № 3, 1929, с. 77; другая статья (там же, № 6—7, 1928, с. 58), ссылаясь, очевидно, на то же соглашение, приводит размеры площади в 100 тыс. десятин и число поселенцев — в количестве 15 тыс. чел.

42. Там же, № 3, 1929, с. 81.
43. Там же, № 3, 1928, с. 122.
44. «Советское строительство», № 5—6 (10—11), май-июнь 1977, с. 170.
45. «На аграрном фронте», № 3, 1929, с. 76—77.
46. «Советское строительство», № 1 (6), январь 1927 г., с. 138—139.
47. «Труды Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», т. 1. М., 1930, с. 139.
48. См. «Социализм в одной стране...», т. 1, замечание А.
49. «Собрание законов», 1928, № 21, ст. 188.
50. «На аграрном фронте», № 3, 1929, с. 84.
51. Там же, № 3, 1929, с. 85—86.
52. «Правда» от 28 мая 1932 г. приводит число 12 тыс. чел., «Известия» от 10 декабря 1932 г. — 9 тыс. чел.

Приложение Г. Промышленная статистика

1. Относительно этих определений см. «Фабрично-заводская промышленность СССР: основные показатели ее динамики за 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг.». М., 1929, с. 30.
2. Там же, с. 16, табл. 4.
3. См. табл. 12 приложения.
4. Даже обычно надежные «Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24—1928/29 гг.», опубликованные Госпланом, воспроизводили на с. 17—20 цифры, полученные из ВСНХ, о которых говорилось, как о «всей крупной промышленности», но они ниже, чем в стандартном ряду для отдельной «планируемой ВСНХ» промышленности.
5. «Фабрично-заводская промышленность СССР...», табл. 4 и 6. Весьма частыми были изменения определений различных отраслей промышленности (см., например, там же, с. 31); и эти классификации были несколько иными, чем использовано ВСНХ в публикации «Промышленность СССР в 1926/27 году» (М., 1928).
6. Относительно соотношения между группами «А» и «Б» и предложенными К. Марксом подразделениями I и II см. выше, с. 422.
7. «Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24—1928/29 гг.», с. XIII. Это традиционное деление на две группы иногда приводило к путанице. В июле 1926 г. официальные сотрудники ВСНХ объясняли Ф. Дзержинскому, что, хотя текущий план и предусматривает более высокий темп увеличения объема производства в отраслях группы «А» по сравнению с группой «Б», темпы роста производства для потребительского рынка и производства для удовлетворения нужд промышленности, транспорта и строительства были приблизительно равными, поскольку некоторые предприятия тяжелой промышленности фактически работали на потребителя (Ф. Э. Дзержинский. Избр. произв. М., 1957, т. 2, с. 351); и напротив, один из плановиков, работавший в промышленности, заявлял в феврале 1928 г., что пересчет промфинплана, в котором предусматривалось более быстрое развертывание отраслей группы «Б», продемонстрировал бы более или менее равные темпы прироста в отраслях производства потребительских товаров и средств производства («Торгово-промышленная газета», 17 февраля 1928 г.).
8. В контрольных цифрах Госплана на 1926/27 г. промышленное производство было классифицировано на группу «А» и группу «Б» с учетом каждой товарной группы по отдельности; начиная с 1927/28 г. Госплан пользовался более обычным методом помещения производства всей отрасли либо в группу «А», либо в группу «Б» («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», с. 55—56, примечание). Для смягчения недостатков последнего метода он был видоизменен разбиением некоторых отраслей между группами «А» и «Б» (см., например, «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», с. 444).

9. «Предприятие», № 10, 1927, с. 44—47.
10. См. жалобу в «Торгово-промышленной газете», 19 мая 1928 г.
11. Процедуры сбора промышленной статистики обсуждены в работе «Фабрично-заводская промышленность СССР...», с. 30—32. «Торгово-промышленная газета», 19 мая 1928 г.; «Очерки по истории статистики СССР», т. 1. М., 1955, с. 229; т. 4, М., 1961, с. 176—177; «История советской государственной статистики». М., 1960, с. 88.
12. ВСНХ был обязан представлять регулярную информацию Госплану согласно Постановлению СТО от 14 августа 1925 г. («Собрание законов», 1925, № 56, ст. 423; относительно других аспектов этого постановления см. выше, с. 825).
13. «Очерки по истории статистики СССР», т. 1, с. 229—230; см. также выше, с. 390.
14. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 год», с. 407.
15. «Очерки по истории статистики СССР», т. 1, с. 222—224.
16. Там же, с. 224—225, 227, 230; «Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1923/24—1928/29 гг.», с. XIII. Это был метод «оценки на уровне предприятия»; использовались также методы «оценки на уровне треста» и «отраслевой оценки».
17. «Очерки по истории статистики СССР», т. 1, с. 226—227.
18. «Торгово-промышленная газета», 19 мая 1928 г.
19. «Очерки по истории статистики СССР», т. 1, с. 225, 233.
20. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год», с. 444.
21. См., например, «Предприятие», № 7, 1927, с. 22—23.

Приложение Д. Профсоюзы и частное предприятие

1. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 35—36 (156—157), 6 сентября 1926, с. 1.
2. «Профессиональные союзы СССР, 1924—1926: Отчет к VII съезду», с. XI, 84—91; председатель Всеукраинского совета профессиональных союзов голословно утверждал, что на некоторых частных предприятиях действуют совместные производственные конференции, а члены профсоюзов участвуют в разделе прибылей предприятий («Стенографический отчет 3-го Всеукраинского съезда профсоюзов», с. 38).
3. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 37—38 (158—159), 20 сентября 1926 г., с. 4.
4. «Труд», 3 декабря 1926 г.
5. «Профессиональные союзы СССР: 1926—1928: Отчет к VIII съезду», с. 85.
6. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 13 (272), 14 мая 1929 г., с. 28.

Э. КАРР
ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

10

ОСНОВЫ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ
1926—1929

Том 1

Часть 2

Художник *Ю. Н. Егоров*
Технический редактор *Л. Н. Шупейко*
Корректор *М. А. Таги-заде*

Сдано в набор 03.05.1989 г.
Подписано в печать 25.11.1989 г.
Формат 60×90/16. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 30,5. Уч.-изд. л. 42,65.
Усл. кр.-оттиски 42,65.
Изд. № 24/44512. Заказ 3053.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по печати
119847, Зубовский бульвар, 17

